

**ЎЗБЕКИСТОН ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
САМАРҚАНД БЎЛИМИ
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ**

**ЎЗБЕКИСТОН
МОДДИЙ
МАДАНИЯТИ
ТАРИХИ**

35 - НАШРИ

Ш.Р. Пидаев умумий таҳрири остида

Тошкент
Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси
“Фан” нашриёти
2006

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
САМАРКАНДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 35

Под общей редакцией Ш.Р. Пидаева

Ташкент
Издательство «Фан»
Академии наук Республики Узбекистан
2006

ACADEMY OF SCIENCES OF UZBEKISTAN
BRANCH OF SAMARKAND
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

**THE HISTORY
OF MATERIAL
CULTURE
OF UZBEKISTAN**

35 EDITION

Edited by Sh.R. Pidaev

Tashkent
“Fan” Publishing House
Academy of Sciences Republic of Uzbekistan
2006

Печатается по решению Ученого совета Института археологии АН РУз

Редколлегия

Ш.Р. Пидаев (ответственный редактор)

А.А. Грицина, М.Х. Пардаев, Е.И. Баданова

Рецензенты:

Академик АН РУз Э.В. Ртвеладзе

Кандидат исторических наук С.Р. Баратов

ISBN 978-9943-09-084-2

История материальной культуры Узбекистана. Выпуск 35. Под общей редакцией Ш.Р. Пидаева. 2006. 340 с.

Ушбу тўпламда Ўзбекистон ва юртимизга чегарадош худудларга олиб борилган археологик тадқиқотларнинг энг янги натижалари ёритилган. Мақолалар мавзуси ва даврий санаси ибтидоий жамоа тузумидан то сўнгги ўрта асрларгача бўлган узок даврни қамраб олиб, Ўзбекистон халқларининг қадимги моддий-маданиятига тегишли барча жабҳалар – қадимги қароргоҳлар ва шаҳарлар топографияси, меъморчилиги, хунармандчилик ва хунармандчилик технологияси, санъат, нумизматика, антропология, ирригация муаммолари ҳамда, маълум тарихий даврнинг маънавий, мафкуравий ҳаёт масалалари очиб берилган.

Тўплам археологлар, тарихчилар, Олий ўқув юртлари тарих факультетлари талабалари ва Марказий Осиёнинг қадимги давр моддий-маданияти тарихига қизиқувчилар учун мўлжалланган.

В сборнике освещаются новейшие результаты археологических исследований, проведенных в Узбекистане и сопредельными с ней регионах. Хронологически охватывается широкий диапазон - от памятников эпохи палеолита до средневековья, планировка и топография поселений, история архитектуры, ремесло и ремесленная технология, нумизматика, искусство и ирригация, а также вопросы развития идеологических воззрений и результаты антропологических исследований.

Сборник предназначен для археологов, историков, студентов исторических факультетов ВУЗов, гидов-переводчиков, краеведов и всех интересующихся прошлым Центральной Азии.

© Издательство «ФАН» АН РУз, 2006 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемый тридцать пятый выпуск Истории материальной культуры Узбекистана является ежегодным научным изданием Института археологии АН РУз и содержит научные статьи и сообщения, посвященные новейшим результатам археологических исследований памятников различных периодов истории и культуры Узбекистана.

Сборник посвящен 80-летию широко известного специалиста по палеолиту Узбекистана и Центральной Азии, доктору исторических наук Мирвахиду Разыковичу Касымову, и включает в себя ряд публикаций по древнекаменному веку хорошо знавших его сподвижников, учеников, а также представителей нового поколения молодых ученых, только начинающих свою исследовательскую деятельность.

К этим публикациям можно отнести статью его младшего коллеги к.и.н. Н. Ташкенбаева, многое воспринявшего от своего наставника.

Следующая большая группа исследователей каменного века Средней Азии представлено во главе с академиком АН РУз У. Исламовым, кандидатами исторических наук Н.У. Холматовым Б.К. Сайфуллаевым, ведущими специалистами по первобытной культуре Центральной Азии и Дальнего Востока Сибирского отделения Института археологии РАН А.И. Кривошапкиным, К.И. Милотиным, И.С. Новиковым, а также нашими соискателями и аспирантами Н.О. Хушвактовым, А.Г. Мухамадиевым, И.Н. Курбанбаевым. Они подготовили обстоятельные исследования по новым верхнепалеолитическим стоянкам бассейна реки Пальтау и позднему палеолиту Узбекистана на материалах стоянки Кульбулак в Ташкентской области и памятнику Каратепа по Среднему Зарафшану в Самаркандской области.

Разработке спорных проблем металлургии сапаллинской культуры, бронзовых изделий из селения Гилон, химико-металлургической характеристике металла Бричмулинского клада, двух наручных браслетов из Сурхандарьинской области, а также новых данных о топорах-кельтах Северного Узбекистана посвящены работы исследователей нашего Института к.и.н. М. Хасанова, В.Д. Рузанова, А.А. Анарбаева и М.А. Реутовой и сотрудника Германского археологического института Кай Каниута.

К следующей эпохе раннего железа и эллинизму относится подробный трасологический и техникоморфологический разбор каменных орудий, полученных при раскопках Коктепа под Самаркандом. В результате классифицированы орудия труда, связанные с земледелием, обработкой металла, кожи, дерева, красок и камня, что впервые позволило сделать реконструкцию различных видов производственной деятельности жителей Самаркандского Согда.

К эллинистическому периоду относится статья К. Абдуллаева, в которой проводится анализ одного из элементов греко-македонского костюма – плаща, внедрившегося в одежду народов Средней Азии. Следующая совместная публикация французских и узбекских ученых К. Рапена, Э. Бо, Ф. Грене и Ш. Рахманова посвящена реконструкции походов Александра Македонского, уточнению отдельных эпизодов исторической географии, проблемам политических границ, древней картографии Железных ворот у Дербента.

В работах Л.М. Сверчкова и Ш.Т. Адылова разрабатываются вопросы истории изучения древних и средневековых выработок Узбекистана, и в частности истории горных промыслов и металлургии Бухары.

В статье Б.М. Абдуллаева освещаются основные аспекты и особенности античной фортификации Ферганы, а статья Ш.С. Камалиддина посвящена крепостным сооружениям средневекового Самарканда.

Результаты работ последних лет Узбекско-Итальянской экспедиции по составлению карты левобережья Зарафшана нашли отражение в публикации А.Э. Бердимуратова и Б. Ронделли.

Проблема погребальных обрядов в эпоху раннего средневековья Ферганы и Чача разрабатываются в публикациях Б. Матбабаева и Г. Богомолова.

В исследованиях Ш.Р. Пидаева, Л.С. Баратовой, А.Х. Атаходжаева, Г. Бабаярова и А. Кубатина рассматриваются нумизматические материалы из Термеза, Чача и в целом, Средней Азии в эпоху средневековья.

Самый большой раздел представляют в сборнике ИМКУ статьи, посвященные ремеслу: средневековой поливной керамике – в статьях С.Р. Ильясовой, А.Э. Бердимуратова, Д.К. Мирзаахмедова и У. Алимова; покровным тканям из погребения Амира Тимура в статье Е.И. Бадановой; ювелирному ремеслу Бухары в публикации М.И. Ниязовой.

Широко представлены в сборнике материалы по жилой и монументальной архитектуре поселений и

городских центров, а также другим артефактам эпохи античности и средневековья. Это статьи М.М. Мамбетуллаева по раннеантичному поселению Каятабад, А.А. Анарбаева по жилищам Ахсикента XI-XIII вв., Б.А. Байтанаева по раскопкам рабада средневекового Испиджаба (Казахстан), А.А. Раимкулова и Г. Хидировой по средневековому Насафу – Карши и А.А. Грицины по раскопкам караван-сарая Турткультепа.

Проблемам ирригации и водоснабжения в Джизакском оазисе посвящены статьи М.Х. Пардаева и С.С. Суюнова, а по югу Афрасиаба (Шахи-Зинда) Н.Б. Немцевой.

По результатам изучения антропологического состава населения древнего и средневекового Узбекистана подготовлены основательные работы Т.К. Ходжайова и А.В. Громова, а также Т.К. Ходжайова, С.И. Мустафакулова и Б.Х. Матбабаева.

Заключительные разделы сборника составляют некролог памяти известного в Узбекистане археолога и музейоведа, коллеги и товарища Комила Адиловича Алимова со списком основных научных работ, а также составленные Х.Т. Анарбаевой и З.А. Караевой алфавитный библиографический список публикаций Истории материальной культуры Узбекистана, дающей возможность нашим и зарубежным исследователям ознакомиться с широким кругом вопросов и проблем археологии, рассматривавшихся на протяжении более сорока лет по Узбекистану и сопредельным регионам Центральной Азии.

МИРВАХИД РАЗИКОВИЧ КАСЫМОВ (1926-1991)

Исполнилось 80 лет со дня рождения известного археолога, специалиста по древнекаменному веку, доктора исторических наук Мирвахид Разиковича Касымова.

М.Р. Касымов родился 31 декабря 1926 года в городе Ташкенте, в семье колхозника. Свою трудовую деятельность он начал в школе преподавателем, сразу же после окончания семилетки, которая по времени совпала со второй мировой войной. В 1949 году он поступил на историческое отделение восточного факультета Среднеазиатского государственного университета и успешно окончил его в 1954 году, после чего продолжал преподавать в школе Уртасарайского района Ташкентской области. В 1957 году начинается его активная трудовая деятельность в качестве лаборанта Махандарьинского отряда Института истории и археологии АН Узбекистана под руководством академика Я.Г. Гулямова. Как исследователь он быстро приобретает уважение своего наставника и всего коллектива, поступает в аспирантуру Института и командировается в г. Ленинград. Там М.Р. Касымов получает фунда-

ментальное образование у крупнейших специалистов в области археологии и истории каменного века таких, как А.П. Окладников, П.И. Борисковский, Н.Н. Гурина З.А. Абрамова, Л.Я. Крыжевская, А.Н. Рогачев, В.М. Массон, С.А. Семенов и др.

В 1962 году он успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему: "Среднеазиатские кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века", став по сути дела, первым известным специалистом - узбеком в области палеолита. Результаты изучения археологических памятников эпох палеолита, мезолита и неолита впервые позволили заполнить часть обширной хронологической лакуны в древнейшей истории Средней Азии. М.Р. Касымов участвует в ряде экспедиций Зарафшанской, Ферганской долин и Ташкентской области. С его именем связано открытие и изучение таких известных памятников как Учтут, Капчигай, Кульбулак и многих других. Именно он сделал первые шаги для исследования среднеазиатских мастерских эпох палеолита и неолита. Это дало ему возможность ставить и решать на археологических материалах вопросы поиска и добычи сырья, первичной обработки орудий, экономики, производственных и общественных отношений первобытных людей. Разработка этих проблем была важна, прежде всего, потому что кремнеобрабатывающие мастерские и шахты являются одним из главных элементов материальной культуры. Изучение остатков кремнеобрабатывающих мастерских имеет первостепенное значение и как исторический источник, освещающий общественную жизнь. Именно материалы по мастерским и шахтам являются наиболее ценными источниками изучения производственных и общественных отношений людей эпох палеолита и неолита.

Собранный материал по кремнеобрабатывающим мастерским Средней Азии, позволил М.Р. Касымову проследить основные этапы развития техники изготовления каменных орудий.

В 1967 году М.Р. Касымов становится заведующим сектором археологии Института истории и археологии АН Узбекистана. В этой должности он принимал активное участие в общественной жизни Института, показал себя способным и растущим научным сотрудником, упорно работающим над повышением своего научного и теоретического уровня. Он участвовал в работе различных экспедиций, опубликовал ряд статей по первобытной археологии Средней Азии. В это

же время выходит в свет его монография “Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии” (1972 год). Книга представляет собой первую сводку известных в Средней Азии кремнеобрабатывающих мастерских каменного века, на основе которой делается попытка разрешить наиболее общие вопросы: систематизация и классификация памятников, добыча сырья и техника первичной обработки камня, а в связи с этим и некоторые вопросы, относящиеся к экономике и общественным отношениям первобытных людей Средней Азии и Узбекистана, в частности.

С 1971 года он работает в должности старшего научного сотрудника Института археологии АН Узбекистана в г. Самарканде, плодотворно участвует в разработке тем “История первобытного общества” и “Палеолит Узбекистана”, является членом Ученого совета Института, принимает участие в полевых археологических работах на памятниках Ферганской, Бухарской и, особенно, Ташкентской областей. Под его руководством с 1963 по 1987 годы работает Ахангаранская комплексная экспедиция на эталонной не только для Узбекистана, но всей Центральной Азии многослойной палеолитической стоянке Кульбулак. Этот уникальный и прекрасный памятник стал школой для многих археологов Узбекистана и России.

М.Р. Касымов смог привлечь к исследованиям не только известных археологов, но и целый ряд других специалистов по четвертичной геологии, геоморфологии, палеогеографии, палеозоологии, литологии, палинологии и палеомагнитным явлениям. В результате на Кульбулаке за 20 полевых сезонов вскрыта площадь в 600 кв. м, причем ее центральная часть углублена на 19 м от дневной поверхности. В этой толще выявлено 49 культурных слоев, относящихся к ашельскому, мустьерскому и позднепалеолитическому времени, которые находятся в геологических отложениях от нижнего до верхнего плейстоцена.

В своей докторской диссертации “Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана” (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак), защищенной в 1990 году, М.Р. Касымов доказывает, что Средняя Азия и Южный Казахстан являлись зоной контактов между разно-культурными группами палеолитических людей: европейской приледнековой, среднеземноморской, ближне-средневожосточной и сибирско-монгольской. В эту эпоху на данной обширной территории наблюдались сходные природные условия, однако культурно-историческое развитие здесь имело свою специфику.

К этому времени в данном регионе был накоплен достаточно обширный археологический материал по палеолиту, который М.Р. Касымов скрупулезно проанализировал, проследив эволюцию материальной культуры, хозяйства, быта и духовной жизни древнейшего человека, жившего в территориально-обособленных районах Средней Азии и Южного Казахстана.

М.Р. Касымов активно участвовал в общественной жизни Института, пользовался заслуженным авторитетом среди сотрудников, систематически выступал с беседами и лекциями перед студентами, школьниками и рабочими. Он был большим знатоком древней истории и состояния изученности ее проблем в Средней Азии и Южном Казахстане, поэтому его приглашали разные учреждения, чтобы ознакомиться с новыми открытиями в этой области. Он был добродушным, инициативным и трудоспособным человеком. Долгое время на общественных началах возглавлял Ташкентскую археологическую базу.

Результаты научной деятельности Касымова М.Р. отражены в 6 монографиях и около 100 статей по различным вопросам первобытной археологии Средней Азии. Он являлся одним из обстоятельных авторов “Истории материальной культуры Узбекистана”. Им написаны I глава и первая часть II главы “Родовое общество” I тома “Истории Узбекской ССР”.

Мирвахид Разикович – участник многих региональных и международных научных конференций и симпозиумов, в частности, Международного симпозиума по вопросам стратиграфии и периодизации палеолита Восточной и Центральной Европы в гг. Москве и Владимире (1963, 1971 гг.), и 7-го Международного Конгресса исторических и протоисторических наук в г. Праге (1966 г.). Он был первым археологом Узбекистана, который ознакомился с археологическими материалами музеев Египта.

Параллельно с научной работой, М.Р. Касымов читал спецкурсы для студентов исторического факультета Ташкентского государственного пединститута им. Низами “Основы археологии”, “Историография археологии”. Им подготовлено несколько специалистов по первобытной археологии, которым он передавал свои знания, требуя глубокого изучения данной проблемы, обширного использования материалов для решения исследуемых вопросов.

Научное наследие Мирвахиды Разиковича Касымова служит примером для молодого поколения археологов и палеолитчиков Узбекистана, способствует изучению перспективных проблем каменного века.

СПИСОК
научных работ доктора исторических наук М.Р. Касимова

1960

Новое палеолитическое местонахождение близ селения Бурчмулла // ИАН УзССР, СОН, вып. 4. Ташкент, 1960. С. 51-52.

1961

Кремневая мастерская у кишлака Иджонт // ОНУ, № 8. Ташкент, 1961. С. 62-64.

Две первобытные мастерские в окрестностях с. Принцевки на р. Оскол // Научные работы и сообщения. Отд. общ. наук, кн. 2. Ташкент, 1961. С. 248-259.

Добыча и техника обработки кремня в каменоломнях-мастерских Средней Азии // Научные работы и сообщения. Отд. общ. наук, кн. 3. Ташкент, 1961. С. 196-224.

1962

Кизилкирская стоянка каменного века в окрестностях г. Бухары // ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1962. С. 19-27.

Функциональное определение каменных орудий с Кизилкирской неолитической стоянки. (Соавт. Г.Ф. Коробкова) // ОНУ, № 2. Ташкент, 1962. С. 62-66.

Кремнеобрабатывающие мастерские каменного века в Средней Азии: Автореф. дис. канд. ист. наук. Ленинград, 1962. 19 с.

1963

Кремневая мастерская у кишлака Учтут в районе горы Каратау Бухарской области // Научные работы и сообщения. СОН, кн. 6. Ташкент, 1963. С. 239-250.

1964

Капчигайская палеолитическая мастерская. (Соавт. А.П. Окладников, Т.П. Конопля) // ИМКУ, вып. 5. Ташкент, 1964. С. 5-11.

Новые данные о мастерских каменного века в районе Каратау // ИМКУ, вып. 5. Ташкент, 1964. С. 12-20.

1965

Новые данные о Каратауских кремнеобрабатывающих мастерских каменного века в Бухарской области // ИМКУ, вып. 6. Ташкент, 1965. С. 30-39.

1966

Новые исследования по палеолиту Ферганской долины в 1964 году // ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966. С. 28-35.

1967

Первобытнообщинный строй. Ч. I. Гл.1: Первобытное стадо // История Узбекской ССР. Т.1, Изд.3. Ташкент, 1967. С. 17-31. (Соавт. М.Э. Воронец, Я.Г. Гулямов).

Родовое общество. Гл.11. Верхний палеолит // История Узбекской ССР. Т.1, изд.3. Ташкент, 1967. С. 32-35. (Соавт. М.Э. Воронец, Я.Г. Гулямов).

Памятники каменного века в долине Ангрена // ОНУ, вып. 2. Ташкент, 1967. С. 57-58.

1968

Об итогах исследования памятников каменного века на территории Узбекистана в 1965-1967 гг. // ОНУ, вып. 3. Ташкент, 1968. С. 51-53.

Археологические работы в Узбекистане // АО-1967. Москва, 1968. С. 326-331.

Исследование многослойной палеолитической стоянки Кульбулак // АО-1968. Москва, 1969. С. 408-409.

Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак // ТД «Проблемы археологии Средней Азии». Ленинград, 1968. С. 49-50.

1969

К вопросу о классификации памятников каменного века. (Соавт. Л.Я. Крижевская) // СА, №1. Москва, 1969. С. 265-268.

Мастерские каменного века в долине Ангрена. (Соавт. О.М. Ростовцев) // ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969. С. 21-27.

Древнейшие шахты по добыче кремня в Узбекистане. Сб. докладов VII Международного конгресса историков и происториков 1966 год. Прага, 1969.

Исследование многослойной палеолитической стоянки Кульбулак // АО- 1968. Москва, 1969.

1971

Раскопки на палеолитической стоянке Кульбулак // АО-1970. Москва, 1971. С. 409.

1972

Результаты археологических работ в долине реки Сох в 1966-1967 гг. // ИМКУ, вып. 9. Ташкент, 1972. С. 16-20.

Культура и варианты палеолита Узбекистана // Каменный век Средней Азии и Казахстана. ТД. Ташкент, 1972. С. 34-37.

Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии // Ташкент, 1972, 160 с.

Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда // Успехи Среднеазиатской археологии. Вып. 1. Ленинград, 1972. С. 27-28.

Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак: Предварительные итоги исследований // МИА СССР, № 185. Москва, 1972. С. 111-119.

1973

Археологические памятники Ташкентской области. (Соавт. О.М. Ростовцев, Ю.Ф. Буряков). Ташкент, 1973. 88 с.

Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда в 1972 г. // ТД, посвящен. итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 268-271.

О результатах работ Ахангаранского палеолитического отряда: по данным раскопок 1971 г. // ИМКУ, вып. 10. Ташкент, 1973. С. 11-20.

1974

Новые местонахождения орудий каменного века в Ташкентском оазисе. (Соавт. Ю.Ф. Буряков) // ОНУ, №11. Ташкент, 1974. С. 60-62.

1975

Результаты работ палеолитического отряда // АО-1974. Москва, 1975. С. 500.

Ташкент областининг археологик ёдгорликлари. (Соавт. Ю.Ф. Буряков, О.М. Ростовцев). Ташкент, 1975. 219 б.

Проблемы терминологии и анализа археологических источников. ТД, Иркутск, 1975. С. 64.

Новые находки палеолитических орудий в окрестностях Янгиюля (Соавт. С. Менвапов) // ОНУ, №6-7. Ташкент, 1975. С. 92-94.

Об итогах археологических исследований многослойной палеолитической стоянки Кульбулак.

1976

Палеолитические памятники в верховьях бассейна Чирчика // Древности Чарвака. Ташкент, 1976. 88 с. (Соавт. Ю.Ф. Буряков и др.).

1977

Новые памятники в бассейне Ахангарана // АО-1976. Москва, 1977. С. 527-528. (Соавт. Дж. Кабиров, Т. Омонжулов).

Открытие новых памятников палеолита в бассейне Ахангарана // ОНУ, № 7. Ташкент, 1977. С. 50-52

1978

Местонахождения каменного века. Древности Туябугуза // Ташкент, 1978, разд. II. (Соавт. Ю.Ф. Буряков и др.).

Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда по данным раскопкам 1975 // ИМКУ, вып. 14. Ташкент, 1978. С. 6-12.

Уникальные находки эпохи палеолита // ОНУ, № 8. Ташкент, 1978. С. 47-48.

1979

Новые открытия палеолитических памятников в бассейне р. Ахангаран // ИМКУ, вып. 15. Ташкент, 1979. С. 7-10.

О новых данных по каменному веку Туябугуза // ИМКУ, вып. 15. Ташкент, 1979. С. 11-21. (Соавт. Х. Дуке, Т. Гречкина).

1980

К вопросу об археолого-геологическом возрасте многослойной палеолитической стоянке Кульбулак. (Соавт. Г.Ф. Тетюхин) // ИМКУ, вып. 16. Ташкент, 1980. С. 7-17.

1981

Работы Ахангаранского палеолитического отряда // АО-1980. М., 1981. С. 473-474.

1982

Археологическое изучение памятников эпохи камня в бассейне р. Ахангаран /Кульбулак/ Заключительный отчет. Тема 2. Самарканд, 1982.

О комплексном исследовании палеолитической стоянки Кульбулак (Соавт. М.Х. Годин) // ИМКУ, вып. 17. Ташкент, 1982. С. 3-10.

Памятники первобытной культуры Ташкента и его окрестностей. Памятники эпохи палеолита // У истоков древних культур Ташкента. Ташкент, 1982. 164 с. (Соавт. М.И. Филанович и др.).

Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак к востоку от Ташкента (Соавт. М.Х. Годин) // Сб. ТД, XI конгресса ИНКВА 1932-1982, т. III, М., 1982. С. 160-161.

1983

Multi-layered Paleolithic Kulbulak site, East of Tashkent Abstracts, XI Congress TNQUA. Vol.III Moscow, 1983. P. 118. (M. Godin).

Значение геолого-геоморфологической информации и тематического картографирования при исследованиях археологических памятников. (Соавт. Ю.Ф. Буряков, Г.Ф. Тетюхин). Ташкент, 1983.

Проблемы комплексного и тематического картографирования в Узбекистане // ТД. Ташкент, 1983. С. 105-107.

Работы Ахангаранского палеолитического отряда // АО-1982. М., 1984. С. 473-474.

Ахси ва Ахсикент. (Соавт. И. Ахроров) // Фан ва турмуш, № 12. Ташкент, 1983. С. 29-30.

Исследование палеолита в бассейне р. Ахангаран // АО – 1983. М., 1985. С. 532-533.

Исследования палеолитической стоянки Кульбулак // АО-1981, М., 1983. С. 457

1984

Стоянка каменного века “Келес”. (Соавт. К. Крахмаль) // ОНУ, вып. 1. Ташкент, 1984. С. 61-63.

Важнейшие результаты исследований многослойной палеолитической стоянки Кульбулак (по данным раскопок 1980-1982 гг.) (Соавт. М.Х. Годин) // ИМКУ, вып. 19. Ташкент, 1984. С. 3-18.

Важнейшие открытия в исследовании стоянки Кульбулак // АО-1984. М., 1985.

Узбекистан в эпоху нижнего палеолита. Ташкент, 1984.

Работы Ахангаранского палеолитического отряда. АО-1982. М., 1984. С. 473-474.

Четвертичные отложения Средней Азии. (Соавт. Абдуназаров, В.А. Ранов, Г.Ф. Тетюхин, А.Е. Додонов, С. Касымов) // Международный геологический конгресс, XXVII сессия СССР. Москва, 1984 г. Сводный путеводитель. Ташкент, 1984.

Находка палеолитического орудия в разрезе Аркутская в предгорной части Каржантауского хребта. (Соавт. Н.Г. Мавлянов) // Узбекский геологический журнал, вып. 3. Ташкент, 1984.

1985

Археологические памятники каменного века и эпохи бронзы Узбекистана. Атлас Узбекской ССР, часть II, (население, народное хозяйство, культура и история ГУК СССР). Москва-Ташкент, 1985.

К вопросу о комплексном исследовании многослойной палеолитической стоянки Кульбулак в Узбекистане // КСИА, вып. 181. Каменный век. М., 1985. С. 101-109. (Соавт. Г.Ф. Тетюхин и др.).

1988

Стратиграфия, литология и характеристика каменной индустрии многослойной стоянки Кульбулак. (Соавт. И.И. Коробков, М.Х. Годин) // ТД. Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии. Конференция, посвященная 50-летию открытия Тешик-Таша. Ташкент, 1988. С. 43-45.

1990

К вопросу о проблемах палеолита Средней Азии и Южного Казахстана // ОНУ, № 9. Ташкент, 1990. С. 34-36.

Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана. Автореф. дис. докт. ист. наук. Новосибирск, 1990. 68 с.

1992

Домустьерская культура на территории Узбекистана. Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. (Соавт. М.Х. Годин, Т.Н. Худайбердиев). Новосибирск, 1992.

1995

Кульбулак и его значение для первобытной археологии Центральной Азии. (Соавт. Т.Ю. Гречкина). Археологические вести. № 4, Санкт-Петербург, 1995. С. 7-24.

М. Хужаназаров, А. Грицина

Н. Тошкенбоев

ВАТАНИМИЗ ТОШ АСРИ АРХЕОЛОГИЯСИНИНГ НАМОЁНДАЛАРИДАН БИРИ ҲАҚИДА ХОТИРА

Кейинги йиллар халқимизда миллий руҳнинг, миллий мафқуранинг уйғониб бораётганлиги муносабати билан Ўзбекистоннинг қадимги тарихига қизиқиш кундан-кунга авж олмақда. Она диёримиз жаҳон цивилизациясининг энг қадимги ўчоғларидан бири эканлиги кўпчиликка маълум. Ўтмиш тарихимизнинг ҳаққоний манзарасини яратишда тарихий, жумладан археологик манбаларга таянилади.

Тошкент ва Зарафшон воҳаларининг ибтидоий даври ёдгорликлар тадқиқотлари асосида тўпланган археологик манбалар бу воҳаларнинг ибтидоий маданиятлари хусусиятлари, ибтидоий жамоалар, хўжалик асослари, маънавий – руҳий кечинмалари, маданий алоқадорликлари, шунингдек илк маданиятнинг келиб чиқиш илдилари масаласи каби долзарб муаммоларни ечишга имкон берад.

Тош асри археологиясини ўрганишда ва бу борадаги тадқиқотларни ривожланишида юртимиз археологларининг роли жуда каттадир. Ушбу археологлардан бири – ибтидоий жамоа даврининг етук мутахассиси, тарих фанлари доктори, таниқли археолог Мирвоҳид Розикович Қосимовдир. Ҳозирги пайтда бу киши ораимизда бўлганида 80 ёшга кирган бўларди.

Мирвоҳид ака ўз ҳаётини, илмий фаолиятини бутунлай археология фанига бағишлади ва тош асри тарихига доир кўплаб илмий асарлар - монографиялар, рисоалар, илмий мақолалар яратди.

Мен тош асри археологиясининг сирларини биринчи бўлиб Мирвоҳид акадан ўрганган, манн ва у киши билан 1962 йили дастлаб Ленинградда (ҳозирги Санкт-Петербург) Россия Фанлар академиясининг Археология институти филиалида танишган. Ман пайтларда Мирвоҳид ака илмий раҳбари проф. П.И. Борисковский раҳнамолигида номзодлик диссертацияси устида ишлаб юрган эди.

Мирвоҳид ака палеолит даври соҳаси бўйича шуғулланган биринчи ўзбек мутахассисидир. У киши билимдон, ўз ишига садоқатли, хушмуомила, кишиларга меҳрибон, беназир инсон эди.

Мен ўтган асрнинг 60-70 йилларда Мирвоҳид ака раҳбарлигидаги палеолит отряди таркибида кўплаб археологик қидирув ишларида, қазишмаларида иштирок этганман. Хусусан, Мирвоҳид Қосимов томонидан Зарафшон худудида жой-

лашган Учтут ва Ижонд тош конларида кўп йиллар қазишма ишлар олиб борганлар. Мирвоҳид ака бу манзилгоҳдан йиғилган ашель, мустье, юқори палеолит, ҳамда неолит даврига оид тош қуролларнинг хусусиятларини, илмий равишда ўрганди. Ушбу қазишмаларнинг натижалари унинг илмий мақолаларидан, монографиясидан жой олди (Касымов, 1972).

Мазкур манзилгоҳда Мирвоҳид ака отряди таркибида 1964-1965 йилларда ушбу сатрлар муаллифига ҳам ишлаш насиб қилган. Манзилгоҳ яқинида жойлашган тоғли худудлардан муаллиф томонидан Қоронғурсой ва Сармишсой тош қояларида кўп сюжетли расмлар топилди ва илк бор ўрганилди (Ташкенбаев, 1966. 36-39 бетлар.).

1965-1970 йилларда Тошкент воҳасининг Бўстонлик тумани худудларидаги Чирчиқ ва Оҳангарон дарёлари ҳавзаларида ҳам Мирвоҳид ака билан қидирув ишлари олиб борилди, кўплаб палеолит даврига оид тош қуроллар йиғилди (Буряков, Касымов, Ростовцев. 1973; Касымов, Буряков. 1974, 60-62-бетлар; Ташкенбаев. 1972, 11-15-бетлар), айниқса, Чорвоқ сув ҳавзасини қурилиши даврида бу ишлар авж олди.

Тадқиқот ишлари натижаларини Мирвоҳид ака бир қатор илмий асарларида, ҳамда муаллиф билан бирга Чорвоқ сув ҳавзасини қурилиши пайтларда топилган тош қуроллар тўғрисидаги маълумотлар унинг коллектив монографиясида акс эттирилган.

Мирвоҳид Қосимовнинг археология фани учун қилган улуғ хизматларидан бири - бу жаҳон миқёсидаги палеолит даврига хос йирик, кўп қатламли манзилгоҳ – Тошкент воҳаси Ангрэн ҳавзасида жойлашган Қўлбулоқда олиб борилган кўп йиллик илмий тадқиқотларидир.

Қўлбулоқ манзилгоҳида унинг раҳбарлигида 1963 йилдан то умрининг охиригача илмий тадқиқотлар олиб борилди, натижада 600 м². майдон қазиб очилди, 20 метрга яқин чуқурликда 49та маданий қатламлар ўрганилди. Шулардан 22таси ашель даврига, 22 қатлам мустье даврига ҳамда 3та қатлам юқори палеолитга оид маданий қатламлардан иборат эканлиги аниқланди. Ушбу манзилгоҳдан ўн минглаб тош қуроллар ҳамда ёввойи ҳайвонларнинг суяклари топилган.

Қўлбулоқ манзилгоҳини қазишма ишларида таниқли археологлар проф. П.И. Борисковский ва З.А. Абрамова 1971 йили қазишма жараёнида

қатнашиб, бу манзилгоҳнинг маданий қатламлари билан муфассал танишдилар. Ушбу маконни стратиграфиясига ва бу ерда олинган тош буюмларига юқори илмий баҳо бердилар.

Кўп қатламли Кўлбулоқ манзилгоҳи орқали Тошкент воҳаси ҳудудида ибтидоий одамлар кетма кет даврларда яшаб ўтганликлари исботланди. Мамлакатимизни инсоният шаклланган ва ривожланган энг қадимги маданият ўчоқлари қаторига олиб чиқди.

Мирвоҳид ака Қосимовнинг Кўлбулоқда ўтказган кўп йиллик илмий тадқиқотлари Ўзбекистоннинг палеолитшунослик фанини юқори даражада дунё илм-фанига танитди.

Зарафшон воҳаси ҳам Ўзбекистоннинг палеолит даври ёдгорликларига жуда бой маскандир. Воҳанинг палеолит даври тарихига оид тадқиқотларга Мирвоҳид ака Қосимов доимо қизиқиб келган ва имконият даражасида ўрганган.

Хусусан, 1970 йилда Самарқанд шаҳрида ЎЗР ФА Археология институти ташкил топганидан кейин Ўзбекистон ҳудудидаги мавжуд кўплаб палеолит манзилгоҳларини очиш ва ўрганишга кенг имкониятлар яратилди. Бу даврида, Ю.Ф. Буряков раҳбарлигидаги гуруҳ томонидан Зарафшон воҳаси Зиравулоқ тоғларининг яқинидаги Қўтирбулоқота тепалиги ёнидан палеолит даврига оид бир неча тош қуроллар топилди, ва Археология институтининг етакчи олимларидан, палеолитшунос Мирвоҳид Розикович Қосимов раҳбарлигида махсус палеолит отряди ташкил этилди.

Ушбу сатрлар муаллифи раҳбарлигидаги палеолит отряди Қўтирбулоқда, ҳамда унга 1 км яқинда жойлашган Зиравулоқ манзилгоҳида илмий тадқиқотлар олиб борди. Қўтирбулоқ мустъе

даврига оид манзилгоҳ бўлиб, унинг бешта маданий қатламлари яхши сақланган ва стратиграфияси яхши ўрганилган. Қўтирбулоққа таниқли археолог олимлар: петербурглик проф. П.И. Борисковский ва новосибирлик акад. А.П. Окладниковлар ташриф буюришди. М.Р. Қосимов эса кўп марта бу манзилгоҳда бўлиб, ўз маслаҳатларини бериб турарди.

Мирвоҳид ака Қўтирбулоқ материалларини Кўлбулоқ материаллари билан таққослаб, кўплаб янги илмий фикрларга келган, яъни Қўтирбулоқнинг тош қуроллари асосан, леваллуа-мустъе технологиясига яқин бўлса, Кўлбулоқни тош буюмлари эса зубчато-выемчатый (теяк) технологиясига тегишлидир.

Мирвоҳид ака сўнги палеолитга оид Самарқанд манзилгоҳи ва унинг тош қуроллари билан бир неча марта танишган. Мирвоҳид Розикович муаллифнинг фикрига қўшилиб, Зарафшон воҳасидаги Қўтирбулоқ (мустъе) ва Самарқанд манзилгоҳи (сўнги палеолит) Тошкент воҳасидаги Кўлбулоқ каби эталон ёдгорликлардир деган фикрни билдирган.

М.Р. Қосимов ҳам муаллиф каби Қўтирбулоқ ва Самарқанд манзилгоҳида тош индустриясининг ишлаб чиқаришида анъанавий-мерослик борлигига қўшилди.

Мирвоҳид Розикович Қосимов палеолит соҳасида жуда тажрибали мутахассис, ўз ижодий фаолияти туфайли Тошкент воҳаси ва мамлакатимизнинг бошқа ҳудудларида бажарган ишлари билан Ўзбекистон тош асри археологиясини яна ҳам юқори даражада кўтариб, ўзидан абадий ва сўнмас хотира қолдирди.

Адабиётлар

1. Буряков Ю.Ф. и др. Работы в Самаркандской области // «Археологические открытия». Москва, 1972.
2. Буряков Ю.Ф., Касымов М.Р., Ростовцев О.М. Археологические памятники Ташкентской области, Ташкент, 1973.
3. Древности Чарвака. Ташкент, 1976, 12-29 бет.
4. Касымов М.Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. МИА, 1972, №185, 111-119 бет.
5. Касымов М.Р. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972.
6. Касымов М.Р., Буряков Ю.Ф. Новые местонахождения каменного века в Ташкентском оазисе. ОНУ, 1974, №11.
7. Касымов М.Р. Памятники первобытной культуры Ташкента и его окрестностей. Памятники эпохи палеолита (У истоков древних культур), Ташкент, 1982, 25-72 бет.
8. Ташкенбаев Н.Х. Наскальные изображения Коронгурсыя и Сармыша // ИМКУ, вып.7 1966.
9. Ташкенбаев Н.Х. О некоторых проблемах палеолита (Кухисимская стоянка). ИМКУ, вып. 9, 1972.
10. Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОГЕНЕЗА УЗБЕКИСТАНА

В работе рассматриваются некоторые результаты исследований по истории формирования природной среды на территории Узбекистана в периоды раннего обживания прапредком человека этого уникального региона. Географическое расположение Узбекистана уникально. Его территория простирается от высокогорных вершин Тянь-Шаня на востоке до плато и низменных равнин с бессточными переуглубленными котловинами на западе. На востоке и юге она располагается в пределах орогена, а на севере и западе уходит далеко вглубь Туранской плиты. Вытянутая в субширотном направлении на полторы тысячи километров, территория охватывает всю гамму вертикальной зональности от горных ледников до пустынь включительно. Это обусловило значительное геоморфологическое и фациально-генетическое многообразие рельефа. Кроме того, в пределах каждого из отмеченных физико-географических районов имеются экстразональные участки: среди равнин встречаются территории с горным рельефом и наоборот, в горах межгорные впадины с равнинным рельефом.

Узбекистан относится к центрально-азиатской зоне, одной из наиболее сейсмоактивных областей. Зона характеризуется сложным геолого-тектоническим строением и высокой современной мобильностью земной коры. Территория испытывает деформирующее воздействие крупных блоков земной коры, консолидированных в разное геологическое время. На севере и западе расположены Центрально-Казахстанский щит и Туранская плита Крало-Сибирской эпигерцинской платформы, на востоке – Таримская и на юге – Индийская древние докембрийские платформы. Современная геодинамика обусловлена вертикальными и горизонтальными деформациями и сейсмическими разрывами пород земной коры. Геотектонические особенности Узбекистана определяют полициклическое, гетерогенное развитие четвертичных отложений и, соответственно, своеобразие форм рельефа.

Изучение культур каменного века Узбекистана, история их возникновения, определение отдельных хронологических этапов их развития тесным образом связаны с динамикой формирования осадочных отложений. Геотектоническая активизация, перестройка речных систем, оледенение горных вершин, эрозия и осадконакопле-

ние обусловили залегание остатков ранних человеческих культур в дислоцированных или глубоко погребенных отложениях. В результате образовавшихся сложных геолого-геоморфологических условий четвертичного периода в Узбекистане, всестороннее изучение истории каменного века требует проведения корректного хроностратиграфического расчленения и корреляции антропогенных отложений. Однако, несмотря на более чем столетнее изучение истории каменного века в Узбекистане, как и во всей Средней Азии не было разработано адекватной хронологической схемы четвертичного периода. Необходимо отметить, что в прошедшие периоды в изучении эпох палеолита в данном регионе отсутствовали общепринятые практические требования. За длительный период менялась и пересматривалась терминология, существовали разрозненные и противоречивые данные и разнообразные подходы к хронологическим определениям. Хронологические определения, в основном, проводились методом установления принадлежности памятника к культуре по линии выявления технико-типологических особенностей. Однако схема развития палеолитических культур, характеризующих смену эпох была разработана на материалах регионов, удаленных от Узбекистана.

Далее, хроностратиграфические определения и корреляция отложений, включающих культурные слои эпох каменного века по террасовым уровням со временем показали свою малоэффективность. Понятие о том, что чем терраса выше, тем древнее возраст породы, слагающих данный уровень, в геотектонически активном регионе оказалась ошибочной. На самом деле разрезы четвертичных отложений имеют иное хроностратиграфическое строение. И, соответственно, памятники эпох каменного века, отнесенные к отдельным уровням террас, так же получали ошибочную интерпретацию и не представляли возможности проводить корреляцию в условиях значительного геоморфологического и фациально-генетического многообразия рельефа республики.

В настоящее время в качестве хроностратиграфической основы в археологических исследованиях памятников каменного века Узбекистана применяется трехчленная схема четвертичного периода, разработанная Х.А. Тойчиевым (Палео-

магнитная стратиграфия континентальных четвертичных отложений Узбекистана. Автореф. дисс. докт. геолого-минерал. наук. Ташкент, 1996). Использование событий, позволяющих определить начало и конец этапов в развитии, является одним из главных принципов теоретической стратиграфии – принцип реальности и неповторимости стратиграфических подразделений приняты таксоны Межведомственного Стратиграфического Комитета – комплексы, серии, свиты и подсвиты. Это придает хроностратиграфическим определениям четвертичного периода высокую степень достоверности и точности, позволяет установить жесткую систему временных реперов.

Учитывая сложность развития тектонических процессов в регионе, весь четвертичный период рассматривается как единый Тяньшаньский орогенный комплекс. Внутри комплекса, на основании цикличности осадконакопления, выделены критические периоды импульсного (катастрофического) развития неотектонических событий, которые способствовали за определенное время формированию мощной (реперной) толщи осадочного материала. Отложения, образовавшиеся между этими периодами, выделены как серии. Внутри орогенного комплекса выделено три серии: 1) раннетяньшанская – Q_1 ; 2) позднетяньшанская – Q_2 ; 3) аральская – Q_3 . В сериях, на основании комплекса геолого-геофизических данных выделяются более дробные подразделения свиты. Временной объем четвертичной системы региона определен на основании палеомагнитных и геохронологических данных, путем сопоставления с магнитогеохронологической шкалой А. Кокса. Установлена продолжительность раннетяньшанской эпохи 1700000 лет, позднетяньшанской 690000 лет и аральской – 10-15000 лет. Продолжительность всей четвертичной системы определяется 2,43 млн. лет. Палеомагнитным критерием является рубеж перехода от эпохи обратной полярности к прямой.

Особенностью данного хроностратиграфического метода является также более дифференцированный синтез ряда геологических, геолого-геоморфологических, историко-археологических, палеоботанических, палеозоологических и ряда других данных. Это вполне логично, так как в предложенной хроностратиграфической схеме органически интегрируются представления о различных, но взаимосвязанных аспектах многогранного процесса развития геосферы земли на последнем этапе геологической истории в изучаемом регионе. Памятники каменного века, в свою очередь, представляют информацию по

истории освоения человеком природного пространства в определенных геотектонических зонах и на определенных этапах их развития – геогенераций. Осадочные отложения, включающие культуры каменного века рассматриваются как вполне закономерные геологические образования, имеющие свою историю, тесно связанную с движениями земной коры – с тектоникой Тяньшаньского орогена. Наиболее ранние и наиболее информативные в этом плане памятники палеолита открыты и изучаются в Ферганской долине. Они представлены пещерной многослойной раннепалеолитической стоянкой Сельунгур и памятниками, залегающими в четвертичных отложениях Сох, Чашма, группа ферганских памятников.

В последнее десятилетие результаты исследований этих памятников находятся в центре внимания исследователей проблем антропогенеза. Данный интерес объясняется тем, что длительное время следов обживания в эпоху раннего палеолита в центрально-азиатском регионе не фиксировалось. В этой связи результаты комплексных междисциплинарных исследований антропогенных отложений Сельунгура, который является первым стратифицированным памятником раннего палеолита в Центральной Азии, имеют принципиально важное значение.

В ранних публикациях по изучению стоянки Сельунгур пещерные антропогенные отложения имели условное и весьма приблизительное определение. Необходимость решения многих теоретических, палеогеографических, геохроностратиграфических проблем и корреляции отложений обусловили более детальное изучение антропогенных отложений.

В данных исследованиях стратиграфическое изучение антропогенных отложений в своей основе регионально. Его непосредственным исходным объектом являются однородные по вещественному составу геологические тела, формировавшиеся в пределах отдельного региона, основная задача заключается в определении естественных группировок простых геологических тел, отвечающих последовательным этапам их формирования. Как историко-археологические объекты, элементарные стратиграфические единицы отражают отдельные события – эпизоды. Каждая такая единица свидетельствует о том, что в данном месте к определенному моменту времени сложилась и на протяжении отдельного процесса или комплекса природных процессов сформировалась данная элементарная стратиграфическая единица, на фоне которой развивалась материальная культура.

Выделенные в пещерных отложениях элементарные стратиграфические единицы являются

также исходной базой, историко-археологического исследования палеоэкологических условий в периоды формирования отдельного слоя. В определенной последовательности эти данные объединяются в комплексы более общего регионального значения, принадлежащие одному этапу их формирования, соответствующему периоду геологического развития. Было определено, что процесс формирования антропогенных отложений пещерной стоянки Сельунгур происходил в сложных тектонических, геофизических, геоморфологических, гидрогеологических и климатических условиях раннечетвертичного периода Тянь-шаньского орогена. Формирование отложений происходило на фоне активных тектонических движений, характеризующихся восходящими непрерывно-прерывистыми поднятиями, что зафиксировано в периодических камнепадах. Следовательно, полость пещеры развивалась, подчиняясь основному плану тектонической структуры положительного знака.

Геологические и палеоэкологические факторы обусловили пространство и время появления древних гоминид. В основном этот процесс связан с тектогенезом, рельефообразованием с климатическими изменениями, осадконакоплением и, следовательно, с эволюционным изменением растительности и животного мира.

Одним из методов реконструкции окружающей природной среды прошлого является палеоботаническое изучение типов растительности – биоты, соответствующей ранним этапам антропогенеза. Необходимо отметить, что подобную информацию можно получить только из той части биоты, которая сохранилась от экзогенных и эндогенных преобразований и законсервировалась при определенных условиях. Наиболее благоприятные сочетания подобных явлений отмечается в пещерных отложениях Ферганы, представляющих объект наших исследований.

В процессе археологических исследований из толщи антропогенных отложений пещеры Сельунгур были отобраны образцы для проведения споро-пыльцевого анализа и выяснения характера растительности. Палинологические исследования проводились в Институте ботаники АН РУз (Холмухамедова, 1986; Крахмаль, Халмухамедова, Воложенинов, 1996), а также в Институте географии РАН (Величко, Кременицкий, Ударцев, Маркова, 1988). При реконструкции палеоэкологической обстановки учитывались типы и темпы вертикального движения горного обрамления района исследований, так как данные процессы влияют на биологические особенности растительного покрова. В основу наших исследований так же положен метод качествен-

ного географического моделирования горного флорогенеза. Палинологические данные пещерных отложений Сельунгура свидетельствуют, что со времени накопления нижних горизонтов происходили изменения в растительном покрове. Обнаружена пыльца древесной растительности.

Данные, полученные в результате палинологических исследований дополняют представления о природных изменениях, связанных с этапами Тянь-шаньского орогена; формирование горных барьеров, перестройка барических полей и циркуляции тропосферы, аридизации гор с последующим формированием новых типов растительности, региональной дифференциации ландшафта.

Изучение палеоботанического материала, составляющего компонент окружавших ранних обитателей природной среды, показало, в свою очередь, что изменение растительного покрова не могло не отразиться на видовом составе фауны. Палеозоологическое изучение костных остатков ископаемой фауны, открытых в отложениях пещерной стоянки Сельунгур составляют следующий компонент в исследовании палеоэкологической обстановки (Крахмаль, Воложенинов, 1988; Воложенинов, Крахмаль, 1989). Из культурных отложений было собрано более 5500 костных фрагментов, принадлежащих к ряду вымерших видов в раннем плейстоцене.

При изучении каменной индустрии Сельунгура первоочередной задачей является фиксация ее существенных признаков, дающих историческую информацию. В целом для всей индустрии характерна крайняя архаичность и примитивизм производства каменных орудий. Это проявляется как в выборе исходной породы, предназначенной для расщепления, так и в самих приемах обработки. Обычно в большинстве нуклеусы (которые названы сугубо условно) средних и мелких размеров, вероятно, использовались в качестве массивных скобящих орудий. В одних случаях это грубые орудия типа рабо, в других случаях они имеют вогнутое лезвие типа анкоша, кроме того, лезвие могло оформляться глубокими сколами в виде крупных зубцов, чаще всего образуя на конце заостренный шип.

Для индустрии Сельунгура характерно то, что большая часть сколов оставалась без вторичной обработки. В основном это атипичные грубые отщепы укороченных пропорций, которые характеризуются примитивностью изготовления, имеют гладкие, изредка двугранные или естественные галечные ударные площадки, большие ударные бугорки. Широко используется намеренное фрагментирование или рассечение как сколов, так и самих ядрищ.

Наиболее полно представлена сама изначальная форма утилизации камня, восходящая к олдувайской культуре раскалывание галек с целью получения отщепов без какой-либо предварительной подготовки исходного сырья, в результате чего многие отщепы имеют естественную спинку, ударную площадку, которая обычно в виде дуги продолжается по краю отщепа. Обычно используемые статистические показатели, восходящие к методике Ф. Борда здесь отсутствуют.

Типология орудий Сельунгура также отличается крайней аморфностью, в качестве которых могли использоваться чопперы и чоппинги на гальках или плитчатых кусках породы. Орудия на отщепах в основном не подразделяются на различные типы. В принципе, это все отщепы или расколотые гальки с очень грубой ретушью или отеской по краям. Ретушь часто двусторонняя или чередующая, прерывистая. По местоположению и характеру вторичной обработки орудий в индустрии Сельунгура трудно говорить о типах, как серии устоявшихся форм. Можно условно выделить грубые скребла или ретушированные отщепы, которые подразделены на два варианта: крупные размером более 7 см и мелкие – менее 7 см.

Крупные скребла изготовлены на толстых отщепах, сохраняют по краю и на спинке естественную поверхность гальки. Орудие, изготовленное из плотной эффузивной породы, выемчатое лезвие которого оформлено рядом крупными нанесенными сколами по форме напоминает массивные скребла верхнего уровня обживания Олдувая (Гу Куе).

Мелкие скребла изготовлены на коротких атипичных отщепах. Характерно, что в подавляющем большинстве скребла имеют лезвия, оформленные грубой ретушью лишь по одному краю.

Таким образом, археологические материалы, несмотря на свою фрагментарность, позволяют произвести историко-культурные определения. Провести условный рубеж между значительными эпохами раннего палеолита и, на основании технико-типологических определений сделать вывод: 1) индустрия Сельунгура сформировалась раньше ашельской культуры; 2) каменный инвентарь Сельунгура имеет некоторые аналогии с памятниками Олдувая.

В наших исследованиях проблема происхождения человека и становление его как вида является ключевой и решается на конкретном материале, полученном в результате археологических раскопок. Костные останки архантропов представлены фрагментами плечевой кости, височ-

ной части черепа и зубами, которые изучались А.А. Зубовым, В.М. Харитоновым, В.П. Алексеевым. Зубы, обнаруженные в пещере Сельунгур, отличаются довольно хорошей сохранностью, была установлена их принадлежность разным индивидуумам и их можно подразделить на три группы: I – два крупных верхних резца с сильно стертymi коронками и длинными корнями, вероятно принадлежат одному индивидууму, предположительно мужчине в возрасте 35-40 лет; II – небольшой верхний резец с коротким корнем, повидимому, женский, возраст около 40 лет; III – три нижних премоляра, принадлежащих, вероятно, третьему (?). Анализ морфологии премоляров позволяет определить таксономическое положение рассматриваемых находок с другими ископаемыми гоминидами. Зубы из Сельунгура имеют сильно выраженную моляризацию премоляров, которая объясняется сохранением крайне архаичной структуры.

Одна из находок в отложениях Сельунгура – нижняя половина диафиза и нижний эпифиз плечевой кости ископаемого человека. По признаку остоявшего срастания блока с диафизом приблизительно определяется возраст около 10 лет. Возраст индивидуума из Сельунгура соизмерим с тешикташским. При этом кость из Сельунгура более архаична, она характеризуется эллипсоидной формой сечения в районе дельтовидной шероховатости. Сравнение рентгенограмм находок из Сельунгура и Тешикташа, проведенное О.М. Павловским, показывает отношение индекса минимальной толщины костномозгового канала к диаметру диафиза; он равен у человека из Тешикташа – 28%, у синантропа – 22%, у сельунгурского гоминида – 15%. Таким образом, последний более архаичен (Исламов, Зубов, Харитонов, 1988).

Методы исследований археологических памятников Узбекистана постоянно совершенствуются, соответственно, расширяются и усложняются их задачи. В результате проведенного комплекса исследований получено представление о палеоэкологической ситуации, ландшафтных особенностях в древнейшие периоды каменного века. Определены этапы тектонического развития региона, отнесенные к раннечетвертичному периоду Тяньшаньского орогена. Изучены особенности осадконакопления, на основании геохимических, литологических, стратиграфических, фациальных и ряда других определений пещерные антропогенные отложения расчленены на 30 обособленных слоев, 13 из них содержат культурные горизонты, период их формирования отнесен к более 1 млн. лет. Под руководством академика Б.С. Юлдашева проведены определения абсолютной хронологии.

В Отделе анализа и информации, заведующий сектором ядерной геохимии Ш. Хатамов и аналитики Н.С. Осинская и Т.П. Рахманова определили возраст формирования второго культурного горизонта в 1500000 лет. Датировка проводилась калий-аргоновым методом.

Таким образом, в результате проведенного комплекса исследований были определены ранние этапы обживания Центральной Азии. По мере накопления нового материала могут и должны появиться дополнения к сложившемуся пред-

ставлению. Но уже в настоящее время есть аргументированные основания сделать вывод, что на территории данного региона происходил процесс становления человека, возникновения и формирования древнейшей материальной культуры.

Проведенные исследования дают основания приступить к разработке основных контуров культурно-географических карт территорий, на которых зарождались основные очаги древнейших материальных культур.

Литература:

1. Халмухамедова Р.А. Палеонтологические исследования пещерных отложений древней палеолитической стоянки Сельунгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии. Ташкент, 1988.
2. Крахмаль К.А., Халмухамедов Р.А. Палеогеографическое изучение Хайдарканской долины к истокам древнего каменного века Средней Азии. Ташкент, 1996.
3. Крахмаль К.А., Воложенинов А.А. К изучению экологии древне-палеолитической стоянки Сельунгур // Проблемы взаимной связи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент, 1988.
4. Величко, Кремленецкий, Ударцев, Макарова. Палеоэкология ангельской стоянки Сельунгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент, 1988.
5. Воложенинов А.А., Крахмаль К.А. Алайский териокомплекс в плейстоцене. Узбекский биологический журнал, 1989, № 4.
6. Туйчиев Х.А. Палеомагнитная стратиграфия континентальных четвертичных отложений Узбекистана. Автореф. дисс. докт. Геолого-минерал. Наук. Ташкент, 1996.

А.И. Кривошапкин, К.И. Милютин, И.С. Новиков,
У.И. Исламов, А.Г. Мухаммадиев

НОВЫЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ПАЛЬТАУ (РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН)

Введение

В августе 2005 года участниками Среднеазиатского палеолитического отряда было проведено разведочное обследование в окрестностях стоянки Оби-Рахмат в среднем течении р. Пальтау (правый приток р. Чаткал, Ташкентская область, Республика Узбекистан). В результате исследования в 10 км выше устья реки на правом ее берегу на субгоризонтальной площадке второй высокой террасы, находящейся на высоте около 30 м над уровнем реки и ограниченной с двух сторон рекой и ее левым притоком, в дорожной выемке было обнаружено два пункта с подъемным археологическим материалом. Пункты, удаленные друг от друга на 140 м, получили название по господствующей в бассейне реки горной вершине - Додекатым, с цифровым обозначением 1 и 2 соответственно (рис. 1). В местах концентрации подъемного материала были заложены разведочные раскопы, в обоих случаях расположенные на склоне террасы, обращенной к левому притоку реки. Площадь разведочного раскопа на памятнике Додекатым 1 составила 9 кв.м, а на Додекаты-

ме 2-6 кв.м.

Геолого-геоморфологические условия и стратиграфия рыхлых отложений стоянок Додекатым 1 и 2.

Стоянки расположены в среднем течении реки Пальтау в районе одноименного населенного пункта. В этом месте долина реки расширена и в ней сформированы II и III террасы, расчлененные водотоками на несколько фрагментов. Поверхности террас в отдельных местах искусственно выложены в различное время для посадок плодовых деревьев и кормовых трав. Наиболее крупный фрагмент второй и третьей террас находятся в средней части долины, раскопы расположены в его левой (южной) бровке, на второй террасе. Фрагмент II террасы при длине 1 км имеет уклон 100 м вниз по долине.

Стоянка Додекатым 1 (41,58° с.ш., 70,17° в.д.; абсолютная высота 1495 м) расположена выше по долине в борту II террасы (от верхней части раскопа до бровки 10 м). В этом месте сохранился фрагмент площадки (шириной 50-70 м) промежуточной между II террасой и дном долины.

Рис. 1. Месторасположение памятников Додекатым 1 и 2

Бровка этой полу - террасы выполнена грядой крупного окатанного валунника, поднятой над отшнурованной ею поверхностью полу - террасы на 1-3 м. Вероятно, это боковой вал селевого выноса по руслу древнего водотока, отшнуровавший разрушающуюся II тер-расу. Исходя из этого, можно предположить более молодой возраст этой площадки, промежуточный между временем образования II и I террас. Общая мощность отложений в раскопе чуть превышает 3 м. Верхние 90 см к разрезу не относятся и образованы при набивании тропы (верхние 40-50 см) и оползании по склону (около 40 см) почвенных суглинков с включением обломков светло-серых гранитов (размерами до 3-5 см). Ниже расположены стратифицированные серо-бурые почвенные суглинки (50 см) с зёрнами кварца, подстилаемые пятисантиметровым слоем дресвяника с суглинком. Ниже дресвяника расположена пачка бурого суглинка с дресвой, включениями обломков светло-серых среднекристаллических гранитов (Кв+Пш+Амф+Би) и сильно выветренных диоритов (Амф+Кпш+Кв). Обломки светло-серых гранитов до 15 см в поперечнике, неокатанные, но со скругленными краями. Эта пачка имеет нижнюю границу с падением около 35° на запад, занимая всю левую (западную) часть раскопа, а в крайней правой части имеет мощность около 15-20 см. В правой части раскопа и внизу левой части прослеживаются желтоватые линзы ожелезненного рыхлого материала. Культуросодержащий слой был обнаружен в суглинистых отложениях, подстилающих эту пачку. В правой части раскопа (пройденной раскопом на большую глубину) ниже культуросодержащего горизонта выделяются еще 4 пачки отложений. Верхняя представлена серыми суглинками с дресвой, среднеокатанными валунами светло - серых гранитов (3 штуки - 15-30 см в поперечнике, один - чуть более метра). Ниже залегает пачка светло-серых суглинков с редкими зернами кварца и обломками гранитов и известняков размером до 3-5 см. Далее следует пачка серых буроватых суглинков с редкими выветренными валунами светло-серых гранитов (до 10-15 см), вокруг которых развита кайма ожелезнения. Встречаются линзы и пятна бурых суглинков. В самом низу раскопа вскрыта пачка буроватых суглинков с большим количеством дресвы и мелких обломков гранитов и известняков. Для всего разреза характерен наклон всех слоев вниз по склону (на юг) под углом около 35° за счет склонового оползания.

Стоянка Додекатым 2 (41,57° с.ш., 70,16° в.д.; абсолютная высота 1494 м) расположена в 140 м к западу от стоянки Додекатым 1, в бровке вто-

рой террасы. Общая мощность рыхлых отложений, пройденных раскопом, превышает 3 м. Верхние 130 см отложений представлены серо-буроватым суглинком (на глубине 115 см расположен бурый прослой, вероятно с окисленным органическим материалом, мощностью 2 см). Ниже выделяется около 70 см буровато-желтого суглинка. Далее следуют около 80 см плотных бурых глин с обломками гранитов, под которыми прослой суглинка с 8-ми метровым культурным слоем. Ниже выделена пачка желтоватых суглинков с дресвой, обломками и выветренными валунами светло-серых гранитов (мощность пачки - 60 см). Под этой пачкой вскрыты почвенные серо-бурые суглинки на глубину более 20 см. Учитывая нормальную стратификацию (горизонтальное залегание всех слоев) в разрезе Додекатым 2, можно предположить, что вскрытый на глубине более 3 м почвенный суглинок относится ко времени существенной палеогеографической перестройки. То есть, можно надеяться на обнаружение под ним более древних культурных слоев. Обнажающийся ниже по борту этого фрагмента II террасы крупный валунник можно рассматривать и как базальный горизонт террасы, и как остаток селевого выноса, бронирующий этот участок террасы от размыва.

Археологический материал

Додекатым 1. Коллекция артефактов, обнаруженных на поверхности до начала разведочных работ, насчитывает 13 экз., среди которых скребок с ретушью по периметру на кремневом отщепе, концевой скребок на халцедоновом отщепе, небольшая пластинка и проксимальный фрагмент пластины, выполненные из кремнистого известняка, отщепы из кремнистого известняка (6 экз.), отщеп из кремня и первичные отщепы из гальки кремнистых пород (2 экз.). Все артефакты, обнаруженные при раскопках, относятся к одному культуросодержащему горизонту, сильно поврежденному склоновыми процессами. В то же время следует отметить, что на одном из участков раскопа обнаружены в непосредственной близости нуклеус из гальки и снятые с него 2 первичных отщепы, собирающиеся в единый блок, что говорит о возможности обнаружения на данном местонахождении инситуальных комплексов, представляющих собой рабочие площадки по обработке камня. Коллекция каменных изделий стоянки насчитывает 43 каменных артефакта, среди которых орудия (3 экз.), нуклеусы (3 экз.), фрагменты пластин (2 экз.) и отщепы (35 экз.).

Выделенные нуклеусы относятся к стратегии одноплощадочного параллельного снятия отщепов, пластинчатых отщепов и пластинок небольшого размера. Сырьем для оформления ядрищ

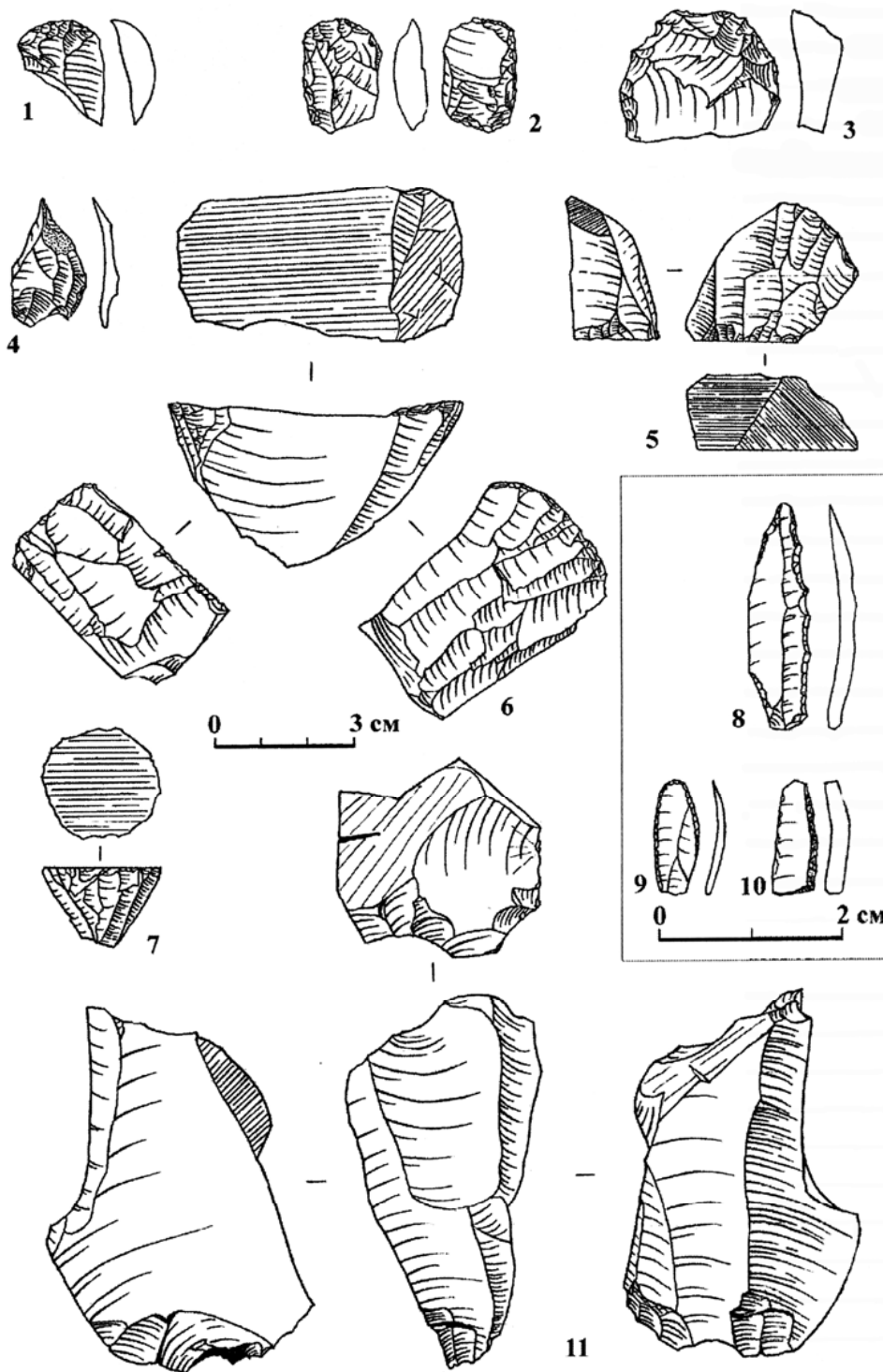

Рис. 2. Стоянка Додекатим 2. Каменные артефакты.

1,3 - скребки; 2 - изделие с подтеской; 4 - проколка; 5, 6, 7, 11 - нуклеусы; 8, 9, 10 - орудия на микропластинах. (1-4, 7, 9, 10 - слой 5; 6 - слой 1; 8 - слой 4; 5, 11 - слой 4)

послужили гальки кремнистых пород (2 экз.) плитка окремненного известняка. Орудийный набор включает в себя концевой скребок на фрагменте пластины и два халцедоновых отщепов с ретушью.

Додекатим 2. Коллекция артефактов, обнару-

женных на поверхности до начала разведочных работ, насчитывает 146 экз., включающая в себя как орудия (7 экз.), нуклеусы (7 экз.), так и заготовки, и отходы производства. Исходным сырьем для производства артефактов послужили кремнистый известняк, кремний и халцедон. При прове-

Таблица 1. Стоянка Додекатым 2. Типы нуклеусов

ТИП НУКЛЕУСА	слои						ВСЕГО
	1	2	5	6	7	8	
Нуклеусы параллельного принципа расщепления для производства пластин и отщепов							
Одноплощадочный монофронтальный	1						1
Одноплощадочный пирамидальный	1						1
Одноплощадочный подпризматический	2	1	3			1	7
Торцовый						1	1
Двуплощадочный бифронтальный			2		1		3
Многоплощадочный многофронтальный		2	5				7
Нуклевидные обломки			3	2			5
Нуклеусы параллельного принципа расщепления для производства пластинок и микропластин							
Одноплощадочные монофронтальные	2						2
Торцовые	4		1		1		6
Конические		1	1				2
Подпризматический						1	1
Двуплощадочный монофронтальный со встречным скалыванием						1	1
Многоплощадочный бифронтальный	1						1
ИТОГО	11	4	15	2	2	4	38

Таблица 2. Стоянка Додекатым 2. Типы орудий.

ТИП ОРУДИЯ	слои						ВСЕГО
	1	2	3	4	5	6	
Скребок	3			2	10	1	16
Орудие с подтеской				2	2		4
Проколка					2		2
Пластина с ретушированной выемкой на торце					2		2
Резец	2	1		1			4
Острие на микропластине	2			1	1	1	5
микропластина с краевой ретушью		1		2	1	4	8
тронкированная микропластина с притуплённой спинкой			1		1		2
микропластина с притуплённым краем					5		5
Пластина с ретушью	4	4	1	1	3		13
Отщеп с ретушью	1		1	3	4	3	12
ИТОГО	12	6	3	12	31	9	73

дении раскопочных работ на стоянке было выделено 8 культуросодержащих горизонта, из которых была получена коллекция каменных артефактов, насчитывающая более 3 тыс. экз. Все выделенные культуросодержащие слои залегают субгоризонтально по всей площади раскопа, повторяя небольшой наклон дневной поверхности вниз по течению реки. Наиболее богаты артефактами слои 1 и 5. Кроме каменных артефактов, данные слои содержат большое количество обломков костей и зубов животных (иногда обожженных) и скопления мелких угольков. Из этих слоев были отобраны пробы на проведение радиоуглеродного анализа. Каменную индустрию слоев 1-8 местонахождения Додекатым II можно предварительно охарактеризовать как единый технокомплекс, так как все слои содержат сход-

ные типы нуклеусов и орудий. Все нуклеусы (38 экз.; таблица 1) можно отнести к параллельной стратегии расщепления.

По типу снимаемых заготовок нуклеусы можно разделить на небольшие ядрища для пластинок и микропластин (рис. 2, 5, 6, 7), более массивные нуклеусы для отщепов и нуклеусы для пластин (рис. 1, 11). Нуклеусы в подавляющем большинстве изготовлены из кремнистого известняка. Лишь три нуклеуса для микропластин изготовлены из халцедона и один нуклеус из эффузивной породы. Среди категорий орудийного набора (73 экз.; рис. 2, 1-4, 8-10) преобладают скребки различных типов, отщепы и пластины с ретушью, ретушированные микропластины, микропластины с притупленным краем, орудия с подтеской и боковые резцы (таблица 2).

Заключение

Исходя из технико-типологических характеристик каменного инвентаря местонахождений Додекатым 1 и 2, можно отнести их к развитой поре позднего палеолита, что подтверждается и полученными первичными определениями абсолютного возраста стоянки Додекатым 2 (21-23 тыс. л.н.). Данный период относится к наименее изученным в древнейшей истории региона, что обусловлено малочисленностью известных памятников и отсутствием детальных описаний и публикаций даже известных коллекций. Результаты предварительного анализа открытых в 2005 году памятников Додекатым 1 и 2 позволяют отнести их к культурной традиции, выделенной на Самаркандской стоянке. Определенные аналогии (в типах специфичных концевых скребков с выделен-

ным шипом) можно провести и с верхними слоями стоянки Кульбулак. Тем не менее, даже для этих наиболее интенсивно исследовавшихся памятников неясными, вплоть до настоящего времени, остаются вопросы, связанные с абсолютной хронологией формирования и существования технокомплексов, их генезисом и дальнейшим развитием. В связи с этим, обнаружение двух новых многослойных объектов, обладающих хорошей стратиграфией, значительной насыщенностью каменными изделиями и содержащих органический материал, приемлемый для проведения определений абсолютного возраста, имеет огромное значение для прояснения картины формирования и развития верхнепалеолитических индустрий изучаемого региона.

Н.У. Холматов

ҚОРАТЕПА ТОШ ДАВРИ ЖАМОАЛАРИ МОДДИЙ МАДАНИЯТИ (ЎРТА ЗАРАФШОН ВОҲАСИ)

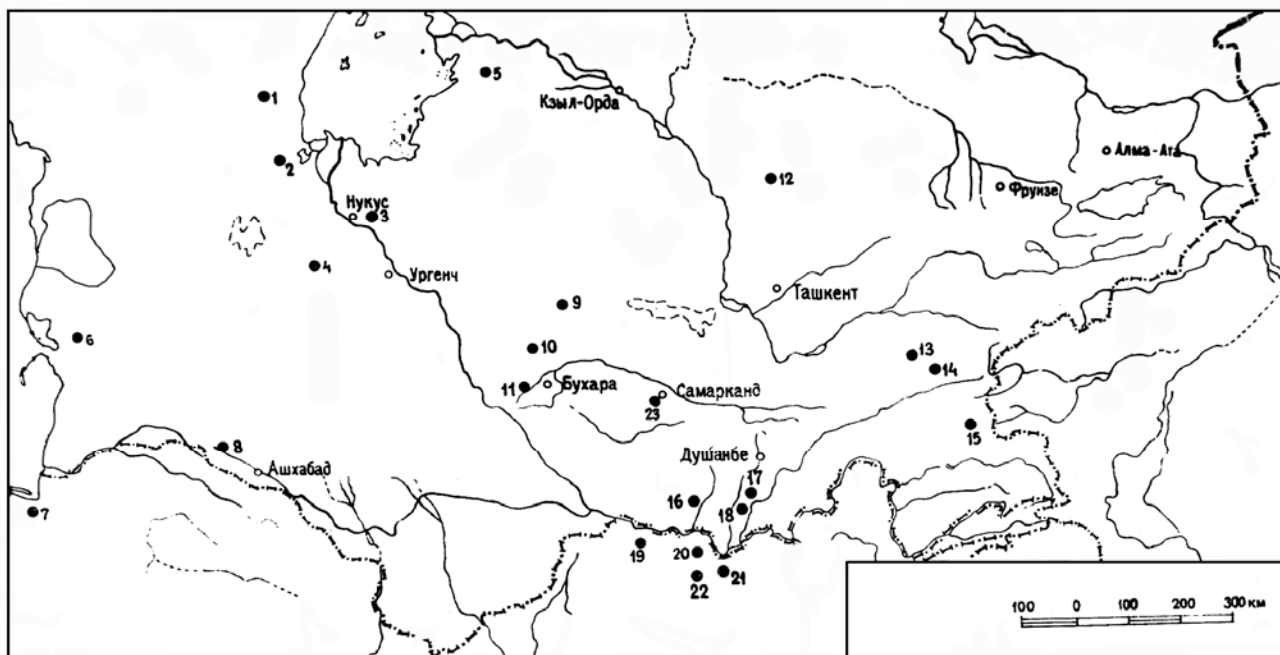
Ватанимиз худуди кишилиқ тарихи ибтидоий даври жамоалари моддий маданияти тадқиқотида сўнги йиллар мобайнида Самарқанд Давлат университети археология экспедицияси томонидан Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағрида амалга оширилаётган изланишлар натижалари муҳим аҳамият касб этмоқда. Бу тадқиқотлар мазкур минтақада Сазоғон неолит маданияти маконлари урганилиш ишлари давом этаётганлиги ҳамда ушбу изланишлар билан бир қаторда йирик сойлар ён дараларида амалга оширилган дала археологик қидирув ишлари натижасида нафақат неолит, балки, мезолит ва ҳатто, палеолит маконларининг кашф этилаётганлиги билан изоҳланади. Таъкидлаш жоизки, бир минтақада тош даври тараққиёти турли босқичларига оид жамоалар маконларининг ёнма-ён бўлган ҳолатда топилиши жуда муҳим илмий аҳамият касб этиб, ўз навбатида бу хусусият ушбу худуд ибтидоий жамоалари моддий маданиятларининг келиб чиқиши илдизларини ойдинлаштиришда таянч омил ҳисобланади. Аниқроғи, бу масала ибтидоий давр жамоалари моддий маданияти тадқиқотида энг долзарб масала ҳисобланиб, том маънода мазкур маданиятлар маҳаллий маданиятлар негизидан ворисийлик асосида шаклланишини билдиради. Бу эса шубҳасиз, мазкур минтақани тош даври ибтидоий жамоалари моддий маданиятини ўрганиш борасида нақадар истиқболли эканлигини белгилайди. Шу нуқтаи назардан келиб чиқиб, биз ўз мақоламизда даставвал Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағрида шу кунгача маълум бўлган тош даври ибтидоий жамоалар маконлари тадқиқотларининг қисқача баённи келтиришни шунингдек, мазкур жамоалар яратган моддий маданиятларининг ўзига хос хусусиятлари ва уларни келиб чиқиши илдизлари масалаларини, хусусан, жамоаларнинг ўзига хос хронологик жиҳатдан тенгдош жамоалар билан ўзаро қўни-қўшничилик маданий алоқадорликлари ҳамда бу жамоалар хўжалиқ асослари каби масалаларни имконият даражасида ёритишни мақсад қилиб олдик.

Маълумки, Зарафшон воҳаси ватанимизнинг кўхна маданият марказларидан бири ҳисобланади. Воҳа ўз мазмун, моҳияти хусусиятларига кўра Юқори Зарафшон, Ўрта Зарафшон (Самарқанд пасткамлиги) ва бир неча қадимий ўзанлардан

дан иборат бўлган Қуйи Зарафшон каби таркибий қисмлардан иборат. Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағри Ўрта Зарафшон воҳаси билан боғлиқ бўлиб, воҳа билан параллел ҳолатда тахминан 50 км чамаси масофада ғарб томон қўзилган худуд ҳисобланади. Тадқиқ этилган ва тадқиқоти давом этаётган ҳамда археологик дала қидирув ишлари натижасида янги кашф этилаётган ибтидоий маконлар жойланиш ҳолатлари шу тоғ ёнбағридан ўз сувларини воҳа томон оқизиб чиқувчи йирик сойлар (Оҳалиқ, Миронкул, Тепакул, Эгрикул, Сазоғон, Катта ва Кичик Қуруксой, Оксой каби) ён қайирлари ва улар ён даралари билан боғлиқ. Бу маконлар фаолияти билан боғлиқ бўлган мазкур жойлар денгиз сатҳидан 800-1000 м чамаси юқорида жойлашган.

Зарафшон воҳаси ибтидоий жамоалар моддий маданиятини ўрганишда тош даври жамоалари моддий маданияти тадқиқоти натижаларининг ҳам ўзига хос ўрни бор. Хусусан, воҳа палеолит даври жамоалари маданиятининг тадқиқотида Д.Н. Лев, М.Ж. Журакулов, Н.Х. Тошкенбоев, Р.Х. Сулаймонов, Б. Сайфуллаев каби тадқиқотчи олимлар изланишлари муҳим бўлди (Лев, 1967; Джуракулов, 1987; 1992; Тошкенбаев, Сулайманов, 1980; Хужаназаров, Сайфуллаев, 2001; Сайфуллаев, 2002). Зарафшон дарёси қадимий ўзанларидан бири бўлган Чорбақти воҳасининг кашф этилиши ва бу воҳадан туркум мезолит, неолит маконларининг топилиши ва уларни тадқиқоти натижалари воҳа мазкур жамоалари моддий маданиятини ёритишда муҳим аҳамият касб этди (Холматов, 2000). Тош асри сўнги, яқунловчи босқичи бўлган неолит даври воҳа жамоалари турмуш тарзини билишимизда, шубҳасиз, Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағрида тадқиқот этилган Сазоғон маданияти аҳамиятли ҳисобланиб, бу маданиятга оид маконлар тадқиқоти ҳозирги кунда ҳам давом этмоқда (Джуракулов, Холматов, 1991; Холматов, 2003) (1-расм).

Шу боисдан таъкидлаш жоизки, ҳақиқатдан ҳам Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағри тош даври жамоалари маконлари Самарқанд Давлат университети археологик экспедициясининг сўнги йиллар мобайнида мунтазам равишда амалга оширган тадқиқотларининг объекти бўлиб ҳисобланади. Мазкур минтақада тош даври жамоалари моддий маданиятини

1 – расм. Ўрта Осиё неолит даври ёдгорликлари. 23 – Сазоғон маданияти

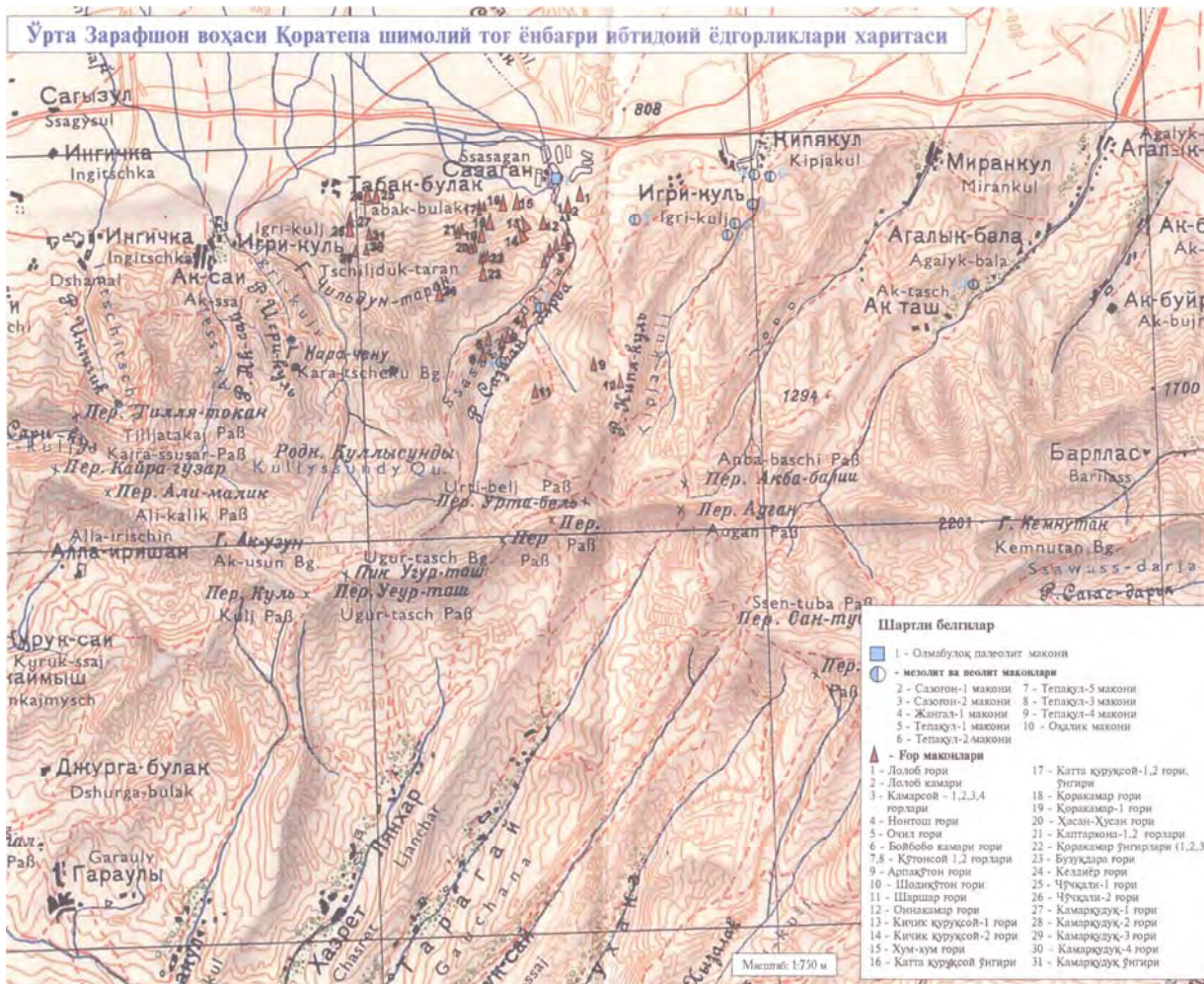
яхлит, тўлиқ тасаввур этиш учун биз тадқиқот этилган ва тадқиқоти давом этаётган маконларни тош даври босқичлари тараққиёт кетма-кетлиги бўйича баён этишни мақсадга мувофиқ деб билдик (2-расм).

Палеолит. Олмабулоқ палеолит макони. Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағридан воҳа томон ўз сувини оқизиб чикувчи йирик сойлардан бири бўлган Сазоғонсой ён қайирида жойлашган (Нуробод тумани, Сазоғон қишлоғи марказидаги Олмабулоқ чашмаси ёнида). Олмабулоқ макони Самарқанд Давлат университети археологик экспедицияси ходимлари томонидан 2000 йили кашф этилиб, 2001 йилда ҳам тадқиқоти давом эттирилган ёдгорлик ҳисобланади. Макон тадқиқоти жараёнида қизиқарли археологик манбалар тўплашга, шунингдек, макон стратиграфик ҳолати, маданий қатлами хусусиятлари борасида ҳам қимматли маълумотлар қўлга киритишга эришилган. Хусусан, тош буюмлар коллекцияси леваллуа-мустье технологик услуби асосида ишлов берилган тош ўзаклари, қирғичлар, кертув усули билан ишлов берилган архаик кўринишдаги парақалар, пичоқсимон қуроқлар, учбурчаксимон пайкон қуроли, қайроқтош қуроқлари бўлақлари ҳамда ишлаб чиқариш чиқиндиларидан иборат. Бу меҳнат воситалари турмушда бажарган ўз функцияси, ясашиш шакли, ишлов берилиши услублари жиҳатидан Қўтирбулоқ, Зирабулоқ, Омонқўтон каби палеолит маконлари тош қуроқларига яқин. Энг қизиғи баъзи тош қуроқларда Самарқанд сўнги

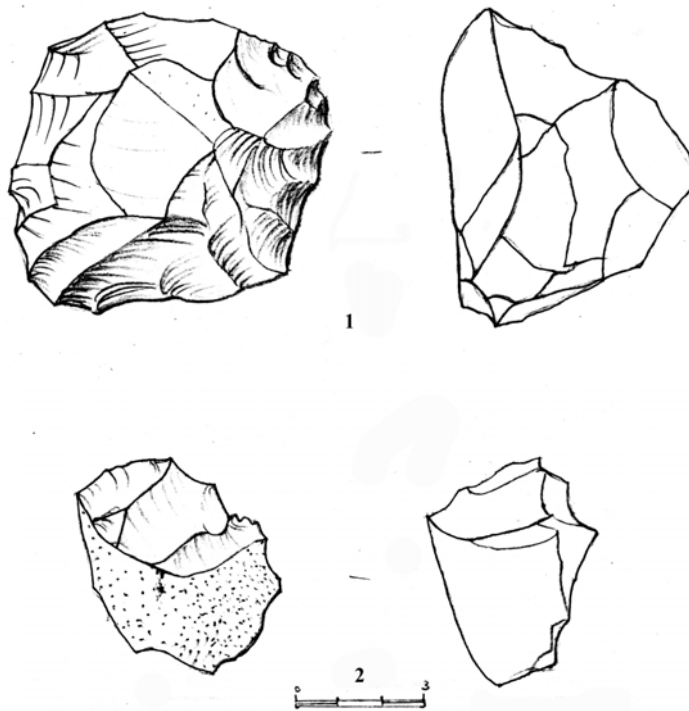
палеолит макони тош қуроқларига хос технологик услуб ва хусусиятлар ҳам сақланиб қолинганлиги ҳолатларини кузатиш мумкин (Джурақулов, Холматов, 2002) (3-расм). Булар Олмабулоқ ўрта палеолит жамоалари моддий маданиятининг ўзига хос қирраларини белгилувчи омиллар ҳисобланади.

Мезолит. Чорбакти мезолит маконлари. Зарафшон воҳаси мезолит даври жамоалари моддий маданияти яқин йилларга қадар деярли номаълум бўлиб келган эди. Ўтган асрнинг 80-йиллари иккинчи ярмида Россия ФА этнография институтининг Хоразм археологик экспедицияси (А.В. Виноградов), ТошДУ география факультети (Э.Д. Мамедов), СамДУ археологик экспедицияси (М.Ж. Джурақулов) илмий ходимлари ҳамкорликда Зарафшон дарёсининг шу вақтгача фанда номаълум бўлган Чорбакти воҳасини топишга ва ундан олтмишдан ортиқ мезолит, неолит маконларини кашф этишга эришганлар (Виноградов, Мамедов, 1986).

Чорбакти мезолит маконлари (Чорбакти 11, 23, 27, 41) тадқиқоти мазкур жамоалар моддий маданиятининг маҳаллий Калтаминор жамоалари маданиятларидан кескин фарқи борлигини кўрсатди. Тош қуроқлари типологик таҳлили мазкур маконлар тош индустрияси отшепли-парақали индустрия эканлиги, ўз хусусиятлари билан Ўрта Осиё тоғ, тоғ ёнбағри минтақаси сўнги палеолит, мезолит жамоалари маданиятига яқин бўлганлигидек хулоса чиқариш имконини берди (Холматов, 2000) (ўзак-симон қирғичлар, отшепдан

2 – расм. Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағри тош даври ёдгорликлари

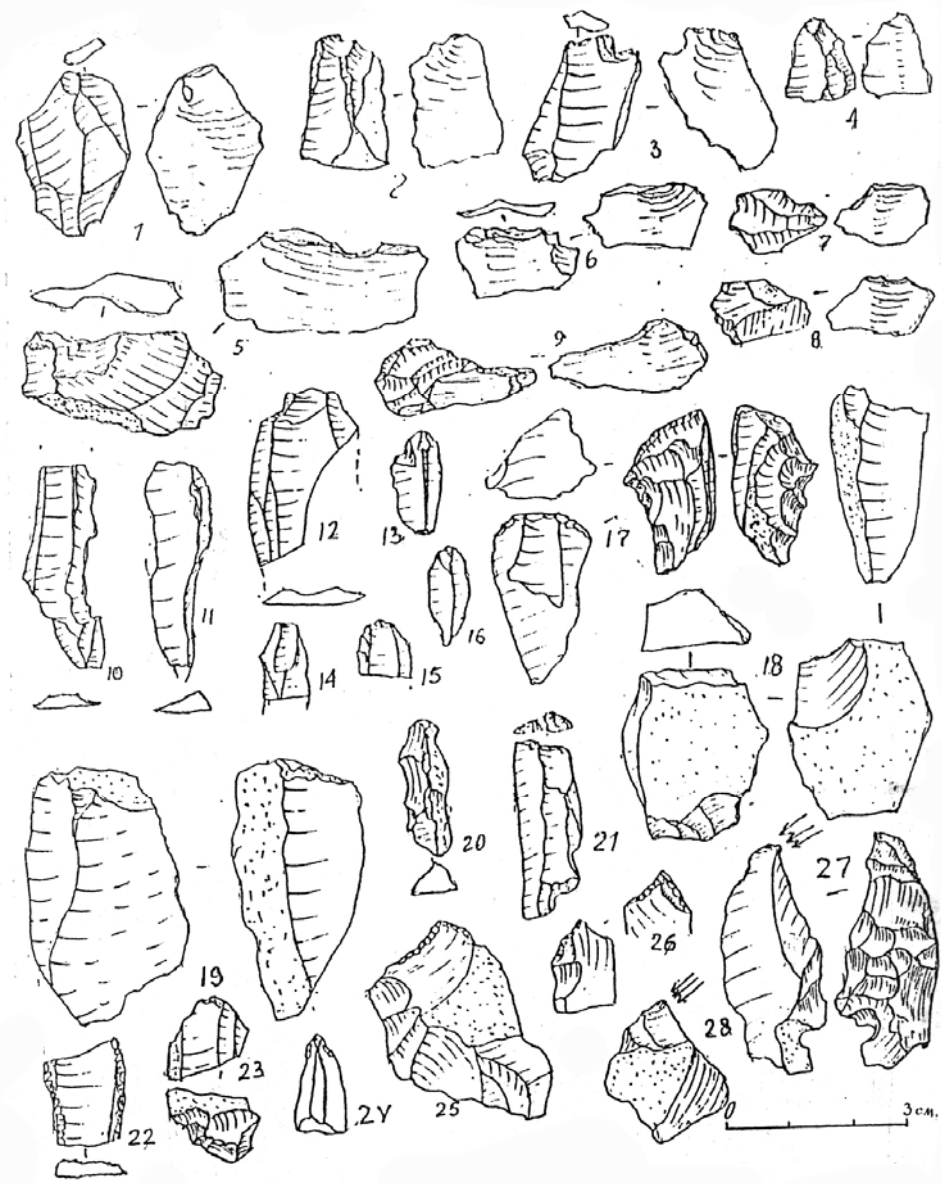

3 – расм. Олмабулоқ палеолит макони

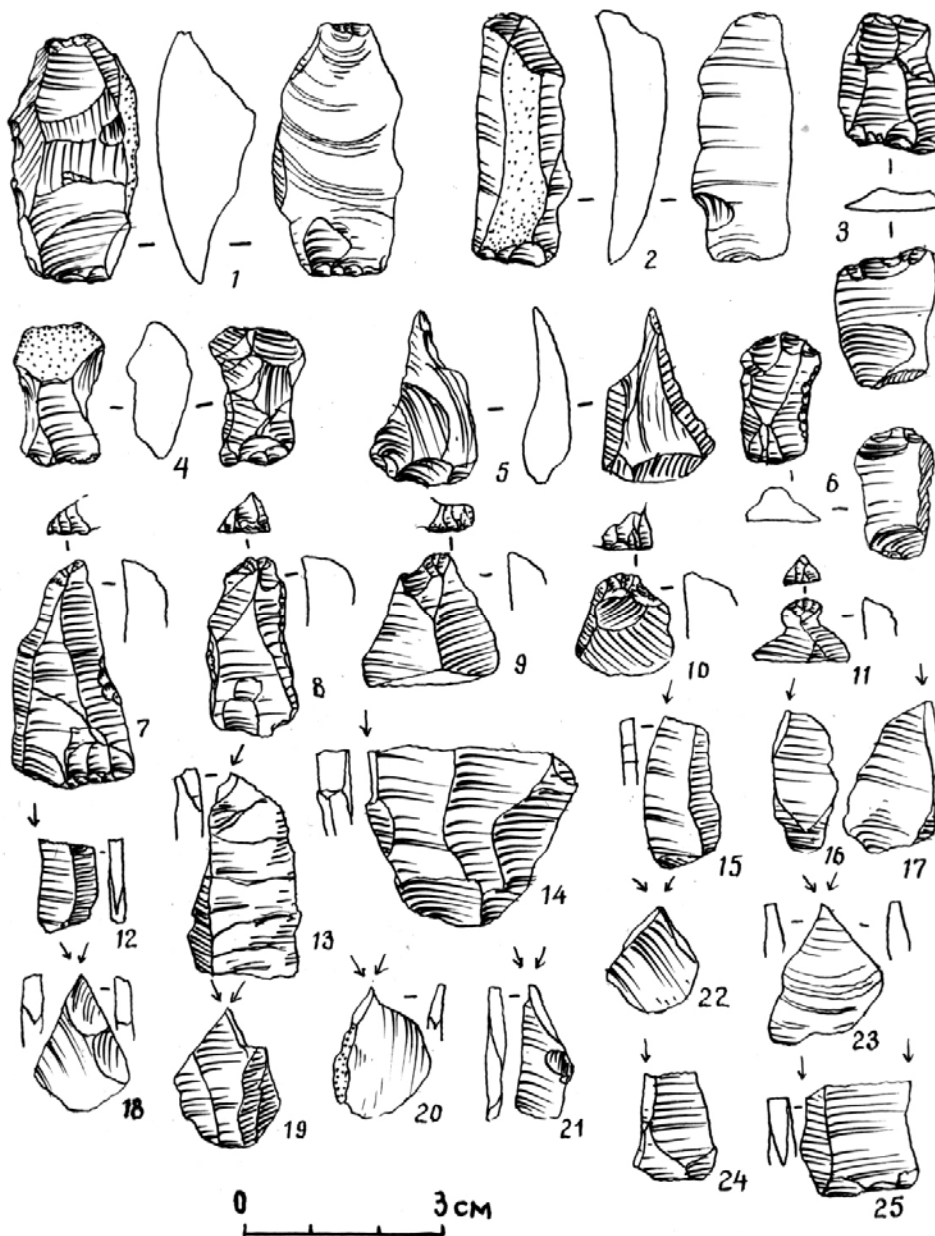
ясалган қирғичлар, понасимон қуроллар, қайроқ-тош қуроллар ва х.к.) (4-расм). Чорбакти жамоалари моддий маданиятининг яна бир илмий аҳамияти шундаки, шу кунга қадар Самарқанд сўнги палеолит жамоалари билан сазоғон неолит жамоалари моддий маданияти оралиғида ўзаро уларни боғловчи хронологик бўғин йўқ эди, бўшлиқ мавжуд эди ва шу бўшлиқни Чорбакти манбалари тўлдирди боғловчи хронологик бўғин бўлди.

Сазоғон I макони. Ўрта Зарафшон воҳаси мезолит жамоалари моддий маданиятини ёритишда Сазоғон I макони тадқиқоти натижасида қўлга киритилган археологик манбалар аҳамияти муҳим ҳисобланади. Макон Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағридан воҳа томон ўз сувини оқизиб чиқувчи йирик сойлардан бири бўлган Сазоғонсой ён қайирида жой-

лашган (Самарқанд вилояти, Нуробод тумани Сазоғон қишлоғи юқори қисмида). Макон кашф этилиши Самарқанд Давлат университети археологик экспедицияси тадқиқотлари билан боғлиқ бўлиб, маконда 1967-1968 йиллари Д.Н. Лев, 1969-1977 йиллар мобайинида М.Ж. Журақулов раҳбарлигида археологик тадқиқот ишлари амалга оширилган. Ҳаммаси бўлиб 100 метр квадратдан ортиқроқ майдон сатҳида маданий қатлам очилиб, 2,5 мингдан ортиқ археологик ашёвий далиллар қўлга киритилган. Макон тош индустрияси отшепли-парақали индустрия бўлиб, тош қуроллари типологик таҳлили уни Ўрта Осиё тоғ минтақаси мезолит-неолит жамоалари моддий маданиятига ўхшашлигини кўрсатди. Шу хусусиятлар асосида Сазоғон I макони мезолит даври сўнги босқичлари ва илк неолит жамоаларига тегишли эканлиги аниқланди (Холюшкина, Хо-

4 – расм. Чорбакти мезолит макони тош қуроллари

5 - расм. Сазоғон 1. Тош қуроллари

люшкин, 1979; Джуракулов, Холматов, 1991) (5-расм). Энг қизиғи макон тош индустриясида Самарқанд сўнги палеолит ёдгорлиги тош қуролларига хос бўлган қуролларга ишлов бериш технологик услублари анъаналари сақланиб қол-ганлиги ҳолатини кузатилиши бўлди. Бу хусусият маданиятлар келиб чиқиши илдизи масаласини ойдинлаштиришда муҳим омил бўлиб хизмат қилиши мумкин.

Замчатош макони. Макон 1989 йили ЎзФА археология институтининг палеолит гуруҳи ходимлари томонидан кашф этилган бўлиб, Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағридан воҳа томон чиқиб келувчи сойлардан бири бўлган Севасой ён қайирида жойлашган (Самарқанд вилоя-

ти, Ургут тумани). Бу макон ёдгорликларнинг унгур типига кириб, унинг ўлчамлари қуйидагича: оғиз қисми эни 10 м, унгур тубига қараб 4 м. Археологик қазилма ишлари жараёнида маконда иккита маданий қатлам борлиги аниқланиб, улардан қизиқарли археологик манбалар топишга эришилган. Хусусан, тош буюмларнинг типологик таҳлили натижасида тадқиқотчилар маконни мезолит жамоаларига тегишли эканлигидек ҳулоса чиқаришганлар (Худойбердиев, Гречкина, 1992).

Неолит. Ўрта Зарафшон воҳаси неолит даври жамоалари моддий маданияти жуда яхши тадқиқот этилган. Хусусан, Қуйи Зарафшон воҳаси, унинг қадимий ўзанлари Эчкиликсой, Оёқитма,

Дарёсой, Чорбакти, Хўжайли ва Маҳондарё воҳаларида кўплаб ибтидоий маконлар топилиб, улар Калтаминор жамоаларига тегишли эканлиги аниқланган (Гулямов, Исломов, Аскарлов, 1966; Виноградов, 1981). Юқори Зарафшон воҳасида неолит жамоалари моддий маданияти Оқ-Танга маконида В.А. Ранов томонидан амалга оширилган тадқиқотлари натижалари билан фанга маълум (Ранов, 1998). Ўрта Зарафшон воҳаси неолит жамоалари моддий маданияти эса Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағри йирик сой ён қайирларига тарқалган сазоғон маданияти асосида ўрганилган (Джуракулов, Холматов, 1991). Таъкидлаш жоизки, Самарқанд Давлат университети археологик экспедицияси томонидан ўтган асрнинг 60-йиллари иккинчи ярмида кашф этилган Сазоғон маданияти маконлари тадқиқоти ҳозирги кунгача давом этиб келмоқда ва маданиятга оид янги маконлар топилмоқда (Холматов, 2003) (айни кунда 30 дан ортиқ маконлар археологик харитага олинган). Биз куйида Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағри микёсида тадқиқот этилган ва тадқиқоти давом этаётган неолит маконлари баёнини келтирамиз.

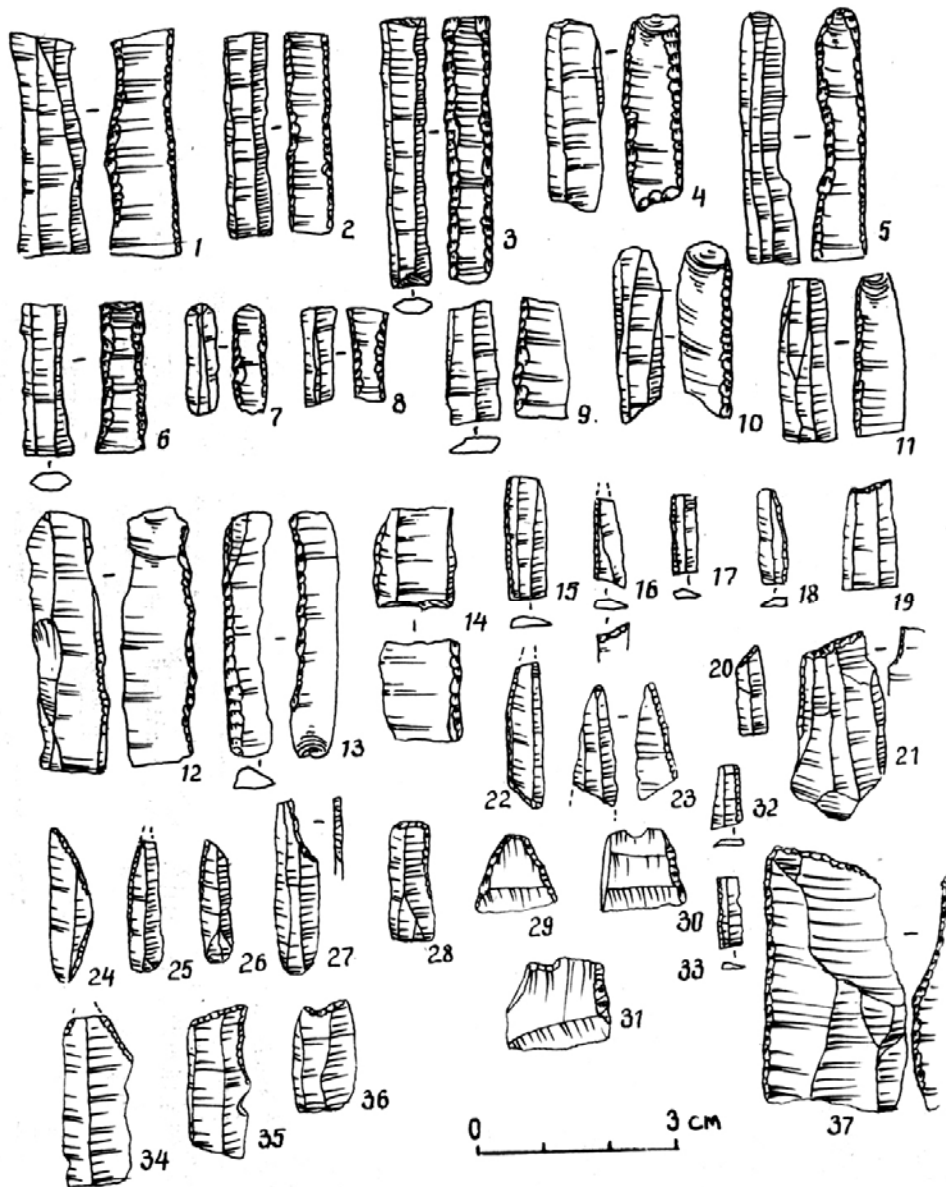
Оҳалик макони. Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағридан воҳа томон ўз сувини оқизиб чиқувчи йирик сойлардан бири бўлган Оҳаликсой ён қайирида жойлашган (Самарқанд шаҳридан тахминан 18 км чамаси жануб томонда). Макон 1986 йили ЎзФА археология институти палеолит отряди ходимлари томонидан кашф этилган. Тадқиқот ишлари эса 1991 йили бажарилиб, маҳаллий аҳоли томонидан Санги-Шоҳ деб аталувчи катта ҳарсанг тош пастки ковак қисми ер сатҳидан 18 м² майдонда маданий қатлам қазиб кўрилган. Тадқиқотлар натижасида макон икки маданий қатламли эканлиги аниқланиб, улардан 486 дона тош буюмлар топилган. Тош қуроллари типологик таҳлили макон моддий маданияти мезолит даври сўнги босқичлари ва илк неолит жамоаларига тегишли эканлиги тўғрисида хулоса чиқариш имконини берди (Худойбердиев, 1992).

Сазоғон II макони. Мазкур макон Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағрида тарқалган Сазоғон неолит маданиятининг асосий, таянч ёдгорлиги ҳисобланади. Бу макон ҳам Сазоғонсой чап ён қайирида жойлашган (Сазоғон I мезолит маконидан сой ўзани бўйлаб тахминан 2,5 км чамаси юқорида). Ёдгорлик тадқиқот Самарқанд Давлат университети археологик экспедицияси фаолияти билан боғлиқ бўлиб, гарчи макон 1966 йили Сазоғон I макони билан бир қатор кашф этилган бўлса-да, лекин тадқиқот ишлари маконда 1971-1982 йиллар мо-

байнида амалга оширилган. Тадқиқотлар жараёнида 400 м² яқин майдон сатҳидан маданий қатлам ўрганилиб, ўн мингга яқин археологик манба топилган. Археологик ашёвий далиллар асосий қисмини тош буюмлар (беш мингга яқин), сопол буюм парчалари, ҳайвон суяги қолдиқлари, қисман эса суяк қуроллар, тақинчоқлар ташкил этади. Энг муҳими макон маданий қатлампидан антропологик манбалар, турар жойлар қолдиқлари топилиши аҳамиятли ҳисобланади. Макон тош қуроллари типологик таҳлили сазоғон жамоалари моддий маданияти ўз хусусиятлари билан Ўрта Осиё тоғ минтақаси неолит жамоалари маданиятларига яқинлигини кўрсатди, шунингдек, жамоаларнинг ўзига хронологик жиҳатдан тенгдош бўлган жамоалар билан ўзаро қўни-қўшничилик маданий алоқадорликда бўлишганликлари борасида ҳам қимматли маълумотлар олинган (Джуракулов, 1983; Джуракулов, Холматов, 1991) (6-расм).

Жангал I макони. Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағридан воҳа томон ўз сувини оқизиб чиқувчи йирик сойлардан бири бўлган Эгрикулчасой ён қайирида жойлашган (Самарқанд вилояти, Нуробод тумани, Эгрикул қишлоғи юқори қисмида). Эгрикулчасой Сазоғонсойга қўшни сой ҳисобланади. Макон жойлашган қайир сойнинг чап қирғоғида бўлиб, қайирнинг пастки қисми сойга яқин жойида катта булоқ мавжуд. Аниқроғи, ана шу булоқнинг устидаги қайирда макон жойлашган. Жангал I макони Самарқанд Давлат университети археологик экспедицияси томонидан 1986-1989 йиллар мобайнида тадқиқот этилган. Ҳаммаси бўлиб 200 м² майдон сатҳида маданий қатлам ўрганилиб, 5000 га яқин археологик ашёвий далиллар қўлга киритилган. Энг муҳими, макондан тураржой қолдиғи ҳамда яхши ҳолатда сақланган нақшли неолит сопол буюм парчалари топишга эришилганлиги бўлди. Макон тош индустрияси ўзида сазоғон маданияти хусусиятларини мужассамлаштирган (Джуракулов, Холматов, 1991; Джуракулов, Холматов, Амиркулов, 1991) (7-расм).

Тепакул I макони. Бу макон Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағридан воҳа томон ўз сувини оқизиб чиқувчи йирик сойлардан бири бўлган Тепакул сой ён қайирида жойлашган (Нуробод тумани, Тепакул қишлоғи юқори қисмида). Макон жойлашган қайирдан сойга яқин жойида катта булоқ ҳозирги кунда ҳам фаолият кўрсатмоқда. 1979 йили Самарқанд Давлат университети археологик экспедицияси ходимлари Тепакулсой бўйлаб амалга оширган археологик қидирув ишлари жараёнида бу макон кашф этилиб, қайир майдони сатҳидан неолит даврига оид қизиқарли тош буюмлар коллекция-

6—расм. Сазагон 2. Тош қуроллари

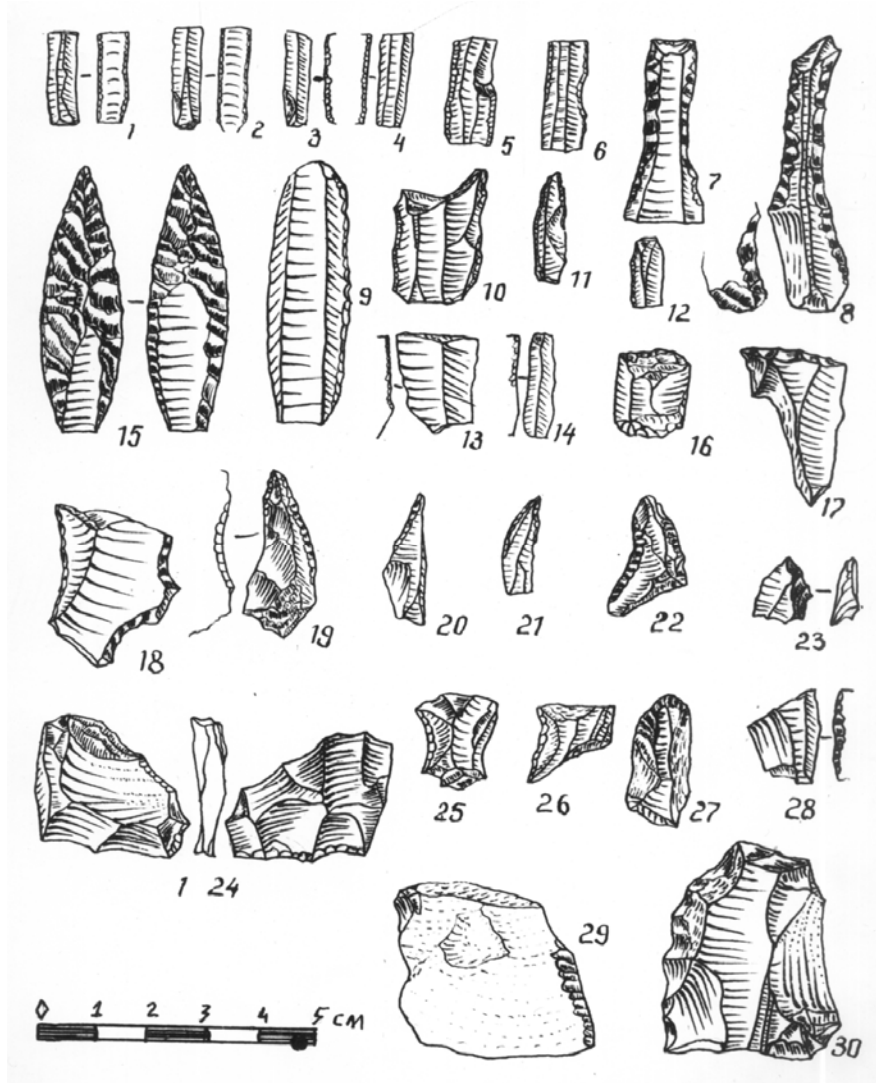
си йиғилган. Бирок, ханузгача бу маконда археологик қазилма ишлари амалга оширилмаган (Джуракулов, 1980).

Тепакул 2 макони. Тепакул қишлоғи юқори қисмидаги булоқ ёнида, Тепакул I макони Тепакулсой чап ёнбағри қайрида жойлашган бўлса, Тепакул II макони унга қарама-қарши бўлган сойнинг ўнг ён қайрида жойлашган. Бу макон ҳам Самарқанд Давлат университети археологик экспедицияси ходимларининг 1979 йилги археологик қидирув ишлари жараёнида қайд этилган (Джуракулов, 1980). Лекин, бу маконда ҳам системали равишда археологик қазилма ишлари ўтказилмаган.

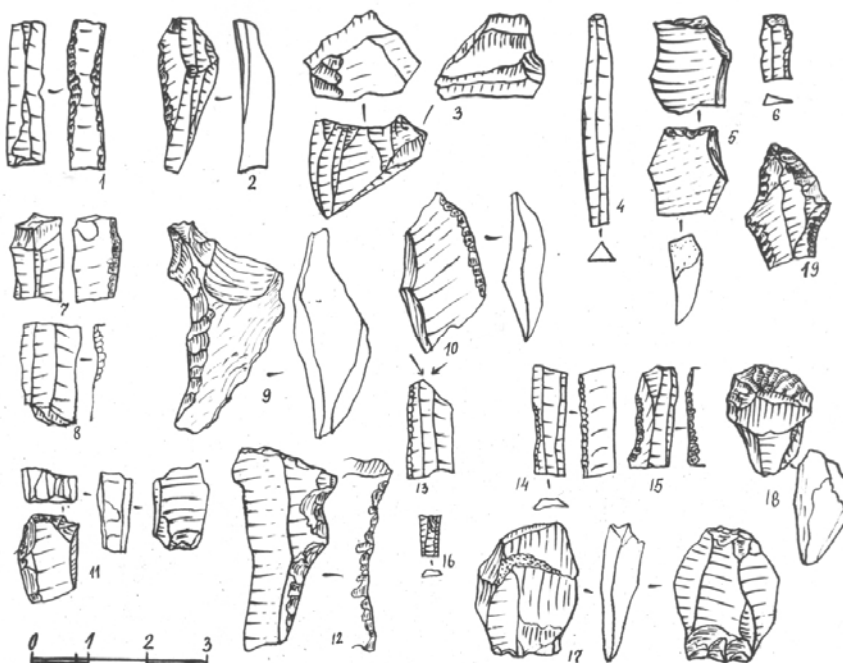
Тепакул 3 макони. Тепакул қишлоғидан Тепакул сой ўзани бўйлаб тахминан 2,5 км чамаси юқорида, сойнинг чап ён қайрида жойлашган.

Тепакул 3 неолит макони, 1989 йили Самарқанд Давлат университети археологик экспедицияси ходимлари томонидан кашф этилган. 1989-1996 йиллар мобайнида системали равишда археологик қазилма ишлари амалга оширилиб, 400 м² майдон сатҳида маданий қатлам археологик текширувдан ўтказилган. Тадқиқотлар жараёнида 5000 дан ортиқ археологик манбалар қўлга киритилиб, улар тош буюмлар, ҳайвон суяги қолдиқлари, сопол буюм парчаларидан иборатдир. Макон тош қуроллари типологик таҳлили уларни Сазагон жамоалари моддий маданиятига тегишли эканлигини кўрсатди (Джуракулов, Холматов, 1997) (8-расм).

Тепакул 4 макони. Тепакул 3 маконидан сой ўзани бўйлаб юқори томон тахминан 250-300 метрлар чамаси масофада бўлган қўшни қайирда

7—расм. Жангал 1. Тош қуроллари

8—расм. Тепакул 3. Тош қуроллари

жойлашган. Макон 1995 йили Самарқанд Давлат университети археологик экспедицияси ходимлари томонидан кашф этилган бўлиб, 1996-2003 йиллар мобайнида маконда бевосита археологик қазишма ишлари бажарилган. Археологик тадқиқотлар жараёнида 250 м² ортиқ бўлган майдон сатҳида маданий қатлам ўрганилиб, 6000 дан ортиқ археологик ашёвий далиллар тўплашга эришилган. Макон моддий маданияти ўз хусусиятларига кўра Сазоғон неолит жамоалари маданиятига ўхшаш (Джуракулов, Холматов, 2000; 2004) (9-расм).

Тепакул 5 макони. Тепакулсой чап ён қайирида жойлашган бўлиб, Самарқанд Давлат университети археология экспедицияси ходимлари томонидан 1979 йилги қидирув ишлари жараёнида кашф этилган. Маконда системали равишда қазишма ишлари ўтказилмаган, лекин 1992 ва 1999 йилларда вертикал ва горизонтал ҳолатда траншей услубида қазиб кўрилиши жараёнида қизиқарли моддий манбалар кўлга киритилган. Тош буюмлар коллекцияси типологик таҳлили, уларни Сазоғон жамоалари қуролларига ўхшаш эканлигини кўрсатди (Джуракулов, Холматов, 2001).

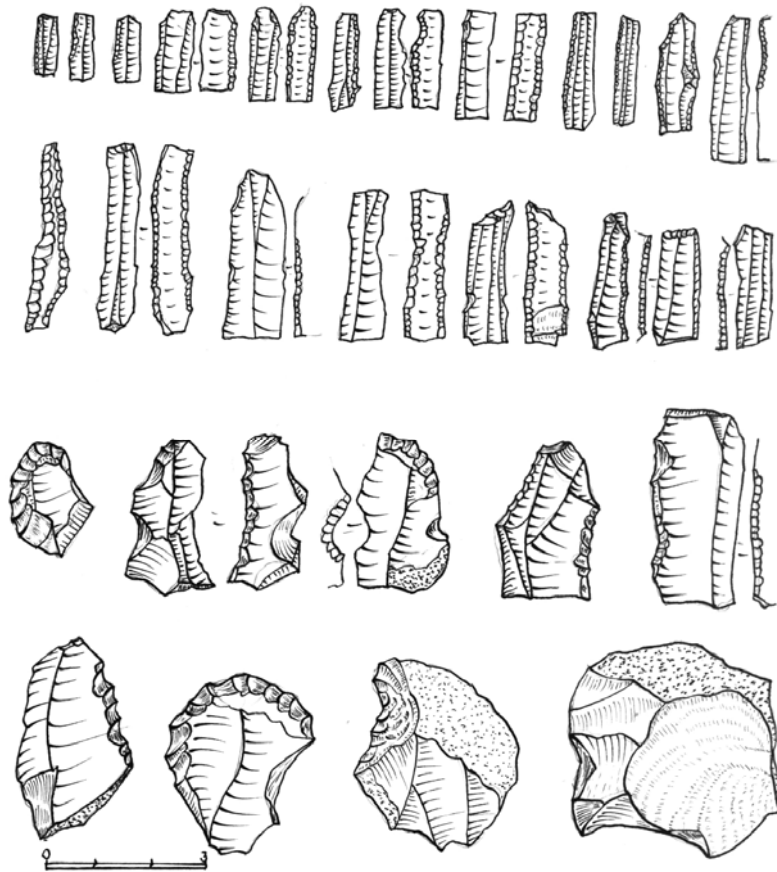
Қайроғоч макони. Бу макон Тепакул қишлоғи томон тоғ ёнбағридан чиқиб келувчи майда сойлардан бири бўлган Қайроғочсой ён қайирида жойлашган (Тепакул қишлоғи жануби-шарқий қисми). Самарқанд Давлат университети археология экспедицияси ходимлари томонидан 2001 йили Тепакулсойга кўшни бўлган сойлар ёнбағирлари бўйлаб ўтказилган археологик қидирув ишлари пайтида кашф этилган. Шу жойда қадимги булоқ топқирдлари ҳам бор. Қайир майдон сатҳидан тош буюмлари, сопол буюм парчаларидан иборат қизиқарли коллекция йиғиб олинган. Тош қуроллари дастлабки типологик таҳлили улар ўз хусусиятлари билан Тепакул неолит жамоалари моддий маданиятига яқинлигини кўрсатди (Джуракулов, Холматов, 2002).

Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағрида сўнгги йилларда системали равишда амалга оширилган археологик тадқиқотлар натижасида мазкур минтақа ибтидоий жамоалари маконлари фақатгина йирик сойлар ён қайирлари билан боғлиқ бўлиб қолмасдан шу сойлар ён дараларида мавжуд бўлган ғор, унгурлар ҳам ибтидоий одамзод учун макон бўлганликлари маълум бўлди.

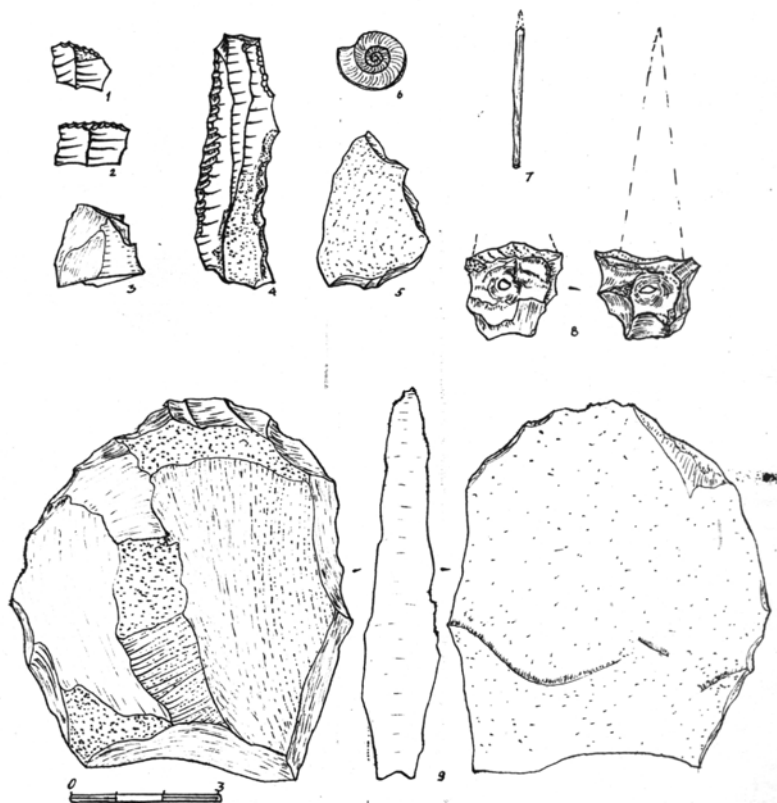
Лолаб ғор макони. Самарқанд Давлат университети археологик экспедицияси ходимлари томонидан 1979 йили Сазоғонсой ён даралари бўйича дала археологик қидирув ишларини амалга ошириш жараёнида кашф этилган. Макон Олмабулоқ палеолит маконидан сой бўйлаб 350-

400 м чамаси юқорида, сой ўзани сатҳидан эса тахминан 40-60 м чамаси баландликда даранинг ёнбағрида жойлашган. Ғорнинг оғиз қисми жануби-ғарбга, яъни куёш нури тушадиган томонга қараган бўлиб, ҳозирги кунда кўриниши қисман кўмилиб қолган ҳолатидадир. Унинг ўлчамлари куйидагича: оғиз қисми баландлиги 1,2 м, эни эса 1,3 м бўлиб, ички қисми кенгайиб бориб, баландлиги 3 м, кенглиги эса 3,5 м.га етади. Ғор туби томон узунлиги 9 м.ни ташкил этади ва унинг пастки қисми тупроқли қатламдан иборат. Макон кашф этилган йили дастлабки қидирув шурфи қазилиб, ибтидоий маданият излари топилган. Кейинги тадқиқот ишлари эса 2001 йили давом эттирилиб, бу сафар ғор ички қисмида қидирув шурфи қазиб кўрилган. Унинг юқори горизонтларидан тарихий тараққиёт сўнгги даврларига оид сопол буюм парчалари, ҳайвон суяги қолдиқлари, пастки горизонталлардан эса тош буюмлар ҳамда неолит сополи парчалари топилган. Ғор макони ўз жойлашиш ҳолати ҳамда бошқа жиҳатлари билан ибтидоий одамзод яшаши учун барча қулайликларга эга. Ҳаттоки, ғор жойлашган даранинг пастки қисмида, яъни сой сатҳи яқинида қатор булоқлар ҳозир ҳам фаолият кўрсатмоқда. Тош буюмлар типологик таҳлили макон моддий маданияти неолит жамоаларига қарашли эканлигини кўрсатмоқда (Джуракулов, Холматов, 2002).

Қоракамар ғор макони. Сазоғонсойнинг кўшни сойларидан бири Катта Қуруқсой ҳисобланади. Бу сой Сазоғонсойдан тахминан 1,5 км чамаси ғарб томонда жойлашган. Самарқанд Давлат университети археология экспедицияси 2000 йил кузида Сазоғонсой ва унга кўшни бўлган сойлар ён дараларида археологик қидирув ишларини амалга ошираётган пайтда Катта Қуруқсой ён дарасида Қоракамар ғор маконини кашф этишга эришган. Қоракамар ғор макони сойнинг ҳозирги ўзанидан тахминан 15 м чамаси юқорида жойлашган бўлиб, ғорнинг оғиз қисми шимоли-шарққа қараган ва пастки майдон қисми эса тупроқли қатламдан иборат. Ғорнинг ўлчамлари куйидагича: унинг оғиз қисми баландлиги 5,8 м, эни эса 6,6 м, ички, яъни ғорнинг туби томон узунлиги 10,5 м ташкил этади. Шу йили ғор макони оғзи қисмида дастлабки 8x1 м майдон сатҳида археологик қазишма ишлари бажарилиб, қимматли археологик ашёвий далиллар (тош буюмлар, сопол буюм парчалари, суяк қуроллари бўлақлари, ҳайвон суяги қолдиқлари ва ҳ.к) топилган ҳамда 2 та ўчоқ қолдиғи борлиги ҳам аниқланган. Тош қуролларининг типологик таҳлили макон тош индустрияси мезолит-неолит даври жамоаларига тегишли эканлигидек дастлабки хулоса чиқариш имконини бермоқда (Джуракулов, Холматов, 2001) (10-расм).

9—расм. Тепакул 4. Тош қуроллари

10—расм. Қоракамар ғор макони

Оннакамар макони. Сазоғонсойга ғарб томондан Кичик Куруксой ҳам қўшни сой ҳисобланади. Кичик Куруксой ён даралари бўйича археологик қидирув ишлари ўтказилган пайтда ибтидоий одамзод яшаганлиги эҳтимоли бўлган бир нечта ғор типидagi ёдгорликлар борлиги аниқланган (Джуракулов, Холматов, 2003). Шу ёдгорликлардан бири Оннакамар деб номланиб, у сойнинг ўнг қирғоғида, сой сатҳидан тахминан 20 м чамаси юқорида оғиз қисми ғарбга қараган ҳолатида турибди. Этнограф олим Очил Ибрагимов ўтган аср 80-йиллари археологик қидирув ишлари пайтида Оннакамарда қидирув шурфи қазиб ибтидоий маданият изини топишга муваффақ бўлган (тош буюмлар, сопол буюм парчалари). Шу нуқтаи назардан, яъни тадқиқотни давом эттириш мақсадида 2002 йили археологик экспедициямиз ходимлари томонидан маконда яна қидирув шурфи қазиб қўрилди, лекин бу текширувлар ҳозирча қутилган натижалар бермади.

Кичик Куруксой I (Каттакаптархона) макони ҳам Кичик Куруксой ён дарасидан 2002 йилги дала археологик қидирув ишлари жараёнида кашф этилган. У сой ўзанидан тахминан 120 м. лар чамаси юқорида жойлашган бўлиб, ўлчамлари қуйидагича: ғор оғзи қисмидан баландлиги 2,5 м, эни 3 м ва ғорнинг ички қисми тубига қараб узунлиги 11 м.дан иборат. Ғорнинг оғиз қисми майдон сатҳида археологик қидирув шурфини қазиб кўрдик. 0,8 м.гача бўлган горизонтлардан тараққиёт сўнги босқичларига оид бўлган топилмалар учратилди, бироқ, кейинги горизонтларда харсанг тошлар чиқиб қолганлиги учун қазилма ишларини тўхтатишга мажбур бўлдик. Топилмалар асосан ўрта асрларга оид бўлган сопол буюм парчалари ҳисобланади. Келгусида ғорнинг оғиз қисми майдон сатҳида қазилма ишларини амалга ошириш режалаштирилган.

Қоракамар II ғор макони. Катта Куруксойдаги Қоракамар I ғор маконидан сой бўйлаб 200 м чамаси юқорида жойлашган. Ғорнинг оғиз қисми жануби-шарқий томон, яъни қуёш нури эрталабданок тушадиган томон қараган. Таъкидлаш жоизки, ғорнинг қадимги ҳолати ҳозиргига нисбатан ўлчами жиҳатдан катта бўлган, лекин табиат кучлари таъсирида емирилиб, ҳозир ўнгир ҳолатига келиб қолган. Унинг ўлчамлари қуйидагича: оғиз қисми баландлиги 3,5-4 м ва ички томон узунлиги 2,5-3 м. Ғорнинг оғиз қисми майдон сатҳидан сой томон 10x1 м ўлчамида қидирув шурфини 2004 йили қазиб кўрдик. Шурф сой томон қия ҳолатида тупроқ қатлами бўйича пасайиб бориб, охириги А-8,9,10 квадратларда горизонтлар қалинлиги 1,8 м.гача бориб етди. Қидирув шурфидан гарчи, ўрта аср сопол буюм

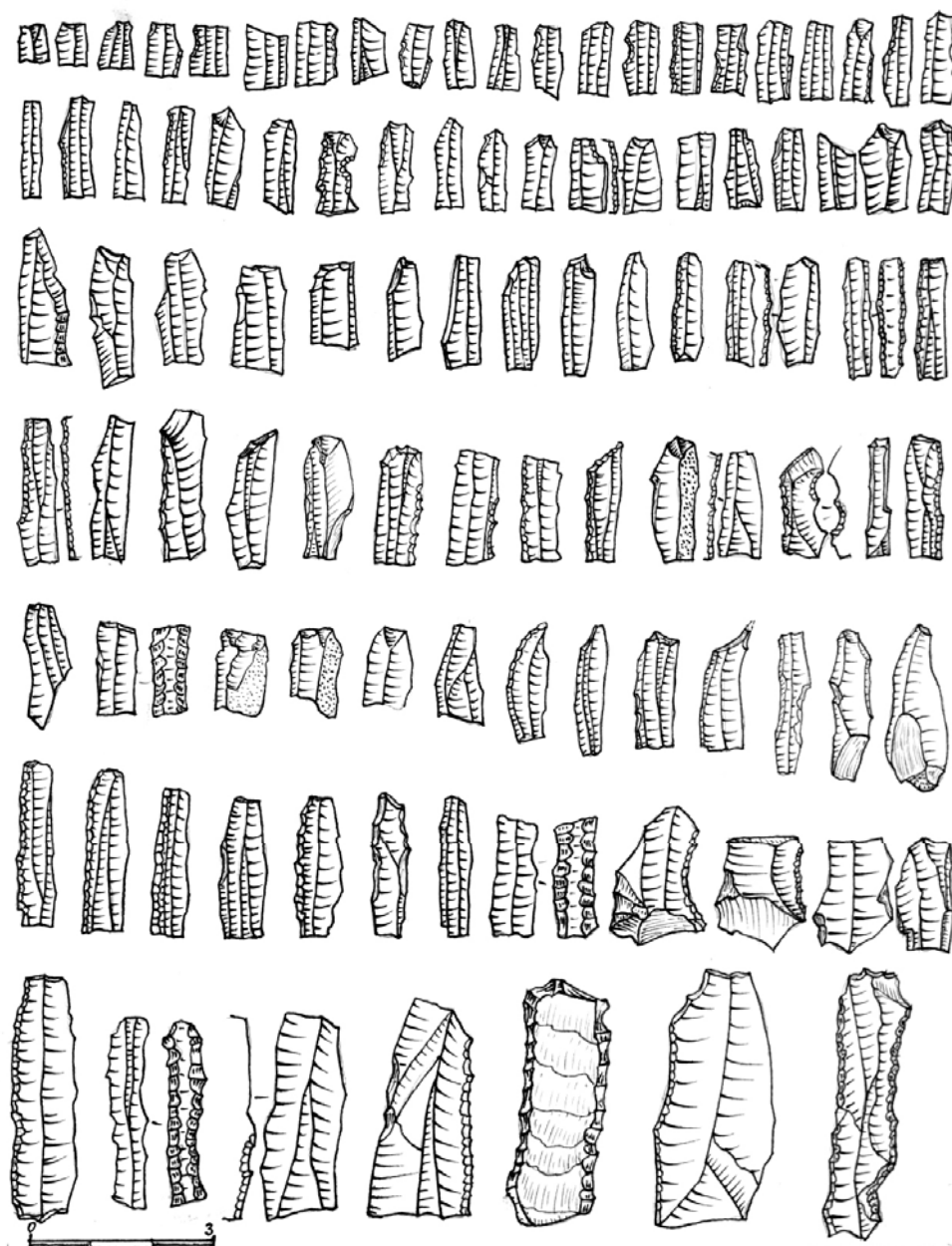
парчалари топилган бўлса-да, лекин ибтидоий даврга мансуб археологик топилмалар учратилмади. Келгусида бу шурфни ён квадратлар бўйича кенгайтириб қазиб кўриш ишлари режалаштирилган.

Камар қудуксой ғор маконлари. Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағрида Катта Қудуксойдан ғарб томон яна бир қатор йирик сойлар жойлашган. Булар Чўчкалисой, Камарқудуксой, Оқсой кабилар ҳисобланади. Самарқанд Давлат университети археология экспедицияси ходимлари томонидан 2002 йили ана шу сойлар ён даралари бўйлаб дала археологик текширув ишлари амалга оширилган. Жумладан, Камарқудуксой этаги ўнг ёнбағрида 2 та ғор археологик харитага олиниб, улар Камарқудуксой 1,2 деб номланиб, дастлабки археологик қидирув шурфлари қазиб қўрилган. Қўлга киритилган ашёвий далилларнинг асосий қисми тараққиёт сўнги босқичларига оид ҳисобланади (Джуракулов, Холматов, 2003).

Очил ғор макони (11-расм). Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағридан воҳа томон ўз сувини оқизиб чиқувчи йирик сойлардан бири бўлган сазоғонсой ён дарасида бўлиб, Сазоғонсой ён қайирида ўрганилган ва сазоғон маданияти номи билан фанга кирган маданиятнинг таянч ёдгорлиги ҳисобланувчи Сазоғон 2 маконининг нақд сой дараси бўйлаб тепа қисмида жойлашган (тахминан 450-500 м чамаси юқорида).

Очил ғор макони ўз жиҳатлари билан ибтидоий одамзод яшаши учун барча қулайликларга эга. Унинг оғиз қисми жануби-шарқ томон қараган бўлиб, қуёш нурлари эрталабданок бемалол ғор тубигача тушади. Ғорнинг пастки майдон сатҳи тупроқли ва унга кириш қисми олдида тупроқли қатламдан иборат супа майдон сатҳи ҳам мавжуд. Ғорнинг ўлчамлари қуйидагича: ғорга кириш қисми оғзининг баландлиги 3,60 м, эни 8,0 м, ғорнинг ичкараси туби томон узунлиги 10,5 м.ни ташкил этади Ғор яқинида ичимлик суви манбаи мавжуд.

Очил ғор макони Самарқанд Давлат университети археология экспедицияси томонидан 2002 йилда Тепақулсой, Сазоғонсой ва унга қўшни бўлган сойлар ён даралари бўйлаб амалга оширилган дала археологик қидирув ишлари жараёнида харитага олинган. 2003 йили маконда тадқиқот ишлари давом эттирилиб, ғорнинг оғиз қисмида 3x1 м² майдон сатҳида қалинлиги 20 см. ни ташкил этувчи 4 та горизонтни ўрганишга эришилган. Юқори горизонтлардан кишилиқ тараққиёти сўнги даврларига оид сопол буюм парчалари, хайвонлар суяқларининг қолдиқлари учратилди. 0.6-0.8 м горизонтдан ўчоқ қолдиғи ва унинг ёнидан қуйган сопол буюм парчалари

11—расм. Очил ғор макони. Парақа қуруллари

хамда бир неча дона тош буюмларининг топилиши эса ибтидоий маданият изларининг даракчиси бўлган. Шу тариқа ғор маконида археологик тадқиқот ишларини давом эттириш истикболи белгиланди ва бу тадқиқот 2004 йил қазиш майдонини $6 \times 2 \text{ м}^2$ майдон сатҳида кенгайтиришга олиб келди.

2004 йил Очил ғор маконида $6 \times 2 \text{ м}^2$ майдон сатҳида маданий қатлам юқорида зикр этилган услубда 1 м.гача бўлган чуқурликдаги горизонтларда ўрганилди. Тадқиқот жараёнида қизикарли стратиграфик маълумотлар олиниши билан бир қаторда муҳим археологик манбалар ҳам қўлга киритишга эришилди. Хусусан, макон тош қуруллариининг типологик таҳлилини беришдан

олдин К-5, ҳамда К-6 ва К-7 квадратлар чегараси доирасида 0.6-0.8 м горизонтда иккита ўчоқ қолдиғи ҳамда И-6 ва И-7 квадратлар чегараси доирасида мазкур горизонтдан диаметри 40-60 см бўлган ва қалинлиги 20-25 см.ни ташкил этувчи фақат йирик шохли ҳайвонлар танаси суякларидан иборат бўлган суяклар уюми учратилганлигини айтиб ўтмоқчимиз. Ўчоқ қули ва унинг доирасида ўчоқнинг тўлиқ тузилиши имконини бермайдиган 3-4 дона харсанг тош бўлаклари ҳамда ўчоқлар атрофидан бир нечта сопол буюм парчалари (неолит?), тош буюмлар топилди. Ҳайвон суяклари уюми тана тузилиши бўйича эмас, балки тартибсиз ҳолда ётибди. Худди шундай тузилишда ва кўриниш ҳолатида иккинчи суяклар

уюми 2005 йилги тадқиқотда янги очилган Л-6 ва Л-7 квадратлар чегараси доирасидан ҳам топилди. Бу икки суяклар уюми жойланиши ҳолатлари ёнма-ён (оралиғи 1 м чамаси) ва чуқурлик горизонтлари ҳам бир хил. Бу жуда муҳим, агар уларни ҳайвон суяклари қолдиқларини махсус чиқиндилар ташланадиган хўжалик чуқурчасида тўпланган десак, бу чуқурнинг чегара излари стратиграфияда кузатилмайди. Шу сабабли улар жамоаларнинг маълум диний эътиқодлари билан боғлиқ бўлган ҳолатлар бўлса ажаб эмас. Тош қуроллари коллекцияси масаласига келганимизда тош буюмлар 0,6-0,8 м ва 0,8-1,0 м горизонтларидан топилган бўлиб, улар сони унчалик кўп эмас. Ҳаммаси бўлиб 19 дона тош буюмлар топилган ва улар типологик таҳлили қуйидагича: 1 дона олд томонига ишлов берилган конуссимон тош ўзаги, 3 дона қайроқтош қуроллари бўлаклари, 3 дона яхши ишлов берилган парақадан ясалган қуроллар, 3 дона ён қирраларига ишлов берилган отшепдан ясалган қуроллар, 1 дона отшепдан ясалган қирғич қурол, 1 дона парақадан ясалган қирғич қурол бўлиб, қолган тош буюмлар эса макон тош индустрияси қуроллар яшаш жараёни технологияси чиқиндилари ҳисобланади. Парақадан ясалган қуроллар ичида 1 дона бутун ҳолатда сақланган қурол мавжуд бўлиб, бу қурол жигаррангли чакмоқтошдан ясалганлиги ва унга ишлов берилиши услуги (елка қисми бир ён қирраси бўйича қисман, астар қисмида эса бир ён қирраси тўлалигича, иккинчи ён қирраси қисман кертув услугида ишлов берилган) бўйича Қуйи Зарафшон воҳаси Калтаминор жамоалари қуролларига айнан ўхшаш. Парақадан ясалган ён томонлама иш майдонига эга бўлган қирғич қурол ҳам мазкур жамоалар қуролларига ўхшаш. Бу ўхшашликлар биринчидан Очил ғор макони моддий маданият ўзига хос хусусиятларини белгиласа, иккинчидан макон соҳибкорларини кўшни худудлар ўзига хронологик жиҳатдан тенгдош жамоалар билан ўзаро қўни-қўшничилик маданий алоқадорликларини ҳам англатади. Сопол буюм парчалари асосий қисмини юқори горизонтлардан чиққан кишилик тараққиёти кейинги даврларига оид сополлар ташкил этади. Маконнинг тош қуроллари топилган горизонтлардан эса кўп бўлмаган миқдорда нақшсиз бўлган неолит сополи парчалари ҳам топилган.

Очил ғор маконида археологик тадқиқот ишлари 2005 йили ҳам давом эттирилди. Ҳаммаси бўлиб 2005 йилги тадқиқотлари жараёнида макон маданий қатламидан мингга яқин ашъвий далиллар қўлга киритилди. Унинг асосий қисмини тош буюмлар коллекцияси ташкил этади. Тош қуроллари типологик таҳлили асосий

қуроллар ўз шакли, ишлов берилиш услуги, ясашиш хом-ашёси, турмушда бажарган функцияси жиҳатидан ҳамда тош индустриясининг отшепдан ясалган буюмларнинг парақадан ясалган буюмларга нисбати жиҳатидан ҳам Сазоғон жамоалари моддий маданиятига хос хусусиятларни намоён этганлигини кўрсатди (11-расм). Лекин таъкидлаш жоизки, маконнинг И-7,8: К-7,8,9,10 квадратларининг 1,8-2,0 м горизонтдан топилган тош қуроллари ўз шакли, ишлов берилиш услуги билан мезолит ва ҳатто, палеолит жамоалари моддий маданиятини намоён этмоқда. Мазкур қуроллар жумласига архаик кўринишдаги парақалар, дисксимон йирик қирғичлар, тош ўзақлари, катта ҳажмли ушатгич қуроллар, учбурчаксимон пайконлар, қайроқтош қуроллари бўлаклари ҳамда туркум кварцитдан ясалган қуроллар (тош ўзақлари, қирғичлар ва ҳ.к.) кирди ва улар ўз жиҳатлари билан сазоғон неолит жамоалари тош қуролларидан кескин фарқ қилади. Бу турдаги қуроллар ўз шакли, ишлов берилиши услублари ва турмушда бажарган функцияси, ўзларига хос хусусиятлари билан Ўрта Зарафшон воҳаси палеолит жамоалари моддий маданиятига хос қуроллар ҳисобланади. Хусусан, Олмабулоқ, Қўтирбулоқ, Зирабулоқ, ҳамда Самарқанд юқори палеолит маконлари қуролларига ўхшаш. Бу эса Очил ғор макони пасти маданий қатламлари мезолит ва ҳатто, палеолит жамоалари моддий маданиятига тегишли эканлигидек хулоса чиқариш имконини беради. Мазкур горизонтдан туркум ҳайвон суяги қолдиқларини ҳам топишга эришдик.

Биз юқорида тош асри тараққиёти кетмакетлик босқичлари бўйича маконлар баёни ва улар тадқиқоти натижалари масаласига қисқача тўхталдик.

Таъкидлаш жоизки, бу маконлар тадқиқоти ҳозирги кунда ҳам давом этмоқда ва бу тадқиқотлар билан бир қаторда мазкур минтақада кенг масштабда дала археологик қидирув ишлари амалга оширилмоқда. Бу қидирув ишлари натижасида Сазоғон маданиятига оид 30 дан ортиқ маконлар ҳамда юқорида номлари зикр этилган йирик сойлар ён қайирларидан 30 га яқин ғор унгурулар ёдгорлик сифатида археологик харитага олинган. Бу жуда муҳим бўлиб, минтақани археологик жиҳатдан ўрганилишини янада истиқболли эканлигини билдиради.

Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағрида амалга оширилган археологик тадқиқотлар натижаси минтақа ибтидоий даврданоқ одамзод томонидан ўзлаштирилганлигини кўрсатди. Палеолит, мезолит ва неолит жамоалари моддий маданияти борасида кимматли археологик манбалар қўлга киритилди. Ма-

конлар тадқиқотида нафақат жамоалар моддий маданияти, балки мазкур минтақа палеоэкологик шароити, маконлар жойланиши геологик ҳолатлари борасида ҳам қимматли маълумотлар тўплашга эришилди (Джуракулов, Мамедов, 1986). Бу маълумотлар кўрсатишича, плейстоцен сўнгги босқичлари, голоцен даврида иклимий шароит мазкур минтақада ибтидоий одамзод яшаши учун қулай бўлган. Тоғ ва тоғ ёнбағирлари ўз жиҳатлари (ёнбағирларида бой ўсимлик ва ҳайвонот дунёси, йирик сойлар, серсув чашма, булоқлар, ғор ва унгурлар мавжудлиги) билан одамзод яшашига имконият берган. Ҳақиқатдан ҳам Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағрида ибтидоий жамоалар палеолит давридан бошлаб йирик сойлар ён қайирлари ва улар ён дараларидаги ғор ва унгурларда яшашиб, ўзларига хос моддий маданият соҳибкорлари бўлишганлар.

Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағри ибтидоий жамоалари моддий маданияти ўзига хос хусусиятлари масаласига келганимизда Олмабулоқ макони тош қуроллари коллекцияси ўзида леваллуа-мустье технологик услубини намоён этганлиги учун воҳа ўрта палеолит даври маконлари жумласига киради. Бу эса ўрта палеолит жамоалари нафақат Зарафшон воҳасининг пасттекислик минтақалари, балки тоғ ёнбағирларини ҳам ўз ичига олган кенг камровдаги экологик бурчакларга тарқалиб яшаган ва ўзаро маданият қўни-қўшничилик алоқадорликларида бўлганлар деган илмий хулосаларга келиш имконини беради. Сазоғон 1 макони жамоалари эса ўз моддий маданиятида Ўрта Осиё тоғ минтақаси мезолит-неолит жамоалари (Тутқовул, Сойсайёд) хусусиятларини мужассамлаштирган ҳамда тош индустриясида Самарқанд юқори палеолит жамоаларига хос технологик услублари анъаналарини сақлаб қолганлиги ҳолатини ҳам намоён этган.

Сазоғон неолит жамоалари моддий маданияти ўзига хос хусусиятларига кўра Ўрта Осиё тоғ минтақаси неолит жамоалари маданиятлари сирасига киради. Бу жамоалар яшаган минтақа (Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағри) географик жиҳатдан Ўрта Осиё тоғ ва пасттекислик минтақалари ўртасидаги оралик ҳудуди ҳисобланади. Сазоғон жамоалари гарчи, ўз моддий маданиятида бир томонидан Ўрта Осиё тоғ минтақаси ҳисор жамоалари маданияти баъзи хусусиятларини (понасимон қурооллар, тик иш майдонига эга бўлган отшепдан ясалган қирғичлар; ён томони

олд қисмига ишлов берилган тош ўзаклари, тутқовул типигаги тешгич қурооллар, қайроқтош қуроллари каби), иккинчи томонидан эса Ўрта Осиё пасттекислик минтақаси калтаминор жамоалари баъзи хусусиятларини (тош индустриясини парақали қисми, сопол буюмлари (12-расм), хом ашё материаллари каби) намоён этган бўлсада ўзига хос хусусиятларга (тош индустрияси отшепли-парақали, микропарақа элементли) эга бўлган мустақил маданият ҳисобланади (Джуракулов, Холматов, 1991).

Таъкидлаш жоизки, Сазоғон жамоалари тош қуроллари ясашиши ва ишлов берилиши услубларида мезолит ва хаттоки, сўнгги палеолит қуролларида хос анъаналар сақланиб қолганлиги ҳолати кузатилади.

Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағри тош жамоалари моддий маданияти тадқиқотлари ютуқларидан яна бири ибтидоий жамоалари ўзаро қўни-қўшничилик маданий алоқадорликлари борасида қимматли маълумотлар қўлга киритилганлиги билан изоҳланади. Юқорида, маконлар баёнида қисман бу ҳақда фикрлар билдирилган эди ва буларга қўшимча равишда биз Сазоғон жамоаларининг ўзларига хронологик жиҳатдан тенгдош бўлган Калтаминор, Ҳисор ва Марказий Фарғона жамоалари ма-

12—расм. Сазоғон маданияти сопол буюмлари.
1-6 - Сазоғон 2, 7-9 - Жангал 1, 10-11 - Тепакул 3

данияти билан яқиндан маданий алоқадорликда бўлишганликлари фактини алоҳида кайд этмоқчимиз (Холматов, 1992; 1993; 2000). Шунингдек, мазкур минтақа тош даври жамоалари маданияти ўрганилиши яна бир ютуғи жамоалар маданиятлари келиб чиқиши илдизлари масаласини ечишга имкон берувчи муҳим манбалар олинганлиги ҳисобланади (Джуракулов, Холматов, 2002). Бу масалада мазкур минтақада турли давр маконларини ёнма-ён жойлашган ҳолатда топилиши ва улар тадқиқотини ҳамда Тепакул 3, 4 маконлари неолит даври сўнги босқичлари жамоалари моддий маданияти борасида қимматли археологик манбалар берганлигини ва улар ўзларининг баъзи жиҳатлари билан воҳа энеолит жамоалари (Саразм) моддий маданиятига ўхшаш эканлигини келтиришимиз мумкин (Холматов, 2004). Бу эса Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағри тош даври жамоалари маданияти туб, маҳаллий илдизда, ворисийлик асосида ривожланганлигини яққол кўрсатиб турибди.

Ўрта Зарафшон воҳаси тош даври жамоалари моддий маданияти тадқиқотида қўлга киритилган археологик ашёвий далиллар улар хўжалик

машғулотларини ёритиш борасида ҳам қимматли маълумотлар беради. Бу, айниқса, неолит жамоалари моддий маданияти тадқиқотларида яққол кўзга ташланади (Холматов, 2004).

Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағри тош жамоалари моддий маданияти тадқиқотлари юқорида зикр этилганидек, мазкур минтақа тош даври палеолит давриданок одамзод томонидан ўзлаштирилганлиги ва улар ўзларига хос маданият яратишганлигини ёритиш, фанга олиб кириш имконини берди. Бу жамоалар моддий маданияти Зарафшон воҳаси ибтидоий даври жамоалари маданиятининг ўрганилишида алоҳида ўрин тутди. Фикримизча, жамоаларнинг йирик сойлар ён қайирлари ҳамда улар ён дараларидаги ғор, унгурларда яшаганликлари ҳам, мазкур минтақа экологик табиий шароити қонуниятларининг маҳсули бўлиб, ибтидоий жамоалар маконлари ўзига хос хусусиятлари тўғрисида муҳим маълумотлар беради. Хуллас, юқорида зикр этилганидек тадқиқотлар натижасида қўлга киритилган манбалар мазкур минтақани археологик ўрганиш жиҳатдан нақадар истиқболли эканлигини яққол намоён этади

Адабиётлар:

1. Виноградов А.В. Древние охотники и раболовы Среднеазиатского междуречья. ТХАЭ Т.ХIII. Москва, 1981.
2. Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Археолого-геоморфологические работы в юго-западных Кызылкумах в 1984. АО - 1984. М., 1986.
3. Гулямов Я.Г., Исломов У.И., Аскарлов А.А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
4. Джуракулов М.Ж. Результаты исследования археологической экспедиции Самаркандского госуниверситета им. А. Навои 1979 года // Вопросы археологии древней истории и этнографии. Самарканд, 1980.
5. Джуракулов М.Ж. Некоторые итоги исследования неолитических стоянок в селении Сазаган // ОНУ, №6. 1983.
6. Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент, 1987.
7. Джуракулов М.Д. Каменный век бассейна Зарафшана. Самарканд, 1992.
8. Джуракулов М.Ж., Мамедов Э.Д. Геология археологических памятников Зарафшана. Ташкент, 1986.
9. Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент, 1991.
10. Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Джангал I – новый памятник долины Зарафшана // ИМКУ, вып. 25. Тошкент, 1991.
11. Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У., Амиркулов Б.А. Итоги археологического изучения стоянки Джангал I // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Труды СамГУ, Самарканд, 1991.
12. Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Тепакул 3 неолит манзилгоҳи ўрганилиши натижалари. Тарих фанининг долзарб муаммолари // Илмий тўплам. Самарканд, 1997.
13. Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Тепакул 4 неолит манзилгоҳи (Ўрта Зарафшон воҳаси). Тарих ва истиқлол // Илмий мақолалар тўплами. Самарканд, 2000.
14. Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Самарканд Давлат университети тадқиқотларидан // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар-2000. Самарканд, 2001.
15. Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Самарканд Давлат университети дала қидирув тадқиқотлари саҳифасидан // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар-2001. Тошкент, 2002.
16. Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Сазоғон маданияти илдизлари масаласига доир мулоҳазалар // Ватан тарихи долзарб муаммолари, Самарканд, 2002.
17. Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Қоратепа тоғ массиви дала археологик қидируви тадқиқотларидан // Ўзбекистон археологик тадқиқотлари - 2002. Тошкент, 2003.
18. Лев Д.Н. Палеолит Самаркандской области и его специфические особенности // Труды СамГУ, новая серия, вып. 166. Самарканд, 1967.
19. Ранов В.А. Неолит (гиссарская культура) // История таджикского народа. Том I. Душанбе, 1998.

20. Сайфуллаев Б.К. Палеолит долины реки Зарафшан и Северо-Восточных Кызылкумов. Самарканд, 2002.
21. Тошкенбаев Н.Х., Сулайманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.
22. Холматов Н.У. Общее и особенное Центрального Ферганского и Сазаганского неолита. Палеоэкология и проблемы первобытной археологии Центральной Азии. ТДК, Самарканд, 1992.
23. Холматов Н.У. Тоғ ва пасттекистиклар, маданият алоқадорликлари Ўзбекистон халқлари тарихидан материаллар. СамДУ нашр. Самарқанд, 1993.
24. Холматов Н.У. Мезолит низовьев Зарафшана // ИМКУ, вып. 31, Ташкент, 2000.
25. Холматов Н.У. Сазагон неолитининг ўзига хос қирралари ва қўшничилик маданият алоқадорликлари // Археология, қадимги дунё тарихи ва этнография, илмий мақолалар тўплами. Самарқанд, 2000
26. Холматов Н.У. СамДУ археологик экспедицияси энг сўнгги тадқиқотлари саҳифасидан // Ўзбекистон тарихи ва археология фанларининг долзарб муаммолари. Республика илмий конференцияси материаллари. Самарқанд, 2003.
27. Холматов Н.У. Ўрта Зарафшон неолит даври моддий маданиятининг баъзи хусусиятлари (Тепакул 4 макони асосида) // Сам ДУ ахборотномаси, № 4. 2004.
28. Холушкина В.А., Холушкин Ю.П. К вопросу о характере развития мезолитической индустрии Сазагон II. Сибирь в древности. Новосибирск, 1979.
29. Худойбердиев Р.А. Агалык - новая стоянка каменного века. Узбекистан в древности и средневековье. Самарканд, 1992.
30. Худойбердиев Р.А., Гречкина Т.Ю. Замичатош – новый памятник каменного века. Палеоэкология и проблемы первобытной археологии Центральной Азии. ТДК. Самарканд, 1992.
31. Хужаназаров М., Сайфуллаев Б. Кукаяз-новый палеолитический памятник в Северо-Восточных Кызылкумах // ИМКУ, №31, Самарканд, 2001.

Б.К. Сайфуллаев, Н.О. Хушвактов, И.М. Курбанбаев

О ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ УЗБЕКИСТАНА

(по результатам новых технико-типологических исследований верхних (I-III) слоев Кульбулака)

Местонахождение Кульбулак находится на правом берегу р. Ангрэн, в 5 км к северо-западу от поселка Аблык. Памятник был открыт в 1961 г. (Касымов, Ростовцев, 1962, с.7) и в течение 30 лет исследовался М.Р. Касымовым, результаты этих исследований подытожены в докторской диссертации (Касымов, 1990, с. 40). Затем исследование возобновились совместной Узбекско-Российской экспедицией (Анисюткин, Исламов, Крахмаль, Сайфуллаев, Хушвактов, 1995, с. 24).

Как известно, вокруг интерпретаций Кульбулака существует много противоречащих спорных моментов. Одни исследователи (Ранов, Несмеянов, 1973, с. 34) считают культурные напластования Кульбулака переотложенными, в результате селевых потоков, приносивших материалы в котловину родника из выше расположенных саев (Кызылалмасай, Джарсай, Гиштсай). Другие исследователи непосредственно изучавшие памятник (Касымов, Годин, 1977, с. 13) предложили 49 не тронутых культурных слоев, представляющие собой все этапы развития палеолита. Новые исследования, проведенные с применением современной, технико-типологической и морфологической методики могут, приблизить решение этих спорных вопросов. Для этого нами к обработке подверглось 3203 экз. каменных изделий, найденных в разные годы из I-III слоев Кульбулака.

Сырье. В качестве сырья для выделки каменных изделий на Кульбулаке использовалось восемь пород камня, выходы которых располагаются в районе Кызылалмы, Джарсай, Гиштсай и в поймах реки Ахаргаран. Сырьевой состав каменных изделий верхних (I-III) слоев Кульбулака приведен в таблице 1.

Самой качественной породой в составе каменной индустрии верхних (I-III) слоев Кульбулака является прозрачный коричневый кремний, которому в первом и третьем слоях отдавалось большее предпочтение. Во втором слое серый кремний занимает первое положение, и использовался чуть больше чем коричневый. Во всех трех (I-III) слоях последующие позиции занимают кремнистый известняк, яшма, глинистые и кремнистые сланцы, кварцит и кварц. Надо отметить, что рост использования более качественной породы по слоям четко не наблюдается. Но

для отдельных способов расщепления употреблялись исключительно кремнистые породы. Например, нуклеусы леваллуа и микронуклеусы изготавливались только из кремней. Сырьевой состав во всех верхних слоях Кульбулака сильно повлиял на развитие техники обработки камня в целом. Как видно из таблицы 2, более 70 % в способе расщепления применялась униполярная техника, но среди нуклеусов заметное место также занимают ортогональные и двуплощадочные ядрища. Это может быть объяснено влиянием качества сырья на технику расщепления, так как наши наблюдения показали, что при униполярном расщеплении, во многих случаях, сколы ломались, не доходя до основания нуклеуса, образуя заломы в середине ядрища. Это не должно объясняться неразвитостью техники расщепления, а лишь некачественностью сырья, т.е. техническая ошибка происходила из-за срединного дефекта используемого сырья. Подобный дефект диктовал первобытному мастеру сменить площадку и ориентацию нуклеуса, в результате чего образовались ортогональные, двуплощадочные, а иногда многоплощадочные ядрища. Необходимо отметить, что принцип расщепления у выше отмеченных типов ядрищ един, т.е. относится к параллельной или же субпараллельной стратегии утилизации. Поэтому при подсчете способов расщепления ортогональные на двух фасах и бифасиальные двуплощадочные нуклеусы были включены нами в униполярную категорию.

Кроме того, в коллекции верхних слоев Кульбулака нами была выделена серия нуклеусов типа «Комбева», что означает нуклеус на отщепе. Присутствие подобных нуклеусов означает, что мастера в Кульбулаке приносили материал на стоянку уже в виде расколотых в мастерских крупных отщепов. Скол, снятый со стороны вентрала отщепа-нуклеуса, будет иметь двойной бугорок или же двойной вентрал, а сами нуклеусы называются ядрищами типа комбева (Tixier (J.). 1960, p 325; Siret (L.). 1933, p. 120-127, pl. 2; Brezillon (M.). 1983, p. 7-413).

Таким образом, анализ техники расщепления показал, что на стоянку приносились заготовки в виде крупных отщепов, и расщепление проводилось, в основном, начиная с вентральной части крупного отщепа-нуклеуса. Иногда расщепление

Таблица № 1. Сырьевой состав индустрий верхних (I-III) слоев Кульбулака

Тип сырья	I слой		II слой		III слой	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Коричневый кремь	734	65,1	125	30,4	703	41,6
Серый кремь	229	20,3	137	34,3	653	38,6
Кремнистый известняк	95	8,4	78	17,5	168	9,9
Яшма	46	4	34	11,3	82	4,8
Глинистый сланец	12	1	7	1,2	43	2,5
Кремнистый сланец	4	0,35	4	1	23	1,4
Кварцит	4	0,35	5	1,5	12	0,8
Кварц	3	0,26	6	2,8	6	0,4
Всего	1127	100	396	100	1690	100

Таблица № 2. Соотношения нуклеусов верхних (I-III) культурных горизонтов местонахождения Кульбулак

№	Тип	I слой		II слой		III слой	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	Дисковидные	6	2,4	3	2,25	3	1
а)	Односторонние	1	0,4	2	1,5	3	1
б)	Двусторонние	5	2	1	0,75	0	0
2	Пирамидальные	17	6,9	2	1,5	10	3,6
а)	Унипирамидальные	12	4,9	0	1,5	8	2,9
б)	Бипирамидальные	5	2	0	0	2	0,7
3	Леваллуазские	7	2,8	6	4,5	2	0,7
а)	для отщепов	5	2	6	4,5	2	0,7
б)	для острия	2	0,8	0	0	0	0
4	Одноплощадочные	78	31,4	61	45,9	136	48,9
а)	со скошенной площадкой	48	19,4	36	27,1	96	34,5
б)	с плоской площадкой	24	9,6	25	18,8	34	12,3
в)	Комбева	3	1,2	0	0	0	0
г)	нуклеусы – орудия	3	1,2	0	0	0	0
д)	Торцовые	0	0	0	0	6	2,1
5	Двуплощадочные	22	8,9	10	7,5	40	14,3
а)	со встречным способом расщепления	14	5,6	8	6	34	12,3
б)	с бифасиальным способом расщепления	8	3,3	2	1,5	6	2,1
6	Ортогональные	33	13,3	25	18,8	33	12
а)	Унифасиальные	17	6,8	9	6,8	22	8
б)	Бифасиальные	16	6,5	16	12	11	4
7	Многоплощадочные	18	7,2	9	6,8	18	6,5
8	Микронуклеусы	17	6,8	4	3 %	14	5
а)	Призматические	2	0,8	1	0,75	4	1,4
б)	Конусовидные	5	2	3	2,25	8	2,9
в)	Торцовые	10	4	0	0	2	0,7
9	Сработанные	20	8	0	0	8	2,9
10	Фрагменты	30	12	13	9,8	14	5
Всего:		248	100	133	100	278	100

начиналось со стороны ударной площадки или же с торца заготовки. Но это относится только кремней, которые составляют основную массу в составе индустрии верхних слоев Кульбулака. Другие относительно менее качественные породы приносились на стоянку в виде галек.

В целом, индустрия местонахождения Кульбулак развивалась в постоянном поиске более качественного куска породы, а на развитие техники расщепления сильно влияло наличие внутренних дефектов кремневого материала.

Способы расщепления в верхних (I-III) сло-

ях Кульбулака.

На Кульбулаке практиковалось несколько вариантов расщепления (таб. 3). Дисковидные нуклеусы с радиально-центростремительным способом расщепления в каменном веке Средней Азии продолжают существовать вплоть до неолита, что является одной из особенностей этой эпохи региона. Не являются исключением и верхние слои Кульбулака. Теоретически, доля радиальной техники, с развитием технологии обработки камня, должна уменьшаться и полностью исчезать в последующие эпохи камня. Среди ядрищ первого слоя они составили 2,8%, во втором слое 2,6% и к третьему слою, они уменьшаются до 1,2%.

Униполярный способ расщепления во всех трех слоях среди нуклеусов Кульбулака составляет одинаковую (3/4) долю.

Что касается леваллуазской техники расщепления, то с появлением и развитием позднепалеолитической техники ее значения обычно уменьшается и исчезает. Но в позднем палеолите Узбекистана, хотя и в малом количестве, она сохраняется. Это является еще одной особенностью палеолита Средней Азии. При анализе индустрий верхних трех (I-III) слоев Кульбулака прослеживается уменьшение доли этой техники от

первого к третьему слою, аналогично и дисковидному раскалыванию. Самое большое значение леваллуа оказалось во втором слое (5,2%) и чуть меньше в первом слое (3,2%), а к третьему слою, она почти исчезает (0,6%).

Сработанных нуклеусов во втором слое не оказалось. Их 8% в первом и 2,9% в третьем слоях. Они сильно сработанны, не имеют какую-либо форму и были выполнены из более качественного кремня. Видимо, эти породы подвергались максимальной утилизации и на последней стадии обработки, они расщеплялись без какой-либо системы, в целях получить с них максимальное количество заготовок.

Количество многоплощадочных нуклеусов уменьшается от первого к третьему слою. По метрическим показателям часть их сильно сработанные, а часть имеет более крупные размеры. Некоторые из нуклеусов имеют дефекты внутри сырья.

Среди доли микронуклеусов верхних трех слоев Кульбулака на первом месте оказался первый слой (17 экз.). Чуть меньше по количеству микронуклеусов в третьем слое (14 экз.), а во втором слое их всего 4 экз.

В первом слое доминируют торцовые микронуклеусы (10 экз.), а призматических (2 экз.) и

Таблица № 3. Соотношение характера расщепления нуклеусов верхних (I-III) слоев Кульбулака

№	Способы Расщепления	Нуклеусы					
		I слой		II слой		III слой	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	Центростремительные	6	2,8	3	2,6	3	1,2
2	Униполярные	163	75,5	87	75	177	74,5
3	Биполярные	22	10,2	11	9,5	34	14,4
4	Ортогональные	18	8,3	9	7,7	22	9,3
5	Леваллуазские	7	3,2	6	5,2	2	0,6
6	Неопределимые	-	-	-	-	-	-
Всего:		216	100	116	100	238	100

Таблица № 4. Соотношение характера расщепления отщепов верхних (I-III) слоев Кульбулака

№	Способы Расщепления	Отщепы					
		I слой		II слой		III слой	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	Центростремительные	3	0,4	10	4,5	10	0,8
2	Униполярные	521	70	129	58,4	888	72,5
3	Биполярные	74	10	24	10,9	129	10,5
4	Ортогональные	96	12,8	40	18	144	11,7
5	Леваллуазские	12	1,6	3	1,4	11	0,9
6	Корочные	3	0,4	3	1,4	5	0,4
7	Неопределимые	36	4,8	12	5,4	38	3,2
Всего:		745	100	221	100	1225	100

конусовидных (5 экз.) ядрищ не много. В третьем слое среди микроядрищ доминируют конусовидные формы 8 экз., призматических -4 экз., а торцовых микронуклеусов всего 2 экз.

При анализе характера расщепления нуклеусов двуплощадочные и ортогональные на двух фасах ядрища добавлены к униполярным категориям способа раскалывания, так как технически они сходны с этой группой. Многоплощадочные, микронуклеусы, сработанные и фрагменты ядрищ из подсчета нами исключены.

Анализ дорсальной огранки отщепов всех трех верхних слоев показал (табл. 4) соответствие нуклеусам коллекции. Наличие отщепов, покрытых галечной коркой в инвентаре верхних (I-III) слоев говорит о том, что на стоянку, приносились в виде галек и расщепления производились на месте. Что касается отщепов с неопределимыми дорсалами, то в эту категорию нами были отнесены сколы, покрытые известковым натеком.

Среди остаточных ударных площадок отщепов во всех трех слоях доминирует гладкий тип (табл. 5).

Вторую позицию занимают фасетированные ударные площадки. В целом прослеживается снижение процентного соотношения гладких, фасетированных и корочных площадок от первого к третьему слою.

Процентное соотношение двугранных, линейных и точечных площадок, занимающих последующие позиции, наоборот, увеличивается от первого к третьему слою. Таким образом, начиная от первого слоя, заметно возрастают типы линейных и точечных площадок.

Орудийный тип-лист трех верхних слоев содержит 17 типов и более 40 подтипов орудий (см. табл. № 6). По группам эти орудия можно разделить на мустьерские, зубчатые и позднепалеолитические элементы. Мустьерских изделий в первом слое самое меньшее количество (около 20%), а во втором и третьем слоях их почти поровну (чуть больше 30%).

Зубчатых элементов также поровну в первом (32%) и во втором (33,3%) слоях, а в третьем прослеживается уменьшение их доли (17,2%). Что касается позднепалеолитических орудий, то самое большое их количество в третьем слое (52,3%).

Заметное различие прослеживается среди скребков трех слоев местонахождения. В первом слое скребки, несмотря на большое количество, имеют сравнительно грубую форму. Среди них имеется серия скребков высокой формы, которые отсутствуют во втором и третьем слоях. Скребки второго и третьего слоев выглядят более совершенными по оформлению. Что обращает на себя внимание, так это отсутствие в первом и втором слоях микроскребков, которые появляются только в третьем слое. Таким образом, в этом отношении третий слой выглядит более совершенным по сравнению с вышележащими слоями.

Различие между слоями прослеживается в отношении комбинированных орудий. В первом слое их 5, во втором 6, а в третьем слое имеются 17 экз. композитных орудий.

Итак, более совершенные микронуклеусы, раклеты и набор скребков наталкивает типологически датировать I-III слой Кульбулака второй половиной позднего палеолита. Но индустрия

Таблица №5. Характер ударных площадок отщепов верхних (I-III) слоев Кульбулака

№	Типы площадок	I слой		II слой		III слой	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	Гладкие	175	48,5	48	45,3	342	41
2	Фасетированные	144	39,9	37	35	241	29
3	Двугранные	14	3,9	8	7,5	126	15,1
4	Линейные	22	6,1	10	9,4	106	12,7
5	Точечные	2	0,5	2	1,9	17	2
6	Корочные	4	1,1	1	0,9	2	0,2
Всего:		361	100	106	100	834	100

Таблица № 6. Соотношение типологических групп орудий индустрии верхних (I-III) слоев Кульбулака

№	Технические элементы	I слой		II слой		III слой	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	Мустьерские	37	19,8	21	31,8	39	30,5
2	Зубчатые	60	32	22	33,3	22	17,2
3	Ппалеолитические	90	48,2	23	34,9	67	52,3
Всего:		187	100	66	100	128	100

третьего слоя выглядит более совершенной, из-за наличия микроскребок сравнительно мелкого размера и ногтевидной формы, так как последние появляются спорадически в конце позднего палеолита и широкое распространение получают в эпоху мезолита (Andre Leroi-Gourhan, 1988, p. 466).

Вопросы аналогии. В качестве аналогий с материалами верхних слоев Кульбулака можно привести позднепалеолитические материалы Заравшанской долины. Например, конусовидные или близкие к ним нуклеусы для расщепления микропластинок и сами микропластинки встречаются во всех позднепалеолитических памятниках Самарканда. А также скребла, зубчато-выемчатые орудия занимают основное место во всех этих индустриях. Примесь техники леваллуа для производства отщепов, острий и пластин продолжают существовать. Например, в Самаркандской стоянке процент леваллуа сравнительно высокий. Галечные орудия, встречаемые на Самаркандской стоянке и Зирабулаке, в Кульбулаке отсутствуют (Джуракулов, 1987, с. 157, рис. 28; Сайфуллаев, 2003, дисс. к.и.н., альбом иллюстрации). Зато в наборе орудий Кульбулака нами обнаружено 2 экз. рабо (во втором и третьем слоях), не имеющих аналогов в позднем палеолите Заравшана. Близкие аналогии имеются среди скребков данного региона. Все формы скребков найденные в долине Заравшана, имеются и в коллекции верхних слоев Кульбулака. Кроме того, обнаруженные ногтевидные микроскребки третьего слоя Кульбулака встречены во втором слое Самаркандской стоянки, что также наталкивает на мысль о более позднем возрасте материа-

лов Самаркандской стоянки и большей вероятности предложенной для этой индустрии датировки Г.Ф. Коробковой (Коробкова, 1972, с. 185).

Еще одной отличительной чертой материалов верхних слоев Кульбулака при сравнении с Самаркандскими материалами является наличие бифасиальной обработки. В верхних слоях Кульбулака были обнаружены листовидные изделия и один микробифас, обработанный с помощью солютрейской ретуши.

Другой отличительной чертой верхних слоев Кульбулака от других позднепалеолитических памятников Узбекистана наличие здесь серии так называемых раклетов.

Таким образом, верхние слои Кульбулака, несмотря на некоторые сходства, имеют некоторые своеобразные особенности в наборе индустрии, отличающих его от других синхронных памятников Узбекистана. Видимо, Кульбулак относится к иной, отличающейся от Заравшанской долины, культуре. На территории Узбекистана эти своеобразия заключаются в сериях каменных изделий характерных только для Кульбулака. К ним относятся: рабо, бифасы, раклеты, пести-терочки (по определению М.Р. Касымова). Это означает, что на территории Узбекистана сосуществовали племена, относящиеся к двум отличительным позднепалеолитическим культурам: эти позднепалеолитические памятники долины Заравшана, с одной стороны, и Кульбулак, с другой. Что касается геологической ситуации верхних слоев Кульбулака наши исследования доказывают правдивость выдвинутого, в свое время, заключения В.А. Ранова и С.А. Несмеянова. (Ранов, Несмеянов. 1973).

Литература:

1. Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфуллаев Б.К., Хушвактов Н.О. Предварительные исследования долины реки Ахангаран за 1994 г. Санкт-Петербург, 1995.
2. Гречкина Т.Ю. Некоторые итоги исследования Зирабулакской палеолитической стоянки // Археологические работы в новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
3. Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка и проблемы палеолита Средней Азии. Ташкент, 1987.
4. Касымов М.Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане // МИА, № 185. Москва, 1972.
5. Касымов М.Р. 1972а. Культуры и варианты палеолита Узбекистана // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972а.
6. Касымов М.Р. 1990. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора наук. Новосибирск, 1990.
7. Коробкова Г.Ф., 1972. Трасологическое исследование каменного инвентаря Самаркандской стоянки (по материалам 1958-1960 гг.). – Материалы исследования по археологии СССР, № 185, с.
8. Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
9. Brezillon (M.). La denomination des objets de pierre taillees. Maneriaux pour un vocabulaire des prehistoriens de langue francaise, 4-e supplement a «GALLIA PREHISTOIRE», edition du CNRS, p. 7-413, 1983.
10. Siret (L.). Le coup de burin mousterien. B.S.P.F., t. 30, p. 120-127, 2 pl., 1933.
11. Tixier (J.). Standardization of terms in prehistory. Current anthropology, 1, n 4, p. 325, 1960.
12. Andre Leroi-Gourhan, 1988, Dictionnaire de la prehistoire, Paris – 75006, p. 466;
13. Jean-Luc Piel-Desruisseaux, 2002, Outils prehistoriques, Dunod, Paris, p. 109.

МЕТАЛЛУРГИЯ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Введение

Предварительные замечания:

Целью данной статьи является изложение принципов, лежащих в основе представленного мной на соискание докторской степени исследования о металлообработке сапаллинской культуры, методов использованных в этой работе, а также наиболее важных ее результатов¹.

Необходимость специального исследования, посвященного корпусу металлических предметов, относящихся к сапаллинской культуре, была вызвана новыми находками, сделанными в Джаркутане в ходе раскопочных сезонов 1994-1996 годов. Новый материал сделал очевидной необходимость пересмотра старых концепций. Кроме того, в силу ряда причин стало ясно, что весь известный металлический инвентарь нуждается в дальнейшем изучении. Во-первых, ни одно из до сих пор опубликованных исследований не было специально посвящено позднему бронзовому веку. По этой же причине не был составлен каталог металлических изделий, хотя бы и носивший предварительный характер. Выборочность, свойственная публикации находок в рамках первоначальной публикации результатов раскопок, проведенных на Сапаллитепе и в Джаркутане в семидесятых и восьмидесятых годах прошлого века, которая понятна, учитывая разнообразие обнаруженных комплексов, привела к серьезной проблеме: сапаллинская культура воспринималась исследователями извне, сквозь призму «типологических таблиц» (Сарианиди, 1977, рис. 64; Chernykh, 1992, рис. 64; H. Müller-Karpe, 1980, Taf. 561B; Brentjes, 1987, 126, рис. 6.7).

В связи с этим считалось, что некоторые специфические категории находок, в основном, оружие и украшения, характеризуют сапаллинскую культуру в целом. На самом деле эти изделия представляют собой не более, чем подборку по хронологическому и типологическому принципам.

Таким образом, первоочередная задача заключалась в составлении каталога находок, включая как те, что были опубликованы прежде или были известны в составе музейных собраний, так и те, что были обнаружены на территории Джаркутана в ходе возобновленной исследовательской деятельности. Во-вторых, следовало сравнить собранный северобактрийский материал с данными, полученными в близлежащих ре-

гионах (Северном Афганистане, Маргиане, Северной Центральной Азии, Иране и т.д.), для того, чтобы определить его место в широком контексте и показать взаимоотношения и зависимости (Алекшин, 1986; Аскарлов, 1973; Аскарлов, 1977; Аскарлов, Абдуллаев 1983; Ионесов, 1988; Ионесов, 1990a; Ионесов, 1990b; Širinov, Baratov, 1997; Сарианиди, 1976a; Мандельштам, 1968; Хлопин, 1983)².

Особо пристальному изучению подлежали отношения с евразийской степью, которым до тех пор почти не уделялось внимание. Наконец, в масштабах Старого Света, изучение роли олова в металлургии Северной Бактрии (традиционно оцениваемое как весьма значительное) обещало внести некоторую ясность в так называемую "проблему олова", уже многие десятилетия занимающую специалистов по Древнему Ближнему Востоку (Muhly, 1973; Besenval, 1988; Stech, Pigott, 1986; Pigott, 1996; Weeks, 1999; Alimov et al., 1998; Alimov et al., 1999; Parzinger, Boroffka, 2003)³.

Поскольку среди результатов джаркутанского проекта какое-либо введение в специфику сапаллинской культуры отсутствует, представляется необходимым посвятить часть данной статьи вопросам географии, изучения поселений, погребальных обычаев и хронологии. В особенности последние две темы имеют основополагающее значение в обсуждении надрегиональных и общественных явлений, рассмотренных в моем исследовании. Сами изделия были подвергнуты анализу двух типов: типологическому изучению, которое в соответствии с критерием назначения изделий позволяет организовать корпус в группы, отвечающие логике анализа, а также химическому изучению, основная цель которого состоит в решении проблем производства и технологии⁴.

Терминология

Согласно общепринятому «археологическому» понятию «Северная Бактрия» обозначает долину Сурхандарьи. «Южной Бактрией» называется регион к западу от реки Кундуз в Северном Афганистане, «Восточной Бактрией» - западная часть афганской провинции Бадахшан, простирающаяся вдоль реки Пяндж, «Северовосточной Бактрией» - территория Южного Таджикистана (Francfort, 1989; Gentelle, 1978; Hiebert, 1994; Lyonnet, 1993)⁵.

Термин «Сапаллинская культура» относится к материальной культуре людей, в позднебронзо-

вом веке обитавших на территории современной Сурхандарьинской области Южного Узбекистана. Сопоставимые материалы с территории Таджикистана не могли быть включены в качестве первичных источников в настоящее исследование. Использование термина БМАК по отношению к культурам Южной Центральной Азии периодов средней и поздней бронзы избегается здесь, поскольку на сегодняшний день это понятие не выглядит достаточно обоснованным и не дает преимуществ при анализе по сравнению с менее «нагруженными» терминами (такими как, например, «культура, связанная с намазгинской культурой», «*Namazga-related*») даже исследователю, лишь поверхностно знакомому с историей центральноазиатских культур (Сарианиди, 1974; Lamberg-Karlovsky, Hiebert 1992; Hiebert, 1994; Hiebert, 1998; Göt-zelt, 1995)⁶.

Ниже, в настоящей статье, будет использоваться новая хронологическая система, заменяющая не только периодизацию, характеризующуюся делением на «сапаллинский», «джаркутанский», «кузалинский», «молалинский» и «бустанский» «этапы» (Аскарлов 1973; Аскарлов, 1977; Абдуллаев, 1979а; Аскарлов, Абдуллаев, 1983; Рахманов, 1987), но и родственные этой периодизации системы (Джаркутан I-III) (Ионесов, 1990d; Аскарлов, Ширинов 1993; Širinov, Baratov 1997) с двухступенчатой хронологией «Поздняя Бронза I/II». Более подробно этот пункт будет обсуждаться ниже.

В силу отсутствия общепринятого определения понятия «бронза» данная работа будет исходить из следующих дефиниций. Термином «оловянистая бронза» характеризуется материал на основе бронзы, содержащий не менее 3% олова (Sn). Аналогично, термин «мышьяковистая бронза» указывает на то, что доля мышьяка (As) в материале составляет не менее 3%. Таким же образом, доля свинца (Pb), лежащая выше трехпроцентного порога, определяет применение характеристики «свинцовистая бронза». Содержание упомянутых трех элементов в пределах 1-2,99% отражается в терминах «оловянистая медь», «мышьяковистая медь» и «свинцовистая медь». Материал, в котором немедный ингредиент представлен менее чем одним процентом, обозначается как «(чистая) медь». Необходимо отметить, что указание на то, что примесь олова, мышьяка или свинца в материале превышает 3%, не означает само по себе, что речь идет о сплаве. Использование понятия «бронза» (обычно означающего результат сознательного изменения химического состава лицом, занятым металлообработкой) в данном контексте следует воспринимать как прагматическое решение с целью облег-

чить ознакомление с материалом путем использования однозначной терминологии.

Следует упомянуть, наконец, о необходимости дифференциации между концептами "благополучия", критерием которой является степень, в которой та или иная персона участвует в обладании общедоступными продуктами, и концепцией "статуса", позиции в обществе, обычно выражающейся в обладании изделиями с ограниченной циркуляцией («индикаторами статуса»).

Хронология культуры Сапалли

Хронология сапаллинской культуры была разработана А. Аскарловым и его учениками, Б. Абдуллаевым, У. Рахмановым, В. Ионесовым, Т. Шириновым на основе находок, сделанных А. Аскарловым при исследовании Сапаллитепе и Джаркутана (табл). Начало раскопок в Джаркутане снабдило исследователей материалом, который, будучи более разнообразным по сравнению с материалом с относительно недолговечного поселения Сапаллитепе, позволил им разделить позднебронзовый век долины Сурхандарьи на две фазы, раннюю (сапаллинский и жаркутанский периоды) и позднюю (молалинский период). Впоследствии, Б. Абдуллаев дополнил эту периодизацию промежуточным, «кузалинским» периодом, а У. Рахманов - заключительным, «бустанским» периодом, которому дал имя другой археологический памятник, расположенный непосредственно к югу от Джаркутана. Как было отмечено этими учеными, тесные типологические связи объединяют сапаллинский и жаркутанский периоды с молалинским и бустанским периодами, в связи с чем была постулирована хронологическая система, состоящая из трех фаз (Сапалли-Джаркутан – Кузали – Молали - Бустан).

Первые два периода сравнивались с могильниками Дашлы-1 и Дашлы-3 в северном Афганистане, с Туренг Тепе III и Тепе Гиссар III в северном Иране, а также с поздним Намазга V и ранним Намазга VI в Туркменистане. Памятники, современные кузалинскому, молалинскому и бустанскому периодам, были обнаружены большей частью в Южном Таджикистане (Тандыркул, Ранний Тулхар, Тигровая Балка), а кроме того, в Маргиане (Тахирбай 3).

В системе абсолютной хронологии культура Сапалли датировалась промежутком времени между 18-тым и 10-тым столетиями до н.э. Эта датировка основывалась на выводах, к которым на основе результатов весьма ограниченного количества радиоуглеродных анализов пришли западные ученые, занимавшиеся ключевыми памятниками Ирана и Пакистана, а также ориентировалась на широко представленную в советской ар-

хеологии того времени тенденцию отдавать предпочтение «краткой» хронологии.

При обсуждении хронологии сапаллинской культуры представляется необходимым учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, описанная выше система была разработана в результате изучения большого числа погребений (на Сапаллитепе, на могильниках 3, 4а, 4б, 4в в Джаркутане, а также в Бустане 4, 7) и основывается исключительно на результатах этих раскопок. Независимая опора для этой "идеальной" хронологии отсутствует. Поскольку отложения на основных памятниках сапаллинской культуры исключительно тонки, ни на Сапаллитепе, ни в Джаркутане не удалось получить срез, представляющий стратиграфию этой культуры в целом. Так или иначе, в виду того, что слои на поселениях почти не содержат предметов, созданных в том же самом контексте, стратиграфия поселений едва ли играет серьезную роль при разработке подробной хронологической системы. Во-вторых, данные радиоуглеродного анализа не составляли статистически надежной выборки в силу их немногочисленности, а также по той причине, что они не были предварительно подвергнуты калибровке.

В ходе возобновленных раскопок в Джаркутане были выявлены некоторые проблематичные участки этой системы: абсолютные датировки, предложенные создателями системы, противоречили слегка «завышенной» хронологии, выдвинутой, главным образом, на основе радиоуглеродной калибровки материала с памятников Ирана и Пакистана. Типологически не было ясно, каким образом развивались формы керамических изделий. Впечатление аномалии производил, в особенности, средний этап сапаллинской культуры, кузалинский период, поскольку не представлялось возможным доказать ни того, что набор кузалинских форм является следствием развития форм джаркутанского периода, ни того, что молалинский набор форм обязан своему возникновению формам кузалинского периода. Эта проблема была отмечена Аскарковым и его коллегами, однако предложенная ими теория развития на основе форм культуры Инда не вполне убедительна. Но главная проблема заключается в том, что в работах, посвященных сапаллинской культуре (по причине налагаемого публикацией ограничения формата) рассматривались только отдельные, наиболее типичные погребальные комплексы соответствующих культур. Выборочный характер публикации не позволял в полной мере оценить предложенную хронологию, обратившись к первичным источникам. Возможность независимой проверки приведенной выше аргу-

ментации отсутствовала.

Поэтому все опубликованные погребальные комплексы были учтены и дополнены материалом погребений, раскопанных во время наших собственных полевых сезонов с 1995-го по 2000-ый год (Teufer, 2001)⁷. Содержание этих захоронений было тогда же разделено на серии с целью разработки относительной типологии. Этот, основанный на анализе соответствий, метод классификации погребений отчасти совпадает с подходом, принятым Аскарковым и его коллегами, но в отличие от них позволяет уделить большее внимание переходным типам или контекстам и подкрепляет предложенную хронологическую систему статистически измеряемым материалом⁸. В качестве дополнительного материала для аргументации на джаркутанском поселении были собраны образцы для радиоуглеродного анализа, обеспечивающего более надежную абсолютную датировку⁹. К настоящему моменту удалось провести типологическое сопоставление с соседними регионами с учетом недавних исследований в Маргиане (Gubaev et al. 1998; Hiebert 1994; Salvatori 2000a; Sarianidi 1998a; Сарианиди 1990a; Сарианиди 2001), Восточной Бактрии (Francfort, 1989; Lyonnet, 1997), долине Зеравшана (Besenval, Isakov, 1989; Бостонгухар, 1998; Исаков, Потемкина, 1989) и индоиранском регионе (Dyson, Howard, 1989; C. Jarrige et al. 1995; J. Jarrige, 1997; Possehl, Rissmann, 1992).

Тойфер объединяет сапаллинский и джаркутанский периоды в выделенный им этап поздней бронзы I (ПБ I) (Teufer, 2001). Сапаллинские погребения обычно древнее джаркутанских, однако ввиду сосуществования обоих поселений становится очевидным сомнительный характер номенклатуры «тип-памятник», использованной для проведения границы между периодами.

Благодаря определенным формам керамики (которым мы не можем уделить здесь внимания) в рамках ПБ I были выделены две фазы, ПБ Ia и ПБ Ib. ПБ II, в свою очередь, состоит из кузалинского, молалинского и бустанского периодов. Здесь ситуация выглядит несколько сложнее, так как оказалось, что эти 3 периода не представляют собой хронологически значимых единиц. Гончарная мастерская в Молали действительно существовала на протяжении всего следующего после этапа ПБ I отрезка времени. Бустанские формы относятся компактно к фазе ПБ IIa, следуя тем самым непосредственно за типами фазы ПБ Ib (бывшего «Джаркутанского периода»). Некоторое количество переходных форм характеризуют промежуток между ПБ I и ПБ II, в особенности, на могильнике Бустан VI¹⁰. Типичные кузалинские формы, как например, снабженные харак-

терными выпуклостями ножки ваз, датируются концом ПБ II. В любом случае речь идет не о простой перестановке Бустанского и Молалинского периодов, но о более серьезном изменении структуры. При этом датированы должны быть не периоды, а формы по отдельности. Как оказалось, тенденция развития определенных ключевых типов значительно отличается от того, что предполагалось раньше.

В ходе раскопок, проведенных в Джаркутане между 1994 и 2003 годами, какой-либо стратиграфический материал, противоречащий новой хронологической системе, обнаружен не был. Более того, наличие кузалинских форм преимущественно в ямах самого позднего времени является убедительным свидетельством в пользу этой системы. Пересмотр абсолютной датировки сапаллинской культуры привел лишь к незначительным изменениям, обусловленным, в основном, использованием радиоуглеродного и дендрохронологического методов. Применением данных методов объясняется характерное для науки последней четверти века изменение датировок культур Старого Света в пользу более ранних дат. Радиоуглеродные данные по материалу из Джаркутана позволяют датировать ПБ I 20-17 вв. до н.э., а ПБ II – 17-15 вв. до н.э. (Görsdorf, Huff, 2001). Такая датировка соответствует и радиоуглеродным данным по Туркменистану (Hiebert, 1994, 78-84) и Ирану (Bovington et al. 1974). Таблица, подытоживающая данные по хронологии и внешним отношениям сапаллинской культуры, предлагается на с. XXX.

Социальная история сапаллинской культуры

В качестве следующего шага, на основе материала с могильников Сапалли и Джаркутана была предпринята реконструкция общественной структуры сапаллинской культуры. Довольно солидная основа для этого была заложена 1231 погребальным набором с Сапаллитепе, а также с могильников Джаркутан 4а, 4в и Джаркутан 3. По признаку принадлежности к одному из периодов, ПБ I или ПБ II, данный материал делится на две почти равные части.

Традиционный подход при исследовании захоронений предполагает наличие определенных отношений между социальным положением покойного и находящимися в его могиле предметами. Несмотря на острую критику, которой, начиная с 80-х годов прошлого века (Ucko 1981; O'Shea 1984) этот постулат подвергался, анализ погребальных обычаев остается одним из главных критериев в исследовании социальных структур. Поскольку архитектура погребальных сооружений сапаллинской культуры, за одним

примечательным исключением, к которому мы вернемся ниже, отличается своим постоянством, мы вынуждены, по существу, довольствоваться инвентарем.

На этой стадии, однако, необходимо учесть следующее. Простая модель, исходящая из учета производственных затрат, не будет соответствовать нашим требованиям. В виду того, что современные представления о принципах, определяющих высокий статус того или иного изделия, во все не обязательно соответствует представлениям, бытовавшим в доисторическом обществе, решающая роль при сравнении должна принадлежать не фактору количества, а фактору качества. В данном исследовании было принято решение использовать в качестве критериев ограниченность и стабильность ассоциации. Артефакт или повторяющаяся комбинация артефактов рассматриваются в качестве символов общественного положения, если удастся показать то, что их распространение было ограничено. Пригодность того или иного изделия для отграничения группы предметов, свидетельствующих о статусе, находится в прямой пропорции к степени ограниченности доли этого изделия в товарообороте и к степени контроля над доступом к нему. При таком взгляде на вещи статус определяется доступом к изделиям.

Большая часть предметов ПБ I была обнаружена в женских погребениях. В особенности распределение бронзовых изделий (229 бронзовых предметов на 160 женских захоронений по сравнению с 37 бронзовыми предметами на 125 мужских захоронений) показывает правильность этого замечания. При этом речь идет о женских украшениях, которые составляют основную группу бронзовых изделий, и о нескольких печатях. Таким образом, на первый взгляд может создаться впечатление, что женщины играли в обществе Сапалли огромную, если не ведущую роль¹¹. Соответствующее этому выводу отсутствие оружия среди изделий сапаллинской культуры примечательно не только в общеевропейском масштабе, но и в более узком ближневосточном контексте. Удивляет, однако, то, что изделия, типичные для женских погребений, редко встречаются в погребениях мужчин. Более того, усилия, нацеленные на выявление групп-индикаторов статуса в наборах предметов, сопровождающих женские погребения, остались без результата. Ни один из типов не давал особого повода говорить о каких-либо взаимосвязях кроме просто функциональной (например, флаконов и стержней), ни один из них (за исключением серег и печатей – см. ниже) не свидетельствовал о заметной взаимосвязи с одной из возрастных групп. Представляется воз-

Таблица: Хронология Сапаллинской Культуры по Аскарону и др.:

	Северный Иран	Копет Даг	Маргиана	Северная Бактрия	Северовост. Бактрия	Южная Бактрия	Белуджистан
1000				Бустан Молали	Нурек, Тандырюл		
1100			Тахирбай 3	Кузали	Тигровая Балка, Тулхар		
1250	Шах Тепе Па, Гиссар ШС,	Намазга VI		Джаркутан		Дашлы 3	Мундигаг IV
1500	Туренг ШС-1, ШС -2	Намазга V/ VI	Аучин	Сапалли		Дашлы 1	
1750		Намазга V					

можно утверждать, что части женской одежды выражали уровень благосостояния.

Применение вышеупомянутых критериев ограниченности приводит к значительному изменению картины. Две категории артефактов из мужских погребений, а именно, ударное оружие (топор и булава) и комплект миниатюрных предметов, отвечают нашим требованиям к объектам-индикаторам статуса: обе категории редки, а кроме того, встречаются только в погребениях взрослых мужчин. Оба типа появляются вместе с оружием, редким в погребениях сапаллинской культуры.

В ПБ II основные параметры погребальной практики остаются неизменными: покойный в скорченном положении, вместе с сосудами, число которых достигало порой 15, а иногда и с предметами из металла и камня, помещается в одиночную могилу. Значительно увеличивается пропорция кенотафов и детских захоронений (43% всех могил ПБ II относится к этим категориям). Мужские погребения этого периода содержат в среднем больше металлических предметов, чем женские (47 бронзовых изделий были найдены в 69 мужских погребениях, и только 56 предметов из бронзы в 99 женских погребениях). Осмысленное распределение бронзовых изделий, большинство которых представляет собой узкие полосы металла, по категориям затруднено по причине специфики материала. Поэтому мы не в состоянии провести границу между объектами, возможно, имеющими значение для определения статуса погребенных лиц, и остальными предметами из захоронений, а следовательно, не в состоянии прийти к дальнейшим выводам относительно социального устройства периода ПБ II. В течении этого периода число металлических изделий в женских захоронениях постоянно уменьшается, показывая характерную для ранне-го 2-го тыс. до н.э. тенденцию.

Типология металлических изделий сапаллинской культуры

В нижеследующем реестре дается краткое описание основных типов, информация об их происхождении и назначении. По причинам ограниченного формата этой статьи здесь (в форме таблиц) представлены не все предметы, а только подборка, состоящая из ограниченного числа предметов и в полной мере отражающая подход «тип-таблица», подвергнутый выше критике. Дальнейшие детали заинтересованный читатель найдет в окончательной публикации¹.

Каталог представляет 635 предметов из металла. 189 из них были обнаружены на Сапаллитепе, 427 в Джаркутане, а остальные 19 в Бустане¹². 392 изделия относятся к инвентарю тех захоронений, исследование которых нашло должное отражение в документации. Из 208 бронзовых артефактов, найденных в жилищах, 119 можно датировать более точно в пределах позднебронзового века.

Целью типологии является систематизация предметов для дальнейшего анализа. С этой точки зрения группировка «естественных типов» представляет собой только вторичный аспект. Хотя метод распределения изделий по функциональным группам (в соответствии с представлением, что группы отражают предположительное назначение объектов) и приносит пользу при работе с некоторыми типами, строгое следование этому критерию оказалось неэффективным. Поэтому некоторые группы включают в себя изделия с различными функциональными или формальными характеристиками (группа Е: оружие и инструменты; группа О: различные предметы).

Группа А – Зеркала: В общей сложности 21 зеркало было найдено в Джаркутане и на Сапаллитепе. Все эти зеркала датируются периодом ПБ I. Те из них, которые были обнаружены в ненарушенном контексте, относятся к инвентарю погребений взрослых женщин. Зеркала в этих захоронениях лежат обычно перед верхней частью тела. Анализы показали, при производстве зеркал использовались как олово, так и мышьяк. Ручки

Белуцистан	Керман	Северный Иран	Копет-Дар	Маргиана Поселения	Маргиана Погребения	Северная Бактрия	Южная Бактрия Поселения	Южная Бактрия Погребения	Северо-Восточная Бактрия	Восточная Бактрия	Верхняя долина Зерафшана	Нижняя долина Зерафшана	Степи
1300				Jaz I		Kučuk I	Tilja I		(Karimberdy)				1300
1400								(Einzelfunde aus bearbeiteten Gräbern)	Vaxš				1400
1500						b SB II	(Daši 17, Daši 19)		Tuichar S (Tachirjul)	(intrusive Bestatungen)	Tazabagiab		1500
1600	Pirak I			LB B (Tachirbaj 3)		a			Tuichar N (Nurek)		(Daši-Kozi)	Tazabagiab	1600
1700						b (Džarkutan)						(Maminabad, Gudžajli)	1700
1800					Togolok 1, Togolok 21, Togolok 24		(Daši 1, Daši 3)						1800
1900	Qurab, Mehi, Mehrghat VIII, Sibri			LB A		SBI (Sapalli)	(Daši 3, Palast)						1900
2000						a		Bearbete Gräber			(Zar'da Chalifa)		2000
2100	(Quetta) Naušaro IV			(Gonur 1, Togolok 1, Tiefschnitte)	(Tachrabazar)							(Tagai)	2100
2200	Naušaro III			(Kellei?)	(Gonur)								2200
2300												Zamanbaba	2300

зеркал, в свою очередь, содержат примесь свинца, что, возможно, объясняется тем, что отливка ручек производилась в ходе второго после изготовления самих зеркал производственного этапа, а именно, по методу, который одновременно с изготовлением ручки обеспечивал ее скрепление с зеркалом.

Зеркала были найдены, главным образом, в составе инвентаря богатых погребений. Предпосылки для установления функционального соотношения с остальными находками отсутствуют. Самые близкие аналогии предлагает материал позднего 3-го – раннего 2-го тыс. до н. э. (Намазга V, VI), собранный в Туркменистане, Северном Афганистане и Восточном Иране.

Группа В – Печати: Скудость материала, свидетельствующего о применении печатей в Северной Бактрии¹³, придает обозначению этой группы чрезмерно оптимистический характер. Среди находок группы В встречаются не только образцы обычного перегородчатого типа, но и массивные печати. Отграничение последних от орнаментированных бус особенно затруднено. В случае этих категорий изделий не исключено и пересечение функций¹⁴. Как и зеркала, большинство печатей было найдено в женских захоронениях. В захоронении печать лежала или перед погребенной, или у нее в ногах, рядом с сосудами для запасов. Хронологически изделия группы В относятся, вероятно, к последнему этапу периода ПБ I. Все анализы показывают высокое содержание свинца, факт, засвидетельствованный и в отношении других регионов.

Местонахождение печатей в женских погребениях способствовало формированию разного рода гипотез о положении женщин в Бактрии бронзового века. На основании вышеупомянутых фактов представляется вероятным, что некоторые взрослые женщины осуществляли контроль за запасами (Baghestani, 1997)¹⁵.

Группа С – Сосуды: Поддающиеся датировке металлические сосуды относятся к периоду ПБ I. Эти изделия встречаются не только в женских, но и в мужских погребениях, а также в кенотафах. Сосуды делятся в соответствии с химическим составом материала на 2 группы: на сосуды из бронзы с высоким содержанием олова и сосуды с низким содержанием олова или мышьяка. Многие бронзовые сосуды дублируют керамические формы, что дает нам возможность интерпретировать эти металлические изделия как более дорогие версии обычной столовой посуды. Аналогии форм, представленных в материале Сапаллинской Культуры исключительно бронзовыми сосудами, попадают также в других районах Центральной Азии и в Иране. Однако мы

не располагаем неоспоримыми доказательствами ввоза каких-либо изделий.

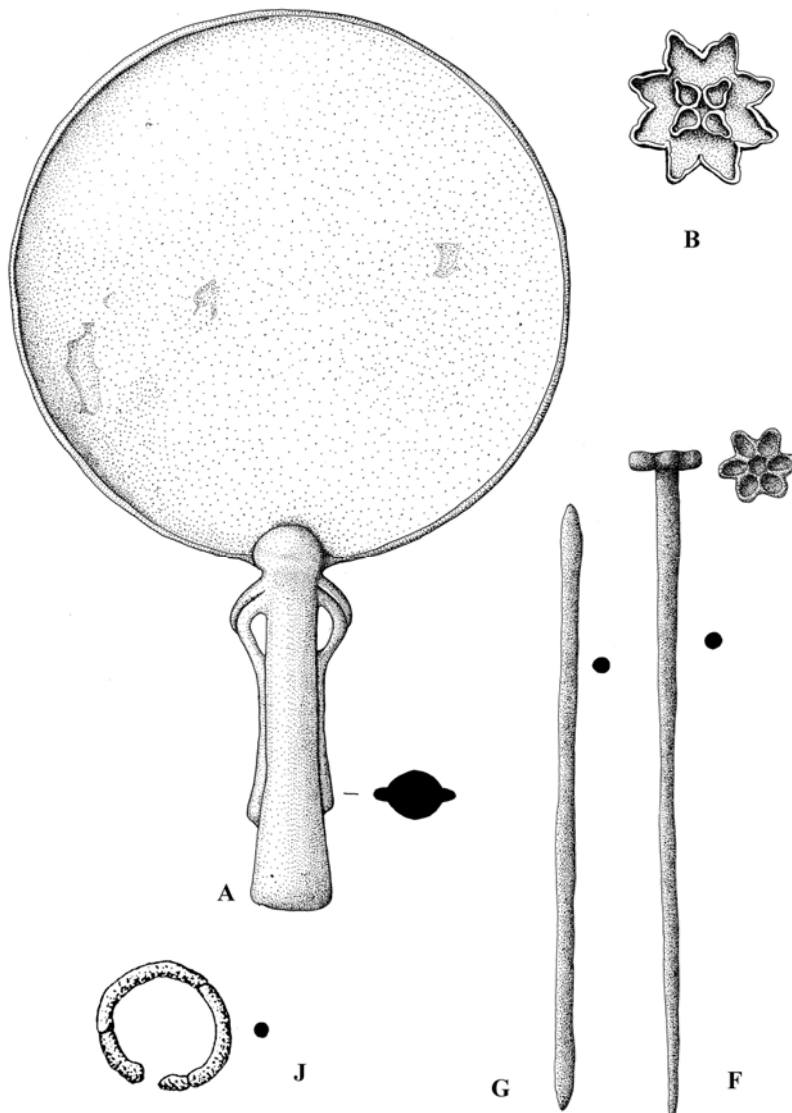
Группа D – Флаконы: Флаконы образуют еще одну группу типичных для погребений находок. Флаконы массивного литья датируются ПБ I, в то время как флаконы, изготовленные из листового металла – ПБ II. В погребениях ПБ II многократно наблюдается сочетание флаконов с металлическими стержнями (Группа G); таким образом, эти категории изделий, встречающиеся почти исключительно в женских погребениях, образуют косметические комплекты (Amiet, 1977; Hakemi, 1997; Kohl, 1984; Masson, 1988; Pottier, 1984; Sarianidi, 1979; Мандельштам, 1968; Сарианиди, 1979a; Сарианиди 2001)¹⁶. Большинство флаконов было изготовлено из бронзы с высоким содержанием свинца¹⁷.

Группа E – Оружие и орудия труда: Как уже было сказано, оружие редко встречается в захоронениях сапаллинской культуры. То же касается и орудий труда, что делает невозможной точную датировку многих предметов, относящихся к этой группе. Навершие булавок и топоры заслуживают особого упоминания в связи с тем, что эти богато украшенные изделия встречаются исключительно в мужских погребениях. Произведения изобразительного искусства Ирана позволяют предположить, что аналогичное ударное оружие служило символом высокого общественного положения (Amiet, 1986; Сарианиди, 1978; Amiet, 1972, Nr. 1677).

Металлические наконечники стрел встречаются очень редко. Это объясняется тем, что в позднебронзовом веке наконечники стрел изготавливались преимущественно из кремня. В виду того, что только массовое производство металлических наконечников экономически оправданно, кремневые наконечники, ничем не уступающие металлическим, могут являться показателями менее специализированного производственного процесса.

Всякий раз, когда кинжалы или ножи попадают в погребениях, речь идет либо о захоронениях мужчин, либо о кенотафах. Обычно, эти погребения датируются ПБ I. Похожие формы использовались, без сомнения, и далее, в ПБ II, однако в захоронениях их место заняли маленькие полоски из металла (группа N). Некоторые формы наконечников копий или ножей указывают на связь с андроновской культурой северных степей.

Шила, иглы и крючки для рыбной ловли встречаются только на поселениях. Привлечение типологии или данных стратиграфии к датировке этих изделий часто оказывается невозможным. Подвергнутые анализу бронзовые изделия груп-

пы Е обычно состоят из меди с незначительной примесью мышьяка. Это несколько удивляет в виду того, что качество орудий производства только бы выиграло в случае применения бронз с повышенным содержанием олова или мышьяка.

Группа F – орнаментированные булавки: Эта группа объединяет 78 булавок с орнаментированной головкой. В Северной Бактрии именно наличие данного элемента отличаются булавки этой группы от никаким образом не украшенных стержней группы G. Обсуждаемые в этом разделе булавки датируются исключительно ПБ I, хотя два таких изделия, найденные в Бустане VI (Avanesova, 1997, Abb. 10; Аванесова, Ташпулатова, 1999, Рис. 1; 1a) и датированные сопровождающей керамикой, маркируют границу между периодами. Связь трех булавок из погребения 049 могильника Джаркутан 4А с керамикой «кузалинского» типа нельзя признать надежной¹⁸.

Все обнаруженные на могильниках изделия группы F были найдены в захоронениях женщин

старше 16 лет. Исключение представляет булавка, найденная рядом с браслетом в мужском захоронении 207а могильника Джаркутан 4А. Местоположение булавок над головами погребенных говорит, скорее всего о том, что они использовались в качестве украшений. На Сапаллитепе ситуация неоднозначна, поскольку не удается установить случаи стандартного, свидетельствующего об использовании при закреплении одежды положения булавки или над головой, или на грудной клетке погребенной. Анализы не дают цельной картины. Орнаментированные булавки могут быть изготовлены почти из любого сплава. Материал с Сапаллитепе отличается от бронз из Джаркутана более высоким содержанием примесей. Этот факт, касающийся некоторых категорий изделий, будет обсужден ниже.

Перегородчатые головки в форме розетки так же, как и перегородчатые печати той же формы (Baghestani 1997, 123)¹⁹, были особенно распространены в Северной Бактрии. Булавки с перегородчатыми головками датируются поздним этапом ПБ I (возможно, однако, что впервые они появляются уже в ПБ IA), демонстрируя картину, сходную с печатями. Особо дорогостоящими были булавки с зооморфными головками. Повод видеть в этих изделиях,

встречающихся только в самых богатых погребениях, импортный товар отсутствует. Распространение пирамидальных головок в Северной Бактрии, а также, может быть, в Южной Бактрии, но не в Маргиане или Иране, ограничено фазой ПБ Ib. Все остальные формы компактных головок (круглые, овальные и т.д.), а также крестовидный вариант, в основном, вероятно, относятся к более позднему времени.

Группа G – Стержни: Большинство «неорнаментированных металлических булавок» характеризуется одним или двумя утолщенными окончаниями. Эти утолщения использовались для наложения косметических веществ, содержащихся в флаконах группы F (и, возможно, в других сосудах). В могилах простые стержни без утолщенных концов иногда находились рядом с флаконами. Это означает, что непосредственная корреляция формы и функции невозможна. Чем меньше эти артефакты типологически выделяются, тем меньше наши возможности высказывать предположения об их точном предназначении. Стержни

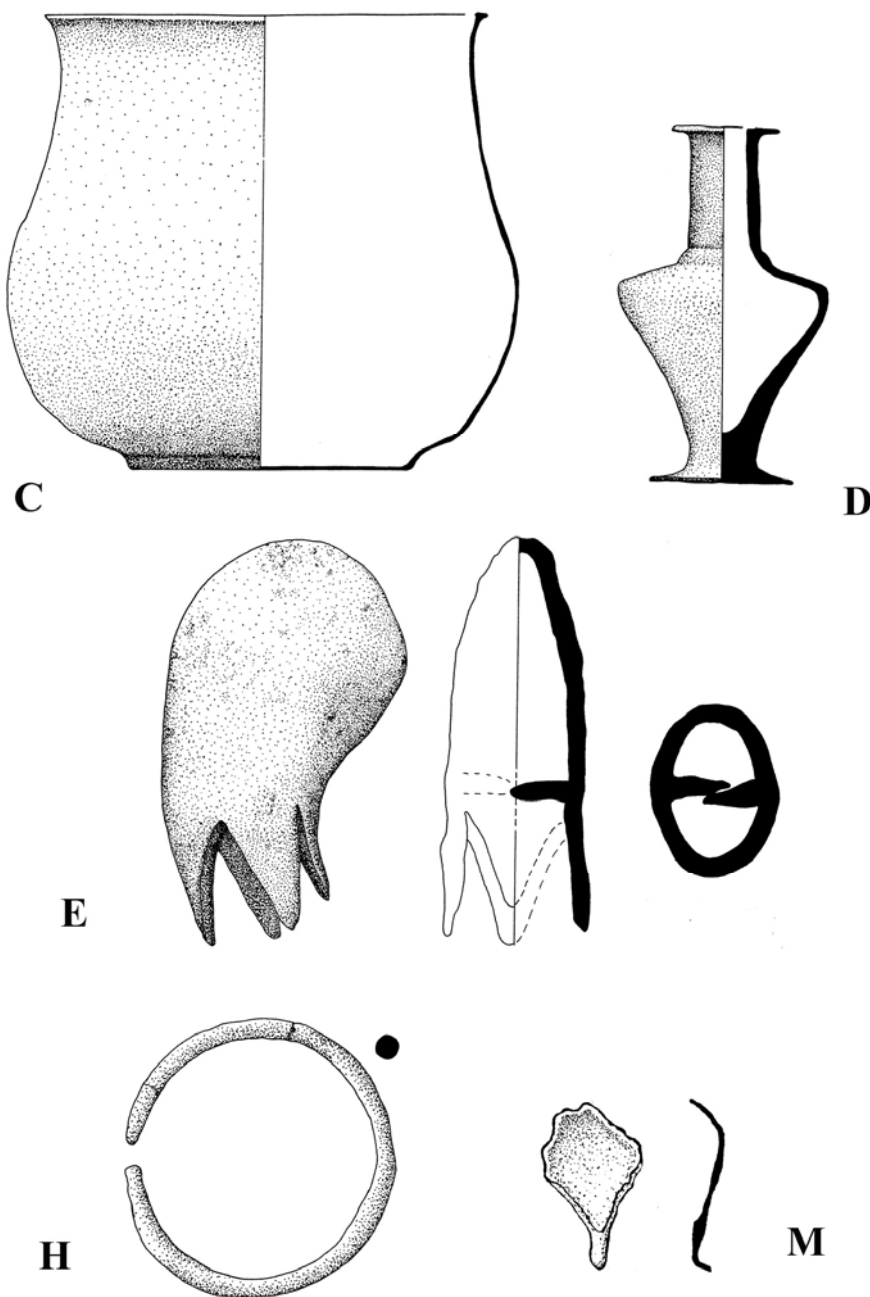
с утолщенными окончаниями и орнаментированными головками встречаются часто в других частях Центральной Азии, но до сих пор не засвидетельствованы в материале сапаллинской культуры. Причина этого явления носит, должно быть, хронологический характер.

Группа Н – Браслеты: Браслеты, как и все другие виды украшений, отражают гендерную специфику. Только дважды браслеты были обнаружены в мужских погребениях (Джаркутан 4а, погребения 207а; 240). В ПБ Iа браслеты отличаются своей массивностью и, при этом, появляются в погребениях в особо большом количестве; в Сапаллитепе, как правило, 2 браслета приходятся на одну могилу. К концу ПБ I их размер уменьшается. Большинство захоронений в Джаркутане содержит только один объект, обычно одетый на левое запястье. На лодыжках браслеты не носились. В могиле 012 джаркутанской цитадели браслеты были продеты один в другой, вследствие чего на запястьях погребенной образовывались своего рода наручники. Причины этой практики не ясны; какие-либо естественные процессы после захоронения можно исключить. Помертвное неестественное положение рук скелета прослеживается только в очень редких случаях (Виноградова, 1975,68; Виноградов et al., 1986,139)²⁰. Браслеты и серьги не встречаются в одном и том же погребении (за исключением 8 погребений: Сапаллитепе, могилы 057, 082; Джаркутан 4а, могилы 046, 048, 114, 545, 659; Джаркутан 3, могила 028).

В ПБ II в Северной Бактрии появляется тип браслетов, изготовленных из полосок листового металла, иногда изогнутых дугой. Прототипы этих браслетов относятся к материалу синташтинского и петровского этапов. В Южную Центральную Азию попадают они только в 17 в. до н.э., когда становится заметным влияние тазабагьябской культуры.

Группа I – Серьги: Простые серповидные кольца встречаются в ПБ I и в ПБ II. 2 кольца были найдены в мужском погребении

(Джаркутан 4а, могилы 186, 446), все остальные - в женских захоронениях. Поскольку многие кольца обнаружены около висков, то очевидно, речь идет о серьгах. Весьма интересно распределение серег в женских захоронениях: половина серег приходится на захоронения женщин 11-20 лет. При этом серьги - единственный артефакт в этих могилах. Серьги очень редки в могилах взрослых женщин (в таких случаях речь идет только о некоторых очень богатых погребениях (Джаркутан 4а, могила 048, Сапаллитепе могилы 057, 082)). В захоронениях женщин постарше серьги вновь встречаются чаще. Это распределение, возможно, отражает семейное положение, при этом серьги маркируют девушек или вдов, а ношение браслетов является исключительным правом замужних женщин (Teufer, 2001)²¹.

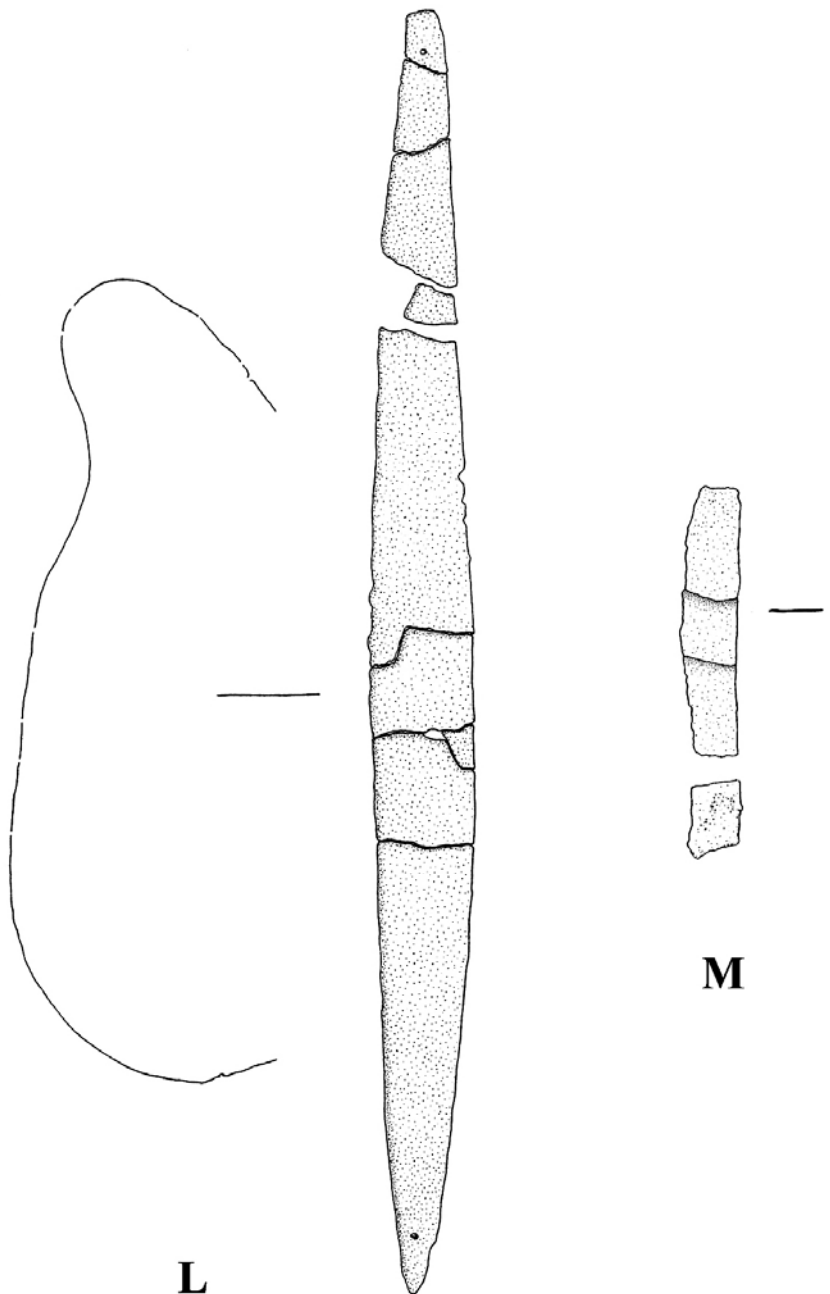
Две серповидные серьги были изготовлены из серебра. К типам, появляющимся в ПБ II, относятся серьги или подвески в форме буквы S, а также серьги с раструбом (Аванесова, 1991, 56f). Одно изделие в форме буквы S, найденное в Джаркутане, было отлито из золота, вследствие чего S-образные изделия оказываются единственным типом золотых украшений (Шайдуллаев, Аванесова, 2000)²². Обе формы серег ПБ II были распространены также в южном Таджикистане и северных степях.

Группа К – Бусы: Простые округлые бусы с продольным проколом появляются впервые во время поздней фазы ПБ I и становятся характерной формой этапа ПБ II. Муминабадские находки демонстрируют, каким образом одежда могла быть украшена бусинами, однако стоит иметь в виду, что бактрийские бусы появляются в гораздо меньшем количестве, не позволяющем реконструкцию столь же богато украшенных костюмов (Аванесова, 1991, рис. 56-61 и Usmanova, 1998)²³. Бусы особо характерны для федоровской группы андроновской культуры. Поэтому их появление в Бактрии необходимо рассматривать в свете влияния нескольких «северных» типов на металлический инвентарь сапаллинской культуры.

Группа L – Различные украшения: Одна диадема была найдена в вышеупомянутой могиле 012 джаркутанской цитадели. Элементами другой (неметаллической) диадемы служили несколько листовидных бронзовых изделий с Сапаллитепе. Единственными надежными параллелями, известными мне, являются головные уборы, обнаруженные в Уре, в погребениях царского могильника середины 3-го тыс. до н. э. (Аскарлов 1977, Таб. 30, 9; 3, 75; 39, 1-3 с Woolley 1934, pl. 220, U8568. U9656. U12380). Диадемы были распространены повсюду на Ближнем Востоке как часть женской одежды, а в культуре Инда - и как мужской головной убор. Бронзовые изделия сапаллинской культуры, принадлежащие группе L, относятся, вероятно, к ранней фазе ПБ I, а бляха с памятника Бустан б, должно быть, - к ПБ II. Подобные артефакты хорошо известны благодаря материалу с археологических памятников, родст-

венных андроновской культуре, и памятников раннего железного века.

Группа M – Миниатюрные изделия: (Согласно несколько неудачному определению) миниатюры – это изделия, копирующие существующие предметы в размере, делающем невозможным их использование в соответствии с назначением оригинала. Проблемой является тот факт, что мы не всегда располагаем «оригиналами» для сравнения. В других случаях, форма миниатюрного образца столь упрощена, что только изучение характера местоположения артефакта делает возможным установление самого оригинала орудия: в качестве особо яркого примера можно привести миниатюрные (в русской научной литературе – «вотивные») ножи группы N, состоящие только

из тонкой металлической полоски. Эти изделия были истолкованы как ножи на основании их местоположения вместе с кусками мяса в больших вазах на ножке. В виду того, что практика помещения в могилу практически бесполезных бронзовых изделий предполагает высокий уровень отвлеченного мышления общества, создавшего данную модель погребения, археолог, пытающийся дать интерпретацию объекта, нуждается в еще более развитом воображении.

Все миниатюрные зеркала и сосуды датируются ПБ II. Эти предметы дают повод предполагать, что соответствующие формы наличествовали в повседневной культуре того времени, но по какой-то причине не стали частью погребального инвентаря (Мандельштам, 1968)²⁴. Представляющий особый интерес комплект миниатюрных топоров, «лесенок» и металлических пластинок (последние принадлежат группе N), которые датируются ПБ I, будет обсужден ниже (Аскарлов, 1977, Таб. 31.8; 32.6).

Группа N – Металлические полосы: Тонкие полосы разных размеров использовались в качестве погребальных приношений на протяжении всего позднебронзового века. Полосы ПБ I несколько крупнее аналогичных изделий ПБ II. Эти ранние образцы встречаются только в ограниченном числе комплексов (см. ниже «лестничные погребения»). Полосы маленького размера представляют наиболее многочисленный тип в погребениях ПБ II.

Группа O – Обломки: Отходы производства и фрагменты другого происхождения, не дающие типологической информации. Некоторые из них были подвергнуты химическому анализу.

Обсуждение

Типологический анализ металлического инвентаря сапаллинской культуры позволяет подразделить его на 2 этапа, содержащуюся в новой хронологической системе, составленной Тойфером на основе керамического материала (Teufer, 2001; Kaniuth, Teufer, 2001). Однако развитие типов керамики не всегда протекает в соответствии с развитием типов металлических изделий: характерные для ПБ Ib формы металлических изделий могут появляться уже в погребениях, содержащих керамику последней фазы ПБ Ia, а малые формы, отнесенные к ПБ II, могут, согласно типологии сосудов, быть датированы все еще ПБ Ib. Этот вопрос касается скорее дефиниции, чем принципа, а потому не ставит под сомнение основные выводы. Материальная культура обычно развивается медленно, и вывод о резком культурном переломе объясняется поверхностной классификацией находок так же часто, как и действительно имеющим место изменением в харак-

тере документирующего непрерывность материала.

В ПБ I помещаемые в погребения невоотивные бронзовые изделия, в основном украшения для женского платья или косметические приборы, отличаются разнообразием форм. Этот материал вместе с находками из поселений дает нам хорошее, хотя и несколько однобокое, представление об инструментарии сапаллинской культуры.

Налицо типологические связи с южными частями Центральной Азии (с культурами намазгинского круга), Восточного Ирана, а также с Ближним Востоком в целом. Самые близкие параллели предлагают памятники южноафганского оазиса Дашлы и Маргианы. В Южном Таджикистане какие-либо находки того же времени до сих пор сделаны не были. Изделия ПБ I представляют заключительный этап того развития, которое стало известным, главным образом, благодаря огромному количеству предметов из грабительских раскопок в Северном Афганистане. Хронология изделий из Северного Афганистана охватывает отрезок времени, соответствующий как периоду Намазга V, так и (ранней фазе периода) Намазга VI, однако грабительские раскопки, в ходе которых эти артефакты были обнаружены, лишили нас возможности изучить досконально этот регион, являвшийся центром большей части Центральной Азии в периоды средней и поздней бронзы.

В отношении ПБ II мы располагаем исключительно находками из захоронений. Подавляющее большинство предметов должны быть отнесены к категории «воотивных» или «миниатюрных» изделий, и только серьги и бусы были частью имущества, использовавшегося в повседневной жизни.

Мы наблюдаем смещение ориентации, направленной прежде на Южную Центральную Азию и регионы индо-иранского пограничья, в пользу Северной Центральной Азии и Южного Таджикистана (в рассматриваемый период заселенных либо носителями культур андроновского типа, либо группами, попавшими под сильное влияние этих культур). Эта перемена особо заметна в случае ювелирных изделий. Множество других аспектов (например, погребальные обычаи и керамическое производство), несомненно, не претерпело никаких изменений, но в отношении металлического инвентаря установление линий непрерывного развития не представляется возможным, поскольку обычай, согласно которому погребения снабжались лишь миниатюрными предметами, маскирует формальные вариации, имевшиеся, по нашим расчетам, в каждой из категорий.

Ответить на вопрос, где возник обычай снабжать погребения миниатюрными предметами,

трудно. Нам известны 4 принадлежавшие лицам высокого ранга погребения, содержащие изделия в форме миниатюрного трапа, которые, возможно, создают прецедент (об этой группе см. ниже). Другим фактором было, вероятно, сокращение доступа к предметам из металла. Такой вывод напрашивается при сравнении данных ПБ Ib и ПБ Ia, показывающем, что бронзовые изделия ПБ Ib уступают соответствующим артефактам ПБ Ia и размером, и числом.

Металлургия

Свидетельства металлургического производства весьма немногочисленны. Некоторые из них относятся к материалу с поселения Сапаллитепе, где были обнаружены плавильные установки и шлак (Аскарлов, 1977, 123 с). Имеются сообщения об обнаружении подобных отходов в Джаркутане, на Тепе 6 (Аскарлов, Ширинов, 1993, 95). Шлак, найденный узбекско-германской экспедицией, был зафиксирован вне первоначального местоположения.

150 бронзовых находок периода ПБ I были проанализированы²⁵. Больше половины металлических изделий ПБ I содержит по крайней мере 1% мышьяка (As), материал половины из них можно квалифицировать как «мышьяковистую бронзу» в соответствии с оговоренной выше терминологией (по крайней мере 3% As). 13% находок из бронзы содержат значительное количество свинца (Pb). Превышающими 5% концентрациями Pb отличаются печати (группа B) и флаконы (группа D). Это показывает, что материал компоновался согласно требованиям, вызванным спецификой соответствующей формы.

Оловянистая бронза ($Sn > 3\%$) составляет четверть всей подборки. Большая часть образцов содержит более чем 5% олова (Sn), из чего следует, скорее всего, что в данном случае так же, как и в случае свинца, производственный процесс и подбор сырья строго контролировались. А это значит, что олово было сознательно добавляемым ингредиентом и не могло содержаться в руде. В период ПБ I, известного несколькими артефактами из бронзы с низким содержанием олова-меди с примесью олова, происходит ухудшение сплавов. Этот спад в мастерстве сказывается также в виде повышенной концентрации железа (Fe) в материале бронзовых изделий. Содержание железа определяется, главным образом, эффективностью плавильного процесса (Pernicka, 1995, с. 76).

Только 17 предметов периода ПБ II были подвергнуты анализу. Половина этих артефактов была изготовлена из оловянистой бронзы, другая половина - из меди без добавок. Даже «медные» изделия содержат небольшое количество олова.

Сходный результат, согласно которому мышьяк не играл значительной роли в течение последних фаз сапаллинской культуры, был получен путем исследования артефактов, найденных в Бустане, в холмах 3, 4 и 5 (Аскарлов, Рузанов, 1990).

В погребениях ПБ I состав материала меняется от изделия к изделию. Причины этого явления ясны: в многообразном производственном процессе компоновка сплавов часто была подчинена специфике типа (см. выше): различные формы изготавливались из материалов различного происхождения. Одно и то же погребение может, вероятно, объединять предметы, приобретенные в разное время. Только парные изделия такие, как браслеты или серьги, являются продуктами одного и того же производственного цикла, а следовательно, изготовлены из одного материала.

Погребения с «трапом» и здесь представляют собой исключение. Химический состав материала, из которого отлиты предметы, относящиеся к инвентарю одного и того же из этих захоронений, формирует столь однородную группу, что мы в состоянии показать, что эти предметы были изготовлены в ходе одного производственного цикла непосредственно для погребения или же в качестве показателей общественного положения покойного. Эта схема играет принципиальную роль в период ПБ II: Артефакты (за исключением бус (группа K)), относящиеся к одному и тому же погребению, объединяет, кроме всего прочего, и идентичный состав материала, из которого они отлиты, что говорит в пользу того, что они изготавливались исключительно в качестве погребального инвентаря.

Чем обуславливался выбор того или иного химического состава? Преобладание сплавов с содержанием свинца в печатях, флаконах и ручках зеркал было уже отмечено выше. Данное явление может объясняться повышенными требованиями процессов отливки. Весьма удивителен тот факт, что инструменты и оружие не изготавливались из сплавов с высоким содержанием добавленного металла. Из этого следует, что получение технически эффективных орудий не было главной целью отличавшегося своей сложностью металлургического производства. Наоборот, многие типы изделий, отливавшихся в Северной Бактрии из оловянистой бронзы, в Южной Бактрии и Маргиане выполнялись в золоте или серебре (Ligabue, Salvatori, 1990; Сарианиди, 2001; Rossi-Osmida, 2002; Bobomullaev, 1997). Возможно, бронза с высокой долей олова ценилась, главным образом, благодаря привлекательному цвету и использовалась как «золото (или серебро) бедных».

Доля олова в металлургии сапаллинской культуры была выше, чем в основывавшемся исклю-

чительно на применении меди, мышьяка и олова металлургическом производстве, получившем развитие в регионах, окружающих ареал этой культуры (Chernykh, 1992; Сарияниди и др., 1977; Терехова, 1990). Если наша теория использования олова для получения материала, имитирующего драгоценные металлы, верна, то высокое содержание олова связано в первую очередь не с высоким уровнем технологии, служившей населению Сапаллитепе и Джаркутана, а с ограниченной способностью этого населения обеспечить себя настоящими предметами роскоши.

Соответствующие подборки артефактов относительно ПБ II отсутствуют, однако ведущая роль олова в качестве сырья для сплавов характерна для всех находящихся под влиянием андроновской культуры регионов Южного Таджикистана (Chernykh, 1992; Аванесова, 1991; Виноградова, 1975; Богданова-Березовская, 1968). Связь между сырьем из рудников Мушистона, эксплуатировавшихся в этот период, и бронзой изделий Сапаллинской Культуры установить до сих пор не удалось. Использование мушистонской руды в металлургии ПБ I можно исключить (Parzinger et al. 2003, 301). Проводимый нами поиск источников олова должен поэтому концентрироваться на афганских месторождениях.

Социальная структура

Монументальные строения сапаллинской культуры свидетельствуют о затратах, которые может позволить себе только общество, обладающее определенной организацией. Однако находящаяся в нашем распоряжении информация об общественной структуре лишь немногим выходит за пределы этого наблюдения. Превалирующий в сапаллинской культуре тип монументальных зданий был сравнен с «кальа», одним из типов средневековой и современной архитектуры, хорошо известным благодаря этнографическим исследованиям (Hiebert, 1994), не означает, что подвергнутые сравнению архитектурные типы были созданы обществами с идентичными структурами. Погребениям, в общем, свойственна однообразность, значительные различия в снаряжении покойников или устройстве могилы отсутствуют. Единственным доступным нам показателем социальной организации являются, собственно, предметы погребального инвентаря. Но и здесь мы вынуждены признать, что ни одно из захоронений не отличается от остальных качеством находок настолько, что употребление понятия «погребение вождя» или даже понятия «царское погребение» было бы по отношению к нему оправданным.

Исходя из вышеупомянутой теории, использующей «ограниченность» как аргумент для диф-

ференциации лиц согласно их статусу, мы в состоянии выделить 2 группы в составе захоронений ПБ I:

Погребения, содержащие ударное оружие: Четыре захоронения, содержавшие наверху булавы, были обнаружены в Джаркутане и одно, содержащее топор, - на Сапаллитепе. Оба типа оружия, вероятно, не были предназначены для использования в бою, как показывает отсутствие каких-либо следов износа. Оба типа были найдены исключительно при взрослых лицах мужского пола. Навершие булавы и топоры хорошо известны в различных культурах в качестве символа власти. Увековеченная иранским искусством раннего 2-го тысячелетия сцена наделяния властью демонстрирует именно вручение «бактрийского» топора, давая тем самым регионально и хронологически близкую аналогию. Лиц, похороненных с ударным оружием, можно предварительно рассматривать в качестве представителей элиты.

«Погребения с трапом»: 4 мужских погребения периода ПБ I характеризуются в высшей степени унифицированным комплектом погребальных приношений, состоящим из одного изделия в форме миниатюрного трапа, одной маленькой полукруглой металлической полоски, определенного, вплоть до 4 штук, количества плоских металлических полосок и одного топорика. На Сапаллитепе погребения содержали в дополнение к этому металлические сосуды, которые, будучи не более чем дорогостоящими вариантами простой бытовой керамики, не несли той же функциональной нагрузки, что и предметы, относящиеся к комплекту Идентичная композиция, служащая материалом для артефактов комплекта (см. выше), подчеркивает, что эти предметы следует рассматривать в комплексе. Невозможность их эффективного применения по прямому назначению, а также тот уникальный для сапаллинской культуры факт, что два погребения на Сапаллитепе были снабжены деревянными саркофагами, заставляет предполагать, что здесь речь идет о погребениях лиц, игравших выдающуюся, возможно, религиозную роль²⁶.

Материал из женских погребений периода ПБ I не дает повода говорить о том, что женщины могли обладать сравнимым по важности статусом. Погребальный инвентарь был представлен многочисленными, дорогостоящими, однако не уникальными предметами. В силу отсутствия изделий, характеризующих статус, была исключена возможность выявить ту или иную группу.

Распределение бронзовых изделий следовало пирамидальной схеме, соответствующей иерархии уровней благосостояния. Кроме того, артефакты, типичные для погребений женщин, встре-

чаются и в мужских погребениях, что является еще одним показателем того, что обладание ювелирными и косметическими изделиями не было столь строго отрегулировано, как обладание наверхними булавами и топорами.

Ситуация с печатями, которые в Месопотамии связываются с административными процедурами, отличается неоднозначностью. Наличие настоящей бюрократии в рамках сапаллинской культуры представляется в высшей степени невероятным, поэтому следует исходить из того, что печати находили применение в системе домашнего хранения запасов. Численное преобладание изделий женского погребального инвентаря само по себе не может быть расценено в качестве веского аргумента в пользу «остаточного матриархата» (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, 54. Подобные аргументы были выдвинуты Biscione, Bondioli, 1990).

Что касается периода ПБ II, то группы с определенным социальным статусом, существовавшие на этом этапе в рамках сапаллинской культуры, остаются практически недоступными для нас. Типологически нечеткая природа артефактов из погребений лишает нас возможности формулировать теории на этот счет. Фрагмент изделия в виде миниатюрного трапа и „снабженный отверстием квадратный металлический предмет“ (не опубликован), свидетельствуют косвенно о том, что этому комплексу было свойственно определенное постоянство (Джаркутан 4а, погребение 233 и Джаркутан 4в, погребение 120).

Заключение Металлические изделия сапаллинской культуры составляют особую группу на фоне наборов металлических изделий, бывших в употреблении на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Наряду с определением места этой группы в широком типохронологическом контексте в данном исследовании делается попытка использования информации о бронзовых изделиях, комплексах, эти изделия содержащих, и химических свойствах материала, из которого эти артефакты были изготовлены, с целью выяснения роли металлических изделий в общественных отношениях и природы металлургии периода поздней бронзы в целом.

Изучение типологии подтверждает свидетельствующие о двухступенном хронологическом разделении результаты последнего исследования, посвященного погребальной практике сапаллинской культуры. Большая часть находящихся в нашем распоряжении изделий периода ПБ I (20–18 вв. до н.э.) – это находки из женских погребений, показывающие богатство, накопленное отдельными частями общества.

Две весьма немногочисленные группы, свидетельствующие о статусе, удалось выявить в муж-

ских погребениях, в связи с чем было высказано предположение, что соответствующие наборы изделий маркируют религиозные и светские элиты. Идею наличия матриархата в позднебронзовом веке доказать не удалось. Женщины, несомненно, играли важную роль при хранении запасов, а, может быть, и при его распределении.

Металлургия ПБ I основывалась, главным образом, на использовании мышьяковистой бронзы. Необходимо, однако, отметить, что часто применялась и оловянистая бронза. Материал 25% всех изделий содержал существенное количество олова, которое необходимо рассматривать в качестве преднамеренно добавлявшегося ингредиента. Доля олова в сапаллинской металлургии, таким образом, значительно выше, чем соответствующая доля в материале из соседних регионов (обычно 10%). Этот факт, однако, не является показателем особо развитого ремесла. Скорее всего, оловянистая бронза служила более дешевой альтернативой драгоценным металлам, золоту и серебру, которые широко применялись в Маргиане и Южной Бактрии, но практически отсутствуют в материале сапаллинской культуры. На территории сапаллинской культуры этот сплав ценился в силу своих внешних характеристик в отличие от Междуречья, где он пользовался спросом благодаря механическим свойствам.

В ПБ II (17–16 вв. до н.э.) наблюдается значительное влияние северных (андроновских) типов на набор металлических изделий сапаллинской культуры. Как далеко это влияние зашло, установить трудно, поскольку изменение погребальных обычаев препятствовало проникновению оригинальных объектов в погребения. Миниатюрные формы, найденные нами, были изготовлены специально в качестве погребальных изделий и потому не могут реалистически отражать оригинальный бронзовый инвентарь ПБ II.

В металлургии ПБ II мышьяк больше не играл выдающейся роли. Вместе с тем, оловянистая бронза приобретает большое значение, наверняка вследствие андроновского влияния. Возможно, что металлургия сапаллинской культуры на данном этапе использовали зерафшанские руды.

Сапаллинская культура представляет собой периферийное явление в рамках намазгинского комплекса, но находясь на стыке двух больших культурно-географических регионов она играет важную роль в технологическом и культурном обмене. Эта посредническая роль нигде не проявляется так ясно, как в металлургии, в которой инновации, привнесенные евроазиатскими общинами, становящимися все более влиятельными, поглощаются существующей культурной структурой.

Примечания

1. Интерес к центральноазиатской металлургии возник у меня в связи с участием в раскопках Германского Археологического Института в Джаркутане. Я хотел бы поблагодарить директора проекта, доктора Д. Хуффа, и доктора Т. Ширинова, директора Института Археологии Узбекской Академии Наук за разрешение работать с материалом. Шестой том серии "Archäologie in Iran und Turan", содержащий обсуждаемые здесь данные, находится в данное время в печати.
2. К сожалению, материал, собранный в этих регионах, опубликован в еще меньшей мере, чем материал, находящийся в нашем распоряжении. Тогда как довольно подробные каталоги и анализы погребений могильников Северной Бактрии уже опубликованы, соответствующая документация по остальной Южной Центральной Азии за исключением Дашлы, Раннего Тулхара и Сумбара отсутствует.
3. По сути дела, речь идет о поиске источников олова, применявшегося в Месопотамии 3-го и 2-го тысячелетий до новой эры. Скорее всего, следует рассматривать регион нынешнего Афганистана и Южную Центральную Азию в качестве древних поставщиков этого ценного материала. Специальный проект с целью изучения месторождений олова был организован Евразийским Департаментом Германского Археологического Института.
4. Автор данного сообщения был ознакомлен с итогами значительной части анализов, проведенных в рамках проекта "Early tin mining in Central Asia" профессором Перницкой и доктором Лутцем. Все образцы были исследованы при помощи рентгеновского снимка. Повторный анализ некоторого числа объектов доказал отсутствие систематических различий между результатами, полученными во Фрайберге, Гейдельберге и Ленинграде.
5. Термин «Северовосточная Бактрия» использован здесь впервые. Использование понятия «Северная Бактрия» по отношению не только к долине Сурхандарьи, но и к Южному Таджикистану противоречило бы преобладающим археологическим определениям понятия «Бактрия», которые учитывают не только географическую, но и культурную специфику.
6. Определения термина «БМАК» заметно расходятся.
7. Это исследование было проведено М. Тойфером и включено в его (неопубликованную) магистерскую диссертацию.
8. В публикации Jensen, Nielsen 1997 дается хорошее введение в метод анализа соответствий.
9. В настоящее время наука располагает для сапаллинской культуры примерно двумя дюжинами откалиброванных дат, полученных посредством радиоуглеродного анализа. Результаты новых измерений были опубликованы в Görsdorf, Huff, 2001.
10. Bustan VI, 168 (Аванесова, 1997, Рис. 11); Bustan VI, 230 (Аванесова, Ташпулатова, 1999, Рис. 1,1); Dzarkutan 4a 183 (Аскарлов, Абдуллаев, 1978, Рис. 3); Dzarkutan 4a 216 (Аскарлов, Абдуллаев 1983, Таб. 24).
11. Предположения, в соответствии с которыми сапаллинское общество было матриархальным или же, по крайней мере, сохраняло пережитки матриархата, были высказаны различными учеными. Наибольшую известность получили идеи, предложенные в следующих публикациях: Аскарлов, Абдуллаев, 1983; Biscione, Bondioli, 1990; Alekshin, 1983.
12. Над исследованием о большой группе бронзовых изделий из Bustana работает в данное время Н. Аванесова. Эта работа послужит важным добавлением к нашему каталогу (в виду того что, как кажется, некрополь Bustan VI представляет собой переходное звено от ПБ I к ПБ II).
13. Единственный до сих пор отпечаток был обнаружен в Джаркутане.
14. Так же, как и в отношении печатей из Междуречья, предполагается, что эти (цилиндрические) печати, кроме своей (основной?) экономической функции, выполняли еще и социальную функцию, а также играли роль оберегов.
15. Обзор перегородчатых печатей был недавно предложен Багестани.
16. Анализы содержимого этих сосудов до сих пор отсутствуют, однако широкое распространение маленьких косметических флаконов в Центральной Азии и Иране было неоднократно отмечено.
17. Такие же результаты были получены ранее Аскарловым и Рузановым 1977.
18. Согласно хранящемуся в архивах Института археологии оригиналу отчета о раскопках, это погребение было разграблено ночью местными жителями; упомянутые предметы были найдены либо разбросанными вокруг ямы, либо у грабителей. Таким образом, нельзя исходить из принадлежности данных находок к целостному комплексу.
19. Впервые этот факт был отмечен Baghestani.
20. Примерами этого явления являются, возможно, могила 11в Тандырьюле и Кокча 3, могила 77.
21. Это, однако, оспаривается в работе Teuffer.
22. Изделия из Джаркутана и сравнимые с ними артефакты из Бустана опубликованы в исследовании Шайдуллаева и Аванесовой.
23. Подобные реконструкции были предложены в публикациях Аванесовой и Usmanova.
24. Погребения того же времени, исследованные на территории Таджикистана, содержат полный набор бронзовых изделий, размер которых указывает на возможность практического использования.
25. Я хотел бы поблагодарить проф. Е. Перницку и др. Й. Лутца за предоставление информации о химическом составе артефактов.
26. Лестница как символ обретения доступа к другим сферам вселенной представляет собой мотив, известный начиная с хеттских текстов и вплоть до свидетельств о сибирских шаманах начала 20-го века.

Литература:

1. Б. Абдуллаев. Могильник Джаркутана // ИМКУ. Вып 15, 1979, 22-34.
2. Н.А. Аванесова. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям) (Ташкент, 1991).
3. Н.А. Аванесова, Н. Ташпулатова, Символика в погребальной практике сапаллинской культуры (по материалам исследования могильника Бустан VI) // ИМКУ. Вып. 30, 1999, 27-36.
4. В.А. Алекшин. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986.
5. А.А. Аскарлов, Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
6. А.А. Аскарлов. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
7. А.А. Аскарлов, Б. Абдуллаев. Раскопки могильника Джаркутан // ИМКУ. Вып. 14, 1978, 19-42.
8. А.А. Аскарлов, Б. Абдуллаев. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
9. А.А. Аскарлов, В.Д. Рузанов. Некоторые данные о металлических сплавах с послеления Сапаллитепа // ОНУ. № 6, 1977, 56-59.
10. А.А. Аскарлов, В.Д. Рузанов. Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустана 3, 4 и 5 // ИМКУ. Вып. 23, 1990, 6-12.
11. А.А. Аскарлов, Т. Ширинов. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
12. И. Б. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов из могильников эпохи бронзы в Бишкентской долине // А. М. Мандельштам, Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане. Материалы и Исследования по Археологии СССР. 145. Л., 1968. 163-168.
13. С. Бостонгухар. Верховья Зерафшана во II тысячелетии до н.э. Душанбе, 1998.
14. А.В. Виноградов, М.А. Итина, Л.Т. Яблонский. Древнейшее население Низовий Амударья. Археолого-палеоантропологическое исследование // Труды Хорезмской Археолого-Этнографической экспедиции. 15. М., 1986.
15. Н.М. Виноградова. Отчёт о раскопках могильника Тандырюл в 1975 г. // Археологические работы в Таджикистане 15, 1975, 63-74.
16. В.И. Ионесов. Новые исследования могильника эпохи бронзы Джаркутан 4В // ИМКУ. Вып. 22, 1988, 3-13.
17. В.И. Ионесов. О новых погребениях Джаркутана // ИМКУ. Вып. 23, 1990, 139-147.
18. В.И. Ионесов. Некоторые данные о могильнике Джаркутан-4В // ИМКУ. Вып. 24, 1990, 8-18.
19. А.И. Исаков, Т.М. Потемкина. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1989, Н.1, 145-169.
20. А.М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане // Материалы и исследования по археологии СССР. 145. Ленинград, 1968.
21. У. Рахманов. Керамическое производство эпохи бронзы южного Узбекистана // Unpublizierte Dissertation, Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften, Samarkand. Самарканд, 1987.
22. В.И. Сарияниди. Бактрия в эпохи бронзы // СА. М., 1974, №.4, с. 49-71.
23. В.И. Сарияниди. Исследования памятников Дашлинского оазиса // И.Т. Кругликова (Hrsg.). Древняя Бактрия 2,1. Материалы советско-афганской экспедиции 1969-1973 гг. Москва, 1976, с. 21-86.
24. В.И. Сарияниди, Древние земледельцы Афганистана // Материалы советско-афганской экспедиции 1969-1974 гг. Москва, 1977.
25. В.И. Сарияниди. Древнейшие топоры Афганистана // СА. М., 1978, №2, с. 186-194.
26. В.И. Сарияниди. Косметические флаконы из Бактрии // СА. М., 1979, №.2, с. 255-261.
27. В.И. Сарияниди. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
28. В.И. Сарияниди. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
29. Н.Н. Терехова. Обработка металлов в древней Маргиане // В.И. Сарияниди. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990, с. 177-202.
30. И.Н. Хлопин. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983.
31. Т. Ширинов. Орудия производства и оружие эпохи бронзы среднеазиатского междуречья. Ташкент, 1986.
32. V.A. Alekshin. Burial customs as a archaeological source. Current Anthropology 24/2, 1983, 137-150.
33. K. Alimov, N. Boroffka, M. Bubnova, Ju. Burjakov, J. Cierny, J. Lutz, H. Parzinger, E. Pernicka, V. Ruzanov, T. Širinov, G. Weisgerber. Prähistorischer Zinnbergbau in Mittelasien. Eurasia Antiqua 4, 1998, 137-199.
34. P. Amiet, Elam (Auvers-sur Oise, 1966).
35. P. Amiet. Glyptique Susienne des origines à l' époque des Perses Achéménides. Cachets, sceaux cylindres et empreintes antiques découvertes à Suse de 1913 à 1967. Mémoires de la Délégation Archéologique en Iran 43. Paris, 1972.
36. P. Amiet. Bactriane proto-historique. Syria 54, 1977, Н. 1-2, 89-121.
37. P. Amiet. L' Age des échanges inter-iraniennes, 3500-1700 avant J.-C. Notes et documents des Musées de France 11 Paris, 1986.
38. T.J. Arne. Excavations at Shah Tepe. Reports from the scientific expedition to the north-western provinces of China under the leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish expedition. Publication 27, Abt. 7 (Archaeology), Nr. 5 Stockholm, 1945.

39. N.A. Avanesova. Bustan VI, une nécropole de l'Age du Bronze dans l'ancienne Bactriane (Ouzbékistan méridional): témoignages de cultes du feu. *Arts Asiatiques* 50, 1995, 31-46.
40. N.A. Avanesova. Spätbronzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Flußoase nach den Befunden der Nekropole Bustan 6. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 29, 1997, 147-178.
41. N. Avanesova, Š. Šajdullaev, A. Erkulov. Džam - ein neuer bronzezeitlicher Fundort in der Sogdiana. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 33, 2001, 63-73.
42. S. Baghestani. Metallene Compartimentsiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord-China. *Archäologie in Iran und Turan* 1. Rahden, 1997.
43. R. Besenval. L'étain dans l'Asie Centrale protohistorique: une source possible pour les métallurgies moyen-orientales. In: J.-C. Gardin (Hrsg.), *L'Asie Centrale et ses rapports avec les civilisations orientales, des origines à l'Age du Fer. Actes du colloque franco-soviétique, Paris, 19-26 nov. 1985. Paris, 1988.* 229-235.
44. R. Besenval, A. Isakov. Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarkand. *Arts Asiatiques* 44, 1989, 5-20.
45. R. Biscioni, L. Bondioli. Sapallitepa. In: G. Ligabue, S. Salvatori (Hrsg.), *Bactria. An ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan. Venedig, 1990.* 67-69.
46. S. Bobomulloev. Ein bronzezeitliches Grab aus Zardča Chalifa bei Pendžikent (Zeravšan-Tal). *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 29, 1997, 121-134.
47. C. Bovington, R.H. Dyson, A. Mahdavi, R. Masoumi. The radiocarbon evidence for the terminal date of the Hissar III culture. *Iran* 12, 1974, 195-199.
48. B. Brentjes. Probleme der baktrischen Bronzezeit. *Iranica Antiqua* 22, 1987, 117-163.
49. P. Calmeyer. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. *Untersuchungen zur Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie* 5. Berlin, 1969.
50. J.M. Casal, Fouilles de Mundigak. *Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan* 17. Paris, 1961.
51. E. Chernykh. Ancient metallurgy in the USSR. The early metal age. *New studies in archaeology. Cambridge, 1992.*
52. I.N. Chlopin. Jungbronzezeitliche Gräberfelder im Sumbar-Tal, Südwest-Turkmenistan. *Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie* 35. München, 1986.
53. H.E.W. Crawford. The problem of tin in Mesopotamian sources. *World Archaeology* 6, 1974, 242-247.
54. J. Curtis. A reconsideration of the cemetery at Khinaman, South-East Iran. *Iranica Antiqua* 23, 1988, 97-127.
55. J. Deshayes. Les outils de bronze de l'Indus au Danube. *Bibliothèque Archéologique et Historique* 71. Paris, 1960.
56. R.H. Dyson, S. M. Howard (Hrsg.), *Tappeh Hissar - Reports of the restudy project, 1976. Monografie di Mesopotamia* 2. Florenz, 1989.
57. H.-P. Francfort, Fouilles de Shortugai. *Récherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale* 2. Paris, 1989.
58. P. Gentelle. Étude géographique de la plaine d'Ai Khanoum et de son irrigation depuis les temps antiques. *Publications de l'Unité de Recherche Associée no. 10 du Centre de Recherche Archéologique* 2. Paris, 1978.
59. P. Gentelle. Prospections archéologiques en Bactriane Orientale 1: Données paléogéographiques et fondements d'irrigation. *Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale* 3. Paris, 1989.
60. R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, près de Kashan 1933, 1934, 1937. *Musée du Louvre – Département des antiquités orientales, Série archéologique* 4. Paris, 1938.
61. J. Görtsdorf, D. Huff, C-Datierungen von Materialien aus der Grabung Džarkutan, Uzbekistan. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 33, 2001, 75-87.
62. T. Götzelt. Complex simplicities: Of periods and functions in Bronze Age Southern Turkmenistan. *Altorientalische Forschungen* 22, 1995, 56-69.
63. T. Götzelt. Ansichten der Archäologie Süd-Turkmenistans bei der Erforschung der mittleren Bronzezeit (Periode Namazga V). *Archäologie in Eurasien* 2. Espelkamp, 1996.
64. A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi (Hrsg.). The archaeological map of the Murghab Delta. Preliminary reports 1990-95. *Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Reports and Memoirs, Series Minor* 3. Rom, 1998.
65. A. Hakemi, Shahdad. Archaeological excavation of a Bronze Age centre in Iran. *Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, Reports and Memoirs* 27. Rom, 1997.
66. F.T. Hiebert. Origins of the Bronze Age oasis civilization in Central Asia. *American School of Prehistoric Research, Bulletin* 42. Cambridge, Mass., 1994.
67. F.T. Hiebert. Central Asians on the Iranian Plateau: A model for Indo-Iranian expansionism. In: V. H. Mair (Hrsg.), *The Bronze Age and Early Iron Age peoples of Eastern Central Asia. Journal of Indo-European Studies, Monograph Series* 26. Washington, 1998. 148-161.
68. D. Huff. Djarkutan. *Archaeological research on Tepe VI. O'zbekiston moddiy madaniyati tarixi* 31, 2000, 58-69.
69. D. Huff, C. Pidaev, C. Chaydoullaev. Uzbek-German archaeological researches in the Surkhan Darya region. In: P. Leriche, Ch. Pidaev, M. Gelin, V. Fourniau (Hrsg.), *La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale. Termez et les villes de Bactriane-Tokharestan. Actes du colloque de Termez 1997. La Bibliothèque de l'Asie Centrale.* Paris, 2001. 219-233.
70. C. Jarrige, F. Jarrige, R. H. Meadow, G. Quivron (Hrsg.), Mehrgarh. *Field reports 1974-1985. From neolithic times to the Indus Civilization.* Karachi, 1995.

71. J.F. Jarrige. From Nausharo to Pirak: Continuity and change in the Kachi/Bolan Region from the 3rd to the 2nd millennium BC. In: A. Allchin, B. Allchin (Hrsg.), *South Asian Archaeology 1995. Proceedings of the thirteenth international conference of South Asian Archaeologists in Western Europe, Cambridge, 5-9 July 1995*. Delhi, 1997. 11-32.
72. C. Jensen, K. Nielsen (Hrsg.), *Burial and society* (Aarhus 1997).
73. K. Kaniuth, M. Teufer, Zur Sequenz des Gräberfeldes von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 33, 2001, 89-113.
74. P.L. Kohl, *Central Asia. Palaeolithic beginnings to the Iron Age. L'Asie Centrale des origines à l'âge du fer*. Éditions Recherche sur les Civilisations, Synthèse 14. Paris, 1984.
75. C.C. Lamberg-Karlovsky, F. T. Hiebert. *Central Asia and the Indo-Iranian borderlands*. *Iran* 30, 1992, 1-15.
76. G. Ligabue, S. Salvatori (Hrsg.), *Bactria. An ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan* (Venedig 1990).
77. B. Lyonnet. The problem of the frontiers between Bactria and Sogdiana: An old discussion and new data. In: A. J. Gail, G. J. Mevissen (Hrsg.), *South Asian Archaeology 1991. Proceedings of the eleventh international conference of South Asian Archaeologists in Western Europe*. Stuttgart, 1993. 195-208.
78. B. Lyonnet. Prospections archéologiques en Bactriane orientale 2: Céramiques et peuplement du Chalcolithique à la conquête arabe. *Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale* 9. Paris, 1997.
79. V.M. Masson. *Altyn-Depe*. University Museum Monograph. Philadelphia, 1988.
80. H. Müller-Karpe. *Handbuch der Vorgeschichte IV. Bronzezeit*. Frankfurt, 1980.
81. J.D. Muhly. Copper and Tin. The distribution of mineral resources and the nature of the metals trade in the Bronze Age. *Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences* 43, 1973, 155-535.
82. J.O'Shea, *Mortuary variability. An archaeological investigation*. Studies in Archaeology. Orlando, 1984.
83. H. Parzinger, N. Boroffka. Das Zinn in der Bronzezeit in Mittelasien I. Die siedlungsarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten. *Archäologie in Iran und Turan* 5. Mainz, 2003.
84. H. Parzinger, E. Pernicka, G. Weisgerber, Zusammenfassung. In: H. Parzinger, N. Boroffka. *Das Zinn in der Bronzezeit in Mittelasien I. Die siedlungsarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten*. *Archäologie in Iran und Turan* 5. Mainz, 2003. 287-301.
85. E. Pernicka. Gewinnung und Verarbeitung der Metalle in prähistorischer Zeit. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums* 37, 1995, 21.129.
86. G.L. Possehl, P. C. Rissman, The chronology of prehistoric India: From earliest times to the Iron Age. In: R. W. Ehrich (Hrsg.), *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, 1992³. 465-490.
87. M.H. Pottier. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'Age du Bronze. *Recherche sur les Civilisations, Mémoire* 36. Paris, 1984.
88. D.T. Potts. *The Archaeology of Elam. Formation and Transformation of an Ancient Iranian State*. Cambridge World Archaeology. Cambridge, 1999.
89. G. Rossi-Osmida (Hrsg.). *Margiana. Gonur-depe necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research centre*. Padua, 2002.
90. S. Salvatori. The Bronze Age in Margiana. In: A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi (Hrsg.), *The archaeological map of the Murghab Delta. Preliminary reports 1990-95*. Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Reports and Memoirs, Series Minor 3. Rom, 1998. 47-55.
91. S. Salvatori. Il cimitero del Bronzo Medio a Gonur Depe I (Delta del Murghab, Turkmenistan). Alcune riflessioni sulla Margiana e la Battriana preistoriche. In: E. Rova (Hrsg.), *Patavina orientalia selecta. History of the Ancient Near East, Monographs* 4. Padua, 2000. 35-70.
92. V.I. Sarianidi. New finds in Bactria and Indo-Iranian connections. In: M. Taddei (Hrsg.) *South Asian Archaeology 1977. Papers of the fourth international conference of South Asian Archaeologists in Western Europe*. Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di Studi Asiatici, Series Minor 6 (1979) 643-659.
93. E.F. Schmidt. *Excavations at Tepe Hissar Damghan*. Publications of the Iranian section of the University Museum Philadelphia, 1937.
94. T. Stech, V.C. Pigott. The metals trade in Southwest Asia in the third millenium BC. *Iraq* 48, 1986, 39-64.
95. T. Širinov, Die frühurbane Kultur der Bronzezeit im südlichen Mittelasien. Die vorgeschichtliche Siedlung Džarkutan. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 34, 2002, 1-170.
96. T. Širinov, S. Baratov, Bronzezeitliche Grabstätten aus der Nekropole Džarkutan 4c (Süd-Uzbekistan). *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 29, 1997, 65-120.
97. M. Teufer, *Die Bestattungen von Sapalli Tepe*. Unpublizierte Magisterarbeit, Freie Universität Berlin (Berlin 2001).
98. P.J. Ucko, *Ethnography and archaeological interpretation of funerary remains*. *World Archaeology* 1, 1969, 262-280.
99. E.R. Usmanova, Sur les fonctions d'une coiffure dans un rite funéraire. In: K.M. Baipakov, H.P. Francfort (Hrsg.), *Recherches archéologiques au Kazakhstan. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale* 10 (Paris 1998) 157-159.
100. L.R. Weeks, Lead isotope analysis from Tell Abraq, United Arab Emirates: new data regarding the tin problem in Western Asia. *Antiquity* 73, 1999, 49-64.
101. C.L. Woolley, *The Royal Cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid graves excavated between 1926 and 1931*. *Ur Excavations* 2 (London 1934).

М. Хасанов

О ДВУХ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЯХ ИЗ СЕЛЕНИЯ ГИЛОН ШАХРИСЯБЗСКОГО РАЙОНА

В фондах Музея истории и материальной культуры города Шахрисябза Кашкадарьинской области хранятся топор и кинжал, которые были опубликованы и датированы концом II - началом I тыс. до н.э. (Шахрисябз - 2700 наследие тысячелетий, 2002). Они найдены на участке, смытого потоком селевых дождей в селении Гилон долины Кеша.

Топор - из бронзы, вислообушный с клиновидным лезвием, высота лезвия 9 см, ширина 3 см, толщина 3-0,8 см. Конец обушковой части обломан, подпрямоугольной формы в сечении, с небольшим выступающим ребром, образовавшимся при горячей ковке, длиной 6 см, толщиной 1 см и шириной 3 см (рис. 1. 1). Проух вытянуто-эллипсоидной формы, длиной 5 см. Сохранившаяся длина топора 15 см.

Топор, близкий по форме и размеру гилонскому, найден в погребении 22 поселения Сапалли. А.А. Аскарлов погребение относит к раннему этапу сапаллинской культуры. Он имеет своеобразную удлиненную форму молотка, лезвие сильно оттянуто назад (рис. 1.2). На втулке топора с обеих сторон имеется желобок ромбовидной формы со сквозным круглым отверстием в центре, похожим на глаз. Обух имеет правильную форму, к лезвию он слегка расширяется. Само лезвие, расширяющееся вниз, немного изогнуто, а передний его край слегка опущен. А.А. Аскарлов топор из поселения Сапалли определяет как боевой секирообразный (Аскарлов, 1973, табл. 25. 13, табл. 32, 11; Аскарлов, 1977, табл. XXVI, XXVII; рис. 1. 10). При сравнении топоров из Гилона и погребения 22 поселения Сапалли, то определяется их идентичность по форме проуха. С другой стороны, сапаллинский топор своим тонким лезвием, более удобен для плотничьих дел, чем гилонский.

Не менее интересны и votivные топоры из красной меди, найденные на Сапаллитепа. Особенно насыщены таким материалом погребения бустонских могильников (Бустон 3, 4, 5, 6, 7), которые датируются XV-XIV вв. до н.э. По анализу металла улавливаются элементы фергано-ташкентской рудной базы. Формы votivных топоров напоминают саразмские варианты, которые по хронологии близки к двум центрально-древнеземледельческим памятникам юга Узбекистана и долины Зарафшана. По совокупности

металлических предметов и металлоплавильных очагов А.А. Аскарлов прослеживает высокое развитие металлообработки в древней Бактрии. Здесь в большинстве могил материал сопровождается votivными предметами, из чего можно представить высокий социальный ранг погребенного в захоронении 22. Исходя из состава votivных коллекций Сапалли, В.Д. Рузанов выявляет три основных пункта места добычи металла. При этом фергано-ташкентской рудной базе значительно уступают кызылкумский и афганский источники сырья (Рузанов, 2004, с. 170-177).

Другая группа топоров близкая по форме проуха найдена в разграбленных могилах эпохи бронзы Бактрии. Комплекс состоит из IV типов разного вида топоров и миниатюрных моделей известных среди случайных находок в Северном Афганистане. Среди них особый интерес представляют топоры с вытянутой формой (рис. 1. 3-6). Хотя топоры происходят из разграбленных могил, В.И. Сарияниди на основе совокупности металлических изделий и химических анализов датирует их сер. II тыс. до н.э. и отмечает близость с материалами Юго-Западного Ирана и металлом Луристана (Сарияниди, 1977, с. 74; Сарияниди, 1978, с. 186-194; Сарияниди, 1981, с. 180-196). Группа топоров из могил Северного Афганистана по форме топора и по форме проуха аналогична образцам из поселения Сапалли. На обоих памятниках лезвие тонкое, как у топора из селения Гилон.

В своде металлических изделий эпохи энеолита и бронзы Средней Азии Е.Е. Кузьмина представлен проушной топор, найденный в селении Пуль-и-Хатун на юге Туркменистана (рис. 1.4). Е.Е. Кузьмина этот тип топора определяет как II этап металлообработки в Средней Азии и датирует его III-II тыс. до н.э. Этот период она характеризует появлением новых видов наступательного оружия и украшений (Кузьмина, 1966, табл. 1. 4, 6). По форме топор из поселения Пуль-и-Хатун близок к сапаллинским аналогам, особенно по толщине лезвия.

По приведенным параллелям видно, что на юге Средней Азии во II тыс. до н.э. прослеживаются топоры, изготовленные из красной чистой меди, поэтому мы решили проследить их распространение во времени.

Один из таких топоров найден в селении Шар

-шар, в 40 км южнее города Сталинабада (рис. 1.5), а другой – недалеко от города Пенджикента (рис. 1.6). Поскольку тогда, эти топоры были единственными, то при датировке А.И. Тереножкин опирался на топоры андроновского типа, найденные в Ташкентском оазисе, на территории Кыргызстана и Восточного Казахстана, датируемые II тыс. до н.э. (Тереножкин, 1948, с. 16). Б.А. Литвинский на основе анализа топоров эпохи бронзы Таджикистана, развивал идеи А.И. Тереножкина. Учитывая их время появления в сопредельных со Средней Азией территориях, он отмечает, что они появились в Таджикистане в конце III-II тыс. до н.э. Он также определяет их как киркообразные выслобушные топоры для добычи руды (Литвинский, 1961, с. 59-66). Н.А. Аванесова, развивая идеи функций топора андроновского типа, предполагает использование их в плотническом деле или как оружие (Аванесова, 1991, с. 16). Нам кажется, что учитывая связь выслобушных топоров андроновского типа с фергано-ташкентской рудной базой, выделенной В.Д. Рузановом, к ним более подходит определение как рубящее орудие.

Два топора-тесла случайного происхождения, по типологии А.И. Исакова, относятся к комплексу Саразм IV. Оба топора проушные, в отличие от двух предыдущих, один имеет проух круглой формы (рис. 1. 5), другой - выступающую втулку (рис. 1. 4). Первый топор крупнее второго, длиной 23,3 см и соответственно - 15 см. Как отмечает А.И. Исаков, оба топора-тесла имеют близкое сходство, чего не видно на топо-

рах-теслах Шар-шар и Йорисай (Исаков, 1991, с. 97). На основе археологического материала из датированных слоев и химического анализа, А.И. Исаков удревяняет датировку А.И. Тереножкина придерживаясь мнения Б.А. Литвинского, и относит их к верхнему строительному горизонту комплекса Саразм-IV, датируемого 2300-1900 гг. до н.э. (Исаков, 1991, с. 96).

Во время работ Южно-Кызылкумского археологического отряда в районе Лявляканских озер в одной из песчаных дефляциянных котловинах найдены разновременные археологические находки. Одна из них - древнейшая в степной зоне литейная мастерская конца III - нач. II тыс. до н.э. Найденная литейная форма топора более близка к саразмскому типу по выступающей втулке, чем к топорам сапаллинской культуры. А.В. Виноградова и Е.Е. Кузьмина по совокупности всего археологического материала, прослеживают тесный контакт этих племен с высоко развитым земледельческим населением Юго-Восточного Прикаспия, являющимися посредниками в передаче на север достижений древневосточной цивилизации (Виноградов, Кузьмина, 1970, с. 125-135). По результатам химических анализов сапаллинских металлических изделий Кызылкумская рудная база была одним из основных источников руд северных бактрийцев (Рузанов, 2004, с. 173).

В своде медных топоров Восточной Европы, составленной В.Г. Зданович, имеются разные варианты форм лезвий клинков, но проухи во всех случаях округлой формы (Зданович, 1969,

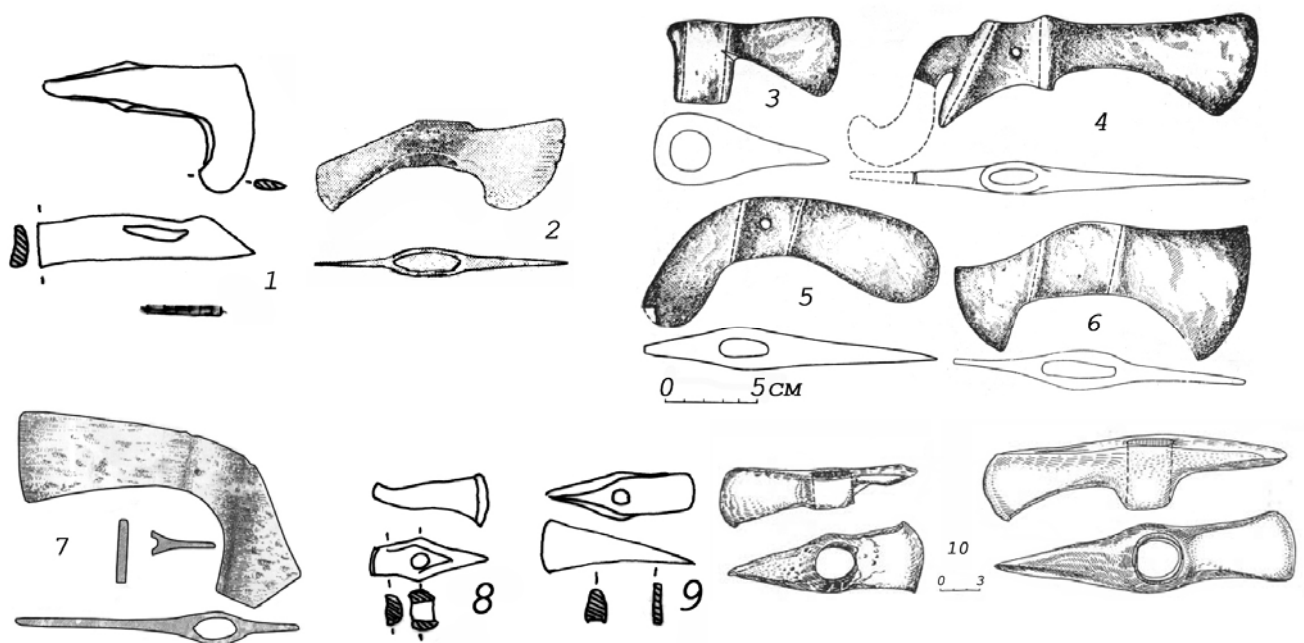

Рис. 1.

с.135-142), как в Саразме.

В кишлаке Джам найдено погребение женщины эпохи бронзы с украшениями и зеркалом сапаллинского типа, но с андроновскими элементами орнамента. Среди бронзовых находок имеется топор из красной меди, близкий по форме йоринскому топору. Он двухлезвийный с круглым проухом, но с плоско-горизонтальным лезвием. Длина топора 16 см, ширина лезвия 3,5-4 см, диаметр обуха 2-2,5 см. Спектральный анализ показал, что топор изготовлен из чистой меди и не находит прямых аналогий. Но по приему техники формовки проуха, он является одним из архаичных, характерных для металлообрабатывающего производства трипольской культуры Восточной Европы. Таким образом на базе бронзовых материалов из кишлака Джам прослеживаются тесные контакты местной оседлоземледельческой культуры со скотоводческими племенами андроновского круга, с одной стороны, и Восточной Европы с другой (Avanesova и др., 2001. Abb. 4. 4).

В каталоге бронзовых и железных изделий Ближнего Востока Дж. Дешаиес приводит разные варианты топоров с орнаментом или очень массивные топоры сапаллинского типа с вытянуто-эллипсоидными проухами. Мы здесь прослеживаем изменения в технике формовки боевых топоров. Кроме того, в этом каталоге топоры пенджикентского типа имеют круглые и эллипсоидные проухи (Deshayes, 1960, табл. XXXVIII; XXXIX; LIII) сапаллинского типа.

Таким образом, по форме проуха топоров можно отметить, что в период саразмской куль-

туры на территории Зарафшанской долины прослеживается влияние, как племен евроазиатского континента, так и населения древневосточных цивилизаций. Верхний рубеж распространения первых топоров саразмского типа - завершается комплексами периода Саразм IV. В сапаллинскую эпоху появляются более совершенные формы топоров с вытянуто-эллипсоидными проухами, куда и входит топор из селения Гилон Шахрисабзского района. Как показывает анализ топоров эпохи бронзы Бактрии и Зарафшанской долины, в их классификации важное место занимает техника формовки проухов.

Другое медное изделие из селения Гилон - кинжал с двухлезвийным в сечении клинком ромбовидной формы, с двусторонним жестким ребром (рис. 2.1). Ручка кинжала плоская, витая для удобства насадки черенка. Кинжал отлит в двусоставной форме. К сожалению, навершие и кончик кинжала обломлены, так что полностью восстановить его первоначальную форму не представляется возможным. Сохранившаяся длина кинжала более 21,4 см, клинка - 16,4 см, ширина 2,2-3 см, длина сохранившейся рукоятки 4 см, толщина 2-2,4 см. Кинжалы и другое вооружение в Средней Азии, в отличие от топоров, в основном, были найдены во время раскопочных работ из датированных слоев.

Теперь, на примере нашего топора известно, сколь важное место занимает форма ручки металлических орудий.

В долине Зарафшана ранние бронзовые кинжалы найдены в слоях древнего Саразма. Саразмские кинжалы отличаются своими длинными и

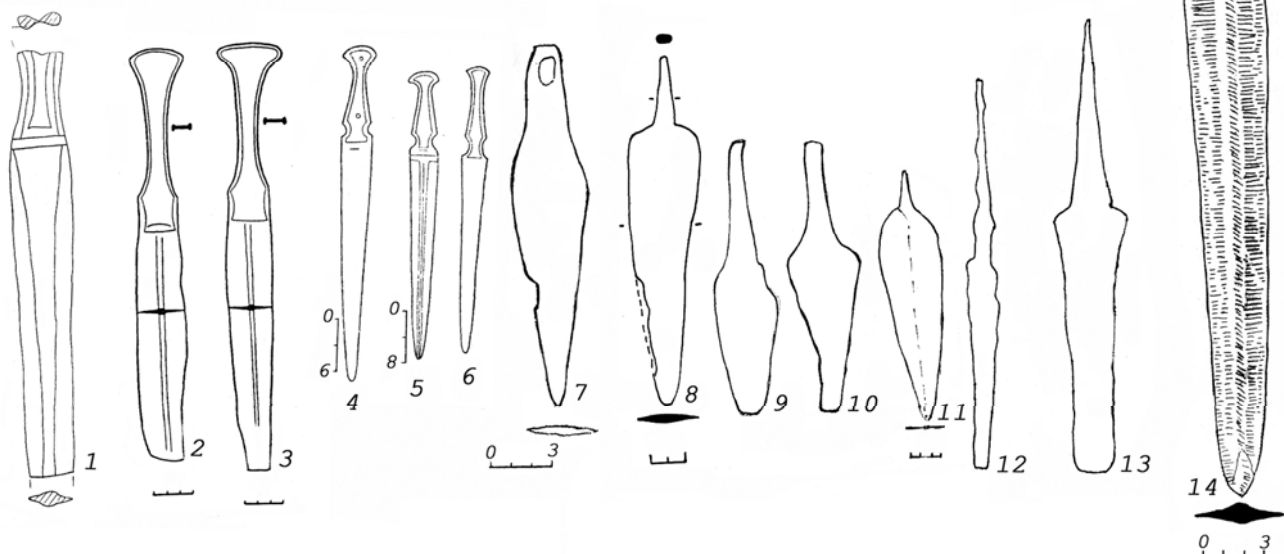

Рис. 2.

массивными черенками, длина их достигает 10 см (Исаков, 1991, рис.10; рис. 77; рис. 2. 7-11). Помимо черенков их отличительной чертой является ребро, вследствие чего, лезвие кинжалов имеет ромбовидное сечение. Они имеют редкие аналогии среди памятников эпохи бронзы Средней Азии. Кинжалы периода Саразм III отличаются друг от друга формой черенка. Они массивные, при ширине 3-4 см. они имеют длину до 28 см, включая черенок. Длина их колеблется от 15 до 20 см.

По типологии А.И. Исакова саразмские кинжалы по форме делятся на два типа: первый, кинжалы с длинным заостренным черенком и плечиками, плавно переходящими к лезвию (Исаков, 1991; рис. 2.10-11); второй тип кинжалов - с загнутыми плоскими черенками и треугольными плечиками переходящими к лезвию (Исаков, 1991, рис. 2. 7-9). Весь комплекс саразмских кинжалов хронологически охватывает период от второй половины III до середины II тыс. до н.э. (Исаков, 1991, с. 94). А.И. Исаков в Саразме выделяет локальный очаг металлообработки. Хотя, по технике формовки саразмский и гилонский кинжалы отлиты вместе с рукоятью, но по форме рукояти, они различаются. Кроме того, саразмские кинжалы имеют тонкий вытянутый черенок.

По материалам Сумбарского могильника Юго-Западного Туркменистана оружие встречается во многих мужских погребениях. Однако, кинжал найден только в одном экземпляре (Хлопин, 1983, рис.17; рис. 2.1). По форме черенка сумбарский кинжал резко отличается от гилонского или саразмского, но по жесткости ребер, они очень близки. Сумбарский кинжал имеет обоюдоострый клинок с полукруглым усиливающимся ребром. Рукоять крепилась к небольшому выступу с помощью заклепки, от которой сохранилось отверстие. Как отмечает И.Н. Хлопин, аналогичного кинжала в Средней Азии нет, кроме меча из архаических слоев Мадау-тепе (Хлопин, 2002, табл. 46.6; рис. 2. 2).

Аналогичный по форме саразмскому клинок, но с короткой насадкой рукояти, известен по памятникам эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе или памятникам хараппской культуры (Массон, 1989, рис. 36, 38). Как по формам топора-тесла, так и по форме кинжалов металлообрабатывающий центр Юго-Западного Туркменистана отличается от таких центров Зарафшанской долины и древней Бактрии. Это свидетельствует о выделении уже в эпоху ранней бронзы своих локальных металлообрабатывающих очагов.

На Сапаллитепа, в свое время, сильно ощущалась нехватка металла. Во многих случаях даже применяются вотивные формы того или иного

оружия. Здесь широко представлены лишь прототипы джаркутанского кинжала - двухлезвийные черешковые ножи с удлинено-листовидным клинком (Аскарлов, 1977, с. 72). Форма кинжалов почти не изменяется и на джаркутанском этапе сапаллинской культуры (Хуфф, Шайдуллаев, 1999, рис. 3.5). На Джаркутане, также найден наконечник копья, очень напоминающий кинжал с обоюдоострым лезвием и жестким ребром. Кинжал с плоским черенком и отверстием на его конце является характерной чертой для андроновской культуры (Хуфф, Шайдуллаев, 1999. Рис. 3. 5). Сравнивая гилонский кинжал с джаркутанским, можно сказать, что в поздние периоды сапаллинской культуры появляется оружие андроновского типа, что дает нам возможность отнести гилонский кинжал к раннему сапаллинскому периоду.

Другой, близкий по форме джаркутанскому кинжал, с плоской рукоятью происходит из разрушенных слоев Вахшувара. Э.В. Ртвеладзе в комплексе с лепными расписными фрагментами керамики, датирует кинжал XIII-IX вв. до н.э. и связывает его с племенами андроновской культуры, продвигавшихся со степей Восточного Казахстана (Ртвеладзе, 1981, с. 285-286). Вахшуварский кинжал имеет листовидную форму, без ребра жесткости, но витая рукоять родственна кинжалу из селения Гилон. Последние две аналогии андроновского типа, особенно из Джаркутана, дают нам предел распространения кинжалов гилонского типа. На основе этого, медные орудия из селения Гилон, можно датировать именно сапаллинским этапом этой культуры.

Металл Северного Афганистана аналогичен металлу Южного Узбекистана. Здесь спектроаналитически исследовано около сотни изделий с поселения и погребений Сапаллитепа. Металл по химическому составу очень близок к дашлинскому и отвечает химическому составу руды и меди тигля из Дашли-3. Кинжалы Дашлинского оазиса, как отмечает В.И. Сарияниди, двухлезвийные и с выделенным черешком. Лезвия, как правило, плоские, в единичных случаях с продольным слабо выраженным ребром (рис. 2. 5. 6). Все кинжалы этого региона делятся на два основных типа: кинжалы ромбической формы с прямым плоским черенком, иногда загнутым в конце и более распространенный тип кинжала листовидно-удлиненной формы с прямым плоским черешком, конец которого нередко заострен для удобства насадки или прямым витым черешком круглым в сечении.

Кинжалы или однолезвийные ножи андроновской культуры имеют плоский или витый черенок для прочной насадки рукояти (Аванесова,

1991, рис. 28, 31, 32).

В эпоху бронзы металлообработка занимала особое место в жизни общества. Металлоплавильные печи находились при общественных или храмовых сооружениях Джаркутана и на поселении Дашли-3 (Аскарлов, Ширинов, 1993; Сарияниди, Терехова, Черных, 1977, с. 35).

Как показывает типологический анализ кинжалов на территории Средней Азии аналогичные по форме образцы гилонского типа не встречаются. Кинжалы аналогичной формы, в большинстве случаев, встречаются на памятниках Ближнего Востока.

Еще Е.Е. Кузьмина отмечала редкость кинжалов с рукоятью в эпохах энеолита и бронзы на территории Средней Азии. В ее каталоге представлены всего два кинжала с инкрустированной рукоятью. Один из этих кинжалов происходит из селения Рамит Таджикистана. Е.Е. Кузьмина типологически их связывает с месопотамскими кинжалами (Кузьмина, 1966, с. 52, табл. VIII. 9; Виноградова, 2004, рис. 40.6.). Другой подобный кинжал происходит из разграбленных погребений Афганистана. В.И. Сарияниди кинжалам из Северного Афганистана приводит аналогии из районов Ближнего Востока с антеннообразными ручками (Сарияниди, 1977, с. 76).

Влияние металлических изделий ближневосточного или переднеазиатского типа, особенно отмечается на материалах Закавказья. Во II-I тыс. до н.э. на территории Закавказья распространяются кинжалы иранского варианта ближневосточного типа. По типологии М.Н. Погребовой, такого типа кинжалы в это время встречаются на территории от Греции и Египта до Афганистана. Особенность переднеазиатского типа кинжалов - в прямом стволе рукояти, в четко отделенном навершии, рикассо, то есть нижняя часть рукоятки, охватывающая верхнюю часть клинка, резко отделена от ствола рукояти. Гилонский кинжал по форме от закавказских кинжалов отличается только наличием рикассо. Все остальные параметры кинжалов Кавказа II-I тыс. до н.э. одина-

ковы. В одной из работ М.Н. Погребовой, посвященной типологии кавказских кинжалов, приводятся разные варианты кинжалов ближневосточного типа. Среди кинжалов аналогичной формы гилонского типа, без рикассо, представлен из Ассирии (Погребова, 1965, рис. 4. 2) и из Палестины (Погребова, 1965, рис. 4. 14). Представленные в этой статье кинжалы из Ирана, в отличие от гилонского типа во всех случаях имеют рикассо (Погребова, 1965, рис.5). Поздние рукояти кинжалов Закавказья в IX-VIII вв. до н.э. изготавливаются отдельно от клинка. В большинстве случаев это медные кинжалы с железной рукоятью (Погребова, 1964; 1971, с.191). Территория Кавказа непосредственно находилась в тесном контакте с древнеземледельческой культурой Ближнего Востока, поэтому их материальная культура отличается только в деталях.

Здесь прослеживаются изменения в технике формовки кинжалов как на Кавказе, так и на территории Средней Азии, где распространяются кинжалы андроновского типа.

Мы полагаем, что выявление на одном участке двух боевых орудий относящихся к одному узкому периоду не случайно. Кроме того, в большинстве случаев топоры встречаются в погребениях богатых людей (Сапаллитепа, пог. 22, разграбленные могилы Северного Афганистана и Джамское погребение).

В данное время можно себе представить насколько была освоена территория Зарафшанской долины в сапаллинский период эпохи бронзы: Муминабадский могильник, Зарча-Халифа, Джамские материалы. Возможно, джаркутанский период сапаллинской культуры на территории Южного Согда представлен на материалах Чиракчинской культуры, а также на примере некоторых керамических сосудов сапаллинского типа, с одной стороны, и лепной керамики заманбабинского типа, с другой. Во всех этих материалах прослеживается тесный контакт андроновской культуры с оседло-земледельческой культурой Ближнего Востока.

Литература:

1. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.
2. Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973
3. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
4. Аскарлов А.А, Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993
5. Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е. Литейные формы из Лявлякана // СА, 1970, №2.
6. Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
7. Зданович В.Г. Древнейшие медные топоры в Восточной Европе // СА, 1969. № 3.
8. Исаков А.И. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977-1983гг.). Душанбе, 1991.
9. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. М., 1966
10. Кузьмина Е.Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии // ВДИ, № 1, 1972.

11. Литвинский Б.А., О топорах эпохи бронзы из Таджикистана // Известия отдела общественных наук АН Таджикистана. Вып. 1. (24), 1961.
12. Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.
13. Погребова М.Н. Несколько иранских кинжалов на Кавказе // КСИА, вып. 103. М., 1965;
14. Погребова М.Н. К вопросу о связях Восточного Закавказья и Ирана в конце II - начале I тыс. до н.э. // История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971.
15. Ртвеладзе Э.В. Бронзовый кинжал из Южного Узбекистана (Вахшувар) //СА, 1981. №1.
16. Рузанов В.Д. О votивных металлических изделиях из памятников земледельческих культур Северной Бактрии бронзового века // Археологические исследования в Узбекистане - 2003 год. Ташкент, 2004.
17. Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана (материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1974 гг.) М., 1977
18. Сарияниди В.И. Древнейшие топоры Афганистана // СА, №2, 1978
19. Сарияниди В.И. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). Труды международного симпозиума по этническим проблемам истории Центральной Азии (II тысячелетие до н.э.). М., 1981.
20. Сарияниди В.И., Терехова Н.Н., Черных Е.Н. О ранней металлургии и металлообработке древней Бактрии // СА, № 2, 1977 .
21. Тереножкин А.И. Согд и Чач. КСИИМК. Вып. XXXIII, 1950.
22. Тереножкин А.И. Археологические находки в Таджикистане // КСИИМК. Вып. 20. 1948
23. Хлопин И.Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы (по материалам Сумбарских могильников). Л., 1983
24. Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. Санкт-Петербург, 2002.
25. Хуфф Д., Шайдуллаев Ш. Некоторые результаты работ Узбекско-Германской экспедиции на городище Джаркутан // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.
26. Шахриябз – 2700 наследие тысячелетия. Коллективный альбом. Под редакцией Х. Кароматова, Э. Ртвеладзе, А. Сагдуллаева. Ташкент, 2002.
27. Avanesova N.A., Sajdullaev S., ErkulovA. Dzam-ein neuer bronzezeitliche Fundort in der Sogdiana // Archaologische mitteilungen aus Iran und Turan. Band 33. 2001/ Berlin.
28. Jean Deshayes. Les outils de bronze de L>indus au Danube. (Ive au II millenaire) II. Paris. Librairie orientaliste Paul Geuthner, 12, rue Vavin (Vie). 1960.

М. Исамиддинов, Н. Алмазова, К. Рапен

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ ИЗ КОКТЕПА

С 1993 года на городище Коктепа, расположенного в 5 км юго-восточнее г. Челека Самаркандской области, ведутся археологические раскопки Узбекистанско-Французской экспедиции.

Общий обзор проведенных археологических работ за 1993-96 гг. был подытожен в монографии М.Х. Исамиддинова (Исамиддинов, 2002), где дана стратиграфическая ситуация городища за это время.

На городище Коктепа выделено три последовательных строительных горизонта:

- первый строительный горизонт (Коктепа I) относится к эпохе раннежелезного века;
- второй строительный горизонт (Коктепа II) относится к периоду начала сооружения крупных монументальных объектов из плоско-выпуклых кирпичей эллинистического периода;
- третий этап в развитии городища (Коктепа III) целиком охватывает начало эллинистического периода и завершается гибелью древнего города приблизительно в середине III в. до н.э. (Исамиддинов, 2002).

В настоящее время значительно уточнена датировка комплексов. В частности в нижних слоях раскопа I («культовый комплекс») найдены каменные изделия, «гирия» и фаллос (возможно, последний являлся частью браслета). Безусловно, эти предметы являются культовыми и датируются эпохой бронзы (Исамиддинов, Грене, Грицина, 2002, с. 68-76). Раскопками, заложенными в северной части «культового комплекса» были получены новые стратиграфические данные, так же позволяющие отнести нижние слои городища к более раннему времени, чем эпоха раннежелезного века (Исамиддинов, Иваницкий, Хасанов, 2003, с. 68-77). Кроме того, впервые для эпохи культуры лепной расписной керамики в северной части «культового комплекса» обнаружена жилища монументальная архитектура из пахсы.

В нижнем горизонте шурфа расчищены остатки не менее 5-ти помещений. Из коридорообразного помещения три прохода вели в отдельные помещения. Углы прохода закруглены, северная щека сильно размыта. Слои помещений перекрыты очень твердым завалом пахсового характера. В дальнейшем прослеживается обживание лишь отдельных помещений.

Далее на территории городища прослеживается период запустения.

На раскопе 4 в нижнем горизонте появляется уровень с круглыми ямками от столбовых конст-

рукций. Материал в большом количестве представлен круглодонными чашами (Исамиддинов, Иваницкий, Хасанов, 2003, с. 72-73). Характерно наличие в слое горшковидного сосуда с процарапанным орнаментом.

Появление жилищ со столбовыми конструкциями можно объяснить приходом нового населения – видимо, скотоводческого характера. В это время на территории городища выявляется монументальная архитектура из плоско-выпуклых кирпичей - «культовый комплекс» с обводной стеной и «резиденция правителя» имеющая несколько мелких периодов.

Обводная стена «культового комплекса» с наружной стороны имела полукруглые башни. Керамика из этих комплексов в преобладающем большинстве была лепной, но в единичных случаях встречались и расписные сосуды. Строительство как «культового комплекса», так и «резиденции правителя» шло параллельно и датируется VII-VI вв. до н.э.

Возможно, в позднеахеменидском или раннеэллинистическом периодах на месте дворовой части «культового комплекса» поднимаются крупные здания из квадратных и прямоугольных кирпичей. Эти здания не менее двух раз подвергались крупному ремонту, а в некоторых местах этот ремонт производился до трех раз. Известно, что по поручению Александра для заселения согдийских городов был отправлен Гефестион (Арриан, IV, 16, 3). Однако, какой из ремонтов Коктепа относится к проведенным мероприятиям Гефестиона остается не выясненным.

Через некоторое время по неизвестным нам причинам происходит внезапная гибель древнего города. Археологически зафиксировано наличие керамики только периода Афрасиаб Па. В этих слоях еще нет настоящей «эллинистической керамики», т.е. цилиндрических кубков на конической ножке, «римских рыбных блюд» и других сосудов, которые характерны для периода Афрасиаб Пб.

В дальнейшем территория Коктепа неоднократно используется как место для захоронения людей. Первоначально на цитадели городища появляются подбойные захоронения кочевого населения, видимо, II-I вв. до н.э.

Следующий этап зафиксирован захоронением середины I в. н.э. Это могила «сакской принцессы», выявленная на цитадели Коктепа (Рапен, Isamiddinov, Hasanov, 2001, p. 33-92).

Территория городища вновь занимается временными стоянками, видимо, в эпоху Караханидов, но в позднее средневековье окрестности бывшего «дворцового комплекса» превращаются в кладбище.

Самым массовым материалом, собранным в ходе археологических исследований является керамика. Но, в данной работе мы хотели бы рассмотреть каменные орудия - один из источников по реконструкции экономики древних обществ.

До недавнего времени каменные орудия изучались, в основном, для эпохи палеолита и эпохи бронзы, а для более поздних периодов практически не изучались. В отдельных работах были лишь упоминания об обнаружении в различных слоях отдельных типов орудий. Раньше никогда каменные орудия эллинистического или античного периодов трасологическим или технико-морфологическим анализам не подвергались.

В предлагаемой работе даются первые результаты работ, проведенные трасологическими и технико-морфологическими методами.

В ходе археологических работ в 1994-1995 годах была собрана большая коллекция каменных орудий. Из 54 найденных камней 39 имеют следы обработки и использования. Все каменные изделия можно разделить на 6 групп: орудия, связанные с земледелием, металлообработкой, обработкой дерева, кожи, краски и камня.

1. Орудия, связанные с земледелием - зернотерки, куранты, серпы и жатвенные ножи.

1. Зернотерки. Найдено 6 экземпляров. Все они представлены во фрагментах, так - что размеры их определить не удастся. Сделаны они из диоритовых или песчаниковых плит. Боковые стороны и торец оформлены техникой оббивки. Торцу придана округлая форма. Изделия имеют одну или две рабочие поверхности. Истирание в результате использования делает их покатыми в сторону центра и одной из боковых сторон, так что толщина у одного борта меньше. Имеются следы пришлифовки от контакта с верхним камнем-курантом и бороздчатые линейные продольные следы. Размеры: ширина - 17,3-18,1 см., толщина - 1,9-7,2 см.

Куски сломанных зернотерок часто переиспользуются в качестве краскотерок (табл. 1, 3,6) или оселков для заточки, направки, шлифовки металлических изделий (табл. 1, 5,6). В одном случае зернотерка имеет все три функции: первоначально использовалась в своей основной функции - зернотерки, затем в качестве краскотерки и после слома, как оселок (табл. 1, 6).

2. Куранты (табл. 2, 1-5) - 5 экземпляров, также все фрагментарной сохранности. Как и зерно-

терки они изготовлены техникой оббивки, только в отличие от них куранты не имеют наклона и следы истирания у них не продольные, а поперечные в виде желобчатых царапин. Часто переиспользуются как активные или пассивные абразивы (табл. 2, 2-4).

Зернотерки и куранты, как орудия для помола зерна, известны с эпохи неолита (Коробкова, 1969, с. 70, 178) и вплоть до рубежа нашей эры, когда на смену им приходят жернова вращательного движения (Ширинов, 1986, с. 105; Заднепровский, Ширинов, 1983, с. 23). Производительность зернотерок была установлена опытным путем. Первые опыты были поставлены С.А. Семеновым еще в 1959 году (Семенов, 1974, с. 278), эксперименты со среднеазиатскими зернотерками проводились Т.Ш. Шириновым, который показал большую производительность чувских седловидных зернотерок по сравнению с плоскими сапаллинскими: за два часа работы размолото 2200 г. зерна (Ширинов, 1986, с. 103). Судя по фрагментам, зернотерки Коктепа относятся к чувстскому типу.

3. Жатвенные орудия: серпы и жатвенные ножи.

А) Серпы (табл. 3, 1,2) - 2 экземпляра, имеют характерную изогнутую форму. Исходной заготовкой для серпов служили осколки песчаниковых плиток или пластин, либо двойко-плоские вытянутые гальки. Сначала они выравнивались при помощи отбойника техникой оббивки, затем обрабатывались точечной техникой, затем тщательно шлифовались на абразиве, с двух сторон шлифовали лезвие, приостряя его, специально шлифовали и верхний обушковый край, придавая ему ограниченность. Следы сработанности имеют вид темных полос на обеих сторонах орудия, причем на одной из сторон полоса всегда шире. Это объясняется тем, что работали, держа орудие наклонно и одна сторона больше соприкасалась с растениями (Семенов, Ширинов, 1976, с. 75-76). Под микроскопом видна яркая зеркальная заполировка и линейные следы в виде удлиненных, часто расположенных царапин параллельных кромке.

Первый серп (табл. 3, 1) классической формы, прекрасно обработанный, имеет длину - 16,7 см; ширину - 3,7 см; толщину - 1,1 см. Угол заострения лезвия - 32 градуса. На одной из сторон серпа сохранились следы его использования в качестве наковаленки для холоднойковки мелких металлических изделий. Следы наковаленки видны в виде пятна из мелких точечных углублений разной конфигурации, в центре пятна сработанность более интенсивная.

Второй серп (табл. 3, 2) размерами 13,2x2,9 x1,3 см, имеет угол заострения лезвия 41 градус,

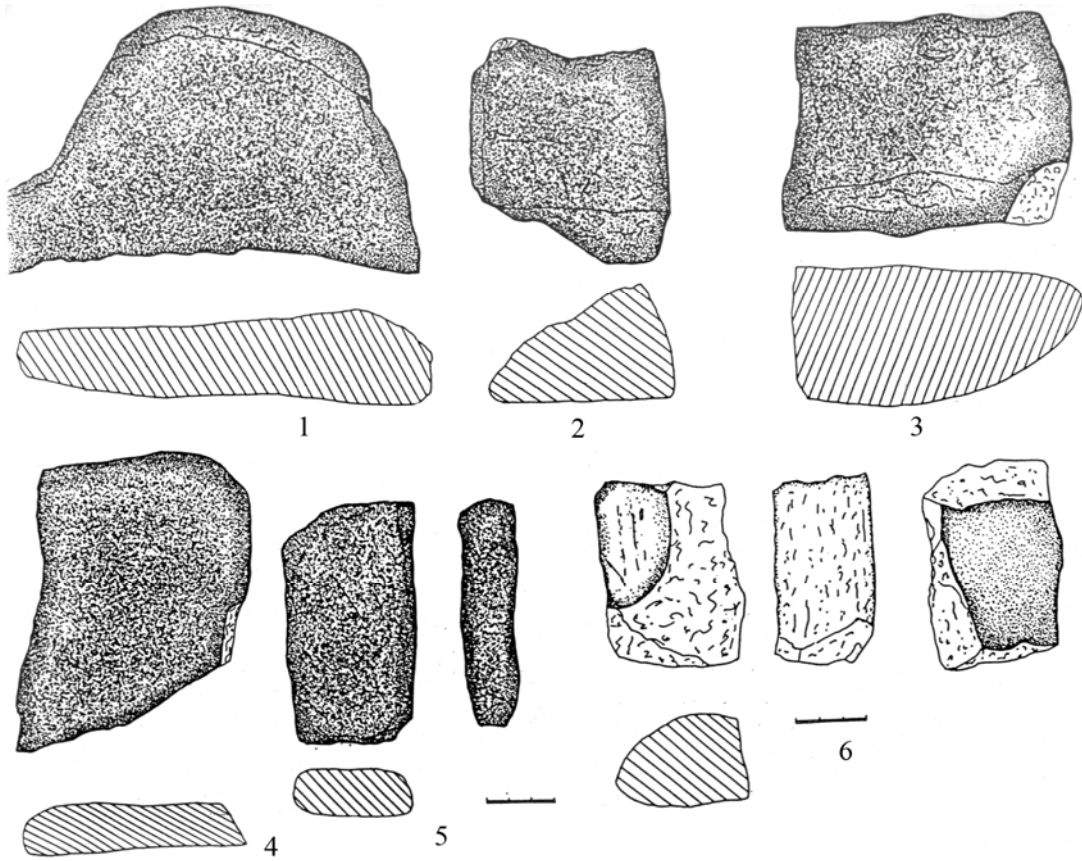

Таблица 1

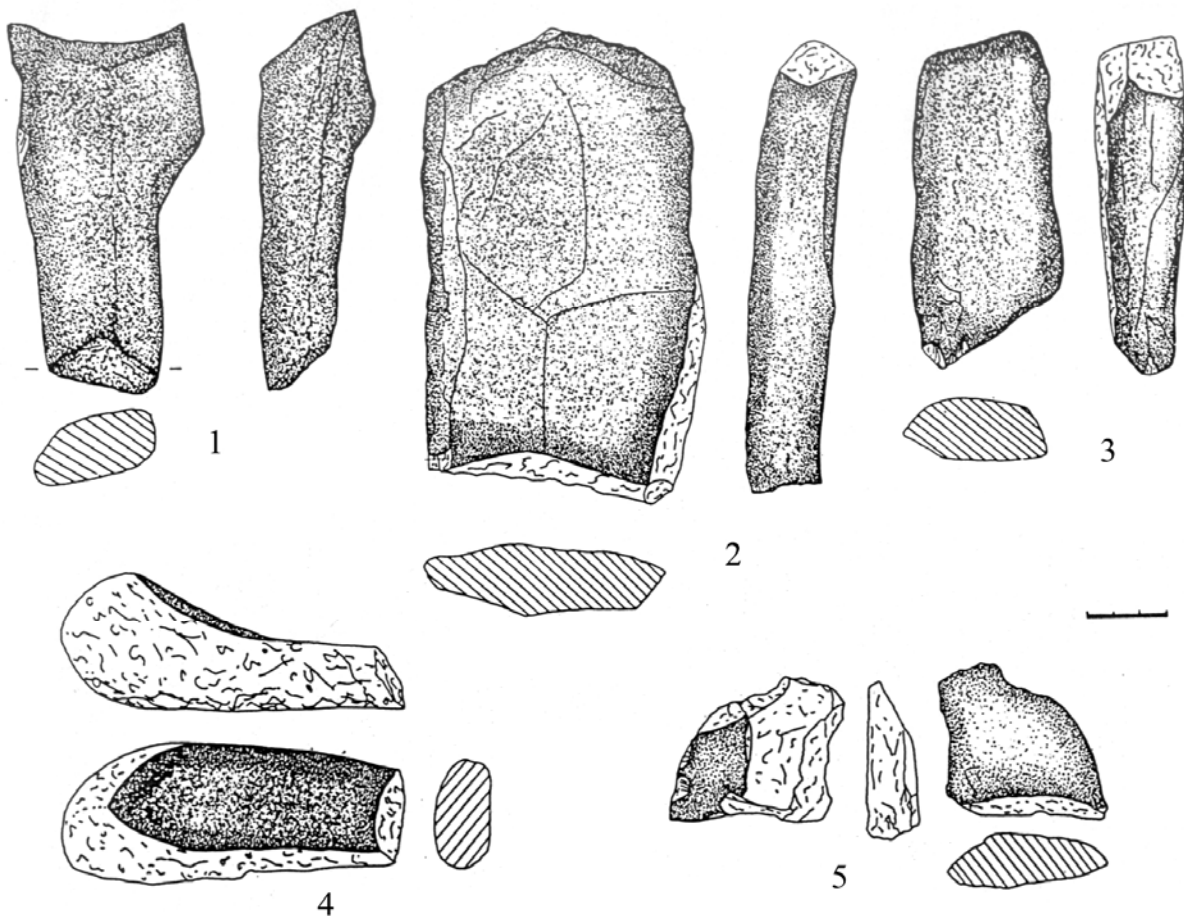

Таблица 2

что не типично для серпов и объясняется тем, что орудие было переиспользовано в качестве струга для снятия шерсти, в результате чего кромка лезвия была затуплена и скруглена, изменился первоначальный угол заострения. Прослеживается жирный блеск от обработки кожи, при снятии с нее шерсти и глубокие неравномерные поперечные царапины-желобки, придающие поверхности гофрированный вид. Верхний край и обушковый торец заложены от рук, т.к. серпы использовались без рукоятки.

Б) Жатвенные ножи.

Отличаются от серпов тем, что имеют прямое лезвие. Найдены жатвенные ножи двух типов: с прямым и зубчатым лезвием. Техника обработки и следы сработанности аналогичны серпам, исключение составляют зубчатые ножи, у которых лезвие дополнительно оформляется глубокой, широкой ретушью. Производительность зубчатых жатвенных ножей выше, чем у ножей с прямым лезвием и близка к производительности серпов (Коробкова, 1978, с. 50). Таких ножей найдено 4 экземпляра (табл. 3, 3-6). Размеры: ширина - 2,2-3,7 см; толщина - 0,9-1,2 см. Угол заострения лезвия - 25-34 градусов. Расстояние между зубцами - 1,1 см.

Самую многочисленную группу представляют жатвенные ножи с прямым лезвием (7 экз.) (табл. 4, 1-7). Они не всегда тщательно оформлены. Иногда ножи начинали использовать после первичной отделки (придания им подходящей формы) и они имеют вид заготовок, хотя налицо все признаки использования в качестве орудий (табл. 4, 1, 4-5).

Размеры: ширина - 3-4 см; толщина - 0,9-1,4 см. Угол заострения - 32 градуса.

Жатвенные ножи с прямым лезвием являются превалирующей формой на городище, хотя они не менее производительны. Очевидно, это связано с определенным этапом развития жатвенных орудий. Переход к более производительным зубчатым жатвенным ножам и изогнутым серпам только намечается. Наибольшей производительностью обладают изогнутые серпы, они лишь в два раза меньше производительности современных металлических серпов (Ширинов, 1980, с. 5; Коробкова, 1977, с. 456). Такие серпы использовались для жатвы зрелых зерновых, где особая острота лезвия не требуется.

Первоначально каменные серпы были обнаружены на поселениях Чустской культуры Ферганы (Заднепровский, Ширинов, 1983, с. 21-33; Ширинов, 1986, с.55, 68). Затем на поселениях Бактрии Кучуктепа (Аскарлов, Альбаум, 1979, с.42, с.109, табл. 22), Кызылча 6, Кызылтепа, Буйрачитепа 2, Бандыхантепа 1 (Сагдуллаев,

1987, с. 31, рис. 17,1, 34). В Согде жатвенные орудия обнаружены впервые. Находки их заполнили собой пробел по линии распространения данных изделий на территории Узбекистана.

II. Орудия, связанные с обработкой металла.

Это молотки, наковальни и абразивы.

Молотки подразделяются на тяжелые молоты, молотки среднего действия и молоточки легкого действия.

1. Тяжелый молот (табл. 5, 1). Единственный экземпляр тяжелого молота сделан из крупной вытянутой подклиновидной гальки серого цвета. Служил дляковки крупных металлических заготовок, для выравнивания поверхности обрабатываемых изделий. Предварительно обработан. Один рабочий конец заужен с внутренней стороны крупными вертикальными ступенчатыми сколами, в результате чего рабочая поверхность приобрела вид широкой удлиненной полосы, занимающей всю линию рабочего края. Рабочая поверхность другого, более узкого торца была оформлена точечной техникой. Использовались оба конца для выравнивания поверхности (разгонки) обрабатываемых изделий. Орудие использовалось в рукоятке. Это видно по широкой полосе от крепления ремешков в центре, шириной 4,5-5 см. Можно предположить, что она была Т-образной формы. Размеры: 20,8x8x4,8-5,3 см.

2. Молотки среднего действия. 4 экземпляра (табл. 5, 2-5). Имеют меньшие размеры и меньший вес. Использовались в кузнечном деле для холоднойковки небольших металлических изделий, выпрямления и уплощения поверхности обрабатываемых предметов после первичнойковки. Рабочая поверхность молотков локализуется на выпуклом торце подокруглых вытянутых удлиненных галек, иногда используются оба торца. В одном случае второй торец использовался в качестве тесла (табл. 5, 3) так что орудие было универсальным. Размеры: 9,8x3, 4x3,2; 13,7x6,7x4,3 см.

3. Молоточки легкого действия, 2 экземпляра (табл. 5, 6, 7), служили для холоднойковки мелких металлических изделий и выдавливания тонких металлических предметов на матрице. Использовались вытянутые удлиненные округлые в сечении гальки с выпуклыми торцами, которые и служили рабочими поверхностями молоточков. Следы износа носят характер точечных углублений, вмятин, виден металлический блеск. На одном из орудий видна узкая полоса пришлифовки вдоль вершины торца, образованная от заглаживания металлических изделий. Этот молоточек имеет выемки для привязывания сделанные точечной техникой. Вторая его функция - оселок для игл. Размеры молоточка: 11,2x2,3x1,5 см.

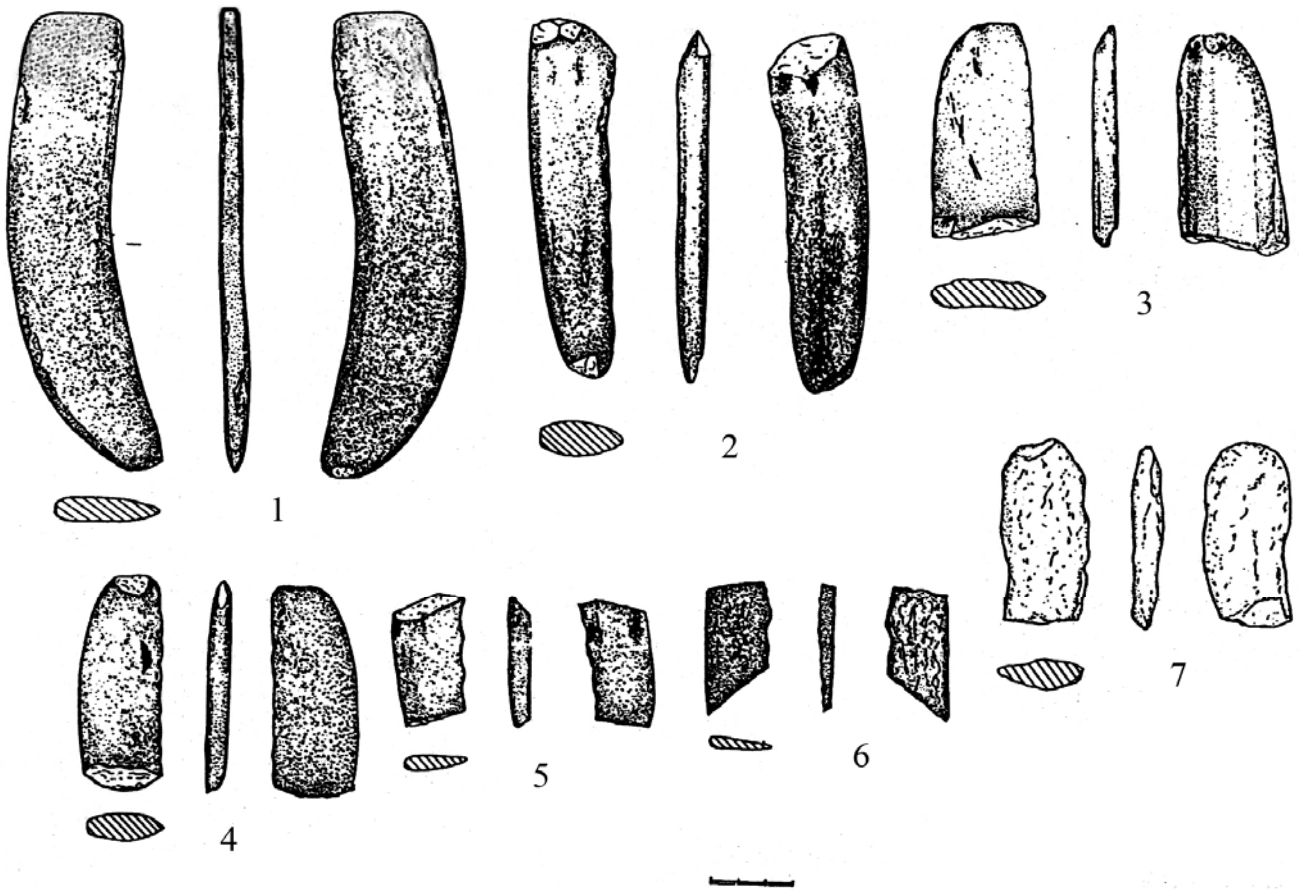

Таблица 3

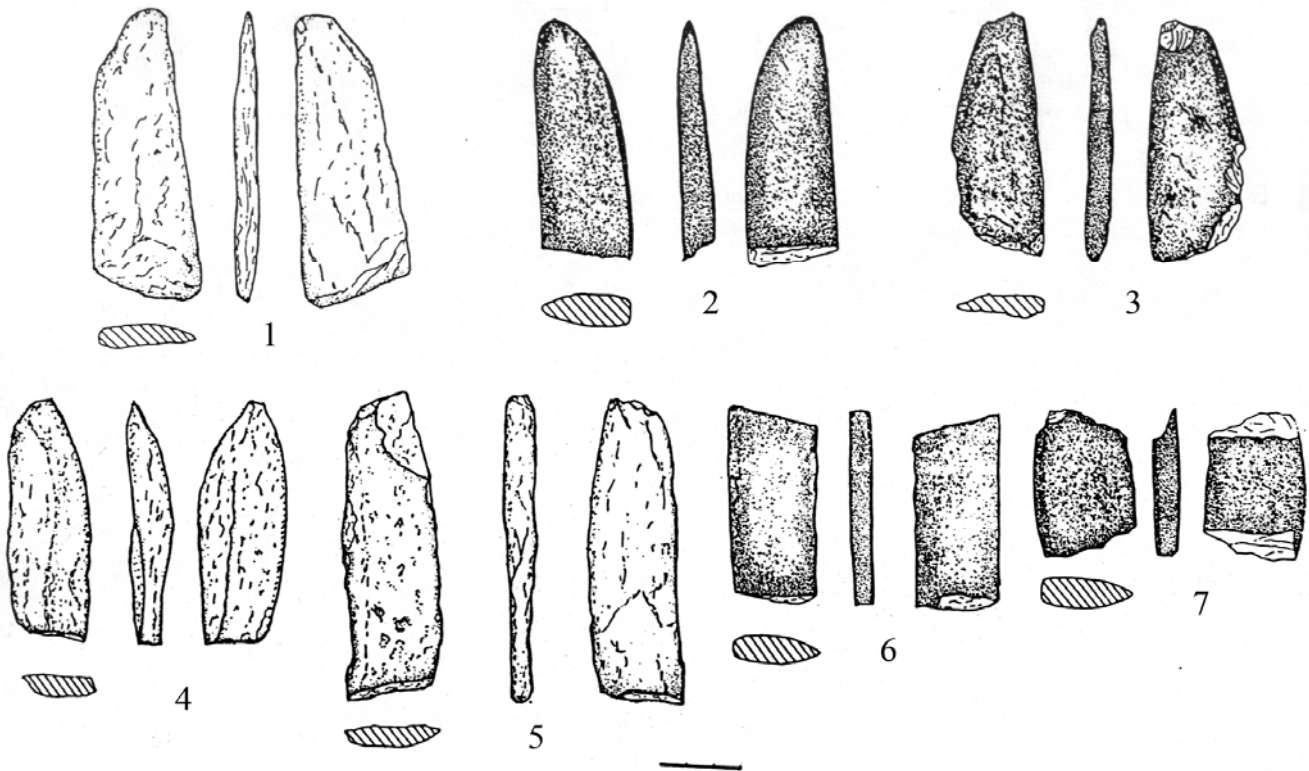

Таблица 4

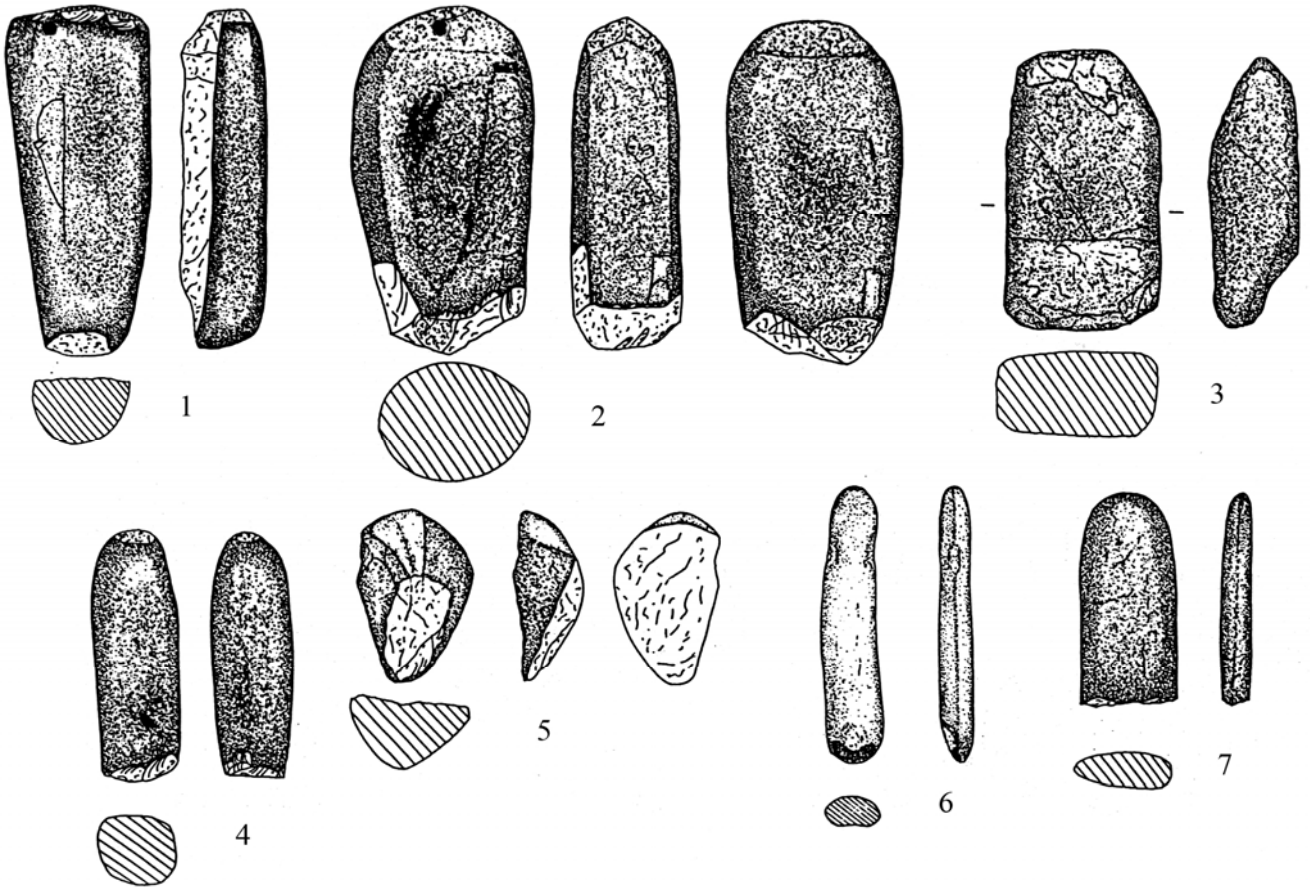

Таблица 5

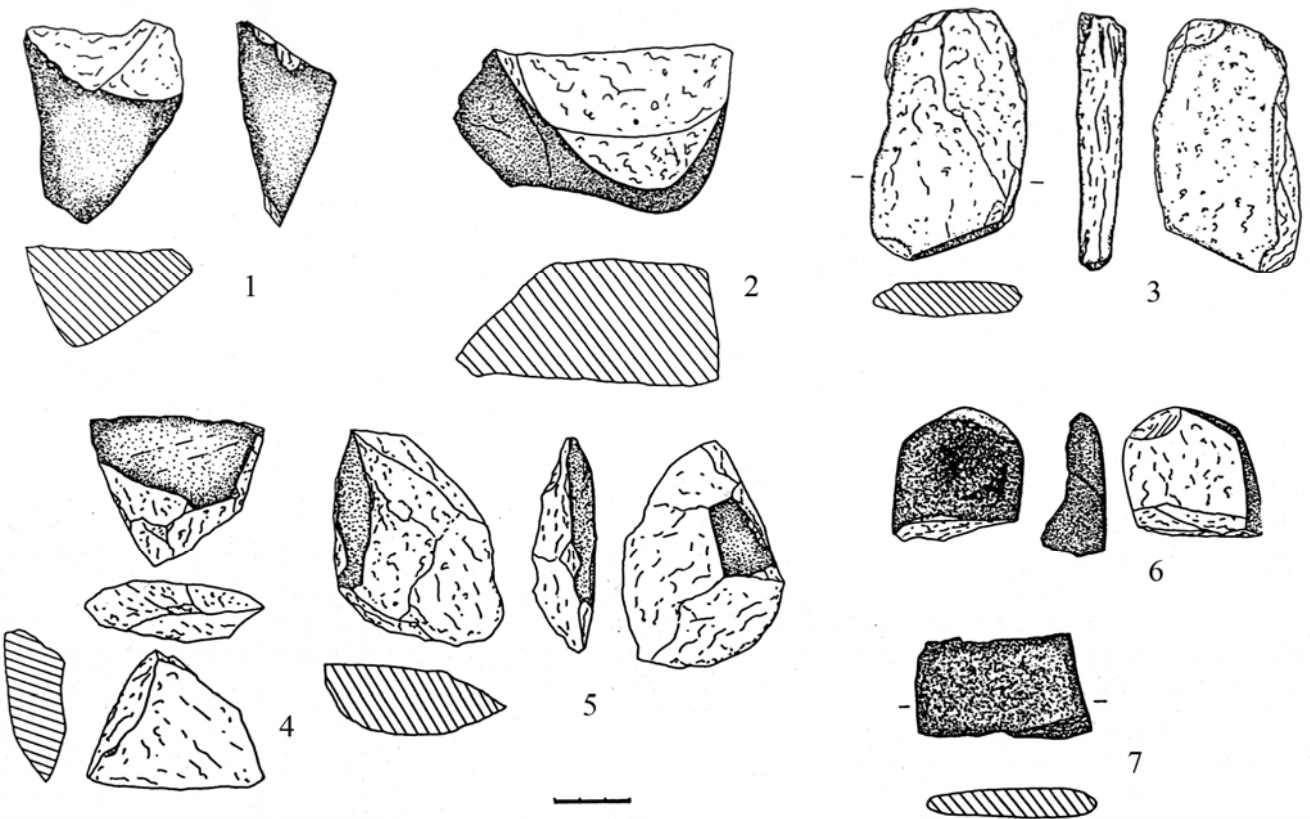

Таблица 6

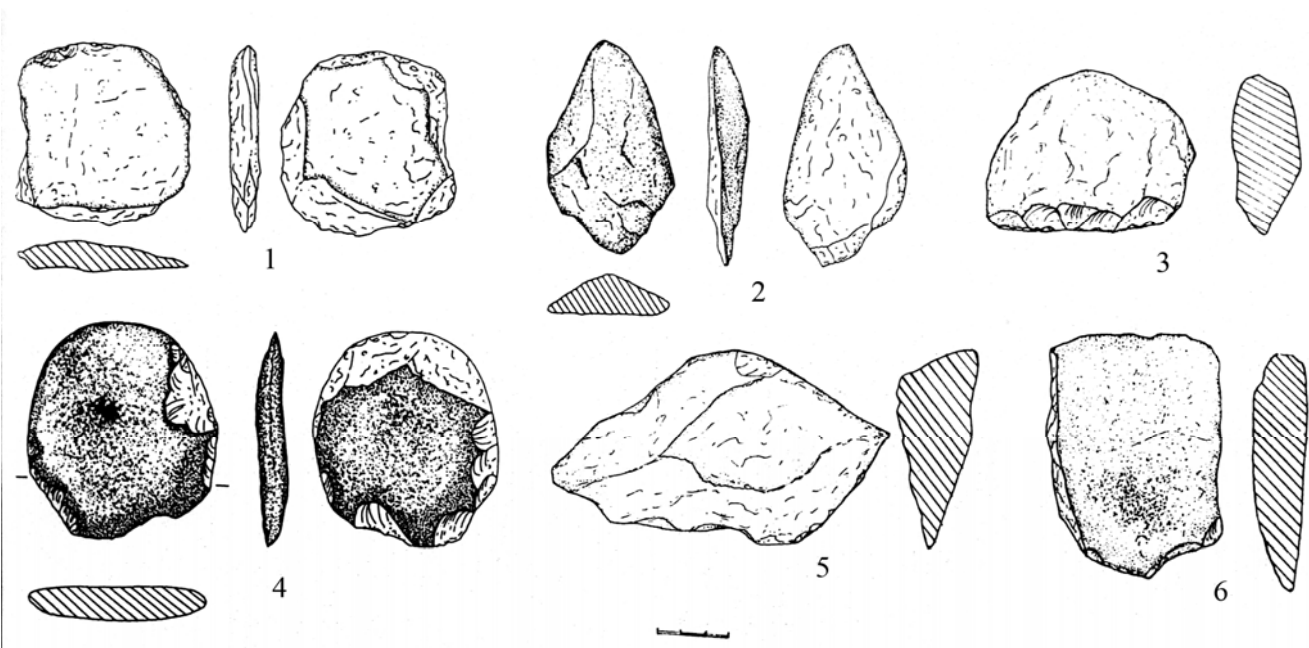

Таблица 7

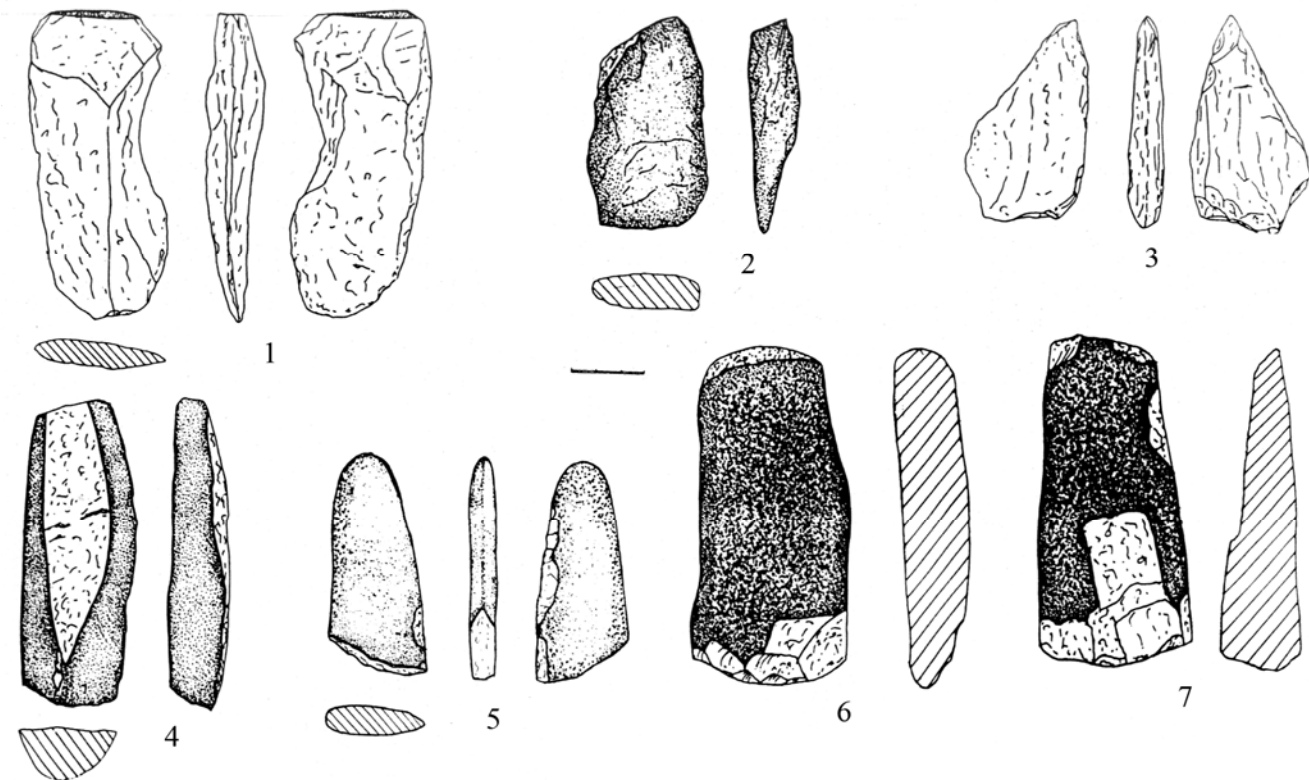

Таблица 8

Наковальни.

Представлены в единственном экземпляре (табл. 5,2), сделанном на молотке среднего действия. Рабочими поверхностями молотка служили торцы, а на обеих плоских сторонах располагались рабочие поверхности наковаленки. Они были предварительно оформлены точечной и абразивной техникой. В центре их видны очаги от обработки металлических изделий, углубляющие плоские стороны орудия. Есть металличе-

ский блеск и линейные следы разной направленности. Размеры: 13,5x6,7x4,3 см.

Абразивы.

Наиболее многочисленная и разнообразная группа изделий. Выделяются пассивные, активные абразивы и абразивы для заточки острых предметов типа игл, шильев и т.п.

1. Пассивные абразивы. Использовались для шлифовки, снятия шероховатостей, заусениц послековки изделий. В результате такой работы

микрорельеф рабочей поверхности абразива выравнивается и появляются линейные следы продольной направленности. Для таких абразивов обычно применяли обломки зернотерок и курантов, которые после слома подправляли техникой оббивки, чтобы не повредить руки в процессе работы. Всего найдено 4 пассивных абразива. Один из них (табл. 2, 2) сделан на обломке куранта из красновато-серой диоритовой плиты. На нем шлифовали изделия с объемной поверхностью типа топоров, тесел, долот и т.п. От заточки таких изделий с выпуклыми сторонами поверхность абразива стала вогнутой, видна легкая ребристость от заточки краев лезвий в процессе их направки. Размеры: 22,2x13,9x4,4-3,6 см. Рабочая площадка размером 13,2x11 см. Три других абразива найдены в обломках и размеры их точно не определяются.

2. Активные абразивы (табл. 6, 1-6; табл. 1, 5, 6; табл. 4, 3).

Также, как и пассивные сделаны на обломках зернотерок, курантов, в одном случае на осколке серпа (табл. 4, 3). Они менее массивны, чем пассивные абразивы, поскольку в отличие от них здесь работали самим абразивом. Имели две или три рабочие поверхности, что показывает насколько интенсивно они использовались. Размеры целых абразивов: 9,8x6x1,5 см; 12,5x4,7x1,7 см; 8,7x3,3x0,9 см.

3. Абразивы для остроугольных предметов типа игл, шильев и т.п.

Представлены единственным экземпляром (табл. 5, 6), сделанным на молоточке легкого действия. Исходной заготовкой служила сигарообразная галька, округлая в сечении. В нижней части на одной из сторон есть небольшое углубление со следами начального истирания с разнокалиберными углублениями и разнонаправленными короткими царапинами от заточки металлических острий. Размеры: 11,2x2,3x1,5 см.

Аналогичные абразивы для заточки игл, шильев и т.п. встречены на Афрасиабе (Р-2), Саратепа и Лолазоре (Бурякова, 1981, с.9). Наиболее многочисленна коллекция Лолазора, углубления от сработанности здесь более глубокие, их по два, по четыре на одной гальке. Орудие же из Коктепа только начали использовать в данной функции. Это орудие портного, либо сапожника изготавливающего кожаную обувь.

III. Орудия, связанные с обработкой кожи (шкур).

О существовании кожевенного производства свидетельствуют находки каменных скребел для обработки шкур. Их найдено 3 экземпляра (табл. 7, 1-3).

1. Скребло на округлой плоской гальке (табл.

7, 3). Орудие оформлено по периметру с внутренней и наружной сторон крупными противоположащими сколами, выполненными ударной техникой оббивки, приостряющей лезвие. Сколы в виде ступенчатых фасеток. Размеры: 9,1x7,9x1,3 см.

2. Скребло на подквадратной гальке. Один отрезок орудия сколот в древности. Следы износа сохранились лишь на отрезках с двусторонней оббивкой. Налицо скругленность кромки, жирный блеск и поперечные линейные следы. Использовалось без рукоятки (табл. 7.1). Размеры: 7,6x7,2x1,1 см.

3. Скребок подтреугольной формы с двумя рабочими лезвиями (табл. 7, 2). Размеры: 9,1x5,3x1,6 см.

Скребла (скребки) больше известны по неолито-энеолитическим памятникам, есть они и в эпоху бронзы (Коробкова, 1969, с.20-22; Ширинов, 1986, с.77).

Орудия, связанные с обработкой дерева.

Найдено 4 деревообрабатывающих орудия: 2 тесла, скобель и клин для расщепления дерева на доски.

Тесла. (табл. 8, 1, 2).

1. Выполнено на плитке слоистого песчаника. Орудию придана подпрямоугольная форма. Наружная сторона выпуклая треугольного сечения, сформирована двумя продольными сколами, тыльная - плоская. Обушковый торец прямой горизонтальный, оформлен абразивной техникой. Боковые края отделаны техникой оббивки. Левый край прямой, правый вогнутый, специально сформирован для привязывания к Т-образной рукоятке. Следы износа - в виде выкрошенности, затупленности выступающих участков кромки и контактной поверхности. Есть прерывистые продольные царапины разной протяженности, более распространенные на наружной стороне. Поверх следов от работы по дереву есть следы от разбивания краски. Кромка лезвия забита. Во всех западинах контактной зоны сохранились остатки красной порошкообразной краски. Размеры: 12,5x5,6x2,4 см.

2. Изготовлено из плоской диоритовой плитки серого цвета, подпрямоугольного поперечного сечения. Лезвие прямое. Одна внутренняя сторона обработана на абразиве по всей поверхности, вторая лишь на выпуклых участках. Боковые стороны отделаны оббивкой, сужающей орудие в обушковой части. Лезвие оформлено путем нанесения крупного во всю ширину косого скола, приостряющего его. Износ в виде двусторонней ступенчатой мелкой многоярусной выкрошенности, кромка затуплена, видна «деревянная» заполировка и линейные следы перпендикулярной кромочной линии. Орудие использовалось в ко-

ленчатой рукоятке, боковые поверхности и обе плоские в месте заклинивания рукоятки стертые. Размеры: 7,9x4,5x1,9 см.

Интересна находка клина для расщепления дерева при получении тонких досок (табл. 8, 3). Орудие было длинное, но выкрошилось по слоям. Сделано на тонкой двоякоплоской плитке подклиновидной формы. Обработано по периметру двусторонней оббивкой, притупляющей края. После слома оставшийся конец подточили на абразиве. Под микроскопом на обоих плоскостях орудия прослеживаются глубокие удлиненные канавки, царапинки. Они редко расположены, ориентированы вдоль продольной оси орудия. Широкий обушковый торец затуплен от ударов молотка, смят на вершинках, забит. Размеры (после деформации): 8,7x5,2x1,1 см.

Не менее интересной находкой является скобель (табл. 8, 4), использовавшийся для обработки поверхности дерева. Выполнен на осколке удлиненной гальки. Спинка уплощена продолговатым сколом. Рабочее лезвие расположено по длине сколотой части, от работы на нем образовались мелкие разновеликие ступенчатые фасетки. Кромка затуплена и скруглена. На выпуклых участках сохранились линейные следы, пересекающие кромку в перпендикулярном направлении. Использовался для обработки широких поверхностей до 12 см. Размеры: 12x4,5x2,3 см.

Орудия для обработки краски.

Это краскотерки, тесло для разбивания крупных кусков краски и пест для растирания краски. Краскотерки сделаны на зернотерках после их слома (табл. 1, 3, 6). Все углубления поверхности забиты красной порошкообразной краской. Следы краски обнаружены также в углублениях рабочей поверхности тесла для дерева, описанного выше (табл. 8, 1), что свидетельствует о его использовании также для разбивания крупных кусков краски. Пест для краски (табл. 7, 4) сделан из плоской поддисквидной гальки размерами 7,4x6,9x2,1 см.

Пест предназначался для небольших порций

краски, может быть индивидуального пользования.

Похоже, красная краска широко применялась на городище, так - как лепная керамика Коктепа украшена росписью красной краской.

Орудия для обработки камня.

Большинство каменных орудий Коктепа имеют следы предварительной обработки или подправки. Это делалось для предания необходимой формы путем оббивки каменным отбойником, а для подправки быстро срабатывающей поверхности зернотерок применяли отбойники для пикетажной техники. Обнаружен один такой отбойник (табл. 7, 5). Отбойник сделан на овальной крупной гальке мелкозернистого красноватого песчаника, подокруглой в сечении. Рабочая поверхность расположена на торце гальки, следы износа локализируются на вершинке торца, на стыке со сколом, образовавшемся в древности. Размеры: 15,3x7,5x5,2 см.

Таким образом, изучение каменных орудий из Коктепа показало, что основным занятием населения было земледелие. Об этом свидетельствуют находки орудий для жатвы зерновых (серпы, жатвенные ножи) и зернообрабатывающие орудия (зернотерки и куранты). Было развито также и ремесло. Большое количество орудий связано с обработкой металла. Это молотки трех видов, наковаленки и различные абразивы, служащие для обработки крупных изделий: топоров, тесел и мелких - типа игл, булавок, шильев. Было развито кожевенное производство (скребла для шкур) и деревообрабатывающее (скобель, клин, тесла для дерева). Каменными орудиями обрабатывалась и краска, которую затем использовали в керамическом производстве. Изготавливали каменные орудия также при помощи камней отбойников, абразивов.

Исследование каменных орудий имеет важное значение для реконструкции различных видов производственной деятельности. Особенно там, где сами продукты производства плохо сохраняются (изделия из дерева, кожи).

Использованная литература

1. Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселения Кучуктепа. Ташкент, 1979.
2. Арриан. Поход Александра. Перевод с древнегреческого М.Е. Сергеевко. М.-Л., 1962.
3. Бурякова Э.Ю. Поселение Лолазор - предшественник города на Афрасиабе // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
4. Заднепровский Ю.А., Ширинов Т. Каменные изделия и их роль в хозяйстве древних обитателей Дальверзинтепа. ИМКУ, вып. 18, Ташкент, 1983.
5. Исмидинов М.Х., Рапен К. К стратиграфии городища Коктепа. ИМКУ, вып. 30, Самарканд, 1999.
6. Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху древности и античности). Ташкент, 2002.
7. Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158, Ленинград, 1969.
8. Коробкова Г.Ф. Экспериментально-трассологическое изучение древних серпов и мезолитических орудий. АО,

1976. Москва, 1977.
9. Коробкова Г.Ф. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трассологического изучения). СА, №4, 1978.
 10. Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987.
 11. Семенов С.А. Происхождение земледелия. Ленинград, 1974.
 12. Семенов С.А., Ширинов Т.Ш. Каменные серпы Чустской культуры. Ташкент, 1976, ОНУ, № 10.
 13. Ширинов Т.Ш. Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского Междуречья. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ленинград, 1980.
 14. Ширинов Т.Ш. Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского Междуречья. Ташкент, 1986.
 15. Исамиддинов М.Х., Грене Ф., Грицина А.А. Работы узбекско-французской археологической экспедиции на городище Коктепа в 2001 году. Археологические исследования в Узбекистане 2001 год. Ташкент, 2002.
 16. Rapin Cl., Isamididinov M., Hasanov M. La tombe d'Une princesse nomade a Koktepe pres de Samarkand. Academie des Inscriptons. Belles-Lettres. Paris, 2001.

ХИМИКО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТАЛЛА БРИЧМУЛЛИНСКОГО КЛАДА

Предметы Бричмуллинского клада (рис. 1), обнаруженного в Бостандыкском районе Ташкентской области (верховья р.Чирчик), уже рассматривались в публикациях: эти вещи служили объектом специального исследования (Тереножкин, 1962) или их касались в археологических работах, посвященных материальной культуре племен Центральной Азии эпохи бронзы и раннего железа (Кузьмина, 1961; 1966; Литвинский и др., 1962; Аванесова, 1991). На основании морфолого-типологического анализа изделий, их аналогов и параллелей во времени и в пространстве исследователи высказали предположения по вопросам происхождения, хронологии, культурной принадлежности и связей Бричмуллинского клада.

По единодушному мнению, бричмуллинский комплекс относится к концу II–началу I тыс. до н.э. Этот клад был связан со степными племенами, по мнению Н.А. Аванесовой (1991), с культурами «валиковой» керамики, существовавшими на позднем этапе развития андроновской культурно-исторической общности. Среди вещей клада, состоящего из трех бляшек, четырех втульчатых, двухлопастных наконечников стрел и втульчатой секиры, последний предмет является наиболее интересным. Своеобразие и оригинальность формы этого орудия позволили Е.Е. Кузьминой (1966) высказать версию о его местном среднеазиатском происхождении, правда, как считает исследовательница, при этом имело место подражание, вызванное влиянием из Китая, где подобное оружие было широко распространено. Привязка по морфологическим показателем других изделий клада к центрам производства конкретных районов, из-за широкой распространенности их форм, весьма затруднительна. Это станет возможным при специальном изучении предметов клада, в частности химического состава металла, и сопоставлении результатов с анализами изделий памятников и данными геохимических характеристик месторождений Ташкентской горнорудной области и сопредельных территорий.

В начале рассмотрим химический состав сплавов, из которых были сделаны изделия Бричмуллинского клада (таблица).

Исходя из приведенной таблицы видно, что все предметы представляют собой сплавы на медной основе. Их химический состав сложен: в

нем присутствуют примеси олова, свинца, цинка, висмута, серебра, сурьмы, мышьяка, железа, никеля, кобальта и золота. Интервал концентраций данных элементов различен. Олово зафиксировано в интервале от 5,6 до 16,2%. Содержание свинца значительно ниже; чаще эта примесь присутствует в десятых долях процента и лишь в одном случае содержание свинца достигает 1,16%. Сурьма концентрируется в основном в области десятых долей процента (от 0,171 до 0,20%). Однако также встречаются образцы с пониженным (0,028%) и высоким (4,3 и 5,3%) содержанием этой примеси. Достаточно значителен разброс содержания серебра: в одних образцах оно присутствует в тысячных и сотых долях процента, в других – в десятых, приближаясь в интервале от 0,09 до 0,19%. Примерно такое же присутствие устанавливается и для мышьяка, представленного, в основном, сотыми и десятими долями процента, и только в двух образцах его содержание фиксируется в области тысячных долей процента (менее 0,005%). Остальные указанные выше примеси – цинк, висмут, никель, кобальт и золото – характеризуются низкими содержаниями (сотые и тысячные доли процента).

Таким образом, согласно аналитическим данным, изделия Бричмуллинского клада оказались отлитыми из искусственных сплавов, представленных оловянистыми, оловянно-свинцовистой и оловянно-сурьмянистыми бронзами. Большая их часть – это высокооловянистые сплавы. По сырьевым показателям вещи клада не едины, скорее всего, связаны с разными рудными источниками. Последние, судя по химической характеристике сплавов, различаются между собой содержанием серебра, висмута и мышьяка. Таких источников, очевидно, было три. Среди них сырье первого было обогащено серебром и мышьяком (в сплавах эти примеси фиксируются в пределах соответственно 0,08-0,74% и 0,053-0,148%). Из металла этого источника были отлиты секира (рис. 1;7), бляшка (рис.1;1) и два наконечника стрел (рис.1;3,5). Металл второго источника, обогащенный серебром (0,08% и 0,27%) и висмутом (0,056% и 0,113%), пошел на изготовление второй бляшки (рис.1;2) и третьего наконечника стрелы (рис.1;4). Сырье третьего источника характеризуется пониженной концентрацией серебра (меньше 0,005%) и из него был выполнен по-

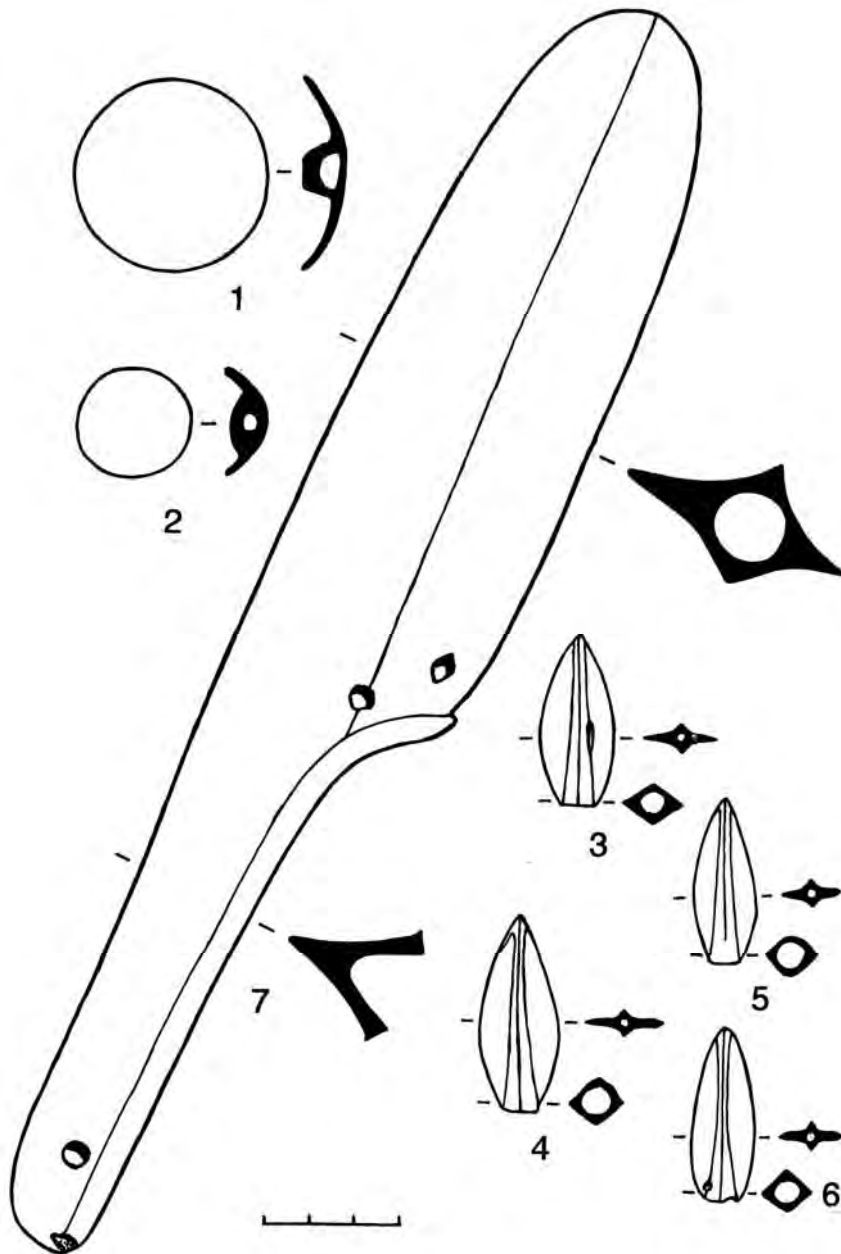

Рис. 1 Бричмуллинский клад

следний, четвертый в бричмуллинском комплексе, наконечник стрелы (рис. 1;6). Содержание (0,019%) висмута в этом изделии занимает как бы промежуточное положение между выделенными группами I и II: его здесь больше чем в изделиях группы I, но меньше чем в вещах группы II.

Теперь проведем сравнительный анализ состава металла вещей Бричмуллинского клада с предметами памятников и культур, бытовавших в конце II-начале I тыс. до н.э. на территории Ташкентско-Ферганского региона и прилегающих к нему районов. Для этого, конечно, в первую очередь мы обратим внимание на металл степных племен. Вместе с тем не менее важными представляются также результаты сравнений бричмуллинских изделий с металлическими материалами оседлоземледельческих культур расписной керамики, кстати, имеющих много сходных черт в степных бронзах, как в типологическом, так и в химическом отношении.

В металлических коллекциях памятников и культур этой области и соседних районов выявлен ряд химических групп (Рузанов, 1980; 1982; 1990; 1994; 1995; 2000). Среди них есть группы, с которыми бричмуллинские находки обнаруживают химическое сходство. Это группы ЧК I и ЧК III (чаткалокураминские), ВЗ I и ВЗ II

Таблица. Бричмуллинский клад

Лабор №	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
33	88,0	13,8	0,01	0,1	0,005	0,08	0,028	0,053	0,19	0,01	0,011	0,01
34	82,0	11,4	0,49	0,1	0,113	0,08	5,3	0,005	0,14	0,01	0,005	0,01
35	83,0	16,2	0,27	0,1	0,007	0,74	0,167	0,135	0,18	0,01	0,005	0,03
36	86,0	5,6	0,43	0,1	0,056	0,27	4,3	0,149	0,19	0,01	0,008	0,02
37	86,0	10,6	1,16	0,1	0,005	0,212	0,48	0,005	0,07	0,01	0,005	0,01
38	88,0	9,3	0,84	0,1	0,019	0,005	0,171	0,167	0,09	0,01	0,005	0,06
52	89,0	9,7	0,12	0,1	0,005	0,269	0,207	0,148	0,09	0,018	0,005	0,04

Примечание. Ан. 33 (рис.1;1), 34 (Рис.1;2)-бляшки; ан. 35 (рис. 1;3), 36 (рис. 1;4), 37 (рис. 1;5), 38 (рис. 1;6)-наконечники стрел; ан.52 (Рис. 1;7)-секира. Знак «≤» -меньше.

(верхнезарафшанские) и ВУ (волго-уральская). При этом следует отметить близость одних и тех же изделий не только к одной, но и сразу к двум группам. Последнее обстоятельство, безусловно, затрудняет точную привязку бричмуллинских бронз к исходным химическим группам, а значит и к исходным районам происхождения металла этих групп. Все это вносит условность в решение поставленных задач и поэтому мы ограничимся только предварительным мнением о возможном происхождении предметов Бричмуллинского клада.

Однако вернемся к выделенным химическим группам и рассмотрим их географию. Металл групп ЧК I и ЧК III распространен в Ферганской, Ташкентской, Сурхандарьинской и Самаркандской областях в Узбекистане, а также в Худжанской и Курган-Тюбинской областях в Таджикистане. Центры их распространения и рудные источники локализуются в Северо-Западном Ферганском и Чаткало-Кураминском горнорудных районах. Образцы групп ВЗ I и ВЗ II локализуются в Худжанской, Самаркандской, Ферганской, Сурхандарьинской и Курган-Тюбинской областях. Рудные источники этих групп, скорее всего, расположены в верхнем бассейне р. Зарафшан в Центральном Таджикистане. Группа ВУ, чьи образцы встречены во многих культурно-исторических областях Средней Азии, которая была также знакома на Урале, в Поволжье, на Дону (Черных, 1970) и очевидно, в Казахстане, на наш взгляд, связывается либо с центрами производства Западного Узбекистана, либо с металлургическими производствами Центрального и Восточного Казахстана.

Сгруппированные по химическим показателям изделия Бричмуллинского клада соотносятся с перечисленными химическими группами следующим образом. Секира, два наконечника стрелы и бляшка, составившие группу I, находят соответствие в металле групп ЧК I и ВУ. Среди группы ВУ зафиксирована в Ташкентской и Ферганской областях маленькой серией вещей, часть которых обнаружена среди случайных находок. Поэтому данная группа вряд ли может быть использована для привязки бричмуллинского комплекса. На меди источника типа ЧК I работали кузнецы-литейщики кайракумской культуры и поселения Чуст, в коллекциях которых доля этого металла была весьма большой: в кайракумских материалах ее представляют 33% находок, а в чустских еще больше – 62,2% из числа проанализированных вещей. Поскольку металл поселения Чуст датируется концом IX-первой половиной VIII-VII вв. до н.э. (Рузанов), т.е. более поздним временем, чем Бричмуллинский клад, то значит ука-

занные предметы, как и весь клад, не могут быть связаны с деятельностью чустских мастеров. Поэтому перечисленные выше орудия и украшение являются либо импортом, изготовленным кайракумскими литейщиками, либо были сделаны на месте из ферганской бронзы.

Другая бляшка и наконечник стрелы бричмуллинского комплекса, отнесенные к группе II, связываются с металлом химических групп ВЗ II и ЧК III. Сырье этих групп часто употребляли как мастера степных племен, так и культур крашеной керамики. Так, в Ташкентской области подобный металл встречается в комплексах памятников бургулюкской культуры, в Ферганской долине – в материалах кайракумской культуры и поселения Дальверзин, в верховьях р. Зарафшан – в инвентаре могильника Дашти-Кози, а в среднем бассейне р. Зарафшан бронзы этих групп известны в Чакинском и Муминабадском могильниках. В этом круге памятников лишь чакинцы не могли произвести указанные вещи, поскольку погребальный инвентарь, встреченный в могильнике Чака, указывает на относительно более раннее время его бытования – на XIV в. до н.э. (Аванесова, 1991), правда, с возможным омоложением, на наш взгляд, верхнего рубежа памятника в пределах XIII в. до н.э. Представители прочих перечисленных культурных группировок могли быть причастны к производству бричмуллинской бляшки и втульчатого наконечника стрелы. Однако, думается, что предпочтение в этом плане все-таки следует отдать мастерам степной бронзы, для которых данные формы были традиционными. Поэтому мы полагаем, что эти предметы, скорее всего, являются результатом производства кайракумского или даштикозинского очагов металлургии и могут иметь импортный характер. Хотя при этом нельзя исключать также местного их производства в пределах Ташкентской области.

Четвертый втульчатый, двухлопастной наконечник стрелы клада по химическому составу находит соответствие в металле группы ВЗ I, который употребляли мастера степных племен верхнего и среднего бассейнов р. Зарафшан (могильники Дашти-Кози и Чака) и Ферганской долины (кайракумская культура). Как мы уже писали, из возможных производителей бричмуллинских предметов следует исключить носителей чакинского комплекса. Что касается мастеров даштикозинского и кайракумского очагов металлургии, то они в равной степени могли претендовать на эту роль. Правда, следует отметить, что наконечник стрелы был отлит из бронзы верхнезарафшанского источника.

Итак, относительно небольшой по количест-

венному составу изделий, имеющих ограниченную типологическую вариабельность, Бричмуллинский клад в химико-металлургическом плане оказался весьма сложным комплексом. Его металл можно связывать с месторождениями Чаткало-Кураминского и Верхнезарафшанского горнорудных районов, а также с ферганским источником, расположенным на северо-западе Ферганы. Другой особенностью клада является использование высокооловянистых бронз, что говорит о доступности оловянной лигатуры. При изготовлении вещей употреблялись оловянистые бронзы различного состава. Пока трудно судить о том, являлись ли бричмуллинские изделия продукцией разных очагов металлургии или же они

были выполнены мастерами одного центра, использовавшими и металл местных источников и импортное сырье. По имеющимся сегодня аналитическим данным можно предположить, что изготовителями предметов Бричмуллинского клада могли быть скорее всего кузнецы-литейщики кайраккумской культуры Ферганы и племен, оставивших некрополь Дашти-Кози в верховьях р.Зарафшан. Таким образом, химический состав металлических изделий Бричмуллинского клада свидетельствует о среднеазиатском происхождении не только секиры, как было правильно отмечено Е.Е. Кузьминой, но и других вещей этого комплекса.

Литература

1. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.
2. Кузьмина Е.Е. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы // Изв. АН Кирг. ССР. Вып.3, т.Ш. Фрунзе, 1961.
3. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ. Вып. В4-9.М., 1966.
4. Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе, 1962.
5. Рузанов В.Д. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры // СА, № 4. М, 1980.
6. Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа // Автореф. дисс. канд.ист.наук. МГУ. М., 1982.
7. Рузанов В.Д. Химический состав металла могильника Чакка // ИМКУ. Вып.24. Ташкент, 1990.
8. Рузанов В.Д. Древняя металлургия Таджикистана // ТД международной конференции «История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии», посвященной 60-летию Таджикско-Памирской экспедиции. Худжанд, 1994.
9. Рузанов В.Д. Новые данные о металле могильника Муминабад // ТД международной конференции «Проблемы реставрации культурного наследия народов Средней Азии и технологии древних и средневековых ремесленных производств», посвященной 65-летию д.и.н. А.А.Абдуразакова. Самарканд, 1995.
10. Дальверзино-чустско-бургулюкский очаг в системе металлообрабатывающих и металлургических производств Средней Азии / Материалы международной конференции «История, культура и экономика юга Кыргызстана». Том I. Ош, 2000
11. Тереножкин А.И. Клад андроновских бронзовых предметов из Бричмулла близ Ташкента // СА, № 3, М., 1962.
12. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА, № 172. М., 1970.

ОБ ОДНОМ МАКЕДОНСКОМ ОБЫЧАЕ В КОСТЮМЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В статье, посвященной «персидскому платью Александра», которая была напечатана в сборнике "История Узбекистана в археологических и письменных источниках", речь шла о культурном взаимодействии Запада и Востока в эпоху эллинизма. В качестве примера этого многосложного явления был взят один из составных элементов костюма, мидийско-персидского происхождения. Александр перенял мидийскую мантию в силу ряда причин, на которых мы не будем останавливаться, отсылая читателя к вышеназванной статье (Абдуллаев К.: 2005, стр. 116-123).

Касаюсь темы античного костюма, следует отметить одну примечательную особенность. Письменные источники, как и произведения изобразительного искусства, дают неполную информацию об одежде древних. Как правило, костюм, представленный на памятниках скульптуры, живописи и т.д., является парадным, рассчитанным в первую очередь на зрительный эффект (как, например, игра струящихся складок сложной драпировки). Менее информативны источники относительно обыденной, повседневной одежды. К таковой можно отнести одежду воинов - в особенности, всадников. Костюм их в реальной жизни не ограничивался тем красивым ансамблем, включающим короткую юбку и широкий плащ, который часто изображают античные художники. Такой ансамбль, нарочито парадный, явно носил условный характер и часто изображался в соответствии с художественными идеалами и эстетическими нормами античного общества. Трудно представить, например, всадника в таком костюме во время длительного конного перехода или быстрого марша на дальние дистанции. Естественно, что для такого случая существовала специальная набедренная одежда или какой-либо другой элемент костюма, предохраняющий от долгого трения о седло или корпус лошади. В этом отношении более практичными были кочевники, которые имели в своем "гардеробе" специально приспособленную для верховой езды набедренную одежду. Помимо широких штанин или рубашки с разрезами по бокам (Ghirshman: 1962. Fig. 242, 245, 258)¹, которые изображаются на рельефах, существовали отдельно сшитые штанины (типа средневековых ботфортов), которые

ткались из специального, грубоватого по своей структуре материала, или же изготовлялись из кожи (Абдуллаев К.: 1998, с. 90, рис. 4). В данном случае вполне допустимым представляется заимствование рациональными греками тех элементов одежды, которые были практичны и удобны в определенных климатических условиях. То враждебное отношение греков и македонян к переодеванию своего царя в персидское платье, было в большей мере возбуждено парадно-элитарным характером мантии, символизирующей царскую роскошь Востока. Что касалось обыденной одежды, то, учитывая военные условия и относительно суровый резко-континентальный климат, можно предположить, что греко-македоняне отнеслись к одежде местных жителей, приспособленной к этим условиям и проверенной веками более рационально.

До сих пор, на примере костюма, мы рассматривали восприятие некоторых элементов восточной культуры греко-македонянами. Какие же формы греческой одежды были восприняты народами Бактрии и Согдианы? Этот вопрос затрагивается в настоящем сообщении. Памятники пластического искусства, в том числе терракотовая пластика, доносят до нас ансамбль греческого костюма; для женских изображений это хитон, пеплос и гиматий. Создается впечатление, что костюм этот живет в памятниках изобразительного искусства гораздо дольше, чем в реальной жизни. Во всяком случае, этот же комплект прослеживается в последующий кушанский период, хотя кушанский костюм, как демонстрируют памятники искусства, существенно отличался от греческого. Тем не менее, отдельные элементы, воспринятые местным населением, продолжают бытовать в костюме народов Средней Азии на протяжении долгого времени.

Одним из составных элементов греческого, точнее, греко-македонского костюма являлся плащ. Этот вид наплечной одежды становится одним из наиболее показательных элементов в костюме населения Средней Азии. Однако присутствие его у народов Средней Азии вовсе не означает, что плащ был привнесен именно греко-македонянами. Например, у ираноязычных народов Средней Азии существовала наплечная накидка, называвшаяся "касом" (Abdullaev K., Vadanova). Этот вид наплечной одежды хорошо зафиксирован на предметах знаменитого Окского

¹Подобные рубашки были широко распространены в сасанидском костюме и хорошо представлены в изобразительном искусстве.

клада (Баданова; 2005, с.124 -130)². Памятники изобразительного искусства, которые мы приводим ниже, свидетельствуют о другом важном моменте в использовании этого плаща. Это, в первую очередь, касается манеры его ношения – обычно он закидывался назад. Спереди он, как правило, крепился фибулой у горла, на плече или на груди или, возможно, просто завязывался узлом. Многие терракотовые фигурки в основном кушанского времени, с изображением мужских персонажей имеют на шее крупный рельеф, передающий именно складки плаща, закинутого за спину.

Из скульптурных произведений Бактрии наиболее ранним образцом является изображение молодого эфеба из некрополя Ай Ханума (Bernard, 1973, pp. 605-632, fig.13). Разбитая на 29 фрагментов, скульптура была расчищена перед входом в мавзолей (Bernard, 1973, pp. 623). Изваяна она была из обычного беловатого известняка и прикреплена к блоку высотой 57 см. Скульптура передает обнаженную фигуру молодого мужчины с накинутой на плечи хламидой, застегнутой на правом плече (рис. 1). Ткань закрывает спереди левую часть груди, образуя крупные складки подтреугольной формы. Закинутый назад плащ из-за спины оборачивает левую руку. Фигура опирается на левую ногу, правая чуть выдвинута вперед и отставлена (хиазм). От головы сохранилась лишь правая верхняя часть; правый глаз, фрагмент лба и длинных спадающих до плеч волос. На затылок спускается головной убор типа петасы. Взгляд устремлен вверх, выражение драматической экспрессии. Скульптура представляет собой один из лучших образцов искусства ваяния эллинистической эпохи. Пластическая манера в трактовке образа во многом напоминает произведения Пергамской школы. Поза, манера драпировки сближают эту скульптуру с образом Аполлона (например, с Аполлоном Леохара). По мнению автора публикации и руководителя Французской миссии в Афганистане Поля Бернара, наличие головного убора петасы склоняет к мысли, что это образ эфеба, хотя длинные волосы до плеч не характерны для юношей, которые, вступая на военную службу, приносили свои волосы в жертву (Bernard, 1973, pp. 625). Но интересующая нас деталь - закинутый за спину плащ - манера но-

Рис. 1. Статуя эфеба из Ай Ханума (Афганистан).
Конец IV-III вв. до н.э.

шения, характерная для греко-македонского изобразительного комплекса.

Одним из ранних типов этих изображений являются фигуры охотников на мозаиках из Пеллы, датирующиеся IV в. до н.э. Образ воина-охотника показан в виде атлетически сложенной, обнаженной фигуры с закинутым назад плащом, скрепленным спереди аграфом (рис. 2).

К ранним изображениям плаща в искусстве Северной Бактрии можно отнести также терракотовую плитку из Кампыртепа, найденную в слоях III в. до н.э. (Ртвеладзе, Сагдуллаев: 1986, с. 41; Пугаченкова: 1989, с.55-57; Культура и искусство Древнего Узбекистана. Каталог выставки. М., 1991, № 125)³. На плитке изображение воина-

²Интересно в этой связи также мозаичное изображение из Помпеи, в котором показана битва Александра с Дарием при Иссе. Один из центральных персонажей правого плана в колеснице (сам Дарий) показан с покрытой головой, сзади на плечах показаны крупные складки, явно указывающие на наличие плаща, закинутого за спину.

³Э. Ртвеладзе и А. Сагдуллаев видели в ней кушанского воина; позднее Г.А. Пугаченкова определила изображение как римского воина - соответственно датируя терракоту более поздним временем. Кажется несколько странным, что археологический контекст, ясно указанный автором находки, не принимается в расчет.

Рис. 2. Фигура охотника на мозаике из Пеллы (Македония). IV в. до н.э.

гоплита в доспехах со щитом и мечом в атакующей позе. Плащ показан не целиком, а лишь в виде двух широких рельефных полос, сходящихся под углом в центре на груди, однако нетрудно догадаться, что это плащ, закинутый за спину (рис. 3).

Рис. 3. Терракотовая плитка из Кампыртепа (Сурхандарьинская область). III в. до н.э.

Эта существенная деталь в costume изображенного воина была упущена, к сожалению, в относительно недавно вышедшей статье З.В. Сердитых, Г.А. Кошеленко (Сердитых, Кошеленко: 1999, с. 363-367). Авторы публикации заостряют свое внимание не на этом элементе костюма, явно восходящим к македонским истокам, а на изображении на щите, интерпретируя его как "многолучевую звезду. Не имея возможности исследовать плакетку de visu, авторы впадают в досадное заблуждение при интерпретации отдельных элементов, что приводит их к выводам, с которыми трудно согласиться. Изображение на щите представляет собой вертикальную осевую линию; от овально выступающего центра симметрично отходят попарно вверх и вниз две кривые линии с утолщениями на концах. Горизонтально от центра располагаются по два округлых выступа. Фигура в целом отдаленно напоминает русскую букву "Ж" и схематично передает пучок молний, а не многолучевую звезду, которая даже при предельной схематизации далека от рассматриваемой фигуры (Abdullaev K.: 1995, p. 167)⁴.

К ранним изображениям плаща следует, по всей вероятности, отнести и фрагмент терракотовой плитки из Еркургана (Сулейманов: 2000, рис. 143, 3), датированный III-I вв. до н.э. Фрагмент передает нижнюю часть мужской фигуры с четко моделированной мускулатурой. На персонаже короткий, до колен хитон (ионийский тип?), а сзади как бы образуя фон, показаны глубокие вертикальные складки, указывающие на наличие плаща, закинутого назад.

Как промежуточное звено в хронологической последовательности интересующий нас элемент отражен в халчаянском изобразительном комплексе, передающем образы юэчжей - основателей будущей кушанской державы. В costume персонажей халчаянских рельефов мы вновь встречаем плащ, закинутый за спину. Особенно примечательна в этом отношении сидящая фигура знатного вельможи (рис. 4). Платье его состоит из свободной рубахи и таких же просторных шаровар. Поверх рубахи на плечи закинут плащ, который оставляет грудь открытым.

Этот вид наплечной одежды хорошо зафиксирован также в изобразительном комплексе Тиллятепа (Северный Афганистан), который относится к I в. до н.э. - I в. н.э. и принадлежит, по

⁴В тексте, на который ссылаются авторы, ясно говорится о молнии "shield with a relief representation of a thunderbolt" - "щит с рельефным изображением молнии", а не об "эгиде" с крыльями. Что касается многолучевой звезды, одного из популярных символов в македонском изобразительном комплексе (ларец из Пеллы, мозаика Ай Ханума, серебряный диск из храма с нишами Ай Ханума и т.д.); изображение на щите не передает схемы вышеназванной звезды.

Рис. 4. Глиняная скульптура из Халчаяна (Сурхандарьинская область). Персонаж с закинутым назад плащом. Конец II – I вв. до н.э.

всем признакам к сако-юэчжийскому культурному комплексу. Плащ показан на ряде персонажей, запечатленных на драгоценных украшениях. В частности, это пряжка с изображением двух воинов, расположенных друг против друга и представляющих тяжеловооруженного гоплита (Арес?) с копьем и мечом (рис. 5). Поверх его доспеха типа торакса за спину закинут плащ, который спереди образует большие горизонтальные складки вокруг груди, скрепленные у плеча

Рис. 5. Золотая бляшка с изображением тяжеловооруженного воина – гоплита (Арес) из Тиллятепа (Афганистан). I в. до н.э. – I в. н.э.

(Sarianidi: 1985. Pl. 82-84). В качестве другого примера изображения с плащом, закинутым за спину, можно привести персонаж дионисийского круга (Дионис) на хищном животном с кубком (канфар) в левой руке (рис. 6). Рельефная композиция вписана в круг, и 9 бляшек, украшенных такой композицией, составляли декор золотого пояса (Sarianidi: 1985. pl. 88-97). Несколько в иной манере плащ показан на персонаже на колеснице, запряженной грифонами (Sarianidi: 1985. pl. 124). На данном изображении он практически полностью закрывает сидящую фигуру; по краю он декорирован длинными бирюзовыми вставками, которые, впрочем, могли передавать орнаментированную окантовку плаща.

Рис. 6. Золотая бляшка от пояса с изображением Диониса на пантере. Тиллятепа (Афганистан). I в. до н.э. – I в. н.э.

Плащ, закинутый за спину, является довольно популярным элементом костюма в последующий кушанский период. Однако прежде чем перейти к анализу памятников этого времени, следует привести несколько примеров, которые хронологически как бы предшествуют кушанскому изобразительному комплексу, но по своему характеру относятся к кочевническому типу. Это, в первую очередь, изображение всадника из 5-го пазырыкского кургана (Руденко: 1968, рис. 46,50). Композиция выполнена на войлочном ковре и передает сцену, где всадник предстает перед сидящим на троне персонажем, по всей видимости, божеством. Костюм всадника состоит из короткой куртки, облегающих штанов и короткого плаща, завязанного спереди и развевающегося сзади (рис.7). Близкую аналогию по общей схеме композиции дает небольшая золотая пластина из кургана Тенлик (III-II вв. до н.э.) (Акишев: 1978, таб. 40), относящаяся также к кочевническому кругу.

Две терракотовые фигурки из Паенкургона (Северная Бактрия) также передают этот элемент костюма (Abdullaev K.: 2005, p.27-46, fig. 12, 13;

Рис. 7. Всадник на войлочном ковре из кургана Пазырыка (Алтай). IV в. до н.э.

Leriche P., Pidaev Sh., Abdullaev K., Gentelle P. 1997. P. 39-40, fig. 31, 32). Если фигура, облаченная в доспехи с перекрестиями на груди, ассоциируется с образом греческой Афины (рис. 8), то вторая терракота, передающая обнаженную фигуру героя с палицей и шкурой льва, сближается с образом Геракла (рис.9). На обоих изобра-

Рис. 8. Терракотовое изображение Афины из Паенкургана (Сурхандарьинская область). I в. до н.э.

Рис. 9. Терракотовое изображение Геракла из Паенкургана (Сурхандарьинская область). I в. до н.э.

жениях на грудь спадает часть завязанного плаща, закинутого за спину.

Прекрасный образец плаща, закрепленного на груди округлой бляшкой, дает терракотовая фигурка из Бабатага (случайная находка), хранящаяся в фондах Термезского Археологического музея. Терракотовое изображение передает обнаженную фигуру музыканта (рис. 10). Ноги и руки

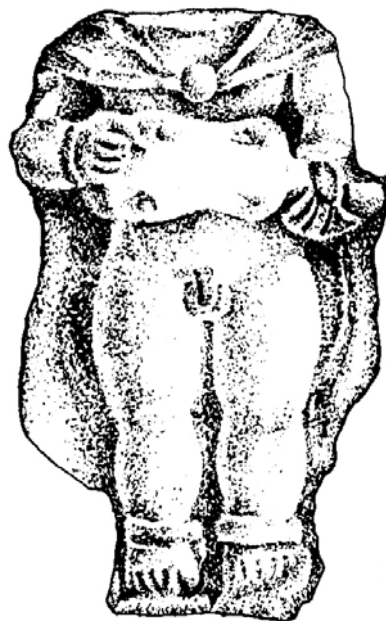

Рис. 10. Терракотовое изображение музыканта из Бабатага (Сурхандарьинская область). I в. до н.э. – I в. н.э.

его украшены крупными браслетами, фигура довольно массивная, приземистая с подчеркнутыми рельефами ног и рук. Инструмент имеет гитараобразную деку и относится к разряду струнных.

В кушанском искусстве этот вид наплечной одежды встречается довольно часто; достаточно привести монетные изображения, которые демонстрируют официальный парадный костюм кушанских царей. На аверсе монет Канишки царь изображен в длинной подпоясанной кушаком рубахе и широких шароварах. Поверх этой одежды накинута плащ, который закреплен на груди двумя округлыми бляшками (рис.11). Сам плащ закинут за спину, прикрывая плечи. Следует добавить, что многие фигуры божеств на реверсе монет Канишки и других царей кушанской династии обведены по бокам рельефными линиями, которые, несомненно, передают края плаща, закинутого за спину.

Рис. 11. Изображение царя Канишки на аверсе его монет. II в. н.э.

Все вышеприведенные памятники изобразительного искусства, демонстрирующие закинутый за спину плащ, можно подразделить на две категории. Первая категория - изображения, на которых плащ дополняет полный ансамбль костюма военного или же светского характера. Когда речь идет о культурной идентификации изобразительного комплекса, плащ, как элемент костюма, представляется менее выразительным. Вторая категория изображений - это обнаженные герои с оружием или другими атрибутами, одежда которых ограничивается одним лишь плащом, как правило, закинутым за спину (эфеб из Ай Ханума, Геракл из Паенкурмана, лютнист из Ба-

батага). Они, по всем признакам, более всего приближаются к греко-македонскому изобразительному комплексу, и, по всей видимости, продолжают традицию на каком-то этапе развития, скорее всего, не столь продолжительном. Во всяком случае, кушанское искусство гораздо реже изображает обнаженную фигуру, задрапированную в материю, чем это наблюдается в эллинистический период. Тиллятепинский комплекс демонстрирует нам подобные примеры, однако традиция эта могла восходить к сакскому периоду, предшествующему кушанам, но сохраняющему еще эллинистические черты. Еще менее характерны обнаженные фигуры, задрапированные в плащи, для раннесредневековой поры Согды и Северной Бактрии-Тохаристана, хотя памятники торевтики все еще доносят до нас мотивы дионисийских мистерий или мифологические сюжеты, где персонажи иногда изображаются обнаженными (серебряные чаши со сценами из драм Еврипида, сасанидский металл с изображением обнаженных женщин т.д.).

Афрасиабский цикл.

На афрасиабских росписях плащи в составе костюмного ансамбля изображены только на некоторых определенных персонажах. К ним относится, во-первых, один из послов Чаганиана на Западной стене (Альбаум: 1975, табл. VI), а именно правая фигура. Персонаж, судя по положению (он стоит первым, фигура обращена вправо с дарами) имеет высокий ранг, о чем может свидетельствовать и то, что, в отличие от двух остальных персонажей этой группы, носящих головную повязку, он имеет головной убор, богато украшенный перлами (рис. 12). Однако другой примечательный элемент его костюма - это плащ, заки-

Рис. 12. Чаганианские послы. Фрагмент настенной росписи из Афрасиаба. VII в. н.э.

По Л.И. Альбауму, 1975.

нутый назад и показанный спереди в виде неширокого валика подтреугольной формы; складки его подчеркнуты черными линиями. Плащ насыщенного синего цвета, довольно длинный, достигающий сзади до икр персонажа. Однако цвет плаща передан менее насыщенно по сравнению с основным темно-синим фоном, поэтому он выделяется более светлым оттенком того же синего цвета.

Следует отметить наличие развевающегося плаща и на другом персонаже в сцене шествия на Южной стене, где верхом на верблюдах изображены два персонажа, один из которых, седовласый старец в красном одеянии, держит в руке булаву; рядом с ним - более молодой спутник (рис. 13). За спиной этих персонажей развевается плащ бежевого цвета, однако кому из них он принадлежит, ответить трудно, так как ни у того, ни у другого на шее этот плащ не изображен. Выходит, что это одна из технических ошибок художника, который передал эффектно колышающуюся на воздухе материю, не показав, каким образом она была закреплена.

Интересно отметить, что плащ отсутствует у других персонажей. Даже в сцене охоты на Северной стене, где, казалось бы, можно было эффектно обыграть этот элемент костюма, на фигурах мчащихся всадников он отсутствует. Это говорит в пользу того, что плащ был привилегией определенной социальной группы и, по всей вероятности, символизировал высокое положение носящего его человека. Вместе с тем нельзя не учитывать и этнические особенности изобра-

Рис. 13. Всадники на верблюдах. Фрагмент росписи Афрасиаба. Южная стена. VII в. н.э. По Л.И. Альбауму, 1975.

женных, костюм которых мог не включать этот элемент.

Плащ, закинутый за спину, присутствует также, по всей очевидности, на персонаже царского или божественного происхождения в композиции на Северной стене помещения IX (Альбаум: 1975, табл. II). Пара, сидящая под сводом арки, изображена на синевато-голубом фоне с лицами, обращенными друг к другу. Левая мужская фигура держит в левой руке рифленую чашу, в которой изображено нечто неопределенное, скорее всего, символ в виде какого-либо животного (рис. 14). Персонаж одет в ярко-красную рубашу с желтыми полосками, окаймленными черной линией. Плащ, закинутый за спину, показан в виде широкой полосы, спадающей на грудь; черные линии передают складки. Справа показаны узлы завязок плаща в виде двух эллипсоидов, с правого бока персонажа проходит полоса того же цвета горчичного оттенка с черными полосками складок.

Рис. 14. Персонаж с закинутым за спину плащом. Фрагмент росписи Афрасиаба. Северная стена. VII в. н.э. По Л.И. Альбауму.

На одной из сцен Южной стены афрасиабских росписей в центре кавалькады изображен богато одетый всадник на лошади. Персонаж идентифицирован Л.И. Альбаумом как «глава посольства» (Альбаум: 1975, с. 48, рис. 13). Вслед за ним показаны две фигуры всадников. У одного из них, по незначительно сохранившемуся фрагменту изображения ткани серовато-пурпурного цвета, автор реконструирует плащ, закинутый назад (рис. 15). Более выразительно эта деталь одежды представлена на следующем персонаже, показанном в композиции ниже (Альбаум: 1975, с. 48,

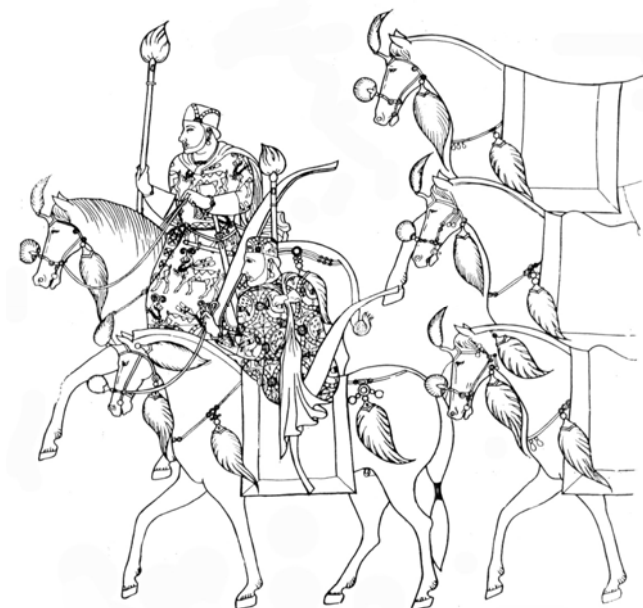

Рис. 15. Послы в сцене шествия. Фрагмент росписи Афрасиаба. Южная стена. VII в. н.э.
По Л.И. Альбауму.

рис. 146 таб. XXIX). Это нарочито завязанный крупный бант голубоватого цвета, мелкими складками спускающийся на спину. В данном

случае плащ носит явно декоративный характер, указывающий, возможно, на ранг изображенного.

Афрасиабские росписи демонстрируют нам плащ, который носят лишь избранные персонажи, и, что немаловажно, плащ это носится, как мы видим, на македонский манер.

Плащ как элемент одежды изображается также на других памятниках изобразительного искусства. Так, например, на рельефных изображениях согдийских оссуариев можно видеть персонажей с накинутыми на плечи и заброшенными назад плащами.

Интересно отметить, что в изобразительном комплексе другого значительного памятника Согда Пенджикенте, изображение плаща в costume представленных персонажей - явление довольно редкое. Такое положение может свидетельствовать в пользу того, что этот элемент был в большей мере характерен для южных регионов Средней Азии, в частности, Бактрии-Тохаристана. Такое явление можно было бы объяснить более устойчивыми изобразительными традициями. Нельзя исключить и того, что в реальном costume местного населения еще доживали отдельные элементы, дошедшие с древних времен.

Литература

1. Абдуллаев К. Номады в искусстве эллинистической Бактрии // ВДИ, 1998.
2. Абдуллаев К. Персидское платье Александра. К вопросу о культурном взаимодействии на эллинистическом Востоке // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005.
3. Акишев Е.А. Курган Иссык. М., 1978.
4. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, табл. II, VI, с. 48, рис. 13, рис. 146 таб. XXIX.
5. Баданова Е. Мужской костюм Бактрии эпохи Ахеменидов // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005.
6. Культура и искусство Древнего Узбекистана. Каталог выставки. М., 1991, № 125.
7. Пугаченкова Г.А. Римский воин на терракотовой плитке из Кампыртепа" // ОНУ, 1989.
8. Ртвеладзе Э., Сагдуллаев А. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986.
9. Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968.
10. Сердитых З.В., Кошеленко Г.А. Память о Македонии в Бактрии. Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. Москва-Магнитогорск, 1999.
11. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Ташкент, 2000.
12. Abdullaev K. Armour of Ancient Bactria. In: In the Land of the Griffons. Firenze, 1995.
13. Abdullaev K. New Finds of Pre-Kushan and Early Kushan Plastic Art in Northern Bactria and the Khalchayan Reliefs // Parthica 6. 2004. Pisa-Roma, 2005, p.27-46, fig. 12, 13.
14. Abdullaev K., Badanova E. Bactrian dress in Achaemenian Period. In: Mesopotamia.
15. Bernard P. Campagne de fouilles a Ai Khanoum (Afghanistan). Compt rendus des seances de l'annee 1972, Novembre-decembre. Academie des Inscriptions et Belles-Lettres, (CRAI). Paris, 1973.
16. Ghirshman R. Arte Persiana. Parti i Sassanidi. Edizione Rizzoli. 1962..
17. Leriche P., Pidaev Sh., Abdullaev K., Gentelle P. Bilan de la campagne 1997 de la MAFOuz de Bactriane. In: Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 11, 1997. P. 39-40, fig. 31, 32.
18. Sarianidi V.I. Bactrian Gold. Aurora Publisher. Leningrad, 1985. Pl. 82-84, pl. 88-97, pl. 124.

ИССЛЕДОВАНИЯ В РАЙОНЕ «ЖЕЛЕЗНЫХ ВОРОТ»: КРАТКОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ В 2005 г.

Согдийская Французско-Узбекистанская археологическая экспедиция (МАФУЗ: руководители Ф. Грене и М.Х. Исамиддинов), главным образом, занятая раскопками городища Афрасиаб, с 1996 г. предприняла исследование района Железных ворот у Дербента, имея целью реконструировать маршруты Александра Македонского, а также, в более широком плане, уточнить отдельные элементы исторической географии (проблемы политических границ в эпоху античности, древней картографии и т.д.). Эта часть исследования была большей частью проведена Клодом Рапэном и Шаймарданкулом Рахмановым (Rapin, Rakhmanov, 1999; Grenet, Rapin, 2001; Lyonnet, 2001; Rapin, 2001; Grenet, 2002; Рапэн, Рахманов 2002; Rapin, 2003; Рахманов, Рапэн, 2003; Рахманов, Рапэн, 2004; Rapin, 2005a; Rapin, 2005b; Rapin, 2005c).

Параллельно нашим исследованиям в регионе продолжала действовать Байсунская археологическая экспедиция (руководитель Э.В. Ртвеладзе в сотрудничестве со Л.М. Сверчковым), также опубликовавшая результаты своих изысканий.

Часть I: Возражения и ответы

На наши первые публикации на вышеуказанные темы последовали, что вполне естественно, критические отклики. В связи с этим, мы хотели бы, вкратце сформулировав состояние наших исследований на сегодняшний день, выразить наше, в некоторых вопросах позитивное, в некоторых негативное, отношение к этим замечаниям¹.

Критика исходит от трех авторов: Э.В. Ртвеладзе, П. Лериша, Л.М. Сверчкова, которые рассматривают наши работы под разными углами зрения.

Э.В. Ртвеладзе (2003, с. 19-20) подверг критике лишь один пункт нашего заключения, касающегося существования первой греческой стены Железных ворот. Очевидно, что при написании своей статьи Э.В. Ртвеладзе не учел содержание статьи Ш. Рахманова и К. Рапэна, предназначенной для того же сборника. Если бы она была в его распоряжении, или если бы он имел возможность побывать на месте раскопок после наших работ, он не стал бы высказывать сожаление по поводу отсутствия шурфов «в разных местах на всем протяжении стены», ибо именно это и было нами проделано. Э.В. Ртвеладзе не стал бы также удивляться отсутствию кирпичей греческого

формата (42-43x42-43x10-12 см), так как они четко зафиксированы в двух из восьми шурфов, о чем было указано в нашей публикации. Для него было бы также трудно говорить о наличии греческой стены исключительно только у «охранного поста, контролирующего тех, кто проходил по дороге», так как эта стена была обнаружена нами на склоне в 730 м. на север от ворот.²

Мы охотно признаем, что читателю нужно было бы дать иллюстрации керамики, что мы и делаем здесь (рис. 1; Б. Лионне привлекла наше внимание к «фрагменту керамического «рыбного блюда», покрытого черным ангобом», так же как и ко многим «донцам столовой посуды, декорированной внутри процарапанным кружком, на одном из которых даже имеется штампованная пальметта геометрического типа»: Lyonnet, 2001, р. 153. Таким образом, она указывает на фрагменты особо показательные с точки зрения хронологии, так как они датируются не раньше, чем период Ай-Ханум IV, а именно второй половиной III в. до н.э.).

П. Лериш, руководитель Бактрийской Французско-Узбекистанской археологической экспе-

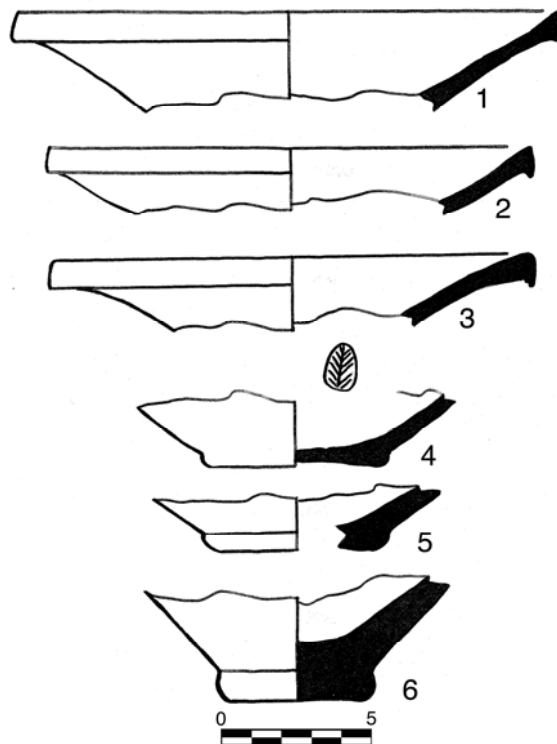

Рис. 1. Эллинистическая керамика из стены «Железных ворот»

диции и один из руководителей полевых исследований в Термезе, не комментирует нашу точку зрения по вопросу собственно Железных ворот, но сосредотачивает свое внимание на двух других вопросах (Leriche, 2002). Первый – это наша локализация административной предкушанской границы (мы настаиваем на этих двух терминах) между Бактрией и Согдианой, которую мы, заново проанализировав тексты, извлеченные из «Вульгата Александра» (*Этимология* Меца, истории Квинта Курция и Диодора Сицилийского) и трудов античных географов (Страбона, Птолемея), располагаем не следуя горной системе Гиссар-Байсун-Кугитанг и соответственно по «Железным Воротам» (точка зрения, доминирующая среди археологов), а по Оксу (соответствующему современному Вахшу до его слияния с Амударьей и далее самой Амударьей; рис. 2). Эту нашу точку зрения П. Лериш отвергает без детальной аргументации.

Камнем преткновения также стало предлагае-

мое нами отождествление городища Термез с Маргинией, городом, вокруг которого в 328 году Александр, идя к Самарканду, приказал построить шесть крепостей (Квинт Курций VII, 10.15-16)

Возражения П. Лериша, основанные на результатах последних раскопок в Термезе, уместны и мы их принимаем с тем большим удовольствием, что они соответствуют недавно предложенным убедительным альтернативным гипотезам (см. ниже). В тоже время, должны ли мы, тем не менее, согласиться с его словами, что «этот тип исторической географии, во всяком случае, ничего не вносит в наше знание истории Термеза»? Думается, что нет. В том же, что касается этого городища, мы придерживаемся трех положений нашего заключения:

1) Название «Термез» не имеет ничего общего с именем греко-бактрийского царя Деметрия. Эта идея, высказанная еще в 1951 году В. Тарном (*The Greeks in Bactria and India*, 1951, 2nd ed., p.

Рис. 2. Карта Средней Азии с последними топонимическими отождествлениями

525) осталась неизвестной П. Леришу и его отряду, которые в своих публикациях использовали название «Деметрия-Термез». Они прекратили употреблять этот термин только после появления нашей статьи (Grenet, Rapin, 2001).

2) Термез одно время назывался Антиохией. Нельзя, как этого хотелось бы П. Леришу, под предлогом того, что речь идет «о документе VIII века», одним мановением руки стереть свидетельство карты Пейтингера (Peutingger), где упомянута «Антиохия Тармита». Более того, если последние дополнения к карте действительно относятся к этой эпохе, то упоминание Термеза было наверняка введено туда не именно в это время. Оно явно восходит, как и в Космографе из Равенны (который дает то же название) к более ранним этапам сложения документа, без сомнения к августовской эпохе.³

3) В доводах, подтверждающих древность Термеза, не должен оставаться в стороне факт существования укрепленного города прямоугольного плана, именуемого «Шахристан I», ни то, что самое древнее ядро его фортификации еще не вскрыто археологами (см. книгу Ш. Рахманова «Средневековый Термез. Фортификация города и региона Тохаристан», которая должна быть опубликована Институтом археологии АН РУз.).

К этим трем положениям добавим четвертое – факт, который ранее ускользал от нашего внимания: самое раннее упоминание Термеза под этим именем относится к эпохе походов Александра, точнее к 329 году. В это время, согласно *Эпито-мея* Меца (4), Александр, преследуя Бесса, доходит до городища (*oppidum*) «Тармантис», расположенного на «реке мидийцев» (то есть здесь Окс перепутан с Араксом) (Rapin 2005a, p. 154-157 и карта 2; 2005b, p. 126-129 и карта 4). Сначала мы интерпретировали это название как родственное названию «Термез» («tar» - «пересекать»), но не идентичное. Наш коллега иранист Павел Лурье указал нам, что речь, вероятнее всего, шла об этимоне «Тармид»,⁴ который является аутентичной местной формой более широко известного термина «Термез». Археологические данные о цитадели Термеза, расположенной на берегу реки, не противоречат этой интерпретации: керамика ахеменидского типа, найденная в наиболее глубоком шурфе, может, конечно, относиться к первому греческому периоду, но может также указывать на существование предгреческого горизонта (Pidaev, 2001, p. 49-52, рис. 2).

Если Маргиния не была в Термезе, где же ее надо искать? Мы не думаем, что следует возрождать старую гипотезу, где речь шла о Маргиане⁵ (как хотел бы это сделать П. Лериш): топонимы, происходящие от «*marga-aina» – «зона лугов»,

существуют и в других местах.

Л.М. Сверчков, по нашему мнению, в своей статье значительно продвинулся в этом вопросе (Сверчков, 2005b, с. 59 (английский вариант), с. 77 (русский вариант); каталог городищ, Сверчков, 2005c). Принимая наше определение границ и нашу локализацию на нижнем Вахше места вступления Александра в Согдиану, он настаивает на двух положениях. Первое: Арриан (IV, 16.2-3) сообщает, что Александр, вступив в Согдиану, выбрал самую прямую дорогу к Самарканду, то есть сначала пошел к Железным воротам. Таким образом, скорее у этого прохода, чем у Термеза, и следовало бы искать Маргинию. Второе: недавно в раскопках самого Л.М. Сверчкова и К. Абдуллаева обнаружены два форта, относящиеся к древнегреческому периоду, один в Курганзоле, другой на Паёнкургане. Оба стоят на дороге между полицентричным городищем Бандыхан и современным городом Байсун, расположенным в 42 километрах к северо-западу. По мнению Л.М. Сверчкова, эти форты могли входить в систему оборонительных сооружений, выстроенных Александром вокруг Маргинии. Сам город соответственно следовало бы поискать или на тепе Бандыхан или в Байсуне.⁶

Часть II. Новые исследования у «Железных ворот».

Информация, изложенная в первой части по поводу согдийской границы по Оксу и локализации Маргинии к востоку от Дербента, является ключевым элементом для воссоздания маршрута Александра Великого, по которому он следовал в период 328-327 гг. до н.э., когда и произошли два особо важных события: взятие двух укрепленных скал и знаменитая встреча завоевателя с Роксаной.

Исходя из указаний приведенных источников, эти события должны были развиваться в районе Железных ворот.⁷ К приходу завоевателя эта зона представляла собой, в основном, узел коммуникаций, которые могли при необходимости быть временно заблокированы; позднее она трансформировалась в настоящую укрепленную пограничную линию, кратковременно функционировавшую между 250 и 160 гг. до н.э. (рис. 3 Н), а затем, с I по VIII вв., периодически действующую.

Первый этап наших работ в регионе начался с раскопок на Дербентской стене (три сезона в течение 1996-1997 гг.)⁸, которые затронули все периоды ее существования, вплоть до тимуридской эпохи. На протяжении второго этапа наших исследований, который продолжался и в этом году,⁹ было предпринято обследование укрепленных городищ, предположительно принадлежавших к древней оборонительной системе Железных во-

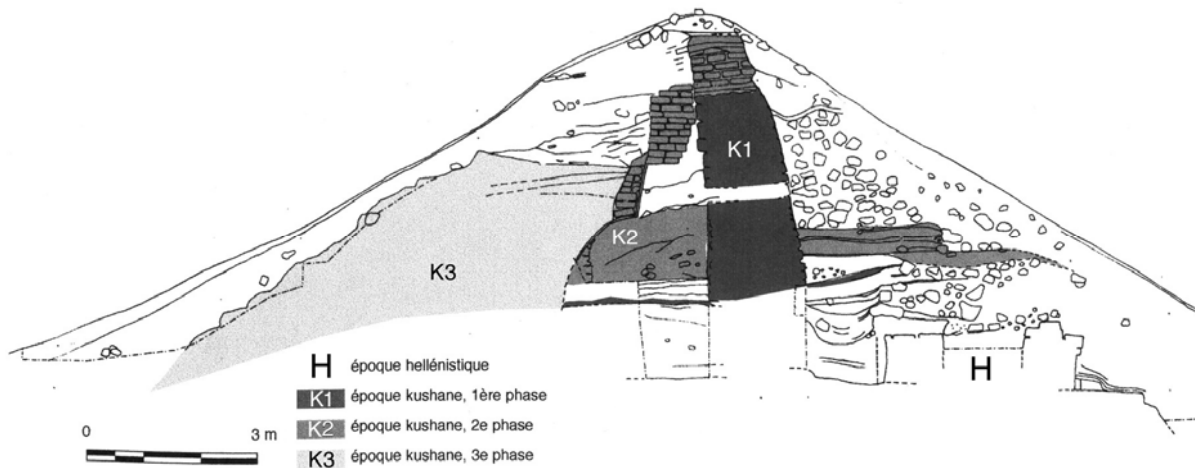

Рис. 3. Стена Железных ворот. Разрез стены на раскопе 2 (эллинистический и кушанский уровни)

рот.

Исторические источники, относящиеся к годам македонского завоевания (Диодор Сицилийский, *Эпитомея* Меца, Квинт Курций, Страбон, Арриан, Плутарх), как не раз отмечали их комментаторы, представляют собой комплекс данных, противоречащих друг другу не только при сравнении повествований различных авторов, но даже внутри одного и того же текста. Это создает трудности для тех, кто хочет сравнить их с археологическими реалиями. Повествование источников, без сомнения, в большинстве своем подлинное в своей основе; однако, их текст неоднократно перекраивался и реорганизовывался в зависимости от риторических целей, или просто потому, что повторяемость в характере осадных мероприятий в горах, о которых идет речь, могла стать причиной смешения описаний одного городища с другим. Следуя за событиями, изложенными в источниках, мы видим, что некоторые указания, например, на времена года опущены.¹⁰

Вместе с тем, мы увидим в настоящей статье, как геологические, орографические и гидрографические исследования, в совокупности с использованием археологической карты региона, могут внести новый вклад в вопрос согласования в определенном историко-физическом контексте всего комплекса относительных данных, на первый взгляд, весьма запутанных.

Мы проведем исследование в трех направлениях: 1) рассмотрение и анализ маршрутов и наличия потенциальных «скал» в орографии региона; 2) резюме литературных источников, относящихся к этой проблеме;¹¹ 3) наметка маршрута по результатам исследования рельефа в сравнении со сведениями письменных источников.

Регион убежищ и застав: орографическое исследование западной оконечности Гиссарской

гряды, барьера между долинами Сурхандарьи и Кашкадарьи (рис. 4).¹²

Строение вогнутой оси этой западной оконечности характеризуется последовательной сменой широких антиклиналей и синклиналей, направленных с юго-востока на северо-запад в районе прилежащем к Амударье и меняющих свое направление в более северном секторе на восток-запад. Синклинали широко открываются на север, слегка отклоняясь к западу и погружаются под лёсс Каршинской степи. К юго-востоку от линии водораздела (бассейн Сурхандарьи) имеется непрерывный ряд, расположенных по долготе, обширных антиклиналей под панцирем юрского известняка толщиной в полкилометра, образующий мощный барьер, который господствует на высоте от 1000 до более 1500 м над подгорными плато и на от 2000 до 2500 м над самой долиной Сурхандарьи.

К северо-востоку от Байсуна барьер поднимается и приближается к долине серией крупных складок, которые поднимают к поверхности палеозойский субстрат, в свою очередь, перекрытый панцирем юрских известняков. Этот гладкий панцирь образует здесь плиту с обрывистым краем, подчеркивающим линию гор с южной стороны. Уходя к северу, он полого погружается под поверхность, начиная от вершины и вплоть до долины (зона источников и пастбищ).

Гидрографическая система этого барьера, как современная, так и ископаемая, характеризуется узкими ущельями и каньонами, идущими перпендикулярно антиклинальным осям на всем протяжении долины, вплоть до водораздела. Они удерживают воду из расположенных позади синклинальных долин с тем же рельефом. В складчатой зоне к северо-востоку от Байсуна три значительных долины, идущие в северо-западном направлении, пробивают узким проходом барьер и упи-

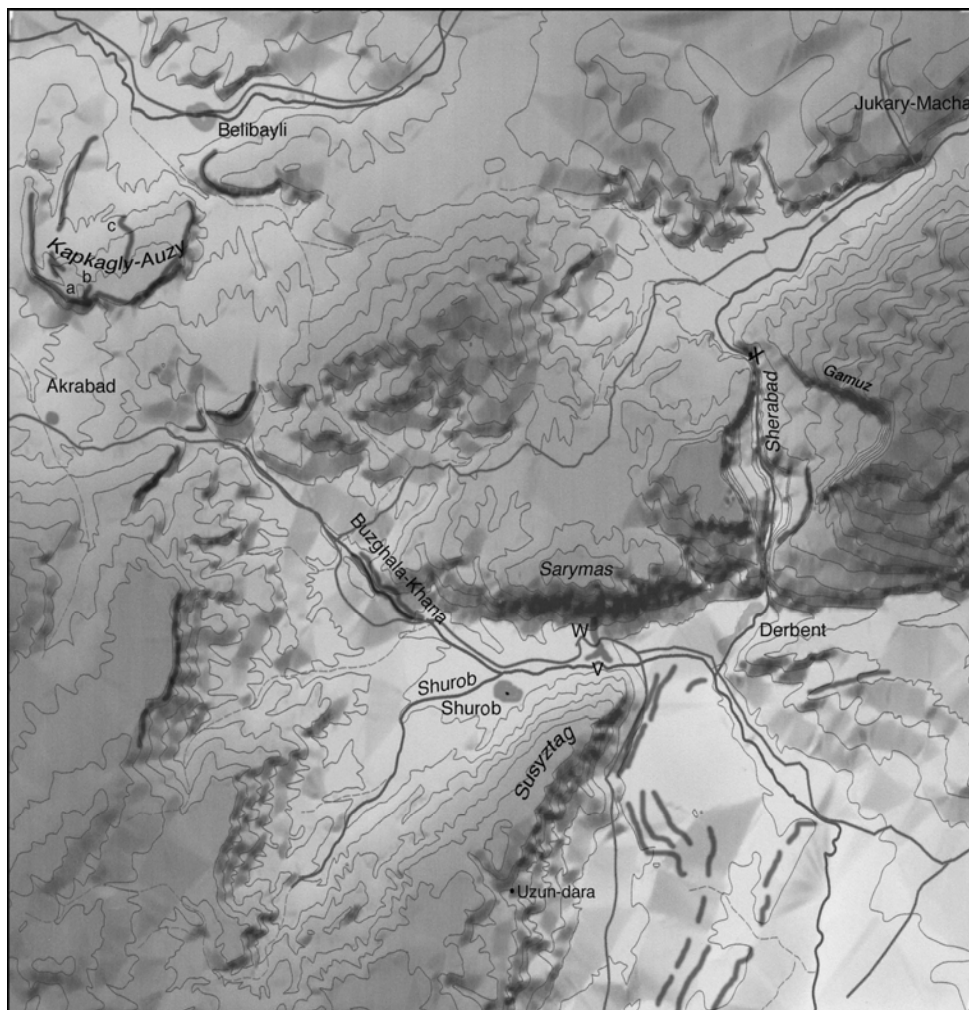

Рис. 4. Орографическое представление региона Железных ворот от Акрабата до Дербента (схема Кристиана Мейера)

раются в возвышенные перевалы, расположенные на линии водораздела. К северо-западу от этой линии (бассейн Кашкадарьи) рельеф характеризуется большими куэстами (наклонные площадки с обрывом с одной стороны), утесами из мелового песчаника и палеогенных известняков, которые, как вежи, отмечают южный и северный склоны крупных синклиналей. Эрозия разъедает эти массивы на более или менее наклонные изолированные плато, которые образуют здесь настоящие природные крепости, такие как крепость плато Капкаглы-Аузы (рис. 6).

Железные ворота.

Одним из примечательных элементов этой орографической системы можно назвать внутригорную, поперечно расположенную котловину, лежащую на середине расстояния между Амударьей и верхней Сырдарьей. Эта котловина или проход именуется «Железными воротами».

Происхождение этой естественной котловины объясняется резким понижением на уровне расположения Дербента части большого антиклинального барьера Кугитанг–Сузистаг в результа-

те отклонения оси к северо-западу. Понижение обнажило в обрыве котловины внутреннее строение лежащего в основе покрова, относящегося к юрскому периоду в финально—Неокомиентской баз. стадии, защищенного гипсом, песчаником и красным аргиллитом. Котловина упирается на севере в антиклинальный панцирь дугообразной формы Сарымас–Байсунтаусского массива, край которого с вертикальными слоями известняков отвесно падает в котловину. Здесь в глубине (где как раз возвышается античная стена) на протяжении примерно 200 метров, также встречен покров с обнажением гипса, песчаника и красного аргиллита в основе относящихся к юрской финально-Неокомиентской баз. стадии. Небольшие второстепенные антиклинали исчезают к западу на уровне котловины, а ее дно ступенчато поднимается к следующему мощному рельефу, который представлен юго-западным склоном большой синклинали Белибайли с ее обрывами из песчаника мелового периода. Эта поперечная котловина тянется к северо-западу от одной синклинали к другой, следуя идущим друг за другом перехва-

Рис. 5. Ущелье Шерабад-дарьи к северу от Дербента: дорога, размытая весенним паводком с остатками каркаса из стволов деревьев, образующего опору для наброса из камней (май 1997, вид с юга).

там верховьев рек, расположенным на синклинальных впадинах.

Орография и согдийские «скалы» из источников об Александре Великом.

Среди орографических элементов, которые нас интересуют в связи с завоеваниями и походами Александра в 329-327 гг. до н.э., следует выделить природные места, которые могли бы быть использованы для прохождения армии в несколько тысяч человек, блокирующие позиции, которые легко можно было бы защитить, а также защищенные естественным путем площадки. Нам также интересно, каким образом их можно было обойти или взобраться на них, чтобы застать противника врасплох.

В первом походе Александра, предпринятом с весны 329 года за Амударью для преследования Бесса (возможно, что армия в этом случае обогнула горный массив Кугитанг–Гиссар по западной степи, переправившись на бурдюках через Окс у Термеза¹³), он прошел через Самарканд вплоть до скифов Сырдарьи. Тогда целью завоевателя было как можно быстрее утвердить свою

власть в Согдиане, изгнав мятежных вождей и подавив местные очаги сопротивления.

Самым достоверным источником для воссоздания хронологии главных событий 328-327 гг. до н.э., как нам представляется, является Квинт Курций, который, на первый взгляд в логичной последовательности, упоминает три отрезка маршрута Александра:

1) Переправа через Ох (Дарья-и Пяндж) и через Окс (Вахш) весной 328 года до н.э., затем основание Маргинии, которое предшествует взятию первой «скалы», что позволило Александру достичь Мараканды (Квинт Курций VII, 10.15 до VIII, 1.7).

2) Убийство Клита в Мараканде, поход в Ксениппу (Еркурган), затем прибытие для зимовки на территорию Наутаки,¹⁴ что заставило Александра сначала преследовать Сисимитра, правителя области, который укрылся «у входа в страну, там, где он наиболее узок». Этот поход завершился пленением Сисимитра на второй «скале» (Квинт Курций VIII, 1.9 до VIII, 2.33).

3) После нового похода в Кашкадарью, который завершается смертью Спитамена в конце зимы 328-327 гг. до н.э., Александр направляется по горной дороге в Сурхандарью, во время перехода куда его армия была захвачена врасплох страшным холодом, но спасена Сисимитром или Хориеном. Пир в Паретакене у Хориена (который также контролировал крепость, без сомнения взятую Александром ранее), закончился встречей Александра с Роксаной (Квинт Курций VIII, 4.2 до VIII, 4.30, *Эпитомея* Меца, Арриан).

Как согласуются эти главные линии пути из повествования с реальной орографией региона?

В описании.

В военном плане можно констатировать, что подходы к этим «скалам» могли быть очень разнообразными по характеру, потому что, если даже это и не очень различимо в путанных текстах древних авторов, «скалы» могли функционировать то как заставы закрывающие доступ (позиции блокирования), то как высотные убежища, то как источники угрозы врагу. Хотя с первого взгляда рельеф выглядит отвечающим многим гипотезам, наше внимание особенно привлекли три орографических комплекса, которые, как кажется, отвечают некоторым из условий подсказанных общей интерпретацией маршрута:

1) *Застава (котловина) Железных ворот* (рис. 4).

Кроме преодоления антиклинального барьера поверху существует много способов обойти с юга или с востока укрепленную котловину Железных ворот, защищенную стеной (рис. 4, W) и крепостью Шер-Ходжа, которая возвышается над

узким ущельем Шуроб-сая у подножья Сузыстага (рис. 4, V). Это можно сделать, например, через один из каньонов, который разрезает антиклиналь Сузыстага, такой как Узун-Дара, где Э.В. Ртвеладзе распознал каменный замок и где была найдена керамика, относящаяся к греческому периоду.¹⁵ Но рельеф этого каньона, как кажется, сам служит линией защиты.

Более благоприятным нам представляется другое узкое ущелье, разрезающее в направлении север-юг антиклиналь Сарымас-Байсунтау (между двумя массивами – Сарымас и Гамуз) и накапливающее воды впадины Мачая (Шерабад-дарья), чтобы отвести их далее в долину через Дербентское плато (рис. 5). Форсирование этого ущелья в северном направлении дает доступ не только в оазисы Мачая, но также и к легким склонам, которые позволяют подняться на хребты и достичь тыльной стороны блокирующего поста котловины Железных ворот.¹⁶

2) Убежище Капкаглы-Аузы около Акрабата (рис. 6).

Оборонительная полукруглая площадка, которая четко видна на двух уровнях, имеет с запада и с юга отвесно обрывающиеся вниз края (рис. 4, а); с востока она увенчана возвышением (рис. 4, б).

Контролируя с этих сторон подъем большой синклинали Белибайли, богатой оазисами (рис. 4, с), плато Капкаглы-Аузы рядом с Акрабатом представляет собой благодаря своему доминирующему расположению, обрывистым склонам и легкой возможности добывать здесь пропитание, идеальное место убежища в южной части страны «девяти рек» (Наутака), против кого бы то ни было, кто подойдет сюда с запада из Карши через

Гузар.

3) Пик Кызкурган (или Кырк-кыз) (рис. 7).

Пик Кызкурган (или Кырк-кыз) высотой 1760 м., расположенный на плато оазиса Сина около Вахшивара, примерно в 70 км к северо-востоку от Железных ворот, эффектно возвышается над регионом, открывающимся в долину Сурхандарьи.

Этот пик представляет из себя холм, своего рода геологический эталон региона, замок антиклинального свода, ныне не существующего на дневной поверхности, но угадываемого в почве; он образован пластами красных песчаников избежавших эрозии, которая уничтожила склоны этого антиклинального свода.

Если его западная и южная сторона имеют вид обрывов и демонстрируют эффектные формы эрозии, то его восточная часть покрыта лёссом и склон здесь менее обрывист.

*Литературные источники и географическая реальность «скал» Аримаза, Сисимитра и Хорие-на.*¹⁷

Как мы отметили выше, литературные источники представляют собой противоречивое собрание данных, трудное не только для согласования с реальностью, но также и при сравнении дошедших до нас вариантов одного и того же повествования.

В качестве примера можно отметить описание двух переходов через горы в районе Железных ворот – первый раз в походе весной 328 г. до н.э. и второй раз, в обратном направлении, зимой 328 -327 гг. до н.э. Квинт Курций упоминает в этом описании две скалы: сначала согдийскую скалу Аримаза (VII, 11), затем скалу Сисимитра, правителя Наутаки (VIII, 2, 19-33). Параллельно Стра-

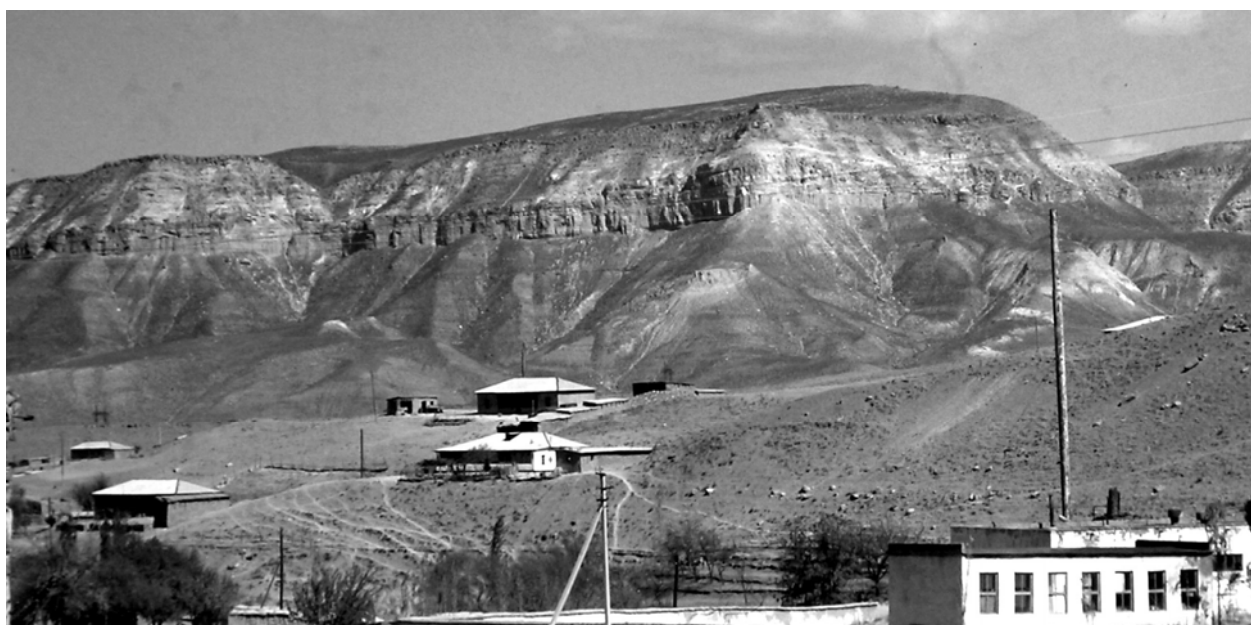

Рис. 6. Плато-убежище Капкаглы-Аузы около Акрабата (вид с юга)

бон (XI, 11.4) указывает те же названия, но в обратном порядке: сначала форт Сисимитра, который он локализует в Бактрии,¹⁸ где Александр взял в то же время в плен Роксану и Оксиарта (IV, 18.4-19.4), потом форт Окса или Аримаза в Согдиане. Наконец, Арриан не упоминает вовсе скалу Аримаза, но говорит о «скале Согдианы», во время взятия которой были пленены Оксиарт и Роксана (IV, 18.4-19.4); эта последняя в соответствии с хронологией соотносится со скалой Сисимитра у Квинта Курция. Тотчас после этого Арриан упоминает скалу Хориена в Паретакене.

Ситуация еще более осложняется при сравнении описания скал и метода, примененного Александром для овладения ими. В случае со скалой Сисимитра Квинт Курций указывает, что «сатрап, мобилизовав своих соотечественников, блокировал прочными укреплениями ущелья (*fauces*) страны вдоль течения бурной реки, в тех местах, где они были наиболее узкими. Сзади ущелья были закрыты скалой, в которой жители вручную пробили проход [...] Протяженный туннель дает доступ на равнины, но этот проход известен только местным жителям [...] Александр, однако, приказал подвезти тараны, разрушил укрепления, сделанные людьми и убил из пращей и стрелами большинство защитников; потом, когда он рассеял убежавших, пройдя разрушенные оборонительные сооружения, он привел свою армию к скале. Но дорога была заграждена рекой, воды которой низвергались с высоты горы в долину; завалить столь обширную пропасть казалось трудным делом. Александр, однако, приказал рубить деревья и положить камней».

Параллельно Арриан описывает «скалу со-

гдийцев» (в принципе ту же, что Квинт Курций описал под именем скалы Сисимитра) в следующих словах: «но, когда македонцы приблизились к этой скале, Александр увидел, что она была отвесной со всех сторон и варвары, запасшись провиантом, собрались выдержать длительную осаду. Обильный снегопад сделал доступ еще более трудным». Взятие скалы описано следующим образом: «собрались около трехсот человек [...] и приготовили маленькие металлические колышки [...] чтобы вбивать их в снег [...] и в землю [...], потом, привязав к этим колышкам крепкие льняные веревки, они подошли ночью к самому обрывистому и поэтому слабо охраняемому фасу скалы [...] В этом восхождении около тридцати из них нашли смерть [...] Другие взобрались, на рассвете, овладев вершиной горы они начали размахивать кусками льняной ткани, чтобы их могли увидеть из македонского лагеря».

У Арриана взятие этой обрывистой скалы согдийцев «альпинистами» Александра соответствует описанию скалы Аримаза у Квинта Курция и в *Эпитоме* (§15) но все признаки зимнего времени года, приведенные Аррианом, там умалчиваются.

Переплетение фактов таким же образом высвечивается в описании Аррианом скалы Хориена («[скала] была обрывиста со всех сторон: доступ к ней был по единственной дороге») и у Квинта Курция при описании скалы Аримаза («с глубокими и отвесными гранями со всех сторон, она доступна лишь по очень узкой тропинке»).

В реальности.

Противоречивость и расхождение фактов в текстах приводит нас к необходимости констатировать то, что первоначальное описание этих

Рис. 7. Пик Кызкурган (или Кырк-кыз; вид с юго-запада)

оборонительных сооружений и связанных с ними событий было грубо искажено при передаче источников (Rapin, 2005a и b). Орографическое описание, к которому мы прибегли, позволяет, однако, поменяв порядок аргументации проблемы, предложить некоторые сопоставления с текстами, при условии, что отмеченное выше переплетение фактов принимается к сведению.

1) В противоположность двум другим местам (Бузгалахана и Шуроб-сай), которые можно было бы обойти и которые могли играть исключительно роль короткого обходного пути, каньон Шерабад-дарьи, выходящий на западину у Дербента, представляет собой самую близкую параллель описанию диспозиции в эпизоде, который Квинт Курций ассоциирует с Сисимитром, но который, как мы считаем, должен относиться к Аримазу по той причине, что эта осадная диспозиция может быть понята только при условии, что маршрут весной 328 г. до н.э. пролегал с юга. Как мы могли констатировать в мае 1997 года бурная река, которая разливается во время весеннего паводка, вызванного таянием снега, во всю ширину каньона, вынуждает ежегодно возобновлять проезжую дорогу тем же методом, что использовал Александр чтобы подняться по ущелью, то есть при помощи стволов деревьев, уложенных в овраге перекрестным образом, и поддерживающих слой камней, набросанных сверху (рис. 5).

На вершине Сарымаса нет остатков архитектурных сооружений¹⁹, но есть пахотные участки. Помимо этого, в противоположность Сузыстагу, где нет воды (отсюда его название), Сарымас и Гамуз обладают в изобилии источниками воды, что в совокупности с наличием гротов и лесистого покрова, древнее существование которого засвидетельствовано остаточными группами высокого можжевельника, создает здесь необходимые условия для выживания значительного количества людей. Снабжение продовольствием, кроме того, обеспечивалось оазисами Мачай, Белибайли и Шуроб.

2) Плато Капкаглы-Аузы близ Акрабата (рис. 6) отсылает нас к описаниям, упоминающим штурм, предпринятый «альпинистами» Александра. Квинт Курций приводит его в случае со скалой Аримаза. Однако, исходя из орографических критериев изложенных выше, оно должно скорее соответствовать скале, которую, вместе с прилегающей территорией современного Белибайли, использовал Сисимитр в заснеженном марте 327 г. до н.э. (Арриан: «когда восходила весна»). В этом смысле описание этой горы особенно хорошо соотносится с описанием «скалы Согдианы», предложенным Аррианом, и ее взятием во время

ночного восхождения, которое привело воинов Александра на высоты, доминирующие над противниками, размещавшимися в гротах плато.

3) Наконец, пик Кызкуртан (или Кырк-кыз) к востоку от Железных ворот (рис. 7), внимание к которому было привлечено Л.М. Сверчковым (2003b, с. 59, сноска 1 (английский вариант), с. 77, сноска 1 (русский вариант)), живо вызывает в памяти описание Аррианом скалы Хориена и описание Квинтом Курцием скалы Аримаза (см. выше).

Визит, который мы осуществили в этом году на место, убедил нас, как и Л.М. Сверчкова, но с дополнительными аргументами, в том, что этот пик соответствует цитадели Хориена, правитель которой, как кажется, дважды вошел в историю Александра: первый раз (фрагмент текста, говорящий об этом, очевидно, утрачен) в эпизоде, когда эта скала была взята; второй раз, когда, сделавшись союзником Александра, Хориен участвовал в спасении армии завоевателя в Газабе (*Эпитомея Меца*), организовав затем пир, который привел к встрече Александра с Роксаной.

Действительно, пик доступен лишь по земляному языку соответствующему описанию Ариана (VI. 21.2), который располагаясь ныне на северо-востоке шириной в двадцать метров, мог быть подрезан в прошлом, чтобы оставался только узкий проход. Периметр окружности плоской вершины (около 1 га, дополненная более низкими террасами) несет следы стены из неотесанных камней. Кратковременный сбор подъемного материала дал черепки кушанской и исламской эпох и фрагменты крупных хумов, сформированных без гончарного круга и датированных IV-III вв. до н.э.²⁰ В свою очередь Э.В. Ртвеладзе, который исследовал местность в 1979 году, собрал на склонах керамику, датированную им V-IV вв. до н.э.²¹

Такое городище, собственно, и могло служить убежищем для сократившегося по численности войска (Арриан: «Хориен и многие другие гипархи там нашли убежище»). Эту роль оно действительно сыграло в истории в 1063 году, когда здесь укрылся атакованный сельджукидами эмир Чаганиана (Сверчков, 2005b, цит. по Э.В. Ртвеладзе).

И наконец, то, что касается эпизода о Хориене, действие которого, согласно Арриану, происходило в Паретакене. Эта область не включала в себя зону Железных ворот, потому что согдийская скала Аримаза, как следует из описания Страбона, должна была принадлежать Оксиане (Нижняя Сурхандарья; см. рис. 2) в силу структуры стока вод бассейна Сурхандарьи, а согдийская скала Сисимитра, по тем же критериям, должна

была принадлежать Наутаке (Кашкадарья). Паретакена, как это обычно думают, могла бы быть или густозаселенной зоной Чаганиана, или же предгорным районом Гиссарского хребта. Мы

можем только пожелать, чтобы городище Кызкурбан стало объектом новых исследований.

Сноски

* Мы выражаем благодарность М.И. Филанович за перевод этой статьи с французского языка.

¹ Мнение И.В. Пьянкова (1997) заслуживает специальной дискуссии. Он проделал скрупулезный анализ и представил синтез данных античной географии Средней Азии; в то же время, некоторые его положения отражают традиционную позицию, которую мы не разделяем. В возражениях, которые он дал в недавней публикации (Пьянков, 2004), на наш взгляд, не учитываются реальные достижения, полученные нашими исследованиями.

² О функционировании стены эллинистической эпохи см. Rapin, 2005.

³ Даже с точки зрения Пидаяева (Pidaev, 2003, p. 6). Граффити из Кара-тепе, в котором Хеннинг прочел слово [ʔ](n)tywk «Антиох», является скорее (согласно Ф. Жинью) личным именем tywk «Тираг» (Gignoux, 1986, s.v. *Tirag*). Если даже не ссылаться на этот аргумент, ныне более не актуальный, остается еще карта Пейтингера и Космограф из Равенны. Представляется вполне вероятным, что Антиохия Тармита была сначала Александрией на Оксе, упомянутой Птолемеем (его название исходит не от реки Окса, а народа оксианов: см. Rapin, 2005a, p. 23 и 2005c, карта 1). Кампыр-тепе, городище-конкурент Термеза на эту роль, кажется слишком маленьким и предложенное ранее его отождествление с Александрией больше не поддерживается исследователями (Т. Мкртычев и С. Болелов).

⁴ Конечное «-д» (вместо ожидаемого «-т» если бы этимон был «*tar-maitha») - «поселение на переправе», как это предполагают) указывает на озвучение дентального звука в контакте с исчезнувшим «-н-». Первоначальная форма «*tarmant-» (> *tarmand > tarmid), которую можно восстановить в латинской транскрипции как «Tarmantis», должна означать «(место), снабженное переправой».

⁵ Гипотеза, высказанная И.В. Пьянковым (2004) о смешении Маргинии с Маракандой, нас также не убеждает.

⁶ Единственное теппе в этом городе Кала-и Боло не дало материала ранее периода Кушан, но, поскольку современный город занимает все пригодное для застройки пространство, могло оказаться, что городское образование Александрии было разрушено и только форты (или некоторые из них) продолжали существовать для контроля за дорогой, ведущей к Железным воротам.

⁷ Начиная с первых исследований, проводившихся после русского завоевания, большинство исследователей говорят о том, что, по крайней мере, один эпизод – «скальная война» разворачивался в этом секторе: Tomaschek, 1877, с. 94 (с. 30 отдельного оттиска); Григорьев, 1881; von Schwarz, 1893.

⁸ Археологические работы велись К. Рапэном и Ш. Рахмановым, с участием М. Хасанова; топографический план был выполнен Кр. Мейером (Бордо).

⁹ Экспедиция 2005, которая работала с 9 по 13 сентября, включала авторов настоящей статьи – А. Бо (бывший директор музея геологии, Лозанна), Ф. Грене, Кл. Рапэн (ИЦНИ, Париж), Ш. Рахманов (Институт археологии, Самарканд).

¹⁰ В отношении анализа текстов см. особенно Bosworth 1981. В отношении изложения событий, близкого к описываемым в нашей статье см. Рапэн, Рахманов, 2002; Rapin, 2005a и b.

¹¹ Там же.

¹² Некоторая информация по геологии в этом исследовании извлечена из Чуенко, 1937.

¹³ Об этом см. выше в 1-й части. Предложены были и другие маршруты. Так, Э.В. Ртвеладзе полагает, что с ахеменидской эпохи основное сообщение между Бактрами и Наутакой осуществлялось по пути, проходящим по узким долинам, зажатых горами и через перевалы, очевидно менее доступные, чем проход через Железные ворота (Ртвеладзе, 2002, с. 23)

¹⁴ Кашкадарья, долина «девяяти речных протоков». Это значит, что здесь протекают девять рек между северной частью равнины Шахрисябза и Кичик-Урадарья, до северной части равнины Дербента; древний регион со столицей Кешем (что соответствует городищам Падаятктепе и Узункыр близ Шахрисябза): Grenet, 2002, p. 209-212.

¹⁵ По мнению Э.В. Ртвеладзе это место могло бы быть местоположением скалы Сисимитра (см. Ртвеладзе, 2002, с. 94-116; отождествление, принятое Grenet, 2002, p. 209-212), однако расположение замка Узун-Дара, находящегося ниже плато, делает его очень уязвимым; он задуман скорее как застава на обходном пути, чем как место для обороны.

¹⁶ Стратегическое значение этого прохода в древности подтверждается наличием двух малых крепостей у входа в ущелье (Султанкультепа ахеменидской эпохи и Капчикайтепа греческого времени): Сверчков, 2005a, с. 13-14.

¹⁷ В более полном виде см. Рапэн, Рахманов, 2002; Rapin, 2005a и b.

¹⁸ Упоминание Бактрианы создает путаницу, происхождение которой мы объяснили в другой статье (Rapin, 2005a и b). В этом контексте нельзя принять точку зрения фон Шварца, который располагает эту скалу в Кух-и нур напротив Нурека на левом, бактрийском, берегу Вахша (von Schwarz, 1893, рис. 6).

¹⁹ Ртвеладзе (2002, с. 99-101) хорошо показал причины, по которым тот тип обживания, который описан в рассказах о взятии «скал», оставляет очень мало следов на поверхности земли. На одном из доступных подъемов,

начиная от выхода из ущелья Шерабад-дарьи к северу от Дербента, мы собрали керамику кушанского времени. Ртвеладзе (2002) указывает на одну из сторожевых вышек над Бугзалаханой, которую мы не нашли. Может быть, речь идет о большой круглой каменной башне, которую мы действительно обследовали в нескольких километрах дальше на одной из высоток Карамаса.

²⁰ Дата определена М.Х. Исамиддиновым.

²¹ Ртвеладзе, 2002, с. 130, план с. 141; он не предложил отдельного отождествления этого городища, но связывает зону с предполагаемым владением Оксиарта, имя правителя которого могло быть увековечено в топониме Вахшвар.

ЛИТЕРАТУРА.

- Григорьев В.В., 1981. Поход Александра Великого в западный Туркестан». *Журнал министерства народного просвещения*. Москва.
- Пьянков И.В., 1997. *Средняя Азия в античной географической традиции*. Москва.
- Пьянков И.В., 2004. Античные источники о Средней Азии и их интерпретация. По поводу двух работ Ф.Грене и К.Рапена». *Вестник древней истории*, 2004/1, с. 96-110.
- Рапэн К., Рахманов Ш., 2002: «Александр Македонский у Железных ворот в Согдиане». *Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган урни*, Ташкент, с. 45-49.
- Рахманов Ш., Рапэн К., 2003: «Железные ворота». *Труды Байсунской научной экспедиции*, 1, Ташкент, с. 22-32.
- Рахманов Ш., Рапэн К., 2004: Стратегический пограничный узел Железных ворот: меняющийся статус границ от греческих свидетельств до средневековых эпопей, in *Transoxiana. History and Culture / История и культура*. Академику Эдварду Ртвеладзе в честь 60-летия – коллеги и ученики. Ташкент, с. 150-153.
- Ртвеладзе Э.В., 2002: «Александр Македонский в Бактрии и Согдиане, Ташкент.
- Ртвеладзе Э.В., 2003: «Дар-и Аханин – Дарбанд». *Труды Байсунской научной экспедиции*, 1, Ташкент, с. 22-32.
- Сверчков Л.М., 2005а: «Archaeological monuments of Boysun district / Археологические памятники Байсунского района». *Труды Байсунской научной экспедиции*, 2, Ташкент, с. 10-45.
- Сверчков Л.М., 2005b: «Boysun. Trial historical reconstruction / Байсун. Опыт исторической реконструкции» *Труды Байсунской научной экспедиции*, 2, Ташкент, с. 56-86.
- Сверчков Л.М. 2005с: «Александр Македонский в Маргании», Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого, Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004, с. 191-193.
- Чуенко П.П., 1937: «Геологическая карта Средней Азии». *Геология юго-западных отрогов Гиссарского хребта* (Таджикско-памирская экспедиция 1934 г.), вып. LXVI, Труды Экспедиции, Ленинград, с. 2-115.
- Bosworth, A.B., 1981: «A missing year in the history of Alexander the Great», *Journal of Hellenic Studies*, 101, p.17-37
- Gignoux, Ph., 1986: *Noms propres sassanides en moyen-persé épigraphique*, Wien.
- Grenet, F., 2002: «Zoroastre au Badakhshân», *Studia Iranica*, 31, p. 193-214.
- Grenet, F., Rapin, C., 2001: «Alexander, An Khanum, Termez: remarks on the spring campaign of 328», *Bulletin of the Asia Institute [BAI]*, 12, 1998 [paru 2001], p. 79-89.
- Leriche, P., 2002: «Termez fondation d'Alexandre?», *Journal Asiatique*, 290, p. 411-415.
- Lyonnet, B., 2001: «Les Grecs, les nomades et l'indépendance de la Sogdiane, d'après l'occupation comparée d'An Khanoum et de Marakanda au cours des derniers siècles avant notre ère», *BAI*, 12, 1998 [paru 2001], p. 141-159.
- Pidaev, Sh., 2001: «Contribution à l'histoire ancienne de Termez», in *La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie centrale*, éd. P. Leriche et al., IFEAC, Paris, p. 47-57.
- Pidaev, Sh., 2003: «Termez during the Greco-Bactrian period», *Silk Road Art and Archaeology*, 9, p. 1-14.
- Rapin, C., 2001: «L'incompréhensible Asie centrale de la carte de Ptolémée. Propositions pour un décodage», *BAI*, 12, 1998 [paru 2001], p. 201-225.
- Rapin, C. 2003: «Les Portes de Fer de Derbent: histoire d'une frontière», dans *Au fil des routes de la soie, Chemins d'étoiles*, 11, Paris, p. 148-156.
- Rapin, C., 2005a: «L'Afghanistan et l'Asie centrale dans la géographie mythique des historiens d'Alexandre et dans la toponymie des géographes gréco-romains. Notes sur la route d'Herat à Begram», in *Afghanistan. Ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest. Actes du Colloque international organisé par Ch. Landes et O. Boppearachchi au Musée archéologique Henri-Prades-Lattes du 5 au 7 mai 2003*, éd. O. Boppearachchi et M.-Fr. Boussac, Bruxelles, p. 143-172.
- Rapin, C., 2005b: «L'Afghanistan e l'Asia Centrale nella geografia mitica degli storici di Alessandro e nella toponimia dei geografi greco-romani», in *Le Frontiere dell'Afghanistan*, ed. F. La Cecla e M. Tosi, Bologna, BUP.
- Rapin, C., 2005c: «Nomads and the shaping of Central Asia (from the early Iron Age to the Kushan period)», in *After Alexander: Central Asia Before Islam*, ed. G. Herrmann and J. Cribb, Oxford (Proceedings of the British Academy).
- Rapin, C., Rakhmanov, Sh., 1999: «Les "Portes de Fer" près de Derbent», *Dossiers d'Archéologie*, n°243, Mai 1999, p. 18-19.
- Von Schwarz, Fr., 1893: *Alexander des Grossen Feldzüge in Turkestan*, München.
- Tomaschek, W., 1877: *Centralasiatische Studien: Sogdiana*, Vienna.

LES RECHERCHES SUR LA REGION DES PORTES DE FER DE SOGDIANE: BREF ETAT DES QUESTIONS EN 2005*

Depuis 1996 la MAFOUZ de Sogdiane (directeurs: Frantz Grenet et Mukhammadjon Isamidinov), qui consacre l'essentiel de ses efforts au site d'Afrasiab, a repris l'étude du secteur des Portes de Fer de Derbent, ceci notamment dans la perspective de la reconstitution des itinéraires d'Alexandre et, plus largement, de la géographie historique antique (problèmes de délimitations politiques, de cartographie ancienne, etc.). Cette partie des recherches est assurée principalement par Claude Rapin et Shohimardan Rakhmanov (Rapin, Rakhmanov, 1999; Grenet, Rapin, 2001; Lyonnet, 2001; Rapin, 2001; Grenet, 2002; Рапэн, Рахманов, 2002; Rapin, 2003; Рахманов, Рапэн, 2003; Рахманов, Рапэн, 2004; Rapin, 2005a; Rapin, 2005b; Rapin, 2005c). Dans le même temps l'Expédition Archéologique de Bajsun (directeur: E.V. Rtveladze, avec la collaboration de L.M. Sverchkov) a poursuivi là ses recherches de terrain et ses publications, parallèlement aux nôtres.

1ère partie: Objections et réponses

Nos premières publications ont, comme il est normal, donné lieu à un certain nombre d'appréciations critiques. Nous voudrions aujourd'hui, en même temps qu'une brève mise au point sur l'état de nos recherches, présenter nos réactions – certaines négatives, certaines positives – à ces critiques¹.

Elles sont venues de trois auteurs: E.V. Rtveladze, Pierre Leriche, L.M. Sverchkov, qui ont envisagé nos travaux selon des angles très divers.

E.V. Rtveladze n'a fait porter la critique que sur un point, nos conclusions de fouilles quant à l'existence d'un premier rempart grec aux Portes de Fer (Rtveladze 2003, p. 19-20). Il est clair cependant qu'en remettant son article à l'impression il ignorait le contenu de celui de Sh. Rakhmanov et C. Rapin destiné au même recueil. S'il l'avait eu à sa disposition, ou s'il avait visité le site après nos fouilles, il n'aurait pas pu regretter l'absence de sondages répartis «dans des endroits différents sur toute l'étendue du mur», car c'est exactement ce que nous avons fait. Il ne se serait pas non plus étonné de l'absence de briques de format grec (42-43x 42-43x 10-12 cm), car elles sont bel et bien enregistrées dans deux des huit sondages. Enfin, il lui aurait été difficile d'admettre tout au plus un rempart grec limité à «un poste de garde contrôlant ceux qui passaient sur la route», puisque ce rempart a été mis

en évidence sur la pente à 730 m au nord de la porte.² Nous reconnaissons bien volontiers qu'il faut mettre la céramique sous les yeux du lecteur, ce que nous faisons ici (fig. 1; B. Lyonnet attire notamment l'attention sur «un tesson d'assiette à poisson en céramique couverte d'engobe noir ainsi que plusieurs fonds de vaisselle de table à décor de cercle incisé à l'intérieur dont l'un porte même une palmette de type géométrique estampée», tessons qu'elle considère comme particulièrement significatifs du point de vue chronologique puisqu'ils datent au plus tôt de la période IV d'Aï Khanoum, donc de la 2e moitié du IIIe s. av.n. è.: Lyonnet, 2001, p. 153).

P. Leriche, directeur de la MAFOUZ de Bactriane et codirecteur de la fouille de Termez, n'a pas commenté nos points de vue sur la question des Portes de Fer proprement dites, mais il s'est attaché à deux autres points (Leriche, 2002). Le premier est notre localisation de la frontière *administrative pré-kouchane* (nous insistons sur ces deux termes) entre Bactriane et Sogdiane, qu'un réexamen des textes issus de la «vulgate alexandrine» (*Epitomé de Metz*, Quinte-Curce, Diodore de Sicile) et des géographes

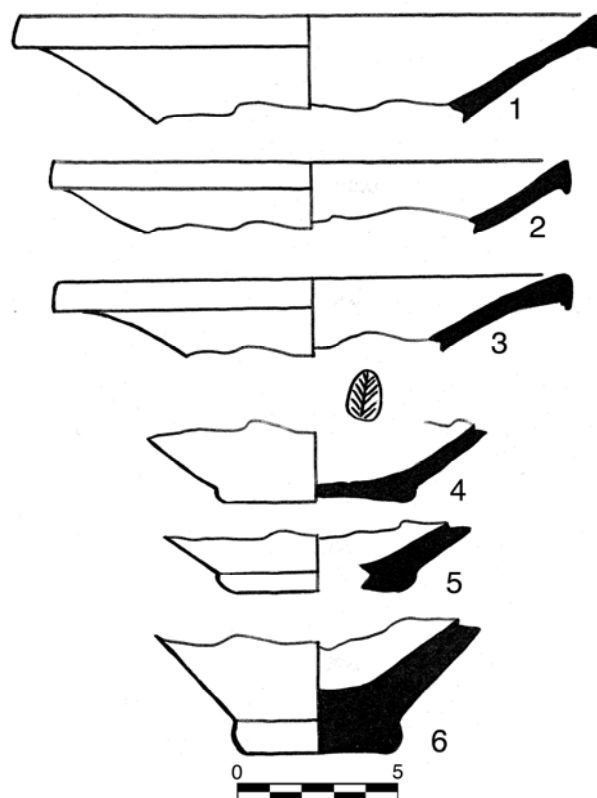

Fig. 1. Céramique hellénistique de la muraille des Portes de Fer.

(Strabon, Ptolémée) nous a amenés à situer non pas sur le système montagneux Hissar-Bajsun-Kugitang et par conséquent aux Portes de Fer (point de vue dominant chez les archéologues), mais sur l'Oxus (correspondant au Wakhsh actuel jusqu'à son confluent avec l'Amu-darya, puis à l'Amu-darya lui-même) (fig. 2). Il récuse ce point de vue, sans argumenter dans le détail. Le second point d'achoppement est l'identification que nous proposons entre le site de Termez et celui de Marginia, ville autour de laquelle, en 328, Alexandre en route vers Samarkand ordonna de bâtir six forts (Quinte-Curce VII, 10.15-16). Ses objections fondées sur les derniers résultats des fouilles de Termez sont pertinentes, et nous les acceptons d'autant plus volontiers que des alternatives crédibles ont été récemment proposées (voir cidessous). Devons-nous pour autant admettre que «ce type de géographie historique, en tout cas, n'apporte rien à notre connaissance de l'histoire de Termez»? En ce qui concerne ce site, nous maintenons trois points de nos conclusions:

1) Le nom de Termez n'a rien à voir avec celui du roi gréco-bactrien Démétrios. Ce point, admis

dès 1951 par W. Tarn (*The Greeks in Bactria and India*, 2e éd., p. 525), était resté ignoré de P. Leriche et de son équipe qui employaient dans leurs publications le nom «Démétrias-Termez». Ils ont cessé de le faire depuis la parution de notre article (Grenet, Rapin 2001).

2) Termez s'est à un moment appelée Antioche. On ne peut, comme le voudrait P. Leriche, balayer d'un revers de la main le témoignage de la Table de Peutinger, qui mentionne «Antiochia Tharmata», sous prétexte qu'il s'agit «d'un document du VIIIe siècle». Les dernières additions sont de cette époque, mais ce n'est certainement pas à ce moment que la mention de Termez a pu s'y introduire. Elle remonte évidemment, comme dans le *Cosmographe de Ravenne* (qui donne le même nom), aux états anciens du document, sans doute à l'époque augustéenne³.

3) Les raisonnements sur l'ancienneté de Termez ne devraient pas laisser de côté l'existence de la ville fortifiée quadrangulaire dite «shahristân I», ni le fait que le noyau le plus ancien de son rempart n'a pas été atteint (voir le livre de Sh. Rakhmanov, *Sredne-vekovyj Termez. Fortifikatsija goroda i regiona*

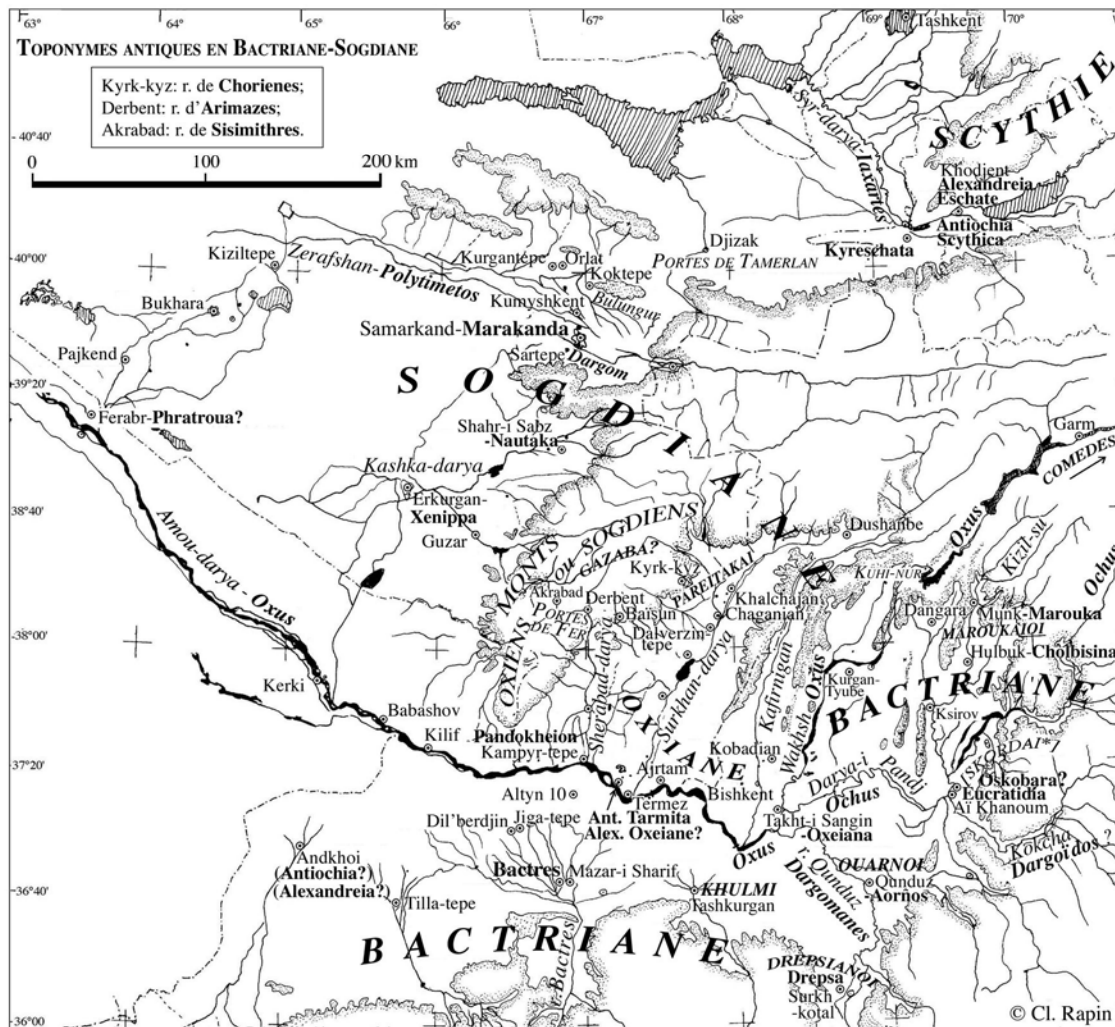

Fig. 2. Carte de l'Asie centrale, avec les identifications toponymiques récentes

Tokharistan, à paraître dans les publications de l'Institut d'Archéologie de Samarkand).

A ces trois points nous ajoutons un quatrième, que nous avons jusqu'ici méconnu: la plus ancienne mention de Termez, sous son nom, remonte à l'époque des campagnes d'Alexandre, et plus précisément à l'année 329. A ce moment, selon l'*Épitomé de Metz* (4), Alexandre poursuivant Bessos parvient à l'*oppidum* de «Tarmantis», situé sur la «rivière des Mèdes» (c'est à dire l'Oxus confondu avec l'Araxe: Rapin, 2005a, p. 154-157 et carte 2; 2005b, p. 126-129 et carte 4). Nous avons d'abord interprété ce nom comme apparenté à celui de Termez (sur la même base *tar-* «tra-ver-ser»), mais non identique. Notre collègue philologue Pavel Lur'je nous a depuis indiqué qu'il s'agissait de l'étymon le plus probable de *Tarmid*⁴, forme authentique (locale) du nom connu plus généralement comme Termez. Les données archéologiques sur la citadelle de Termez, située au bord du fleuve, ne s'opposent pas à cette interprétation: la céramique de type achéménide trouvée dans le sondage peut certes appartenir à la première période grecque, mais elle peut tout aussi bien indiquer l'existence d'un véritable niveau pré-grec (ainsi Pidaev, 2001, p. 49-52 avec fig. 2).

Si Marginia n'était pas à Termez, où faut-il la chercher? Nous ne pensons pas qu'il soit légitime de ressusciter (comme voudrait le faire P. Leriche) l'ancienne hypothèse selon laquelle il s'agirait de la Margiane⁵: des toponymes dérivés de **marga-aina-* «zone de prairies» existent en d'autres endroits. L.M. Sverchkov vient, à notre avis, de faire considérablement avancer la question (Сверчков, 2005b, p. 59 [version anglaise], p. 77 [version russe]; catalogue des sites dans Сверчков, 2005c).

Tenant pour acquise notre délimitation de la frontière et notre localisation sur le bas Wakhsh du point d'entrée d'Alexandre en Sogdiane, il insiste

sur deux points. D'une part Arrien (IV, 16.2-3) nous fait savoir qu'Alexandre, une fois passé en Sogdiane, avait pris la route la plus directe vers Samarkand, c'est à dire d'abord vers les Portes de Fer: c'est donc à leur niveau, plutôt que vers Termez, qu'il faudrait chercher Marginia. D'autre part, les fouilles récentes de L. Sverchkov lui-même et de K. Abdullaev ont mis au jour deux forts remontant à la période grecque ancienne, l'un à Kurganzol, l'autre à Pajonkurgan, l'un et l'autre jalonnant la route entre le site polycentrique de Bandykhan et la ville actuelle de Bajsun située à 42 km au nord-ouest. Toujours selon L. Sverchkov, ces forts auraient pu appartenir au système de défense mis en place par Alexandre autour de Marginia. La ville elle-même serait à chercher soit sous les tépés de Bandykhan, soit sous Bajsun⁶.

2e partie: Nouvelles recherches aux Portes de Fer

Les informations proposées dans notre première partie à propos de la frontière sogdienne sur l'Oxus et la localisation de Marginia à l'est de Derbent sont des éléments clés pour la reconstitution de l'itinéraire d'Alexandre le Grand pendant les années 328-327 av. J.-C., années marquées nota-m-ment par la prise de deux roches fortifiées et par la célèbre rencontre du conquérant avec Roxane.

D'après les sources citées, le déroulement de ces événements a dû prendre place dans les environs des Portes de Fer⁷. Jusqu'à l'arrivée du conquérant cette zone a constitué pour l'essentiel un noeud de communications susceptible d'être temporairement bloqué, avant de devenir ultérieurement une véritable ligne de frontière fortifiée, d'abord pendant une brève période qu'on peut placer environ entre 250 et 160 av. n.è. (fig. 3, H), puis de manière plus permanente du Ier au VIIIe siècles.

Nos travaux sur la région ont débuté par une première phase de fouilles de trois saisons sur la

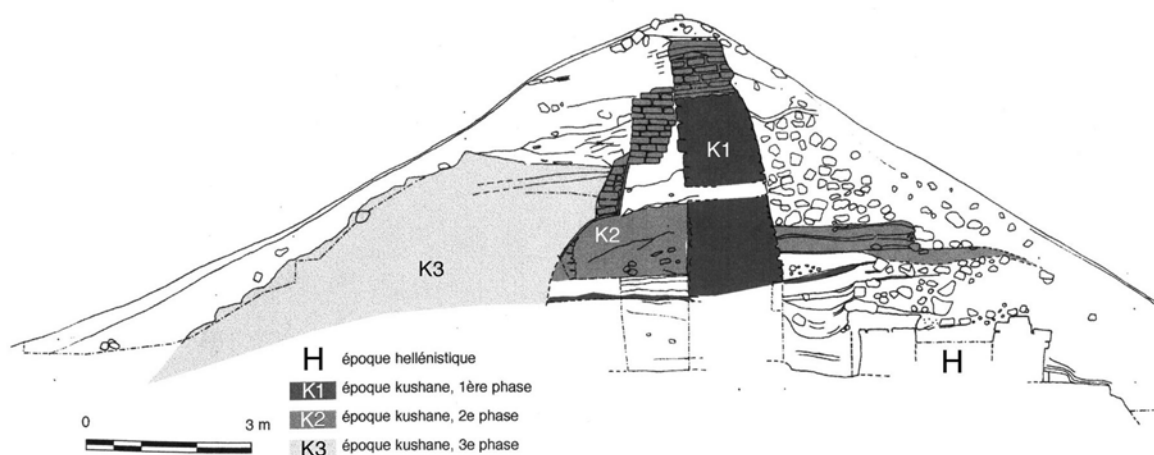

Fig. 3. Muraille des Portes de Fer. Coupe de la muraille du chantier 2 (niveaux hellénistique et kouchan)

muraille de Derbent (1996-1997)⁸. Elle a porté sur toutes ses périodes d'existence jusqu'à l'époque timouride incluse. Durant la seconde étape de nos recherches, qui s'est poursuivie cette année encore⁹, nous avons entrepris l'exploration des sites défensifs susceptibles d'avoir appartenu au même dispositif antique des Portes de Fer.

Comme l'ont toujours constaté les commentateurs, les sources historiques relatives aux années de la conquête (Diodore de Sicile, *Epitomé de Metz*, Quinte-Curce, Strabon, Arrien, Plutarque) constituent pour qui désire les confronter à la réalité du terrain un ensemble de données souvent contradictoires non seulement d'un auteur à l'autre, mais aussi à l'intérieur d'un même récit. La narration est sans doute largement authentique dans sa substance, mais elle a été redécoupée et réorganisée en fonction de préoccupations rhétoriques, ou parfois simplement parce que le caractère répétitif des opérations de siège en montagne pouvait provoquer des amalgames d'un site à l'autre. Suivant les sources certaines indications saisonnières sont omises¹⁰. Nous verrons cependant ici comment, associée à la carte archéologique de la région, une approche géologique, orographique et hydrographique peut contribuer de manière nouvelle à concilier en un tout

plus cohérent l'ensemble des données relatives à ce contexte historico-physique à première vue confus.

Nous procéderons à cette analyse en trois temps: 1) un examen des itinéraires et des «roches» potentielles dans l'orographie de la région; 2) un résumé des sources littéraires relatives à ce problème¹¹; 3) la restitution d'un itinéraire selon ce que nous suggère l'étude du relief confrontée à celle des textes.

*Une région de refuges et de verrous: examen orographique de la terminaison occidentale de la chaîne de Hissar, barrière entre les plaines du Surkhan-darya et du Kashka-darya (fig. 4)*¹²

L'architecture de l'axe concave de cette terminaison occidentale est caractérisée par une succession de larges anticlinaux et de synclinaux, dirigés du SE vers le NW près de l'Amu-darya avant de prendre une direction E-W plus au Nord. Les synclinaux s'ouvrent alors largement en plongeant légèrement vers l'ouest et viennent s'envoyer sous le loess de la steppe de Qarshi. Au SE de la ligne de partage des eaux (bassin du Surkhan-darya), une succession longitudinale de vastes anticlinaux à carapace de calcaire jurassique épaisse d'un demi-kilomètre forme une puissante barrière qui domine de 1000 à plus de 1500 mètres les plateaux de piémont et de

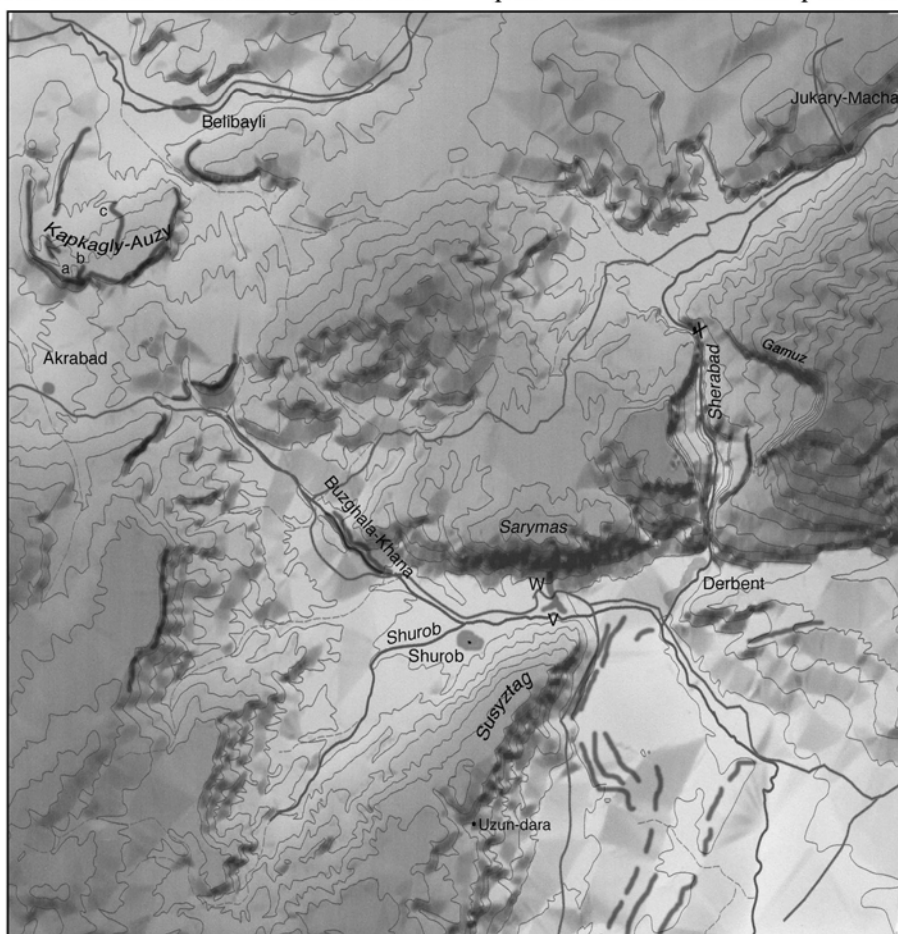

Fig. 4. Présentation orographique de la région des Portes de Fer d'Akrabat à Derbent (schéma de Christian Meyer).

2000 à 2500 mètres la plaine du Surkhan-darya elle-même. Au NE de Bajsun, la barrière s'élève et s'avance vers la plaine par une série de grands chevauchements qui exhume le substratum paléozoïque lui-même recouvert de sa carapace de calcaires jurassiques. Ici, non replissée, cette carapace constitue une dalle avec sa falaise soulignant la ligne de crête du côté méridional et qui, du sommet, plonge en pente régulière vers le nord (zone de sources et de pâturages) jusque dans la vallée.

Le système hydrographique actuel et fossile de cette barrière est caractérisé par des cluses et des canyons perpendiculaires aux axes anticlinaux qui capturent les eaux des vallées synclinales à l'arrière (relief conforme), jusqu'à la ligne de partage des eaux. Dans la partie chevauchante au NE de Bajsun, trois vallées importantes dirigées vers le NW entaillent la barrière pour aboutir à des cols élevés sur la ligne de partage des eaux. Au nord et à l'ouest de la ligne de partage des eaux (bassin du Kashkadarya), le relief est caractérisé par des grandes *cuestas*, falaises de grès crétacés et falaises de calcaires paléogènes qui jalonnent les flancs sud et nord des grands synclinaux. L'érosion y découpe parfois des plateaux isolés et plus ou moins inclinés constituant de véritables forteresses naturelles, telle celle du plateau de Kapkagly-Auzy (fig. 6).

Les Portes de Fer

Un des faits marquants dans ce système orographique est l'existence d'une dépression intramontagneuse et transverse située à mi-distance entre l'Amu-darya et le haut-Surkhan-darya: la dépression ou passage dit des Portes de Fer.

L'origine de cette dépression naturelle s'explique par l'abaissement brusque au niveau de la localité de Derbent de la grande barrière anticlinale Kugitang-Susyztag, ceci par plongement axial vers le NW, laissant apparaître dans le creux de la dépression la couverture préservée de gypse, grès et argillite rouge du Jurassique terminal-Néocomien basal. Cette dépression s'appuie au nord sur la carapace anticlinale arquée du massif Sarymas-Bajsuntau dont le flanc aux couches calcaires verticales tombent à pic sur la dépression. Là également, au fond (où se dresse précisément la muraille antique), on retrouve sur environ 200 mètres la couverture décollée de gypse, grès et argillite rouge du Jurassique terminal-Néocomien basal. Vers l'ouest, de petits anticlinaux secondaires disparaissent au niveau de la dépression et celle-ci remonte en escalier le grand relief suivant qui se trouve être le flanc SW du grand synclinal de Belibajli avec ses falaises de grès crétacés. Cette dépression transverse passe vers le NW d'un synclinal à l'autre, en suivant les captures successives des rivières emplantées dans

Fig.5. Gorge du Sherabad-darya au nord de Derbent: la route emportée par les crues du printemps avec, au fond, les vestiges de la carcasse de troncs constituant le support du parapet de pierres (mai 1997) (vu du sud)

les dépressions synclinales.

Orographie et roches sogdiennes des récits sur Alexandre le Grand

Parmi les éléments orographiques qui nous intéressent à propos de la conquête et des incursions d'Alexandre au cours des années 329 à 327 figure l'identification des lieux de passage naturels que pourrait avoir empruntés une armée de quelques milliers d'hommes, celle de verrous facilement défendables, ainsi que celle des plateaux protégés. Nous nous intéresserons également à la manière de les contourner ou de les escalader pour surprendre l'adversaire.

Le premier raid qu'Alexandre lance dès le printemps de 329 au-delà de l'Amu-darya à la poursuite de Bessos (il se pourrait que l'armée ait à cette occasion contourné le massif montagneux du Kugitang-Hissar par la steppe occidentale après avoir franchi l'Oxus sur des outres près de Termez13) le conduit par Samarkand jusque vers les Scythes du Syr-darya. Son but est alors d'affirmer au plus vite son pouvoir en Sogdiane en pourchassant les chefs rebelles et en réduisant les poches de résistance.

Pour ce qui concerne la période 328-327, la source la plus fiable pour la chronologie des

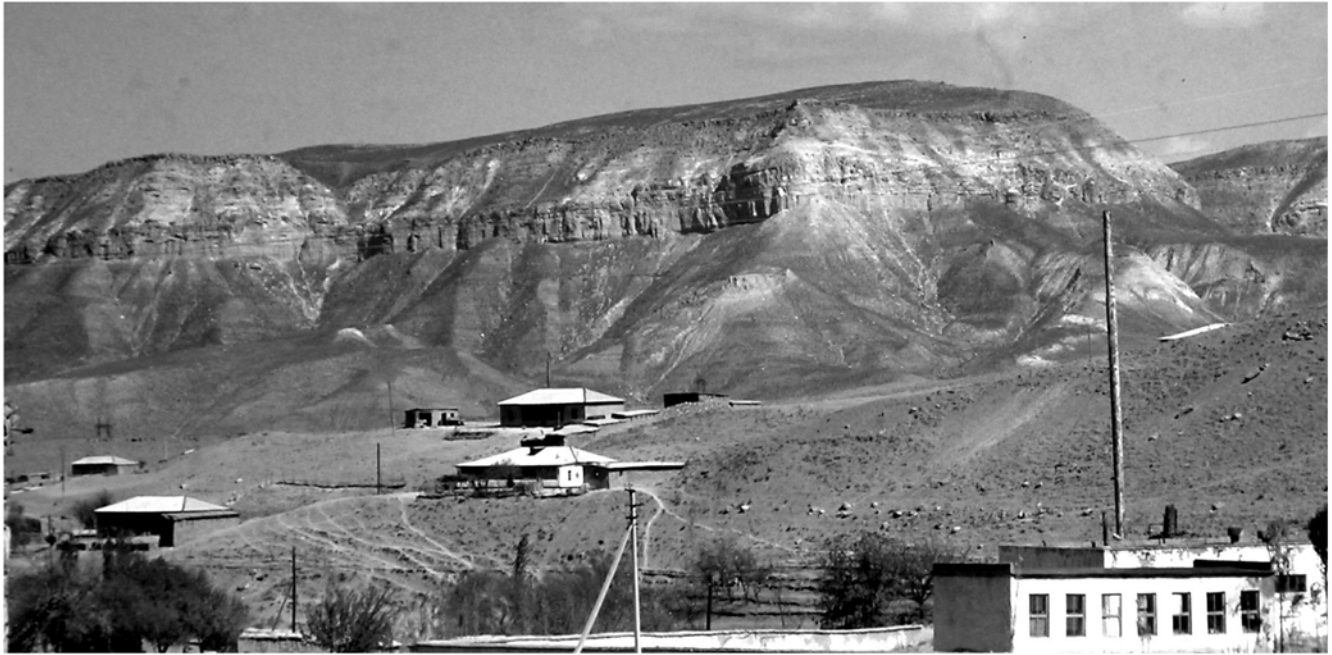

Fig.6. Le plateau-refuge de Kapkagly-Auzy près d'Akrabat, vu du sud

événements principaux est probablement Quinte-Curce, qui mentionne dans un ordre à première vue logique trois séquences de l'itinéraire d'Alexandre :

1) Le franchissement de l'Ochus (Darya-i Pandj) et de l'Oxus (Wakhsh) au printemps 328, puis la fondation de Marginia que suit la prise d'une première roche, ce qui permet à Alexandre de parvenir à Marakanda (Quinte-Curce VII, 10.15 à VIII, 1.7).

2) Le meurtre de Cléitos à Marakanda, une expédition à Xenippa (Erkurgan), puis l'entrée sur le territoire de Nautaka¹⁴ dans le but d'y hiverner, qui conduit Alexandre à se lancer préalablement à la poursuite de Sisimithrès, le gouverneur de la région qui s'était réfugié dans «les entrées du pays, là où elles se resserrent le plus». Cette expédition se conclut par la capture de Sisimithrès sur une seconde «roche» (Quinte-Curce VIII, 1.19 à VIII, 2.33).

3) Après une nouvelle expédition dans le Kashka-darya qui aboutit à la mort de Spitamène à la fin de l'hiver 328-327, Alexandre reprend la route montagneuse vers le Surkhan-darya quand l'armée est surprise par un grand froid, mais est secourue par Sisimithrès ou Choriénès. Un banquet chez ce dernier (qui contrôle lui aussi une forteresse qu'Alexandre avait sans doute déjà conquise plus tôt), en Parétacène, aboutit à la rencontre d'Alexandre et de Roxane (Quinte-Curce VIII, 4.2 à VIII, 4.30).

Comment concilier ces grandes lignes du récit avec l'orographie?

Descriptif

Sur le plan militaire, nous constatons que les

approches de ces «roches» ont pu être de nature variable, puisque, même si on ne le perçoit pas dans les textes confus des auteurs anciens, elles peuvent avoir fonctionné tantôt comme verrou, tantôt comme hauteur de refuge ou pôle d'intimidation. Bien qu'à première vue le relief paraisse propice à de nombreuses hypothèses, notre attention a été plus particulièrement attirée par trois ensembles orographiques qui semblent répondre à certaines des conditions suggérées par l'interprétation générale de l'itinéraire :

1) Le verrou (dépression) des Portes de Fer (Fig. 4)

En dehors du franchissement de la barrière anticlinale par les sommets, il existe plusieurs manières de contourner venant du sud ou de l'est la dépression fortifiée des Portes de Fer (défendue par la muraille [Fig. 4, W] et la forteresse de Sher-Khodja qui domine la cluse du Shurob-saj au pied du Suzystag: Fig. 4, V). L'une pourrait se faire par l'un des canyons qui coupe l'anticlinal du Susyztag, comme celui d'Uzun-dara où E. Rtveldze a identifié un château en pierre où l'on trouve de la céramique commençant à la période grecque¹⁵. Mais le relief de ce canyon semble avoir constitué une ligne facile à défendre.

Nous favorisons plutôt une autre cluse, celle de direction N-S qui coupe l'anticlinal du Sarymas-Bajsuntau (entre les deux massifs du Sarymas et du Gamuz) et qui draine les eaux de la dépression de Machaj (le Sherabad-darya) pour les amener dans la plaine à travers le plateau de Derbent (fig. 5). Le franchissement de cette cluse vers le nord donne accès non seulement aux oasis de Machaj mais également aux pentes faciles qui permettent l'accès

aux crêtes et au revers du verrou des Portes de fer¹⁶.

2) *Le refuge de Kapkagly-Auzy près d'Akrabat (fig. 6)*

Il se présente nettement sur deux niveaux, avec un plateau défendable en demi-cercle, tombant à pic sur les côtés ouest et sud (Fig. 4, a), mais surmonté par une hauteur à l'est (Fig. 4, b). Contrôlant de ces côtés-là la remontée du grand synclinal de Belibajli émaillé d'oasis (Fig. 4, c), le plateau de Kapkagly-Auzy près d'Akrabat offre avec sa position dominante, ses falaises abruptes et son ravitaillement facile un lieu de refuge idéal dans la partie méridionale du pays des «neuf rivières» (Nautaka), contre quelqu'un qui viendrait de l'ouest, de Qarshi en passant par Guzar.

3) *Le piton de Kyzkurgan (ou Kyrk-kyz) (fig. 7)*

Situé sur le plateau de l'oasis de Sina, près de Vakhshivar, à environ 70 km au nord-est des Portes de Fer, les 1760 mètres du piton de Kyzkurgan (ou Kyrk-kyz) dominant de manière très spectaculaire la région, laquelle s'ouvre elle-même sur la plaine du Surkhan-darya. C'est une butte témoin, clef de voûte anticlinale formée de bancs de grès rouges préservée de l'érosion qui a rongé ses flancs. Si les faces occidentale et méridionale montrent des falaises et formes d'érosion spectaculaire, la partie orientale est recouverte de loess et la pente y est un peu moins abrupte.

Les sources littéraires et la réalité géographique des roches d'Arimate, de Sisimithrès et de Choriénès¹⁷

Comme nous l'avons énoncé ci-dessus, les sources littéraires constituent un ensemble contradictoire difficile à concilier non seulement par rapport à la réalité, mais aussi dans une comparaison des diverses versions du même récit qui nous sont parvenues.

A titre d'exemple, on peut noter que pour les deux franchissements de la chaîne dans la région des Portes de Fer, le premier sur l'itinéraire de l'aller au printemps de 328 et le second en sens contraire pendant l'hiver 328-327, Quinte-Curce mentionne deux roches: respectivement celle du Sogdien Arimate (VII, 11), puis celle de Sisimithrès, le gouverneur de Nautaka (VIII, 2, 19-33). Parallèlement, Strabon (XI, 11.4) désigne les mêmes noms, mais dans l'ordre contraire: d'abord le fort de Sisimithrès qu'il localise en Bactriane¹⁸ et où Alexandre capture en même temps Roxane et Oxyartès, puis le fort de l'Oxus ou d'Arimate en Sogdiane. Arrien, enfin, ignore la roche d'Arimate, mais mentionne le «roc de Sogdiane» capturé avec Oxyartès et Roxane (IV, 18.4-19.4), qui sur une base chronologique semble être le pendant de la roche de Sisimithrès; aussitôt après il mentionne la roche de Choriénès en Parétacène.

La situation se complique lorsque l'on compare la description des roches, puis la méthode employée par Alexandre pour s'en emparer. Pour la roche de Sisimithrès Quinte-Curce rappelle que «le satrape, mobilisant ses compatriotes, avait bloqué par des fortifications résistantes les gorges (*fauces*) du pays, au point où elles se resserrent le plus; tout au long coulait un fleuve torrentueux. Les arrières étaient fermés par un rocher, où les habitants avaient percé à la main un passage. [...] Un boyau ininterrompu donne accès aux plaines, mais ce passage n'est connu que des indigènes. [...] Alexandre fit cependant approcher les béliers, ruina les fortifications dues au travail de l'homme et descendit, à coup de frondes et de flèches, la plupart des défenseurs; puis, quand il eut dispersé les fuyards, traversant les défenses écroulées il amena son armée au contact du rocher. Mais la route était barrée par le fleuve, dont la masse d'eaux tombait du haut de la crête dans la vallée; et cela paraissait une grosse affaire de combler un gouffre aussi large. Alexandre fit cependant abattre des arbres et entasser des pierres».

Parallèlement, Arrien décrit la roche des Sogdiens (en principe la même) par les termes suivants: «Mais, lorsque les Macédoniens approchèrent de ce Roc, Alexandre s'aperçut qu'il était, pour un attaquant, escarpé de tous les côtés, et que les Barbares y avaient accumulé des vivres en vue d'un siège prolongé. D'abondantes chutes de neige rendaient l'accès plus difficile». La prise de la roche est alors décrite de la manière suivante: «Environ trois cents hommes [...] se rassemblèrent et préparèrent de petites chevilles métalliques [...] pour les ficher dans la neige [...] et dans le sol [...], puis ayant attaché à ces chevilles de solides cordes de lin, ils s'avancèrent de nuit jusqu'à la face la plus abrupte du Roc et, pour cette raison, moins gardée [...] Au cours de cette ascension, environ trente d'entre eux trouvèrent la mort [...]. Les autres grimpèrent au point du jour et, s'étant emparés du sommet du mont, ils agitèrent des morceaux d'étoffe de lin destinés à être vus du camp macédonien».

La description chez Arrien de la prise de cette roche escarpée des Sogdiens par les «alpinistes» d'Alexandre coïncide avec celle de la roche d'Arimate chez Quinte-Curce et dans l'*Épitomé* (§ 15). Mais dans ce dernier cas, toute trace de la saison hivernale évoquée chez Arrien est passée sous silence.

Symétriquement, un croisement de données transparait également dans la description par Arrien de la roche de Choriénès («[le rocher] était abrupt de tous les côtés; on y accédait par un seul chemin») et dans celle par Quinte-Curce de la roche d'Arimate («de tous côtés, à arêtes vives et en à-pics, il n'est

accessible que par un sentier fort étroit»).

Dans la réalité.

Les contradictions et croisements de données entre les textes nous conduisent à constater que les descriptions originales de ces dispositifs ont été lourdement perturbés lors de la transmission des sources (Rapin, 2005a et b). La description orographique à laquelle nous avons fait appel permet cependant, en inversant le problème, de proposer certains liens avec les textes, à la seule condition que l'on admette les croisements mis ci-dessus en évidence.

1) Contrairement aux deux autres (Buzgalakhana et le Shurob-saj) qui pouvaient être contournés et n'ont pu jouer qu'un rôle de raccourcis, le canyon du Sherabad-darya débouchant sur le verrou de Derbent présente le parallèle le plus proche avec la description dans l'épisode que Quinte-Curce associe à Sisimithrès, mais qui, selon nous, doit s'appliquer à Arimaze, en raison du fait que ce dispositif ne peut être compris que dans le sens de l'itinéraire venant du sud au printemps de 328. Comme nous avons pu le constater en mai 1997, la rivière torrentueuse qui occupe toute la largeur du canyon lors de la crue de printemps accompagnant la fonte des neiges nécessite une réfection annuelle de la route, selon la technique même utilisée par Alexandre pour remonter la gorge, c'est-à-dire des troncs d'arbres croisés dans le ravin et supportant un remblai de pierres (fig. 5).

Le sommet du Sarymas porte des labours, pas de structures visibles¹⁹, mais contrairement au Susyztag qui manque d'eau (d'où son nom), le Sarymas et le Gamuz possèdent des sources en abondance; les grottes et le couvert boisé, dont

l'existence ancienne est attestée par les groupes résiduels de hauts genévriers, fournissaient les conditions indispensables à la survie d'une masse importante d'hommes. L'approvisionnement pouvait en outre être assuré par les oasis de Machaj, de Belibajli et de Shurob.

2) Le plateau de Kapkagly-Auzy près d'Akrabat (fig. 6) renvoie quant à lui aux descriptions mentionnant l'assaut lancé par les «alpinistes» d'Alexandre, que Quinte-Curce évoque dans le cas de la roche d'Arimaze mais qui, selon les critères orographiques énoncés ci-dessus, doit correspondre plutôt à la roche que Sisimithrès aurait utilisée avec son arrière-pays de Belibajli en 327, au cours d'un mois de mars très enneigé (Arrien: «lorsque pointait le printemps»). Dans ce sens, la description de cette montagne coïncide particulièrement bien avec la description du «Roc de Sogdiane» proposée par Arrien et sa capture lors d'une escalade nocturne qui prit de haut l'ennemi installé dans les grottes du plateau.

3) Enfin, le piton de Kyzkurgan (ou Kyrk-kyz), à l'est des Portes de Fer (fig. 7), sur lequel L. Sverchkov a attiré l'attention (Сверчков, 2003b, p. 59 note 1 de la version anglaise, p. 77 note 1 de la version russe), évoque particulièrement bien la description par Arrien de la roche de Choriénès et celle par Quinte-Curce de la roche d'Arimaze (voir ci-dessus). Comme L. Sverchkov, mais avec des arguments complémentaires, la visite que nous avons effectuée cette année sur place nous a convaincus que le piton correspond bien à la description de la citadelle de Choriénès, le gouverneur qui semble être intervenu à deux reprises dans l'histoire d'Alexandre: une première fois (dans un passage apparemment perturbé) à l'occasion de laquelle cette roche a

Fig. 7. Le piton de Kyzkurgan (ou Kyrk-kyz), vu du sud

été capturée, puis une seconde fois lorsque, devenu l'allié d'Alexandre, Choriénès participe au sauvetage de l'armée d'Alexandre à Gazaba (*Epitomé de Metz*), organisant ensuite le banquet qui amène la rencontre d'Alexandre avec Roxane.

De fait, comme dans la description d'Arrien IV, 21.2, le piton n'est accessible que par une langue de terre au nord-est, aujourd'hui large d'une vingtaine de mètres mais qui aurait très bien pu être retaillée pour ne laisser qu'un passage étroit. Le pourtour du sommet plat (environ 1 ha, complété par des terrasses plus bas) porte les traces d'un mur de pierres non taillées; un rapide ramassage de surface a fourni des tessons d'époque kouchane et islamique, et des morceaux de grosses jarres de stockage, non tournées, datables des IVE-IIIe s. av. n.è.20. Pour sa part E. Rtveldze qui a exploré le site en 1977 a récolté sur les pentes de la céramique qu'il a datée des Ve-IVe s. av. n.è.21. Un tel site est propre à avoir servi de refuge à une troupe assez

réduite (Arrien: «Choriénès et beaucoup d'autres hyparques y avaient trouvé refuge»), rôle qu'il a effectivement joué dans l'histoire en 1063, lorsque l'émir de Chaganian attaqué par les Seljukides s'y est réfugié (Сверчков, 2005b, *loc. cit.*, d'après E. Rtveldze).

Enfin, Arrien situe l'épisode de Choriénès dans la Parétacène. Celle-ci ne comprenait pas la zone des Portes de Fer, puisque la roche sogdienne d'Arimate, de par son bassin versant, devait appartenir, comme le suggère Strabon, à l'Oxiane (bas Surkhandarya) (Fig. 2), et que la roche sogdienne de Sismihrès, pour les mêmes critères, devait relever de Nautaka (Kashka-darya). Cette Parétacène pourrait donc bien avoir été, comme on le pense généralement, la zone densément peuplée de Chaganian, ainsi que la région de piémont de la chaîne de Hissar. Nous ne pouvons que suggérer que ce site de Kyzkurgan fasse l'objet de nouvelles recherches.

NOTES

*Nous remercions M.I. Filanovich pour la traduction de ce texte en russe.

1 Le point de vue de Пьянков, 1997 mérite une discussion spéciale. Il a réalisé une synthèse fondamentale sur la géographie antique de l'Asie centrale, même si quelques points reflètent une position traditionnelle que nous ne partageons plus. Les objections qu'il a nous récemment opposées (Пьянков, 2004) ne tiennent à notre avis pas compte des apports réels proposés par nos études.

2 Sur le fonctionnement de la muraille à l'époque hellénistique voir Rapin, 2005c.

3 Même point de vue dans Pidaev, 2003, p. 6. Le graffiti de Kara-tepe sur lequel Henning avait lu le mot ['](n)tywk «Antioche» porte plutôt selon Ph. Gignoux le nom de personne *tyrk* «Tîrag» (Gignoux, 1986, s.v. *Tîrag*). Cet argument ne peut donc plus être invoqué, mais il reste la Table de Peutinger et le Cosmographe de Ravenne. Qu'Antioche Tarmata ait d'abord été l'Alexandrie de l'Oxus mentionnée par Ptolémée reste une possibilité (le nom de cette dernière serait alors venu non du fleuve Oxus, mais du peuple des Oxiens qu'on peut proposer de situer dans la région au moins jusqu'aux Portes de Fer: voir Rapin, 2005a, n. 23 et 2005c, carte 1); le site concurrent, Kampyr-tepe, paraît vraiment bien petit et l'identification un moment envisagée n'est plus retenue par les fouilleurs (T. Mkrtychev et S. Bolelov, comm. pers.).

4 Le *-d* final (au lieu de *-t* attendu si l'étymon était **tar-maitha-* «établissement sur un passage», comme on l'avait supposé) indique une sonorisation de la dentale par contact avec un *-n-* disparu. La forme originelle **tarmant-* (> **tarmand* > *tarmid*) qu'on peut reconstituer à partir de la transcription latine Tarmantis doit signifier «(lieu) pourvu d'un passage».

5 L'hypothèse proposée par P'jankov d'une confusion de Marginia avec Marakanda ne nous convainc pas davantage (Пьянков, 2004).

6 Le seul tépé de cette ville, Kala-i Bolo, n'a pas fourni de matériel antérieur aux Kouchans, mais la ville actuelle recouvre tout l'espace constructible. Il se pourrait aussi que la fondation urbaine d'Alexandre ait vite déperé et que seuls les forts (ou certains d'entre eux) aient subsisté pour contrôler la route menant aux Portes de Fer.

7 Depuis les premières recherches menées après la conquête russe, la plupart des chercheurs s'accordent à dire qu'au moins un épisode de la «guerre des roches» s'était déroulé dans ce secteur: Tomaschek, 1877, p. 94 (p. 30 du tiré à part); Григорьев, 1881; von Schwarz, 1893.

8 Les travaux archéologiques ont été menés par C. Rapin et Sh. Rakhmanov, avec la collaboration de M. Khasanov. Le relevé topographique du site a été réalisé par Chr. Meyer (Bordeaux).

9 La mission de 2005 qui s'est déroulée du 9 au 13 septembre comprenait les auteurs du présent article: A. Baud (ancien directeur du Musée de géologie, Lausanne), F. Grenet, C. Rapin (CNRS, Paris), Sh. Rakhmanov (Institut d'Archéologie de Samarkand).

10 Pour la critique des textes voir notamment Bosworth, 1981. Pour une démonstration proche de celle de cette contribution: Рапэн, Рахманов, 2002; Rapin, 2005a et b.

11 *Ibid.*

12 Quelques informations géologiques de cette étude ont été tirées de Чуенко, 1937.

13 Sur ce dernier point voir ci-dessus, 1ère partie. D'autres itinéraires ont été proposés, ainsi par Rtveldze qui considère que la voie de communication majeure de l'époque achéménide entre Bactres et Nautaka aurait emprunté des vallées très encaissées et des cols apparemment moins facilement praticables que le passage des Portes de Fer (Ртвеладзе,

2002, p. 23).

14 Le Kashka-darya, plaine au «neuf cours d'eau», c'est-à-dire les neuf rivières qui coulent entre le nord de la plaine de Shahr-i Sabz et le Kichik-Uradar'ja juste au nord de la vallée de Derbent, région antique ayant pour capitale Kesh (correspondant alors aux sites de Padajatak-tepe et Uzun-kyr près de Shahr-i Sabz): Grenet, 2002, p. 209-212.

15 Selon E. Rtveladze, cette position pourrait être identifiée comme celle de la roche de Sisimithrès: en dernier lieu Ртвеладзе 2002, p. 94-116; identification adoptée dans Grenet, 2002, p. 209-212. Cependant la position du château d'Uzun-dara, commandé au nord par le plateau, est très vulnérable; il se conçoit plutôt comme un verrou sur un itinéraire de contournement que comme un site défensif.

16 L'importance stratégique ancienne de ce passage est attestée par la présence de deux fortins à l'entrée (Sultankul'-tepa d'époque achéménide, Kapchikaj-tepa d'époque grecque): Свечков, 2005a, p. 13-14.

17 Pour un développement plus complet voir Рагэн, Рахманов, 2002; Rapin, 2005a et b. Traduction de Quinte-Curce en français par H. Bardon et d'Arrien par P. Savinel.

18 La mention de la Bactriane résulte d'une confusion que nous avons expliquée ailleurs (Rapin, 2005a et b). On ne peut donc partager le point de vue de von Schwarz qui situe cette roche au Kohi-nur en face de Nurek, sur la rive gauche – bactrienne – du Wakhs (von Schwarz, 1893, fig. 6).

19 Rtveladze a bien montré les raisons pour lesquelles le type d'occupation humaine décrit dans les récits sur la prise des «roches» est très peu susceptible de laisser des traces sur le terrain (Ртвеладзе, 2002, p. 99-101). Nous avons récolté de la céramique d'époque kouchane dans l'une des montées d'accès depuis le débouché de la cluse du Sherabad-darya au nord de Derbent. Rtveladze signale une tour de guet au-dessus de Buzghalakhana (Ртвеладзе, 2002), que nous n'avons pas retrouvée, à moins qu'il s'agisse d'une grande tour ronde en pierre que nous avons effectivement observée quelques kilomètres plus loin sur une des hauteurs du Karamas.

20 Datation établie par M.Kh. Isamidinov.

21 Ртвеладзе, 2002, p. 130, plan p. 141; il ne propose pas d'identification particulière pour ce site, mais il rattache la zone à une supposée principauté d'Oxyartès dont le souvenir se perpétuerait dans le toponyme Vakhshivar.

BIBLIOGRAPHIE

Григорьев В.В., 1981: Поход Александра Великого в западный Туркестан». *Журнал министерства народного просвещения*, Москва.

Пьянков И.В., 1997: *Средняя Азия в античной географической традиции*. Москва.

Пьянков И.В., 2004: «Античные источники о Средней Азии и их интерпретация. По поводу двух работ Ф.Грене и К.Рапена». *Вестник древней истории*, 2004/1, с. 96-110.

Рагэн К., Рахманов Ш., 2002: «Александр Македонский у Железных ворот в Согдиане». *Шахрисабз шаҳрининг эжаҳон тарихида тутган урни*, Тошкент, с. 45-49.

Рахманов Ш., Рагэн К., 2003: «Железные ворота». *Труды Байсунской научной экспедиции*, 1, Ташкент, с. 22-32.

Рахманов Ш., Рагэн К., 2004: «Стратегический пограничный узел Железных ворот: меняющийся статус границ от греческих свидетельств до средневековых эпопей», in *Transoxiana. History and Culture / История и культура*. Академику Эдварду Ртвеладзе в честь 60-летия – коллеги и ученики, Ташкент, с. 150-153.

Ртвеладзе Э.В., 2002: «Александр Македонский в Бактрии и Согдиане», Ташкент.

Ртвеладзе Э.В., 2003: «Дар-и Аханин – Дарбанд». *Труды Байсунской научной экспедиции*, 1, Ташкент, с. 22-32.

Свечков Л.М., 2005a: «Archaeological monuments of Boysun district / Археологические памятники Байсунского района». *Труды Байсунской научной экспедиции*, 2, Ташкент, с. 10-45.

Свечков Л.М., 2005b: «Boysun. Trial historical reconstruction / Байсун. Опыт исторической реконструкции» *Труды Байсунской научной экспедиции*, 2, Ташкент, с. 56-86.

Свечков Л.М. 2005c: «Александр Македонский в Маргании», Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого, Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004, с. 191-193.

Чуенко П.П., 1937: «Геологическая карта Средней Азии». *Геология юго-западных отрогов гиссарского хребта* (Таджикско-памирская экспедиция 1934 г.), вып. LXVI, Труды Экспедиции, Ленинград, с. 2-115.

Bosworth, A.B., 1981: «A missing year in the history of Alexander the Great», *Journal of Hellenic Studies*, 101, p. 17-37.

Gignoux, Ph., 1986: *Noms propres sassanides en moyen-perse épigraphique*, Wien.

Grenet, F., 2002: «Zoroastre au Badakhshân», *Studia Iranica*, 31, p. 193-214.

Grenet, F., Rapin, C., 2001: «Alexander, Art Khanum, Termez: remarks on the spring campaign of 328», *Bulletin of the Asia Institute [BAI]*, 12, 1998 [paru 2001], p. 79-89.

Leriche, P., 2002: «Termez fondation d'Alexandre?», *Journal Asiatique*, 290, p. 411-415.

Lyonnet, B., 2001: «Les Grecs, les nomades et l'indépendance de la Sogdiane, d'après l'occupation comparée d'Art Khanoum et de Marakanda au cours des derniers siècles avant notre ère», *BAI*, 12, 1998 [paru 2001], p. 141-159.

Pidaev, Sh., 2001: «Contribution à l'histoire ancienne de Termez», in *La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie centrale*, éd. P. Leriche et al., IFÉAC, Paris, p. 47-57.

Pidaev, Sh., 2003: «Termez during the Greco-Bactrian period», *Silk Road Art and Archaeology*, 9, p. 1-14.

Rapin, C., 2001: «L'incompréhensible Asie centrale de la carte de Ptolémée. Propositions pour un décodage», *BAI*, 12, 1998 [paru 2001], p. 201-225.

Rapin, C. 2003: «Les Portes de Fer de Derbent: histoire d'une frontière», dans *Au fil des routes de la soie, Chemins d'étoiles*, 11, Paris, p. 148-156.

Rapin, C., 2005a: «L'Afghanistan et l'Asie centrale dans la géographie mythique des historiens d'Alexandre et dans la toponymie des géographes gréco-romains. Notes sur la route d'Herat à Begram», in *Afghanistan. Ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest. Actes du Colloque international organisé par Ch. Landes et O. Bopearachchi au Musée archéologique Henri-Prades-Lattes du 5 au 7 mai 2003*, éd. O. Bopearachchi et M.-Fr. Boussac, Bruxelles, p. 143-172.

Rapin, C., 2005b: «L'Afghanistan e l'Asia Centrale nella geografia mitica degli storici di Alessandro e nella toponimia dei geografi greco-romani», in *Le Frontiere dell'Afghanistan*, ed. F. La Cecla e M. Tosi, Bologna, BUP.

Rapin, C., 2005c: «Nomads and the shaping of Central Asia (from the early Iron Age to the Kushan period)», in *After Alexander: Central Asia Before Islam*, ed. G. Herrmann and J. Cribb, Oxford (Proceedings of the British Academy).

Rapin, C., Rakhmanov, Sh., 1999: «Les "Portes de Fer" près de Derbent», *Dossiers d'Archéologie*, n°243, Mai 1999, p. 18-19.

Von Schwarz, Fr., 1893: *Alexander des Grossen Feldzüge in Turkestan*, München.

Tomaschek, W., 1877: *Centralasiatische Studien: Sogdiana*, Vienna.

Л.М. Сверчков

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ВЫРАБОТОК УЗБЕКИСТАНА (краткий обзор)

Первые сведения о полезных ископаемых и горном промысле в Средней Азии появились в европейской печати в конце XVIII – начале XIX вв. и носили, в основном, полумифический характер. Среди публикаций, достойных внимания, следует выделить работу подполковника Бутенёва 2-го, в частности, его раздел «Минеральные богатства Бухарии» (Бутенёв 2-ой, 1842. С. 137-148).

Более углубленные исследования состояния горного дела появляются уже после завоевания Туркестана Россией и посвящены, прежде всего, месторождениям золота и соли (Романовский, 1875; Мушкетов, 1877; Мышенков, 1890; Михайлов, 1895; Леонов, 1897). Иногда в качестве первооткрывателей выступали ссыльные участники Польского восстания; присутствие одного из них, геолога-профессионала, в составе Тибетской экспедиции обогатило научные представления о геологии и геоморфологии Западного Китая, где было выявлено множество древних выработок и пунктов переплавки руд (Богданович, 1892).

В 1881 г. известный русский геолог И.В. Мушкетов (1850-1902) совместно с Г.Д. Романовским составил первую геологическую карту Туркестана и предложил схему геологического строения Средней Азии, что нашло отражение в двухтомном издании «Туркестан» (Мушкетов, 1886-1906).

В целом, на рубеже XIX-XX вв. многие публикации о Средней Азии имели больше научно-познавательное, чем научное значение, но при этом содержали очень полезную и интересную информацию, особенно в серии книг, посвященных географическому описанию Российской империи и сопредельных стран (Путеводитель по Туркестану, 1903; Масальский, 1913).

В 1910 г. разрозненные сведения о разработках полезных ископаемых Туркестанского края были обобщены в отчете Сенатора Гофмейстера Графа К.К. Палена, посланного с ревизией по повелению императора Николая II. В части «Горное дело» обозначены все известные современные и старинные разработки рудных и нерудных ископаемых, а также система налогообложения при их эксплуатации (Отчет по ревизии Туркестанского края, 1910).

Деятельность комиссии придала новый импульс изучению горного дела на территории

Средней Азии: выходит в свет «Каталог полезных ископаемых Русского Туркестана» (Андреев, 1912). Однако наиболее ценной работой по данному вопросу является солидный труд В.Н. Вебера «Полезные ископаемые Туркестана», изданный в 1913 г. и не утративший свое значение до сих пор (Вебер, 1913). В 1917 г. автор опубликовал дополненный вариант под названием «Древняя и современная рудопромышленность Туркестана», в которой пришел к выводу, что практически все месторождения известных древним горнякам полезных ископаемых были подвергнуты эксплуатации, причем в широких масштабах (Вебер, 1917. С. 148). Вне всякого сомнения, именно эти две работы В.Н. Вебера являются базовыми для исследования объектов древнего горного промысла Средней Азии.

К сожалению, столь блестящее начало было прервано известными политическими событиями, и возрождение геологической науки осуществилось лишь в годы так называемых «первых сталинских пятилеток» в конце 20-х – начале 30-х годов. Конечная цель была определена ясно – построение современной индустрии на базе местных сырьевых ресурсов, создание объектов черной, цветной и горнодобывающей отраслей промышленности. К решению задачи были привлечены лучшие ученые страны, которые незамедлительно приступили к оценке металлорудных возможностей Средней Азии и выработке приоритетов в организации геолого-поисковых работ (Мушкетов, 1928а; 1928б; Наследов, 1931; Наследов, Попов, 1932). В итоге была создана Таджикско-Памирская экспедиция, в которой, кроме геологов, приняли участие археологи, этнографы, лингвисты, эпидемиологи и т.д.

С деятельностью экспедиции связаны одни из первых публикаций основателя среднеазиатской школы археологии М.Е. Массона (Массон, 1930а; 1930б; 1934). Поневоле возникший интерес к древнему промыслу обусловил необходимость более тщательного анализа средневековых письменных источников, что и было блестяще осуществлено П.П. Ивановым под эгидой той же Таджикско-Памирской экспедиции. В своей монографии автор приводит свидетельства арабских и персидских географов о добыче полезных ископаемых в той или иной области Мавераннахра, что во многом помогло работе геологических

партий (Иванов, 1932).

Изыскания Таджикско-Памирской экспедиции охватили огромное пространство всей восточной части Средней Азии, обследовались не только Памир и не только Таджикистан, но и западные отроги Тянь-Шаня, включая территорию Узбекистана, Киргизстана, Казахстана и даже Туркменистана. Одной из главнейших задач, поставленных перед экспедицией советским правительством, были поиски олова, и уже в 1933 г. удалось выявить в Средней Азии «оловоносную провинцию», представленную пегматитовыми жилами и грейзенами, распространенными от Туркестано-Алайского горного узла на востоке до Аральского моря на западе (Горбунов, 1934. С. 18-21; Горбунов, 1935. С. 6-13). Кроме того, было установлено, что Средняя Азия в состоянии удовлетворять свои внутренние потребности за счет собственных месторождений (Ферсман, Щербаков, 1932. С. 60-61). Наряду с этим Д.И. Щербаков обозначил особенности металлогении Средней Азии, без учета которых сложно понять специфику древнего горного промысла и те трудности, которые возникают при изучении древних выработок и плавильных пунктов при них. Д.И. Щербаков пишет: «Вместе с тем, необходимо отметить своеобразные черты этого оруденения, обычно очень рассеянного и полиметалльного, характеризующегося обильными признаками рудоотложения при небольших масштабах отдельных точек. Редко встречаются месторождения с высокопроцентными рудами; в этом случае их валовые запасы незначительны. Чаще всего, руды низкопроцентны, а наиболее крупные по запасам месторождения отличаются убогими рудами.

Эти факты заставили даже выдвинуть мысль об особом **тяньшанском** типе оруденения, требующем особых подходов к рентабельной организации добывающей металлургической промышленности.

Другая характерная черта Среднеазиатских месторождений – их зональное расположение. Следуя закономерностям геологического строения горных цепей Средней Азии, месторождения большинства металлов располагаются в пределах широтно вытянутых, иногда дугообразно изогнутых полей, образуя так называемые минеральные зоны или рудные пояса. Такие зоны выделяются по преобладающей на их площади концентрации определенного металла. Так, например, был очень отчетливо намечен пегматитовый оловоносный пояс, протягивающийся по широтной, а затем слабо изогнутой к северо-западу дуге, от главных высот Алайского хребта через верховья р. Зарафшан, Нурагинские горы, Кы-

зылкумы до берегов Аральского моря. Он оказался связанным с типичными калиевыми гранитами» (Щербаков, 1935. С. 44-45).

Первый вывод Д.И. Щербакова отчасти подтвердился, хотя неоднократно подвергался критике, второй лег в основу всех последующих геологических концепций. Для археологов первое положение особенно важно, поскольку рассеянный тип оруденения как нельзя лучше устраивал древних рудокопов, учитывая извечную проблему топлива. Исчерпав небольшие запасы высококачественной руды и древесины, горняк затем осваивал следующий подобный участок, сочетавший в себе три основные составляющие – руду, топливо и воду. Может быть, поэтому, наряду с единичными гигантскими рудниками, горы и пустыни Средней Азии буквально испещрены небольшими выработками и малообъемными шлаковыми полями, особенно в аридной зоне, практически лишенной растительности. Вероятно, это предопределило экстенсивный путь развития горнорудной промышленности, что никак не способствовало выработке новых технических приемов и навыков, как в горном деле, так и в сопряженной с ним металлургии, поощряя их консервацию и, возможно, последующую деградацию.

Второй аспект – полиметалльные месторождения – не один раз обескураживал сотрудников Таджикско-Памирской экспедиции, когда, имея на руках образцы руд и шлаков, они не могли определить, какой именно металл извлекали древние металлурги. Пробы показывали почти одинаковое процентное соотношение серебра, свинца, меди, цинка, иногда еще олова, мышьяка, сурьмы, – отсюда возникло не очень удачное определение «полиметаллические руды».

Это можно проследить на примере наиболее изученных в геолого-археологическом отношении месторождений Чаткальского и Кураминского хребтов, относившихся, в основном, к древней области Чач-Илак. После Таджикско-Памирской экспедиции работы здесь были возобновлены только в конце 40-х – начале 50-х годов. Появляются две новые обобщающие книги М.Е. Массона (Массон, 1953а; 1953б). О древних выработках Кармазара (южный Илак) пишет Б.А. Литвинский (Литвинский, 1954; 1956). Однако собрать с помощью специалистов-геологов из объединения «Ташкентгеология» и систематизировать всю информацию по долине р. Ахангаран удалось уже Ю.Ф. Бурякову, что нашло отражение в его монографии «Горное дело и металлургия средневекового Илака (V – начало XIII в.)». Ю.Ф. Буряков выделяет три района концентрации рудников и плавильных пунктов: верховья р. Ахангаран,

среднее течение р. Ахангаран и юго-западный Карамазар.

В Карамазаре выявлено шесть групп рудников: Канимансур, Канджол, Табошар, Кансай, Алтынтопкан и Калканата.

В Канимансуре добывали свинцово-серебряные руды, но в его округе имеются также древние выработки на медь, золото, железо и бирюзу (Буряков, 1974. С. 70-79). Еще в 1955 г. отрядом Института геологических наук АН СССР здесь была собрана обширная коллекция каменных молотов различных форм и размеров, весом от I до 4 кг. Для их изготовления из аллювиальных отложений брались окатанные гальки подходящих пород: гранодиорит-порфир, диабаз, диабазовый порфирит, габбро-порфирит, пироксенит и даже глинистый сланец (Исламов, Рутковская, 1957. С.163-170). Как указывают авторы, аналогичные орудия известны и в Северном Казахстане, где они датируются эпохой поздней бронзы, и в раскопках Чустского поселения того же времени. Учитывая это, а также тот факт, что в 6 км восточнее Канимансура был найден бронзовый нож, было предложено рассматривать начало эксплуатации рудника в эпоху бронзы. «Однако, несмотря на указанные аналогии, мы не можем определить точно возраст наших каменных орудий, потому что, как указывал неоднократно профессор М.Е. Массон, каменные горные орудия не претерпевали значительных изменений вплоть до позднего средневековья, где они встречаются уже наряду с железными. Это объясняется отчасти тем, что в горном промысле использовался труд рабов и это не содействовало прогрессу горной техники» (Исламов, Рутковская, 1957. С. 162-163, 168-169). В результате, классовый подход подкрепленный авторитетом М.Е. Массона, возобладал и по инерции сохраняется и поныне. Так, первоначально Ю.Ф. Буряков также не согласился с ранней датой освоения Канимансура, поскольку не было выявлено материалов ранее VI-VII вв. н. э. (Буряков, 1974. С. 73-75). Сейчас вносятся поправки: имеются отдельные находки середины I тысячелетия до н. э. (Буряков, 1999. С. 268), хотя на это обращали внимание еще О.И. Исламов и Л.М. Рутковская (Исламов, Рутковская, 1957. С. 172).

Вероятно, к более раннему времени следует отнести и начало добычи свинцово-серебряной руды в соседнем Канджоле, а также Табошаре (последний отличается повышенным содержанием мышьяка) (Буряков, 1974. С. 79-85). В Кансае объектом добычи являлись руды, содержащие свинец, серебро и медь (Буряков, 1974. С. 85-86). Недалеко от Кансае, кроме полиметаллов, брали железную руду и самоцветы (аметисты и бирю-

зу). Здесь тоже был найден каменный молот (Буряков, 1974. С. 87). В Алтынтопкане установлено повышенное содержание меди, серебра, свинца и цинка (Буряков, 1974. С. 87-91).

По среднему течению Ахангарана активно действовали многочисленные рудники по добыче руд с содержанием свинца, меди, цинка, а также золота, серебра, железа и бирюзы. Наиболее древними среди них являются разработки меди восточной группы Акташкана, датируемые эпохой бронзы; там было найдено множество каменных молотков (Буряков, 1974. С. 64-66). Такие же орудия обнаружены в выработках Алмалыка (Буряков, 1974. С. 69).

Таким образом, среднее течение р. Ахангаран характеризуется как район по добыче полиметаллических руд с преобладанием серебра и меди. Однако многолетние исследования партии «Древние выработки» Министерства геологии Узбекской ССР в 60-70-е года несколько сместили акценты. Так, Е.Б. Пругер выделил в северном Илаке тринадцать крупных рудников только по добыче коренного золота, и даже карамазарский Канджол сейчас рассматривается как источник не только серебра, но и золота (Пругер, Максудов, 1977; Пругер, Тихомиров, 1978; Пругер, 1983; Пругер, 1990). Е.Б. Пругер также собрал большую коллекцию каменных молотов и кайл, изготовленных из андезитдацитового порфирита, сиенито-диоритового порфирита, сиенито-диорита, андезитдацитового порфира, гранодиорит-порфира, кварцевого порфира, гранодиорита, граносиенит-порфира (более 250 экземпляров) (Пругер, 1990. С. 156-157).

В группе древних разработок верховьев р. Ахангаран крупнейшим является серебро-свинцовый рудник Лашкерек. Наряду с ним функционировали золотые рудники Кочбулак, Тогберды, Гульдурاما, Кызылалма и Самарчук, свинцово-медные выработки Кендырсае. В Джигиристане брали каолиновые огнеупорные глины прекрасного качества, а неподалеку – в бассейне Наугарзана – свинцово-оловянные руды (Буряков, 1974. С. 16-43). Может быть, из наугарзанского олова была изготовлена серьга, найденная в женском погребении середины I тыс. н.э. (Агзамходжаев, 1966. С. 108). Во всяком случае, золотые броши из того же погребения № 10, как показал их анализ, сделаны из золота Кызылалмы, то есть из той же группы древних выработок, расположенных в нескольких километрах к западу от захоронения (Маджи, Буряков, 1974. С. 123). Здесь каменные молотки были найдены только в руднике Кочбулак, хотя, думается, они есть и в других выработках (Буряков, 1974. С. 24-26).

Повышенное внимание к находкам каменных

орудий объясняется тем, что они, вероятнее всего, являются признаком глубокой древности рудника, особенно когда встречаются в больших количествах и в разных вариациях. И хотя Ю.Ф. Буряков вслед за М.Е. Массоном утверждает о применении каменных молотков на протяжении всей истории, однако, по его же мнению, медные выработки Илака начали разрабатываться во II тысячелетии до н. э. и служили источником сырья для кайраккумской культуры андроновского круга племен Ферганской долины (Буряков, 1991. С. 47-48). В этой связи автор возвращается к старому вопросу о возможности плавки сульфидных руд, утверждая, что сульфидные руды в Кармазаре разрабатывались с эпохи поздней бронзы (Буряков, 1974. С. 98), с чем, на наш взгляд, трудно не согласиться.

В отличие от Кураминского, многочисленные месторождения Чаткальского хребта изучены несравненно хуже, что объясняется труднодоступностью верховьев рек Чаткал и Пскем. О древних выработках в этом районе известно следующее: «... свинцовые руды по нижнему течению реки Коксу, восточнее с. Бричмулла, коренное золото, галениты, халькопириты и пириты Чаватасая, золото, серебро и олово Ченташа, блеклые руды и серебристый галенит Коксу, магнетит Чимгана, золото, свинец, киноварь и охры Сандалашского горного блока. Россыпи золота отмечаются в русле Чирчика и некоторых его притоков, многочисленные железные шляпы – по Пскему и Чаткалу, окатанные гальки магнетитовых руд, которые добывались прямо из речных отложений, строительные и поделочные камни, в частности бирюза Ергайлыка (близ с. Хумсан)» (Буряков, 1975. С. 10). Известны крупные скопления шлаков возле городища Шахджувар у селения Пскем, ремесленное производство которого в период средневековья базировалось на местных медно-свинцовых рудах (Буряков, 1982. С. 11). В округе городища Бурчмулла зафиксированы древние выработки на мышьяк и минеральные краски, по реке Коксу – штольни по добыче охры и серебро-свинцовых руд, в одной из которых был найден каменный молот (Древности Чарвака, 1976. С. 79-80).

Большой интерес представляет Чаткальская группа рудников, которые не вполне уверенно идентифицируются как серебро-свинцовые (плюс медь, цинк и золото): Кумышкан, Гудас, Кенкол и Акташ Гавасайский. Крупнейшим из них является Гудас, достигающий глубины 200 м по вертикали (Исламов, 1977. С. 43-46). Район очень слабо исследован археологами, и часто на него излишне категорично переносятся выводы, сделанные М.А. Бубновой по хорошо изученно-

му соседнему Таласскому району (Бубнова, 1963). Так, на примере указанного выше месторождения серебро-свинцовых руд по р. Коксу возле сел. Бурчмулла отчетливо проявилась слабая археологическая изученность объектов горного дела: «Месторождение подвергалось довольно интенсивной разработке. Древние выработки приходились на места наибольших концентраций руд. Однако неясно, какой вид руд привлекал внимание древних рудокопов. Так как свинцово-серебряных на Бричмуллинском месторождении нет, то, по-видимому, здесь добывались именно мышьяковые руды» (Исламов, 1977. С. 53).

Археологам хорошо известны периодические поступления находок эпохи бронзы из разрушенных захоронений верховьев р. Чирчик. Их принадлежность к андроновско-тазабагыбскому кругу племен установлена со всей очевидностью и, надо полагать, привлекали скотоводов не только прекрасные пастбища Чаткала, но и богатые месторождения металлов. В состав Чимбайлыкского клада, наряду с другими предметами, входит слиток бронзы весом более 0,5 кг (Древности Чарвака, 1976. С. 6-8, 83). В этой связи удивляет тот факт, что широкое распространение касситерита в горах Чаткальского хребта в бассейнах рек Коксу, Чаткал и Кансай оказалось «большой неожиданностью» (Рузанов, 1980. С. 62).

Хорошо известно, что ещё Ф.И. Вольфсон при обследовании средней части р. Чу указывал на необходимость проведения здесь поисковых работ на олово (Вольфсон, 1937). В 1934 г. признаки олова выявил Б.Н. Наследов в шлихах Чирчик-Ангренского района на Бельдерсае, а в 1935 г. А.С. Уклонский обнаружил олово в грейзенах Чимгана (Горбунов, 1935. С. 12; Исламов, 1977. С. 58).

Найдено олово и на соседнем Ангренском плато на стыке Чаткальского и Кураминского хребтов в северо-западной части Ферганской долины. В бассейнах рек Кенкол, Ирису, Чукурсай выявлены древние рудники Аккан (серебро), Ирису (серебро, свинец) и Тугрисай (олово). Генетически они связаны с выработками Илака, районом верховьев р. Ахангаран – третьей группой, которую обозначил Ю.Ф. Буряков,

Крупнейшим в группе является серебряный рудник Актепа, где было найдено 48 каменных молотков и их фрагментов (Буряков, 1965. С. 15-17). Позже геолого-археологические работы, кроме Актепа, проводились и в соседнем Дуганском горнопромышленном узле, где добывали «медно-полиметаллические» руды и где тоже были обнаружены каменные орудия рудокопов. Выявлены древние выработки между Таватсаем и Сучиканом, в отвалах которых установлены следы добы-

чи полиметаллов и олова, по Гавасаю – пункты добычи золота, серебра, железа, дьмортьерита, в бассейнах рек Сарыкол и Девальсай велась добыча золота и жернового камня (Буряков, Бакиев, Дудаков, 1991. С. 199-207). Можно еще упомянуть небольшие золотые рудники Опарсай I и II, Кушагуль, Харджакгаль, Самранг, Девальсай и Савдобулак, детальное изучение которых не проводилось (Буряков, 1999. С. 269).

Восточнее располагаются древние выработки Касанса, которым посвящена специальная статья Ф.И. Вольфсона. «Поисковыми работами, сопровождавшимися детальным шлиховым опробованием как аллювиальных, так и делювиальных наносов, установлено, что главные месторождения, давшие наибольшее количество россыпей, находятся вблизи р. Касан у устьев его левых притоков Кара-тюбе, Джантыке и Зексай. Отдельные коренные месторождения этого рудного узла разрабатывались древними рудокопами». В оставшихся от древних работ целиках находятся лимониты с пиритом, халькопиритом, кальцитом, гипсом и незначительным количеством шеелита. Имеется сурьмяной блеск и желтолимонные сурьмяные охры, бурый железняк со значительным количеством окислов марганца, золото в железных шляпах. По Уртасаю шла добыча золота, серебра и мышьяка; по Джантыке – золота; по Каттасаю – бурый железняк, в Терекане – мышьяк. Есть большой свинцовый рудник севернее Гурхонаса, на южном склоне горы Карабура (Вольфсон, 1935. С. 129-140).

Большинство, если не все выработки Касанса находятся на территории Киргизстана, как и месторождения Южной Ферганы, где пограничная чересполосица создает большие трудности для исследователей. Полезные ископаемые Южной Ферганы, то есть северных отрогов Алайского и, западнее, Туркестанского хребтов в общих чертах выявлены сотрудниками Таджикско-Памирской экспедиции в начале 30-х годов. Среди полиметаллов, в первую очередь, выделено метасоматическое галенито-марказитовое месторождение, приуроченное к знаменитой пещере Конигут, «...оказавшейся системой огромных древних выработок. Железная шляпа этого месторождения, выраженная неплотными, сильно марганцовистыми бурыми железняками, пройдена местами древними выработками на глубину десятков метров». В верховьях правых притоков рек Ляйляк и Исфара выявлены оловоносные пегматиты (Щербаков, 1934. С. 48). В целом изучено свыше 50 месторождений различных полезных ископаемых: свинцово-серебряные руды, медь, мышьяк, ртуть, сурьма, олово, железо, марганец, графит, корунд, мыльный камень, стеатит, барит, асбест,

берилл, литий, золото (Соседко, 1934. С. 53).

В Исфайраме химический анализ показал следы сурьма и олова, а также кобальта и цинка. Это месторождение разрабатывалось в древности, на что указывает большое количество шлаков. Имеются выработки и на северных склонах Кичикалайского хребта, к северу от р. Кизилсу, и в Туррукском ущелье (Москвин, 1935. С. 67).

В Хайдарканском районе, в правом борту Канса было найдено несколько древних выработок, в которых установлены смитсонит, церуссит, в незначительном количестве галенит. «На поверхности были встречены лимониты, цинковые и свинцовые охры, псиломелан. Ниже по Кансаю – в его русле – попадались куски шлаков с корольками свинца. Анализы отдельных штуфов, взятых в забоях древних выработок, показали содержание цинка в 34 % и свинца – 4 %». Установлено наличие меди у кишлака Кан на правом берегу р. Сох (Поярков, 1937. С. 396-399). В верховьях Соха в мраморах горы Шудман обнаружено месторождение корунда и наждака, которое сопровождается маргаритом, пиритом и графитом. Как и жители Кашгара, местное население добывало наждак для продажи в Каратегине. Все указанные месторождения входят в своеобразный металлогенический «...пояс основных и ультраосновных интрузивных пород, прослеживаемый почти непрерывно вдоль северных подножий Алайского, Туркестанского и Нуратинского хребтов и протягивающийся далее через Кызылкумы к Султануиздагу» (Поярков, 1937. С.407-409).

Кроме того, Хайдаркан известен как крупнейший в Средней Азии рудник ртути, наряду с месторождениями Чаувай и Симоб. Поражает количество и разнообразие найденных здесь каменных орудий, в том числе молотков, изготовленных из диорита, гранодиорита, диабазы, габбро-диабазы, диабазового порфирита, реже из аплита и гранита, роговиково-кварцевой брекчии и наждака (Сургай, 1951. С. 15).

В Исфара-Каравшинском районе шлиховым опробованием установлено наличие касситерита, шеелита, киновари и граната, а в притоках верховьев р. Аксу обнаружено два проявления орудения: мышьяковое по р. Куль и мышьяково-свинцовое по р. Джакурт (Ионин, Деонисьяк, Шафранов, 1936. С. 55-56). В южной части бассейна рек Аксу и Ляйляк выявлена косвенная связь ряда полезных ископаемых (олово, бериллы, мышьяк) с определенными горизонтами (Марковский, 1936. С. 84). Трудно сказать, что разрабатывалось в верховьях р. Аксу в древности; жители селений Аучи, Угук, Басманда рассказывают, что здесь велась добыча то ли железа, то ли меди, то ли свинца, но самих выработок

обнаружено не было (Билалов, 1979. С. 359). Севернее, в 8 км к юго-западу от г. Ура-Тюбе зафиксирован рудник Кургашимкан по добыче серебра и свинца, возле которого имеются шлаковые поля, но наибольшее количество шлаков «... встречено в урочище Рават, на полях сёл: Катран, на р. Ляйляк, в оврагах Риссая и Актанги, у сел. Мадыген», то есть много восточнее, ближе к Исфаре (Соседко, 1934. С. 64).

Поселения рудокопов Рават и Чурбек были обследованы в начале 60-х годов. Выяснилось, что здесь с первых веков н. э. и до XII в. в широких масштабах выплавляли черные металлы на базе местных руд (Заднепровский, 1960. С. 159-166; Баруздин, Брыкина, 1962. С. 89-104, 122-123). Вне всякого сомнения, район Исфары в древности являлся одним из крупнейших источников железа в Средней Азии, что стало особенно ясно после случайной находки в 2 км восточнее Равата девятнадцати однотипных брусков черного металла стандартной формы (Негматов, Мирбабаев, 1986. С. 413-431). При таких масштабах производства железодельательные центры Исфары вполне могли обеспечить сырьем ремесленников городов Ферганской долины и служить базой тигельной металлургии высококачественных сталей. В этой связи уместно напомнить, что в качестве материала для изготовления тиглей Ахсикета рассматриваются огнеупорные глины Наукатского месторождения в 6 км к северу от г. Иски-Наукат Ошской области Киргизстана (Абдуразаков, Безбородов, 1966. С. 158-159).

Наукат на юго-востоке, Гавасай на севере Ферганской долины, а также некоторые рудники Чач-Илака полагаются наиболее вероятными источниками меди для носителей чувской и кайраккумской культур. Некоторые уникальные находки и условия их залегания подтверждают этот тезис. В Наманганской области у медного рудника Супетау обнаружена бронзовая рукоятка кинжала; в Багишском районе Наманганской области около ручья Риджитам в 1895 г. найдена бронзовая кирка (кайло), оба конца ее острые, сечение квадратное (2,5x2,5 см), длина 33 см (Литвинский, 1954. С. 16-17, рис. 5; Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы, 1974. С. 61-62, рис. 29; Минасянц, 1992. С. 11-12).

В Бостанлыкском районе Ташкентской области в пос. Аурахмат в древней штольне на глубине 25 м в 1955 г. найден кварцитовый пест длиной 18,3 см, толщиной 5,4-6,5 см, весом 1423 г; при работах на руднике Аурахмат в 1945 г. на костях рук скелета были обнаружены четыре бронзовых браслета со спиралевидными рожками на концах (Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы, 1974. С. 14, рис. 8, 1). В связи с на-

метившейся в последние годы тенденцией к удревнению культур эпохи бронзы все эти находки, вероятно, следует датировать первой половиной II тыс. до н. э., но никак не рубежом II-I тыс. до н. э.

К той же группе случайных находок относится совершенно уникальное изделие из коллекции Музея истории Узбекистана. Это каменное орнаментированное изображение двух змей, обнаруженное на окраине кишлака Сох Ферганской области в 1893 или 1894 г. на глубине 2 м. Оно вырезано из цельной плитки серпентинита черно-зеленого цвета высотой 27 см, шириной в основании 24 см, толщиной 4,7 см (Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы, 1974. С. 23; Альбаум, 1992. С. 76-78, рис. 6). Как представляется, изделие создавалось под воздействием ближневосточных традиций, и, хотя оно считается амулетом, имело вполне утилитарное назначение – в качестве гири, несмотря на свои высокие художественные достоинства. Аналогичные предметы прекрасно известны в Эламе с древнейших времен (Brentjes, 1971), и, следовательно, обитатели Ферганской долины уже на заре цивилизации участвовали в торгово-обменных связях, явно выходящих за пределы центрально-азиатского региона. Думается, во многом это осуществлялось благодаря развитой горнорудной отрасли, связанной с добычей меди и олова.

Позже на юге Ферганской долины с не меньшим успехом разрабатывались месторождения качественных железных руд в Исфаре, Сохе и Шахимардане. Аналогичные руды, но, может быть, еще более высокого качества добывались в западном продолжении Алайского хребта – Туркестанском.

Западная оконечность Туркестанского хребта состоит из двух отрогов – гор Мальгузар и Чумкартау, которые по современным меркам не отличаются богатством недр (Марковский, 1937. С. 38). А.Ф. Соседко, сопоставляя геологические разрезы Алайского и Туркестанского хребтов, пришел к выводу «... о резком затухании к Уратюбинскому меридиану дизъюнктивных нарушений и погружении палеозойских складок на запад. Вследствие этого обстоятельства, глубинные интрузии или вовсе скрыты, или обнажаются их верхушки. Эти данные объясняют сравнительную бедность исследованного района полезными ископаемыми. Изученные месторождения залегают в палеозое и связаны с палеозойскими рудообразовательными процессами». В частности, представляет интерес участок основных пород (габбро) с титанистым железняком в верховьях р. Зааминсу (Соседко, 1933. С. 175-178). В 1942 г.

на северном склоне Мальгузара открыто Шараксайское месторождение метаморфизированных бокситов, очень значительное по запасам и содержанию корунда (Минерально-сырьевые ресурсы Узбекистана. Часть II, 1976. С. 78-81). Наждак есть в мраморах на северном склоне Чумкартау, в 3 км к югу от сел. Наука Бахмальского района Джизакской области (Соседко, 1935б. С. 336-337).

Металлогеническая специализация Мальгузарского комплекса определяется повышенным содержанием титана, железа, ванадия и золота. В Мальгузарских горах известны интрузивные залежи, характеризующиеся высоким содержанием этих элементов. Вместе с тем, рудоносность пород изучена слабо (Баранов, Кромская, Висьневский, 1978. С. 50). В силурийских кремнистых сланцах Мальгузара содержание ванадия достигает 1 %, молибдена 0,06 %. Эти силурийские осадочно-метаморфические образования в виде полосы прослеживаются от Китая на востоке через Алайский, Туркестанский и Нуратинский хребты до Кызылкумских возвышенностей на северо-западе (Гамалеев, Хамрабаев, 1958. С. 47-54). В последние годы установлено, что геологические разрезы Мальгузара аналогичны южно-ферганским в бассейнах рек Исфара, Сох и Шаймардан (Старшинин, 1995).

Сходство с Южной Ферганой подчеркивается и тем, что Мальгузарский комплекс также характеризуется ртутной минерализацией (Гарьковец, Мушкин, Титова, Арапов, Игнатъева, Голованов, 1979. С. 200). Однако археологическими исследованиями признаки добычи или переработки киновари не зафиксированы. В не меньших, чем в Исфаре, масштабах здесь отрабатывались качественные железные руды на контакте сланцев с известняками. Всего выявлено четыре горно-металлургические группы: Мыкская и Шайбекская в горах Мальгузар; Бахмазарская и Лятабандская в Чумкартау (Сверчков, 1991; Swertschkow, 1993). В Бахмазарской зоне, вероятно, добывали еще и Наукинский наждак, в Шайбекской – Шараксайский корунд и жерновой камень, каменоломни которого имеются в Ташкескансае. Начало разработок железных руд относится к первой половине I тыс. н. э., в середине XII в. они полностью прекратили свое существование. Обнаружение золотой монеты начала XIII в. (1200-1220 гг.) (Давидович, 1956. С. 121) у выработок Мыка следует связывать с бежавшим в горы населением Замина, но не с функционированием Мыкской округи.

Юг Джизакской области очень перспективен в плане археологического исследования. В-первых, объекты железодельного производ-

ства гор Мальгузар и Чумкартау являются эталонными для изучения истории черной металлургии и металлообработки Средней Азии. Единственный их аналог – южноферганские поселения Рават и Чурбек в Киргизстане – более провинциальны и, судя по имеющимся данным, с меньшим размахом производства, хотя, следует повторить, между двумя областями много общего. К слову, точно такой же товарный полуфабрикат черного металла, как 19 брусков из Равата, был найден на полу складского помещения замка Мык в слое, датированном 30-ми годами XI в.

Во-вторых, в силу своего географического положения район являлся своеобразным мостом между древнеземледельческими культурами долины Заравшана и Ферганы. Вполне возможно, что первым звеном в цепи гипотетических памятников между Саразмом и Чустом является обломок карандашевидного нуклеуса, найденный возле кишлака Бешпшагар Зааминского района Джизакской области (Сверчков, 1999. С. 78). К разряду случайных относится и находка в кишлаке Дугоба (Зааминский район) фрагмента бронзового тесла-кельта, вынесенного, скорее всего, рекой Урюкли из неизвестного пока памятника эпохи бронзы.

В-третьих, для организации комплексных исследований в Бахмальском районе есть причины палеогеографического характера: у гидрогеологов имеются веские основания для утверждения о том, что первоначально Санзар стекал в направлении к реке Заравшан (Толстихина, 1928. С. 19).

С сожалением приходится констатировать тот факт, что районы, о которых шла речь, вообще плохо изучены. Известно, что в разные периоды истории они входили в состав Согда и Уструшаны, но даже границы этих государств не обозначены достаточно ясно. Отсюда часто можно видеть определение Уструшаны как горной страны между Самаркандом и Ходжентом, хотя это далеко не так. Восточной окраиной Уструшаны были юго-западные предгорья Ферганской долины по Исфанасаю (по соседству с Исфарой), северо-западные пределы достигали Нуратинского хребта, на юге в период наибольшего расцвета Уструшана распространяла свое влияние на область верхнего Заравшана.

В верховьях р. Заравшан также велась добыча железа: по Магиандарье, в устье р. Нигнот, возле сел. Шинк, где есть выработки на гематит. Обнаружены здесь и древние рудники по добыче серебро-свинцовых руд (Иванова, 1934. С. 202-205). Крупнейшим из них являлся серебряный рудник Кони-Нукра у перевала Нигнот в Кштут-Магианском районе (Исламов, 1977. С. 50-51). Из нерудных полезных ископаемых добывали рас-

сыпное золото, а также купорос, нашатырь и квасцы в местах подземных каменноугольных пожаров на горе Кантаг в Ягнобе, у сел. Такфон (Иванова, 1933. С. 182; Исламов, 1977. С. 15-16, 93-95). Среди находок заслуживает внимания бронзовое кайло, обнаруженное в обрыве сая Йори и хранящееся сейчас в музее г. Самарканда (Литвинский, 1954. С. 28, рис. 19; Негматов, 1957. С. 96). Вообще же, разработка полезных ископаемых в долине Заравшана началась еще в конце IV тысячелетия до н. э., судя по находкам плавильных горнов, тиглей и глиняных литейных форм на поселении Саразм (Бубнова, 2002. С. 107). Несколько позже, во II тыс. до н. э. племена так называемого «степного круга» успешно осваивали руды уникального Мушистонского месторождения меди и олова (Alimov, etc., 1998. С. 137-199).

Большинство исследованных месторождений и археологических объектов приурочено к Заравшанскому хребту и расположенному южнее Гиссарскому. По Гиссарскому хребту – водоразделу бассейнов рек Заравшан и Амударья – древние выработки сосредоточены на южном склоне, поскольку он более пологий и доступный. Здесь добыча руд, в основном железных, велась вплоть до начала XX в. (Полякова, 1933).

В таджикостанской части Гиссарского хребта В.П. Новиков выделяет два очага горного дела и металлургии: Ширкент-Каратагский в верховьях одноименных рек и Варзоб-Семиганчский в среднем течении р. Варзоб и верховьях притоков р. Кафирниган. В первом из них присутствуют многочисленные следы развитого железодельного производства, прежде всего, в бассейне р. Харкуш. Помимо железа, найдено около тридцати выработок на медь, олово и свинец, из которых особенно заслуживает внимания штольня по добыче медно-оловянных руд (длина 40 м) на левом берегу р. Сандадарья. «Эксплуатации подвергались убогие по содержанию меди и олова руды из грейзенизированных гранитов» (Новиков, Радилловский, 1990. С. 86-87, рис. 8). Добытая руда перерабатывалась на месте; в частности, на поселении Харкуш в слоях V-VII вв. найден бронзовый слиток весом около 1,5 кг. Химический анализ его показал наличие 82,5% меди, 13,5% свинца, а по данным спектрального анализа – более 1% олова, более 1% железа и 0,3-0,6% никеля (Новиков, 1991. С. 83). По мнению авторов, местные медно-оловянные руды могли использоваться обитателями Гиссара уже в эпоху бронзы; в качестве примера упоминается могильник Тандырйул в устье р. Каратаг (Новиков, Радилловский, 1990. С. 63-64).

В Варзоб-Семиганчском очаге тоже произво-

дилось железо, причем употреблялись совершенно иные источники железорудного сырья, чем в Ширкент-Каратаге. Не менее высоким был объем добычи и переработки свинцовых руд, особенно в бассейне р. Такоб, где производство металла функционировало до наших дней (Новиков, Радилловский, 1990. С. 91-96).

К востоку и юго-востоку от Гиссарского хребта – территория Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, горнорудные объекты и поселения которой скрупулезно исследовала М.А. Бубнова (Бубнова, 1991; 1993).

Не менее тщательно изучены юго-западные отроги Гиссарского хребта, где в 60-е годы полевые работы проводились С.В. Лопатиным, В.И. Киреевым и Е.Б. Пругером в составе партии «Ревизия и изучение древних горных выработок на территории Узбекистана» Министерства геологии (Пругер, 1977). Здесь Е.Б. Пругер определил четыре горнопромышленных района концентрации древних рудников и металлургических пунктов: Аксуйский и Яккабагский, Байсунский и Кугитангский. Обособленно расположены разработки мергелистого известняка Ходжа-Гульсар к востоку от г. Термез, функционировавшие с первых веков н. э.

Аксуйский район охватывает бассейн р. Аксу с преимущественной добычей железа в V-X вв., киновари в IX-XII вв. (Ширдаг, Сангардак, Водопадное), сурьмы и строительных материалов (гипс и мергелистый известняк). Яккабагский включает бассейны рек Кызылдарья и Каттаурдарья, связан с добычей свинца и, может быть, серебра. Оруденение представлено галенитом, сфалеритом, пиритом и халькопиритом. Кроме того, велась разработка железных руд и каменной соли (Пругер, 1986. С. 3-16). В Байсунском районе основным добывавшимся сырьем было железо, возможно также соль и сера. В 25 км к северо-западу от г. Денау у кишлака Вахшувар зафиксированы шлаковые поля протяженностью два километра. «Следы металлургического производства с обломками керамики X-XI вв. обнаружены в гроте Обангор и в других местах Байсунтау» (Пругер, 1980. С. 31-32).

Соль добывалась в Кашкадарьинской области в отложениях верхнеюрского периода на месторождениях Чохаккан и Байбичекан, в верховьях Шурсая – левого притока Каттаурдарьи. Разрабатывались залежи соли белого, красного, розового и серого цветов, среднее содержание 94,566 % без примеси вредного мягкого калия. Генетически с ними связано кугитангтауское месторождение Ходжайкан у кишлака Пашхурд /Башхурд/ в Шерабадском районе Сурхандарьинской области, где, по мнению Е.Б. Пругера, добыча соли

могла вестись уже в первые века н.э. Вероятно, из розовой соли этого месторождения изготовлена фигурка верблюда из раннесредневекового замка Балалыктепа (Пругер, 1986. С. 9-15; Пругер, Дресвянская, 1989).

Горы Кугитангтау являются наиболее удалёнными на юго-запад отрогами Гиссарского хребта, уже на границе с Туркменистаном. Здесь в 1935 г. было обнаружено два месторождения, вскрытых древними рудокопами: Чуянкан и Тиллокан.

Месторождение Тиллокан представляет собой ряд пещерообразных ям. Бралась руды, в состав которых входят следующие минералы: магнетит, гематит, лимонит, пирит, сфалерит, халькопирит, галенит, медная синь и медная зелень. Анализ рудных штуфов показал содержание свинца 7,83-8,46 %, железа 1,48-6,45 %, меди 0,30-1,06 %, цинка 0,21-14,15 %.

Выработки месторождения Чуянкан представляют собой большой карьер с отходящими от него подземными ходами. Кроме того, к северо-западу есть ряд небольших подземных выработок. Минералогия рудного поля Чуянкан значительно беднее Тиллокана: гематит, магнетит, пирит, халькопирит(?), лимонит, гидрогематит, мартит(?).

В результате для района выработок Тиллокан и Чуянкан установлено две эпохи рудообразования: эпоха мезозойской металлогении и связанные с ней месторождения свинца, меди и железа; эпоха палеозойской металлогении с месторождениями железа. Месторождения по составу руд и генезису являются однородными частями обширного поля, прикрытого мезозоем. Может быть, под мезозоем рудные поля Чуянкана и Тиллокана соединены (Ионин, Шафранов, 1937. С. 506-524).

Восточнее Чуянкана обнаружен металлургический пункт, где собраны куски медной руды, медистых шлаков и фрагменты керамики IX-XI вв. «Особое внимание исследователей Чуянкана привлекает вопрос о том, какое полезное ископаемое здесь добывалось. По мнению одних, отрабатывались железные руды, наблюдениями последних лет установлена приуроченность выработок к оловоносной скарново-рудной магнетитовой залежи со средним содержанием олова 0,32%. Вряд ли добывалась железная руда, учитывая ее низкое качество в общей массе и хорошее только в отдельных гнездах, при наличии в районе большого количества легко доступного сидерита. Следов металлургической переработки оловянной руды вблизи рудника не обнаружено» (Пругер, 1980. С. 27-28).

В 2 км к северу от Чуянкана, возле Тиллокана есть еще два рудника – Заккан и Кургашикан. Время функционирования их неизвестно, как не-

ясен и вид добывавшегося здесь полезного ископаемого (Пругер, 1980. С. 28). В целом, Е.Б. Пругер скептически относился к возможности добычи олова в Кугитангтау, однако приведенные данные никак не прозвучали в материалах Южно-Гиссарского отряда, который занимался изучением выработок Тиллокана и Чуянкана в 1990 г. В результате работ последнего была вновь подтверждена добыча железа и свинца в Тиллокане, но относительно Чуянкана говорится о добыче олова, а также свинца, цинка и, возможно, железа. Олово имеет сульфидную минерализацию, содержание его 0,1-0,3%, реже 0,4-0,6%. Юго-западнее месторождений Тиллокан и Чуянкан обнаружено рудопроявление Янгикан, где тоже добывали «полиметаллы», олово и, может быть, железо. Содержание олова колеблется от 0,1-0,3% до 0,54-2,75%. Археологических материалов не выявлено (Буряков, Рузанов, 1991. С. 53-54; Рузанов, Буряков, 1997. С. 176-178).

Не вполне убедительно выглядит утверждение о добыче в Кугитангтау олова, как, впрочем, и предположение о начале эксплуатации рудников в эпоху бронзы. Мало того, что здесь не было обнаружено уже хорошо нам известных каменных молотов, но и последние поступления керамики из выработок (благодаря геологу А. Колдаеву) не позволяют датировать их ранее первых веков н. э.

На северо-западных склонах гор Кугитанг в Туркменистане зафиксирована добыча железа в ущелье Вандоб, свинца и цинка у г. Свинцовый Рудник, серы, соли, барита и целестина в Гаурдаке, но об олове ничего не сказано (Худайназаров, Ротко, 1991. С. 35).

Месторождения касситерита совершенно определено имеются севернее, по Заравшанскому хребту: Мушистон и Такфон в верховьях р. Заравшан; в горах Каратепа (Кара-тюбе) южнее Самарканда; в Зиаддин-Зирабулакских горах к западу от г. Самарканда. «В горах Кара-тюбе (к югу от Самарканда), в долине р. Терсак (приток Катта-дарьи) найдено коренное месторождение оловянного камня в кварцево-турмалиновой жиле, напоминающей жилы, встречающиеся в грейзенах» (Горбунов, 1934. С. 18-19). Информация о древних выработках в горах Каратепа пока отсутствует, хотя хорошо известны памятники эпохи бронзы юга Самаркандской области.

Места, где в древности осуществлялась добыча олова, были обнаружены в Зиаддин-Зирабулакских горах, являющихся естественным угасающим продолжением Заравшанского хребта (Литвинский, 1950). В 1997-1999 гг. Германско-Узбекская экспедиция исследовала здесь три рудопроявления, активно разрабатывавшиеся во II тыс.

до н. э. – первой половине I тыс. до н. э.: Карнаб, Чангали и Лапас (Alimov, etc., 1998. С. 137-199; Alimov, etc., 1999. С. 80-87; Рузанов, 2000. С. 54-57). Всего на Карнабском месторождении выделяется двадцать групп древних выработок, в трех из которых были проведены раскопки. В группах № 3 и № 6 обнаружено большое количество каменных молотов определенного типа (Alimov, etc., 1999. С. 84, рис. 4). Радиоуглеродный анализ одного образца из среднего слоя выработки 2 в группе № 3 показал дату 800 г. до н.э. (СА ВС 905-775,20) (Alimov, etc., 1999. С. 86), но в ходе дальнейших исследований был получен и более ранний керамический материал, относящийся ко II тыс. до н.э. (Рузанов, 2000. С. 56, рис. 1).

В группе № 6, кроме керамики II – начала I тыс. до н.э. и каменных молотков самых разнообразных форм (в том числе топоровидных), было найдено множество орудий из рогов животных. Появление подобного типа роговых кирок в Хакасско-Минусинской котловине относится к афанасьевскому времени (III тыс. до н.э.) (Сунчугашев, 1975. С. 70-71, рис. 2, 4, 50). Относительно Средней Азии известна кирка из рога марала в Таласском Алатау (Литвинский, 1954. С. 24-25, рис. 15), а также устные сообщения геологов о находках роговых орудий в древних выработках на юге Ферганской долины.

Группа № 5 выделяется среди прочих как небрежными методами ведения горных работ, что, вероятно, послужило причиной обвала и гибели двух рудокопов, так и совершенно своеобразным типом каменных молотов. В керамическом материале преобладают крупные формы, в том числе фрагменты цилиндрико-конического горшка с манжетовидным венчиком, характерным для VI-IV вв. до н.э.

Таким образом, по результатам работ предполагается синхронность функционирования выработок групп № 3 и № 6 во II – начале I тыс. до н.э.; период эксплуатации рудников группы № 5 относится ко времени существования Ахеменидской империи. Одним из важнейших достижений Карнабской экспедиции является то, что теперь на примере эталонных рудников эпохи бронзы Зиaddin-Зирабулака позволительно говорить о применении каменных молотов только на ранних этапах развития общества. К тому же, раскопки другого эталонного объекта – средневекового Мыка – показали отсутствие подобных орудий, хотя есть каменные рудодробильные плиты, терочки и т.п. (Swertschkow, 1993. С. 126, рис. б). Каменные орудия с городища Афрасиаб, даже наиболее ранние из них (VI-IV вв. до н.э.), также не обнаруживают сходства с молотками, которые были найдены в Карнабе (Алмазова, 2002. С. 65-

71). Похоже, первоначальное предположение О.И. Исламова и Л.М. Рутковской подтвердилось на практике, более того, благодаря массовым находкам каменных молотов из раскопок рудников эпохи бронзы впервые появилась возможность создания типологического ряда этого вида орудий.

Следует заметить, что археологическое исследование округа Карнаба, Чангали, Лапаса (а также Мушистона в Таджикистане) показало, насколько ложным может оказаться принцип датирования древних выработок по материалам расположенных рядом городищ, поселений и тепа. Как выяснилось, хронологический разрыв между периодом эксплуатации рудников и периодом видимого обживания округа иногда составляет более тысячи лет, так как реально существовавшие, синхронные выработкам поселения попросту исчезли.

Похоже на то, что рудники Зиaddin-Зирабулака являлись окраиной крупной горно-металлургической провинции эпохи бронзы, охватывавшей рассеянные рудопроявления бесчисленного множества всевозможных «тау» Южных Кызылкумов. Среди них, в первую очередь, необходимо выделить Нуратау – северо-западное продолжение Туркестанского хребта, плавно уходящее в пустынную зону.

Геологическое изучение Нуратинских гор было начато в 30-е годы и тогда же выявлены древние выработки на целый ряд полезных ископаемых: золото, свинцовый блеск, арсенопирит, бурый железняк, медные руды, мрамор, абразивы (гранат, корунд), тальк, кровельные сланцы (Смолянинов, Баскин, 1935. С. 89-102).

С 1961 по 1975 г. партия «Древние выработки» обследовала объекты древнего горного промысла Нуратау: рудники золота, меди, свинца, железа, месторождения мрамора, бирюзы, талька и серпентинита (Пругер, Дресвянская, 1978. С. 212-219). На руднике золота Алтынказган были найдены три вида каменных молотков весом 1,5-1,6 кг, 0,8-1,1 кг и 0,7-1,5 кг, сделанных из сильно метаморфизированного алевритистого песчаника (Пругер, Максудов, 1977. С. 538). Три фрагмента гранитных молотков обнаружены в руднике Бибикон в устье Сентабасая, где разрабатывались тальк и серпентинит темно-зеленого цвета. Объясняя отсутствие в отвалах заготовок посуды и обычных изделий, что обычно для подобного вида месторождений, Е.Б. Пругер предполагает использование их для выделки литейных форм, ссылаясь на материалы низовьев р. Днепр конца II тыс. до н. э. (Пругер, 1975. С. 228-231).

В 1991 г. появляется упоминание об обнаружении в одиннадцати пунктах Нуратинских гор

оловорудного проявления, т.е. надо полагать, что наличие олова установлено пока только минералогически (Рузанов, 1991. С. 46).

Несколько позже северные предгорья Нурагинских гор (Южные Кызылкумы) отмечены в качестве источника кремня для высекания огня: дымчатого (халцедон) и яшмовидного (Гречкина, Мирзаахмедов, 1998. С. 151-152).

Наконец, к 2000 г. относится сообщение о средневековых выработках в Нуратау. Вновь подчеркнута значимость золотодобычи, засвидетельствован факт разработок серебра, меди и свинца. В Сентабе найдены фрагменты плетеных корзин для подачи руды и обломки каменных молотков (Буряков, Журавлев, 2000. С. 57-61; Буряков, 2001. С. 55-57).

В целом состояние изученности древних выработок гор Нуратау следует признать крайне неудовлетворительным. Археологические материалы из рудников носят случайный характер и часто перемешаны. В качестве основы геолого-археологического исследования используется замечательная, но во многом устаревшая «Карта размещения древних выработок на территории Узбекистана» выпуска 1964 г. (Лопатин, Пругер, Ермилов, 1964).

Большинство древних рудников находится в северной части Нурагинских гор, обращенной к Кызылкумам, и досадно, что располагавшиеся рядом с выработками памятники эпохи бронзы оказались в зоне затопления Арнасайского водохранилища (озеро Айдаркуль). Следы этих стоянок были выявлены в 1951 г. в 50 км к северу от г. Джизак: «На развееванных стоянках обнаружена керамика темно-серого цвета с ёлочным и сетчатым орнаментом. Кроме того, во многих местах были обнаружены развееванные стоянки с кремневыми орудиями эпохи неолита и фрагменты керамики эпохи бронзы» (Анбоев, 1963. С. 55).

Та же ситуация наблюдается и во Внутренних Кызылкумах, где культурный слой большинства стоянок разрушен, поскольку обычно они расположены на дне и склонах дефляционных котловин. Это относится и к многочисленным пунктам по берегам соленых Лявляканских озер, где отмечены следы плавки металла: шлаки, куски медной руды и бирюзы. В 1963 г. специальная экспедиция Министерства геологии обследовала несколько таких мест, в том числе более 30 древних выработок, в которых добывались железные и медные руды, бирюза, графит, кремень и др. Наиболее древние из них отнесены к эпохе неолита и бронзы; выделяются мастерские по изготовлению украшений из бирюзы, при обработке которой применялись кремневые, так называемые «плечиковые» микросверла (Виноградов,

Мамедов, 1969. С. 38-45).

В 1954-1955 гг. проводились раскопки крупного могильника эпохи бронзы – Кокча 3, состоящего более чем из 100 погребений, включавших большое количество бронзовых орудий и украшений. В связи с этим М.А. Итина приводит обширную библиографию о добыче руд в Кызылкумских горах. Цитируя А.Ф. Соседко, автор перечисляет месторождения медных руд в Султануиздаге, в горах Алтынтау, Тамдытау и в южной части Букантау, где обнаружены древние пещерообразные и щелеобразные выработки на медь, возле которых были найдены остатки стоянок с кремневым инвентарем. На протяжении 35-40 км к юго-востоку от Кыр-Букана тянется полоса с небольшими выработками и следами плавки меди, перекрытыми местами сыпучим песком. В упомянутом выше Алтынтау, в северо-западной его части, имеются проявления касситерита в пегматитовых жилах (Заплеталов, 1935. С. 181-196). В итоге М.А. Итина приходит к выводу о местном производстве бронзовых предметов из могильника Кокча 3. «Подтверждением наличия в Хорезме собственной древней металлургии меди и бронзы служат несколько более поздние находки (IX в. до н.э.) на поселении амирабадской культуры Якке-Парсан 2, где были обнаружены литейные формы для отливки серпов и наконечников стрел и изготовленные в них предметы» (Итина, 1961. С. 83-86).

В 1971 г. Кызылкумский отряд Хорезмской экспедиции проводил работы в горах Букантау, в южной части Бешбулакской впадины, где обнаружен ряд стоянок VI-V – II тыс. до н.э. К эпохе энеолита или ранней бронзы отнесены мастерские по изготовлению украшений из бирюзы; более поздним, андроновско-тазабагыбским временем датируются многочисленные остатки медеплавильного и меднолитейного производств (печи, литейные формы, шлаки, руда) (Виноградов, Мамедов, Оленич, Чалая, 1972. С. 508-509).

В 1975 г. Комплексная геолого-геофизическая поисковая экспедиция объединения «Ташкент-геология» исследовала горы Ауминзатау и прилегающий к ним с севера район. На древнем руднике, названном Ауминзатау, имеются выработки в виде шурфов и щелей шириной 0,4-1,5 м и глубиной до 10 м. Отрабатывались богатые окисленные медные руды с высоким содержанием касситерита в отдельных мелких зонах кварца на контакте с доломитизированными известняками. Возле одной из выработок найдены два каменных молота из среднезернистого порфирита (2 кг) и известняка (2,5 кг). На площади месторождения обнаружены стоянки с грубой лепной керамикой и микролитическим кремневым инвентарем

рем. Кроме того, Е.Б. Пругер «... зарегистрировал многочисленные металлургические стоянки, сосредоточенные в полосе, окаймляющей с севера горы Ауминзатау, Тамдытау, Сангрунтау и Дарбазатау, специализировавшиеся на выплавке меди и, возможно, бронзы. Наиболее крупные расположены близ колодца Басойганек на участке шириной 4-5 км, протянувшегося к северо-востоку на 10-15 км. Здесь в песчаных котловинах зафиксированы высыпки шлаков площадью 50-200 кв.м с потерянными в процессе подготовки плавки кусками медной руды и обломками футеровки печей. Среди находок – фрагмент ошлакованного тигля, несколько микролитических ножевидных пластин и отщепов, лепная орнаментированная керамика поздней бронзы. Пробирным и химическим анализами в руде и шлаках установлены наряду с медью повышенные содержания серебра, а также олово и следа золота» (Пругер, 1975. С. 533-534; Пругер, 1978).

В то же время Е.Б. Пругер выявил в горах Султануиздаг шесть древних рудников по добыче талькового камня, в отвалах которых, в отличие от месторождений Нуратау, попадают заготовки котлов, но отсутствуют обломки каменных молотков. Время эксплуатации автор пока ограничивает IX-XIV вв., однако предполагает, что именно из месторождений Султануиздага поступал камень «ахшайна» для строительства дворца Дария I в Сузах (Пругер, 1975. С. 223-228).

О связях ахеменидского Ирана и Хорезма пишет Г.А. Пугаченкова на примере находки в Султануиздаге мраморных фрагментов стволы колонн и капители в виде двух обращенных в разные стороны фигур животных с бородами человеческими лицами и с закрученными рогами – «человеко-овнов» (V-IV вв. до н.э.) (Пугаченкова, Ремпель, 1982. С. 39, 42).

Параллельно археологическим и геологическим изысканиям велись активные работы по определению типов палеоклиматической и палеоэкологической обстановки Кызылкумов в эпоху голоцена. Во внутренних районах среднеазиатских пустынь археологи отмечают факт устойчивого и достаточно долговременного проживания в раннем-среднем голоцене, хотя от многих стоянок сохранилось не более 2/3 объема, а иногда 1/3 и даже 1/4 (Бижанов, 1982. С. 35). Лишь в конце III-II тыс. до н.э. происходит сокращение населения, обусловленное появлением неблагоприятного климата современного типа. Однако существует и другая точка зрения: «Сторонники общей стабильности климата, по существу не отрицая возможности некоторого увлажнения в раннем-среднем голоцене, считают однако, что оно было несущественным и не отразилось ни на

характере ландшафтов, ни на деятельности человека» (Бижанов, 1982. С. 36-37).

В противовес вышеозначенной точке зрения Э.Д. Мамедов обоснованно утверждает, что для территории Кызылкумов в раннем-среднем голоцене были характерны иные ландшафтно-климатические условия, сходные с условиями степной зоны. Автор при картировании археологических памятников обратил внимание на довольно существенные несоответствия в расположении их относительно источников питьевых вод. «Несоответствие первого рода заключается в отсутствии памятников материальной культуры около ряда функционирующих источников и колодцев с хорошей питьевой водой. ... В археологическом отношении, однако, гораздо интереснее несоответствие второго рода, а именно то, что положение целого ряда обнаруженных в бессточных районах Кызылкумов памятников материальной культуры не соответствует современному положению водопунктов, а иные приурочены к источникам с горько-соленой водой» (Мамедов, 1968. С. 11). Несоответствия эти ни в коей мере не связаны только с миграцией речных русел, отмечается, в первую очередь, значительное сокращение стока: сток р. Заравшан уменьшился по сравнению с неолитическим временем в три раза.

В результате комплексного анализа всех видов данных Э.Д. Мамедов характеризует климатические условия пустынь Средней Азии в плювиальный период, соответствующий древнему-среднему голоцену (12-4 тыс. лет назад), как условия современной степной зоны. В целом «...хронология палеоэкологических смен представляется в настоящее время следующей: первая треть или половина раннего плейстоцена – благоприятные для расселения человека плювиальные ландшафтно-климатические условия. Такие же условия существовали в первой половине среднего плейстоцена, в середине позднего плейстоцена и в течение древнего-среднего голоцена. В остальное время, т.е. во второй половине – начале позднего плейстоцена, в последней трети позднего плейстоцена и в позднеголоценовое время существовала весьма неблагоприятная для человека пустынная палеоэкологическая обстановка» (Мамедов, 1981. С. 85-86).

Все вышеизложенное приводилось для того, чтобы уяснить простую истину: исследование объектов горного дела и металлургии в Кызылкумах, как, впрочем, любая попытка научного осмысления исторических процессов, имевших здесь место, заведомо обречены на неудачу без учета данных палеогеографии.

Приаралье – это не только геологическая зона сочленения уралид и тяньшанид, но и область

взаимодействия срубных, андроновских и приуральских групп населения, экономической основой жизни которого, по М.А. Итиной, были среднеазиатские месторождения олова и меди. Приход тазабагтябцев во Внутренние Кызылкумы мог быть обусловлен необходимостью в сырье, прежде всего, в олове, но «... прояснить этот вопрос могут специальные исследования на кызылкумских древних выработках, подобные тем, которые Е.Н. Черных провел в Еленовско-Ушкаттинском районе на Южном Урале» (Итина, 1977. С. 136-137).

Судя по всему, время движения племен во Внутренние Кызылкумы должно приходиться на конец так называемого плювиального периода среднего голоцена, что не совсем стыкуется с имеющейся хронологией тазабагтябской культуры. Помочь в разрешении этого и многих других вопросов способны только системные комплексные археолого-геолого-палеогеографические исследования с применением новейших методов естественных наук. Многие области Средней Азии грешат отсутствием полноценных знаний о видах, уровне и времени добычи полезных иско-

паемых, но ни одна из них не может в этом сравниться с Внутренними Кызылкумами – лидером в группе «белых пятен».

В заключение хочется сказать, что наиболее значительный вклад в изучение горнорудного промысла на территории Узбекистана внесли сотрудники партии «Древние выработки», чей самоотверженный труд трудно переоценить. В своих полевых исследованиях они были прикованы к современным геологическим базовым объектам и темам и зачастую им приходилось осуществлять не более чем археологический надзор в ходе ёмких механизированных работ. В этих условиях обычно происходит многократное переотложение археологических материалов разных эпох, и тогда основанием для датировок служат предметы, обычно относящиеся к последнему периоду функционирования рудника. Тем не менее, сотрудники «Древних выработок» сделали главное: им удалось обнаружить, наверное, почти все объекты древнего горного промысла, история которого в Средней Азии насчитывает не одно тысячелетие.

Использованная литература:

- Абдуразаков А.А., Безбородов М.А. Средневековые стекла Средней Азии (опыт химической характеристики). Ташкент, 1966.
- Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрен // ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966.
- Алмазова Н.И. Каменные орудия с городища Афрасиаб, занятые в производстве металлических изделий // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2002.
- Альбаум Л.И. Некоторые культовые предметы в экспозиции Музея истории народов Узбекистана (эпоха камня и бронзы) // Времен связующая нить. Ташкент, 1992.
- Анбоев И.А. Древности Голодной степи // ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
- Андреев А. Каталог полезных ископаемых Русского Туркестана. Ташкент, 1912.
- Баранов В.В., Кромская К.М., Висьневский Я.С. Габброидные комплексы западной части Южного Тянь-Шаня и их минералогия. Ташкент, 1978.
- Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (юго-западная Киргизия). Фрунзе, 1962.
- Бижанов Е.Б. Мезолитические и неолитические памятники северо-западного Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1. Ташкент, 1982.
- Билалов А.И. О работе Горного археолого-топографического отряда СТАКЭ в 1974 г. // АРТ. Вып. XIV. Душанбе, 1979.
- Богданович К.И. Геологические исследования в Восточном Туркестане // Труды Тибетской экспедиции 1889-1890 г. Санкт-Петербург, 1892.
- Бороффка Н., Бубнова М., Вайсгербер Г., Луц Й., Парцингер Г., Перницка Е., Старшинин Д., Циерны Я., Якубов Ю. Исследования в районе древних разработок олова в Северном Таджикистане (Мушистон и Такфон) // АРТ. Вып. XXVII. Душанбе, 2000.
- Бровендер Ю.М. (Ed.), Проблеми гірничної археології (Доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару), с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської області, 21-25 липня 2003 р. (Алчевск 2003), 7-20.
- Бубнова М.А. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX-XII вв. // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
- Бубнова М.А. Кадастр древних рудников Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Душанбе, 1991.
- Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира. Душанбе, 1993.
- Бубнова М.А. Разработка полезных ископаемых в долине Зеравшана (древность и средневековье) // Тезисы докладов международного симпозиума «Роль Истаравшана (Ура-Тюбе) в истории цивилизации народов Центральной Азии» (6 сентября 2002 г.). Душанбе, 2002.

- Буряков Ю.Ф. Древний серебряный рудник Актепа // Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965.
- Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака (V - начало XIII в.). Ташкент, 1974.
- Буряков Ю.Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975.
- Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Буряков Ю.Ф. Из истории горного дела и металлургии Илака // Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии (тезисы докладов семинара; 21-24 октября 1991 г.). Душанбе, 1991.
- Буряков Ю.Ф. Добыча золота и серебра в Средней Азии в средневековье // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.
- Буряков Ю.Ф. Изучение средневековых рудников Согда // Археологические исследования в Узбекистане 2000 г. Самарканд, 2001.
- Буряков Ю.Ф., Бакиев Р.А., Дудаков С.А. Новые данные к истории горного дела и металлургии Северной Ферганы // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
- Буряков Ю.Ф., Рузанов В.Д. Объекты древнего горного промысла в горах Кугитангтау // Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии (тезисы докладов семинара; 21-24 октября 1991 г.). Душанбе, 1991.
- Буряков Ю.Ф., Журавлев Л.К. Извлечение благородных металлов в средневековом Согде // Материалы научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Б. Д. Кочнева. Самарканд, 2000.
- Вебер В.Н. Полезные ископаемые Туркестана. Санкт-Петербург, 1913.
- Вебер В.Н. Древняя и современная рудопромышленность Туркестана // Поверхность и недра. № 4 (13). Петроград, 1917.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Комплексные археолого-географические исследования во Внутренних Кызылкумах // ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., Оленич С.А., Чалая Л.А. Археолого-географические исследования в Центральных Кызылкумах // Археологические открытия 1971 г. М., 1972.
- Вольфсон Ф.И. Древние выработки Касана // Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г. М.-Л., 1935.
- Вольфсон Ф.И. Металлогения средней части бассейна реки Чу // Таджикско-Памирская экспедиция 1935 г. М.-Л., 1937.
- Гамалеев И.Е., Хамрабаев И.Х. Ванадий и молибден в силурийских отложениях гор Мальгузар, Нуратау и Тамды // Узбекский геологический журнал. 1958. № 2.
- Гарьковец В.Г., Мушкин И.В., Титова А.П., Арапов В.А., Игнатьева Л.П., Голованов И.М. Основные черты металлогении Узбекистана. Ташкент, 1979.
- Горбунов Н.П. Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г. М.-Л., 1934.
- Горбунов Н.П. Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г. М.-Л., 1935.
- Гречкина Т.Ю., Мирзаахмедов Д.К. К вопросу об отдельных находках каменных изделий эпохи средневековья в Бухарском оазисе // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998.
- Давидович Е.А. Новые монетные находки из средневековых выработок Узбекистана // АРТ 1954 г. Сталинабад, 1956.
- Древности Чарвака. Ташкент, 1976.
- Дудаков С.А. История горного дела средневековой Ферганы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1996.
- Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тысячелетия до н.э. - середина I тысячелетия н.э. Фрунзе, 1960.
- Заплеталов Н.М. Пегматиты Алтын-тау в Кызыл-Кумах // Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г. М.-Л., 1935.
- Иванов П.П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк. М.-Л., 1932.
- Иванова Т.Н. Пересечение Гиссарского хребта // Таджикская комплексная экспедиция 1932 г. Л., 1933.
- Иванова Т.Н. Работы Пенджикентского поисково-геохимического отряда (отряд № 7) // Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г. М.-Л., 1934.
- Ионин Н.В., Шафранов С.А. Тиллокан и Чуянкан – месторождения железа и полиметаллов // Таджикско-Памирская экспедиция 1935 г. М.-Л., 1937.
- Ионин Н.В., Деонисьяк И.А., Шафранов С.А. Материалы по геологии и петрографии верховьев Ак-су // Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г. Вып. LI. М.-Л., 1936.
- Искандеров Э., Хамрабаев И.Х. Древние шлаки и значение их изучения // Узбекский геологический журнал. 1961. № 6.
- Исламов О.И. Из истории геологических знаний в Средней Азии. Ташкент, 1977.
- Исламов О.И., Рутковская Л.М. Геолого-археологическая характеристика древнего рудника Кан-и-Мансур // Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. CXI. Ташкент, 1957.
- Итина М.А. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча 3 // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 5. М., 1961.
- Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н. э.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 10. М., 1977.
- Касымов М.Р. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972.

- Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы. Составитель В.И. Спришевский. Ташкент, 1974.
- Крейтер В.М., Смирнов В.И. Полиметаллические месторождения северного склона Таласского Алатау // Таджикиско-Памирская экспедиция 1935 г. М.-Л., 1937.
- Леонов Г.Б. Отчет по исследованию соляных источников и коренных месторождений соли в Амударьинском отделе и в Ферганской области // Горный журнал. Т. 3. № 8. Санкт-Петербург, 1897.
- Литвинский Б.А. К истории добычи олова в Узбекистане // Труды Среднеазиатского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 11. Ташкент, 1950.
- Литвинский Б.А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954.
- Литвинский Б.А. Предварительный отчет о работе в Кара-Мазарских горах по сбору материалов для составления археологической карты в 1954 г. // АРТ в 1954 г. Сталинабад, 1956.
- Лопатин С.В., Пругер Е.Б., Ермилов А.Г. Карта размещения древних выработок на территории Узбекистана масштаба 1:1 000 000. Том 3. Ташкент, 1964.
- Лордкипанидзе Л.Н. История геологического изучения Узбекистана в системе цивилизаций Азии (древние века – первая половина XIX в.). Ташкент, 2001.
- Маджи О.П., Буряков Ю.Ф. Из истории добычи золота в Ташкентском оазисе (древний золотой рудник Кызылалма // ИМКУ. Вып. 11. Ташкент, 1974.
- Мамедов Э. Опыт географического анализа древнего расселения человека в бессточных районах пустынь // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора С.П. Толстова. М., 1968.
- Мамедов Э. Палеоэкология человека каменного века в пустынях Средней Азии // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Марковский А.П. Геология южной части бассейна рек Ляйляк и Ак-Су // Труды Таджикиско-Памирской экспедиции 1934 г. Вып. LIII. Л., 1936.
- Марковский А.П. Западная часть Туркестанского хребта // Геология Узбекской ССР. Т. II. М.-Л., 1937.
- Масальский В.И. Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIX. Санкт-Петербург, 1913.
- Массон М.Е. Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. Горные инструменты // Бюллетень среднеазиатского районного геолого-разведочного управления. № 2. Ташкент, 1930а.
- Массон М.Е. К истории добычи ртути в Средней Азии // Народное хозяйство Средней Азии. № 5. Ташкент, 1930б.
- Массон М.Е. Из истории горной промышленности Таджикистана // Материалы Таджикиско-Памирской экспедиции 1933 г. Вып. XX. Л., 1934.
- Массон М.Е. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1947.
- Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953а.
- Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953б.
- Минасянц В.С. К истории комплектования археологического фонда Музея истории народов Узбекистана (1876-1917 гг.) // Времен связующая нить (по материалам музейных фондов). Ташкент, 1992.
- Минерально-сырьевые ресурсы Узбекистана. Часть I и II. Ташкент, 1976-1977.
- Михайлов А.П. Запасы каменной соли в Самгаре и Бердымкульском ущелье // Горный журнал. Т. 3. № 7. Санкт-Петербург, 1895а.
- Михайлов А.П. Заметки о горном промысле в Туркестане и некоторых Бухарских бекствах // Горный журнал. Т. 3. № 7. Санкт-Петербург, 1895б.
- Москвин А.В. Рудные процессы Алая // Таджикиско-Памирская экспедиция 1934 г. М.-Л., 1935.
- Мушкетов И.В. О месторождении золота и других полезных ископаемых в Туркестанском крае. Ташкент, 1877.
- Мушкетов И.В. Туркестан. Т. I-II. Санкт-Петербург, 1886/1906.
- Мушкетов Д.И. Геологический очерк Туркестана. Л., 1928а.
- Мушкетов Д.И. Путеводитель экскурсии в северные предгорья Туркестанского хребта. Л., 1928б.
- Мышенков Д.К. Карта Туркестанского края с показанием месторождений полезных ископаемых. Санкт-Петербург, 1890.
- Наследов Б.Н. Металлопромышленные ресурсы Средней Азии. Ташкент, 1931.
- Наследов Б.Н., Попов В.И. Контуры металлогении и металло-рудных возможностей Средней Азии. Ташкент, 1932.
- Негматов Н.Н. Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957.
- Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К. Находки скульптурных головок и других изделий из Исфаринской долины // АРТ 1979 г. Вып. XIX. Душанбе, 1986.
- Новиков В.П. Средневековое горно-металлургическое производство в междуречье Ширкента-Каратага // Природа и древности Ширкента. Вып. 1. Душанбе, 1991.
- Новиков В.П., Радилиловский В.В. К истории горнорудных промыслов и металлургии древнего Гиссара // Очерки по истории геологии Таджикистана. Вып. I. Душанбе, 1990.
- Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером

- Графом К. К. Паленом. Горное дело. Санкт-Петербург, 1910.
- Парцингер Г., Бороффка Н. Поселение металлургов эпохи бронзы в Карнаб-Сичкончи (Узбекистан) // Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения Я.А. Шера. Новосибирск, 2002.
- Подполковник Бутенёв 2-ой. Минеральные богатства Бухарии // Горный журнал. Часть IV. Книга XI. Санкт-Петербург, 1842.
- Полякова Е.Д. Центральная часть Гиссарского хребта // Таджикская комплексная экспедиция 1932 г. Л., 1933.
- Поярков В.Э. Геология и полезные ископаемые Хайдарканского района // Таджикско-Памирская экспедиция 1935 г. М.-Л., 1937.
- Пругер Е.Б. К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане // СА. 1975. № 2.
- Пругер Е.Б. Обследование объектов древнего горного и металлургического промыслов в Кызылкумах // АО-1975 г. М., 1976.
- Пругер Е.Б. Археологические наблюдения в горных районах Кашкадарьинской области (правобережье реки Ак-Су) в 1966 г. // Археология Средней Азии. № 533. Ташкент, 1977.
- Пругер Е.Б. К проблеме Кызылкумов – одного из локальных древних горнопромышленных регионов Узбекистана // Материалы по истории, историографии и археологии. № 556. Ташкент, 1978.
- Пругер Е.Б. Древние горнопромышленные объекты юга Узбекистана // Материалы по истории, историографии и археологии. № 630. Ташкент, 1980.
- Пругер Е.Б. Древний горный промысел приташкентского района (к динамике развития золотодобывающей отрасли) // Материалы по археологии Средней Азии. № 707. Ташкент, 1983.
- Пругер Е.Б. Горный промысел Южного Согда – Кеша. Ташкент, 1986.
- Пругер Е.Б. Золоторудные промыслы Илака // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990.
- Пругер Е.Б., Дресвянская Г.Я. Средневековый горный промысел Нуратау // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
- Пругер Е.Б., Дресвянская Г.Я. Соль Кеша // Вехи времен. Ташкент, 1989.
- Пругер Е.Б., Максудов И.З. Обследование объектов древнего горного промысла в Узбекистане // АО-1976 г. М., 1977.
- Пругер Е.Б., Тихомиров В.М. Работы по изучению древнего горного промысла Узбекистана // АО-1977 г. М., 1978.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982.
- Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге (с историческим очерком сооружения и эксплуатации Закаспийской военной железной дороги и очерком сооружения Оренбург-Ташкентской железной дороги). Санкт-Петербург, 1903.
- Романовский Г.Д. О проведенных исследованиях месторождений некоторых минералов в Сырдарьинской области // Записки Императорского русского технического общества. Т. 2. Санкт-Петербург, 1875.
- Рузанов В.Д. К вопросу о металлообработке у племен чувшской культуры // СА. 1980. № 4.
- Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. канд. ист. наук. М., 1982.
- Рузанов В.Д. Некоторые данные о древних оловорудных источниках Узбекистана и использовании оловянистых бронз в эпоху бронзы // Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии (тезисы докладов семинара; 21-24 октября 1991 г., г. Душанбе). Душанбе, 1991.
- Рузанов В.Д. Карнабские касситеритовое месторождение – источник олова эпохи бронзы // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000.
- Рузанов В.Д., Буряков Ю.Ф. Древние рудники и памятники металлургии в горах Кугитангтау // ИМКУ. Вып. 28. Самарканд, 1997.
- Сверчков Л.М. Поселение Мык – источник по истории средневековой Уструшаны. Автореф. канд. ист. наук. Самарканд, 1991.
- Сверчков Л.М. Средневековый Пшагар и пещера Йеча // ОНУ, Ташкент, 1999. № 11-12.
- Смолянинов Н.А., Баскин Б.Л. Нуратинские горы и их полезные ископаемые // Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г. М.-Л., 1935.
- Соседко А.Ф. Туркестанский хребет // Таджикская комплексная экспедиция 1932 г. Л., 1933.
- Соседко А.Ф. Полезные ископаемые Туркестанского хребта // Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г. Л., 1934.
- Соседко А.Ф. Черные металлы Средней Азии // Минеральные богатства Средней Азии. Л., 1935а.
- Соседко А.Ф. Корундово-наждачные месторождения Средней Азии // Минеральные богатства Средней Азии. Л., 1935б.
- Старшинин Д.А. Структурно-формационное районирование герцинид центрального сектора Южного Тянь-Шаня. Душанбе, 1995.
- Сунчугашев Я.И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1975.
- Сургай В.Т. К истории горного промысла Киргизии. Фрунзе, 1951.

- Толстихина М.М. Гидрогеологический очерк бассейна р. Санзар // Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. 11. Ташкент, 1928.
- Ферсман А.Е., Щербаков Д.И. Ископаемые богатства Средней Азии // Таджикская комплексная экспедиция 1932 г. Л., 1933.
- Худайназаров Г., Ротко М.А. К истории горных промыслов на территории Туркменистана // Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии (тезисы докладов семинара; 21-24 октября 1991 г., г. Душанбе). Душанбе, 1991.
- Щербаков Д.И. Работа Северной группы // Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г. Л., 1934.
- Щербаков Д.И. Особенности металлогении Средней Азии // Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г. М.-Л., 1935.
- K. Alimov, N. Boroffka, M. Bubnova, J. Burjakov, J. Cierny, Ju. Jakubov, J. Lutz, H. Parzinger, E. Pernicka, V. Radililovskij, V. Ruzanov, T. Širinov, D. Staršinin, G. Weisgerber, Prähistorischer Zinnbergbau in Mittelasiien. Vorbericht der Kampagne 1997. *Eurasia Antiqua* 4, 1998 (1999), 137-199.
- K. Alimov, N. Boroffka, Ju. Burjakov, J. Cierny, J. Lutz, H. Parzinger, E. Pernicka, V. Ruzanov, T. Shirinov, G. Weisgerber, Research at Karnab, Uzbekistan. Preliminary notes from the 1997 campaign. *История Материальной Культуры Узбекистана* 30, 1999, 80-87.
- N. Boroffka, J. Cierny, J. Lutz, H. Parzinger, E. Pernicka, G. Weisgerber, Bronze Age tin from Central Asia: Preliminary notes.
- K. Boyle, C. Renfrew, M. Levine (Ed.), *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. McDonald Institute Monographs (Cambridge 2002), 135-159.
- N. Boroffka, H. Parzinger, Research at Karnab Sichkonchi - A metallurgists settlement of the Bronze Age in the Samarkand district of Uzbekistan / Исследование Карнаб-Сичкончи – Поселения металлургов эпохи бронзы на территории Самаркандской области Узбекистана.
- B. Brentjes, Ein elamitischer Streufund aus Soch, Fergana (Usbekistan). *Iran* 9, 1971, 155, pl. Ib.
- L. Swertschkow, Eisen aus Ustruschana. *Der Anschnitt* 45, 1993, H. 4, 122-126.

К ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ФОРТИФИКАЦИИ ФЕРГАНЫ

Фортификация Ферганы в своем развитии прошла эволюционный путь, схожий с другими историко-культурными регионами Средней Азии. Однако у нее были и характерные особенности, которые определенно выделялись на начальном этапе формирования. Известно, что фортификационные элементы (стены и башни, позже со стрелковыми галереями и бойницами на них, рвами перед ними, ворота с предвратными сооружениями, цитадель) развивались по мере накопления опыта обороны и совершенствования ведения войн.

Несомненную роль в развитии фортификации играли и постоянные контакты с соседними регионами, которые вносили инновационные элементы в традицию возведения оборонительных сооружений. Эти связи, видимо, и определили изменения не только для каждого отдельного историко-хронологического периода, но и внутри них. Поэтому периодизация (включая этапы) истории фортификации Ферганы нами предварительно представляется в следующем порядке.

Архаичная фортификация: чустский этап (XII-VII вв. до н.э.); эйлатанский этап (VI-IV вв. до н.э.).

Античная¹ (Заднепровский, 1985б. С. 306) фортификация: шурабашатский этап (IV-I вв. до н.э.); мархаматский этап (I-IV вв.).

Средневековая фортификация: раннесредневековый этап (V-VIII вв.); этап развитого средневековья (IX-XIII вв.); этап позднего средневековья (XIV-XIX вв.).

Настоящая статья является продолжением тематики, предложенной в сборнике, посвященном 70-летию юбилею академика А.А. Аскарова (Абдуллаев, 2005, с. 131-140), где излагалось формирование и развитие оборонительных сооружений Ферганы архаического периода.

За тысячелетнюю эпоху существования древнейших культур в Ферганской долине сложились определенные традиции возведения оборонительных сооружений, включавшие строительство монолитных стен, фланкирующих башен и предвратных сооружений. С эйлатанского этапа происходит переход к плановому возведению оборонительных стен², что позволяет предполагать о внесении новаций в систему обороны. Последнее происходило, видимо, посредством преднамеренного сооружения рвов перед стенами, путем выемки грунта для их строительства (Воронина, 1964. С. 42).

Таким образом, античная фортификация региона изначально имела солидную базу, представленную стенами и башнями, видимо, снабженными парапетами и окруженные рвами, укреплениями ворот. Последние, в течении данного периода, совершенствовались, включая в себя новые детали - как валган³ с бруствером или парапетом, внутриваловое помещение и стрелковая галерея с бойницами, а также предвратными сооружениями (бастион, форт). Цитадели⁴ представляли собой самостоятельное звено во всей системе обороны, которое особо выделяется на мархаматском этапе. Далее предлагается рассмотреть эволюцию фортификационных элементов в античный период по наиболее изученным памятникам. Необходимо отметить, что подобный анализ фортификационных элементов других регионов, и Средней Азии в целом, представлен (Воронина, 1964; Ходжаниязов, 1981; Рахмонов, Аннаев, 1986; Рахмонов, 1989). Наиболее подробное исследование элементов фортификации, с выделением на основные и второстепенные, отмечено для средневекового периода Северного Тохаристана (Рахмонов, 1989. С. 21-23). Учитывая возможные размеры публикации, мы представляем последовательно-сравнительный анализ лишь основных фортификационных элементов и отдельно цитаделей, вкуче дополняемые второстепенными.

Стены. Для раннего этапа периода зафиксировано их строительство (городище Шурабашат) из утрамбованного грунта с последующей облицовкой сырцовыми кирпичами (Заднепровский, 1962. С. 125). Однако, в целом, предшествовавшими исследователями отмечено, что для античности было характерно возведение крепостных стен из сырца и пахсы (Горбунова, 1995. С. 61). Но анализ материалов уточняет, что на раннем этапе античной Ферганы доминирующими были пахсовые стены, исследованные на городище Мингтепа, укрепленном поселении Кулунчак, домов-усадеб Ходжамбагтепа и Мырзаалимтепа (Гаврющенко, 1970. С. 8; Заднепровский, 1985б. С. 308; Заднепровский, Матбабаев, 1991. С. 64; Перегудова, 1998. С. 16; Матбабаев, Абдуллаев, 2002. С. 102; Анарбаев, 2004. С. 21).

Исследованиями цитадели городища Ахсикента представлено, что ее раннеантичные оборонительные стены также возводились из пахсы с включением сырцового кирпича (58-60x30x10 см), толщиной около 3,5 м (определен по разрезу,

см.: Анарбаев, 2004. С. 22, рис. 1, 33-33а). Позже, но в рамках ранней античности, с внешней стороны к ней пристраивается мощная «рубашка» с прямоугольными монолитными башнями из сырцового кирпича (Анарбаев, 2004. С. 21-22, рис. 1, 25). Последовательность использования строительных материалов при возведении ранних монолитных оборонительных стен цитадели Ахсикента не противоречит общей тенденции развития фортификации Ферганы в античную эпоху.

Однако мнение автора о локализации столичного города Даванского государства на месте руин Ахсикента, выдвинутые на основании исследования оборонительных стен второго шахристана, усиленных до толщины 20 м уже в III-I вв. до н.э. требуют большего обоснования.⁵ (Анорбоев, 2001. С. 11; Анарбаев, 2002. С. 19; Анарбаев, 2004. С. 21-25; Абдулгазиева, 1995. С. 45) Так, во-первых, научное доказательство данной гипотезы в последующем может привести к необходимости определенных (если не концептуальных) изменений в истории Даванского государства Ферганы; во-вторых, внешне, развитие городища Ахсикента тождественно результатам исследований топографического развития городов Средней Азии, показывающие, что территориальное увеличение шахристанов, при наличии обособленных оборонительных стен, наблюдаются лишь с периода раннего средневековья как в Фергане (Кува), так и в соседнем Согде (Семенов, 1996. С. 94-95, 148-150; Иванов, Абдулахатов, 2003. С. 67; Ivanov, pp. 206-207). Несомненно, эти выводы приведут к новой дискуссии, что является единственно верным путем в достижении научной истины, обоснование которой, как мы полагаем, возможно посредством новых исследований оборонительных сооружений городища.

В целом, результаты представленных выше исследований указывают, что на шурабашатском этапе стены по традиции⁶ строили монолитными, без внутрстенных стрелковых галерей (Абдуллаев, 2005). Следовательно, оборона производилась с верхнего яруса (Матбабаев, Абдуллаев, 2002. С. 103-104; Абдуллаев, 2004. С. 45), видимо, из открытых валгангов с бруствером, идущих по гребню стены. Подобная система обороны для городских стен региона оставалась традиционной, хотя с мархаматского этапа зафиксировано возведение крепостных стен городищ (Тудайкалон, Арктепа, Кургантепа) со стрелковыми галереями, имевших сводчатое перекрытие и снабженных бойницами (Салтовская, 1971. С. 11-13; Горбунова, 1994. С. 191; Абдулгазиева, 1995. С. 45). Однако последнее, видимо, имело не столь длительный период существования, так как со второго строительного горизонта наиболее хоро-

шо изученное городище Арк-тепа (зафиксировано четыре периода обживания) усиливается и толщина его стен доводится до 7 м, а бойницы функционально (на внешних пристройках башен вырезаны ложные бойницы) были ликвидированы⁷ (Горбунова, Оболдуева, 1988. С. 87-88). Следовательно, вновь происходит возврат к навесному обстрелу, как наиболее действенной обороне. Сложно утверждать, что ферганские фортификаторы не пришли к этому через собственный опыт, но подобный факт был характерен и для Хорезма позднеантичной эпохи (Лапиров-Скоболо, 1981. С. 58-59; Ходжаниязов, 1981. С. 50-51), а также парфянской фортификации в целом (Пилипко, Кошеленко, 1985. С. 215).

Башни, являясь основными узлами обороны, выполняли функции фланговой защиты (рис. 1). Сравнительный анализ показывает, что расстояние между башнями раннеантичной Ферганы сокращено до 35-40 м (городище Мингтепа, определен по плану), в отличие от эйлатанского этапа (55-60 м) архаичного периода (Латынин, 1961. С. 111). Данное соответствует рекомендациям Марка Витрувия, о необходимости возведения башен на расстоянии друг от друга, не превышающего полета стрелы (Витрувий, 1936. С. 32-33). Отметим, что башни Хорезма этого периода также располагались в среднем в 30-40 м друг от друга (Ходжаниязов, 1981. С. 43), хотя имелись крепости и с незначительными куртинами между башнями (Массон, 1985. С. 261; Шишкина, Сулейманов, Кошеленко, 1985. С. 280-281) - от 26 до 9 м (Ходжаниязов, 1981. С. 49). Такой же разброс длины куртин отмечен для парфянской и бактрийской фортификации (Кошеленко, 1963. С. 60, 62, 65, 69; Пилипко, Кошеленко, 1985. С. 215; Массон, 1985. С. 261). Последнее в Фергане имело место во второй половине античности, представленной пока городищем Арк-тепа, где куртины между башнями составляли длину от 3 (определен по плану) - до 16 м (Горбунова, 1994. С. 191).

Для шурабашатского этапа наиболее исследована конструкция башни на оборонительных стенах городища Мингтепа (Заднепровский, Матбабаев, 1991. С. 64, 67, 71). Башня имела прямоугольную форму (рис. 1, 1), размерами с внешней стороны 10,5x5,5 м, с внутренними помещениями размерами 6x2,8 м и выступала за линию стен на 3,2 м. На южной стене башни выявлена бойница (60x25 см). Башни, как и оборонительные стены, были выложены из пахсы. Они имели, очевидно, плоское перекрытие, так как по верху были выявлены гнезда для деревянных балок, но не был обнаружен вход в башню (Заднепровский, Матбабаев, 1991. С. 64, 67, рис. 3. II; Матбоев,

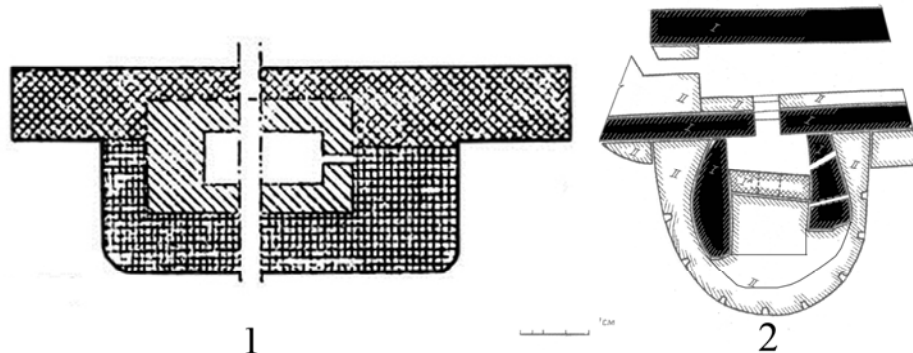

Рис. 1. 1-Мингтепа (по Б.Х. Матбабаеву) 2-Арктепа (по Н.Г. Горбуновой)

1997. С. 48). Последнее дает возможность предположить, что башни были закрытого типа, двухъярусными (Бернштам, 1952. С. 228) и вход проходил через верхний этаж. В мархаматском периоде, башни как и стены, усиливаются дополнительной пристройкой с внешней стороны, из пахсы в основании и сырцовых кирпичей (37-42x28-40x 10 см) сверху, что сильно увеличило её внешние размеры - ширина башни достигла 18 м и выступала она за линию крепостных стен на 9 м. При этом бойница была заложена (Заднепровский, Матбабаев, 1991. С. 64). Отметим, что сохранившаяся высота башни превышала сохранившуюся высоту оборонительных стен приблизительно на 2 м, что близко подобному соотношению в хорезмской античной фортификации (Толстов, 1948. С. 115), хотя, возможно, реальные соотношения были несколько большими.

В развитии башен этого периода наблюдаются изменения их формы. На шурабашатском этапе выявлены прямоугольные башни (Мингтепа I), а с мархаматского периода отмечено их сосуществование с округлыми (рис. 2), например - Арктепа, Куюк-тепа, Арал-тепа, Гайрат-тепа (Козенкова, 1964. С. 218-237; Горбунова, 1979. С. 126; ее же, 1994. С. 191-192; Горбунова, Оболдуева, 1989. С. 82-83). Подобное было характерно и для Согда, но для хорезмской фортификации сосуществование двух видов башен зафиксировано с раннеантичного периода (Ходжаниязов, 1981. С. 48-49). Наличие округлых башен для античной Бактрии на памятнике Зартепа, исследователями отмечено как «нарушение канонов» (Массон, 1985. С. 261). Также редкими они были и в Парфии, что даже не были включены в свод обобщающего труда (Пилипко, Кошеленко, 1985. С. 215), хотя раньше наличие их было отмечено (Кошеленко, 1963. С. 69-70).

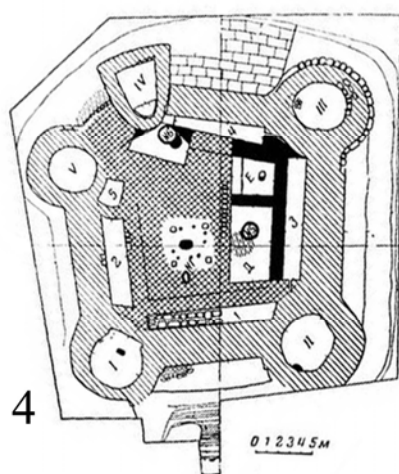
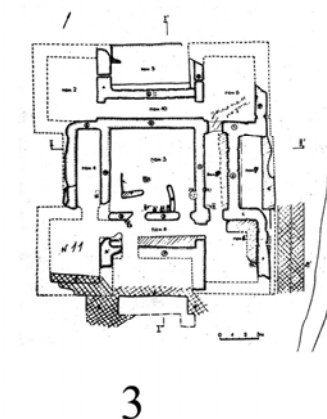
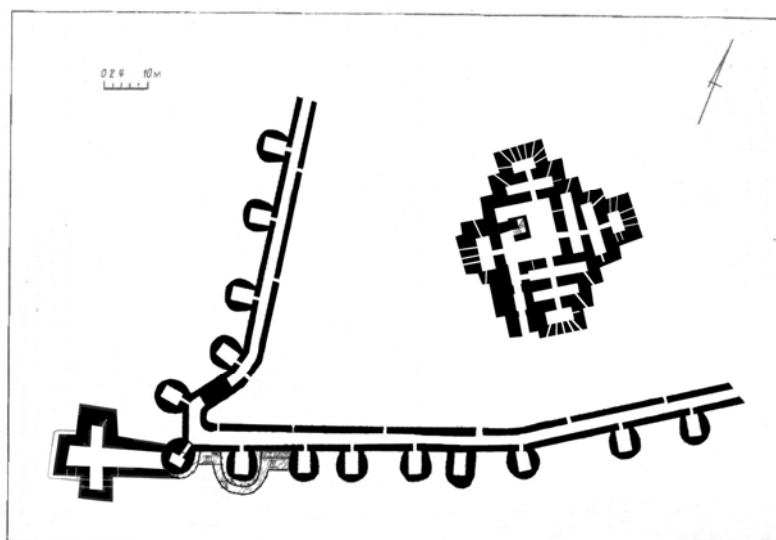
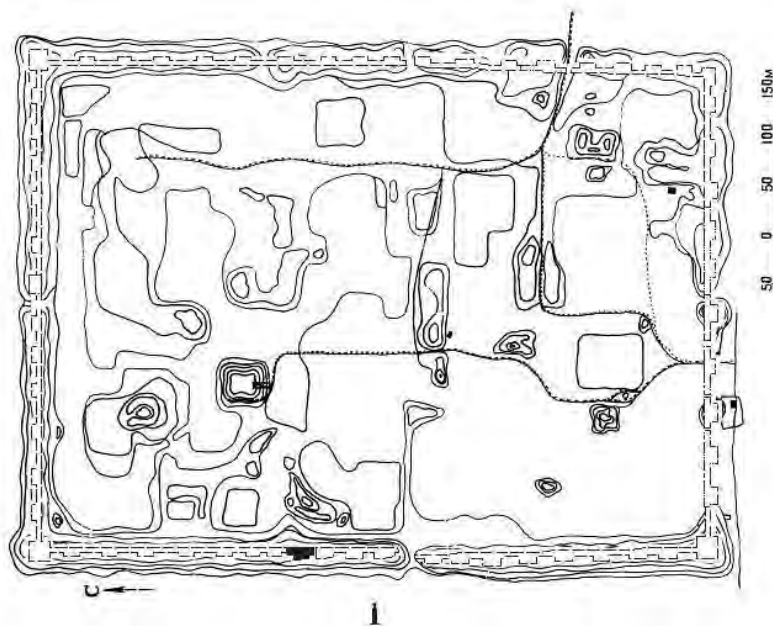
Укрепления ворот. Наиболее уязвимыми во всей фортификационной системе являлись ворота, поэтому городища и укрепленные поселения обычно имели одни ворота (за исключением сто-

личного городища Мингтепа - с четырьмя воротами) (Ходжаниязов, 1981. С. 47; Пугаченкова, 1958. С. 34; Кошеленко, 1963. С. 60) с пандусным въездом, фланкируемый башнями. Несомненно, фортификаторы, при планировке будущих ворот, стремились использовать рельеф местности, чему особое внимание уделяли древние полиоркеттики

(Семенов, 1996. С. 160).

Ворота с предвратными сооружениями, в целом, плохо исследованы для всех периодов истории фортификации Ферганы. Тем не менее, материал имеющийся на современном уровне изученности данной проблемы показывает, что ворота фланкировались одной⁸ (Пугаченкова, 1984. С. 93-97) или двумя башнями, которые, по мнению исследователей, из-за своих крупных размеров могли выполнять функции цитадели (Бернштам, 1952. С. 228; Горбунова, 1985. С. 45-70; ее же, 1987. С. 77-78). Защита ворот двумя башнями была характерна также для Согда (Туребеков, 1990. С. 91, 98), в отличие от Хорезма, где основу предвратных сооружений составляли лабиринты (Ходжаниязов, 1981. С. 47-48).

Наиболее хорошо исследованы предвратные укрепления городища Арк-тепа (сами ворота не исследованы) (рис. 2, 2), расположенные в его юго-западной части (Горбунова, 1994. С. 196-199). Первоначально ворота фланкировались двумя округлыми башнями, но уже со второго периода (из четырех) оборона ворот усиливается и к южной фланкирующей башне пристраивают выносную крестообразную постройку - «форт» - (рис. 3), размерами 23,5x8-9 м, у которой с юга (5,5x7,5 м) и севера имелись прямоугольные башни, толщиной стен 2,2 м, в которых обнаружены стреловидные бойницы. Внутренняя часть «форта» (14-15x4 м) была не застроена, а вход в нее не был обнаружен и, вероятно, туда попадали по лестнице или пандусу (Горбунова, 1994. С. 197-198). Назначением «форта» являлось максимальная защита входа в поселение при штурме. Располагаясь с правой стороны от ворот и вдоль, ведущего к ним пандусного подъема, «форт» на протяжении около 25 м держал под прицелом осаждающих, которые должны были следовать все это расстояние с незащищенным правым боком. Такая система, но со своеобразным эффектом обороны ворот хорошо изучена в парфянской

античной фортификации (Пугаченкова, 1958. С. 34-35; Кошеленко, 1964. С. 64). Однако, в нашем случае, северная башня «форта» давала возможность также вести обстрел с тыла и парализовать прорыв противника к воротам.

Полагаем, что именно стратегическое положение «форта» привело к его усилению в третьем периоде, когда с его внешней стороны была пристроена панцирная обкладка из пахсы (Горбунова, 1994. С. 198-199).

Бойницы. Несмотря на относительно короткий срок функционирования стрелковых галерей в ферганской фортификации археологически отмечены почти все формы (щелевидные, стреловидные - по сути тоже самое, так как стреловидное навершие имело лишь декоративное значение) и расположения бойниц (в один ряд, в шахматном порядке) (Булатова, 1972. С. 13; Давидович, 1954. С. 77-78; Заднепровский, 1985а. С. 90-91; Горбунова, 1977. С. 111; Горбунова, Оболдуева, 1988. С. 85, рис. 4; Шигин, 1984. С. 194, рис. 2). Косые бойницы (рис. 4) пока зафиксированы лишь в ранней стене замка Калаи-боло (Давидович, 1954. С. 76, рис. 5) и на цитадели Арк-тепа (Горбунова, 1994. С. 195), а на остальных - прямые. Хорошо изучены бойницы городища Арктепа, замков Сарыкургана и Аралтепа, расположенные в шахматном порядке. Объединяющим в конструкциях бойниц Арктепа является то, что у всех нижний лоток имел откос. Однако имеются и отличия: по форме - стреловидные на стенах цитадели и городища, щелевидные на башнях оборонительных стен; размерами - на оборонительных стенах с башнями при входном отверстии 40x15 см, а выходное 80-90 см, на цитадели соответственно - 30x20 см и 85 см (Горбунова, 1994. С. 191, 195). Внутренние размеры сарыкурганских стреловидных бойниц (рис. 5, 1) составляли 50x20 см, а внешние высотой до 2 м. Отмечено, если нижний ряд имеет горизонтальный потолок и скошенную нижнюю грань, то верхний - горизонтальный пол и ложную утопленную за плоскость стены верхнюю часть (Шигин, 1984. С. 194-195). На Аралтепа бойниц с горизонтальным полом не зафиксировано (рис. 5, 2-3),

Рис. 2. План городищ и замков.

1— Мингтепа (по А.Н. Бернштаму), 2— Арктепе (по Н.Г. Горбуновой), 3—Аралтепа (по Н.Г. Горбуновой и Т.Г. Оболдуевой), 4—Гайраттепа (по В.И. Козенковой)

но они имеют меньший угол падения и поэтому при высоте входного створа 30-40 см имели высоту выходного лишь до 90-100 см, при ширине 10 см. Конструктивно нижние и верхние лотки бойниц близки к сарыкурганским (Горбунова, Оболдуева, 1988. С. 84, 85).

Цитадели (рис. 6), являясь последним звеном в системе обороны, играли также важную роль в социальной жизни, которая хорошо прослеживается в их эволюционном развитии, связанная с усилением государственности Ферганы в рамках исследуемого периода. Одним из особенных нововведений в фортификации шурабашатского этапа явилось возведение обособленных цитаделей на мощной пахсовой платформе.

Наиболее полно исследована цитадель (20x20 м) Карадарьинского городища (рис. 6, 1), возвышающаяся на 10 м над городищем и примыкающая к ее западной оборонительной стене. Платформа выявлена при разрезе склона холма цитадели до подошвы, на глубину 9 м, которая возводилась несколькими «уступами-террасами». Последнее, по мнению исследователя, явилось результатом последовательных забутовок помещений предшествовавших периодов (Заднепровский, 1962. С. 150). Традиция возведения платформ-стилобатов подобным способом в Фергане появляется уже с эпохи поздней бронзы, но, видимо, стала утверждаться с периода ранней античности. Однако широкое их распространение археологически зафиксировано для периодов развитой античности и средневековья (Давидович, 1954. С. 75; Булатова, 1972. С. 14; Заднепровский, 1985а. С. 88-90; Горбунова, 1991. С. 37).

Планировка цитадели городища Карадарья имела подпрямоугольную форму и состояла из двух крупных помещений с оборонительной внешней стеной толщиной до 3 м. Несмотря на сохранившуюся высоту стен до 1,5 м (Заднепровский, 1962. С. 146, табл. LXX, II), в них не были выявлены бойницы, а также цитадель не имела фланкирующих башен. Следовательно, цитадели на шурабашатском этапе, вероятнее всего, имели лишь пассивную оборонительную функцию, представляя собой убежища в прямом смысле этого термина. Тем не менее, обособле-

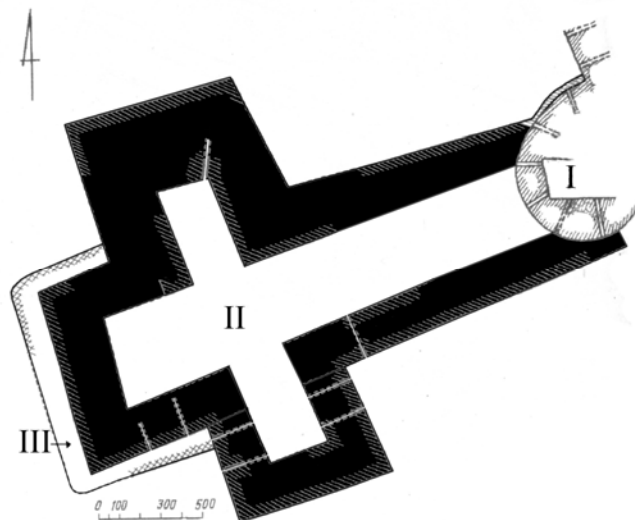

Рис. 3. Форт. (по Н.Г. Горбуновой)

Рис. 4. 1-Арктепа (по Н.Г. Горбуновой), 2- Калаиболо (по Давидович)

ние и занятие цитаделью возвышенного положения над городищем показывает на ее военно-административные функции.

Для мархаматского этапа цитадели, в отличие от предыдущего, являлись олицетворением превосходства. Они не только возвышались до 10 и более метров от поверхности городищ, но и приобрели качественно новую планировку. Основу их составляло одно большое центральное или несколько помещений (рис. 6, 2-5), к которым с боков примыкали прямоугольные помещения с башнями или стрелковые галереи, связанные друг с другом через угловые прямоугольные башни (Заднепровский, 1985а. С. 88-89; Горбунова, 1977. С. 111; Горбунова, 1994. С. 191-193; Горбунова, Оболдуева, 2002. С. 166-172; Абдулгазиева, 1995. С. 45). Нам представляется, что исходной базой для такой планировки является крестообразная форма, имеющая глубокие исто-

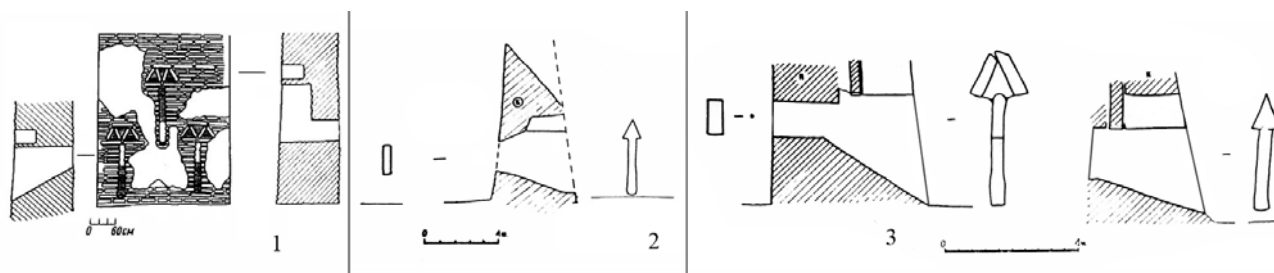

Рис. 5. 1-Сарыкурган (по А.Е. Шигину), 2-3—Аралтепа (по Н.Г. Горбуновой и Т.Г. Оболдуевой)

рические корни, истоки которой относятся к традициям Древнего Востока (Неразик, 1976. С. 59). Некоторые исследователи связывают происхождение крестообразной планировки с формой открытых дворов, на осях которых располагались прямоугольные лоджии-айваны, имевшие место во дворце Калалы-гыр в Хорезме VI-IV вв. до н.э. и в парфянском дворце в Ашуре (Хмельницкий, 2000. С. 55).

Появлению крестообразной планировки в Средней Азии посвящены отдельные публикации, которые отмечали наличие укрепленных усадеб и замков подобного типа, имевшие распространение в следующем порядке: хронологически - с I тыс. до н.э. по IV-V вв. н.э., а географически - с юго-запада (Туркменистан) до северо-востока (Чач, Фергана) (Хасанов, 2004, С. 155-161). Однако мы не можем согласиться с выводом автора, что в Средней Азии «крестообразной планировки нет после V в. н.э.» (Хасанов, 2004, С. 159). Так для раннего средневековья выявлен ряд замков с подобной планировкой, хотя и имевшие более усложненные варианты (Хмельницкий, 2000. С. 65-133).

Представленная планировка цитаделей относится, в основном, для небольших городищ и укрепленных поселений, хотя подобная планировка была выявлена и на цитадели крупных городищ как Кургантепа (шириной 25 м и сохранившейся в длину 16 м) и Каламыштепа (25x23 м), площадью соответственно 7 га и около 16 га (Абдулгазиева, 1986. С. 61; Горбунова, Оболдуева, 2002. С. 166-172). Тем не менее, для полного представления пока еще не выявлена планировка цитадели столичного города Мингтепа, которая по размерам (80x65 м) превышает цитадели вскрытых городищ в Фергане. Она возводилась на платформе высотой 5 м, в толще которой был обнаружен арочный свод с пролетом в 2,1 м (Заднепровский, Матбабаев, 1991. С. 69, 71), что дает возможность предположить об использовании дополнительного (но, возможно, основного) сводчатого пандусно-коридорного подъема на цитадель. Подобная система подъема в Фергане получает распространение с раннего средневековья, чему служат примером замок Калаи-боло и городища Касан (Давидович, 1954. С. 78, 80-81;

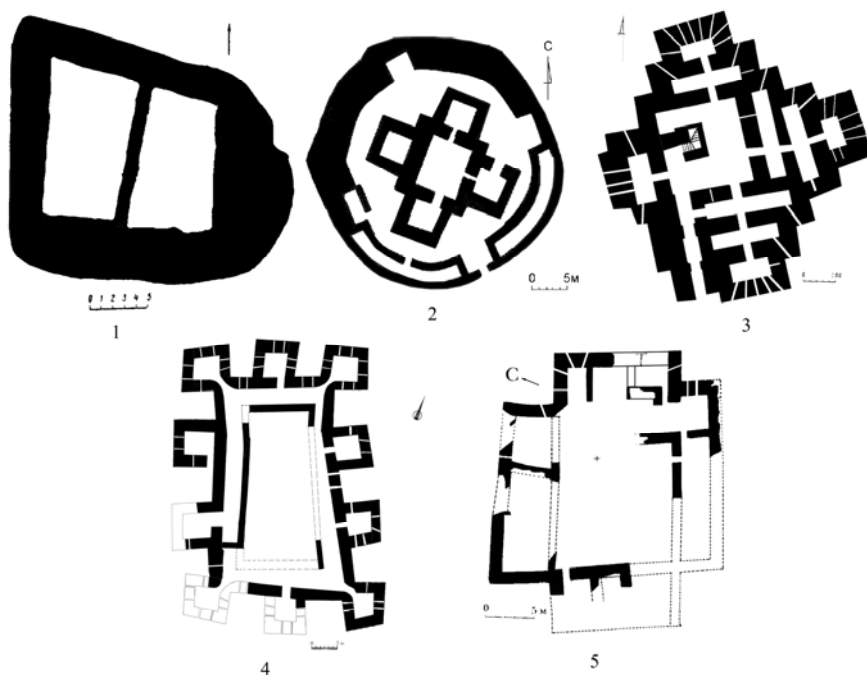

Рис. 6. Цитадели. 1-Карадарья (по Ю.А. Заднепровскому), 2-Биловуртепа (по Ю.А. Заднепровскому), 3-Арктепа (по Н.Г. Горбуновой), 4-Куюктепа (по Н.Г. Горбуновой), 5-Каламыштепа (по Н.Г. Горбуновой и Т.Г. Оболдуевой)

Заднепровский, 1983. С. 27-29; 1985в. С. 530-531).

Можно полагать, что в планировке цитадели Мингтепа основополагающим принципом также являлось крестообразное расположение помещений, имевшие, возможно, более парадный оттенок (Заднепровский, Матбабаев, 1991. С. 69-70). Если эта гипотеза получит в дальнейшем научное подтверждение, то можно будет заключить следующее. Усовершенствование планировки цитаделей в Фергане, усиленных обводными стрелковыми коридорами и фланкирующими башнями, означающее переход от пассивной к активной обороне, происходит уже со второй половины шурабашатского этапа, а широкое распространение получает с мархаматского этапа. Видимо, произошло заимствование планировки цитадели Мингтепа при строительстве замков, в системе обороны которых выявлены стрелковые галереи с башнями на углах (Козенкова, 1964. С. 218-220; Салтовская, 1971. С. 11-13; Горбунова, 1977. С. 111; Горбунова, Оболдуева, 1988. С. 82-96; Шигин, 1984. С. 192-199).

Таким образом, исследование оборонительных сооружений долины в античную эпоху и сравнительный анализ их с аналогичными системами других историко-культурных регионов Средней Азии указывает на определенное эволюционное самостоятельное, но не изолированное, развитие фортификационного дела Ферганы.

Характерным для фортификации региона было наличие, наряду с внешними стенами замков и цитаделей, укрепленных поселений и крепостей (имевших обычно толщину в пределах 1,2-3,3 м, но возводившихся на высоком стилобате превышающем более 3 м), имелись и небольшие городища с мощными стенами толщиной до 10 м. Примером этому служит памятник Мыкты-Курган площадью в 1,5 га (Горбунова, 1987. С. 75), хотя монолитными оборонительными стенами обносились такие крупные города как Мингтепа (толщиной до 7, 3 м) и Кургантепа (толщиной до 16 м). Это указывает на сосуществование двух типов оборонительных стен. По нашему мнению, преемственными для Ферганы являлись стены со стрелковыми галереями, тогда как монолитные были традиционными. Данное не подтверждает мнение о том, что переход от стен с внутренними галереями к монолитным диктовалась мощной осадной техникой греков (Frankfort, 1979, p. 95), которые не имели места в долине вообще. Несколько позже другой фран-

цузский исследователь, в изучении этой проблемы, указывал, что нельзя исходить из обобщенного положения: «греческие сооружения - это массивные сооружения», или наоборот «легкие и пустотелые сооружения - это сооружения не греческие» (Лериш, 1986. С. 53).

Следовательно, в развитии античной фортификации Ферганы прослеживаются две тенденции - традиционность в возведении укреплений и быстрое освоение передового опыта, являвшихся главным критерием эффективной обороны. Этот процесс был естественным и для других историко-культурных регионов Средней Азии (Кошеленко, 1963. С. 61-62; Семенов, 1996. С. 192), так как по истечении времени происходило развитие военной техники, а также стратегии и тактики ведения войны (Лериш, 1986. С. 53). Последнее подтверждается и развитием фортификационного дела в античной Фергане - усиление оборонительных сооружений привело и к усовершенствованию оборонительной системы в целом.

Сноски

¹Термин античность применяется условно, лишь из-за хронологической близости, так как в Фергане не отмечено сколько-нибудь заметного эллинистического влияния (по крайней мере, на шурабашатском этапе). Данная периодизация античности предложена Ю.А. Заднепровским, полагавшего, что на смену эйлатанскому периоду приходит шурабашатский, затем сменяемый мархаматским. Мы же полагаем, не вдаваясь в дискуссию по этой проблеме, а исходя из исследования развития фортификации Ферганы, что она соответствует определенным изменениям, произошедшим на этих этапах античности.

²Первоначально возводились оборонительные стены вокруг городищ, а затем они обживались, что является их характерным отличием от фортификации чувствского этапа. Данное положение указывает, насколько увеличилась угроза межплеменных войн уже в архаичном периоде и насущную необходимость первоочередного строительства фортификационных сооружений. Подобную тенденцию можно проследить и в других регионах Средней Азии, наглядным примером которым служат остатки недостроенного городища Калалыгыр I в Хорезме (Ходжаниязов, 1981. С. 43; Ягодин, Никитин, Кошеленко, 1985. С. 320).

³Наличие валганга предполагается по аналогии с конструкциями стен других регионов, так как на памятниках долины верхняя часть оборонительных сооружений не сохранилась. Также ферганская фортификация пока еще не представлена археологически выявленными протейхизмами.

⁴Истоки строительства цитадели в Фергане известны уже с эпохи поздней бронзы на городище Дальверзин (Заднепровский, 1976. С. 7; Сарияниди, Кошеленко, 1985. С. 194). Однако античные цитадели, несмотря на свои мощные платформы (5-10 м), по площади намного уступали цитадели городища Дальверзин.

⁵Оборонительных стен такой толщины в Фергане, по крайней мере, пока не выявлено, не только для шурабашатского этапа античности, но даже на памятниках, просуществовавших вплоть до раннего средневековья. Например оборонительные стены городища Кургантепа, площадью 320х250 м были усилены лишь до 16 м.

⁶Традиции возведения монолитных крепостных стен в Фергане были положены с эпохи поздней бронзы.

⁷Подобное зафиксировано и для замковой фортификации Ферганы, исследованное на памятнике Арал-тепа

⁸В парфянской фортификации такие башни представлены мощными бастионами (Кошеленко, 1963. С. 63). Однако исследования предвратных сооружений городища Дильберджин в Северной Бактрии показывает, что сооружение бастиона основывалось на объединении двух, фланкирующих ворота, башен и переноса въезда справа или слева от нового сооружения.

Использованная литература:

- Абдулгазиева Б. Раскопки на городище Кургантепе // ИМКУ, вып. 20, 1986.
- Абдулгазиева Б. К исследованию фортификационных сооружений городов Ферганы эпохи античности // Марказий Осиёда урбанизация жараёнини пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари. Самарканд, 1995.
- Абдуллаев Б.М., Матбабаев Б.Х. Машрабов З.З. Десятый сезон археологических раскопок в Андижане // Археологические исследования в Узбекистане – 2002. Вып. 3. Самарканд, 2003.
- Абдуллаев Б.М., Матбабаев Б.Х. Машрабов З.З. Археологические раскопки Андижанского отряда // Археологические исследования в Узбекистане – 2003. Вып. 4. Самарканд, 2004.
- Абдуллаев Б.М. К изучению оборонительных сооружений Ферганской долины античного периода // ИМКУ, вып. 34. Ташкент, 2004.
- Абдуллаев Б.М. Некоторые итоги изучения древнейшей фортификации Ферганы // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005.
- Анарбаев А.А. О локализации столичных городов древней Ферганы // Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность. ТД МНК. Самарканд, 2002.

- Анарбаев А.А. Заметки о фортификации античного Ахсикента // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию акад. Ю.Ф. Бурякова. Самарканд, 2004.
- Анарбаев А.А., Насретдинов Ш. Муғтепа ва унинг атрофида олиб борилган 2002 йилдаги археологик тадқиқотлар // Археологические исследования в Узбекистане – 2002. Вып. 3. Самарканд, 2003.
- Анорбоев А.А. Қадимги ва ўрта асрларда Ахсикент // Ўзбекистон тарихида қадимги Фарғона. Тошкент, 2001.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая // МИА, вып 26, 1952.
- Булатова В.А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
- Марк Витрувий Поллион. Десять книг об архитектуре. Перевод Ф.А. Петровского. М., 1936.
- Воронина В.Л. Из истории среднеазиатской фортификации // СА, № 2, 1964. С. 40-55.
- Гаврюшенко П.П. Кулунчакское укрепленное поселение // Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970.
- Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования) // СА, № 3, 1977.
- Горбунова Н.Г. Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры // Тр.ГЭ, Т. XX. 1979.
- Горбунова Н.Г. Строительная техника древней Ферганы // Древние памятники культуры на территории СССР. С-Пб. 1991.
- Горбунова Н.Г. Поселение Арк-тепе в южной Фергане // РА, № 4, 1994.
- Горбунова Н.Г. Оборонительные сооружения на поселениях древней Ферганы // Марказий Осиёда урбанизация жараёнининг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари. Самарканд, 1995.
- Горбунова Н.Г., Козенкова В.И. Сымтепе - поселение в Фергане // АСГЭ, 1974, вып. 16.
- Горбунова Н.Г., Оболдуева Т.Г. Поселение Арал-тепе в Фергане // АСГЭ, 1988, вып. 29.
- Горбунова Н.Г., Оболдуева Т.Г. Городище Каламыш-тепе в Фергане // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. С-Пб., 2002.
- Давидович Е.А. Раскопки замка Калаи-боло // МИА, № 66, 1954.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, вып. 118. М., 1962.
- Заднепровский Ю.А. Укрепления чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии // КСИА, вып. 147, 1976.
- Заднепровский Ю.А. Отчет о работах Ферганской экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РУз, 1983. Ф. 1. Д. 104. 29 с.
- Заднепровский Ю.А. Городище Билувур-тепе // КСИА, вып. 184, 1985а.
- Заднепровский Ю.А. Фергана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985б.
- Заднепровский Ю.А. Исследование древнего Касана // АО. 1983, М., 1985в.
- Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. Городище Мархамат (некоторые итоги изучения) // ИМКУ, вып. 25. Ташкент, 1991.
- Иванов Г.П., Абдуллахатов Н. Раскопки городища Кува // Археологические исследования в Узбекистане-2002, вып. 3, 2003.
- Козенкова В.И. Гайраттепе // СА, № 3, 1964.
- Кошеленко Г.А. Парфянская фортификация // СА, № , 1963.
- Лапиров-Скобло М.С. Городские укрепления // Городище Топрак-кала. М., 1981.
- Латынин Б.А. Некоторые итоги работы Ферганской экспедиции 1934 г. // АСГЭ, 1961, вып. 3.
- Лерих П. Оборонительные сооружения эллинистического города Ай-ханум // ТД. Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. - VIII в. н.э. Ташкент, 1986.
- Массон В.М. Северная Бактрия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Матбабаев Б.Х., Абдуллаев Б.М. Исследования на западной оборонительной стене городища Мингтепа // Археологические исследования в Узбекистане - 2001, Самарканд, 2002.
- Матбабаев Б.Х., Пардаев М.Х., Абдуллаев Б.М. Новое об оборонительных стенах городища Дальверзинтепа // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005. С. 59-68.
- Матбобоев Б.Х. Қадимги Фарғона мудофаа иншоатларининг ривожланиш босқичлари // ОНУ, № 1-2, Тошкент, 1997.
- Неразик Е.Е. Сельские жилища в Хорезме (I-XIV вв.) // Из истории жилища и семьи. ТХАЭЭ, т. IX, М., 1976.
- Перегудова С.Я. Древняя Фергана по письменным источникам и археологическим материалам // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана // Серия «Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана». Вып. 1, 1998.
- Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
- Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А. Северная Парфия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // ТЮТАКЭ, № 6, М., 1958.
- Пугаченкова Г.А. Раскопки южных городских ворот Дильберджина // Древняя Бактрия. М., 1984, вып. 3.
- Рахмонов Ш.А. Средневековая фортификация северного Тохаристана (V- начало XIII вв.) // Автор.канд.дисс. 1989.
- Рахмонов Ш.А., Аннаев Т.Д. Фортификация раннесредневековых замков Южного Узбекистана // ОНУ, № 6, Ташкент, 1986.
- Салтовская Е.Д. Северо-западная Фергана в древности и раннем средневековье // Автореф. дис. канд. ист. наук. Душанбе, 1971.
- Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. Фергана. Чустская культура // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Семенов Г.Л. Согдийская фортификация. С-Пб., 1996.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Туребеков М.Т. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Нукус, 1990.
- Хасанов М.Х. Распространение крестообразной планировки в архитектуре Средней Азии // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию акад. Ю.Ф. Бурякова. Самарканд, 2004.
- Хмельницкий С.Г. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Берлин-Рига, 2000.
- Хожаниязов Г. История развития фортификации античного Хорезма // СА, № 2, М., 1981.
- Шигин А.Е. Сары-курган - крепость в Фергане // СА, № 1, М., 1984.
- Шишкина Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошеленко Г.А. Согд // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Ягодин В.Н., Никитин А.Б., Кошеленко Г.А. Хорезм // Древние государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Ivanov G. Excavations at Kuva (Ferghana valley, Uzbekistan) // Iran XLI, 2003.
- Frankfort H.P. Les fortifications en l'Asie Centrale de l'age du bronze a L'epoque Kouchane // Travaux de L'URA - Paris, 1979, № 10.

А.Э. Бердимуратов, Б. Ронделли

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ЗАРАФШАНА

Узбекско-итальянская экспедиция в последние годы параллельно со стационарными раскопками, производимыми на памятниках Кафир-кала и Бойсаритепа производила разведочные работы на левом берегу реки Зарафшан с целью изучения этапов освоения средней части ее долины.

Левобережье Зарафшана охватывает территорию между кишлаками Саразм в Пенджикентском районе Республики Таджикистан и селением Джам Нурабадского района Самаркандской области (рис. 1).

Как показывает мировая археологическая практика для определения истоков и формирования цивилизации какого-либо исторического региона, необходимо комплексное изучение всех памятников, расположенных в этом регионе, начиная с первобытной эпохи и завершая средневековьем. Поэтому, здесь начиная с 2000 г. было изучено более 100 памятников, которые были систематизированы и с помощью ЖПС определены их координаты. При этом также были собраны данные по геоморфологии, климатическим и ирригационным условиям

Рис.1. Археологическая карта левобережья Зарафшана.

региона, изучены ирригационные сети и площади агрокультурных зон вокруг памятников. Но, к сожалению, современное освоение земель и прокладывание новых ирригационных сетей полностью изменили древний рельеф региона.

Геоморфологическое строение исследуемого района определилось, в основном, значительными площадями развития межгорной аллювиально-пролювиальной равнины и тесно связано с историей ее формирования.

С юго-востока равнина (Джамско-Улусская предгорно-степная зона) ограничена горами Каратюбе, а с северо-запада отрогами Зирабулакских гор. Основные черты современного рельефа создались в результате неотектонических движений в сочетании с эрозионно-аккумулятивной деятельностью рек и временных протоков, а также процессами физического и химического выветривания. На изученной территории историю развития современного рельефа можно считать, начиная с образования обширной пролювиальной равнины Ташкентского (среднечетвертичного) цикла. В последующее время (голодностепский и сырдарьинский циклы) неотектонические перестройки создали в районе густо разветвленную сеть речных долин и развитую к ним систему балок, что привело к интенсивной эрозии пролювиальной равнины с образованием ряда аккумулятивных молодых террас, глубоких врезов с сохранением лишь реликтов первичной поверхности ташкентского цикла. На площади довольно четко выделяются следующие типы рельефа: аккумулятивно-террасовые поверхности ташкентского (реликты), голодностепского и сырдарьинского циклов, эрозионно-аккумулятивная и эрозионно-холмисто-грядовая равнина с различной степенью расчленения (Бердимуратов, Рондели, 2004, с. 3-31). Как показывают приведенные выше морфологические данные юго-западной части Самаркандского Согда с древнейших времен была очень удобна для обитания человека.

Археологические исследования прошлых лет показывают, что интересующий нас регион был освоен первобытными людьми ещё в эпоху среднего палеолита. Об этом свидетельствуют каменные орудия, найденные в пещере Аманкутан (Лев, 1970, с. 18-33). В 1951 г. археолог Д.Н. Лев, вблизи перевала Тахта Карача, выше кишлака Аманкутан изучил ещё одну пещеру под названием Такаликсай. Обнаруженные здесь каменные находки датированы концом периода мустье (Лев, 1969, с. 26-37).

Как мы говорили выше, на территории долины Зарафшана имеются археологические памятники эпохи бронзы. Первым свидетельством наличия памятников данной эпохи в бассейне реки Зарафшан был топор-тесло, найденный в конце XIX века в кишлаке Ёри Пенджикентского района Республики Таджикистан (Исаков, 1983, с. 216-218).

В 1966 году в селе Муминабад Ургутского района, к юго-востоку от Самарканда, был обнаружен могильник Тазабагьябского типа андроновской культуры, датирующийся XIII-X вв. до н.э. (Аскаров, 1970, с. 64-66). Таким образом, вышеуказанные памятники и случайные находки эпохи бронзы свидетельствовали, что долина издревле являлась местом обитания ранних земледельцев и скотоводов. Однако до недавнего времени отсутствие ранних поселений древнеземледельческой культуры создавало значительные трудности в изучении ранних этапов происхождения земледелия в Зарафшанском бассейне. Из-за чего сложилось впечатление, что Зарафшанская долина, отставала от протгородских цивилизаций Древнего Востока.

Однако после обнаружения жителем кишлака Саразм Тайлоном Ашуровым в 1976 году Саразмского поселения, ситуация изменилась (Исаков, 1983, с. 216-218). Здесь археологами были заложены четыре раскопа и многочисленные шурфы, разрезы. Выявленные в Саразме археологические материалы датируются концом IV – сер. II тыс. до н.э., отражают этапы его развития (Исаков, 1986, с. 79-83).

Прежде чем перейти к описанию археологических памятников, нужно кратко остановиться на ирригационных сетях левобережья Зарафшан. Исследования показали, что в предгорной территории данного региона с древнейших времен не обнаружено искусственной или другой ирригационной сети. Ирригация здесь исключительно зависела от горных саев, начинающихся от многочисленных родников расположенных в недрах Зарафшанского хребта. Почти все археологические памятники расположены по обоим берегам этих саев, группами вокруг источников и большого памятника, образуя своеобразный микроазис. Перейдем к описанию горных саев. Самой крайней ирригационной сетью региона является Аккургансай (рис. 1). На обоих берегах данного сая расположены многочисленные памятники. Аккургансай непосредственно вблизи кишлака Чеп получает другое название - Чепсай. Ниже кишлака Чеп сохранилось сухое русло Чепсая и здесь же имеется несколько памятников. Возможно, в древности вода Чепсая доходила до реки Зарафшан.

Следующий сая к западу о Аккургансая называется Тераксаем. На среднем течении этого сая имеются три памятника, относящиеся к эпохе раннего средневековья. К западу от Тераксая течет Катагансай, в верхнем течении которого обнаружены три кургана и два поселения. В западной части Тераксая расположен Муминабадсай (рис. 1). Как показывают ширина и глубина сухого русла данного сая, в древности он был полноводным и его воды доходили до канала Бармиш.

В начале Муминабадсая, на горных склонах раскопан раннесредневековый замок Ёнчашма. В про-

цессе раскопок были открыты десять помещений и коридор, который располагался в центре холма и вытянут по направлению С-Ю. По обеим сторонам коридора перпендикулярно к нему располагались длинные и узкие помещения. На основе керамических материалов возраст памятника Ёнчашма можно датировать второй пол. VI - перв. пол. VII вв. (Бердимуратов, 1990, с. 134-141)

К западу от Муминабадсая расположен кишлак Ходжабадал, по территории которого течет небольшой сай. По его нижнему течению на территории данного кишлака мы обнаружили остатки памятника полностью разрушенного. Найденные здесь керамические материалы относятся к VII-IX вв. Расположенный в 3 км к востоку от кишлака Ходжабадал Санглоксай образуется в результате слияния горных саев Гиждувансая и Чаштепасая. Санглаксай протекает по середине кишлаков Турткуль, Кондиргачджар и Рават, доходя до канала Янгиарик. В древности от Санглаксая распространялись многочисленные протоки, вдоль которых располагались важнейшие археологические памятники.

Между Ургутом и кишлаком Турткуль в предгорной зоне Зарафшанского хребта находится большой кишлак Гус. К югу от него расположен другой кишлак Сойгус (рис. 1). От Сойгус в сторону кишлака Гус течет другой большой сай, который ниже ответвляется в разные стороны. По его берегам сохранилось несколько памятников.

В южной части Ургута от слияния нескольких горных саев образуется многоводный Ургутсай. Его можно считать самым крупным горным саем юго-восточной части Ургутского района. На обоих берегах этого сая также сохранились остатки нескольких памятников. Пожалуй этим можно закончить список ирригационных систем расположенных в восточной части от г. Ургута.

Теперь остановимся на памятниках, расположенных вдоль этих саев. Как отмечалось выше, по обеим берегам Аккургансая имеются несколько памятников, один из которых, расположенный на его правом берегу, обнаружен случайно в 2004 г. при строительстве нового дома. На глубине 1,80 м выявлен керамический хум, фрагмент бронзового топора, керамика и кости животных. В процессе расчистки найдено еще много фрагментов керамики и кости животных. Новый памятник назван нами Аккурган-1. Как показал анализ костей, они принадлежат лошади и свинье (Научный отчет, 2005).

Весной 2005 г. на Аккурган-1 были возобновлены исследования. В северной стороне от выше-упомянутой ямы, заложены три шурфа глубиной до 2 м (рис. 2).

В шурфах обнаружено несколько слоев с керамикой и костями животных, а также следами очага. К востоку от раскопа проходит асфальтная дорога Чеп-Аккурган шириной 6 м, под которой по-видимому и располагается основная часть памятника. Строительных остатков в шурфе зафиксировано не было. Среди найденных при раскопках керамических материалов преобладает столовая посуда, в основном, состоящая из чаш, мисок, изготовленных на гончарном круге и покрытой красным ангобом.

Аналогичные изделия были найдены из раскопок на северо-западе Афрасиаба и датированы первыми веками нашей эры (Шишкина, 1969, с. 221-235). Также аналогичные чаши встречены в комплексе ЕК-6 в Южном Согде и датированы II в. до н.э. (Сулейманов, 2000, с. 165-166, рис. 99). Обнаруженные миски, горшки, лепные котлы на памятнике Аккурган-1 находят близкие аналогии керамическим материалам Коктепа-III (Исамидинов, 2002, с. 111-113, рис. 108).

Таким образом, весь комплекс керамики из Аккурган-1 можно датировать II-I вв. до н.э.

В среднем течении Аккургансая (Чепсай) на западном ее берегу, в центре кишлака Чеп находится Мазартепа (рис. 10). В центре памятника расположена цитадель округлой формы размерами 90x100 м, высотой 19 м. В южной, западной и северо-восточной сторонах цитадели имеются ещё три высоких холма, связанных друг с другом. В настоящее

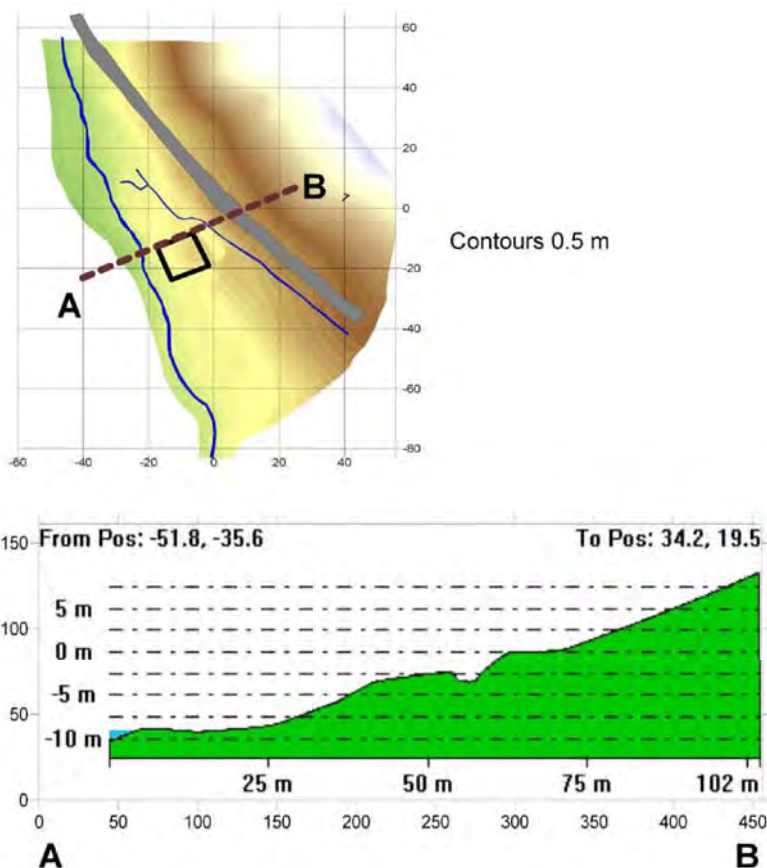
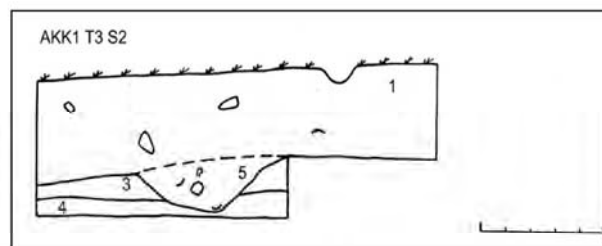
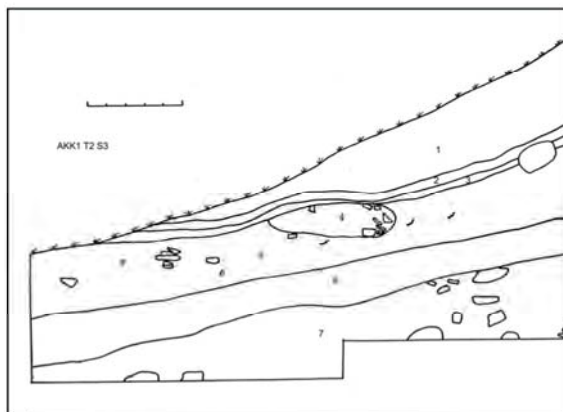
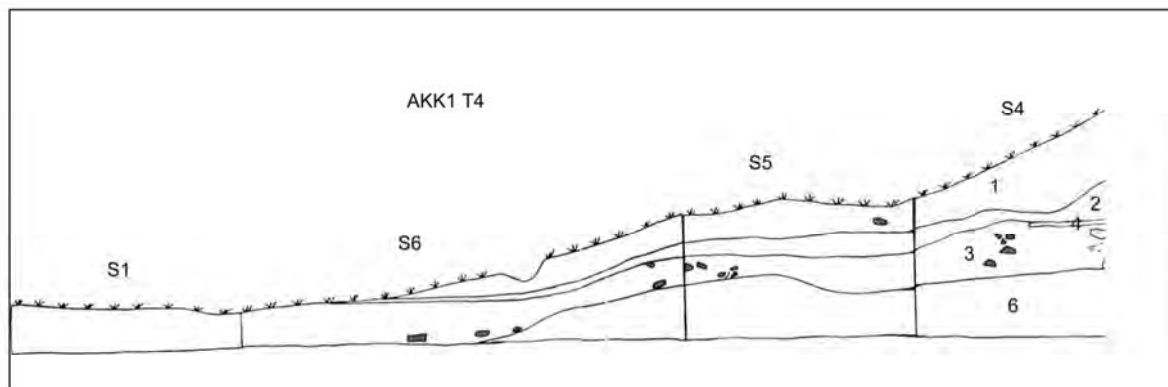

Рис. 2. Разрез шурфа памятника Аккурган - I

Рис. 3. План памятника Аккурган - I

Ри

время территория памятника занята под кладбище. На поверхности памятника собрана керамика, относящаяся к V-VIII вв. н.э. Мазартепа является самым крупным памятником среднего течения Аккурган-сая.

К югу от Мазартепа находятся Кургантепа-I (рис. 11), имеющий почти прямоугольную форму,

с.

размерами 34x22 м, высотой 16-20 м. и Кургантепа-II, имеющую квадратную форму, размерами 39x39 м, высотой 10-12 м. Оба памятника относятся к эпохе раннего средневековья. В южной стороне Мазартепа, на адырах расположены два безымянных холма. Холм № 1 имеет округлую форму диаметром 22 м, при высоте 6-6,40 м. Второй холм имеет оваль-

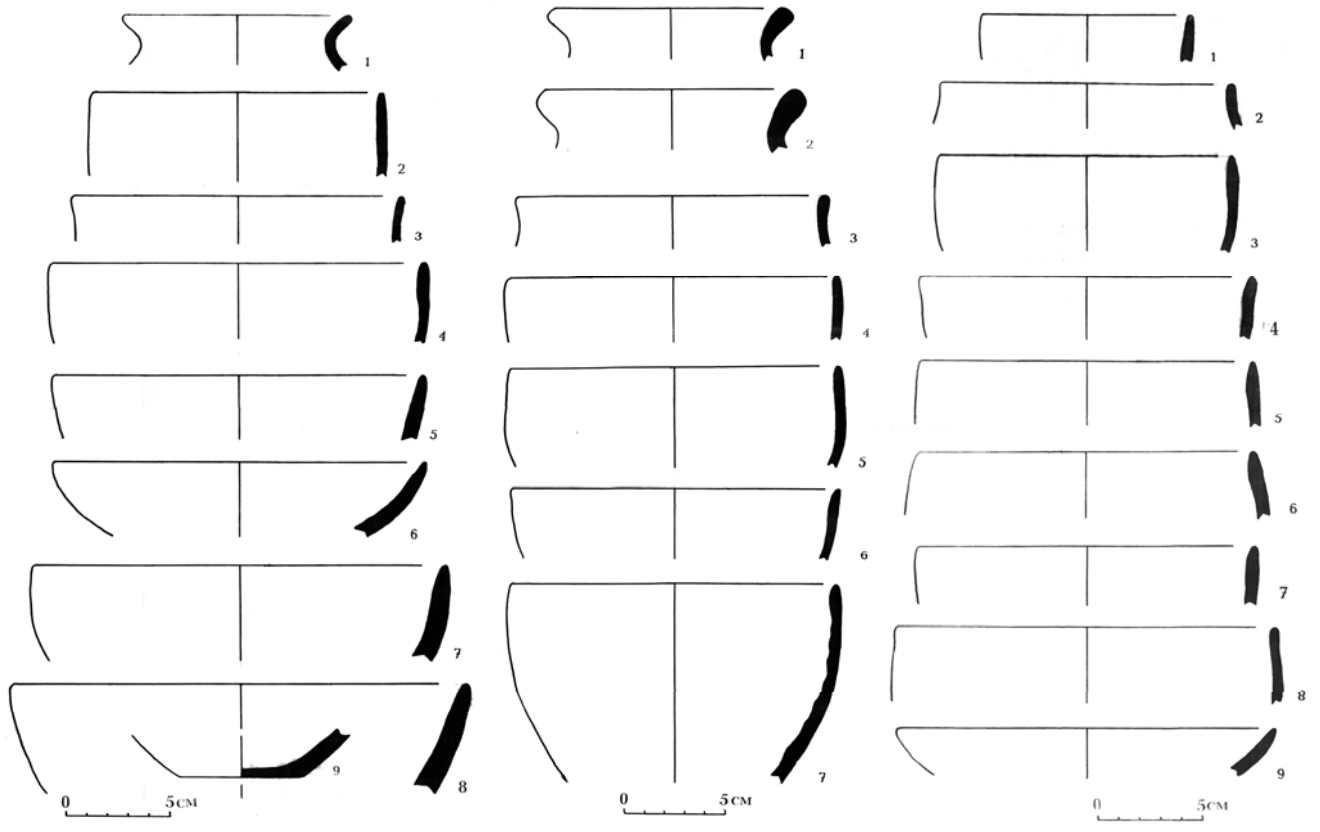

Рис. 5. Керамика Аккурган - I

Рис. 6. Керамика Аккурган - I

Рис. 7. Керамика Аккурган - I

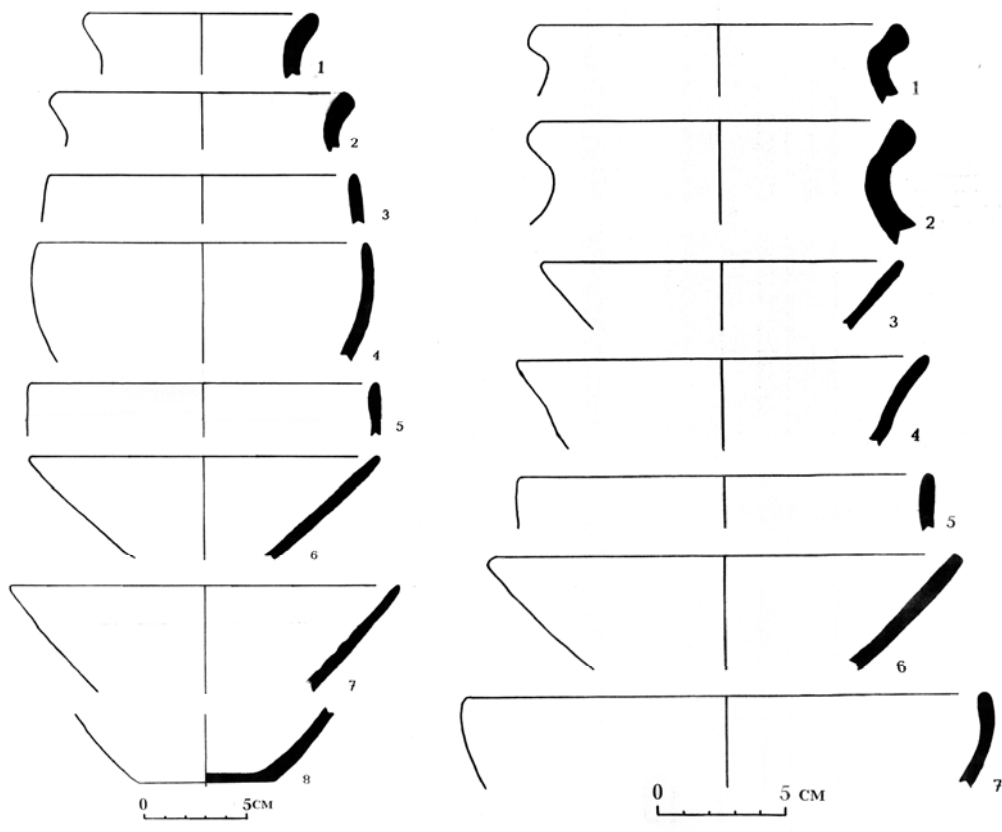

Рис. 8. Керамика Аккурган - I

Рис. 9. Керамика Аккурган - I

ную форму размерами 57x28 м, высотой 3,5 м. По-видимому, данный памятник является замком со двором. Замок имеет овальную форму размерами 18x11 м, высотой 5 м. На поверхности холмов собрана керамика VII-VIII вв. н.э. (Бентович, 1964, с. 266-290, рис. 1-6).

В нижнем течении Аккурганся (Чепсай) расположен ещё один крупный памятник Кукноритепа-1 (рис. 12). Памятник имеет прямоугольную форму размерами 120x110 м, высотой 7 м. В западном и северном углах памятника сохранились следы рва. Поверхность памятника и прилегающая части вспаханы. В северной стороне памятника находится отдельно стоящий овальный холм размерами 45x35 м, высотой 4,30 м. На поверхности холма собрана керамика V-VIII вв. н.э. Кукнаритепа-1 является самым большим памятником данного микрооазиса и вокруг нее расположены Эгизтепа, Куктепа и Кукноритепа-II.

Ещё один памятник на берегу Аккурганся (Чепсай) Шаидтепа-1, расположенный на северной окраине кишлака Ваткан (рис. 13). Памятник имеет в плане округло-овальную форму размерами 60x50 м, высотой 8-10 м. В центре памятника имеется замок округлой формы, диаметром 18 м, который окружен оборонительным валом. Замок только с восточной стороны примыкает к валу. В замке заложен стратиграфический шурф размерами 8x3 м. В шурфе зафиксированы два строительных периода. Позже здания нижнего строительного периода служат в качестве платформы при возведении второго строительного периода. Обнаруженный в шурфе керамический материал аналогичен керамике древнего Пенджикента и датируется VII-VIII вв. н.э.

Воды Аккурганся, по-видимому, в древности

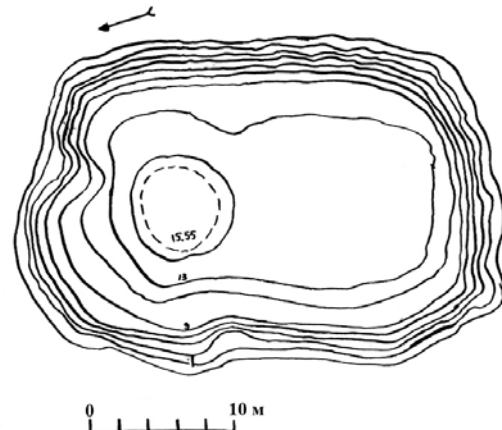

Рис. 11. План Кургантепа - I

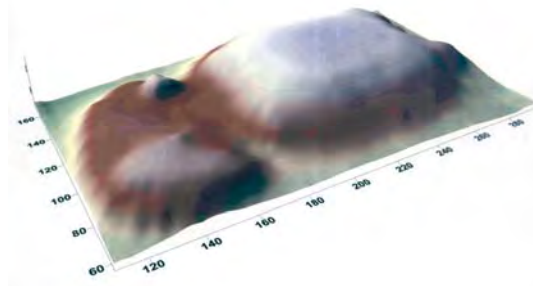
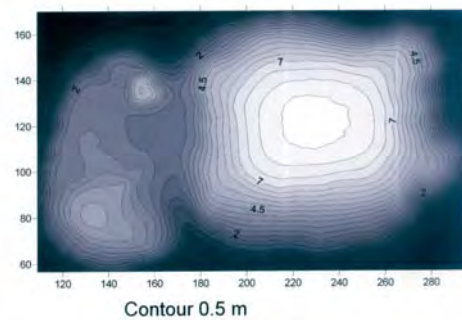

Рис.12. План Кукноритепа - I

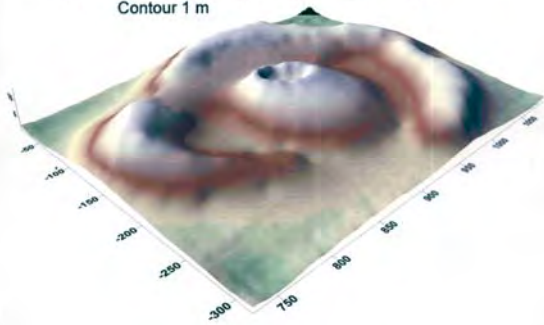
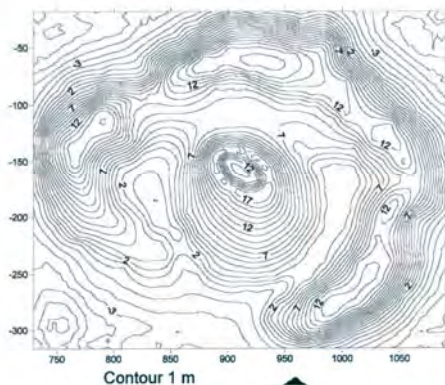

Рис. 10. План Мазартепа

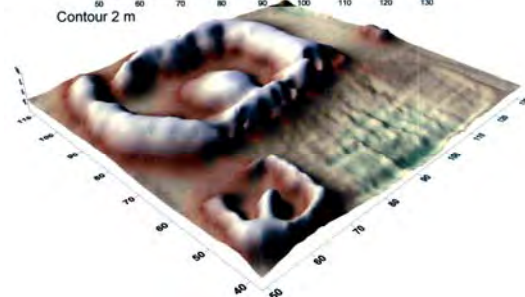
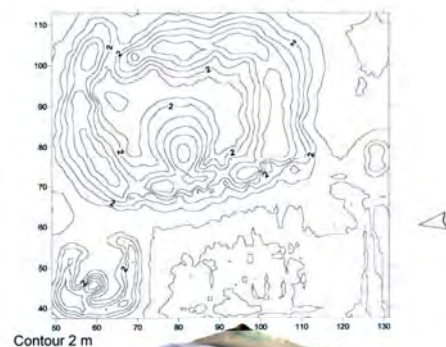

Рис.13. План Шаидтепа - I

доходили до реки Зарафшан. Если это предположение верно, то она могла соединиться с рекой возле местности Работи Ходжа. В письменных источниках местность Работи Ходжа назывался Варагсаром: (букв. «Голова плотины») (Бартольд, 1963, с. 133-135).

Отсюда начинается самый древний и длинный канал Зарафшанской долины Даргом, снабжавший водой г. Самарканд. Здесь река Зарафшан имеет узкие и твёрдые берега, причём её левый берег представляет собой высокий конгломератный массив. Древние ирригаторы приняли самые сложные и смелые решения, прорыли широкий, длинный туннель для канала. Конечно, без плотины нельзя было направлять воду к туннелю и здесь была сооружена дамба. Таким образом, река Зарафшан разветвлялась на несколько каналов. Вода, проходившая через туннель, разделялась на три канала. Самый длинный канал назывался Барш, самый короткий Башмин, а третий канал Бармиш. Эти каналы на протяжении веков несколько раз меняли своё название. По сведениям В. Бартольда, самый большой и длинный канал Барш в средние века назывался Даргомом. Каналы средний и южный при Тимуридах назывались Аббас и Караунас. Впоследствии эти каналы получили название Янгиарык и Казанарык (Бартольд, 1965, с. 187-190). Сейчас оба канала существуют, канал Бармиш (Аббасарык, Янгиарык) по ширине занимает второе место после Даргома. А канал Казанарык, бывший Башмин, сейчас имеет маленькое русло и течёт в середине кишлака Сарай в сторону кишлака Джартепа (рис. 1). Но М.Х. Исамиддинов, не имея материалов по ирригационной системе в районе работи Ходжа (древний Варагса), поставил под сомнение существование каналов Бармиш (Янгиарык) и Башмин (Казанарык) и заключил, что «локализовать их к югу от Даргома нельзя, так как в предгорных районах не могло быть канала...» (Исамиддинов, 2002, с. 19). На самом деле, оба канала текут к югу от Даргома и, как мы выше говорили, канал Бармиш имеет довольно большую ширину. Правители древнего Согда уделяли большое внимание обороне плотины Варагсар, потому что враги, разрушив плотину, могли оставить Самарканд без воды. Поэтому Варагсар постоянно находился под охраной. По данным Насафи, в Варагсаре находилось четырёхтысячное конное войско и 12 тысяч воинов «гази» (Мухамеджанов, 1972, с. 113-114). На территории Работи Ходжа сохранились сильно укрепленные городища и крепость. Эти памятники в 30-х годах XX века обследовал М.А. Сухарев и в 1940 г. Г.В. Григорьев. Тогда остатки этих памятников были более менее в хорошем состоянии, после 70-х годов XX века остатки этих памятников полностью уничтожены (Отчет об арх. Разведки в 1940 г.). В 1968 году на территории Работи Ходжа работал отряд Института истории и археологии Академии Наук Узбекистана

под руководством Я. Гулямова. Тогда остатки памятников были обследованы А.Р. Мухамеджановым.

В центре современного посёлка Работи Ходжа на левом берегу р. Зарафшан в древности было расположено городище, к моменту изучения сохранился только оборонительный вал памятника. Крепостная стена городища представляла двойной вал. Ширина внешнего вала была 10 м, при высоте 2,5 м, а ширина внутреннего вала была 14 м, при высоте 4 м. По определению А.Р. Мухамеджанова городище занимало площадь 18-20 га и имела 600 м в длину и 300 м в ширину. Городище имело западные южные и восточные ворота (Мухамеджанов, 1972, с. 113-114). В одном км к востоку от посёлка Работи Ходжа, на границе Пенджикентского района Республики Таджикистан, на левом берегу р. Зарафшан расположена крепость Куюккурган (рис. 14). По описанию Г. Григорьева, тогдашние сохранившиеся остатки памятника имели прямоугольную форму размерами 75x100 м, высотой 2-4 м. С западной и южной сторон памятника кольцом был окружен оборонительный вал в виде сплава. Собранный здесь археологический материал датируется V-VIII вв. н.э. (Отчет об археологической разведке в 1940 г., с. 13-19).

К югу-востоку от Куюктепа расположены остатки крепости, а у края высокого левого берега реки остатки другой крепости с четырьмя башнями. Таким образом, можно заключить, что местность Варагсар (Работи Ходжа) в древности и средневековье имела очень сильную крепость и мощный оборонительный вал. Несомненно, эти усилия были направлены на оборону плотины, дающей трем важным каналам воду. А с другой стороны на Варагсаре был расположен центр одноименного рустака, подчи-

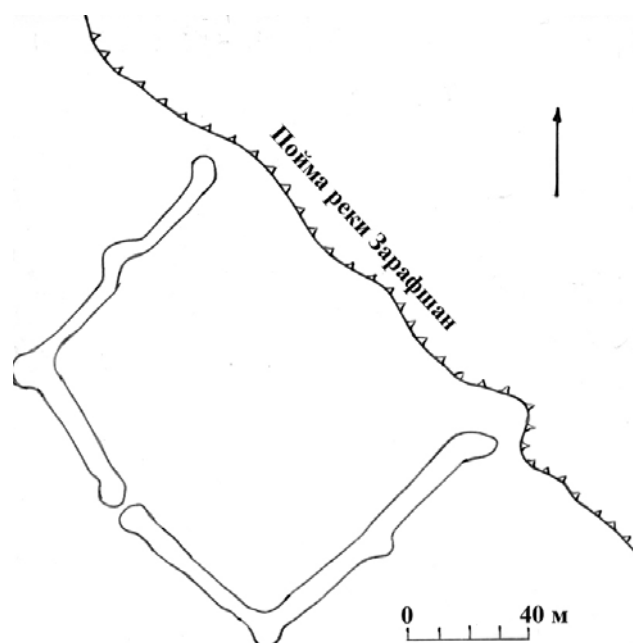

Рис. 14. План Куюккурган

нивший себе большую территорию юго-восточной части Самаркандского Согда (Бетгер, 1957, с. 16).

Через Варагсар, параллельно к реке Зарафшан, проходила караванная дорога, связывавшая Самарканд с Пенджикентом. Естественно, вдоль трех каналов были расположены многочисленные археологические памятники.

Теперь мы коротко остановимся на памятниках расположенных вдоль каналов Бармиш (Янгиарык) и Башмин (Казанарык).

В верхнем течении канала Башмин на западной окраине кишлака Сарой находится памятник Джартепа-1, представляющий собой замок со двором (рис. 15). Памятник имеет прямоугольную форму размерами 160x120 м, при высоте 8-12 м. Замок имеет почти квадратную форму размерами 60x65 м. В 1986 г. на цитадели были вскрыты шесть помещений, стены которых сложены из пахсовых блоков. Полы помещений выстланы сырцовыми кирпичами. Толщина стен около 1 м, сохранившаяся высота 0,5-0,75 м. Керамический материал включает чаши, миски, хумы и хумчи, относящиеся к раннесредневековому периоду, найдены две согдийские монеты. В юго-восточном углу цитадели заложен стратиграфический шурф размерами 2x3 м, глубиной 8 м. Нижние ярусы шурфа выявили помещения датируемые II-IV вв. н.э. (Бердимуратов, 1988, с. 493).

На северной стороне памятника сохранились следы караванной дороги Самарканд-Пенджикент, кишлак, в котором расположен данный памятник, называется Сараем, по рассказам сторонников здесь был караван-сарай и существовал базар. Конечно, сейчас остатки караван-сарая полностью освоены под жилые дома.

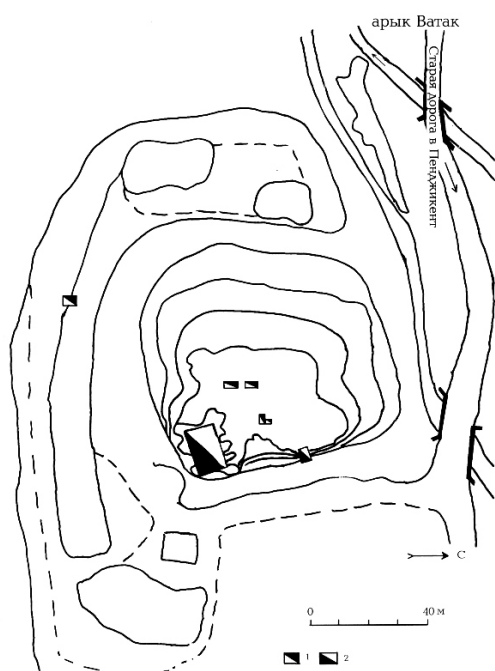

Рис. 15. План Джартепа - I

Второй памятник, который существовал с водой канала Башмин является Джартепа-II, расположенный на правом берегу (рис. 16). Памятник Джартепа-II полностью раскопан в 1986-1993 годах Ургутским отрядом Института археологии. В результате многолетних исследований на Джартепа-II, выявлен новый Согдийский храм. Руины этого храма - сложный археологический памятник, состоящий из четко разграниченных пяти строительных периодов. Джартепинский храм возник, видимо, в V в. н.э. Здание первого строительного периода в плане представляет собой прямоугольник, вытянутый по оси С-Ю на 8,5 м. Оно ориентировано по сторонам света. Во втором строительном периоде к углам здания были пристроены четыре овальные башни. Вместе с этими башнями были возведены стены, которые пристроены с внешней стороны здания первого периода. В третьем строительном периоде по внешнему периметру первоначального здания был построен ряд коридорообразных помещений, образующих новый оборонительный пояс, сменивший круглые башни. В четвертом строительном периоде в центральном ядре памятника произведена значительная перестройка. К югу от нового зала построен вестибюль, расположенный поперек центральной оси памятника и снабженный четырьмя проходами. Как показывает анализ архитектуры четвертого периода, памятник в этом периоде, полностью превращен в храм со всеми атрибутами. Об этом свидетельствуют археологические находки, планировка здания и сюжеты настенных росписей. Археологический материал датирует гибель здания четвертого периода в пределах рубежа VII-VIII вв. н.э. Как известно этот период является временем интенсивных походов арабов на Согд. Если иметь в

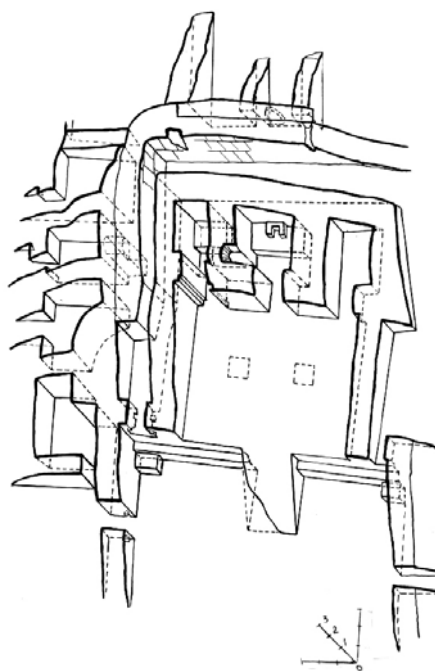

Рис. 16. Аксионометрия храма Джартепа - II

виду враждебность арабов к местным религиям, то причина уничтожения джартепинского храма в целом понятна. Потом на этом месте, был построен новый храм, для чего были использованы некоторые стены раннего храма. Судя по находкам, возведение нового храма приходится на 80-90 гг. VII в. Однако во второй половине VIII в. на памятнике уже отложились культурные слои, характерные для жилищ. Помещение к западу в целом превращается в жилую комнату, а культовый инвентарь храма выбрасывается в мусорную свалку, образовавшуюся в Ю-В углу портика-айвана.

Таким образом, можно заключить, что храм четвертого периода был сожжён в 675-680 гг. и восстановлен еще раз в VIII в. Храм Джартепа II прекратил своё существование в качестве святилища с переходом жителей Варагсара в ислам в первой половине VIII в. (Бердимуратов, Самбаев, 1999, с. 15-40).

Как мы сказали выше, канал Бармиш (Янгиарык) намного длиннее, чем Башмин и на обоих берегах данного канала расположены очень важные памятники. Здесь нужно говорить об одной особенности канала Бармиш, этот канал, кроме воды реки Зарафшан несет и воды многочисленных горных саев, расположенных на южной стороне от канала и следы этих саев до сих пор сохранились. Ишчантепа расположена на правом берегу канала Янгиарык в центре одноименного кишлака. Памятник со всех сторон и сверху очень сильно разрушен и на верху двора построен дом. На этом памятнике нами были заложены небольшие раскопки и стратиграфический шурф. Здесь открыты три параллельно расположенных друг к другу помещения. Помещения узкие и длинные. Стены помещения сложены из паховых блоков. Заложённые шурфы выявили четыре строительных периода памятника. Керамический материал датируется IV-VIII вв. н.э.

Узункишлактепа находится на правом берегу канала и расположена в 1 км к западу Узункишлака. В плане имеет Г-образную форму. Замок находится в юго-западном углу двора. Имеет овальную форму размерами 22x30 м, высотой 5 м. В юго-западной части сохранился оборонительный вал памятника. Двор памятника разрушен. Обнаружены раннесредневековая керамика (рис. 17).

Шодиёртепа находится на правом берегу канала и расположена в Узункишлаке в гузаре Шовшар. Памятник имеет квадратную форму в плане, размерами 75x75 м, высотой 4-12 м. Замок находится в юго-восточном углу двора и тоже имеет квадратную форму размерами 45x45 м, высотой 12 м. Здесь обнаружена керамика VI-VIII вв. н.э. (рис. 18).

Тангатопартепа находится на правом берегу канала и расположена на территории кишлака Бешкапа. Памятник со всех сторон срезан техникой. Сохранившаяся прямоугольная форма размерами 40x40 м, при высоте 10-16 м. Округлая в плане ци-

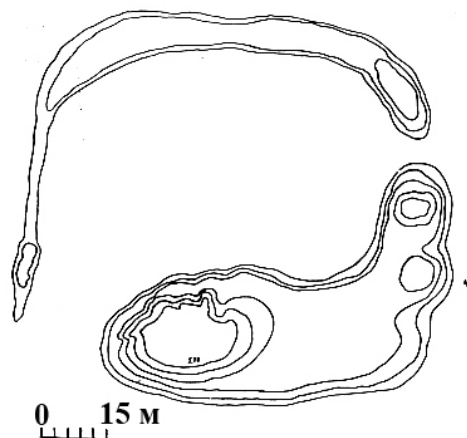

Рис. 17. План Узункишлактепа

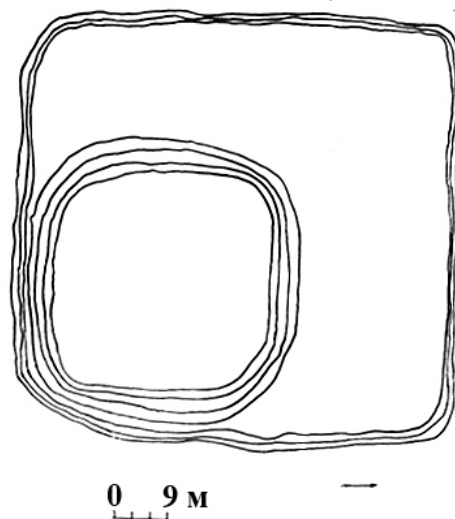

Рис. 18. План Шодиёртепа

тадель диаметром 6 м расположена в юго-восточной части двора. Здесь собрана керамика античного и раннесредневекового времени (рис. 19).

Санчикултепа-1 находится на правом берегу канала и расположена в 100 м к югу от кишлака Санчикул. Памятник со всех сторон срезан техникой. Сохранившиеся остатки памятника имеют почти овальную форму размерами 34x20 м, высотой 3-4 м. В срезах хорошо видны стены комнаты, внутренность которой забутована. Собранные материалы датируются VI-VIII вв. н.э. (рис. 20).

Санчикултепа-II расположено в западной части кишлака Санчикул. Сохранившаяся часть памятника имеет округлую форму, диаметром 19 м, высотой 3 м. Обнаружена керамика VI-VIII вв. н.э.

Куктепа находится на правом берегу канала и расположена в южной части Куккишлака. Имеет почти овальную форму, растянут по направлению С-Ю-26 м; по В-3-22 м, высотой 2-6 м. Двор памятника превращен в кладбище. Замок имеет округлую форму диаметром 7 м, обнаружена керамика VI-VIII вв. н.э.

Халкамонттепа находится на правом берегу канала, расположена на западной окраине кишлака Ху-

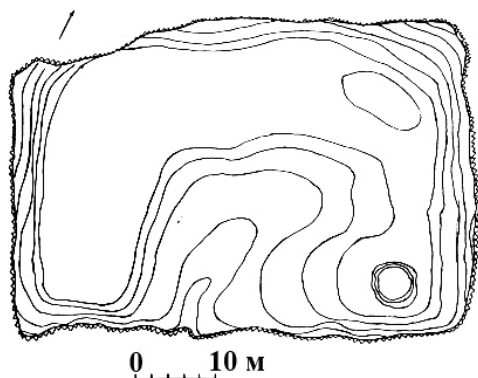

Рис. 19. План Тангатопартепа

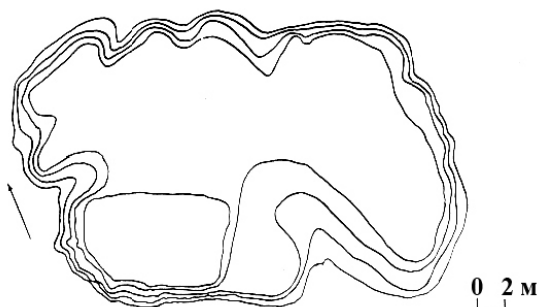

Рис. 20. План Санчикултепа

жакишлак. Памятник имеет четырехугольную форму в плане размерами 36x38 м, при высоте 5 м. Двор памятника полностью освоен. Здесь собрана керамика VII-VIII вв. н.э.

Уроквойжартепа находится на правом берегу канала и расположена на территории одноименного кишлака. Памятник двухъярусный, вытянутой формы размерами С-Ю-48 м, В-З-16 м, высотой 3-7 м. Памятник со всех сторон срезан, овальной формы. Замок находится в северной стороне двора. На поверхности памятника собрана керамика VII-VIII вв. н.э.

Кайроклитепа расположена в центре кишлака Пасткикайрокли. Общая форма памятника четырехугольная размерами С-Ю-120 м, В-З-96 м, высотой 3-7 м, круглой формы, диаметром 36 м, замок окружен с четырех сторон высоким оборонительным валом. Памятник имеет вход с четырех сторон. Сейчас вся площадь холма освоена под современное кладбище. Собрана керамика V-VIII вв. н.э.

Азлартепа находится на правом берегу канала территории кишлака Штаб в махалле Коргузар. Памятник имеет вытянутую форму, размерами С-Ю-56 м, В-З-70 м, высотой 3-12 м. Овальный в плане замок расположен в восточной части двора, размерами 28x30 м, высотой 12 м. На территории памятника имеется современное кладбище, собрана керамика VII-VIII вв. н.э.

Беглартепа находится на правом берегу канала и расположена 1 км к югу от кишлака Штаб. Памятник четырехугольной форму размерами В-З-144 м, С-Ю-120 м, высотой 3-8 м, вытянутой фор-

му замок (размеры: С-Ю-42 м; В-З-52 м) окружен с четырех сторон высоким оборонительным валом. Памятник имеет вход с трех сторон. Вокруг памятника площадь срезана. В срезках на восточной стороне видны остатки пахсовых стен, толщиной 1,20 м. На поверхности памятника собрана керамика VII-VIII вв. н.э.

Штабтепа находится на правом берегу канала и расположена в западной части одноименного кишлака, на западной стороне автодороги Самарканд-Ургут. Тепа вытянутой формы, размерами С-Ю-90 м; В-З-51 м, высотой 3-13 м. Вытянутый замок находится в северной стороне двора. Здесь собрана керамика VII-VIII вв. н.э.

Мозортепа находится на правом берегу канала, в западной стороне кишлака Аълохотин. Памятник со всех сторон сильно разрушен, сохранившиеся остатки холма вытянутой формы, размерами 30x45 м, высотой 5 м. Обнаружена керамика VII-VIII вв. н.э. (рис. 21).

Истахарттепа находится на правом берегу канала, расположено в кишлаке Рават. Памятник со всех сторон разрушен, население, живущее близ памятника, использовало землю под поля и тем самым разрушили его. Сохранившиеся остатки памятника четырехугольной формы размерами С-Ю-36 м, В-З-28 м, высотой 7 м. Местными жителями обнаружены терракотовые статуэтки, относящихся к VI-VIII вв. н.э. (рис. 22).

Сигиртепа-1 находится на правом берегу канала, расположено в западной части Мирзакишлак. Памятник вытянутой формы, размерами С-Ю-50 м, В-З-30 м, высотой 6 м. Памятник вокруг разрушен. Керамика относятся к VII-VIII вв. н.э.

Сигиртепа-II расположен к юго-востоку от первого. Памятник вытянутой формы в плане, размерами С-Ю-44 м, В-З-28 м, высотой 6 м. Найденная здесь керамика аналогична керамике Сигиртепа-1.

Холбойтепа находится на западной окраине кишлака Равотча, цитадель памятника округлой формы, диаметром 34 м, при высоте 9 м. Двор памятника расположен в юго-западной части холма. С южной стороны цитадели сохранились следы рва.

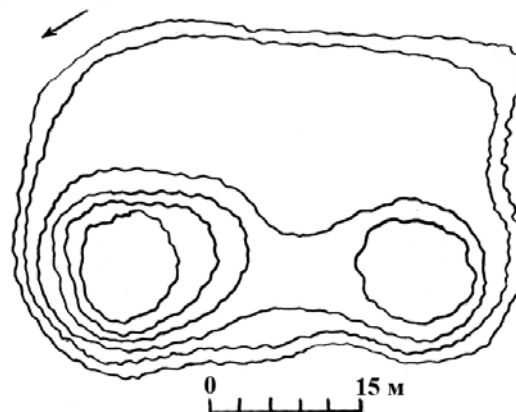

Рис. 21. План Мозортепа

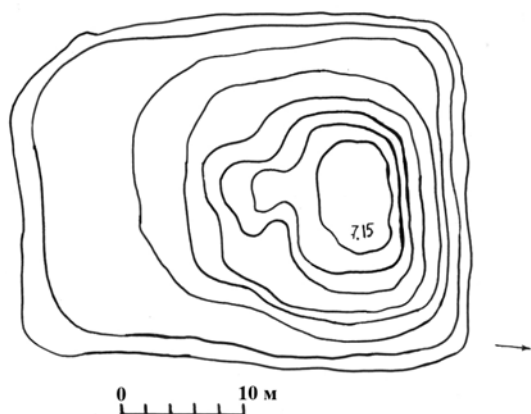

Рис. 22. План Истахартепа

Обнаруженная на этом памятнике керамика относится к VI-VIII вв. н.э.

Ходжикултепа расположена к востоку от кишлака Бек. Памятник почти треугольной формы, размерами В-3-50 м, С-Ю-58 м, высотой 2-10 м. Замок округлый в плане, диаметром 20 м, расположен в северной части холма. Обнаружена раннесредневековая керамика.

Кулдортепа расположена на окраине кишлака Бахрин в 26 км к юго-востоку от Самарканда. Памятник впервые обнаружен Г.В. Григорьевым в 1940 г. (20), со всех сторон окружен крепостной стеной, сохранившиеся до наших дней в виде мощных валов, достигающих в высоту более 6 м. Общая длина крепостных стен превышала 1700 м, ограниченная ими площадь равнялась примерно в 17 га. В 1953 г. В.И. Сарияниди, впервые провел здесь небольшие раскопки. Осенью 1955 г. Самаркандским музеем истории культуры и искусства УзССР совместно с Гос.Эрмитажем были проведены раскопки на городище. В 1955 г., раскоп №1, площадью около 100 м² был заложен в северо-восточной части центрального холма. Доведен этот раскоп до глубины 5 м от поверхности холма. Второй раскоп был заложен на крепостной стене города, в северо-восточной части городища. Шурфы, заложенные на пониженном участке в юго-восточном углу городища, по мнению Б.Я. Ставиского и М.Х. Урмановой, показали также, что понижения такого рода на территории Кулдор-тепе соответствуют каким-то крупным незастроенным участкам, возможно, базарным или иным площадям. Данные, полученные в ходе раскопок, позволяют говорить, что крупное поселение городского типа возникло на территории Кулдор-тепе не позднее первых веков н.э. Оно возникло около озера с подземными источниками, которое сразу же было взято под охрану городских крепостных стен. Тогда же над озером была воздвигнута цитадель, возвышавшаяся, по-видимому, уже в III-IV вв. более чем на 10 м над всей округой.

В 1956 г. еще один раскоп (раскоп 3) был начат в северо-западной части городища, на одном из

находящихся здесь крупных всхолмлений. Здесь вскрыто лишь одно помещение древнего монументального здания, относящегося к III-IV вв. до н.э.

В 1957 г. на городище были продолжены раскопанные работы. В том году полевые работы велись на двух участках: на центральном холме цитадели (раскоп 1) и на раскопе 3. В восточной части раскопа 3, над забутовкой здания зачищены остатки кострища, в котором найдены монеты с квадратным отверстием в центре, выпущенные в Согде в VII-VIII вв. в подражание китайским монетам династии Тан. Таким образом, работы 1957 г. подтвердили вывод о том, что во время арабского завоевания северо-западная часть городища Кулдор-тепе была уже заброшена. Во время раскопок в 1956 г. на городище был найден небольшой медный ключ с массивной подпрямоугольной в сечении ручкой с петлей для подвешивания, с плоским пластинчатым стержнем с двумя вырезами в центре. На одной из граней ручки после очистки от кисти обнаружилась нанесенная точками арабская надпись «сделал Усман» (Ставиский, Урманова, 1958, с. 57).

Работы 1956-1957 гг. на Кулдортепе уточняют наши представления о жизни древнего города. Исследование на раскопе 1, проливает новый свет на последний этап жизни Кулдор-тепинской цитадели. Выясняется, что после разрушения в VIII в. монументального здания, на центральном холме цитадели уже в IX в. на склоне этого холма были возведены новые сооружения. Городище Кулдор-тепе отождествляется с городом Босиде - столицей согдийского княжества Маймург (Ставиский, 1959, с. 79-93).

Совгонтепа расположена в северной части Кулкишлак-тепа-1 расположено в южной части Кишлак-тепа-1 квадратно-четырёхугольной формы размерами 34x35 м, высотой 7 м. Памятник со всех сторон разрушен. На поверхности холма были встречены позднеантичные и раннесредневековые материалы.

Кулкишлак-тепа-1 расположено в южной части одноименного кишлака, северная сторона памятника срезана. Сохранившиеся остатки памятника почти квадратной формы размерами 42x42 м, высотой 12 м. Найдена керамика раннесредневекового периода.

Кулкишлак-тепа-II расположена в 1 км к юго-востоку от первого памятника, округлой формы диаметром 28 м, высотой 3 м. На поверхности памятника собрана керамика VII-VIII вв. н.э.

Улокчопартепа расположено в центре кишлака Кулкишлок. Памятник с трех сторон (кроме южной) сильно разрушен. Сохранившиеся остатки памятника округлой формы, диаметром 22 м, высотой 7 м. Керамика датируется VII-VIII вв. н.э.

Алёртепа расположена на северо-западной окраине кишлака Самгикор, на юге от канала Янги арик. Памятник вытянутой формы в плане размерами: С-10-64 м, В-3-49 м, высотой 17 м. Здесь нами

собрана керамика VII-VIII вв. н.э.

Алёртепа был последним памятником, расположенным на берегу канала Бармыш (Янги арик). Теперь продолжим описание памятников, расположенных вдоль горных саев.

К западу самого крайнего Аккургансае расположен Тераксай, на берегу которого имеются три памятника (рис. 1).

Савуртепа расположена в восточной стороне кишлака Терак на левом берегу Тераксаея. Памятник овальной формы размерами 34x21 м, высотой 12 м. В восточной стороне памятника проведен арык и при этом разрушена восточная сторона холма. Западная сторона тоже освоена впритык и поэтому срезана. В радиусе 100 м от памятника местные жители часто находят керамику, кости и др. Поэтому можно предположить, что вокруг памятника имелись здания хозяйственного назначения. Обнаруженная здесь керамика относится к VI-VIII вв. н.э.

Полвонботтепа расположено в южной стороне горного склона кишлака Терак, на правом берегу Терак саея. Памятник имеет вытянутую форму в плане, размерами: С-10-34 м, В-3-17 м, высотой 6 м. На поверхности холма найдены керамики VII-VIII вв. н.э.

Тоштепа расположена в верхней части кишлака Терак, на правом берегу одноименного саея. Памятник имеет вытянутую в плане форму, размерами: С-В-36 м, В-3-15-18 м, высотой – 6 м. Вытянутый в плане замок расположен в северной части двора. На поверхности замка имеется каменная кладка. Собрана керамика VI-VIII вв. н.э.

Как мы выяснили, в восточной части кишлака Терак было два памятника, которые сейчас полностью уничтожены. На месте этих памятников собраны керамики VI-VIII вв. н.э.

В горных адырах Зарафшанского хребта расположен кишлак Катаган, в восточной стороне этого кишлака течет Катагансае, на обоих берегах саея имеется несколько памятников. В верхнем течении Катагансаея в горном ущелье сохранились три кургана, высотой 1 м, диаметром 2-2,5 м. На насыпе курганов имеются каменные кладки.

Катагантепа I расположена в южной стороне кишлака на левом берегу саея. Памятник прямоугольной в плане формы, размерами 33x29 м, высотой 6 м. Здесь обнаружена керамика VII-VIII вв. н.э.

Катагантепа II тоже находится в южной стороне кишлака и на левом берегу саея. Имеет прямоугольную форму размерами 22x15 м, высотой 5 м. Памятник возведен на естественном, высоком холме и поэтому отсюда очень хорошо видна округа. Найдена здесь керамика VII-VIII вв. н.э.

Катагантепа III. Находится на правом берегу саея в юго-восточной стороне кишлака. Здесь в высоких горных адырах сохранились две могилы, размерами 2x1 м и 1,5x0,9 м, высотой 1,5 м. На общих могилах имеются каменные кладки. Вокруг могил найдена

керамика XV-XVI вв. н.э., но эти материалы к могилам не относятся.

Как было отмечено выше в верхнем течении Муминабадсаея нами полностью раскопан замок Ёнчашма. На нижнем течении этого саея, на северной окраине кишлака Муминабад имеется памятник Иштепа. Памятник округлой в плане формы, диаметром внизу 30 м, высотой 8 м и находится на левом берегу саея. С поверхности холма открывается хороший обзор вдоль саея. Найдена керамика VII-VIII вв. н.э.

В верхнем течении Турткулсаея, на берегу ее притока Гиждувансаея расположено Гиждувантепа. Памятник находится на высокой, естественной возвышенности и ее с двух сторон окружает два саея. Сохранившаяся форма памятника овальная в плане размерами 110x100 м, высотой 4-16 м. Цитадель расположена на юго-восточной части двора размерами 75x52 м, высотой-16 м и имеет овальную в плане форму. В восточной стороне цитадели имеются срезы, на которых хорошо видна каменная кладка. Местные жители здесь нашли бронзовые фигурки льва и наконечники стрел (рис. 23).

В северной стороне памятника имеются два отдельно стоящих холма, один из них овальный, размерами 52x20 м, при высоте 12 м, второй круглый, диаметром 16 м, высотой 10 м. Оба холма использованы под современное кладбище. С восточной стороны эти холмы слегка срезаны бульдозером при возведении ограждения для кладбища. По рассказам местных жителей в местах среза был скелет человека, во рту которого имелись 6 драгоценных монет. Местные жители эти находки распределили между собой и спустя немного времени из г. Ургута приехала милиция и увезла эти находки. Наши опросы среди милиционеров района не дали положительных результатов. Судя по собранным на поверхности холмов находкам, памятник датируется периодом I-VIII вв. н.э.

Кургантепа расположена в восточной стороне кишлака Гиждувон, на левом берегу Турткулсаея. Памятник двухярусный и имеет прямоугольную форму размерами 110x66 м, высотой 6-16 м. Цитадель расположена в юго-западном углу и тоже имеет четырехугольную форму размерами 36x42 м, при высоте 16 м. С четырех сторон замка сохранились остатки угловых башен. Северо-восточная часть замка срезана бульдозером. Памятник возведен на

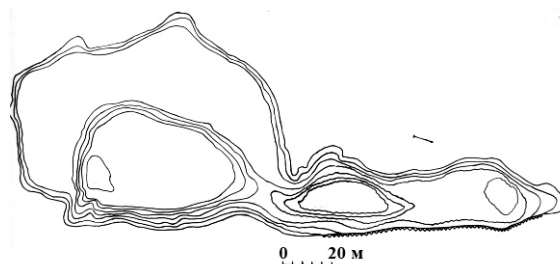

Рис. 23. План Гиждувантепа

естественной возвышенности. Здесь собрана керамика VI-VIII вв. н.э.

Чоштепа расположено в 500 м к северо-западу от кишлака Чоштепа. Памятник двухъярусный и имеет овальную форму в плане размерами 75x63 м, высотой 3-14 м. Цитадель расположена в южной части и имеет овальную в плане форму размерами 18x22 м, высотой 14 м. Памятник с южной стороны окружен глубоким оврагом. Сейчас на поверхности памятника имеется современное кладбище. Собрана керамика VI-VIII вв. н.э. (рис. 24).

Калаваштепа I расположена в 3 км к северо-западу кишлака Турткуль на левом берегу Турткулсая. Памятник двухъярусный имеет овальную форму в плане размерами 70x40 м, высотой 4-8 м. Цитадель находится в южном углу двора и имеет округлую форму, диаметром 20 м, высотой 8 м. Вокруг памятника местами сохранились остатки оборонительной вала. На поверхности памятника собраны керамика VII-VIII вв. и X-XII вв. н.э. (рис. 25). Вблизи этого памятника имеется четыре небольших памятника.

Калаваштепа II имеет округлую форму диаметром 11 м, высотой 5 м; Калаваштепа III овальной формы размерами 52x26 м, высотой 3 м; Калаваштепа IV округлой в плане формы, диаметром 10 м, высотой 8 м; Калаваштепа V овальной в плане формы, размерами 28x12 м, высотой 4 м. Все памятники относятся к VII-VIII вв. н.э.

Каттатапа I расположена в восточной стороне кишлака Рават. Памятник округлой в плане формы диаметром 26 м, высотой 8 м. На северо-западной стороне памятника частично сохранился вал памятника. Между валом и памятником сохранился ров шириной 16 м, глубиной 6-8 м. Вокруг этого памятника сохранились ещё 4 памятника: Каттатапа II овальной в плане формы размерами 16x26 м, высотой 6 м (рис. 26).

Каттатапа III расположена на западной окраине Мурадкишлака и имеет в плане овальную форму, размерами 16x48 м, высотой 8 м.

Каттатапа IV со всех сторон разрушено, сохранившиеся размеры 16x26, высотой 4 м.

Каттатапа V овальной в плане формы, размера-

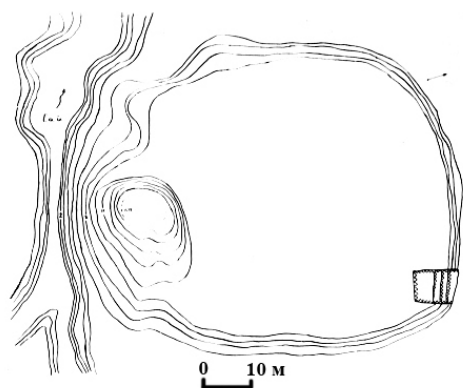

Рис. 24. План Чоштепа

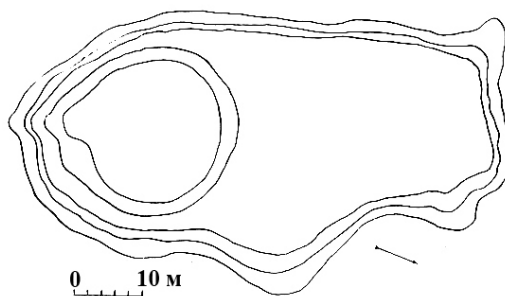

Рис. 25. План Калаваштепа

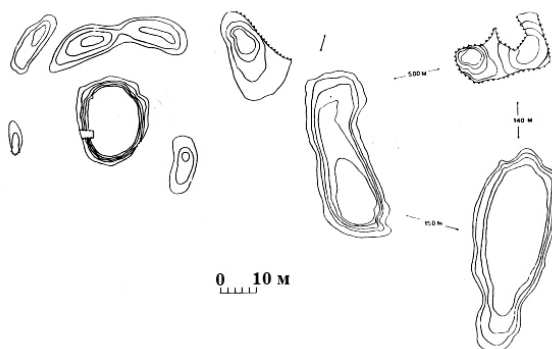

Рис. 26. План Каттатапа - I - V

ми: 24x60 м, при высоте 6 м. На всех памятниках найдена керамика VII-VIII вв. н.э.

Раваттепа I расположено в центре кишлака Равот на левом берегу Турткулсая. Памятник со всех сторон разрушен и вокруг построены дома. Сохранившаяся форма овальная, размерами 10x19 м, высотой 5 м (рис. 27).

Раваттепа II расположена в 100 м к западу от кишлака Рават. Памятник двухъярусный и имеет неправильную четырехугольную форму размерами 75x30-44 м, высотой 6-8 м. Цитадель находится в южной части двора и имеет округлую в плане форму, диаметром – 18 м, высотой 8 м. С северо-восточной стороны памятник окружен глубоким оврагом.

Раваттепа III расположена в 400 м к югу от Раваттепа II. Имеет овальную в плане форму в плане размерами 8x17 м, при высоте 6 м. На поверхности памятников собрана керамика VII-VIII вв. н.э. Только на памятнике Раваттепа III ещё найдена керамика X-XII и XIV вв. н.э. По свидетельству местных жителей, между Раваттепа – II и III ещё имелись 2

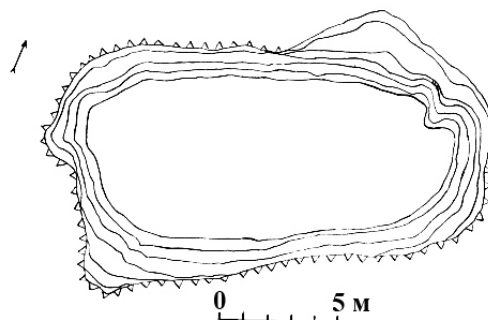

Рис. 27. План Раваттепа - I

холма, которые уничтожены колхозом 30 лет назад (рис. 28).

Тулкиртепа I расположена в западной стороне кишлака Калдиргачджар, на левом берегу Турткулсая. Памятник имеет прямоугольную форму в плане размерами 108x88 м, при высоте 8 м. Замок памятника расположен в западной части памятника и имеет овальную форму размерами 36x56 м при высоте 12 м (рис. 29).

Тулкиртепа II расположена в 100 м к югу от Гулкиртепа I, на левом берегу Турткулсая. Имеет неправильную четырехугольную в плане форму размерами 72x82 м, высотой – 7 м. На обоих памятниках найдена керамика VII-VIII вв. н.э. (рис. 30).

Чачикалтепа расположена в южной стороне кишлака Испанза. Общая форма памятника четырехугольная, размерами: С – 10-100 м, В – 3-50 м,

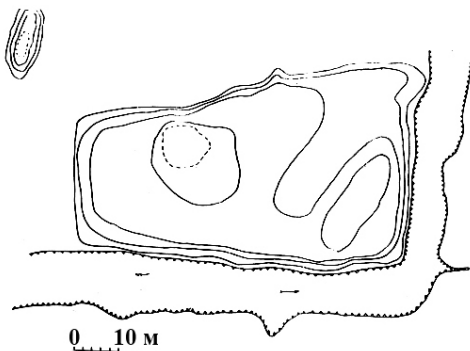

Рис. 28. План Раваттепа - III

Рис. 29. План Тулкиртепа - I

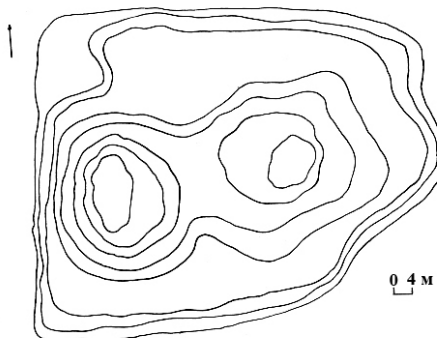

Рис. 30. План Тулкиртепа - II

высота 9 м. Округлый в плане, диаметром 16 м, цитадель находится в южной части двора. Двор памятника разрушен.

Исфандиёртепа расположена в северной части кишлака Испанза, на северной стороне автодороги Ургут–Джартепа. Памятник имеет вытянутую форму размерами: С – 19-90 м, В – 3-39 м, высотой – 8 м. В северной части проходит арык, в результате чего разрушена часть памятника, обнажена пахсовая стена. Восточная сторона памятника тоже разрушена при строительстве.

На поверхности памятника найдена керамика VI-VIII вв. н.э. О.И. Смирнова, занимаясь вопросами домусульманских культов, на территории Согда на основе топонимики пишет что, имя богини Аспантармат, богини земли, святилище которой находилось под современным Ургутом, в селении, носившем ее имя, восстанавливает, таким образом, свое место в согдийском пантеоне. Судя по местонахождению ее святилища, богиня Аспантармат особо почиталась в Ургуте, покровительницей которого она, вероятно, была (Смирнова, 1971, с. 90-95) мы предполагаем, что памятник Исфандиёртепа является святилищем, построенным в честь богини Аспантармат.

Как мы выяснили, территорию большого кишлака Гус пересекают два сая. Один сай протекает мимо святого мазара Гавсули Аъзам и на ее левом берегу был расположен памятник Кумиртепа. Сейчас данный памятник полностью уничтожен и на этом месте построены дома. На этом месте мы собрали керамику VII-X вв. н.э.

Безымянный холм № 1 находится на левом берегу Гусая, в центре кишлака Гус. Памятник со всех сторон срезан и вокруг него построены дома. В срезах хорошо видны остатки хозяйственных ям, скелеты, зола и керамика. Сохранившаяся часть памятника имеет вытянутую форму, размерами 12x22 м, высотой 6 м. Найденная здесь керамика относится к VII-VIII вв. н.э. (рис. 31)

Аролтепа находится в восточной части кишлака Гус. Памятник со всех сторон разрушен и остатки ее имеют вытянутую форму размерами: С- 10-24 м, В – 3-46 м, высотой – 6 м. В северной части памятника сохранились остатки оборонительного вала, найденная здесь керамика относится к VI-VIII вв.

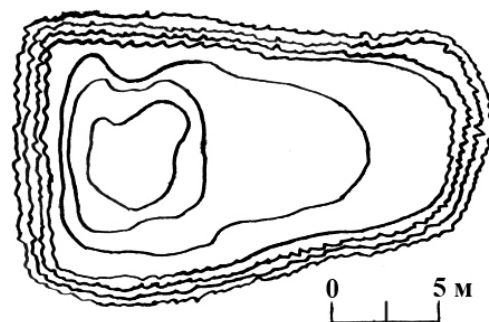

Рис. 31. План Безымянной тепы № 1

(рис. 32).

Куктепа расположена в северной части кишлака Гус на левом берегу одноименного сая. Памятник имеет вытянутую форму размерами: С – 10-80 м, В – 3-40 м, высотой 16 м. Памятник со всех сторон очень сильно разрушен. В срезах четко видны стены помещения, сложенных из пахсовых блоков. На поверхности и вокруг памятника были найдены фрагменты керамики позднеантичного раннесредневекового времени (рис. 33).

Во время археологической разведки на этом памятнике найдены две статуэтки, одна хорошей сохранности, а другая разбитая, сохранилась только ее верхняя часть (рис. 34).

Терракотовая статуэтка № 1 с изображением фронтально стоящей женской фигуры. Размеры: статуэтка изготовлена из тонко отмученной глины с примесью шамота и дресвы. Тыльная сторона подрезана инструментом и поэтому сохранились следы срезов. Боковая сторона также срезана аналогичным способом. Голова изображения выполнена в высоком рельефе, между тем корпус передан в технике барельефа. Лицо округлых очертаний с невысокой прической, показано косыми линиями, сходящими к центру лба, длинные, прямые брови. Широкий удлинненный разрез глаз с подчеркнутыми веками и с углубленными зрачками. Нос короткий, прямой. Подбородок отбит, но сохранилась ее правая часть. Судя по сохранившимся частям, подбородок был укорочен, пропорционально переходящий в

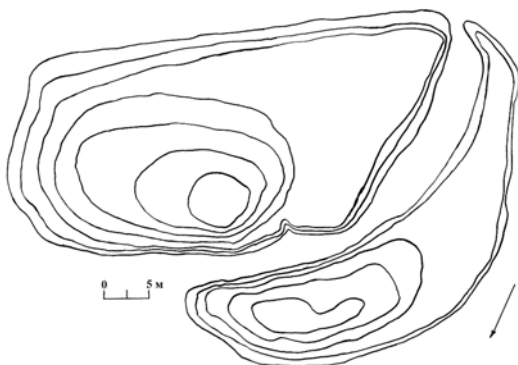

Рис. 32. План Аролтапа

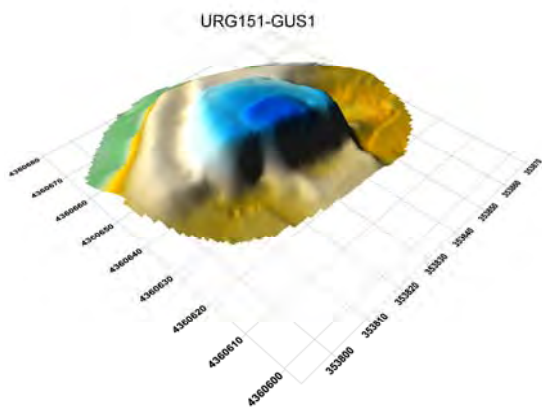

Рис. 33. План Куктепа

Рис. 34. Терракотовые статуэтки из Куктепа

массивную шею. Судя по сохранившемуся уголку рта, он был маленький с пухлыми губами. На шею массивная гривна с утолщенным на месте соединением. На фигуру накинуто длинное одеяние типа кандиза (халата) с длинными до пят рукавами, возможно, что рукава были ложными. Из-под кандиза видно платье, доходящее до пят. Под краями платья два небольших выступа, подразумевающие обувь персонажа. Невысокими рельефами передана женская грудь, правая рука согнута в локте и горизонтально покоится на животе. Из-под кистей с намеченными пальцами атрибут не определенных очертаний, чуть удлиненной формы. Вторая левая рука тоже согнута в локте и, возможно, придерживающая край кандиза.

Вторая статуэтка разбита и только сохранилась ее верхняя часть. Она изготовлена тем же мастером, потому что она аналогична первой статуэтке. Отличительные признаки заключаются в манере изображения кандиза, на котором показаны широкие треугольники отворота в виде зигзагообразного рельефа. На обоих лицах имеются значки в виде симметрично проставленных кружочков.

Судя по иконографии, обе статуэтки отражают образ богини Нана-Анахита, которая была широко распространена в Средней и Центральной Азии, в частности, Согде во II в. до н.э. – VIII в. н.э. (Дьяконова, Смирнова, 1967). Аналогичные статуэтки были найдены на памятниках Самаркандского Согда и сейчас хранятся в Самаркандском музее, датирован В.А. Мешкерис II в. до н.э. - IV в. н.э. Данный тип статуэток назван исследователями «богиня с плодами в руках» (Мешкерис, 1976, с. 19-31, табл. III, 24, 30, 31; табл. 33-34).

Как мы говорили выше, Ургутсай является самым многоводным саям региона. На обоих берегах этого сая имеется несколько памятников. Воды Ур-

гутсая и сейчас доходят до канала Янги арык.

Сирийско-несторианские надписи сохранились в южной стороне г. Ургута, к юго-востоку от кишлака Суфиён. Здесь на гладкой поверхности высокой скалы выбиты надписи. В 1920 г. академик В. Бартольд у подножия Ургутских гор провел археологические разведки и возле пещеры Гулбог обнаружил сирийские надписи, состоящие из 25 слов и изображения креста. В 1955 г. школьники школы № 2 г. Ургута под руководством учителя географии проводили исследования в пещере Гулбог и обнаружили надписи. О результатах сообщили ученым. С этими ознакомившись с этими надписями, Г.В. Парфёнов написал, что этим надписям 600-700 лет (Абдурахманов, 1983, с. 14-16). В последние годы с этими надписями ознакомились ученые из Франции, Германии и Санкт-Петербурга. Как выяснилось, надпись состоит приблизительно из 100 слов и на верху надписей высечены два изображения креста. По мнению ученых, эти надписи высечены на скале X-XI вв. н.э.

Христианский монастырь выявлен в ходе археологических разведок в 1997 г. на южной окраине кишлака Суфиён г. Ургута. Памятник находится на южной окраине кишлака Суфиён, на возвышенности, образованной одним из отрогов горы Аллаёрон и представляет собой холм вытянутый по оси С-Ю. Размеры памятника: 35x25 м, высотой у подножия 15 м. Как определили памятник построен на естественном холме. С западной стороны памятника течет Ургутсай, а с восточной Кутурбулаксай. Подъемный материал состоит из фрагментов керамики, наиболее ранние из которых датируются VIII в. н.э., поздние – XIII в. н.э. (Научный отчет об арх...., с. 1-3).

В апреле-мае 1999 г. в западной части холма был заложен раскоп. В результате раскопок были выявлены четыре помещения, которые были связаны между собой дверными проходами и коридором. Результаты наблюдений показали, что здание в период своего функционирования пережило ряд крупных и мелких перестроек. Первоначально все стены были сделаны из пахсы. Впоследствии эти стены были обложены жженым кирпичом размерами 23x23x5 см и 32x16x5 см. Полы всех помещений были выстланы жженым кирпичом размерами 28x28x5 см и 34x23x3 см. Помещение ориентировано строго по сторонам света. Стратиграфическое заполнение состояло из фрагментов битого жженого кирпича, золы. Местами выявлено некоторое количество керамики, металла и стекла (Научный отчет Ургутского отряда, 2000, с. 1-4). По археологическим находкам раскопанного нами здания можно датировать IX-XI вв. н.э.

Местность, где сохранился данный памятник в средневековье, входила в состав горного рустака Шавдар. По сведениям Ибн Хаукаля, в Шавдаре была христианская церковь, где они собирались.

Путешественник застал здесь христиан, выходцев из Ирака (Бетгер, 1957, с. 13-18). Упомянутый Ибн Хаукалем несторианский монастырь действовал ещё в X в. и по определению В. Бартольда, в XI в. в Ургуте продолжала существовать нестоиранская метрополия (Бартольд, 1894, с. 23). Кроме этого, в Ургуте было найдено сирийское бронзовое кадило, на котором изображены сцены из Нового завета: «Благовещение», «Встреча Марии и Елизаветы», «Рождество», «Крещение», «Распятие», «Жены-мироносицы у гроба». Данное кадило датировано VIII-IX вв. н.э. (рис. 35) (Залеская, 1972, с. 57-60). Исходя из выше приведенных доводов, мы считаем, что раскопанное нами здание было христианским монастырем, о котором писали средневековые географы. Обнаруженные в ходе раскопок 3 креста ещё раз подтверждают правильность наших выводов.

Аждохотепа расположена в восточной части г. Ургута на правом берегу Ургутсая, на южной стороне асфальтной дороги Ургут-Гусс. Памятник впервые был обследован Г.В. Григорьевым и И.А. Сухаревым (Григорьев, 1940, с. 13-18). Судя по их сведениям, памятник в последнее время значительно разрушен. Сохранившиеся остатки памятника имеют почти четырехугольную форму размерами С-Ю-44 м, В-З-38 м, высотой-14 м. На северной стороне холма частично сохранились остатки оборонительного вала. На поверхности памятника собрана керамика VI-VIII вв. н.э.

Чагизмонтепа находится на северо-восточной окраине г. Ургута, на левом берегу Ургутсая, на территории одноименного кишлака. Памятник имеет вытянутую в плане форму размерами: С-Ю-25 м, В-З-150 м, высотой 3-8 м. Имеющая квадратную форму цитадель (100x100 м) расположена в южной части памятника. Памятник вокруг разрушен. Обнаруженная здесь керамика датируется с VI-VII и IX-XI вв. н.э.

Мергантепа расположена на северной окраине г. Ургута, на левом берегу Ургутсая, на территории

Рис. 35. Бронзовое кадило из Ургута

одноименной махалли. Памятник имеет вытянутую в плане форму размерами: В-3-92 м, С-Ю-44 м, высотой 4-9 м. Овальная в плане цитадель находится в западной части двора. На поверхности памятника обнаружена керамика VI-VIII вв. н.э.

Как показывает анализ планировки вышеописанных памятников на исследуемой зоне сохранилось несколько типов археологических памятников. К сожалению, письменные источники ни по античной, ни по раннему средневековью не представляют данных ни по топографии, ни по внутренней структуре описываемых памятников.

На основе имеющихся материалов, анализируя собственные материалы по размерам и внутренней структуре памятников, можно предложить следующую археологическую классификацию:

1. Небольшие тепа различной конфигурации, без внешней оборонительной стены, площадью от 0,02 до 0,30 га, высотой до 3-4 м.

2. Небольшие тепа, квадратные, овальные или прямоугольные с мощных обводных стен, площадью 0,10-0,50 га, высотой 4-5 м.

3. Тепа квадратной, прямоугольной, ромбовидной формы с ровным плавным понижением внутри рельефа, окруженные оборонительной стеной, площадью 0,5 до 4,0 га, высотой 3-5 м.

4. Двухъярусные тепа квадратной, прямоугольной или округлой цитадели и примыкающая к нему пониженная площадь с ровным рельефом. Высота цитадели до 8-10 м. Общая площадь от 0,5 до 2,0 га.

5. Тепа овальное, прямоугольное или квадратное с ровным рельефом внутри, окруженное мощной стеной, иногда с башнями. Высота 5-7 м, площадью 1,5-4,0 га.

6. Крупные памятники, окруженные крепостными валами, с прямоугольной или квадратной цитадели около одного из фасов, в углу или центре. Площадь их от 4 до 6 га. Высота 5-7 м. Функциональное назначение выделенных типов может быть определено только на основе археологических раскопок. В последние годы на территории Самаркандского Согда проведены раскопки памятников, включающих некоторые описанные типы. Нами выделено 7 типов функционального назначения:

1. город;
2. крепость;
3. селение;
4. замок;
5. дом;
6. храм или культовое здание;
7. неопределенное.

Как показывает предварительная типология памятников левобережья Зарафшан на этой территории имеется два города: Варагсар и Кулдортепа. Большинство памятников региона относится к замкам, селениям и отдельно стоящим домам. Имеются только два храма и один монастырь. Храм Джартепа II полностью раскопан, предполагаемый храм,

построен в честь богини Аспантармат (памятник Исфандиёртепа, на территории кишлака Испанза) еще не раскопан. Христианский монастырь на южной окраине кишлака Суфиён почти раскопан полностью.

Самым крупным и важным памятником является городище Кулдортепа, вероятно, античный Босида, столица региона и в раннем средневековье.

В ходе разведок левобережья Зарафшана нами зафиксировано более 70 археологических памятников, относящихся к эпохе раннего средневековья. Это неудивительно, так как широкое строительство сельских укрепленных поселений было вызвано падением рабовладельческого способа производства и появлением ранних признаков нового феодального уклада и в связи с этим переносом центра общественной и производственной жизни в сельскую местность (Нильсен, 1966, с. 112-115).

Наиболее типичная форма укрепленного поселения эпохи раннего средневековья – высокая, подквадратная в плане оборонительная башня и примыкавшая к ней более обширная, низкая, обведенная стенами жилая часть.

Другой тип сельского поселения, особенно в V-VIII вв. н.э. были довольно округлые в плане тепа, которые часть имели внешность сглаженной усеченной пирамиды или конуса и представляли собой остатки зданий укрепленных усадеб и замков, возведенных на высоких платформах, а также небольшие общинные поселения, окруженные внешней стеной и отдельными малыми хозяйствами по периметру, обращенными к общему двору в центре.

Большинство отдельно стоящих овальных, круглых или прямоугольных в плане памятников обнаружены на берегах Чепсая и Турткульсая. Эти памятники возведены прямо на берегу сая и поэтому некоторые части их смыты водой. Как свидетельствуют собранные на поверхности керамические находки, они датируются VI-VIII вв. н.э.

Внутренняя структура и функциональное назначение помещений верхнего и нижнего ярусов замков могут резко различаться. Как показывает археологическая практика, наверху могли быть цитадель, храм, дворец или даже хозяйственные помещения.

Как показали раскопки на бугре Ёнчашма Ургутского района, жилые помещения располагались на втором этаже, а ниже находились помещения складского типа.

Но в формировании замковой типологической традиции в архитектуре в эпоху раннего средневековья были и другие существенные факторы. Как отмечает Р.Х. Сулейманов, в IV в. н.э. достигло эпогея великое переселение народов Евразии, которое в степной полосе началось с движения гуннов и затронуло, в первую очередь, Северную Азию (Сулейманов, 2000, с. 61-65).

Источники сообщают, что хиониты заняли Согд и, двигаясь с севера на юг, уже в середине IV в.

пришли к столкновению с Сасанидским Ираном. Поэтому, с IV-V вв. н.э. в Самаркандском Согде, как и по всему Согду, на смену иерархической и централизованной системе расселения с единой и продуманной структурой обороны региона, пришла система индивидуальной обороны каждого городища и поселения.

Как показали результаты разведок, большинство замков, крепостей и других сельских поселений прекратили свое существование к VIII в. н.э., по всей видимости, это связано с приходом арабов в Согд.

В античном периоде здесь появляются некоторые городища как Кулдортепа в Ургутском районе и несколько сельских поселений.

Массовое освоение региона начинается с эпохи раннего средневековья, появляются многочисленные сельские поселения, замки и усадьбы феодалов, развивается ирригация. С приходом арабов большинство сельских поселений прекращают свое существование и лишь некоторые из них повторно обживаются к X-XI вв. н.э. Таковы результаты археологических разведок в верхней части Зарафшанской долины на левом берегу реки Зарафшан.

Использованная литература:

- Абдурахманов А.А. Ўзбекистон тарихидан материал тўплаётган студентлар учун қўлланма. Самарканд, 1983.
- Аскарлов А.А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // КСИА. Вып.122. М., 1970.
- Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Записки восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. 1-12. СПб. 1894.
- Бартольд В.В. Географический очерк Мавераннахра. Сочинения, том. 1. М., 1963.
- Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Сочинения Т.III. М., 1965.
- Бердимуратов А.Э. О работах Ургутского отряда // Археологические открытия - 1986 год. М., 1988.
- Бердимуратов А.Э. Раскопки на бугре Ёнчашма. Археологические работы на новостройках Узбекистана. 1990.
- Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К. Храм Джартепа. Ташкент, 1999.
- Бердимуратов А.Э., Ронделли Бернардо. Научный отчет узбекско-итальянской экспедиции за 2003 год. Архив Института археологии, 2004.
- Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абул Касима Ибн Хаукаля. Труды САГУ, вып.СХI, 1957.
- Залеская В.Н. Сирийское бронзовое кадило из Ургута // Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
- Исаков А.И. Работы Косатарошского отряда в 1977 г. Археологические работы в Таджикистане, вып.17. 1983.
- Исаков А.М. Саразм – горизонты древней цивилизации. «Наука и жизнь» 1986, №4. М.
- Исамиддинов М.Х., Рапен К. К стратиграфии городища Коктепа // ИМКУ, вып. 30. Самарканд, 1999.
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.
- Лев Д.Н. Из истории изучения первобытной археологии Самарканда. Труды СамГУ, новая серия, вып.182, 1970.
- Лев Д.Н. Археологические исследования СамГУ в 1955-1956 гг. Самарканд, 1969.
- Мухаммеджанов А.Р. Даргомская плотина и крепость в Раватходже. ИМКУ, вып.9. Ташкент, 1972.
- Научный отчет об археологической разведке в кишлаке Суфиён, южная окраина г.Ургута Самаркандской области (сентябрь-октябрь 1997 г.). г.Самарканд, 1988. Научный архив ИА АН РУз.
- Научный отчет Ургутского отряда Института археологии АН РУз (апрель-май 1999 г.). Самарканд, 2000.
- Научный отчет узбекско-итальянской экспедиции за 2004 г. Архив Института археологии АН РУз., 2005.
- Нильсен В.А. Архитектура Средней Азии, V-VIII вв. Ташкент, 1966.
- Отчет об археологической разведке в 1940 г. Г.В. Григорьева, №576. Научно-ведомственный архив Самаркандского Гос. музея-заповедника г. Самарканда.
- Смирнова О.И. Места домусульманских культов в Средней Азии. Страны и народы Востока. М., 1971.
- Ставиский Б.Я., Урманова М.Х. Городище Кулдор-тепа // Советская археология. М., 1958, №1.
- Ставиский Б.Я. Исторические сведения о верхней части Зарафшанской долины // ИМКУ, вып. 1. Ташкент, 1959.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Самарканд, 2000.
- Шишкина Г.В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб, вып. 1. Ташкент, 1969.

ФАРҶОНА ВОДИЙСИ АҲОЛИСИНИНГ ИЛК ЎРТА АСРЛАР ДАВРИ ДИНИЙ ҚАРАШЛАРИНИ ДАФН МАРОСИМЛАРИДА АКС ЭТИШИ (Мунчоқтепа мисолида)

Инсоният жуда қадимдан ўлим ва у билан боғлиқ маросимларга алоҳида эътибор бериб келган. Археологик маълумотларга кўра, палеолит давридан бошлаб, яъни неандерталь одамлари (бундан 60 минг йил олдин) ўз яқинлари ўлгандан кейин, уларни маълум расм-русумлар бажариб сўнг кўмганлар (Origine, 1984, p.8). Дафн этиш урф-одатлари турлича бўлиб, уларга марҳум яқинлари қатъий риоя қилганлар.

Қадимги мазорлар ва мазор-қўрғонларни ўрганишда археология ва этнография фанларининг асосий тушунчаларидан бири бу дафн маросимлари билан боғлиқ урф-одатлар ва улар билан боғлиқ диний қарашлардир. Чунки, бу тушунчаларнинг маъноси кенг қамровли, баъзан улар чексиздир. Археология ва этнография соҳаларида дафн урф-одатлари ва удумлари моҳиятини ўрганиш бўйича ўтказилган кўплаб илмий тадқиқотлар мавжуд. Бу жабҳадаги излашларда археологларнинг мазор-қўрғонларни текширишдан, этнографларни эса дала-этнографик кузатув таҳлилидан келиб чиқадиган тушунчалар бор. Бу ўринда этнографларнинг хулосалари ва тавсифлари содда ҳамда аниқроқдир (Литвинский, 1972. С. 70). Археологлар бу урф-одатларга бир неча босқичга бўлинадиган маросимлар йиғиндиси сифатида қарайдилар. Агар дафн маросими урф-одатларини умумлаштирсак (дафн маросими урф-одатлари тўғрисида: Алёкшин, 1986. С. 6-16; Ольховский, 1986, 1993.) улар қуйидагича кўринишда бўлади.

1. Дафн иншоотлари (ўра гўр, ёрма гўр, лаҳадли гўр, сағана ва бошқалар).

2. Дафн этиш усуллари (кўмиш, куйдириш ва б.).

3. Марҳум билан бирга қўйиладиган буюмлар (Аскарлов, 1977, с.151-159; Массон, 1976, с. 149-150; Литвинский, 1972, с. 70-72; Каменецкий, 1983, с. 225).

3а. Дафн этиш пайтида бажарилган урф-одатларни моддий намуналари деб аташ мумкин. Улар 3-кўриниш билан бир хил бўла олмайди. Чунки қабрдаги бу хил топилмалар фақат дафн этиш пайтида фойдаланилган. Масалан, Мунчоқтепа мазоридида кузатишган оёқ-қўлни боғлашда ишлатилган ип, кўз ёпинғичи, бош остидаги ёстиқ ва ҳ.к.

Дафн этиш билан боғлиқ урф-одатлар «вақтлар ўтши билан маълум даврда шаклланган

маросимлар бўлиб, улар асосан дафн этишгача, дафн пайтида ёки ундан сўнг бажарилади» - (Алёкшин, 1986, с. 6). Демак, дафн маросими бир-бири билан боғлиқ бир неча диний-маънавий жараёнлардан иборат. Уларнинг ҳар бири «нариги дунё»га кузатиш учун марҳумнинг яқинлари томонидан олиб борадиган турли маросимларни ташкил этади. Бу жараён узоқ давом этиб, оғир хасталанган беморни вафоти олдида бошлаб, вафотидан сўнг дафн этиб, қабри устига белги (ёдгорлик) ўрнатиш-у ва ундан сўнгги урф-одатларни ўз ичига олади (Леонова, Смирнов, 1977, с. 18). Элшуносликда ва фольклор материалларида ҳам дафн этиш билан боғлиқ расм-русумлар мотам маросимлари сифатида қаралиб, улар яхлит ҳолда уч босқичга бўлиб ўрганилади. Биринчиси, киши ўлими арафасидан то «жони узилиб» дафн этилгунча бўлган вақтни ўз ичига олади. Иккинчиси, марҳумни хонасидан олиб чиқиб, дафн этилгунча вақт билан боғлиқ воқеаларни қамраб олади. Учинчиси, марҳум дафн этилгач, бир йил давомида ўтказиладиган расм-русумлардан ташкил топади. Албатта, мотам маросимидаги расм-русумлар, табулар, урф-одатларни ўтказилиш тартиби бор (Саримсоқов, 1988, 152-223-бетлар). Булардан фарқли ўлароқ, археологлар моддий-маданий қолдиқлари асосида, моддий ашёлар орқали дафн этиш билан боғлиқ ритуал ҳаракатларни тиклайдилар. Албатта, бунда биринчи навбатда этнография маълумотларидан кенг фойдаланилади. Лекин бу ҳолатда ҳам дафн этишдаги мотам «ўйинларини», дуо ўқилгани, мотам йиғиларини, маросимда қатнашган ҳайвон (от, ит ва б.)ларнинг қатнашгани ҳақидаги маълумотларни айрим олинган дафн маросимлари учун тиклаб бўлмайди. Хуллас, археология, этнография фанлари дафн этиш билан боғлиқ урф-одатларни инсоннинг бир ҳолатдан иккинчи ҳолатга ўтишини акс эттирувчи диний қарашлар тизими деб қарайди (Массон, 1976, с. 149; Алёкшин, 1986, с. 6). Булардан келиб чиқиб, дафн этиш билан боғлиқ урф-одатлар бу-кишини бир ҳолатдан иккинчи ҳолатга ўтиш пайтида фойдаланиладиган ва маълум бир қонун-қоидалар (нормалар) асосида амалга ошириладиган ҳамда ўзида диний-ғоявий белгиларни мужассам этган маросимлар йиғиндидир, деган хулосага келиш мумкин. Бу маросимлар юқорида, айтганимиздек, дафнгача, дафн

пайтида ва дафндан сўнг белгиланган маълум вақт ичида бажарилади (Ольховский, 1986, с.68).

Фарғона водийсидаги Мунчоктепа мазоридидаги (V-VIII асрлар) сағаналар полига марҳумлар уч хил усул билан дафн қилинган:

Ерга ва махсус тўшама устига дафн этиш;

Жасадни саватга солиб кўмиш;

Қамиш тобутга солиб дафн этиш.

Булар ичида қамиш тобутларга солиб кўмилганларнинг дафн маросимлари хақида кўпроқ маълумотлар тўпланди. Ушбу урф-одатларнинг сақланган излари келтириб ўтилган маросимларни ҳар уч босқичи (дафнгача, дафн пайтида ва ундан сўнг) моҳиятини очишга ёрдам беради.

1. Баъзи жасадлар боши остида махсус «тўшама» - ёстиқ қолдиқлари аниқланди. Айримларига ўсимлик пояси юмалоқ қилиниб «ёстиқ» сифатида фойдаланилган бўлса, баъзиларида ёстиқ сифатида пахтали матодан фойдаланилган. Умуман олганда, жасад боши остига «ёстиқ» кўйиш бронза давридан то ҳозирги кунларгача давом этиб келмоқда. Марҳумлар боши остига тўшама - ёстиқ кўйиш одати уларнинг «нариги» дунёда яшашига ишонч белгиларидан биридир. Ана шу дунёга ўтиш учун «марҳумларга иложи борича «комфорт» - қулайлик яратиб беришга ҳаракат қилганлар (Литвинский, 1972, с. 104-124). Албатта, бунинг заминидида маълум диний тушунчалар сингдирилган бўлиши мумкин.

2. Айрим жасадлар бош қисмида юзпарда-юзпана (лицевое покрывало)лар мавжудлиги аниқланди. У тўртбурчак шаклга эга. Бундай юзпардаларнинг ўлчамлари 23-25х35-37 см, жуда юпқа, нафис ипакдан тайёрланган ва марҳум юз қисмини тўлалигича бекитган. Мунчоктепада топилган юзпардалар Шарқий Туркистондагиларга айнан ўхшаб кетади ва Қорабулоқдаги (Фарғона) юзпардаларга жуда яқин туради. Хронологик жиҳатдан олсак, юзини ва кўзини тўсиб кўйиш одати биз солиштириб кўрган ёдгорликларда қуйидагича: бу одат дастлаб Қорабулоқда, кейинроқ Остона (Шарқий Туркистон) ёдгорлигида ва Мунчоктепада тарқалган. Юз ва кўз-тўсқичларнинг бажарган вазифасига келсак, марҳумлар тириклар дунёсига «энди қайтишга йўл топа олмасин», деган мақсадда юзпардалар ишлатилган бўлиши эҳтимол.

3. Баъзи жасадлар пешона қисмида пешонабанд(пешонабоғ)ни эслатувчи ипак лента (тасма) қайд этилган. Пешонабоғнинг эни 5-7 см. га боради. Эҳтимол, бу бош кийими қолдигидир ёки баъзи маросимлар билан боғлиқ нарсадир. Чунки, Мунчоктепадаги қабрларда пешонада ипак лента ҳамма марҳумларда ҳам учраган эмас.

4. Айрим қамиш тобутлардан ва улар атрофи-

дан кўплаб ўсимлик қолдиқлари (баъзида уруғлари билан) чиқди. Бу ўсимлик поялари ва уруғ қолдиқлари палеоботаниклар томонидан ўрганиб чиқилди. Улар ялпиз (*Mentha asiatica boriss*), ёввойи мурчга (*Vites agnus castus Z*) тааллуқли. Мунчоктепадаги ўсимлик қолдиқларидан бирини ялпизлиги ҳақиқатга яқиндир, чунки баъзи манбаларда райхон бир оз кейинроқ кенг истеъмолда бўлган, деган фикрлар мавжуд. Ўсимлик ва унинг барглари дафн маросими қайси фаслда бўлганини ҳам аниқлаб бериши мумкин. Бизнинг кузатувларга кўра, 5-сағанадаги 22 ҳолатда қамиш тобутлар сағанага ёзги-кузги мавсумда кўйилган. Хилхонага ялпизни кўйиш, унинг хавосини мусаффо тутишни кўзда тутиб кўйилгандир. Чунки мурданинг чириш жараёнида сағана хавоси бузилади. Рухлар буни ёқтирмайди. Қолаверса, баъзи ўт-ўланлар чириш жараёни секинлаштириши ҳам мумкин. Худди шунга ўхшаш ҳолат узок Пазирик мазор-қўрғонида ҳам кузатилган. Яъни жасадларни бальзам қилишда табиий ўт-ўланлардан фойдаланишгани маълум (Руденко, 1953, с. 326-341). Марҳумлар устига ўт-ўланлардан сепиш одати Шарқий Туркистонда ҳам қайд этилган (Литвинский, 1995, с. 268, 283-284). Яна тобутга ҳар хил хушбўй ўсимликлар кўйишни этнографик материалларда ҳам учратиш мумкин. Жумладан, Фарғона водийси айрим районларида кафан устига райхон сочиб кўйганлар. Элшунослар буни деҳқончилик эътиқодлари билан боғлайдилар (Кармышева, 1986, с. 145).

4. Марҳумлар ёнига танга-чақалар кўйиб кўмиш.

Мунчоктепада сағаналарга танга-чақа кўшиб дафн этиш икки марта (3 ва 9-сағаналар) кузатилган. 3-сағанада махсус ёғоч идиш ичида 63 та сўғд, фарғона ва чоч тангалари топилди. 9-сағана тангаларини кўйилиш тартибини аниқлай олмадик. Чунки сағана ёмон сақланган бўлиб, унинг шифти ўпирилган эди. Фақат улар бир ерда қайд этилди. Дафн этиш маросимларидаги бу одат водийда бундан олдин ҳам учраган (Литвинский, 1972, с.113-117; Горбунова, Ивочкина, 1988, с.45-50). Демак, сағаналарда топилган тангаларни ўша анъаналарнинг давоми деб қараш мумкин. Яна бир фикр, танга-чақа солиб дафн этилган қабрдаги марҳум тириклик пайтида савдогарлик қилган бўлиши мумкин.

Мунчоктепа II қабристонидидаги сағаналар ва улардаги қабрларда дафн маросимида марҳумларни қатъий бир йўналиш бўйича кўйиш одати бўлмаган. Марҳум боши билан қай томонда туриши қадимги аҳоли учун ҳеч қандай аҳамият касб этмаган кўринади. Жасадлар тобутларга солиниб, уларга керакли предметлар кўшиб кў-

миш ўша давр дафн қондасини асосини ташкил этган кўринади. Барча дафн маросимларининг маъно ва мазмуни мана шунга қаратилган эди

Фарғона водийсидаги Мунчоктепа мазоридаги сағаналар материалларни ҳар томонлама ўрганиш натижаси шуни кўрсатдики, ҳар бир сағанада катта бир оила ёки битта қавм-уруғ аъзолари дафн этилган. Сағанадаги жасадларни бирон бир этник гуруҳга оид экани ҳақида ҳулоса қилиш ҳозирча мушкул, чунки ҳалигача тўпланган антропологик материаллар тўлалигича ўрганилган эмас. Антрополог Ш. Абиловнинг дастлабки ҳулосасига кўра, 5-сағанада 47 та одам дафн этилган: улардан 9 таси эркак, 16 таси хотин, 22 таси болалардир (Абилов, 1988).

Демак, марҳумлар 100-150 йил мобайнида катта сағаналарда урф-одатларга тўла риоя этилган ҳолда дафн этилган. Ҳозирги кунда Мунчоктепадаги каби урф-одат, яъни битта сағанага оилавий ва уруғ-уруғ қилиб дафн этиш Чағаниёндаги Биттепа мазорида, Уструшонадаги Қуркат, Орол бўйидаги Жетиосор каби ёдгорликларда ҳам қайд этилган. Фарғонада шунга ўхшаш, лекин даври жиҳатидан илгарироқ вақтга тўғри келадиган «оилавий хилхоналар» маълум. Булар Эйлатон - Октом маданиятига доир қабристонлардир (Горбунова, 1984, с. 101). Милоддан аввалги II минг йилликнинг охири чорагига оид Қашқарчи қабристонидан ҳам уруғ-аймоқларнинг «сағаналари» топилган (Иванов, 1988, с. 44-47). Албатта, булар орасида узоқ тарихий вақтда узилиш бор, бир-бирига боғлиқлиги даражаси ҳақида гапириш ҳозирча мушкул. Аммо, Фарғона водийсида битта қабрга (ўра гўр, ёрма гўр, лаҳадли гўр) бир неча марта жасад қўйиш одати бронза давридан бошлаб, ҳатто ҳозирги кунларгача давом этиб келмоқда (Литвинский, 1972, с. 82-88).

Биз ўрганаётган даврга тўғри келадиган ер ости сағаналари Фарғона водийси худудида шу вақтгача учрамаган эди. Аммо Мунчоктепадаги дафн иншоотларига қайсидир жиҳатлари билан ўхшашлари Қуркатс (Уструшона) ва Биттепа (Чағаниён) мазорларида, шунингдек, қўшни Чоч ва Орол бўйида ҳам учрайди. Биттепа билан Мунчоктепа сағаналари ўртасида кўплаб ўхшашликлар бор. Бу ўхшашликлар - хилхона ичидаги токча, йўлак тузилиши, кўпчиликни бир ерга жамоа бўлиб чалқанча ётқизибли дафн этилиши қабилардир (Ртвеладзе, 1986, с. 194-209; Ртвеладзе, 1989, с. 54-60). Чочнинг Қатортол, Ташавтомаш, Дўмбиробод мавзеларидаги сағаналар учун ҳам худди Мунчоктепадаги каби дафн иншоотлари табиий ер-тепаликлар қатламларида қирқиб ясалган, улар уч қисмли тузилишга эга, жасадлар эса чалқанчасига ётқизибли

дафн қилинган. Мунчоктепадаги сағана Қатортолда А.А. Грицина текшириб ўрганган дафн иншоотига жуда ўхшайди (Грицина, 1982, с. 97-100). Қатортолдаги сағана тўғри тўртбурчакли режага эга, шимолдан жанубга 360 см, ғарбдан шарққа 260 см, баландлиги 150 см. Жанубий деворида токча қилинган, унинг узунлиги 80 см, баландлиги 35 см, эни 35 см. Хилхонага равоқсимон қилинган йўлакдан ўтилади. Йўлакнинг узунлиги 5 м, эни 110 см. дан 175 см.гача. Жасад супага чалқанчасига ётқизилган, боши ғарбга қаратилган. Ҳаммаси бўлиб суфада 3 та жасад бор. Жасадхонада сопол идиш ва бўш астадон топилди. Ғарбий девор яқинида-полда қамишдан тўшама қолдиғи аниқланди (Агзамходжаев, 1961, с. 240-245). Таъкид этиш лозимки, Чоч сағаналарига кўп жиҳатдан Жеттиосордаги ер усти, ер ости сағаналари ўхшайди. Жеттиосор ер ости сағаналари тўғри бурчакли шаклга эга бўлиб, бир оз ер остига қовлаб қурилган ва усти арка қилиб ғишт билан урилган ва устидан тупроқ тортиб ёпилган. Жасадхона тепаси бу ерда ҳам равоқсимон қилиб ёпилган ва унга йўлак орқали тушилади. Жасадхона деворларининг икки-уч томонида супалар ясалган. Майитлар қамиш бўйралар ёки кигизларга ўралиб, супаларга чалқанчасига ётқизибли қўйилган (Левина, 1992, с. 65-66; Левина, 1993, с. 33-198).

Таъкидлаш жоизки, худудий ва хронологик жиҳатдан Чочнинг ер ости сағаналари Мунчоктепа сағаналарига жуда яқиндир. Балки, Чоч сағаналари Шимолий Фарғонадаги ана шундай дафн иншоотларининг пайдо бўлишига таъсир этгандир. Ўз навбатида Чоч сағаналарининг Жеттиосордаги сағаналар билан боғлиқ томонлари ҳам бор. Жеттиосор сағаналари милоддан аввалги I минг йиллик ўрталарида пайдо бўлган. Уларни келиб чиқишини эса тадқиқотчилар бронза даврининг Шимолий Тагискен мазоридаги мақбаралар билан боғлайдилар (Левина, 1993, с. 94).

Юқоридагилардан келиб чиқиб, Шимолий Фарғонадаги ер ости сағаналарининг келиб чиқишини қовунчи-жеттиосор маданиятининг таъсири билан боғлаш жоиздир. Ўз навбатида, бу жараён, Уструшона орқали Сўғд, ундан Бактрия-Тоҳаристонга ёйилган бўлиши мумкин. Айнан шу фикр-ҳулоса билан Ўрта Осиёнинг V-VIII асрлардаги дафн этиш маросимларида ҳукм сурган бир хилликка жавоб топиш мумкин бўлади. Урф - одатлардаги бу ўзига хослик айнан шу даврда Ўрта Осиё сиёсий ҳаётида фаол қатнашган эфталитлар ва туркий аҳоли турмуш тарзи билан ҳам боғлиқ бўлиши мумкин.

Мунчоктепадаги сағаналарни улар яқинидаги бошқа дафн иншоотлари билан боғлиқлиги ва

ўзаро муносабати масаласига ҳам аниқлик киритмоқ лозим. Биринчи навбатда шимолий-ғарбдаги «қурум» ва «муғхоналар» билан алоқадорлиги масаласи. Улардаги комплексларнинг чорвадор аҳолига боғлиқлиги яққол кўриниб туради (Баратов, 1991, с. 19). Демак, бу икки объект: Мунчактепа мозори ва шимолий-ғарбдаги мозорлар бир вақтда бўлган кўринади. Уларга дафн этилган мархумлар бир-бирлари билан яқин алоқада бўлган. Аммо, хўжалик юритишда ҳар хиллик бўлган. Фарғонадаги бундай хўжалик юритиш усули, савдо-иқтисодий муносабатлар ҳатто ҳозирги кунларгача ҳам давом этиб келмоқда (Материалы..., 1913, с. 29).

Юқоридаги ўхшашликларга қарамай, қадимги Фарғонадан топилган ер ости сағаналари бошқалардан ўзига хос белгилари билан ажралиб туради. Масалан, хилхона ичида ёки ундан ташқарида жасадни вақтинча қўйиб туриш учун мўлжалланган тоқчалар борлиги, рамзий эшиклар мавжудлиги ва қамиш тобутлар ишлатилиши шулар жумласидандир. Ўрта Осиё ва Фарғона мозор-кўрғонларида ҳамда улардаги дафн маросимларида мархумларни қамиш тобутларга солиб қўмиш бошқа ҳудудларда учрамаган. Бу бошқалардан ажралиб турувчи ўзига хос ҳолатдир. Бунга қадар Ўрта Осиё ҳудудларида тош, сопол, ёғоч тобутлар маълум эди. Тобутга солиб дафн этиш қадимдан кенг тарқалган одатдир. У айниқса кўчманчи ёки келиб чиқиши кўчманчилик билан боғлиқ бўлган уруғ-элатларда кенг тарқалган.

Қадимий Фарғонада милодий эранинг биринчи минг йиллиги ўрталарида оид мозорларда ёғоч тобутлар учрайди. Улар турли хил гўрларда (ёрма гўр, лаҳадли гўр) бир вақтда учрайди (Литвинский, 1972, с. 74-81; Горбунова, 1981, с. 92). Албатта, ёғоч тобутларни Ўрта Осиёдаги энг қадимгиси жанубий Ўзбекистондаги Сополлитепа ёдгорлигидаги қабрларда қайд этилган (Аскарлов, 1977, с.40-41).

Мунчоқтападагига ўхшаш ҳолат А.Н. Бернштам томонидан ҳам қайд этилган. У Олой воҳасининг Мааша деган жойдаги мозор-кўрғонларнинг бирида чаканда (облепиха) дарахтининг шох-шаббаларидан тўқилган тобутни тилга олиб ўтади (Бернштам, 1952, с. 193). Лекин биз унинг шаклини ҳам, чизмасини ҳам батафсил билмаймиз. Ўша ерда қазилма олиб борган бошқа тадқиқотчи ёғочдан тўқилган тобут тўғрисида ҳам ёзади (Сорокин, 1948, с. 122-127). Мунчоқтападагиларга ясаилиши жиҳатидан ўхшаш тобутлар Хоразм археология-этнографик экспедициясининг XX асрнинг 60-йилларидаги материалларида ва бошқа ҳудудларда ҳам учрайди: «тобутлар қамиш ва юпка ёғоч планкалардан тўқилган...»

(Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 52; Тревер, 1931). Бу ҳолат куйи Сирдарёнинг Қувондарё ирмоғи бўйларидаги «Жеттиосор» маданиятига тааллуқли қабрларда ҳам учрайди. Лекин тадқиқотчиларнинг таъкидлашича, Жеттиосорда яқка тартибда қўйилган қабрларда ҳам, сағаналарда ҳам ўликлар қамиш бўйраларга ўралаб қўмилган (Левина, 1992, с. 61-72). Фарғонада ҳам Жеттиосордаги каби яқка ҳолда ва сағаналарда майитлар қамиш тобутларга солиниб дафн этилган.

Келтирилган бу ўхшашликларга қарамай қамиш тобутларнинг келиб чиқишига асос бўладиган бошқа бирор далил ҳозирча маълум эмас. Ушбуларни ҳисобга олиб, Мунчоқтападаги қамиш тобутларнинг келиб чиқишини маҳаллий асосга боғлаш мумкин. Чунки Фарғонадаги лаҳадли гўр (катакомба)лари билан ер ости сағаналари ўртасидаги тузилишида (йўлак, жасадхона) умумийлик бор. Айрим лаҳадли гўрларда (Қорабулоқ, Хонкиз)-жасадхоналарда бир неча марта дафн этиш кузатилган. Бунинг устига Фарғонанинг ўзида тобутга солиб қўмиш одати анча кенг тарқалган. Тўғри, улар ёғоч тобутлар. Ҳозирги кунда Фарғона водийсида 10 дан ортиқ мозорларда шу удум бўлганлигини тасдиқловчи ашёвий далиллар мавжуд (яъни, ёғоч тобутлар ва унинг қисмлари) (Ҳаммаси бўлиб водийда 24 та тобутга солиб дафн этиш қайд этилган (Горбунова, 1981, с. 92, рис. 4)). Буларга қўшимча қилиб айтиш мумкинки, Мунчоқтапа моддий маданияти (ёғочдан ясалган буюмлар, темир пичок, темир ханжар, жанговар камон, тақинчоқлар ва тўқилган саватлар) ёки дафн этиш билан боғлиқ урф-одатлар (лаҳадли гўр, юзпардалар, бош остига қўйилган ёстиклар) Қорабулоққа ва умуман Жанубий Фарғонанинг тоғ олди районларидаги ёдгорликларига жуда ўхшайди (Заднепровский, 1960, с. 113-128). Тўғри, улар даврий жиҳатдан бир оз олдинги вақт—I-II асрлар билан белгиланади.

Юқорида зикр этилган фикр-мулоҳазалардан келиб чиқиб «қорабулоқ-ликлар»нинг маълум қисми шимол томонга (Мунчоқтапага) силжиган бўлишлари керак деган фикрни ўртага ташлаш мумкин. Мунчоқтападаги ер ости сағаналарига нисбатан кўхнароқ бўлган ёрма гўрларга қамишдан қилинган тобутга солиб қўмиш ҳам, балки шу билан изоҳланар (чунки, ёрма гўрлардан бирида қамиш тобутга солинган мурда аниқланган). Худди шу йўл билан «қорабулоқликлар» Мунчоқтапа атрофидаги ҳудудга келиб, маҳаллий аҳоли билан аралашиб кетган бўлиши мумкин. Шимолий фарғоналиклар эса, улардан қамиш тобутга солиб дафн этиш одатини ўрганишган.

Мунчоктепадаги дафн этиш иншоотлари (ер ости сағаналар) ва мархумларни «у дунёга кузатиш» - кўмиш маросими (қамиш тобутларга солиш) Фарғона водийсининг бирор жойида қайд этилмаган, бу ўзига хос ва ноёб ҳолат. Ана шу камдан-кам учрайдиган археологик топилмани пайдо бўлишига таъсир этган омилларга қисқача тўхтаб ўтамиз.

Аввалом бор, айтиш керакки, Ўрта Осиёнинг бир неча жойларида дафн иншоотларини қуришда ва кўмиш маросимларида умумийлик кўзга ташланади. Анъанавий давом этиб келаётган ўра¹ ёки лаҳадли гўрлар билан бир вақтда ер усти ва ер ости дафн иншоотлари бир-бирларидан ажрала бошлайди. Баъзида улар «мархумлар уйлари» деб аталиб, кўпчиликни бир жойга кўмиш мўлжалланган. Ана шундайлар қаторига Сўғд (Ставиский, Большаков, Мончадская, 1953), Чоч (Буряков, 1968; Буряков, 1982, с. 52-57; Агзамходжаев, 1962, с. 71-79; Агзамходжаев, 1966), Тохаристон (Ртвеладзе, 1989, с. 64), Жанубий Қозоғистон (Нурмухамбетов, 1970, с. 115-120; Максимова, 1974, с. 95-118); Талас науслари (Байпаков, 1998, с. 101-103); шунингдек Чоч ер ости сағаналари (Агзамходжаев, 1961, с. 240-245; Агзамходжаев, 1966; Грицина, 1982, с. 97-100), Шарқий Оролбўйидаги ер усти ва ости сағаналари (Левина, 1993) киради.

Ушбу иншоотларнинг келиб чиқиши масаласи ҳозирча ечилгани йўқ. Бир гуруҳ олимлар уларни Бактрия-Тохаристон билан (Ртвеладзе, 1989, с. 65), иккинчи гуруҳ тадқиқотчилар Ўрта Осиёнинг шимоли-ғарбий районлари билан (Снесарев, 1969, с. 100-110; Левина, 1993, с. 94-96) боғлайдилар.

Дафн этиш маросимлари урф-одатларга кўра иккита катта гуруҳ ажралади:

1. Кўмиш маросимларида зардуштийлик элементлари учрайди. Бунда инсон суякларини этдан ажратиб олинади (Чоч, Сўғд, Тохаристон, Уструшона, Хоразм, Фарғона), сўнг махсус идишларга солиниб дафн этилади. Яна, бир вақтнинг ўзида даҳма ва остадон вазифасини бажарган науслар қайд этилган.

2. Мархумларни чалқанчасига ётқизиб, ёнига буюмлар қўйиб дафн этиш. Дафн маросимида олов излари кўринмасда, кўпчиликни бир жойга кўмиш қайд этилган. Буларга Биттепа (Чағониён), Мунчоктепа (Фарғона), Дўмбиробод, Ташавтомаш, Қатортол (Чоч), Жеттиосор (Орол бўйи) каби ёдгорликлар киради.

Умуман олганда кўпчилик тадқиқотчилар ҳар икки гуруҳ ёдгорликларини зардуштийлик одатлари билан боғлайдилар. Ҳатто баъзи тадқиқотчилар уларни мукамаллашган зардуштийлик

билан алоқадор деб ҳисоблайдилар (Мирбабаев, 1994, с. 88-100). Тўғри, баъзи бир белгиларига кўра улар, айниқса, биринчи гуруҳ ёдгорликлари ушбу диний эътиқодга яқин туради. Иккинчи гуруҳ ёдгорликларидаги (Қатортол, Биттепа, Мунчоктепа) белгилари зардуштийликка яқин турса-да, лекин бу диний системанинг расм-русумлари билан бир хил эмас. Мунчоктепада қамиш тобут ва жасадхона остидаги тўшама (қум), Оролбўйида бўйра ва наMAT муқаддас ерни (тупрокни) мурдадан ажратиб турувчи парда вазифасини бажарган (Бойс, 1988, с. 55-58; Дорошенко, 1982, с. 54). Аммо айнан иккинчи гуруҳда зардуштийлик қонун-қоидаларига зид келувчи расм-русумлар ҳам бор. Масалан, ўлганларни чалқанчасига ётқизиб ёнига керакли, деб ҳисобланган турли буюмлар, анжомларни бирга дафн этиш зардуштийликка зиддир. Шу нуқтаи назардан иккинчи гуруҳ ёдгорликлари зардуштийлигининг бизга номаълум бўлган Ўрта Осиёча вариантини мужассам этган дейиш мумкин. Аммо, Мунчоктепадаги сағаналарни зардуштийлигининг мумтоз шакли билан боғлаш учун маълумотлар етарли эмас. Иккинчи гуруҳнинг энг кўхналари Жеттиосор ва Қатортол сағаналаридир. Жеттиосор милоддан аввалги I минг йиллик ўрталари (Левина, 1993, с. 95), Қатортол эса IV-V асрларга тўғри келади.

Мунчоктепадаги сағаналар масаласига келсак, улар шимолий кўшнилари таъсири билан пайдо бўлган деб ҳисоблаш мумкин. Ёки ташқи таъсирлар натижасида дафн иншоотларининг бир шакли (лаҳадли гўр)дан иккинчи шакли (ер ости сағаналарига) ўтилган бўлиши мумкин. Қамиш тобутлар пайдо бўлиш масаласини ҳам худди шу қабилда тушунтириш мумкин. Сабаб, ёғоч тобутлар олдинроқ яъни, ёрма ва лаҳадли гўрлар давриданок маълум эди.

Хулоса қилиб айтганимизда, V-VI асрларга келиб бу ерда яшайдиган аҳолининг диний-ғоявий онгида ўзгариш рўй беради. Дафн этиш ва унга боғлиқ урф-одатлар, расм-русумлар бу ўзгаришлар билан боғлиқдир. Энди ўз қавмуруғларини яқка тартибда дафн этиш қаноатлантирмай қўяди, унинг ўрнига кўпчиликни (ўз яқинларини) бир жойга - битта «ўйга» дафн этиш маъқул топилди. Бундай уйларни эса мустаҳкам қилиб, ер остида қуриш мумкин эди. Шу билан бирга V-VI асрларда дафн этишда мурдани асосан чалқанчасига ётқизиб, унга «керакли нарсалар»ни қўшиб кўмиш анъанаси давом этади. Албатта, диний-ғоявий соҳадаги ўзгариш аҳоли хўжалик ҳаётига ҳам ўз таъсирини ўтказди. Моддий маданиятда ҳам айниқса, кулолчиликда V-VI асрлардан бир оз сифат ўзгаришлари кузатилади. Мунчоктепада дафн этилган аҳолининг

ижтимоий-иқтисодий ҳаётидаги қандайдир ўзгариш ҳам бунга асосий сабаб бўлган кўринади. Демак, баъзи оила ва уруғлар, эхтимол, моддий жиҳатдан бақувват бўлиб, ҳашаматли сағаналар қуриш учун имконияти етарли бўлган. VII-VIII асрларда ҳам бу анъана сақланиб қолган бўлса-да (якка гўрлар, сағаналар), шу билан бирга қадимги Фарғонадаги дафн маросимларида янги урф-остадон ва хумларга солиб кўмиш одати пайдо бўлади. Баъзан эса жасадни куйдириш ёки от билан бирга кўмиш каби одатлар ҳам учрайди (Матбабаев, 1993).

Умуман олганда, юқоридаги археологик материаллар тахлили шуни кўрсатадики, Фарғона водийсининг V-VIII асрлардаги дафн маросимларида хилма-хиллик қайд этилади. Шу билан бирга водийда марҳумларни дафн этишда Ўрта Осиёдаги умумийлик (якка тартибдаги гўрлар, қариндош-уруғларни бир жойга кўйиш, яъни сағаналар, кам миқдорда марҳумларни суяқларини ажратиб, алоҳида остадон ва хумларга солиш ҳамда науслар) билан бирга, фақат ушбу ҳудуд учун ўзига хослик (жасадларни қамиш тобутларга солиш) ҳам кузатилади.

Сноски

Археологик атамаларни ўзбекча шаклини беришда ҳозирги кундаги терминлар, ёзма ва тарихий-этнографик маълумотларга таяндик. Чунки урф-одатлар узок вақт сақланади ва авлоддан авлодга ўтади. Асосан ўзбеклар, тожиклар, қирғизларда қўлланиладиган дафн этиш маросимлари билан боғлиқ атамалар олинди. Яъни, *грунтовое погребение* (баъзида *ямное*) - гўр ёки ўра гўр, *подбойное погребение* - ёрма гўр, *катакомбное захоронение* - лаҳадли гўр қабилда олинди. Қолган атамалар ҳам шу тартибда қабул қилинди (Матбобоев Б.Х., 1996).

Адабиётлар

Origine. *Origine et evolution de L'homme*. Paris, 1984.

Абилон Ш. Антропологический состав раннесредневекового городского населения (Пап. Наманганская обл.). Архив ИА Республики Узбекистан. Шифр хранения Ф8Д151. 1988.

Агзамходжаев Т. Погребения IV-V вв. н.э. в Катартале // Научные работы и сообщения. Кн. III. Ташкент, 1961.

Агзамходжаев Т. Туябугузские наусы // ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.

Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I-VIII вв. н.э. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Ташкент, 1966.

Алёкшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих общин. Л., 1986.

Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998.

Баратов С.Р. Культура скотоводов Северной Ферганы в древности и средневековья (по материалам курумов и мугхона). Рукопись дис... канд. ист. наук. Самарканд, 1991.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. №26. М., 1952.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Москва, 1988.

Буряков Ю.Ф. Пскентские наусы // СА. №3. М., 1968.

Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.

Горбунова Н.Г. О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н.э. // АСГЭ. 1981. Вып. 22.

Горбунова Н.Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // АСГЭ. 1984. Вып. 25.

Горбунова Н., Ивочкина Н. Монеты ушу из могильников Ферганы // Сообщение Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1988.

Грицина А. Каунчинские погребения первых веков н.э. // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.

Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Ираке (Историко-этнографический очерк). Москва, 1982.

Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.). Фрунзе, 1960.

Иванов Г.П. Кашкарчинский могильник – новый памятник эпохи поздней бронзы в Фергане // ОНУз. №10. Ташкент, 1988.

Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. Москва, 1983.

Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние верования и культуры народов Средней Азии. Москва, 1986.

Левина Л.М. Памятники джетыасарской культуры середины I тысячелетия до н.э. – середина I тысячелетия н.э. // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Левина Л.М. Джетыасарские склепы // Низовья Сырдарья в древности. Вып. II. Джетыасарская культура. Часть I. Склепы. Москва, 1993.

Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа // КСИА. Вып. 148. М., 1977.

Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. Москва, 1972.

Литвинский Б.А. Деревянные гробы в Восточном Туркестане и Средней Азии // Восточный Туркестан в древно-

- сти и раннем средневековье. Москва, 1995.
- Максимова А.Г. Гробница типа науса у с. Чага (Шага) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
- Массон В.М. Экономика и социальной строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976.
- Матбобоев Б.Х. Шимолий Фарғона мазорларини ўрганишга доир (Ғовасой ва Косонсой ҳавзалари) // ЎИФ. №3. Тошкент, 1996.
- Материалы по Киргизскому землепользованию. Ферганская область. Наманганский уезд. Ташкент, 1913.
- Мирбабаев А. Дахмаки Курката и проблемы зороастрийской идеологии в Северной Средней Азии. Дис. докт. ист. наук. Душанбе, 1994 (рукопись).
- Нурмухамбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. №1. М., 1986.
- Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. №1. М., 1993.
- Ртвеладзе Э.В. Средневековой Бит-тепе в Чаганиане // СА. №4. М., 1986.
- Ртвеладзе Э.В. Погребальное сооружение в Северном Тохаристане // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.
- Руденко С. Культура населения Горного Алтая в скифское время. Москва-Ленинград, 1953.
- Саримсоқов Б. Маросим фольклори // Ўзбек фольклори очерклари. Тошкент, 1988. 1-том.
- Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов узбеков Хорезма. Москва, 1969.
- Сорокин С.С. К вопросу о гуннах в Средней Азии. По археологическим данным // Вестник Ленинградского университета. Студенческие работы. №11. Ленинград, 1948.
- Ставиский Б.А., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пенджикентский некрополь // МИА. №37. М., 1953.
- Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. // МХЭ. Вып. 6. М., 1963.
- Тревер К.В. Находки из раскопок в Монголии в 1924-25 гг. // Сообщение ГАИМК. Вып. 9-10. Л., 1931.

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЮВЕЛИРНОГО ДЕЛА БУХАРЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В последние годы особенно возрос интерес к богатейшему культурно-историческому наследию нашей Родины. В качестве актуальной ставится задача всестороннего изучения традиционных форм материальной и духовной культуры народа. В связи этим особое значение приобретают массовые виды прикладного искусства, во многом определяющие его эстетические и нравственные идеалы. Общеизвестны сейчас самостоятельность и информативность для исторической науки таких археологических и этнографических источников как ювелирные украшения.

Если вопросы ювелирного производства и связанных с ним проблем социально-экономической истории Средней Азии XIX – начала XX вв. изучались в работах крупных историков, этнографов, искусствоведов: О.А. Сухаревой, Д. Фахретдиновой, Л.А. Чвырь, Н.Г. Борозна, Ф.Д. Люшкевич, Е.С. Широной (Сухарева, 1958: 1962; Фахретдинова, 1983: С. 36-40; 1986: С. 43-44; 1988; Чвырь, 1977; Борозна, 1971. С. 103-118; 1972; 1974. С. 19-24; 1975. С. 281-297; Люшкевич, 1971. С. 36-71; 1984. С. 114-129; 1986. С. 46-61; Широина, 1992; 1993. С. 150-163; 1994), и ювелирное дело Бухары этого периода в определённой степени рассмотрено, то исследование данной проблемы для более ранних эпох истории области только начинается. Здесь по существу следует говорить лишь о некотором количестве косвенных публикаций, посвященных анализу отдельных украшений и организации ремесла Бухары более ранних периодов, без всякого целостного системного анализа.

Благодаря многолетним археологическим раскопкам, проводившимся в Бухаре (Мухамеджанов, 1983, с. 57-64; Адылов, 1983, с. 65-75), Пайкенде (Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Дж.К. и др., 2000; 2001; 2002; 2003; 2004), Варахше (Шишкин, 1963), Ромитане, Сеталаке (Культура, 1983) и на других памятниках оазиса (Нильсен, 1959. С. 60-78) Институтом археологии АН Узбекистана, научно-исследовательским Институтом Реставрации при Министерстве культуры РУз, Государственным Эрмитажем и Музеем искусств народов Востока - получена коллекция ювелирных изделий, хранящихся в собраниях музеев и ещё не получивших научной интерпретации.

Среди них наиболее ранними являются украшения эпохи неолита и энеолита (Дарбаза Кыр I

и II; Большой Тузкан; Гулямов, Исламов, Аскарров, 1966), которые согласно данным нашей коллекции достаточно просты: нагрудные украшения в виде ожерелий из разноцветных бус и полудрагоценных камней с овальными или треугольными подвесками из мрамора.

В эпоху бронзы, на его первоначальном этапе, появляются украшения для рук: бронзовые браслеты (Гулямов, Исламов, Аскарров. 1966; Аскарров, 1962. С. 53-60; 1981. С. 99-110). В этот же период (комплекс Гуджайли II тыс. до н.э.) намечается сложение ансамбля украшений: височные подвески, шейные украшения, ожерелья из бус, браслеты для рук, украшения для одежды (бронзовые бусы). При этом форма украшений: височные подвески, браслеты, система нанизывания бус на ожерельях свидетельствует о наличии в обществе развитого культа змеи, связанного с женским божеством, идеей плодородия и бессмертия (Заман баба: поселение, некрополь; Гуджайли: поселение, некрополь). Змея - оберег дома, символ мудрости и благополучия и именно поэтому её образ так широко использовался в украшениях для женщин. Крестовидные бусы и привозной материал бус свидетельствуют о наличии налаженных контактов между представителями культур населявших Бухарский оазис с Древней Бактрией и Индией.

Ювелирное искусство Бухары периода античности и раннего средневековья демонстрируют материалы из курганов Хазара, Кую-Мазар, Лявандак, Кызылтапа (Обельченко, 1957. С. 109-132; 1961. С. 97-176; 1973. С. 68-81; 1992), поселений Кызыл-Кыр, Сеталак, городов Бухара, Варахша и Пайкенд, Тахмачтепе, подъёмный материал с Ходжа Уббона (Борнс, 1849). Живопись и скульптура Варахши, терракоты и монеты данного времени также демонстрируют разного вида украшения.

Женские украшения представлены головными и нагрудными, а также украшениями для рук и одежды.

О типах головных ювелирных изделий можно судить по диадемам на женских терракотах конца III-начала IV вв. (Бухара, Кызыл-Кыр, Варахша): венец, орнаментированный наколками; диадема треугольной формы; диадема из бус (табл. II:6), башенная корона с парапетом «муралис», венец в виде нимба.

Таблица 1

Украшения для волос представлены бронзовыми и костяными шпильками (Хазаринский могильник, Сеталак: табл. II:1).

Ушные украшения представлены материалами из курганов II в. до н.э. – I в. н.э. По форме серьги кольцевые и крючковые. Кольцевые двух видов: с подвесками амфоровидной формы (Лявандакские и Кулькудукские курганы II-I вв. до н.э. (золото) и в виде простого незамкнутого кольца (бронза, железо).

Среди нагрудных украшений можно выделить ожерелья, составленные от одной до пяти нитей бус и различной формы подвески. Материал бус сердолик; гагат; стекло. Бусы с золотистой фольгой вплавленной в стекло хорошо известны и имели широкое распространение в Средней Азии, в Поволжье и на Кавказе. Бытова-

ли, в период от III в. до н.э. до II в. н.э. Они поступали из ближневосточных центров Римской империи.

По виду материала подвески можно разделить на три группы: металлические (золото, бронза); каменные, стеклянные и, египетский фаянс. По форме на подвески в виде параллелепипеда, колоколовидные с ушком, амфоровидные, изображающие кукиш, круглые, в виде кулачка и кисти винограда, зооморфные подвески имели форму льва, черепашек и мухи. Среди этих материалов наибольшее распространение имели амфоровидные подвески. Они широко встречаются в соседних регионах и государствах, что свидетельствует о первоначальном привозе, а позже изготовлении их имитаций местными мастерами. По мнению Б.А. Литвинского, дата появления подобных подвесок в Средней Азии: II в. до н.э. – первая половина I в. н.э. Халцедоновые подвески в виде кулачков были

найжены на Аяз – Кале в комплексе II–III вв. Большой интерес в отношении римско-среднеазиатских связей представляют предметы, поступавшие в Среднюю Азию из подвластного Риму Египта. Фаянсовые фигурки львов, черепашек, лягушек, рыб, ежей, мух были очень популярны в Древнем Египте и по поверьям обладали магической силой.

Украшения для рук представлены браслетами и кольцами. По виду материала браслеты бронзовые и железные. По форме они имели незамкнутые концы, выполнялись из круглой или овальной в сечении проволоки, концы оформлены в виде сильно стилизованных головок змей.

Перстни серебряные, бронзовые и железные. Серебряный перстень на месте щитка имеет овальное расширение. Бронзовые и железные перстни и кольца плоские или круглые в сечении,

иногда из перевитой проволоки со скрещенными концами, завершающихся стилизованными изображениями головок змей.

Украшения для одежды представлены золотой плакеткой из кургана, золотыми бляхами из женского захоронения Кызыл-Кыра и бисером для расшивания деталей одежды из курганных захоронений (Лявандак, Хазара). Плакетка в виде тонкой миниатюрной тисненой пластины, являлась центральным украшением головного убора и была расшита бисером (табл. I:1). Подобные налобные повязки находят аналогии в позднесредневековых пешонабандах Бухары (табл. I:2). В вышеописанном захоронении на Кызыл-Кыре, также вокруг шеи и щиколоток ног лежали девятью одна мелкая полусферическая бляшка из листового золота.

Мужские украшения представлены двумя категориями предметов: поясными и украшениями для рук. При раскопках курганов Бухарского Сога были найдены пряжки из гишера, кости, железа и бронзы. Они входили в поясной набор, и каждая из них выполняла свою функцию. Художественно исполненные пряжки и накладки, украшенные орнаментом, инкрустированы полудрагоценными камнями, являются предметом нашего исследования. Они двух типов: прямоугольные и овальные. Орнамент выполнен в зверином стиле, присутствуют антропоморфные изображения или геометрический орнамент.

Перстни выполнялись из двух видов материала: железа и бронзы, круглые в сечении. На одном из бронзовых перстней, на стеклянной вставке вырезано изображение женской крылатой фигуры, повернутой вправо.

Также одним из атрибутов состоятельных мужчин могли являться геммы – подвески. Шесть подобных гемм были собраны с памятника Ходжа Уббон (Александр Бернс, 1842). На них были выгравированы антропоморфные и зооморфные изображения, по аналогиям датируются I-IV вв. н.э. (табл. III:7, 8, 9, 11).

Во II-I вв. до н.э. I-II вв. н.э. положение женщины в обществе было очень высоким. Об этом свидетельствует культ женщины - богини, приобретающей функции не только покровительницы семьи, рода, племени, но и города. На это указывает её головной убор в виде башенной короны, браслеты и перстни со змеиными головками и её изображениями. Об этом свидетельствуют наборы богатых импортных украшений в виде бус с золотой фольгой и пронизей популярного египетского фаянса, присутствующие в захоронениях знатных женщин из Кенимеха, золотые украшения из захоронений Лявандак и Кызыл-Кыра. Богатые наборы бус с золотой фольгой и пронизи

популярного египетского фаянса являются несомненным свидетельством дорогого импорта в кочевой быт, из более отдаленных урбанистических центров. Украшения несут не только эстетическую нагрузку, но и магическую, играя защитную роль оберега.

В то же время развивается мастерство и региональных ювелирных центров. Техника изготовления плакетки и золотых серёг демонстрирует их местное производство, т.е. они являются подражанием импортным изделиям, известным жителям этих мест. Браслеты со стилизованными изображениями змей на концах были традиционными для ювелирного искусства Византии и свидетельствуют о согдийско-византийских связях.

Украшения для мужчины, имели в первую очередь, практическое значение, являясь деталями поясного набора или перстнями-печатами.

Набор женских украшений раннего средневековья состоял из головных уборов, серег, ожерелий из бус, браслетов, перстней, изготовленных из золота, серебра и бронзы. Иногда они имели вставки из драгоценных и полудрагоценных камней и стекла.

Сложные головные уборы в виде высокой диадемы овальной формы (VI-VII вв. Бухарский район, терракота), диадемы из крупных жемчужин (головка женской фигуры Восточный зал дворца Варахши: табл. I:3) и в виде обруча (женская ганчевая головка, Варахша), видимо, были более характерны для царственных особ и знати.

Серьги - в виде кольца с подвесками (Бухара, терракота, VI-VII вв.) или лунообразной формы (женская фигура на росписи, Варахша, VII-VIII вв.: табл. I:3).

Ожерелья из разноцветных бус: камней, стекла, керамики с подвесками из бронзы сохраняют свою популярность. Форма подвесок несёт магическое охранное значение.

Бронзовые браслеты, украшавшие руки, просты по форме. Они, в основном, изготовлены из округлого в сечении прута, концы срезаны.

Мужские украшения IV - начала VIII вв. благодаря данным монет и настенных росписей Варахши представлены головными украшениями, серьгами, наплечными браслетами и браслеты на запястье, перстнями и поясами.

Головные украшения царственных особ разнообразны, наиболее типичны короны с крыльями или с изображением хищной птицы. Серьги в ушах, в основном, кольцевые с подвесками из круглых бус или колечек. Нагрудные украшения представлены сложными ожерельями из одной или нескольких низок жемчуга со сложными пронизками и подвесками из золота и серебра или в

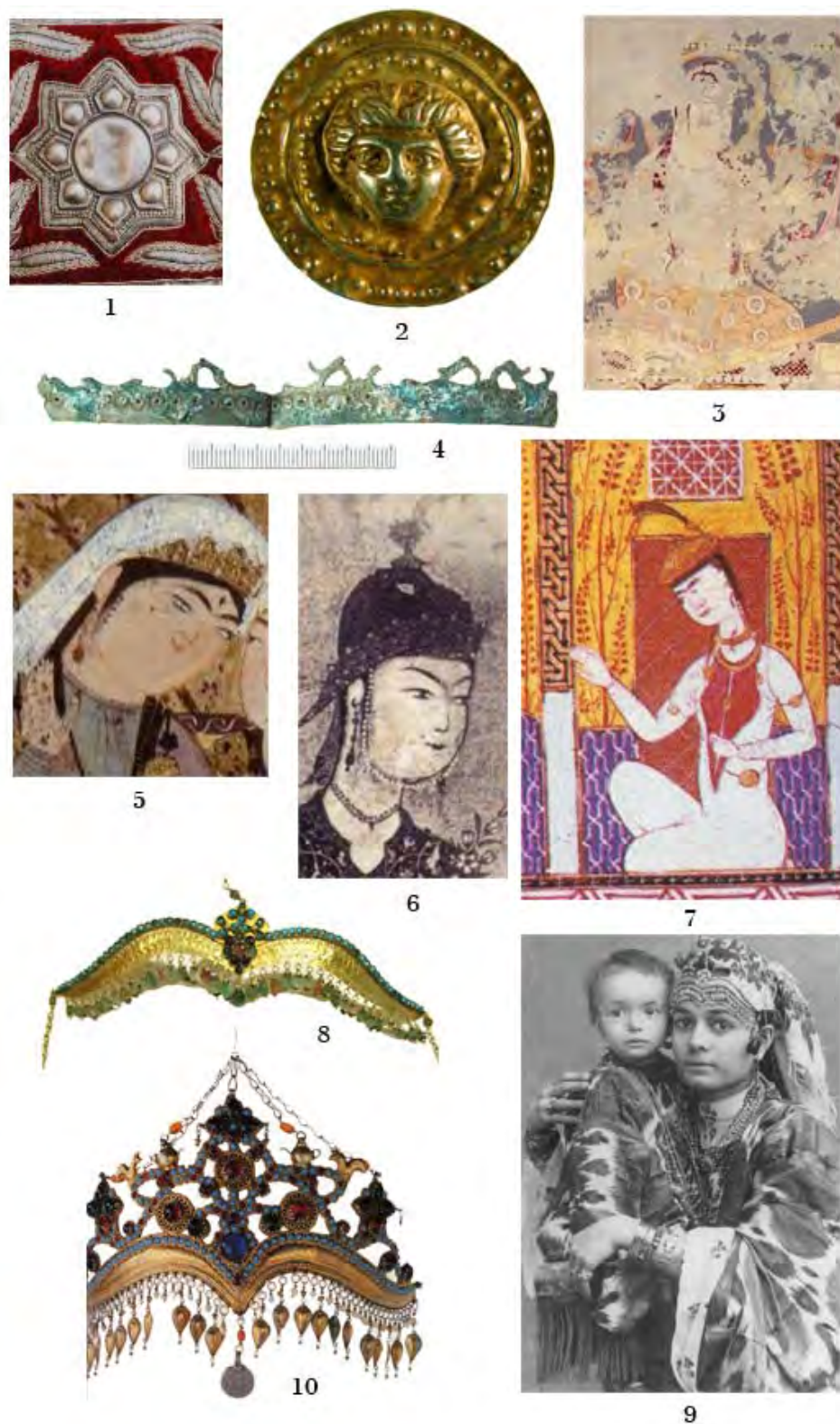

Таблица 2

виде золотого обруча с медальонами в виде грозди винограда, каплевидной или круглой формы. Иногда нити бус или жемчужин были перекинута через плечо и спускались до пояса (южная анфилада, дворцовые здания, ганч, Варахша). Подобные амулеты в позднесредневековой Бухаре именовались «култук тумор» и их носили пре-

имущественно женщины, перекидывая через плечо (табл. II:8). Аналогичные женские украшения видны и на миниатюрах XVI в. (табл. I:7).

Руки мужчин украшали браслеты предплечные и на запястье. Первые несомкнутые в виде гладкой массивной пластины, с закругленными или треугольной формы концами, иногда инкрустированы жемчугом. На запястье браслеты сомкнутые, застежка оформлена в виде круглого массивного диска с крупным камнем в центре.

Значительная часть перстней служила печатями. Их распространенность можно объяснить развитой деловой жизнью, когда все юридические акты скреплялись печатями. Бронзовый перстень из Варахши (VIII в.), литой, щиток округлый, на шинке припаяно ушко. Халцедоновый перстень из Тахмачтепе со щитком овально-вытянутой формы, на котором манерой штриховой резьбы нанесено изображение крылатого обнаженного юноши (VI-VII вв. н.э.). Образы крылатого юноши с венцом, посохом или луком в руках хорошо известны в искусстве Средней Азии. Аналогичный сюжет присутствует на гемме I в. н.э. (Самарканд), V в. (коллекция Иерусалимского музея) и на серебряном сасанидском блюде VI в. Сердоликовый перстень из Тали Мурда Портау без орнамента. Заготовка для печати (вставка в перстень) в форме конуса из полупрозрачного агата молочного цвета происходит из Пайкенда конца V-начала VI вв. На геммах IV-V вв. из коллекции С.Н. Юренева представлены

имущественно женщины, перекидывая через плечо (табл. II:8). Аналогичные женские украшения видны и на миниатюрах XVI в. (табл. I:7).

Таблица 3

зооморфные и антропоморфные изображения (Берзина, 1993. С. 150-151).

Для раннего средневековья выделяется группа привозных изделий, таких как геммы, в которых продолжают эллинистические традиции и бусы из Индии. Появляются и развиваются местные традиции. Широко используется материал мест-

ного происхождения. Сердолик был одним из самых популярных драгоценных камней раннего средневековья, использовавшегося для изготовления бус, подвесок и гемм.

Браслеты в виде змеек, подвески различных форм несут магическое охранное значение и подчеркивают особое положение женщины в обще-

стве. Ожерелья из разноцветных бус: камней, стекла, керамики с подвесками из бронзы сохраняют свою популярность.

В начале VIII века Средняя Азия и Бухара были включены в мусульманский мир, в огромную империю, простиравшуюся от Испании до Индии. Культура Средней Азии, впитавшая эллинистические, сасанидские и индийские корни, слилась с исламской культурой и стала её неотъемлемой частью. Ранние мусульманские ювелиры продолжали использовать технологии и формы предшествовавших эпох. Ювелирное дело Бухары VIII-X вв. изучено слабо, так как археологические материалы и другие свидетельства ограничены. Фактически определенный исламский стиль появляется только в IX веке. Это был поворотный момент в развитии исламского искусства, включая и ювелирное дело. Стиль развивался в направлении стилизации естественных форм, преобразуя их в линейный орнамент. Бухара – столица Саманидского государства – была одним из крупнейших культурных центров мусульманского мира, сыгравшая огромную роль в формировании и развитии исламского декоративно-прикладного искусства, в том числе, и ювелирного.

В коллекциях музеев и частных лиц сохранилось относительно небольшое количество предметов этого периода, т.к. практика расплавлять старые украшения для изготовления новых существовала во все времена. Археологические материалы крупных городских центров Бухары, Варахши, Пайкенда, Варданзи и сельских поселений Нуртепе, Тали Мурда Портау, Тахмачтепе и этнографические ювелирные украшения демонстрируют изделия Бухары указанного периода. Бухарские миниатюры (Ашрафи, 1974; Миниатюры, 1970; Пугаченкова, 1960. С.111-161; с Ремпелем, 1965; с Галеркиной, 1979; Grabar and Blair, 1980), рукописные источники (ал-Бируни, 1963; 1973; Восифи; Клавихо, 1881; Навои, 1968–1970; 1972; 1983; Шараф ад-Дин Йазди; Егани, 1994. С. 132–142) и архивные фотографии также демонстрируют богатство женских и мужских украшений.

Женские головные украшения эпохи развитого средневековья представлены единственным образцом бронзовой диадемы (XI в., Пайкенд: табл. I:4).

Серьги бронзовые (Пайкенд и Бухара) и мраморные (Варахша). Бронзовые серьги кольцевые, в форме полумесяца и в форме восьмёрки, из круглой в сечении проволоки. Форма полумесяца имеет прямые аналогии в медных серьгах работы ювелира начала XX века из Бухары.

Традиционное ношение браслетов продолжа-

лось и в период развитого средневековья. Первые наименование «билазук» встречается у Махмуда Кашгари. Сохраняются женские бронзовые незамкнутые витые браслеты со змеиными головками (Варахша, Пайкенд: табл. II:13, 14) и гладкие пластинчатые с чешуйчатой поверхностью (Пайкенд (табл. II:11, 12). Последний тип имеет аналогии в позднесредневековых женских браслетах Бухары (табл. II:15). Конструкция серебряного шарнирного сомкнутого браслета, состоящего из двух полукружий (Пайкенд) аналогична шарнирным прямоугольным застёжкам на позднесредневековых бухарских браслетах.

Украшения для рук представлены перстнями из серебра и меди. Серебряный перстень (X-XI вв., Пайкенд) с алмандиновой вставкой; медные перстни овально-вытянутой формы со щитком или гнездом для камня.

Ожерелья, как и прежде, компоновали из разноцветных и разнообразной формы бус: гагатовых, сердоликовых, костяных с гравированными стилизованными надписями, стеклянных, и подвесок из кости или бронзы. Жемчуг сочетался с золотыми пронизками. Подобное сочетание сохраняется традиционно и для последующих столетий.

Перстень-печать (Бухара, Пайкенд) остаётся традиционным элементом принадлежностей мужчин. Изображения на них сменяются арабско-графическими надписями, несущими информацию о владельце (табл. III: 12, 13).

В период XIV-XVIII вв. расширяется многообразие женских головных украшений, появляется новый вид: султан с перьями (табл. I:7). Название отдельных украшений XIV-XV вв.: барг, тиллакош или зарварак – налобные украшения; гушвор и зирих-серьги, сохранившихся в письменных источниках, аналогично терминам XIX - начала XX вв. Согласно миниатюрам можно выделить несколько видов женских головных украшений: налобное, состоящее из нескольких нитей жемчуга, украшающее лоб и оконтуривающее подбородок женщины; налобное витое украшение; украшение, скомпонованное из золотых металлических пластин в виде бухарского тиллакоша и султана с перьями (табл. I: 5-7).

Серьги массивные, листовидной формы или круглые кольцевые, височные подвески и украшения для кос также присутствуют в гарнитуре (табл. II: 4).

Нагрудные украшения на миниатюрах трех видов: украшение из отдельных квадратных и круглых медальонов в виде бухарского зеби гардана; украшения с цилиндрическими амулетницами; украшения в виде ожерелья из бус; следующее украшение из бус с амулетницей, дохо-

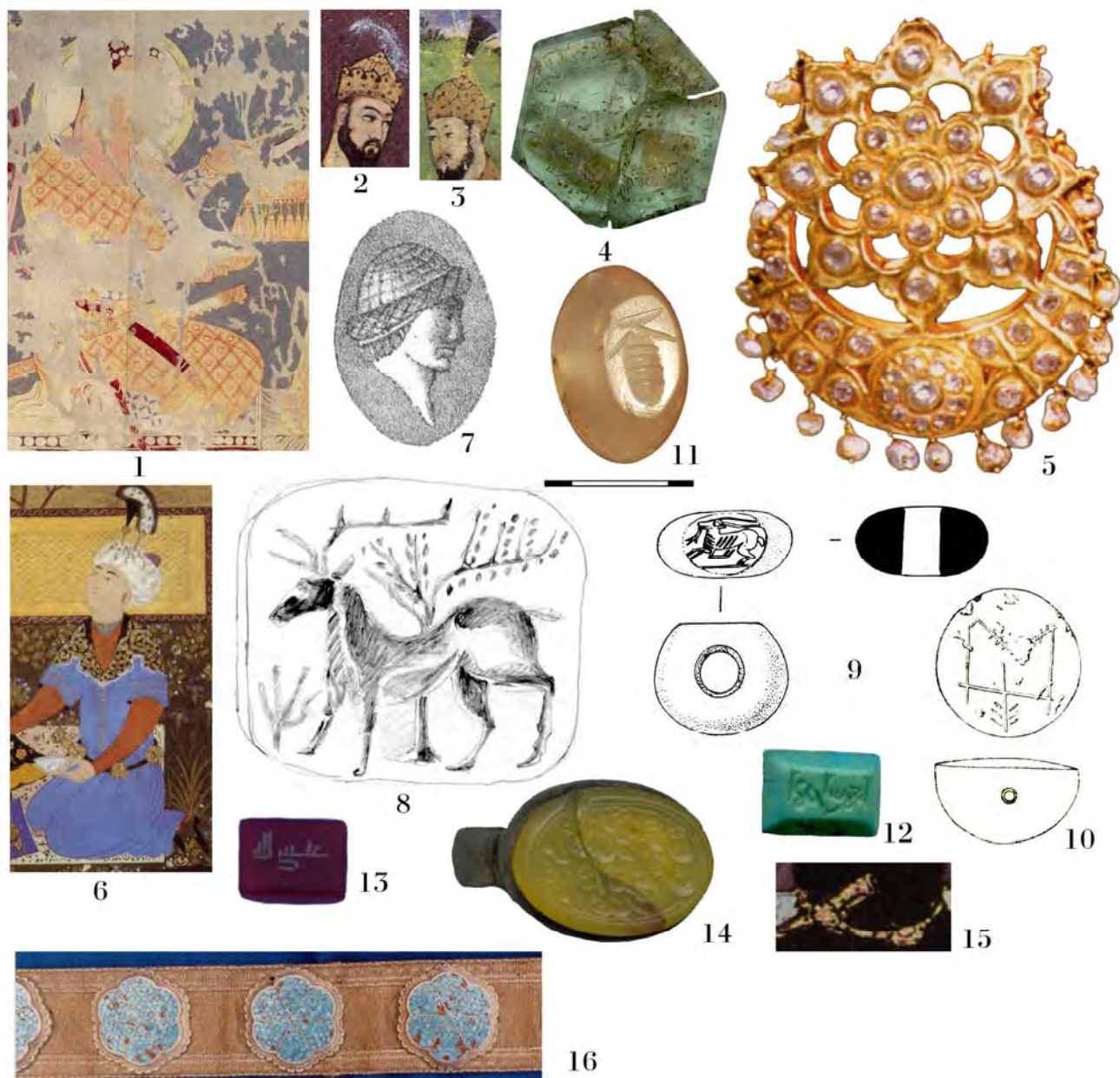

Таблица 4

дящей до бедра, было перекинута через правое плечо. Судя по цвету, бусы были из жемчуга и коралла. Они находят аналогии в комплексе женских украшений XIX – начала XX вв. из Бухары: зеби гардан, тумор (табл. II: 7-10).

Литературные источники сохранили наименования украшений для рук – предплечных и наручных браслетов: бозу–билак (перс.) и кулбог (тюрк.).

Мужские головные украшения представлены изумрудной вставкой из короны Субханкули хана Аштарханида (1680-1702), которая представляла собой шестиугольную пластину, с выгравированной арабграфической надписью имени правителя (табл. III:4). На миниатюрах представлены и более ранние короны: с навершием в виде

трилистника иногда инкрустированного камнями и султаном. Иногда по основанию они украшались крупными жемчужинами и рубинами (табл. III:2, 3).

На миниатюрах в ушах у мужчин продеты серьги круглой формы или с добавлением шарообразных подвесок.

Украшения для рук представлены кольцами и перстнями. Пояса по данным миниатюр в темуридский период носили в основном мужчины. Основа пояса состояла из темной ткани или кожи, к которой на определенном расстоянии были прикреплены золотые бляхи круглой, квадратной или других геометрических форм. Бухарские миниатюры демонстрируют пояса (табл. III:15) аналогичные позднесредневековым бухарским об-

разцам (табл. III: 16).

Форма бус и материал в этот период становятся однородными, преобладают кораллы и жемчуг, последний широко используют и в качестве подвесок.

Правители надевают как корону, так и султан с перьями и деталями из золота, украшавшего чалму. Для них используется термин тодж и джигга.

В эпоху позднего средневековья наблюдается увеличение видов женских украшений. Одновременно сокращается набор мужских украшений, исчезают ранее встречавшиеся серьги на ушах, браслеты. Исчезают железные кольца и браслеты, для женщин и мужчин железо перестаёт быть драгоценным металлом. Широкое распространение получают тумары-обереги, фиксируемые по материалам XIX- начала XX вв. Исчезают короны для правителей, последняя династия, правившая в Бухаре, являясь эмирами, а не ханами, носила тодж в форме султана, укреплявшегося на чалме (табл. III: 5). Исчезает широкое использование бисера на одежде, заменяемого золотым шитьём. Форма бус и материал становятся однородными, преобладают кораллы и жемчуг. В качестве подвесок используют турмалин. Сердолик из ювелирных предметов нашейных, нагрудных, ушных переходит в форму вставок. Из обихода зажиточного слоя уходят изделия из кости, цветное стекло в начале XX в. возрождается в виде инкрустации в подражание под полудрагоценные камни. Сохраняются незамкнутые гладкой пластинчатой формы с чешуйчатой поверхностью браслеты со стилизованными головками змей на концах (табл. II: 15).

Таким образом, в Бухаре, браслеты со змеиными головками прослеживаются, начиная с эпохи бронзы и до позднего средневековья (табл. II: 11-15).

В целом, ювелирные украшения оазиса XIX-начала XX вв., по имеющимся материалам, становятся более дорогими и массивными. Бухарская школа ювелирного дела имеет глубокие исторические корни и своеобразные художественные традиции.

Изученные археологические материалы и другие этнографические и исторические источники позволили восстановить основные типы и комплексы украшений для периода древности, раннего, развитого и позднего средневековья.

Этнографические материалы, многочисленные письменные источники и фотографии позволили провести параллели между отдельными ранними образцами украшений и позднесредневековыми бухарскими изделиями, наметить устойчивость отдельных видов украшений (зеби-гардан, баргак, бозубанд, камар, дастпона, печати), на основе материала, имеющегося в нашем распоряжении.

Традиционная культура, частью которого становится и ювелирное дело Бухары, является сложным источником и обращение исследователей к её истокам, исследование процесса её развития, является проблемой всестороннего специального изучения, приобретая сегодня не только исключительно важное теоретическое, но и практическое значение, продолжая оставаться одной из значимых сторон женской части менталитета нации.

Использованная литература

- Абу Райхан Мухаммед ибн Ахмад ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М.-Л., 1963.
- Абу Райхан Мухаммед ибн Ахмад ал-Бируни. Фармакогнозия. Избранные произведения. IV. Ташкент, 1973.
- Адылов Ш.Т. О королюстике Бухарского Согда // ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1983.
- Аскарлов А. Памятники андроновской культуры в низовьях Зарафшана // ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
- Аскарлов А.А. К передатировке культуры Заманбабы // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Ашрафи М.А. Персидско-таджикская поэзия в миниатюрах XVI-XVII вв. Душанбе, 1974.
- Алишер Навоий асарлари лугати. Гафур Гулом номидаги адабиёт ва санъат нашриёти. Тошкент, 1972.
- Алишер Навоий асарлари тилининг изоҳли лугати. 1. Тошкент, 1983.
- Алишер Навоий. Сочинения в 10 томах. Ташкент, 1968–1970.
- Берзина С.Я. Геммы из коллекции С.Н. Юренева // Бухара и мировая культура (Динамика культурного процесса в столицах восточных цивилизаций). Вып. 1. Бухара, 1993.
- Борнс А. Путешествие в Бухару лейтенанта Остиндской компании А. Борнса. М., 1849
- Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Егани А.А. Документ о быте и занятиях трех бухарских женщин в конце XIX – начале XX вв. // Из истории культурного наследия Бухары. Вып. 2. Бухара, 1994.
- Клавихо Рюи Гонзалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. XXVIII, № 1. СПб., 1881
- Культура древнебухарского оазиса III –VI вв. н.э. Ташкент, 1983
- Люшкевич Ф.Д. Этнографическая группа эрони. ТИЭ, ХСВП, 1971.

- Люшкевич Ф.Д. Традиционные женские украшения населения Бухарской области // СМАЭ. Л., 1984.
- Люшкевич Ф.Д. Женские украшения узбеков и таджиков Бухарского оазиса // Полевые исследования Института этнографии 1982 г. М., 1986.
- Миниатюры к Бабурам-наме. Составитель альбома и автор предисловия профессор Хамид Сулейман. Ташкент, 1970.
- Мухамеджанов А.Р. Стратиграфический раскоп на цитадели Бухары // ИМКУ, Вып. 18. Ташкент, 1983.
- Нильсен В.А. Кызыл-Кыр (результаты раскопок 1955) // ИМКУ, вып. 1. Ташкент, 1959.
- Обельченко О.В. Курганные погребения первых веков н.э. и кенотафы Кую – Мазарского могильника // Труды САГУ, вып. СХІ, Исторические науки, книга 25, Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957.
- Обельченко О.В. Лявандакский могильник // ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961.
- Обельченко О.В. Шахривайронская пряжка // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1973.
- Обельченко О.В. Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. М., 1992.
- Пугаченкова Г.А. Восточная миниатюра, как источник по истории архитектуры XV-XVI вв. // Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана. М., 1965
- Пугаченкова Г.А., Галеркина О. Миниатюры Средней Азии. М., 1979.
- Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Дж. К. и др. Раскопки в Пайкенде в 1999 году. СПб. 2000.
- Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Дж. К. и др. Раскопки в Пайкенде в 2000 году. СПб., 2001
- Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Дж. К. и др. Раскопки в Пайкенде в 2001 году. СПб., 2002
- Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Дж. К. и др. Раскопки в Пайкенде в 2002 году. СПб., 2003
- Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Дж. К. и др. Раскопки в Пайкенде в 2003 году. СПб., 2004.
- Сухарева О.А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958.
- Сухарева О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX в. Ташкент, 1962.
- Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Мавераннахра // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983.
- Фахретдинова Д.А. О взаимообусловленности содержания и формы в ювелирном искусстве Узбекистана XIX в. // ОНУ, вып. 10. Ташкент, 1983.
- Фахретдинова Д.А. К изучению женских ювелирных украшений Узбекистана XIX в. // ОНУ, вып. 3. Ташкент, 1986.
- Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.
- Широнина Е. Ювелирные украшения Узбекистана и Таджикистана конца XIX- начала XX в. из собрания Государственного музея народов Востока. М., 1992.
- Широнина Е. Об отношении мусульман Средней Азии к украшениям и ювелирному делу // Мифологические представления в народном творчестве. М.: Российский институт искусствознания. 1993.
- Широнина Е. Ювелирные изделия г. Бухары конца XIX – начала XX века (проблема этнокультурных связей). М., 1994.
- Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.
- Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные украшения. М., 1977.
- Борозна Н.Г. Некоторые черты культуры населения Каракульского оазиса в связи с его этническим составом (типы и комплексы ювелирных украшений) // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972.
- Борозна Н.Г. Особенности комплексов ювелирных украшений населения некоторых районов Узбекистана // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971.
- Борозна Н.Г. Виды женских ювелирных украшений у народов Средней Азии и Казахстана // СЭ. №1. М., 1974.
- Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах- украшениях Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- Люшкевич Ф.Д. Этнографическая группа эрони. ТИЭ, ХСУП, М., 1971.
- Люшкевич Ф.Д. Традиционные женские украшения населения Бухарской области // СМАЭ. Л., 1984.
- Люшкевич Ф.Д. Женские украшения узбеков и таджиков Бухарского оазиса // Полевые исследования Института этнографии 1982. М., 1986.
- Oleg Grabar and Sheila Blair. Epic Images and contemporary history. The illustrations of the Great Mogol Shahnama. The University of Chicago Press. Chicago and London. 1980

К ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕРМЕЗА

История раннесредневекового Северного Тохаристана в целом, и Термеза в частности, исследована далеко не полно. Это в большей степени объясняется весьма скудными, к тому же нередко легендарными и противоречивыми сведениями письменных источников. В связи с этим исследование археологических памятников этого времени для воссоздания общей картины истории региона трудно переоценить. Необходимо отметить, что в настоящее время в этом плане сделаны значительные открытия, особенно в области изучения истории материальной культуры, искусства, архитектуры и идеологических воззрений населения Северного Тохаристана (Альбаум, 1960; Литвинский, Соловьев, 1985; Литвинский, Зеймаль, 1971). На основе нумизматических находок были предприняты первые попытки реконструкции политической истории региона в эпоху раннего средневековья. Они отражают состояние научных знаний на соответствующем этапе изучения вопроса политической истории правобережного Тохаристана (Маршак, 1971; Вайнберг, 1972; Зеймаль, 1994; Ртвеладзе, 1983, 2002; Монеты раннесредневековой Средней Азии, 1999). Между тем реальная политическая ситуация в регионе была намного сложнее, чем представляется нам сейчас. Более достоверное и полное освещение различных сторон раннесредневековой истории Северного Тохаристана требует накопления новых источниковедческих баз, происходящих в данной территории. В связи с этим особенно важным для решения этих вопросов представляется привлечение новейших материалов из раскопок крупных центров региона, к числу которых относится и Термез. Он играл особую роль в военно-политическом противостоянии сначала между эфталитами и сасанидами, эфталитами и Западнотюркским каганатом, а позднее Западнотюркским каганатом и Сасанидским Ираном, ввиду расположения города на важном стратегическом участке Амударьи, на месте основной переправы, соединяющей Южный Тохаристан с Северным.

В результате археологических работ последних лет была собрана весьма интересная нумизматическая коллекция, экземпляры которой не только дополняют и конкретизируют уже известные положения, но и вносят новые данные в научное представление о политической истории и о

денежном хозяйстве раннесредневекового Северного Тохаристана и Термеза.

Основная часть монет этого времени была обнаружена рядом с погребениями, расчищенными во время раскопок помещений монастырского комплекса на северном холме и наземно-пещерного комплекса западного холма Каратепа, а также во внутрстенных и внутрибашенных помещениях оборонительных сооружений Чингизтепа. Захоронения были совершены несколько позднее по времени, после прекращения функционирования данных сооружений по прямому их назначению. Нумизматический материал – это, в основном, монеты, чеканенные по образцу драхм Сасанидского царя Пероза и медные скифатные монеты Термезских правителей. В данной статье анализируются лишь монетные эмиссии, чеканенные по типу монет Пероза¹(459-484). Все они, за небольшим исключением, были найдены в погребениях, рядом со скелетами, в области рта.

Предыдущими исследованиями нумизматического материала было выявлено, что на территории раннесредневекового Термеза были в обращении монеты самостоятельной чеканки нескольких типов, иконография которых сложилась под влиянием традиций монетного дела Сасанидского Ирана. основополагающая типология подражаний сасанидским монетам, выпущенным «иранскими гуннами», детально разработана и опубликована Р. Геблем в 4 томах (Göbl, 1967)². Серебряные монеты по типу драхм шахиншаха Пероза (459-484), были обособлены Р. Геблем под названием «Надежные эфталиты» и отнесены к их собственному чекану. Датируются они, начиная с 465 года или 484 г., возможно, позже и до второй половины VII в. (Goebel, 1967, I; S. 25-26).

Кроме того, Р. Гебль опубликовал клад монет 289 эмиссии в количестве 53 экз. Место чеканки этих эмиссий он предварительно поместил в «Южной России», подразумевая, вероятно, Среднюю Азию и приводя сведения о находках подобных монет, опубликованных Л.И. Альбаумом в 1960 г. (Альбаум, 1960) (Goebel, 1967, II, S. 38-44).

Б.И. Вайнберг выделила из музейных коллекций экземпляры – подражания драхам шахиншаха Варахрана IV, дополнившие типологию Р. Гебля и обозначенных ею как Эм. 32А и Эм. 32

Б. Монеты этих эмиссий отнесены исследовательницей к монетам хионитов и датированы концом 4 – второй половиной 5 века.

Было выявлено также обращение в Термезе эфталитских монет эмиссий 287, 288 и 289, выпущенных в подражание драхмам Пероза, а также новый, промежуточный между эмиссиями 287 и 288 тип. Он имеет обычную для этой эмиссии надпись, но отсутствует тамга; тип был обозначен Б.И. Вайнберг эмиссией 287А. На основе детального анализа монетных надписей и тамговых знаков была предложена реконструкция историко-политической ситуации Тохаристана (Вайнберг, 1972, с. 129-154).

Продолжая исследования монетных находок из Термеза, Б.И. Вайнберг и Т.А. Раевская выявили неизвестные ранее типы медных монет Термеза самостоятельной чеканки с тамгой в виде якоря, а также опубликовали новые типы надчеканов на подражаниях монетам Пероза, не вошедших в типологию Р. Гебля (Вайнберг, Раевская, 1982, с. 64–72).

В дальнейшем монетные находки из Каратепа публиковались Е.В. Зеймалем, среди них и 2 серебряных подражания монетам Пероза 287 эм. в комплексе В в захоронениях и 1 экз. 288 эм. в том же комплексе из слоя захоронения, которые были датированы публикатором первой половиной или серединой VI в. (Зеймаль, 1996, с.185–208). Х. Гумбах дал чтение бактрийских надписей на монетах-подражаниях и их интерпретацию (Humbach, 1996, 209-212).

На памятниках Каратепа и Чингизтепа³ за последние шесть лет было обнаружено 22 экземпляра подражаний Перозу, которые различаются как по характеру изображений, иконографии, так и по составу металла и сохранности. Все эти различия вызваны, по всей вероятности, хронологической разновременностью. На наиболее ранних подражаниях изображения выполнены довольно четко и типологически близки к исходному образцу, чеканены из высокопробного серебра, размеры и вес немного редуцированы, по сравнению с подлинными драхмами Пероза. По мере временного отдаления наблюдается процесс искажения изображений и надписей, который в конечной фазе приводит к замене изображения Пероза на л.с. местным правителем и сильной схематизации иконографии на о.с. Также ухудшается состав металла, который уже почти не содержит серебра, монеты чеканятся из меди, в лучшем случае они посеребрены.

Эмиссия 287 - это наиболее ранние подражания монетам Пероза, исходным образцом для которых послужили драхмы Пероза типа III/b (по Goebel, 1971), на аверсе которого царь изображен

в короне с двумя крыльями и шаром наверху, на реверсе слева от стражника в поле – имя Пероза, справа от второго стражника – аббревиатура монетного двора.

Монеты этой эмиссии отличаются от исходного образца наличием четырех крупных точек, равномерно расположенных на ранте монет. К ней относятся следующие экземпляры⁴:

Л.с. В центре в рубчатом картуше - бюст царя вправо в короне с двумя крыльями, полумесяцем и шаром наверху, выходящим за пределы круга, между крыльями короны и полумесяцем – три точки. Сзади от короны отходят две ленты, за плечами волосы, собранные в пучок. В ушах серьги, на шее – ожерелье, показанное точками. Над плечами развевающиеся ленты. Перед лицом – бактрийская надпись НВ (по Геблю), или ІВ (обозначение эмиссии?) (Humbach, 1966. S. 66) или Ёb (сокращение имени царя эфталитов) (Humbach, 1996, р. 210). На ранте 4 крупные точки, расположенные равномерно на уровне 2, 5, 7 и 10 часов.

О.с. В рубчатом ободке – алтарь огня, повязанный лентами с языками пламени. Слева от пламени – звездочка, справа – полумесяц. По сторонам алтаря – стилизованные фигуры стражников, головные уборы которых выходят за край ободка. Слева в поле – монограмма – начальная буква имени Пероза, справа – BOXLO название монетного двора - «Балх».

Серебро; д. - 28 мм, в. - 2,29 г., 3 ч., С1. Каратепа 2003 (1). (Табл. I, 1).

Л.с. то же, другой штемпель. На уровне 3 ч. проставлен надчекан - надпись в овальном картуше (КМ 93) (Табл. 3).

О.с. То же, но некоторые детали изображения переданы точками.

Серебро; д.-28 мм, в. - 3,10 г., 3 ч., С1. Каратепа 2004(8), Сев. холм, пом. 29, во рту черепа №7 (Табл. I, 2).

То же, но на л.с. на 3 ч. – надчекан: согдийская надпись хwв в картуше прямоугольной формы (КМ 96) (Табл. 3). Серебро; д. - 29,9 мм, в. – 2,76 г., 3 ч., С1. Каратепа, 2005 (4). Западный холм, пом. 6, во рту скелета (Табл. I, 3).

То же, на о.с. алтарь другой формы - с тонким столбом.

Серебро; д.-29 мм, в.-1,66 г., 3 ч., С2. Край обломан. Каратепа, 2005 (17). Западный холм, комплекс «Б», пещера 1, скелет 4 (Табл. I, 4).

Эмиссия 287 А.

1. (5). Л.с. В рубчатом круге изображение правителя вправо в крылатой короне, детали неразличимы. На ранте четыре точки, между двумя нижними – мелкая бактрийская надпись или ее имитация. На уровне 3 ч. проставлен надчекан –

Табл. I – Монеты эмиссии 287, 287 А, 287 Б, 288

тамга вытянутой формы на двух ножках с поперечной чертой и навершием в виде полумесяца (S 59), вверх ногами.

О.с. Схематичное изображение алтаря огня и стражников.

Серебро; д.-30 мм, в.- 2,73 г., 3 ч., С2. Каратепа, 2005 (16). Сев. холм, пом. 28, скелет № 3, во рту (Табл. I, 5).

Эмиссия 287 Б.

(6) Л.с. В центре в рубчатом круге – правитель в крылатой короне с шаром наверху, вправо. Три точки между шаром и короной отсутствуют. От короны отходит лента с двумя концами. За плечами – волосы, собранные в пучок. На шее вместо ожерелья – медальон, показанный крупной точкой на груди. Над плечами – две ленты. На ранте – четыре точки, на верхнюю правую (на 1 ч.) сверху проставлен надчекан в овальном картуше – тамга, похожая на S 59, но поперечная черта видна только с одной стороны, перевернутая вверх ногами (Табл. 3). На ранте в поле, за пределами картуша на уровне 3 ч. находится тамга (S 59). Штемпель сдвинут влево. Рельеф высокий.

О.с. В центре в рубчатом круге схематичное изображение алтаря с пламенем, слева от пламени – полумесяц. Фигуры стражников стилизованы, на уровне их голов – две черты, выходящие за пределы круга. Серебро; д.-28-29 мм, в.-2,99 г., 3 ч., С1. Чингизтепа, 2003, подъем (Табл. I, 6).

Монета с двумя подобными надчеканами – тамгами ранее была опубликована Б.И. Вайнберг. Она отметила, что данный экземпляр является результатом поисков нового типа монет (Вайнберг, 1972, с.142. Табл. XXVII, 4). На нашей монете тамга была вырезана на штампе и находится на обычном для эмиссии 288 месте, но отсутствует надпись. Это обстоятельство позволяет нам выделить новую, еще одну переходную эмиссию от 287 к 288 и обозначить ее 287 Б, продолжая начатую Б.И. Вайнберг индексацию.

Эмиссия 288 представляет собой дальнейшее развитие подражательных выпусков: наряду с 4 точками на ранте аверса, справа от центрального картуша находится тамга вытянутой формы на двух ножках и навершием в виде полумесяца, с короткой поперечной линией посередине (S59), между двумя нижними точками помещена бактрийская надпись, чтение которой до сих пор точно не установлено: COOMO или IOOMO (Humbach, 1966, S. 66; Goebel, 1967, B.I, S. 198), FROMO (Humbach, 1996, p. 211), или ALChOON (Mitchiner, 1978, p. 228). Обозначение монетного двора сокращается или полностью имитировано.

(7) Л.с. В центральном картуше изображение правителя вправо в короне с двумя крыльями и

шаром, выходящим за пределы круга. Перед лицом надпись. На ранте на уровне 3 ч. расположена тамга (S59). Между нижними точками – надпись или имитация.

О.с. Изображение алтаря огня с пламенем, слева и справа от которого расположены звезда и полумесяц. Фигуры стражников вытянуты, их верхняя часть выходит за пределы круга двумя выступами.

Серебро; д. – 30 мм, в. – 3,71 г. 3 ч. С1. Каратепа, 2003 (2). (Табл. I, 7)

(8) То же, рельеф изображения высокий, на уровне 11.30 ч. – новый надчекан в прямоугольном картуше – ромбовидная тамга, сохранившаяся не полностью (Табл. 3). Серебро; д.-29 мм, в.-1,91. 4 ч. Каратепа, 2003 (35). Сев.холм, Пом. 17, скелет № 5, во рту. (Табл. I, 8)

(9) То же, но на уровне 9 ч. Остатки от надчекана – надписи (?) (Табл.3). Серебро; Д. – 28 мм, в. – 2,11 г. 5 ч. С1. Каратепа, 2004 (9).

Сев. холм, пом. 29, во рту черепа № 3 (Табл. I, 9).

(10) То же, тамга укороченной формы. Размеры кружка - 29,6x31 мм, в. – 1,77 г. 3 ч. С2. Каратепа, 2004 (10). Сев. холм. Пом. 29, во рту черепа № 6. (Табл. I, 10)

(11) То же. По виду медная. Д. – 30 мм, в. – 3,85 г. 3 ч. С2. Чингизтепа, 2005 (3). Коридор между башнями 13 и 14. Погребение. (Табл. I, 11).

(12) То же, между двумя нижними точками – мелкая надпись или имитация. На о.с. начальная буква имени Пероза и надпись-имитация монетного двора поменяли местами. По виду медная; д. - 29x30 мм, в. - 2,41 г., 3 ч., С2. Край обломан. Чингизтепа 2000. Внутрибашенное помещение (Табл. I, 12).

Эмиссия 289 – характеризуется уменьшением размеров центрального картуша, в котором изображение Пероза заменяется изображением местного правителя в крылатой короне, на ранте слева от правителя появляется вторая тамга лирообразной формы (S60). Изображения на реверсе монет еще более схематичны.

(13) Л.с. В центральном рубчатом круге - изображение правителя с крупным носом, вправо, в короне с двумя крыльями и шаром, от которого сохранилась лишь дуга над короной и слабые контуры за пределами круга. От короны вправо отходит лента с двумя концами, в ушах серьги, показанные одной или несколькими точками. Ленты над плечами в форме треугольных валиков. Перед лицом – надпись ВН. На ранте в верхней половине - две крупные точки, нижняя часть монеты утеряна, тамга справа видна слабо, слева – тамга лирообразной формы (S 60).

О.с. В центральном картуше мелкие изображе-

289

289 A

M:5:1

Табл. II – Монеты эмиссий 289 и новой 289А.

ния алтаря огня с пламенем, слева от которого звезда, слева – полумесяц. Фигуры стражников по бокам схематичны, над их головами круглые точки, выходящие за пределы круга. По виду медная; д. – 28 мм, в. – 1,80 г., 3 ч. С2. Чингизтепа, 2004 (779), юго-западный угол коридора меж-

ду башнями 13 и 14. (Табл. II, 13).

(14) Л.с. То же самое, крылья короны в виде трехлепестковых фигур.

На уровне 7 ч. - надчекан (надпись?). Поверх надписи проставлен еще один надчекан – портрет мужчины, близкий по иконографии к КМ 72 и

КМ 73, детали не разборчивы. (Табл.3).

О.с. В рубчатом круге - алтарь огня с пламенем, ленты от перевязи столба показаны с двух сторон двумя рядами точек параллельно ему. Фигуры стражников в высоких головных уборах, концы которых выходят за круг. С двумя надчеканами - на 9 ч. - в виде соединенных протомы лани влево и головы слона вправо - тип 5 (по Вайнберг, Раевская, 1982, с. 70, илл. 26 д). На 12.30. ч. - профиль мужчины вправо (Таб. 3). Серебро; д. - 31 мм, в. - 2,99 г. 12 ч. С.3. Край монеты обломан. Чингизтепа, 2004 (783). Разрез коридора около башни 13, разрушенное погребение. (Табл. II, 14)

(15). То же, тамги на л.с. и надпись еле видны. Изображения на о.с. стилизованы. По виду медная; д.-30 мм, в.-2, 77 г., 3 ч. С3. Окислена, обломан край. Каратепа, 2003 (32). Сев.холм, Пом.17. (Табл. II, 15).

(16). Л.с. То же самое, справа от центрального картуша в поле сохранилась лишь часть тамги S59, на ранте 4 точки, в нижней части между точками - остатки надписи. На 12.30 ч. надчекан - в округлом картуше бактрийская надпись из 2 или 3 букв. О.с. схематичное изображение алтаря огня и стражников в центральном картуше, на ранте на 9 ч. - надчекан лирообразной тамги (S 60) в круглом картуше (Табл. 3). Серебро (биллон?); д. - 30 мм, в. - 2,62 г. 3ч. С3. Края обломаны. Каратепа, 2003 (3). (Табл. II, 16)

Вышеописанный экземпляр можно отнести к Эм. 289, так как основные компоненты оформления монет этой эмиссии присутствуют, лишь лирообразная тамга, обычно располагающаяся на ранте аверса, находится в виде надчекана на реверсе монеты. Это могло произойти в результате ошибки при изготовлении (?).

Однако этот экземпляр может быть и каким-то промежуточным, переходным типом от одной эмиссии 288 к другой - 289. Однако до появления нового материала утверждать это преждевременно.

Нахождение тамги на необычном месте - на реверсе монет - случай не единичный. В нашей коллекции имеются экземпляры, которые можно выделить в новый, до сих пор неопубликованный тип подражаний монетам Пероза, который мы обозначим как Эм. 289 А. На одной из них также на реверсе имеется изображение лирообразной тамги.

1. (17) Л.с. В центре в рубчатом круге изображение правителя вправо в короне с двумя крыльями и шаром, выходящим за пределы круга. От короны влево отходят две ленты, волосы собраны в пучок, переданный большой точкой. Над плечами - ленты. На ранте четыре круглые точки,

между двумя нижними точками - бактрийская надпись из 4 букв или ее имитация. Справа от картуша в поле тамга S 59, слева - надчекан - новая тамга в виде двойного ромба с полумесяцами над противоположно расположенными углами (Табл. 3).

О.с. В рубчато-линейном круге схематичное изображение алтаря и мобедов, детали неразличимы. На ранте, на уровне 5 ч. - лирообразная тамга (S60).

Серебро (или серебрение); Д.- 30 мм, в. - 3,44; 3 ч. С2. Чингизтепа, 2005 (2), коридор между башнями 13 и 14, погребение. (Табл. II, 17)

2. (18) Л.с. То же. Тамга справа от картуша (S 59) укороченной формы, слева новая - ромбовидная тамга. Серебро. Д.- 30 мм, в.- 2,88 г., 3 ч. С3. Чингизтепа, 2004 (757). Второй отсек коридора, погребение, около черепа 4. (Табл. II, 18)

3. (19). То же самое, но отличается большей схематизацией изображений и формой тамги слева, она в виде ромба без одной нижней стороны, напоминает арабскую цифру 4, с полумесяцем наверху и на горизонтальной черте в основании (Табл.3). По виду медная; Д.- 30 мм, в. - 2,53 г., 9 ч. С3. Чингизтепа, 2004 (769), восточная половина коридора между башнями 13 и 14. Погребение. (Табл. II, 19)

Неопределенной эмиссии:

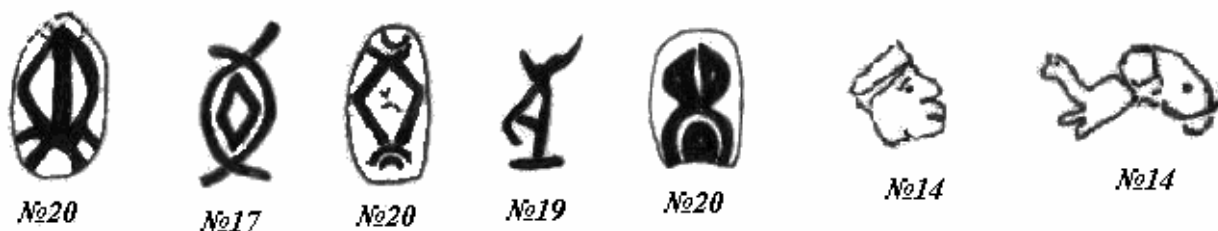
1. (20). Монета состоит из 4 склеенных фрагментов, плохая сохранность не позволяет определить ее тип. По остаткам изображений, она относится к поздним выпускам подражаний Пероза. На л.с. имеется 2 надчекана, на уровне 11 часов - в овальном картуше ромбовидная тамга с двойными отростками в нижней части ромба, верхняя часть не сохранилась, рядом с ней - надчекан - тамга (?) (Табл. 3). О.с. Алтарь и стражники сильно схематизированы. Серебро (или биллон), тонкая. Д. - 30 мм, в. - 1,63 г., 3 ч. С3. Каратепа, 2004 (37), северный холм, пом. 24, скелет 1, во рту. (Табл. II, 20).

Еще два экземпляра плохой сохранности, конкретный тип не определяется.

2. (21) Л.с. очертания изображения правителя. О.с. мелкие изображения алтаря и стражников в линейном ободке. Серебро (?); в.-0,91 г., д. Не определяется. С4. Обломана, вспученная. Каратепа, 2002 (?).

3. (22) Л.с. Изображения неразличимы, видны лишь смутные контуры изображений в центральном линейном картуше. Медь; д.-29 мм, в.-1,61 г. С4. Стерга. Каратепа, 2002.

Таким образом, новая тамга, проставленная в виде надчекана на месте лирообразной тамги на монетах Эм. 289, зафиксирована на 3 экземплярах, в виде надчекана она проставлена также на

увеличено, нумерация по номеру монеты в общем списке.

Табл. 3 – Надчеканы и тамговые знаки на монетах

монету 288 эмиссии (№8). Примечательно, что на одном экз. Эм. 289 она проставлена в надчекане на место лирообразной тамги, которая присутствует на монете, но на реверсе. Если на монете № 17 тамга могла попасть на реверс монеты в результате ошибки, то на монете №18 она фактически вытеснена с аверса новой тамгой. Этот уникальный экземпляр является как бы связующим звеном между двумя эмиссиями – 289 и новой 289 А.

Вариации знака свидетельствуют о сравнительно долговременной его эволюции. Основа знака – это ромб, который известен как в надчеканах, проставленных на драхмах Пероза и на подражаниях Хосрова I из находок в соседнем с Термезом Чаганиане, так и в качестве династийно-родового знака чаганианских правителей на медных монетах с парным изображением (Кузнецов, 1994. С. 15-16; Ртвеладзе 1987, рис.1; Ртвеладзе, 2002. С. 220-229). Находки монет-подражаний Перозу с тамгой нового вида из археологических памятников самого Чаганиана неизвестны. В Чаганиане в это время обращались монеты в подражание драхмам другого Сасанидского царя Хосрова I. Скорее всего, монеты новой 289А эмиссии выпускались в Термезе, в продолжение и завершение подражательных эмиссий 288 и 289. Рассмотренный материал представляет собой эволюционный ряд подражательных выпусков на основе драхм Пероза. Включая и промежуточные эмиссии, он демонстрирует постепенное сложение и пути поисков в формировании новых монетных типов и становление новых эмиссий.

По нашему мнению, этот процесс можно реконструировать следующим образом:

Этап проникновения монет эм. 287 – последняя четверть V века;

Переходный этап, характеризующийся поисками в выработке самостоятельного типа монет, представлен в нумизматическом материале двумя, возможно, синхронными выпусками, в оформлении которых отсутствует один из главных признаков следующей эмиссии: 287А – без тамги, и 287 Б - без надписи, - вторая половина V века;

Эмиссия 288 – после начала VI века.

Эмиссия 289 – с середины и вторая половина VII в. по Геблю; Б.И. Вайнберг считает, что ее выпуск можно датировать ранее – второй половиной VI в. В пользу поздней датировки монет этой эмиссии может свидетельствовать совместная находка с монетами правителя Урка Вартармурка, сделанная в одном из погребений в Пашхуртской котловине (Болелов, Дж. Ильясов 2006, с. 93).

Эмиссия 289 А – возможно, конец VI–начало VII в. (?).

О времени обращения подражаний монетам Пероза существует несколько мнений. По мнению Р. Гебля, самые ранние подражания 287 эмиссии появились в обращении после 467-468 гг. или 476 г. (Goebel, 1967, S. 197). К этому же времени их относит и Б.И. Вайнберг (Вайнберг, 1972, с. 199), при этом она отмечает, что распространение они получили лишь в начале VI в., когда Тохаристан перешел к эфталитам (Вайнберг, 1972, с. 139). Следующая эмиссия 287 А с бактрийской легендой датируется началом VI в. (Вайнберг, 1972, с. 141; Ртвеладзе, 2002, с. 213). Время обращения следующей эмиссии 288 относится к первой половине VI в. (Вайнберг, 1972, с. 142). По мнению Р. Гебля, монеты этой эмиссии были более широко распространены (С. 198). В нашей коллекции монеты этой эмиссии представлены 6 экземплярами. Характерно, что все они чеканены разными штемпелями, что отражает относительно долговременный их выпуск. Начало чеканки последнего типа подражаний монетам Пероза (289 эм) Б.И. Вайнберг относит к концу VI в., а обращались они на протяжении всего VII в. (Вайнберг, 1972, с. 143). По мнению Э.В. Ртвеладзе монеты этой эмиссии появились в обращении в начале VII в., а появление на них лирообразной тамги связано с проникновением в Тохаристан тюркских племен (Ртвеладзе, 2004, с. 72). Известно, что тюркские племена впервые появились в Тохаристане в 589 году, после включения термезских владений в состав Западно-тюркского каганата они на старых монетных штемпелях наносят свою родовую тамгу. Подобная тамга была широко распространена на монетах тюркских правителей Чача. Далее он отмечает, что после завоевания Термеза тюрками к власти приходит династия тюркского происхождения, которая правила в Термезе до первой половины VIII в. (Ртвеладзе, 2004, с.72). Тезис относительно происхождения династии термезшахов, правивших с конца VI–начала VII вв. в Термезском владении, довольно заманчив и правдоподобен. Может быть, этим и объясняется тот факт, что, когда в 689 г. последний термезшах был изгнан из своих владений арабским военачальником Мусой ибн Абдаллахом, тюркский наместник в Тохаристане посылал войска в Термез с тем, чтобы вернуть владение законному его правителю – термезшаху. Вместе с тем здесь не совсем ясно, почему тогда правители, происходящие из этой династии, не поместили аналогичную тамгу и на медных монетах. Тем более что подобные тамги на медных монетах Согда и Чача встречаются довольно часто. Если их считать династийными

знаками термезшахов VII в., то они должны были бы размещаться и на медных монетах. По крайней мере, медные монеты с такой тамгой в Термезе еще неизвестны. Теперь несколько слов относительно времени обращения подражаний монетам Пероза с лирообразной тамгой. Э.В. Ртвеладзе, принимая во внимание находки монет этого типа в одном слое с раннеаббасидским фельсом из Шуробкурмана, считает, что они были в обращении до третьей четверти VIII в. (Ртвеладзе, 2002, с. 214). Нам представляется, что предложенная Э.В. Ртвеладзе конечная дата обращения монет данного типа несколько растянута по времени. Трудно представить, что они обращались в течение почти двух столетий. В таком случае надо думать, что их выпуск не был одноразовым или кратковременным актом, а был многообразным и долговременным процессом с целью обеспечения потребности рынка. Следовательно, и находки их должны быть в значительно большем количестве, чем они известны сейчас. Мало того, как известно по сообщениям Ат-Табари (Табари, 1147-1148), в 689 году термезшах был изгнан из Термеза мятежным арабским военачальником Мусой ибн Абдаллахом. Последний владел городом до 704 г., когда он был убит во время сражения, происходившим между войсками Мусы ибн Абдаллаха с одной стороны, и совместными войсками арабов под предводительством Османа б. Масуда, наместника западнотюркского кагана в Тохаристане, Самаркандского ихшида и других. После этого сражения Термез оказался включенным в состав омейядского халифата. Поэтому трудно согласиться с мнением Э.В. Ртвеладзе о том, что эти монеты обращались до третьей четверти VIII в. В связи с увеличением населения города и округа за счет арабского контингента, и с тем, чтобы обеспечить возросшую потребность в товарообороте на рынке, нужно было продолжать чеканить монеты этого типа, так как монеты, выпущенные еще до захвата города арабами, вряд ли могли обеспечить потребность рынка. Муса ибн Абдаллах, а после его смерти арабские наместники халифата в Термезе вряд ли продолжали бы чеканить монеты по образцу монет термезшахов. Скорее они наладили бы выпуск монет арабского типа. Тем более что последние серии монет – подражаний Пероза практически были медными или в лучшем случае были посеребрены. Поэтому нужно думать, что их покупательная способность была практически равна медным монетам, конечно, если они не обращались по принудительному курсу. В связи с вышесказанным нам представляется, что датировка, предложенная Б.И. Вайнбергом, более близка к исторической действитель-

ности. Случай совместной находки с аббасидским фельсом в Шуробкурмане можно объяснить тем, что она могла быть переотложена во время строительных работ.

Серебряные подражания монетам Сасанидского царя Пероза, судя по топографии известных находок, были в обращении в Термезе и ближайшей его округе, включая Шерабадский район, с последней четверти V в. до конца VII в., в крайнем случае – до самого начала VIII в. Наряду с медными скифатными монетами, (на лицевой – выпуклой стороне которых изображен правитель в трехчетвертном повороте, и тамга в виде якоря на оборотной – вогнутой стороне), они являлись основными монетными эмиссиями, обеспечивавшими потребность рынка данного региона. Ареал распространения монет и количество их находок дают право предположить, что серебряные подражания монетам Пероза чеканились в Термезе и были предназначены для обслуживания нужд рынка города и соседних ему регионов вдоль правобережья Амударьи, а медные скифатные монеты ходили в обращении только в городе. Вследствие этого можно предполагать, что подражания драхам Пероза, найденные в соседнем Чаганиане, попали туда в результате торговых операций.

В связи с этим вопросом нужно отметить, что Б.И. Вайнберг (Вайнберг, 1971, с. 139) и Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 2002, с. 231) вслед за Р. Геблем допускали возможность начала выпуска подражаний драхам Пероза сасанидами в Балхе для выплаты дани эфталитам.

Остается не до конца выясненным, почему два соседних региона Северного Тохаристана так различаются по составу монетной массы. В Термезском регионе практически отсутствуют подлинные драхмы Сасанидских шаханшахов и подражания монетам Хосрова I (531-579), Хормизда IV (579-590) и Хосрова II Парвеза (590-628). Здесь на протяжении более двух столетий были в обращении различные типы подражаний монетам Пероза. В Чаганиане же подражания монетам Пероза единичны, а подлинные монеты Пероза, Хосрова и других правителей с эфталитскими надчеканами, наряду с подражаниями драхам этих Сасанидских царей, составляли основу товарно-денежных отношений. Э.В. Ртвеладзе объясняет это явление различным экономическим положением этих двух регионов. По его мнению, Чаганиан находился на более высоком уровне экономического развития, по сравнению с Термезом (Ртвеладзе, 1987, с.315). Не игнорируя это допущение Э.В. Ртвеладзе, обратим внимание на тот факт, что подавляющее большинство серебряных монет из Чаганиана происходят из кладов.

Как известно, клады не всегда реально отражают характер рынка. Клады из Чаганиана могли представлять собой сокровища, так как содержали монеты из высокопробного серебра, чеканенные в городах Ардашир-хваре, Мерве, Рее, Даранкерте, Спохане, Йезде (Ртвеладзе, 2002, с. 208). Вместе с этим заметим, что определенная часть этих монет поступала на рынок Чаганиана после представления на них местных надчеканов.

При всем этом в настоящее время однозначно ответить на вопрос, почему различается монетная масса, обращавшаяся в Чаганиане, с одной стороны, и в Термезе, Гуфтане, с другой стороны, не представляется возможным.

Э.В. Ртвеладзе считает, что это связано с политической обособленностью этих смежных владений уже с конца V – первой половины VI в., в период эфталитского владычества в Тохаристане и позже, после разгрома эфталитов тюрками и сасанидами. Далее он отмечает, что у чаганианских правителей прослеживается явно сасанидская ориентация (Ртвеладзе, 1987, с. 315). В таком случае аналогичная картина должна была сложиться и в Термезе, так как он находится по пути в Чаганиан. Термез был важным стратегическим пунктом на Амударье, и через него проходила кратчайшая военная и торговая дорога, соединяющая Чаганиан с городами Южного Тохаристана и собственно с Ираном. Поэтому завоевание сасанидами Чаганиана последовало бы только после взятия Термеза. Следовательно, влияние Сасанидов в Термезе должно быть более ощутимым, чем в Чаганиане. Тем более, что, как сообщает Балами, после завоевания Кавадом (488-531 гг.) владений Северного Тохаристана Термез, наряду с городами Земм, Кабадиан, был превращен в царский город, что само по себе указывает на особый статус города в политической структуре сасанидского Ирана (Маршак, 1971, с. 64). Этот шаг Кавада, по всей вероятности, был вызван пониманием стратегической значимости

Термеза, и желанием удержать в повиновении земли Северного Тохаристана. В таком случае Сасаниды должны были бы содержать военный контингент в городе, по крайней мере, для охраны переправы. Однако в Термезе пока не наблюдается ощутимое влияние Ирана как в плане экономическом, так в плане культурном. Можно предположить, что владычество Сасанидов в Термезе было не столь долгосрочным, и оно не оказало сильного влияния на экономику региона. Видимо, этим и объясняется отсутствие в Термезе подлинных монет сасанидских правителей.

Нумизматическими исследованиями установлено, что в раннесредневековом Тохаристане местные подражания известны только для драхм Пероза и драхм Хосрова I. Наблюдения за территориальным распределением серебряных подражаний позволили исследователям сделать вывод о том, что в сфере серебряного обращения существовали обособленные ареалы, в которых обращались определенные серии монет. Если в Чаганиане обращались подражания Хосрову I и возникшие на их основе монеты чаганхудатов, то в другой области, в Вахше, обращались подражания драхмам Пероза с согдийской легендой «*тохарский*» в надчекане (Zeimal, 1994, p. 253-256). Граница между этими ареалами проходила где-то в Гиссарской долине. Обособленность хождения этих монет только в своем ограниченном ареале была вызвана заниженным, по сравнению с настоящими сасанидскими драхмами, весом, при котором обращение осуществлялось поштучно. А надчеканы на монетах показывали их право хождения по определенному курсу в определенных территориальных границах (Монеты раннесредневековой Средней Азии, с. 196-197).

Определенное место в денежном обращении занимали и монеты – подражания Перозу, выпущенные в Термезе. Более конкретные выводы можно будет сделать при дальнейшем накоплении нумизматического материала.

Сноски

¹Медным монетам термезских правителей будет посвящена отдельная статья.

²В дальнейшем при описании монет для краткости использованы принятые Р. Геблем обозначения и нумерация: для монетных выпусков – Эм; надчеканов – КМ; тамбовых знаков и символов – S.

³Монетные находки из буддийского культового центра Каратепа были получены в ходе совместной Узбекистано-Японской экспедиции, а из раскопок на Чингизтепа – совместной Узбекистано-Французской археологической миссии.

⁴Сокращения при описании монет: д. – диаметр, в. – вес, соотношение осей аверса и реверса дано по часовому циферблату, сохранность – С. (1-хорошая, 2-средняя, 3-удовлетворительная). Место и год находки, в скобках – номер монеты в годовом списке монетных находок.

Использованная литература

Альбаум Л.И. Балалык-тепа. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.

Болелов С.Б., Ильясов Дж. Археологические исследования в Пашхуртской котловине // Археологические исследования в Узбекистане в 2005 году. Ташкент 2006.

Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв. (в связи с запустением Кара-тепе) // Буддий-

- ский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Москва, 1972.
- Вайнберг Б.И., Раевская Т.А. Нумизматические заметки // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. Москва, 1982.
- Зеймаль Е.В. Монеты из раскопок Кара-тепе (1961-1984 гг.) // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1978–1989 гг. Москва, 1996.
- Кузнецов А.В. Каталог монет Чаганиана V-VIII вв. Ташкент, 1994.
- Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. Москва, 1985.
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. Москва, 1971.
- Маршак Б.И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V веке // Страны и народы Востока. Вып. X. Москва, 1971.
- Ртвеладзе Э.В. К вопросу об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии-Тохаристане // ОНУ. Ташкент 1983, № 1.
- Ртвеладзе Э.В. Новые нумизматические данные к истории взаимоотношений Северного Тохаристана и государств Востока в V-VIII вв. н.э. // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Tomus XLI (2), Budapest, 1987.
- Ртвеладзе Э.В. Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем средневековье // Древние и ранне-средневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Ташкент, 2002.
- Ртвеладзе Э.В. Монетные находки с городища Шуробкурган // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 4. Археологические исследования Шуробкургана. Елец, 2004.
- Монеты раннесредневековой Средней Азии // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. Археология. Москва, 1999.
- История Ат-Табари. Избранные отрывки. Перевод с арабского В.И. Беляева с дополнениями О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. Ташкент, 1987
- Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. 4 Bände. Wiesbaden, 1967.
- Göbl R. Sasanian numismatics. Braunschweig, 1971.
- Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler. Teil 1. Wiesbaden, 1966.
- Humbach H. The Peroz Hephthalite Coins // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1978–1989 гг. Москва, 1996.
- Mitchiner M. Oriental Coins and their values. The ancient and classical World 600 B.C. – A.D. 650. London, 1978.
- Zeimal E.V. The circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period (Eifth-Eighth Centaries A.D.). Bulletin of Asia Institute, N.S., Vol. 8, 1994.

К ИЗУЧЕНИЮ ОССУАРНОГО ОБРЯДА ЧАЧА

Оссуарии - яркое и самобытное явление, один из элементов погребальной обрядности Средней Азии Их появление и бытование традиционно связывают с требованиями зороастрийских представлений. Функционально они предназначались для хранения очищенных костей умерших, после предварительного выставления, видимо, считавшимися необходимыми для последующего воскрешения. Несмотря на почти 150-летнюю историю изучения оссуариев и накопление обширного фактологического материала они по-прежнему остаются предметом острой дискуссии. Это и вопросы истоков оссуарного обряда, вопросы эволюции форм, анализ бытования различных типов, смысловые нагрузки сюжетов и элементов орнаментации оссуариев, пути и время их проникновения в различные регионы Средней Азии и даже попытки их привязки к определенным этническим группам, практиковавших этот обряд.

Больше того, в последнее время появились предложения вообще отказаться от понятия оссуарный обряд, так как эти вторичные захоронения, обнаруженные обычно при случайных обстоятельствах ошибочно воспринимаются как свидетельства “перезахоронений” или как самостоятельный тип погребений в хумах или оссуариях (Смагулов, 2004, с. 52). Не развёртывая полемику по этому вопросу отметим, что сам обряд состоял из двух этапов. Первый - это предварительной выставление трупа с целью очищения костей от мягких тканей. Второй - окончательной захоронение с целью их сохранения для последующего возрождения. Иногда для этого использовались специальные сосуды, но часто этой цели служили обычные склепы - наусы, где кости просто сдвигались в сторону. Поэтому нередко эти наусы являлись и дахмами и астаданами. Всё это полностью согласовывалось с зороастрийским представлением и получило развитие в последующее время. Помещение костей в оссуарии являлось видимо, необязательным, но тем не менее важным элементом погребальной обрядности.

Именно с районом Чача (Ташкентским оазисом) связана первая зафиксированная в Средней Азии находка оссуария-саркофага из обожжённой глины с сильно разрушившимся человеческими костями в Ташкенте в 1870 году (дискуссию об этом см. Лунин, 1958, с. 175; Лунин, 1979, с. 55). Позже находки оссуариев стали следовать одна за другой. В 1886 г. на землях рядового Вау-

лина близ станции Ниязбаш в 22 верстах от Ташкента был обнаружен овальный оссуарий с крышкой, ручка - навершие которой было оформлено в виде человеческой головы (Смирнов, 1887, с. 9). В том же 1886 г. на окраине Ташкента на землях купца Н.П. Никифорова при подготовке земли под посев хлопчатника были обнаружены “погребальные урны” с костями внутри. Шли они рядами, довольно плотно друг к другу и были зарыты неглубоко, примерно на 15-20 см. По словам рабочих оссуариев было более сотни, но все они были разрушены (Смирнов, 1887, с. 12).

Заинтересовавшись сообщением о находке оссуариев близ станции Ниязбаш Археологическая комиссия запросила своего корреспондента Н.П. Остроумова о наличии в окрестностях Ташкента ещё подобных холмов и возможности исследования одного - двух из них. Н.П. Остроумов решил провести работы на Никифоровских землях. В процессе раскопок были вскрыты курганы, однако оссуариев не было найдено. Последнее привело его к выводу, что “погребения в особых глиняных урнах (т.е. в оссуариях), представляет самостоятельный обычай, отдельный от... погребения в земляных могилах” (Цит. по Лунин, 1958, с. 177).

Накопление материала (оссуариев) продолжалось и в последующее время. Так, в 1896 г. на левом берегу канала Ангар во дворе Рахматулы Латыфбаева, расположенного по самаркандской дороге в одной версте от холма Шаштепе был обнаружен небольшой оссуарий в виде “овального сундука”. Как оказалось за два года до этого Латыфбаев на краю холма во дворе расчистил ещё пять глиняных гробиков. Часть из них сохранилась, была передана им в Музей и до сих пор хранится в коллекции Государственного Музея истории Узбекистана (Минасянц, 1990, с. 72).

Много было сделано членами Туркестанского кружка любителей археологии. Именно благодаря их деятельности, собиранию, попыткам осмысления орнаментации и самого обряда, ташкентские оссуарии неоднократно становились объектами научных исследований и острых дискуссий. Но в основном это были случайные находки.

Дальнейшему накоплению материала способствовали находки в долине Ангрена, Чирчика и особенно Тойтепа. Здесь в 1,5 км восточнее Тойтепа, на краю большого каньона Ислахатарыка в 1928 г. М.Е. Массоном и Т. Миргиязовым было

открыто скопление оссуариев - оссуарный могильник. Они, как указывает М.Е. Массон, помещались группами по несколько штук не просто в землю (яму) рядами как на Никфоровских землях, а в подземную камеру-подбой, он называет её "ляхатом" (Массон, 1953, с. 29). Причём М.Е. Массон подмечает важную деталь: проход в подземную камеру после помещения в неё оссуариев засыпался, но в отдельных случаях при новых погребениях оссуарии перемещались на полу ляхата, а проход каждый раз засыпался вновь.

Из этого напрашивается как бы два вывода предположения. Во-первых, значит вход в эту подземную камеру на поверхности земли как-то выделялся, может насыпным холмиком или невысокой сырцовою оградкой. Во-вторых, очевидным становится семейная принадлежность таких групп.

В результате раскопочных работ было получено 11 целых оссуариев овальной формы, несколько крышек, ручки которых были оформлены в виде примитивно вылепленных мужских головок или фигурок птиц, а также большое количество фрагментов оссуариев и погребальных сосудов-корчаг. Позже в 1937 г. на Ислахатарыке вновь проводились земляные работы по его расширению. Я.Г. Гулямов и Т. Миргиязов собрали здесь и передали в исторический Музей ещё 14 целых оссуариев и массу фрагментов (Минасянц, 1990, с. 75).

Размах археологических работ в 50-80-е годы XX в. не мог не сказаться на открытии новых групп оссуариев. Большой вклад в изучение оссуариев Ташкентского оазиса был сделан работами Т.Р. Агзамходжаева, Ю.Ф. Бурякова, К.А. Алимова, У. Алимова, В.И. Спришевского, М.И. Филанович, В.С. Минасянца. В конце 50-60-е годы одним из направлений работ Узбекстанской археологической экспедиции Института истории и археологии АН Узбекистана в Ташкентской области стало изучение курганных погребений и сооружений типа наусов в районе строительства Туябугузского водохранилища и в окрестностях города Ангрен. Работы в первом районе выявили, что туябугузские наусы представляли собой однотипные наземные сооружения из глины (пахсы) и сырцового кирпича со сводчатым перекрытием. Все они были круглыми в плане сооружениями с прямоугольной камерой в середине. Т.Р. Агзамходжаев расчистил 11 склепов-наусов. Все они располагались на невысоких холмах, иногда отделенных друг от друга промоинами и попеременно с курганами. К сожалению, план могильника не был составлен, и поэтому территориальное расположение выделенных им групп трудно сопоставимо. Показательны рас-

копки науса №1. Это округлое в плане сооружение, диаметром 8,3 м имело платформу из плотной пахсовой кладки. Из пахсы выложены также стены науса до уровня свода. В середине расположено прямоугольное помещение (2,1x2,95 м), вытянутое с востока на запад. Три небольшие сводчатые ниши, выделенные на одном уровне с полом камеры, были сделаны в середине северной и боковых сторонах помещения. Узкий сводчатый вход находился с восточной стороны. Снаружи он был выделен выступом, длиной 1,35 м с арочным проёмом. Внутри всех наусов находились беспорядочно лежавшие человеческие кости и фрагменты оссуариев (Шишкин, 1962, с. 16; Агзамходжаев, 1962, с. 71-72). Одной из самых интересных находок оказался практически целый оссуарий в виде горизонтального цилиндра на четырёх невысоких ножках.

Исследователи, опираясь на найденные монеты, предложили отнести наусы к концу VII-нач. VIII вв. (Шишкин, 1962, с. 16; Агзамходжаев, 1962, с. 79).

Кстати, эти раскопки документально подтвердили, что в Ташкентском оазисе оссуарии могли также помещаться в наусы и "сосуществовать с труположениями".

Но наряду с этим сосуществовали другие виды захоронений; когда погребения в оссуариях и хумах помещались в неглубокие грунтовые ямы, как на Ислахатарыке под Тойтепа. Так в 1958 г. при строительных работах на юго-западной окраине Ташкента близ 54-го разезда на глубине 1,5 м были обнаружены оссуарные захоронения. Неподалеку друг от друга располагались два овальных юртообразных оссуария и хум (видимо, в одной яме). Т. Агзамходжаев отнёс их бытование к VI-VII вв. (Агзамходжаев, 1963, с. 84-86).

Не менее значимы работы в окрестностях города Ангрен, где в местности Апартак была обнаружена и вскрыта группа склепов-наусов иного типа. Это подземные сооружения, сложенные из каменных плит на глиняном растворе. Погребальные камеры представляли собой небольшие почти квадратные помещения с купольным перекрытием (кладка камней напуском), в середине одной из южных сторон устраивался вход в узкий, длинный коридор - дромос (до 5,5 м). Сверху - прямоугольное отверстие-люк, вырезанный в стенке цилиндра с соответствующей крышкой. Одна из боковых сторон орнаментирована прорезными линиями ещё до обжига в виде ромбов. Т.Р. Агзамходжаевым вскрыто 10 склепов. Было выявлено, что первоначально в склоне холма рылась яма и ход в неё, затем возводились прямоугольные или квадратные в плане склепы. Их пол выстилался большими плитами, щели забивались

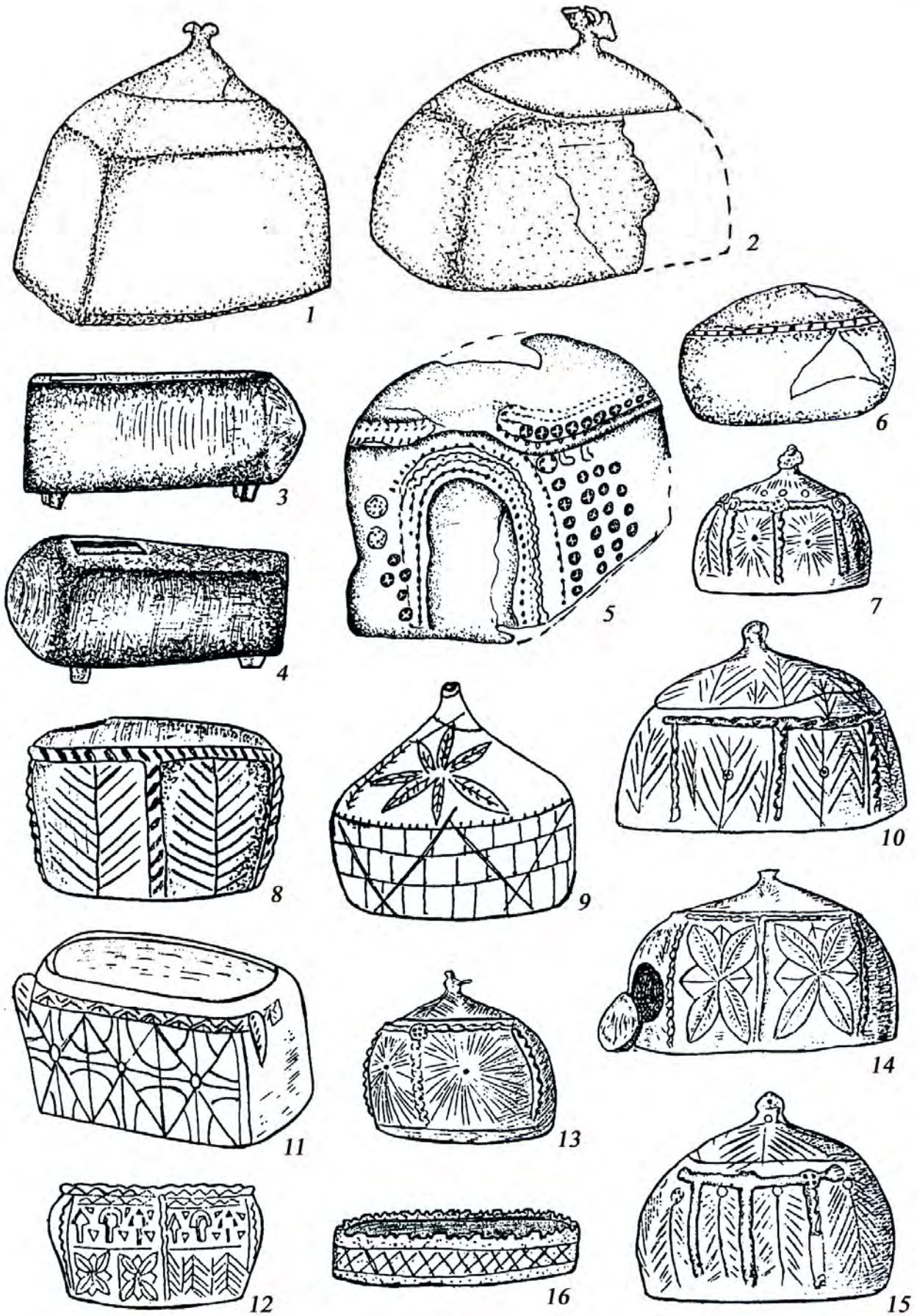

Рис. 1. Типы ташкентских оссуариев

гравием. Кроме того камеры «коридора посыпались песком, а стены оштукатуривались штукатуркой с большой примесью песка». Видимо, часть склепов сверху перекрывались каменной насыпью. Так наус №1 имел трёхслойную насыпь диаметром 16 м и высотой 1,4 м. По мнению Т.Р. Агзамходжаева, это давало равномерную нагрузку на свод и предохраняло склеп от проникновения дождевых вод (Агзамходжаев, 1966, с108)».

На полу камер расчищены труположения по 2-3 скелета. Из сопроводительного инвентаря на каждый склеп приходилось по 3-7 сосудов. Кроме того, в каждом наусе находилось большое количество фрагментов прямоугольных оссуариев и человеческих костей. В одном из наусов (наус №4) в северо-восточном углу склепа стоял прямоугольный оссуарий с крышкой, одна сторона которого была покрыта расписным орнаментом. Около оссуария стояли четыре сосуда. Были и другие приношения - бусы и медное кольцо с овальным щитком. Т. Агзамходжаев отнёс бытование всей группы в целом к V-VII вв. н.э. (Агзамходжаев, 1966, с104-111; Агзамходжаев, 1966а, с. 11-12).

Апартакский комплекс оказался очень важным для понимания эволюции погребальных сооружений Ташкентского оазиса (Богомоллов, 2005, с. 192-196) и оссуарных захоронений. Т. Агзамходжаев на базе этого комплекса предположил, что наусы служили дахами и после истления мягких покровов тела кости скелетов собирали и укладывали в оссуарии. Заполненные оссуарии ближайшие родственники выносили в особые места для окончательного захоронения в земле (Агзамходжаев, 1966, с. 110).

Другой важной вехой в изучении оссуарного обряда Ташкентского оазиса стали небольшие работы Ю.Ф. Бурякова по изучению курганов в южной части крупного некрополя (Мингтепа), расположенного южнее Пскента. Здесь в 1963 г. на окраине посёлка Муратали им было расчищено несколько округлых наземных сооружений из сырца и пахсы с небольшой прямоугольной камерой-склепом внутри. Вход в наус вёл с юго-востока и был оформлен в виде портала, шириной 2,6 м и выступавшего на 1,3-1,6 м. Внутри на суфах лежали два костяка - взрослый и детский.

Во втором наусе, сооруженного также из паховых блоков с порталным входом, на глинобитной подушке стояли оссуарии. Сохранилось 3 ящичка одинаковой формы. Грани их нижней части прямоугольной формы - мягкие, верхняя часть вообще сведена на овал. Внутри находились остатки костей плохой сохранности (Буряков, 1968, с. 133-135).

В 1980 г. в связи с окончательным освоением

территории могильника под хозяйственной угодья кафедрой археологии ТашГУ (ныне Государственный Национальный Университет) были проведены срочные работы. Они показали, что могильник насчитывал более сотни курганов и наусов. Причём, последние занимали в основном юго-восточную и восточную часть могильника. Практически все наусы однотипны и представляют собой наземные постройки того же типа, что были открыты Ю.Ф. Буряковым. Но по способу захоронения делятся на две группы - труположения на спине с вытянутыми вдоль тела руками и захоронения кучек костей (Дресвянская, 1983, с. 33-35). Однако оссуариев в комплексе - почти десятка разноудаленных друг от друга наусов - не было обнаружено.

В 70-е годы новые находки связаны с возобновлением исследования памятников Туябугуза, в том числе, и погребальных сооружений размытых водами водохранилища. К сожалению, находки оссуариев единичны и фрагментированы. Абсолютное большинство составляют катакомбы разрушенных курганов с труположениями. Но о наличии здесь оссуарного обряда говорят находки фрагментов оссуариев ящичного типа прямоугольной формы с процарапанным на стенках изображениями неполностью сохранившихся мужских фигур (Алимов, Буряков, 1978, с. 119).

Во второй половине 70-80-х гг. активно изучается крупный домусульманский могильник в окрестностях городища Кавардан. Где погребальные сооружения эволюционируют от курганов к наземным склепам-наусам. В некоторых из них, наряду с труположениями, видимо, помещались оссуарии. Так в наусе-округлом в плане сооружении с прямоугольной камерой со входом в юго-западной стороне на полу был обнаружен большой сосуд-хум, рядом раздавленный оссуарий в виде горизонтального цилиндра на четырёх ножках, длиной 60 см, дальше ещё один лепной сосуд-горшок, высотой 43 см с костями. Хум и оссуарий стояли на специально выложенной каменной выкладке. Кроме того, на полу помещения найдены фрагменты ещё одного оссуария (Алимов, Алимов, 1983, с. 203-204). Любопытна находка фрагментов оссуария башнеобразной формы, найденных в слоях пожара на цитадели.

Отдельные находки оссуариев известны из других памятников этого района. Одной из наиболее интересных является случайная находка в 1981 г. в селе Чанги (к северо-востоку от Паркента) крупного оссуария овальной формы. Уникальным его делает сочетание типичной для ташкентских оссуариев линейной орнаментации на одной длинной боковине и оттисков крупного штампа с изображением женского персонажа с

полусферической чашей в руке на другой боковине (Буряков, Богомолов, 1986, с. 114-120).

Отдельные находки, как привило, случайного характера фиксируются в различных районах равнинной части Ташкентской области. Это находки оссуариев в районе Тойтепа, Ачамайли под Букой, в Аккурганском районе в округе городища Канка, под Янгиюлем и т.д. Причём в последнем случае наиболее интересны несколько оссуариев, обнаруженных в нижних слоях Ниязбаштепа. Они овальной формы со сводчатым перекрытием, составляющим одно целое с овальным резервуаром. С одной из узких сторон свода вырезан люк с заслонкой для закладки костей (Алимов, Буряков, Бурякова, Дуке, 1975, с. 495).

Целый ряд находок оссуариев связан и с территорией Ташкента. К сожалению, оссуарные некрополи на Никифоровских землях и в районе Дегрез, так и не были изучены и в настоящее время полностью исчезли под современной застройкой. В 70-80 гг. находки оссуариев тоже носили случайный характер. Таковы находки близ улиц Муками, Катартал, Арпапая, на территории Ташкентской обсерватории, на городище Ханабад (Филанович, 1990, с. 86). Одной из последних интересных находок стал факт обнаружения в 1988 г. под старым мусульманским кладбищем (вероятно XIX - нач. XX вв.) остатков небольшого оссуарного могильника на бугре Ходжа Фархон в Ташкенте. В месте забора грунта разрушаемого бугра археологами были зафиксированы "четыре ящичка разной сохранности и один оссуарий *in situ* на глубине почти 0,7 м" от поверхности бугра. Последний, относясь к типично чачским оссуариям, тем не менее, был очень своеобразен - овальный в плане, но с сильно раздутым туловом в средней части. Своеобразием отличался один из ящичных оссуариев. Во-первых, он имел форму прямоугольного ящичка с сильно зоооваленными рёбрами и, видимо, сводчатую несохранившуюся крышку. Во-вторых, с лицевой стороны на торцах приделаны рельефные, вертикальные налепы, боковая поверхность которых украшена косыми насечками. М.И. Филанович почему-то считает их рудиментом "лошадиных ушей", отмечаемых на древних статуарных оссуариях Хорезма (Филанович, 1990, с. 91). Весной 1988 г. при земляных работах на холмах на окраине Тойтепа были обнаружены оссуарии овальной юртообразной формы с костями внутри. Четыре из них попали в государственный Музей истории Узбекистана АН РУз. Обследование места находок показало, что они располагались на самой высокой точке окружающей местности, на вершине холма на глубине около 1 м. Зачистки выявили отсутствие каких-либо наземных со-

оружий, в связи с этим было выдвинуто предположение, что захоронения в оссуариях были помещены в подземных камеры, что тоже проследить не удалось. Поэтому не исключено, что оссуарии просто помещались в ряд в узкой траншее на вершине холма.

Вместе с тем, известно немало фактов разрушения - сноса наусов и утраты оссуариев в этот период. Так в 1989-91 гг. для хозяйственных нужд были снесены наусы в окрестностях городища Канка (в распоряжение археологов попала лишь ручка-навершие в виде птички от крышки оссуария), в окрестностях Буки, около кишлака Ачамайли, где был снесён крупный многокамерный наус, сохранился лишь один оссуарий. Около Янгибазара для подсыпки грунта на поле уничтожен бугор, в котором было несколько оссуариев, один из них попал к коллекционерам, остальные - разбиты. В 2002 г. в окрестностях Тойтепа при земляных работах обнаружены оссуарии. Два из них были переданы на кафедру "Ватан тарихи" Ташкентского государственного педагогического университета академику А.А. Аскарову. Пока об этой находке имеется лишь предварительная публикация. Весной того же 2002 г. в районе Ачамайли около Буки работниками небольшого кирпичного завода обнаружены и переданы археологам один практически целый и фрагменты ещё от пяти оссуариев. Как выяснилось, все они располагались цепочкой по краю обрыва между более ранними курганами. Всё это показывает, что фонд ташкентских оссуариев постоянно пополняется. Однако осмысление этого материала сильно отстает.

Таким образом, в истории изучения оссуарного обряда Чача можно выделить три этапа. Первый - это этап накопления материала. Он охватывает период с 70-х годов XIX века по 30-е годы XX в., от первых находок оссуариев до первых планомерных исследований некрополей. Достоянием науки становятся, по большей части, случайные находки. Географически они охватывают в основном район самого Ташкента, его округи и отдельных пунктов равнинной части оазиса. В начале XX века появляются первые находки оссуариев из долины Ангрена. Члены ТКЛА и петербургские учёные активно включали ташкентские оссуарии в проблемы изучения оссуарного обряда, его происхождения, распространения и роли в истории народов Средней Азии. Например, В.В. Бартольд выдвинул предположение, что глиняные "гробики представляют подражание юртам и, следовательно, принадлежат кочевому или полукочевому народу (Лунин, 1958, с. 179). На ташкентские материалы опирались в своих гипотезах И.Т. Пославский, Н.П. Остро-

умов и др.

Второй этап - это период с 30-х по 90-е гг. XX века. Всё так же высок процент случайных находок. Но он характеризуется, с одной стороны, резким расширением ареала находок. Многочисленные находки оссуариев теперь фиксируются не только в равнинной части и собственной территории Ташкента, но и в предгорных и горных районах оазиса. С другой стороны, новым фактором стало их широкое изучение, раскопки могильников - скоплений курганов и наземных склепов. Ставится вопрос о связи оссуарных находок с погребальными сооружениями и даётся датировка бытования отдельных типов оссуариев. Они становятся предметом дискуссии о семантике формы и символике изображений. Однако нельзя говорить о постоянном поступательном процессе их изучения. Следует отметить и периоды, когда интерес к ним падал. Отсутствовала целенаправленная программа изучения оссуариев. Открытым оставался вопрос их районирования, хронологии и типологического анализа.

Третий этап - с 90-х годов XX в. - по сегодняшний день. Он не завершён. Продолжает пополняться фонд ташкентских оссуариев. Но качественно новым явлением стали попытки классификации оссуариев Чача (Минасянц, 1990) и вопросы происхождения и распространения в этом регионе оссуарного обряда (Филанович, 1990). В ряде сводных работ по соседним регионам также затрагиваются вопросы хронологии и происхождения оссуарного обряда Чача (Грене, 1989; Павчинская, 1990).

Вместе с тем, многие вопросы связанные с ташкентскими оссуариями остаются открытыми. Одним из наиболее острых является вопрос их типологического анализа и выделения этапов распространения оссуарного обряда.

Интересная работа в этом плане была проделана В.С. Минасянцем, который анализируя коллекции ташкентских оссуариев, имеющих в фондах Государственного Музея истории Узбекистана, выделил 4 типа оссуариев Чача. В основу этой классификации положены элементы орнаментации. Так к первому типу отнесены оссуарии, главным элементом орнаментацией которых являлась композиция, где наклепной бордюром (валик с защипами) у линии среза крышки и вертикально опущенные вниз отрезки валика делят лицевую сторону оссуария на два поля. В центре последних крупно прорезаны четырёхлепестковые розетки. На каждом лепестке насечками показаны как бы прожилки. Второй тип - основным элементом является растительный орнамент в виде веточек "ёлочкой" (Минасянц, 1990, с. 76-77). Третий тип объединяет в одну группу антро-

поморфные и зооморфные изображения. Правда, внутри выделяются ещё три подтипа, но все они связаны с антропоморфными изображениями. Видимо, зооморфные мотивы в дальнейшем должны были образовывать новые подтипы. Принцип выделения четвертого типа очень нечётко сформулирован, к нему отнесены оссуарии с орнаментом в виде волнообразного наклепного бордюра (валика) по корпусу и прорезным окошечком в торце (Минасянц, 1990, с. 78-79).

К сожалению, эта классификация страдает рядом недостатков. Прежде всего, она не в состоянии охватить многообразия оссуариев Чача. Например, вне системного анализа в таком случае оказываются оссуарии без орнаментации, либо наоборот, сочетающие различные элементы предложенной классификации в одной композиции, а также оссуарии с сюжетной линией композиции. Вне анализа остаётся и сама форма оссуариев. Между тем, именно форма является устойчивым характерным признаком, который следует класть в основу типологического анализа. К вторичным признакам относятся материал, техника изготовления и, наконец, орнаментация.

Основываясь на этих признаках можно выделить несколько неодинаковых по количеству типологических групп.

I тип - прямоугольные, ящичной формы с четырёхскатной пирамидальной крышкой. Группа немногочисленна и неоднородна по своему составу. Сюда входят ранние оссуарии (Катартал, оссуарии Апартака, Пскент) и поздние (Туябугуз).

II тип - оссуарии цилиндрической формы (башнеобразные) Представлены пока единичными фрагментированными экземплярами (Бука, Кавардан).

III тип - саркофагообразные оссуарии, горизонтально вытянутые, на 4-х ножках (Туябугуз, Кавардан, Таштурган).

IV тип - овальные в плане оссуарии с цельнолепной, единой с корпусом, сводчатой крышкой (Ниязбаш).

V тип - овальные в плане оссуарии с раздутыми в средней части туловом. Один из самых распространённых чачских типов (Гойтепа, Ташкент).

VI тип - овальные в плане оссуарии с прямыми или слегка наклонными стенками (юртообразные). Так же широко распространённый и многочисленный тип.

VII тип - корытообразные, овальные в плане оссуарии с низкими стенками и зубцами-мерлонами по краю резервуара (Канка).

VIII тип - бочонковидные оссуарии. Пока представлен единственным экземпляром с горо-

дища Кавардан. На одной боковине нанесено изображение в виде полуциркулярной арки. Поверхность вокруг декорирована наколками и оттисками круглого штампа. Верхняя часть изделия выделена наклепной лентой, также богато украшенной орнаментом из оттисков штампа и насечек. Датируется VII-VIII вв. (У. Алимов, К. Алимов, 1991, с. 63-64).

Материал. Все известные оссуарии изготовлены из обожженной глины. Но вполне возможны находки оссуариев из других материалов.

По технике изготовления все оссуарии можно разделить на три способа. Наиболее распространенным является ленточный, когда к раскатанному в лепёшку дну прикреплялись, образуя тулово, ленты от 8 до 15 см высотой. Затем внешнюю поверхность затирали или подрезали и наносили орнаментацию. Вторая группа - оссуарии выполнены способом раздельной формовки. Четыре стенки оссуария раскатывались раздельно затем монтировались вместе, скрепляясь изнутри ящика с помощью валиков. Точно также лепилась крышка. Нередко на стенки оссуария ещё до монтажа наносились изображения крупным штампом. Третья группа - оссуарии, выполненные в смешанной технике. Резервуар, как правило, смонтирован из отдельных частей (пластин), а верхняя сводчатая часть выводилась ленточным способом. Именно так изготовлены ниязбашские оссуарии и оссуарий из Чанги. Однако попытки выделить ранние и поздние группы оссуариев по способу их изготовления всё же малосостоятельны (Павчинская, 1990, с. 16), хотя бы уже потому, что ленточные оссуарии существуют как на ранних, так и на самых поздних этапах оссуарного обряда.

Форма и орнаментация оссуариев Чача отличались большим разнообразием. Трудно связывать их появление с каким-то определенным типом. Вероятно, в III-IV вв. здесь, как и в других районах Средней Азии, отразилась общая тенденция - поиск форм и оформления складывавшиеся маздеической погребальной обрядности. Выражением этого явления стала фиксация бытования в этот период различных типов /форм/ оссуариев:

а) прямоугольный в плане /ящичный оссуарий с невысокой четырехскатной крышкой плавных очертаний/;

б) цилиндрикоконический /башнеобразный, вытянутый, вертикально/;

в) саркофагообразный, вытянутый горизонтально, на 4-х ножках.

При этом можно предполагать постепенное тяготение прямоугольных к овальным, юртообразным оссуариям, которые к VI-VII вв. становятся ведущим типом и получают такое широкое

распространение, что приобретают нарицательное значение для Ташкентского оазиса.

Правда, среди исследователей нет единого мнения о месте и времени появления оссуарного обряда в Чаче. Некоторые относят появление оссуарного обряда в Ташкентском оазисе к мингурюкскому периоду, т.е. к VI-VIII вв. (Иваницкий, 1989, с. 57). Другие считают, что чачские оссуарии относятся к согдийской периферии и выделяют их как самый поздний тип с VI вв. н.э. (Grenet, 1984, р. 234-239). Третьи предполагают прямое заимствование из Согда и что на них воспроизводилась, по преимуществу, только одна орнаментальная схема с розетками (Культура и искусство древнего Узбекистана, 1991, с. 64). Четвертые в принципе соглашались с этим, но решительно возражают против выделения овальных оссуариев от прямоугольных с закругленными углами, т.к. исходной точкой, на их взгляд, послужили намогильные погребальные постройки, юртообразной или эллиптической полусферы, которая формировалась в Ташкентском оазисе веками (Филанович, 1990, с. 94, 95).

Вместе с тем, анализ известных к настоящему времени оссуариев позволяет взглянуть на эту проблему иначе. Первыми на территории Ташкентского оазиса появились прямоугольные оссуарии, вылепленные ленточным способом. Показательно в этом плане катакомбное погребение на Катартапе в Ташкенте, где обнаружен оссуарий этого типа. В камере было труположение и части сдвинутых двух других захоронений, а оссуарий стоял в другом конце камеры среди сопроводительного материала и был пуст. Возможно, действительно в него не успели сложить кости. Однако, в любом случае, его наличие указывает на распространение нового обряда. Оссуарий имел четырехскатную крышку с дугообразными ребрами. В одной из длинных сторон устроена крышка-заслонка (Агзамходжаев, 1961, с. 242). Важным аспектом является датировка его IV в. н.э. или даже III-IV вв. н.э. (Левина, 1971, с. 172).

То, что это был не единичный случай, а проявление новых тенденций в погребальной обрядности Чача можно судить по материалам апартакских склепов под Ангреном на востоке Ташкентского оазиса. Все обнаруженные оссуарии прямоугольной формы, но большинство из них сильно фрагментировано. Однако, об их внешнем виде и орнаментации можно судить по целому оссуарию из науса №4. Он стоял в дальнем от входа северо-восточном углу, вокруг него - четыре сосуда с приношениями. Сам оссуарий прямоугольной формы с крышкой. Одна из его длинных сторон была покрыта расписным орнаментом. Кстати,

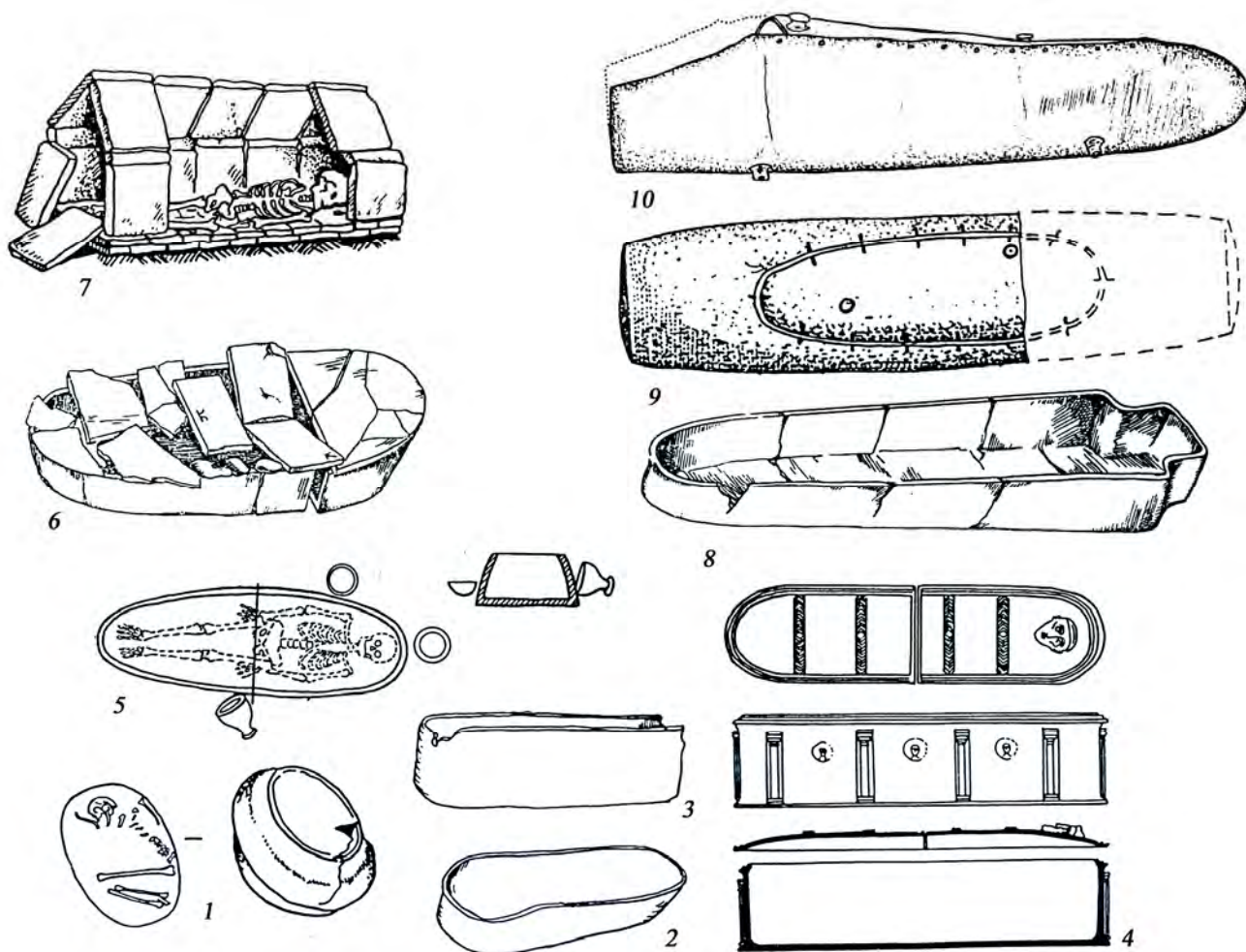

Рис. 2. Керамические гробы прототипы цилиндрических оссуариев

пока в Ташкентском оазисе оссуариев с расписным орнаментом больше не обнаружено. Т. Агзамходжаев находил аналогии среди прямоугольных оссуариев пенджикентского некрополя и датировал его V-VI вв. (Агзамходжаев, 1986, с. 11).

Однако, весь комплекс материалов, наличие кружек с расписным орнаментом и зооморфными ручками с полным основанием позволяет уточнить датировку и отнести его III-IV вв. н.э.

Важна находка двух оссуариев в одном из мураталинских склепов, в которых можно видеть переходную форму к овальным, юртообразным оссуариям. У первого из них стенки от прямоугольного основания конически сужаются и переходят в верхнюю овальную часть с куполообразной крышкой. Вершина последней венчается ручкой в виде двух голов животных, направленных в противоположные стороны. Второй сохранился лишь наполовину, имел схожую форму и крышку, ручка которой также украшена в виде двух голов животных - горного козла и дикого барана (Буряков, 1968, с. 133-135; Минасянц, 1990, с. 71-85). Существенное значение здесь имеет не только форма оссуариев, но и образы ручек. По-

добное оформление ручек характерно для керамики Чача в III-IV вв., к V веку они исчезают и их заменяют налепы в верхней части ручек и в виде 5-образных фигур. Все это служит достаточно надежным индикатором в датировке оссуариев, кроме того, показывает время проникновения в Ташкентский оазис оссуарного обряда.

Таким образом, всё это показывает, что хотя в Чаче, безусловно, доминировали овальные в плане оссуарии, но на протяжении всего периода своего бытования они соседствовали с прямоугольными. Такое же сосуществование наблюдается и в соседнем Согде. В связи с этим высказываются мнения, что овальные в плане оссуарии хронологически более поздняя форма, т.к. произошли от прямоугольных с закругленными углами. Переход к овальной форме объясняется постепенным упрощением самого процесса изготовления оссуариев (Ставиский, Большаков, Мончадская, 1953, с. 95). На чачском материале схожее предположение выдвигается Ю.Ф. Буряковым, который видел в оссуариях пскентского науса №3 свидетельство такого постепенного перехода от прямоугольной или овально-усечен-

ной формы с резкими гранями к более овальной форме (Буряков, 1968, с. 134-135). Исходя из этого делается вывод, что различие форм есть явление не хронологическое, а территориальное (Филанович, 1990, с. 94). Вместе с тем, нельзя исключать того, что прямоугольные ящичные оссуарии и овальные (юртообразные), будучи проявлением одной погребальной традиции имели разные формы. В связи с этим уместно вспомнить указания некоторых сюжетов в фольклоре и сказках практически всех народов Средней Азии о старинном обычае захоронения (иногда речь идёт о транспортировке или сбрасывании с горы сыном своих состарившихся родителей) в сундуке либо корзине. То есть происхождение прямоугольных оссуариев, возможно связано с ящичными изделиями (деревянными или кожаными сундуками), а во-вторых - с плетёными из веток корзинами. Позже их могли обмазывать глиной. При переходе полностью на глиняную основу, гончар использовал привычную технику изготовления крупных форм ленточным способом, но при этом сохранял близость к изначальному прототипу. В то же время, форма оссуариев переосмысливалась и получила новое идеологическое обоснование (Богомолов, 1992, с. 91-96).

Редкий тип составляют саркофагообразные оссуарии в виде удлиненного керамического ящика со сглаженными углами или горизонтально вытянутого цилиндра на четырех ножках, с одним плоским торцом, другим - сферическом. Сверху ближе к плоскому торцу прорезан квадратный люк-крышка. Один из таких оссуариев происходит из туябугузских наусов, по - одному из Кавардана и Таштургана район Аккурмана, Канки (Минасянц, 1990, с. 79). Т. Агзамходжаев отнёс находку этого типа оссуариев как и всю группу туябугузских наусов к концу VII – нач. VIII вв. Основанием такой датировки послужили находки трёх монет в двух наусах (Агзамходжаев, 1962, с. 79). Однако в наусе №3, где был обнаружен оссуарий, монет не было найдено. Материал наусов неоднороден, что не исключает более ранней даты. Другой оссуарий, найденный на Кавардане в наусе №2, раскопщики с оглядкой на туябугузскую находку тоже отнесли к VII-VIII вв. (Алимов, Алимов, 1983, с. 208).

Вместе с тем, оссуарий из Ташкурмана определённо относится к более раннему времени. Он изготовлен на песчаной подсыпке и по фактуре черепка, ангобному покрытию полностью соответствует керамическим изделиям V-VI вв. Оссуарии этого типа в Согде не известны. Схожие оссуарии в Калалыгырском некрополе в Хорезме, где к рассматриваемой группе относится наибольшее число костехранилищ. Они также имеют

один плоский торец в более широкой, головной части и округлый контур в ножной. Ю.А. Рапопорт отмечает близость калалыгырских оссуариев с керамическими парфянскими гробами в Двуречье II в. до н.э. - I в. н.э. Близким временем он предлагает датировать хорезмские оссуарии этого типа (Рапопорт, 1971, с. 94-96, рис. 47). Однако такая датировка представляется излишне заниженной. Существуют и другие точки зрения на датировку этого типа оссуариев, например, Ф. Грене, предложившего отнести эту группу к III-IV вв. н.э. (Grenet, 1984, pl. XXXII). На наш взгляд, появление этой группы отражает общий для Средней Азии процесс поиска новых форм оссуариев, имевший место в IV-V вв. н.э. Именно благодаря этому процессу, появляются сводчатые, цилиндрические, бочонковидные, шатровые, овальные в плане оссуарии, отдельные группы которых существуют и в более позднее время. Отголоски этого процесса прослеживаются не только в Хорезме, но и в Согде, Джизаке и Чаче. В то же время эта группа оссуариев, вероятней всего, действительно является репликой керамических (или деревянных) гробов. Находки этих погребений известны на юге Средней Азии. Одна из первых таких находок была сделана около селения Пахтабад в Таджикистане (Регарский район). Он имел вид ванны с округлыми торцами, расширяющейся с одной из сторон. Предполагается его датировка первыми веками нашей эры (Литвинский, 1954, с. 144).

Целая серия находок керамических гробов связана с другим районом Сурхандарьи, окрестностями Дальверзина где, правда, первоначально их приняли за находки оссуариев. Причём, в одном случае в округлой торцевой части стояли три цилиндрических бокала. По мнению, Л.И. Альбаума, эти бокалы кушанского времени попали в боковину “оссуария” случайно при рытье могил (Альбаум, 1966, с. 64-65). Однако недалеко от буддийского комплекса на холме было раскопано погребение в терракотовом саркофаге, который состоял из двух половин. Дно плоское, стенки резервуара наклонены внутрь. В саркофаге инвентаря не было, но рядом вплотную к нему стояли три сосуда, которые датируются Г.А. Пугаченковой кушанским временем (Пугаченкова, 1971, с. 201, рис. 14; Литвинский, Седов, 1984, с. 103).

В последнее время появились сообщения в новых фактах находок погребений в керамических гробах. Так в окрестностях кишлака Каратепа был найден керамический саркофаг в форме полого цилиндра. С одной стороны (сверху) в нём устроен овальной вырез с плотно подогнанной крышкой с двумя ручками на противополож-

ных концах. Внутри находилось захоронение женщины в вытянутом положении на спине. Из инвентаря сохранилось 17 бус и бронзовые подвески, аналогичные находкам в склепах Биттепа, что позволило датировать погребение синхронным временем (т.е. кон. V – вт. пол. VIII вв.) (Ртвеладзе, 1989, с. 16, 58). В 1997 г. во время исследований Узбекистанско-Японской Бактрийской экспедиции в округе городища Дальверзинтепа раскопано погребение в саркофаге. Гроб был помещен в подбой, заложённый со стороны впускной ямы стеночкой из кирпича-сырца квадратной формы. Сам саркофаг сигарообразной формы, длиной 2 м и диаметром 0,5 м. Изготовлен он ленточным способом, причём, основанием при формовке служила его плоская торцевая часть на песчаной подушке. В изголовье гроб имел прямую торцевую стенку, в ногах – зауженную, округлую. В нижней части устроены четыре небольших цилиндрических ножки со сквозными отверстиями (следы деревянного штыря, скреплявшего ножку с туловом во время сушки). В верхней части сделан вырез-люк, закрывавшийся овальной крышкой. Внутри находился костяк, вероятно, мужчины с ножом на поясе и два керамических сосуда - фиал и двуручный амфоровидный кувшин (Тургунов, Ильясов и др., 1998, с. 15-16, рис. 20). По мнению исследователей, погребения в керамических гробах из Дальверзина и Каратепе следует датировать в пределах IV или первой половины V в. н.э. (Ильясов, Русанов, Восковский, 1997, с. 33).

Все эти находки показывают, что керамические саркофаги использовались частью населения Сурхандарьи как элемент погребальной обрядности в кушанский или, что вероятней, в кушано-сасанидский период. Вместе с тем, эти находки важны тем, что их давнее и устойчивое существование намечает звенья преемственной связи и не исключает возможности, что подобные саркофаги послужили исходным прототипом для горизонтальных саркофагообразных оссуариев Хорезма и Чача. Не менее интересен тип оссуариев с цельнолепным корпусом и сводчатым перекрытием верхней части, где в одном из скатов устраивался люк для костей. Типологически они разделяются на две группы: с овальным в плане корпусом и прямоугольным. Оссуарии этого типа известны в Согде, в Хорезме и Чаче. Хронологически они охватывают период от V-VI вв. до VIII в.

К переходному типу относятся Ниязбашские оссуарии и экземпляр из Кизил-Шарка Янгиюльского района. Они цельнолепные, овальные в плане, верхняя часть купольной формы, в торцевой части которой сделан округлый вырез -

крышка-заслонка. Плечики сосуда опоясывает горизонтальная волнообразная или наклепная лента с зубцами. Видимо, более поздней репликой ниязбашского типа являются оссуарии из наусов Саильтепа в отрогах Нуратинских гор (Согд). Они имеют подпрямоугольное основание с различной округленностью углов, единое с корпусом сводчатое перекрытие, в одном из боковых скатов которого устраивался (вырезан) овальный люк для закладки костей. Характерна орнаментация в виде различных веточек, завитков и их сочетаний с решеткой - сеткой из косых пересекающихся линий. Всё это типичные элементы чачских оссуариев, особенно поздних типов, а в целом свидетельствует об определённом влиянии Чача на Согд.

В VI-VII вв. ведущим типом становятся оссуарии юртообразной куполообразной или конусовидной формы с овальным в плане днищем и съёмной крышкой. Последняя образовывалась путем срезки конического верха изделия. Ручка крышки имела различные варианты оформления - от простой грибовидной до зооморфной, обычно в виде птички, или человеческой головы (Богомоллов, 1990, с. 76, рис. 32). Одна из длинных сторон оссуариев (в редких случаях со всех сторон) украшалась процарапанным или резным орнаментом. Обычно это были стилизованно - растительные, реже антропоморфные изображения. Едва ли не самым излюбленным сюжетом была пара крупных 4-х или 6-ти лепестковых розеток, обрамленных наклепной летной с защипами.

К VIII веку продолжается дальнейшая трансформация оссуариев. Вырабатывается орнамент в виде косой сетки. Появляется новый тип - невысокий, корытообразный, овальный в плане. Верхушка стенок имеет зубчатое оформление и нередко небольшую полочку для крышки.

Таким образом, вопреки мнению отдельных исследователей на настоящий момент нет оснований считать, что, во-первых, оссуарный обряд был привнесён в Чач из Согда или был его культурной периферией, во-вторых, относить появление оссуарных захоронений к VI-VIII вв. (Иваницкий, 1989, с. 57). Материал Чача однозначно показывает, что появление оссуарных захоронений на территории оазиса можно отнести к III-IV вв. н.э. В свою очередь, всё это было отражением новых веяний общих тенденций в развитии погребальной обрядности Среднеазиатского Междуречья. Общность этих процессов во многом прослеживается и в последующее время. Повидимому, форма оссуариев не была строго регламентирована определёнными религиозными догмами. На это указывает многообразие типов и

факт их сосуществования, особенно на ранних этапах. Как и в других регионах Средней Азии, в Ташкентском оазисе резкое увеличение оссуарных захоронений фиксируется для двух столетий предшествующих арабскому завоеванию. Пока не очень ясно, какие процессы способствовали

расширению сферы обряда выставления и оссуарных захоронений. Возможно, это было связано с распространением городской культуры и соответственно с увеличением влияния жречества. Но в любом случае они показывают укрепление позиций маздеизма в регионе.

Использованная литература

- Смагулов Е.А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции “Маргулановские чтения-15”, Алматы, 2004.
- Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958.
- Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк. Ташкент, 1979.
- Смирнов Е.Т. Древности в окрестностях г. Ташкента // ПТКЛА, год II, Ташкент, 1897.
- Минасянц В.С. Оссуарии Ташкента и Ташкентской области, история комплектования коллекция, их иконография и символика // Культура среднего Востока (с древнейших времён до наших дней). Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990.
- Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
- Шишкин В.А. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г. // ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962.
- Агзамходжаев Т. Туябугузские наусы // ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962.
- Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрэн // ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966.
- Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик - Ангрэнской долины I-VIII вв. н.э. АКД. Ташкент, 1966.
- Агзамходжаев Т. Оссуарные захоронения на окраине Ташкента // ИМКУ, вып. 4. Ташкент, 1963.
- Богомолов Г.И. Развитие погребальных сооружений раннесредневекового Чача // Узбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда. Ташкент, 2005.
- Алимов К.А., Буряков Ю.Ф. Погребальные сооружения // Древности Туябугуза, Ташкент, 1978
- Буряков Ю.Ф. Пскентские наусы // Советская археология, 1968, №3.
- Дресвянская Г.Я. Типы захоронений курганного могильника у к. Актам (Пскентский район) // Материалы по археологии Средней Азии. Сб. науч. тр., №707. Ташкент, 1983.
- Алимов У., Алимов К. Погребальные сооружения Кавардана // ИМКУ, вып. 18, Ташкент, 1983
- Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И. К семантике изображений на оссуарии из к.Чанги//ИМКУ, вып. 20, Ташкент, 1986.
- Алимов К., Буряков Ю., Бурякова Э., Дуке Х. Работы в Ташкентской области // АО 1974 года. М., 1975.
- Филанович М.И. По поводу оссуарного обряда погребения в Ташкенте // Древняя и средне вековая археология юга Средней Азии (к проблеме истории культуры.). Ташкент, 1990.
- Минасянц В.С. Новые находки оссуариев из Тойтепа //ИМКУ, вып. 33, Ташкент, 2002.
- Павчинская Л.В. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник (типология, районирование, хронология). АКД, Самарканд, 1990.
- Иваницкий И.Д. Оссуарии из округа Саильтепа //ОНУ, 1989, №6.
- Grenet F. Les pratiques funeraires dans l'Asie Centrale de la conquete greeque a l'islamisation. Paris, 1984.
- Культура и искусство древнего Узбекистана “Каталог выставки”. Кн., 2. М., 1991.
- Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма // Труды ХАЭЭ, VI-V. 1971
- Алимов У., Алимов К. Кавардан топилган остодон //ОНУ 1991, № 11
- Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пянджикентский некрополь // МИА, вып.7. М.-Л, 1953.
- Богомолов Г.И. О форме оссуариев и её семантической нагрузке. /Времени связующая нить. Ташкент, 1992.
- Литвинский Б.А. Новые материалы по археологии Таджикистана // КСИИМК, вып. 55, М.-Л., 1954.
- Альбаум Л.И. Городище Дальверзинтепа // ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966
- Пугаченкова Г.А. Новое в изучении Дальверзин-тепе. (К истории бактрийско-кушанской городской культуры) // СА, 1971. № 4.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984.
- Ртвеладзе Э.В. Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.
- Тургунов Б.А., Ильясов Дж.Я., Русанов Д.В., Восковский А.А. Предварительные итоги раскопок на цитадели Дальверзинтепа в 1997 году. Дальверзинский некрополь // Материалы полевых исследований Узбекстанской искусствоведческой экспедиции (Уз Иск.), вып. 2, Ташкент, 1998.
- Ильясов Дж.Я., Русанов Д.В., Восковский А.А. Саркофаг из Дальварзинтепа // Искусство Центральной Азии: Своеобразие исторического развития. II межд. науч. конференция. Тезисы докладов. Ташкент, 1997.

К МОНЕТАМ ЧАЧСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ–ТЕГИНОВ

Нумизматические материалы, в частности монеты раннего средневековья, дают важные сведения о социально-политической и культурно-экономической жизни Чачского оазиса этого периода.

Большую часть чачских монет, относящихся к периоду раннего средневековья, составляют древнетюркские монеты. По данным монетам проводили исследования такие ученые как М.Е. Массон, О.И. Смирнова, В.А. Лившиц, Э.В. Ртвеладзе и др. На настоящий момент в Ташкентском оазисе и прилегающих к нему территориях исследователи обнаруживают многочисленный нумизматический материал. Этот материал находит свое отражение в исследованиях Э.В. Ртвеладзе, М. Исхакова, Л. Баратовой, А. Мусакаевой, Г. Бабаярова и др.

В результате исследований древнетюркских монет Чачского оазиса было определено их важное значение для истории не только данного оазиса, но всего Среднеазиатского региона. Полученные результаты нашли отражение в публикациях и были представлены научной общественности. В частности, в последнее время в результате исследований, к ряду определенных до сегодняшнего дня монет с тюркскими титулами, таких как «баги каган», «и/ннчу эртегин» (монеты с квадратным отверстием) и «хвабу тудун», добавились монеты, характерные для Чача с тюркскими титулами «тун жабгу каган», «баги тун каган» (с парным изображением), «жабгу каган», «тудун чачинак» (Бабаяров, 2005, с. 197-200) и др.

Однако легенды на значительной части чачских монет этого периода до сих пор полностью не прочитаны, или же неточное чтение из-за их плохой сохранности не позволяет дать им объективную историческую интерпретацию.

К категории таких монет можно отнести монеты с погрудным изображением правителя на аверсе и дугообразной тамгой в окружении согдийской легенды на реверсе.

Несмотря на то, что монеты данных типов не вошли в «Сводный каталог согдийских монет. Бронза» О.И. Смирновой (Смирнова, 1981), они ранее были опубликованы К. Абдуллаевым в статье «Археологические изучения городища Канка (1969-1972)» (1975) и были определены как «Монеты тюркских правителей Чача» (Абдуллаев, 1975, с. 151, рис. 9, 5). Две монеты этого типа были опубликованы Э.В. Ртвеладзе в статье

«Нумизматические материалы к истории ранне-средневекового Чача» (1982); им была предпринята попытка прочтения их монетной легенды в следующем виде, на одной из них как «...рny? tr/k... ...xwβ - вокруг тамги, гё или кё - под тамгой, а другую βyt... ... xwβ (Ртвеладзе, 1982, с. 33, рис. 1, 14-15, с. 36-37). Монета одного из этих типов нашла свое место в статье А. Мусакаевой «Античные и раннесредневековые монеты Музея истории народов Узбекистана» (Мусакаева, 1990, с. 27, табл. 8, рис. 3). Монеты данных типов нашли свое отражение и в ряде других публикаций (Зеймаль, 1999, с. 367, табл. 123. рис. 3, 20, 22; Rtveldze, 1997/98, p. 319-320; Ртвеладзе, 2002, с. 245, табл. XXVI, рис. 14-15). Надо упомянуть также то, что ошибочное чтение легенды на монетах этого типа было предложено и введено в научный оборот В.А. Лившицем как «Чачинак хвабу Йазатпир», и было признано и введено в научный оборот рядом исследователей (Исхаков, 2002, с. 57-59, пр. 4). Одному из авторов этой статьи Г. Бабаярову в 2004 г. удалось удачно прочесть легенду на одном из типов монет, как *tk'un/r c'synk γwβw pny* – «Чачский правитель тегин. Деньга» (Бабаяров, 2004, с. 32).

В последнее время на территории Ташкентского оазиса найдено около 50 экземпляров монет данных типов. На основании отличий в их иконографии и монетных легендах мы выделили 3 типа:

Тип I. Л.с. Изображение головы правителя в три четверти вправо. С распущенными волосами, доходящими до плеч, разрез глаз узкий. Справа от головы полумесяц, слева звезда. **О.с.** В центре дугообразная тамга в окружении согдийской легенды: *ZNH pny tk'un c'synk γwβw* – «Это деньга Чачского правителя Тегина» (Таб. 1, 1-4). Д.: 19-20 мм. В.: 1,5-2,5 г. (Частная коллекция, www.zeno.ru - Chach).

Примечание. В этом типе выделяются 2 под-типа, основными отличиями которых являются на одном - точечный ободок, а на другом ободок в виде сплошной линии. Среди монет с точечным ободком выделяются монеты, на которых полумесяц со звездой над ним расположены справа от головы правителя.

Тип II. Л.с. Изображение головы правителя в три четверти вправо. Волосы, не достигающие до плеч, собраны в прическу, разрез глаз миндалевидный. Слева, справа от головы и над ней изображения полумесяца со звездой. **О.с.** В центре

дугообразная тамга в окружении согдийской легенды: *ZNH pny tkyn c'synk ywβ* – «Это деньга Чачского правителя Тегина» (Таб. 1, 5-8). Д.: 19-2,2 мм. В.: 1,1-2,6 г. (www.sogdcoins.narod.ru, No. ch 28; www.zeno.ru - Chach).

Тип III. Л.с. Изображение головы правителя в три четверти вправо. Развевающиеся волосы, не достигают до плеч, разрез глаз узкий. Справа от головы изображение полумесяца со звездой. **О.с.** В центре дугообразная тамга в окружении согдийской легенды: *pny tk'un c'synk ywβw* – «Деньга Чачского правителя Тегина» (Табл. 1, 9-10). Д.: 19-20 мм. В.: 1,3-1,5 г. (www.sogdcoins.narod.ru, No. ch 29; Абдуллаев, 1975, с. 151, рис. 9, 5)

Легенда на монетах I, II типов состоит из пяти, а III типа - из четырех слов. Первое слово легенды – это *ZNH*-арамейская гетерограмма согдийского определенного артикля *yw* «ху» (Исхаков, 1992, б. 20). Данное чтение этого слова на монетной легенде было предложено в устной беседе с авторами статьи согдологом проф. М. Исхаковым. Второе слово - *pny* «деньга», которое представлено не только на монетах Чача, но и на монетах Согда и тюргешей. Третье слово легенды - *tk'un* «тегин», титул, означавший в центральном управлении Тюркского каганата царевичей, четвертое - *c'synk* прилагательное «Чачский». Пятое же слово - *ywβw* «хвабу» означает правитель и встречается на многих согдоязычных монетах.

Чем можно объяснить различное написание титула «тегин» на легендах монет данных типов? Как можно исторически интерпретировать данный титул на чачских монетах?

Написание титула *тегин* в согдоязычных письменных источниках зафиксировано в двух формах как *'wttkyn* (Уттегин - в документах с горы Муг) (Смирнова, 1970, с. 256) и *tkyn* (Бугутская надпись из Монголии) (Кляшторный, Лившиц, 1971, с.139-141). На монетах сасанидских царей Пероза (459-484), Хосрова I (531-579) и подражаниях им с надчеканами на согдийском языке зафиксированы формы *tkyn* и *tk'un* (Смирнова, 1967, с. 40; Баратова, Лившиц, 2002, с. 21), а на тюргешских монетах с согдийскими легендами в форме *'yn'l tkyn ywβw pny* «государя Инал-Тегина фан (деньга)» (Камышев, 2002, с. 97, рис. 33-34). В свою очередь, написание титула *тегин* в формах как *tk'un* и *tkyn* нашли свое отражение на монетах Чача (Бабаяров, 2005, с. 204). Различное написание титула «тегин» по нашему мнению, скорее всего, объясняется, во-первых, особенностью согдийской орфографии, в которой отражались на письме только долгие

гласные и, во-вторых, трудностью передачи писцами тюркской фонетики согдийским письмом.

Если мы обратимся к письменным источникам, относящимся к этому периоду, то становится понятной следующая социально-политическая ситуация: до второй половины VI в. Чачская область входила в состав государства эфталитов и составляла один из его северо-восточных регионов. Именно к этому времени, т.е. к 552 г., в окрестностях Алтайских гор возникает могущественный Тюркский каганат, который граничил с государством эфталитов. В 60-ых гг. VI в., когда Истеми ябгу (552-576), один из основателей Тюркского каганата, уничтожив эфталитов, завоевал Чач, Фергану, Уструшану, Хорезм, Бухару и области Согда (Самарканд, Пенджикент, Несеф, Кеш и др.), союзники каганата - сасанидские войска захватили другие территории, принадлежавшие эфталитам – Кабулистан, Забулистан и Тохаристан. Господство Тюркского каганата в Чаче началось с этого периода и продолжалось вплоть до второй четверти VIII века.

При освещении событий начала VII в. в хрониках Бей-ши и Суй-шу повествуется о том, что правитель владения Ши прозывался Ши, а имя его было Ние. Здесь же отмечается, что правители Ши были в раздоре с одним из правителей Тюркского каганата Шегуйханом (Жиг каган, внук Тарду; 611-618), и потерпели поражение, в результате чего Шегуйхан назначил здесь для правления Дэлэ Тяньчжи (Тегин Тяньчжи), который 609 году отправил посла в Китай (Бичурин, 1950, II, с. 272-273, 282). В хронике Тан-шу эти события приводятся немного иначе. То есть, хотя и отмечается, что правителя именовали Ши, его имя не приводится, а также то, что 605 году западные тюрки, убив здешнего правителя, назначили вместо него Дэлэ Фучжи (Тегин Фучжи) (Бичурин, 1950, II, с. 313; Chavannes, 1903, p. 141). Но, к сожалению, сведений о продолжительности времени правления Дэлэ Тяньчжи в Чаче не имеется. Как видно, первоначально, когда Тюркский Каганат завоевал Среднеазиатское Междуречье и прилегающие территории, владельцы Чача, как и другие владельцы, принадлежали к правящему дому Чжаову.

Из вышеприведенных трех китайских хроник вытекает, что в начале VII в. местная династия в Чаче была ликвидирована, а вместо нее установлено правление, имеющее непосредственную связь с каганатом. По мнению Ю.Ф. Бурякова, с этого времени власть в области переходит в руки наместника из рода Ашина, основавшего Тюркский каганат (Буряков, 2002, с. 12). Из первой части имени этого наместника Дэлэ Тяньчжи

Таб. 1

(или Дэлэ Фучжи) – Дэлэ (Тегин) видно, что он принадлежал к правящему дому Каганата.

Как известно, титул «тегин» означал в центральном управлении Тюркского каганата царевичей, и, возможно, применялся по отношению к правителям Чача - ставленников Тюркского каганата, происходивших из правящего рода Ашина.

По сведению китайских источников, правитель Чача Тегин в 742-746 гг. отправил посла в Китай (Chavannes, 1903, p. 142, n. 1; Chavannes, 1904, p. 67, 69-70, 74). Но самое важное то, что в этих источниках чачский правитель назван как *Ши-го Вань Дэлэ (Тегин)* “Правитель Чачского государства Тегин” (Chavannes, 1903, p. 142, n. 1). Если обратить внимание на легенду чачских монет *tk'un (tkyn) c'synk ywβw...* “...Чачский правитель Тегин”, то в глаза бросается сходство этой легенды и фразы китайских источников “Правитель Чачского государства Тегин”, свидетельствующее о том, что бывшая в употреблении в системе управления Чача согдийская фраза дана в китайских источниках в форме кальки. Эти сведения подтверждают возможность того, что данные чачские монеты начали чеканиться именно со стороны правителя с титулом тегин, правящего 740-х годах. Но, исходя из факта, что один из правителей Западно-Тюркского Каганата, Шегуй в 605 году назначил наместником Чача Дэлэ Тяньчжи (Тегина Тяньчжи), можно предполагать, что со времени правления Тегина Тяньчжи (605-609) началась чеканка монет Чача с титулом «тегин», продолжавшаяся до 740-ых годов. Свидетельство этому - наличие различных типов и подтипов монет, отличающихся иконографией и различное написание титула «тегин» на них (*tk'un* или *tkyn*).

Интересно то, что наряду с тегинном приблизительно в то же время, упоминается в качестве второстепенного правителя Чача (в китайских источниках *Ши-го Фу-Ван*) Инай тутунь Кюеле (Инай Тудун Кюлюг), посланный в 741, 746 гг. посла в Китай (Chavannes, 1903, p. 142, n. 1; Chavannes, 1904, p. 76; Лившиц, 1962, с. 83). Заслуживает внимания и тот факт, что в китайских хрониках правитель Чача, посланный в 755 г. в Китай посла, также упоминается как *Ши-го Фу-Ван* “Второстепенный правитель Чачского государства” (Chavannes, 1904, p. 92). На основании этого можно сделать заключение, что в Чаче данной эпохи существовали две основные общечачские династии: главная тегинов и второстепенная тудунов. При этом надо учесть и тот факт, что в иерархической системе Тюркского каганата

«тегин» стоит выше, чем «тудун». Возможно, это находит подтверждение в произведении ат-Табари «Тарих ар-расул ва-л-мулук», так как несколько раз встречается выражение «малик аш-Шаш» («правитель Чача») и только один раз «тудун малик аш-Шаш» («тудун правитель Чача») («История» ат-Табари, 1987, с. 268).

Исходя из этого возникает вопрос: не подтверждают ли встречающиеся в согдийском документе А-14 титулы «чачинак хвабу» (“правитель Чача”) и «тудун» то, что это были два разных лица? А также фраза «чачинак хвабу» не соответствует ли тегину?

Кроме вышеупомянутых типов монет с изображением правителя и титулом «тегин», надо отметить и другие с аналогичным титулом. Так, среди чачских монет VII-VIII вв. заслуживают внимания монеты с квадратным отверстием и согдийской надписью *ynsw 'yrtkyn ywβw* – “Правитель Инчу Эр-тегин” (Табл. 1, 11-12), а также монеты с изображением на аверсе барса (хищника) и вилообразной тамги, характерных для Чача, с круговой надписью согдийским письмом вокруг тамги (табл. 1, 13-14). Одной из первых эту надпись восстановила О.И. Смирнова в виде *ywβw tr'βc, tr'β'* или *tr'nβ'* (*tr'nβc*) и прочитала вторую часть надписи как Тарнавч, предполагая, что это название местности (Смирнова, 1963, с. 33). Однако в последующих исследованиях (1980-х годах) О.И. Смирнова отказалась от первоначального мнения и предложила новое чтение *trnβ'/n, tr'β'/n* или *trny'*, но при этом утверждала, что при таком чтении слово не имеет смысла (Смирнова, 1981, с. 51). Но, несмотря на это, многие исследователи до сих пор в своих исследованиях называют эти монеты – монетами Тарнавча. В свое время, основываясь на палеографических особенностях и фактах, встречающихся на монетах этого типа, один из авторов этой статьи Г. Бабаяров, прочитал монетную легенду как *ywβw tk'un* “правитель тегин”. Мы предполагаем, что чекан монет этого типа, как и вышеупомянутых монет типов *tk'un (tkyn) c'synk ywβw pny* “Деньга правителя Чача Тегина” и *ynsw 'yrtkyn ywβw* “Правитель Инчу Эр-тегин”, связан с династией чачских тегинов.

Основываясь на письменных источниках этой эпохи и на чачском нумизматическом материале VII-VIII вв., можно сделать вывод, что в это время в Чачском оазисе была главенствующая династия правителей с титулом *тегин*, происхождение которой связано с родом Ашина, основавшего Тюркский каганат.

Использованная литература

Абдуллаев К. Археологические изучения городища Канка (1969-1972) // ИМКУ, вып. 12. Ташкент, 1975.

- Бабаяров Г. Тюркские титулы на монетах Чача 7-8 вв. // Humboldt Kolleg II, II International Conference "Historical Role of Alexander von Humboldt and his Expeditions in the Development of World, regional and National Sciences", October 14-16, 2004, Almaty, Kazakhstan.
- Бабаяров Г. Чач в эпоху Тюркского Каганата (по нумизматическим данным) // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда. Ташкент, 2005.
- Баратова Л.С., Лившиц В.А. О согдийских надчеканах на Сасанидских монетах и подражаниях им // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II, М.-Л., 1950.
- Буряков Ю. К истории раннесредневекового Чача // O'zbekiston tarixi, №3. Ташкент, 2002.
- Зеймаль Е.В. Монеты раннесредневековой Средней Азии // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. М., 1999.
- «История» ат-Табари». Избранные отрывки (Перевод с арабского В.И. Беляева. Дополнения к переводу О.Г. Большакова и А.Б. Халидова). Ташкент, 1987.
- Исхаков М. К имени Йазатпир на Чачской монеты раннего средневековья // Востоковедения (ТГИВ), №2. Ташкент, 2002.
- Исҳоқов М. Унутилган подшоликдан хатлар. Тошкент, 1992.
- Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. М., 1962.
- Мусакаева А. Античные и раннесредневековые монеты музея истории народов Узбекистана // Нумизматика Узбекистана. Ташкент, 1990.
- Камышев А.М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья // История возникновения денежных отношений на территории Кыргызстана. Бишкек, 2002.
- Ртвеладзе Э.В. Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача // ОНУ, № 8, Ташкент, 1982.
- Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Том 1, Ташкент, 2002.
- Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963
- Смирнова О.И. Нумизматические заметки // ЭВ. Вып. XVIII, Л., 1967.
- Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970.
- Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981
- Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux. St. Pbg., 1903
- Chavannes E. Notes additionnelles sur les Tou-kie (Turcs) occidentaux // "T'oung Pao", V, 1904.
- Rtveladze E.V. Pre-Muslim Coins of Chach // Silk Road Art and Archaeology, 5, Kamakura 1997/98.

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ АФРИГИДСКОЙ И КЕРДЕРСКОЙ КУЛЬТУР ДЕЛЬТЫ АМУДАРЬИ¹

В эпоху раннего средневековья по данным некоторых археологов в Южном Приаралье выделяются три отдельных владения, афригидский Хорезм, удельное владение Кердер и владение Хамджирд различающиеся в культурном, этническом и хозяйственном отношениях. Хорошо изучена культура афригидского Хорезма (Неразик, 1966), достаточно полно изучена культура удельного владения Кердер, культуры в дельте Амударьи (Коллектив авторов, 1974; Неразик, 1999) и чрезвычайно слабо - культура Хамджирда (В.Н. Ягодин). Изучение культуры афригидского Хорезма, удельного владения Кердер и Хамджирда представляет большой интерес с позиций изучения социальной истории, этногенеза и этнической истории современных народов Южного Приаралья.

Значительные краниологические и остеологические коллекции происходят из могильников Кердера (Токкала, Крантау, Куюккала) и из некрополя Миздахкана (Ягодин, Ходжайов, 1970), который, как предполагают, принадлежит к культуре Хамджирд (В.Н. Ягодин).

Полуоседлая культура Кердера, генетически связанная с культурами низовьев Сырдарьи, в значительной степени отражает проникновение в древнюю аборигенную ираноязычную среду тюркского компонента и связана с проблемой происхождения современного каракалпакского народа и казахов. Афригидская культура является культурой древнего ираноязычного оседлоземледельческого населения Хорезмского оазиса и в значительной степени имеет отношение к происхождению узбеков Южного Хорезма. Что касается третьей, культуры Хамджерда, то позиция этой культуры в проблемах этнической истории остается пока не изученной. Выделение самой культуры пока гипотетично и, тем не менее, к этой культуре относят материалы такого крупного археологического объекта, как некрополь Миздахкан.

В этой связи палеодемографические данные представляют собой важный источник информации для исторических и палеоэкологических реконструкций и дают возможность оценить приспособленность древнего населения дельты Амударьи к социальным и природным условиям существования.

Антропологические материалы, пригодные

для изучения населения кердерской и афригидской культур низовьев Амударьи методами палеодемографии, получены в результате раскопок некрополей Миздахкана и Токкалы. Из материалов первого могильника удалось сформировать две диахронные группы. Первая датируется VII – серединой VIII вв. н.э. и происходит из погребений в сосудах, одиночных оссуариев и оссуариев из погребальных сооружений, а также из нескольких синхронных погребений в грунтовых ямах – типы погребений: Б-б-I-1, Б-в-II-2, Б-в-III-1, Б-в-III-2, Б-в-III-3, Б-в-III-7, Б-в-III-9, Б-в-IV-1, Б-в-IV-2, Б-в-IV-4, Б-г-I-5, Б-г-I-6, Б-г-I-7, Б-г-I-8, Б-г-I-11, Б-г-I-12, Б-г-I-13, Б-г-I-14 (Ягодин, Ходжайов, 1970). Вторая группа датируется концом VIII – X вв. н.э. и происходит из погребений в щелевидных погребальных камерах (тип погребений А-III-1/3). Группа из токкалинского некрополя синхронна второй группе из Миздахкана (конец VIII–X вв. н.э.). Половозрастные определения были проведены в процессе раскопок первым из авторов. При этом для миздахканских погребенных применялась возрастная шкала Infantilis – Senilis, а возраст погребенных из Токкалы оценивался в годах.

Основным методическим приемом в данной работе стал расчет таблиц смертности – метод, ставший «классикой» палеодемографии (Asca-di, Nemeskeri, 1970; Weiss, 1973). Рассчитывались отдельные таблицы для всей исследуемой группы, и отдельно для мужчин и женщин. Кроме того, определялись некоторые другие демографические показатели: средний возраст умерших в группе (A), средний возраст умерших в группе без учета детей и подростков (AA), процентное соотношение полов (PSR), процент детской смертности (PCD), процент индивидов старше 50 лет (dx50+). При построении таблиц смертности все индивиды группировались в пятилетние возрастные когорты. При определении возраста индивида в более широком, чем пятилетняя когорта интервале, вероятности попадания значения возраста в каждую из когорт, охватываемых данным интервалом, признавались равными. На практике такой подход ведет к тому, что численность погребенных, распределенных по возрастным когортам, становится дробной. Учитывая то, что палеопопуляция представляет собой статистическую модель (Swedlung, Armelagos, 1976; Алек-

Таблица 1. Общая таблица смертности погребенных в некрополе Миздахкана (VII-VIII вв.)

Возраст	Dx	dx	lx	qx	Lx	Tx	Ex
0 – 4	3.7	2.4	100.00	0.024	494.0	3160.5	31.6
5 – 9	17.2	11.2	97.58	0.115	459.8	2666.5	27.3
10 - 14	7.1	4.6	86.34	0.054	420.1	2206.7	25.6
15 - 19	7.0	4.6	81.70	0.056	397.1	1786.6	21.9
20 - 24	12.2	8.0	77.12	0.103	365.7	1389.5	18.0
25 - 29	12.2	8.0	69.15	0.115	325.8	1023.9	14.8
30 - 34	16.8	11.0	61.18	0.179	278.4	698.0	11.4
35 - 39	25.4	16.6	50.20	0.331	209.5	419.6	8.4
40 - 44	20.9	13.7	33.59	0.407	133.8	210.1	6.3
45 - 49	22.4	14.6	19.93	0.734	63.1	76.3	3.8
50 +	8.1	5.3	5.29	1.000	13.2	13.2	2.5
Всего:	153.0	100.0	—	—	3160.5	—	—

Таблица 2. Общая таблица смертности погребенных в некрополе Миздахкана (VIII-X вв.)

Возраст	Dx	dx	lx	qx	Lx	Tx	Ex
0 – 4	18.8	22.7	100.00	0.227	443.4	2478.3	24.8
5 – 9	8.7	10.5	77.35	0.136	360.5	2034.9	26.3
10 - 14	2.5	3.0	66.87	0.045	326.8	1674.4	25.0
15 - 19	5.0	6.0	63.86	0.094	304.2	1347.6	21.1
20 - 24	4.1	4.9	57.83	0.085	276.8	1043.4	18.0
25 - 29	4.1	4.9	52.89	0.093	252.1	766.6	14.5
30 - 34	7.6	9.2	47.95	0.191	216.9	514.5	10.7
35 - 39	12.4	14.9	38.80	0.385	156.6	297.6	7.7
40 - 44	8.7	10.5	23.86	0.439	93.1	141.0	5.9
45 - 49	8.7	10.5	13.37	0.784	40.7	47.9	3.6
50 +	2.4	2.9	2.89	1.000	7.2	7.2	2.5
Всего:	83.0	100.0	—	—	2478.3	—	—

Таблица 3. Общая таблица смертности погребенных в некрополе Токкалы (VIII-X вв.)

Возраст	Dx	dx	lx	qx	Lx	Tx	Ex
0 – 4	30	19.1	100.00	0.191	452.2	2775.5	27.8
5 – 9	11	7.0	80.89	0.087	386.9	2323.2	28.7
10 – 14	2	1.3	73.89	0.017	366.2	1936.3	26.2
15 – 19	9	5.7	72.61	0.079	348.7	1570.1	21.6
20 – 24	9	5.7	66.88	0.086	320.1	1221.3	18.3
25 – 29	11	7.0	61.15	0.115	288.2	901.3	14.7
30 – 34	12	7.6	54.14	0.141	251.6	613.1	11.3
35 – 39	26	16.6	46.50	0.356	191.1	361.5	7.8
40 – 44	27	17.2	29.94	0.574	106.7	170.4	5.7
45 – 49	10	6.4	12.74	0.500	47.8	63.7	5.0
50 +	10	6.4	6.37	1.000	15.9	15.9	2.5
Всего:	157	100.0	—	—	2775.5	—	—

сева, Богатенков, Лебединская, 2003), такое положение можно признать нормальным, так как при анализе методом построения таблиц смертности важны не столько абсолютные значения количества индивидов в когортах, сколько их соотношение.

Результаты расчета таблиц смертности, а также других демографических показателей приведены в табл. 1-9. Прежде всего бросается в глаза диспропорция в соотношении полов – показатель

PSR (табл. 7-9). Число мужских погребений значительно превышает число женских. При этом во всех трех группах этот показатель различается незначительно. В обеих группах VIII – X вв. н.э. разница составляет лишь десятые доли процента. Преобладание мужчин наблюдается и в более поздние периоды функционирования некрополя Миздахкана (Ходжайов, Громов, 2005). С точки зрения демографических процессов это можно объяснить высокой смертностью девочек в дет-

Таблица 4. Показатели таблиц смертности мужчин и женщин, погребенных в некрополе Миздахкана (VII-VIII вв.)

Воз- раст	Мужчины					Женщины				
	Dx	Dx	lx	qx	Ex	Dx	Dx	lx	Qx	Ex
15 – 19	2.0	3.4	100.0	0.034	23.8	3.0	7.7	100.0	0.077	19.2
20 – 24	3.4	5.8	96.6	0.060	19.6	5.6	14.4	92.3	0.156	15.6
25 – 29	3.4	5.8	90.8	0.063	15.6	5.6	14.4	77.9	0.184	13.1
30 – 34	6.3	10.7	85.1	0.125	11.5	7.0	17.9	63.6	0.282	10.4
35 – 39	15.4	26.1	74.4	0.351	7.8	6.0	15.4	45.6	0.337	8.6
40 – 44	12.4	21.0	48.3	0.435	5.7	4.6	11.8	30.3	0.390	6.7
45 – 49	13.9	23.6	27.3	0.863	3.2	4.6	11.8	18.5	0.639	4.3
50 +	2.2	3.7	3.7	1.000	2.5	2.6	6.7	6.7	1.000	2.5
Всего:	59.0	100.0	—	—	—	39.0	100.0	—	—	—

Таблица 5. Показатели таблиц смертности мужчин и женщин, погребенных в некрополе Миздахкана (VIII-X вв.)

Воз- раст	Мужчины					Женщины				
	Dx	Dx	lx	qx	Ex	Dx	Dx	lx	qx	Ex
15 – 19	0.0	0.0	100.0	0.000	23.6	1.0	9.1	100.0	0.091	20.1
20 – 24	1.3	5.4	100.0	0.054	18.6	1.0	9.1	90.9	0.100	16.9
25 – 29	1.3	5.4	94.6	0.057	14.5	1.0	9.1	81.8	0.111	13.5
30 – 34	3.8	15.8	89.2	0.178	10.3	1.9	17.3	72.7	0.238	9.9
35 – 39	7.5	31.3	73.3	0.426	6.9	2.6	23.6	55.5	0.426	7.2
40 – 44	4.9	20.4	42.1	0.485	5.2	1.6	14.5	31.8	0.457	5.6
45 – 49	4.9	20.4	21.7	0.942	2.8	1.6	14.5	17.3	0.842	3.3
50 +	0.3	1.3	1.3	1.000	2.5	0.3	2.7	2.7	1.000	2.5
Всего:	24.0	100.0	—	—	—	11.0	100.0	—	—	—

Таблица 6. Показатели таблиц смертности мужчин и женщин, погребенных в некрополе Токкалы (VIII-X вв.)

Воз- раст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	qx	Ex
15 – 19	2.0	2.7	100.0	0.027	23.8	3	8.6	100.0	0.086	19.2
20 – 24	4.0	5.3	97.3	0.055	19.3	5	14.3	91.4	0.156	15.8
25 – 29	7.0	9.3	92.0	0.101	15.3	4	11.4	77.1	0.148	13.2
30 – 34	8.0	10.7	82.7	0.129	11.8	4	11.4	65.7	0.174	10.1
35 – 39	17.0	22.7	72.0	0.315	8.1	9	25.7	54.3	0.474	6.7
40 – 44	21.0	28.0	49.3	0.568	5.7	6	17.1	28.6	0.600	5.5
45 – 49	8.0	10.7	21.3	0.500	5.0	2	5.7	11.4	0.500	5.0
50 +	8.0	10.7	10.7	1.000	2.5	2	5.7	5.7	1.000	2.5
Всего:	75.0	100.0	—	—	—	35	100.0	—	—	—

Таблица 7. Палеодемографические характеристики погребенных в некрополе Миздахкана (VII-VIII вв.)

Название	Мужчины	Женщины	Все погребенные
Объем выборки (N)	59.0	39.0	153.0
Средний возраст смерти (A)	38.8	34.2	31.6
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	38.8	34.2	36.9
Процент детской смертности (PCD)	—	—	18.3
Процент индивидов данного пола (PSR)	60.2	39.8	—
Процент индивидов старше 50 лет (dx50+)	3.7	6.7	5.3

Таблица 8. Палеодемографические характеристики погребенных в некрополе Миздахкана (VIII-X вв.)

Название	Мужчины	Женщины	Все погребенные
Объем выборки (N)	24.0	11.0	83.0
Средний возраст смерти (A)	38.6	35.1	24.8
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	38.6	35.1	36.1
Процент детской смертности (PCD)	—	—	36.1
Процент индивидов данного пола (PSR)	68.6	31.4	—
Процент индивидов старше 50 лет (dx50+)	1.3	2.7	2.9

Таблица 9. Палеодемографические характеристики погребенных в некрополе Токкалы (VIII-X вв.)

Название	Мужчины	Женщины	Все погребенные
Объем выборки (N)	75.0	35.0	157.0
Средний возраст смерти (A)	38.8	34.2	27.8
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	38.8	34.2	36.6
Процент детской смертности (PCD)	—	—	27.4
Процент индивидов данного пола (PSR)	68.2	31.8	—
Процент индивидов старше 50 лет (dx50+)	10.7	5.7	6.4

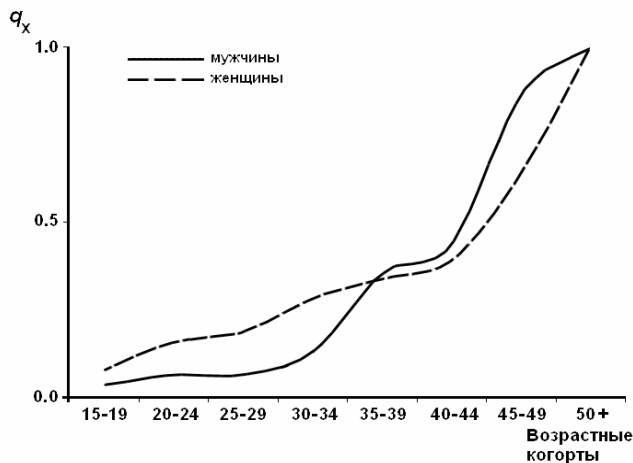

Рис. 1. Возрастная динамика вероятности смерти (q_x) у мужчин и женщин Миздахкана в VII–середине VIII вв. н.э.

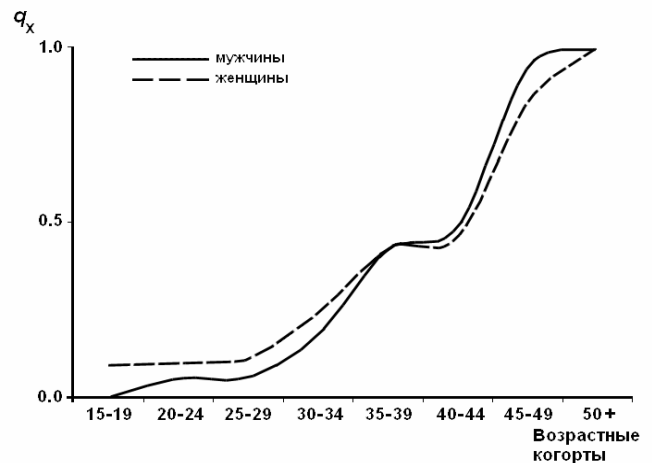

Рис. 2. Возрастная динамика вероятности смерти (q_x) у мужчин и женщин Миздахкана в конце VIII–X вв. н.э.

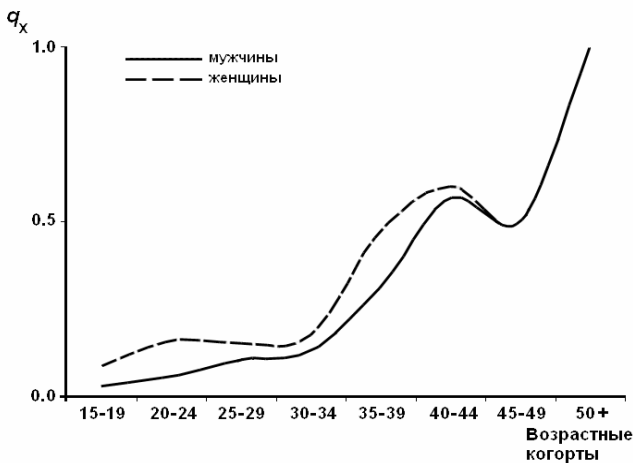

Рис. 3. Возрастная динамика вероятности смерти (q_x) у мужчин и женщин Токкалы в VIII–X вв. н.э.

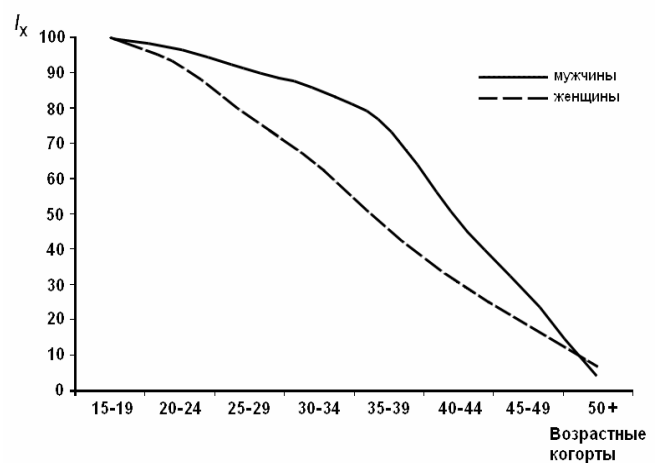

Рис. 4. Процент дожития (l_x) по возрастным интервалам у мужчин и женщин Миздахкана в VII–середине VIII вв. н.э.

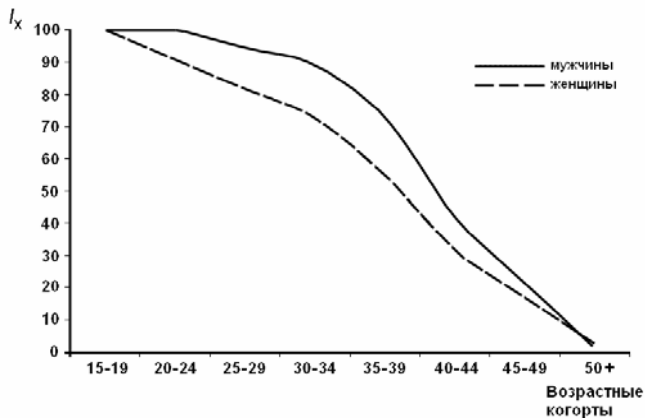

Рис. 5. Процент дожития (I_x) по возрастным интервалам у мужчин и женщин Миздахкана в конце VIII–X вв. н.э.

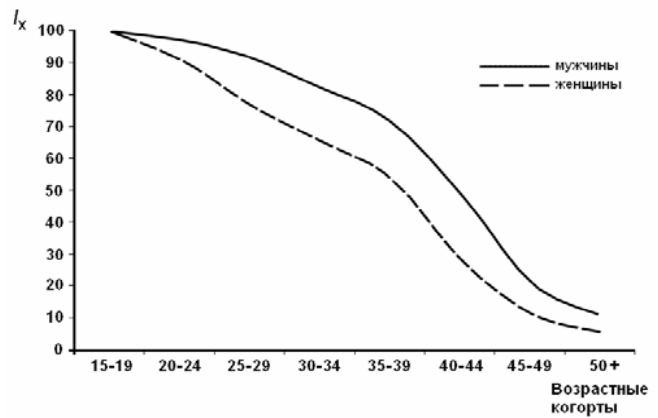

Рис. 6. Процент дожития (I_x) по возрастным интервалам у мужчин и женщин Токкалы в VIII–X вв. н.э.

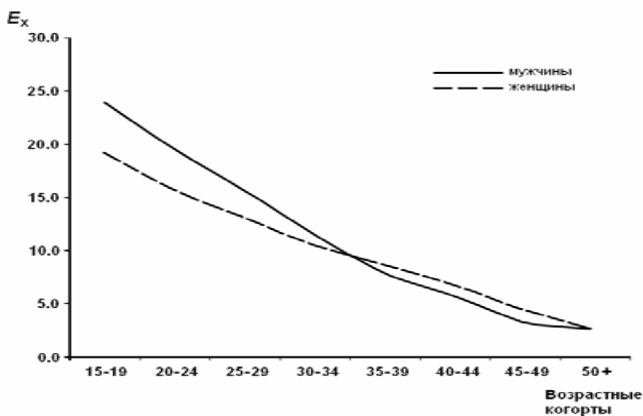

Рис. 7. Ожидаемая продолжительность жизни (E_x) по возрастным интервалам у мужчин и женщин Миздахкана в VII–середине VIII вв. н.э.

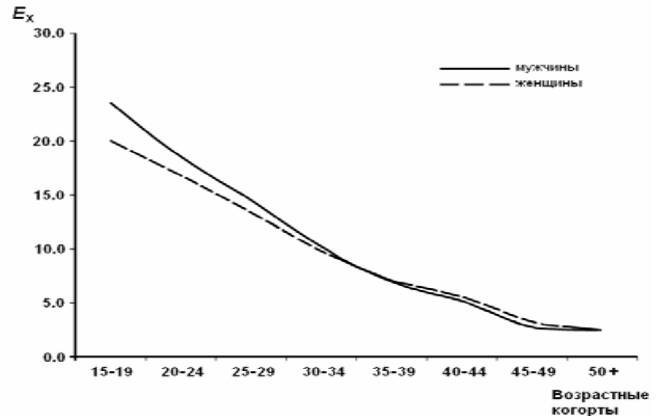

Рис. 8. Ожидаемая продолжительность жизни (E_x) по возрастным интервалам у мужчин и женщин Миздахкана в конце VIII–X вв. н.э.

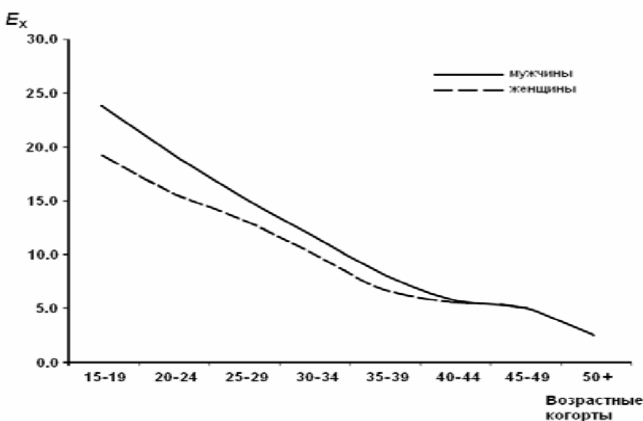

Рис. 9. Ожидаемая продолжительность жизни (E_x) по возрастным интервалам у мужчин и женщин Токкалы в VIII–X вв. н.э.

ском и подростковом возрасте, однако такая ситуация представляется маловероятной. Скорее можно предположить влияние погребального обряда на соотношение полов в антропологическом материале, получаемом в результате раскопок. То же можно сказать и о показателе PCD (процент

детской смертности). Вряд ли малое число детей в самой ранней выборке свидетельствует о низкой детской смертности в VII–VIII вв. н.э. В этой связи средний возраст смерти с учетом детей (A) представляется в данном случае малоинформативным показателем. Что касается среднего возраста смерти без учета детей (AA), то во всех трех группах он практически одинаков (36.1–36.9%). При этом такое положение дел сохраняется и при рассмотрении мужчин и женщин отдельно. У мужчин показатель AA несколько выше (38.6–38.8 против 34.2–35.1). Таким образом, жители Миздахкана и Токкалы в VII–X вв. н.э. в среднем жили несколько дольше, по сравнению с синхронными европейскими группами (см. Алексеева, Богатенков, Лебединская, 2003, табл. 10). С другой стороны, доля индивидуумов старшего возраста (dx50+) среди погребенных в некрополях Миздахкана и Токкалы существенно ниже, чем в средневековых европейских популяциях.

При достаточно близких средних демографических характеристиках, распределение показателей таблиц смертности в исследованных группах

обнаруживает ряд особенностей (рис. 1-9). Так, поведение кривой, характеризующей вероятность смерти (qx), в выборках из Миздахкана в целом сходно. До возраста 35-39 лет в обеих группах мужчины имеют меньше шансов умереть, по сравнению с женщинами. По достижении этого возраста ситуация меняется на противоположную (рис. 1, 2). Что касается Токкалы, то женщины сравниваются по этому показателю с мужчинами только к 45-летнему возрасту и в дальнейшем имеют равные с ними величины qx . Что касается формы кривых, то бросается в глаза довольно явное прекращение роста показателя вероятности смерти также с 35-39 летнего возраста в обеих миздахканских группах, которое продолжается около пяти лет. В женской группе VII–X вв. н.э. имеет место даже некоторое временное понижение величины qx . А в Токкале это понижение фиксируется у обоих полов, но приходится на более позднюю возрастную когорту (рис. 3). Что касается женской части рассматриваемых популяций, то главную роль здесь определенно играло окончание репродуктивного периода. Правда, не вполне ясно, с чем связано запаздывание этого процесса в популяции из Токкалы. Возможно, здесь определенную роль сыграло использование разной возрастной шкалы при обработке антропологических материалов из двух некрополей. С другой стороны, сходная картина в мужской части популяции заставляет предположить наличие каких-то социальных условий, снижавших воздействие стрессогенных факторов на население, достигшее определенного возраста.

Анализ графиков процента дожития (lx) для разных возрастных интервалов демонстрирует достаточно типичную для данного хронологического периода картину (рис. 4–6). Практически во всех возрастных когортах процент мужчин, доживших до определенного возраста, выше, по сравнению с женщинами. Исключение составляет лишь последняя когорта в группах из Миздахкана. При этом величины lx во всех трех исследованных группах различаются незначительно.

Значения ожидаемой продолжительности жизни (Ex) для разных возрастных когорт взрослого населения также примерно одинаковы во всех трех группах. В группах из Миздахкана женщины из ранних возрастных когорт имеют меньшие величины Ex по сравнению с мужчинами, затем (после 35 лет) – ситуация противоположная. В Токкале величины Ex у женщин либо меньше, чем у мужчин, либо равны им (после 45 лет), что, естественно, соответствует той картине, которая наблюдалась при анализе вероятности смерти (qx).

Таким образом, демографическая структура средневековых популяций из Миздахкана и Токкалы, не отличаясь принципиально от структуры синхронных европейских групп, обнаруживает определенное своеобразие. Оно выражается в небольшой доле погребенных старшей возрастной когорты при относительно высоком среднем возрасте смерти. Особенностью древнего населения Токкалы является сходство ряда демографических показателей в старших возрастных когортах у его мужской и женской частей.

Сноски

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-01-01083а).

* Материалы XIII–XIV вв. из Миздахкана находятся в стадии обработки. Имеется возможность представить по ним некоторую демографическую информацию. Для этого периода (типы погребений А-I-1, А-II-2) доля взрослых погребенных составляет 62,2 %. Специфически детским типом погребений можно считать погребения в кирпичных склепах с плоским перекрытием (тип А-II-2), где доля детей составляет 94%. Анализ соотношения мужских и женских погребений показывает, что тип погребений в прямоугольных грунтовых ямах А-I-1 доля мужчин составляет 91%. С другой стороны, в синхронных погребениях в кирпичных склепах с двухскатным перекрытием (тип А-II-1) соотношение полов почти равное (52,4% мужчин и 47,6% женщин). Данное обстоятельство, а также многочисленность погребений этого типа и возрастная структура погребенных, заставляют предположить, что именно серия из погребений типа А-II-1 наиболее адекватно отражает демографическую структуру взрослого населения Хорезма в XIII–XIV вв. (Ходжайов, Громов, 2005).

Использованная литература

- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антрополого-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003.
- Антропология и культура кердерской культуры. Ташкент, 1974.
- Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма (По материалам Беркут-калинского оазиса). М., 1966.
- Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1999.
- Ходжайов Т.К., Громов А.В. К палеодемографии древнего Миздахкана. Тезисы докладов VI Конгресса этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 2005.
- Ягодин В. Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
- Ascadi G., Nemeskeri J. History of human life span and mortality. Budapest, 1970.
- Swedlung A.C., Armelagos G.J. Demographic anthropology. W.C. Brown.Dubuque, 1976.
- Weiss K. Demographic models for anthropology. American Antiquity, Vol. 38, N 2, Part 2, 1973.

Т.К. Ходжайов, С.И. Мустафакулов, Б.Х. Матбабаев

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ФЕРГАНЫ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (по материалам могильника Мунчактепа)

В двух километрах к югу от современного города Пап (Наманганский вилоят) на правом берегу реки Сырдарья расположены городище Баландтепа и примикающий к нему могильник Мунчактепа. Здесь с 1978 по 1996 гг. отдельный отряд Института археологии АН РУз (рук. Матбабаев Б.Х.) проводил археологические работы (Анарбаев, Матбабаев, 1993-1994; Матбабаев, 1994, 1996, 1998, 1999; Матбабаев, 1998). Раскопками установлено, что укрепленная часть городища возникла на территории более раннего поселения и считается наиболее древним ядром средневекового города Баб-Паб (совр. Пап). Материалы из этой части датируются в пределах от рубежа до VII-VIII веков нашей эры. В начале VIII в. в связи с арабским завоеванием жизнь на Баландтепа прекращается.

Темиркасмотепа - руины средневекового города, примыкает к северной части Баландтепа - полностью разрушена, на ее месте существуют кирпичный завод (фирма «Кровля») и хлопковые поля. Судя по подъёмному материалу, памятник имел довольно большие размеры. Материалы относятся к IX-X вв. Этой дате не противоречат и нумизматические находки. Имеется клад из 32 монет, обнаруженный местным жителем К. Алиевым в 1989 г. в специальной керамической копилке. По определению Б.Д. Кочнева большинство монет чеканено в Фергане, Бухаре, Самарканде.

Мунчактепа – городской некрополь, примыкает к северо-западной части городища и состоит из нескольких холмов (Мунчактепа I, II, III, IV и т.д.), в настоящее время сохранились лишь два - Мунчактепа I, II.

На Мунчактепа I раскопаны 14 одиночных грунтовых погребений. Они по конструкции подразделяются на два типа: грунтовые могилы и могилы с подбоем. В грунтовых погребениях покойники лежат в вытянутом положении, на спине с сопроводительным инвентарем. В подбойных погребениях покойники положены на специальную камышовую подстилку, в вытянутом положении, на спине. Вход в подбой закрыт сырцовым кирпичом. В этих регионах Ферганы подбойные погребения обнаружены впервые. По конструкции они не отличаются от подобных сооружений других регионов долины. Отметим

новый элемент в погребальном обряде - фрагменты камышового гроба (деревянные клинья-гвозди для соединения камышовых жердей). Форма и большие размеры подбоя свидетельствуют о наличии в Мунчактепа I захоронения в камышовом гробу. Сопровождающий инвентарь представлен керамикой, украшениями (бусы, перстни, серьги и др.), оружием (кинжал, сложносоставной лук) и домашней утварью (железные ножи, веретена, деревянные изделия). Ориентировка погребений неустойчива.

Уникальные сооружения в виде подземных склепов открыты на Мунчактепа II. Склепы расположены цепочкой по линии запад-восток на продолговатом естественном холме. Здесь вскрыто восемь склепов, которые вырублены в песчанисто-лессовых отложениях. Все они однокамерные имеют четырехугольную форму в плане. Исключение составляют склепы № 2-3, где выявлена яйцевидная форма. Во всех склепах пол погребальной камеры по уровню ниже пола коридора. По площади выделяются два вида склепов: малые, площадью до 5 кв.м, где зафиксированы от 1 до 4 человек (склепы 2, 3, 4) и большие (площадью 6 кв.м и более), где отмечено до 50 захоронений (склепы 1, 5, 7, 9).

Особо выделяется великолепно сохранившийся и большим количеством находок склеп № 5. Он состоит из трех частей: предвыходная площадка, коридор (дромос), погребальная камера. Коридор, ведущий в погребальную камеру, имеет сводчатый потолок. Внутренняя часть коридора оштукатурена толстым слоем глины. В погребальную камеру вели земляные ступеньки. Стены и потолок погребальной камеры очень тщательно подправлены. Потолок овальный и соединен с потолком коридора. Высота от пола до высшей точки потолка 2,25 м.

На полу погребальной камеры осуществлены захоронения в камышовых гробах. Гробы изготовлены из связок отборного камыша, соединенных с помощью камышовых жгутов и деревянных штырей, составлявших его каркас. Камышовые гробы имеют в плане прямоугольную форму и были закрыты крышкой также из камыша. При изготовлении учитывались рост и вещи покойного. Отметим, что древние люди очень эффективно использовали внутрикамерное пространство.

Сначала захоронениями была заполнена вся поверхность пола. После этого сверху гробов положены деревянные балочки (доски) диаметром 5-6 см, длиной 35-50 см. Поверх последних размещены гробы второго ряда и т.д. В целом, в склепе насчитывается пять рядов камышовых гробов, поставленных друг на друга. В каждом ряду от 5 до 13 гробов. В них покойники лежат в вытянутом положении на спине, лицом вверх. Погребальный инвентарь выявлен как внутри, так и за пределами гробов. В ногах или у головы покойников были положены плетеные корзины с косметическими приборами (бронзовая пудреница, деревянный гребешок), косточками плодов (урюк, черешня, персик) и орудиями труда. Кроме того, в ногах, а иногда в изголовьях умерших клали деревянные блюда и чаши из тыквы, внутри которых сохранились скорлупа ореха, косточки (фисташки, миндаля) и неопределенные кости. Женщинам клали бронзовые зеркала, кольца, браслеты, серьги, бусы, шпильки, сурьматаши с кусочками графита, веретена с пряслицами, а мужчинам ножи-кинжалы, сложносоставные луки и стрелы к ним. В гробах В-5, Б-11, Б-12 обнаружены специальные орудия труда, которые отражали прижизненные виды занятий умершего. По имеющимся материалам определяются гробы: музыканта, сапожника, охотника-воина (?). На крышке гробов ставили деревянные столики для резания мяса, а рядом деревянные блюда, керамические сосуды и плетеные корзины. Следует отметить обилие хлопчатобумажных и шелковых тканей, их остатки зафиксированы в 18 камышовых гробах. Лучше сохранились шелковые ткани и декор хлопковой одежды из шелка, в двух случаях удалось извлечь полностью сохранившееся женское платье из шелка с подкладкой из грубой ткани. Это первая находка такого большого количества шелка и одежды из него в Средней Азии. Внутри некоторых гробов найдены остатки кожаной обуви.

По материалам мунчактепинских склепов можно констатировать три вида захоронений: в камышовых гробах в четырех склепах и единственный случай в подбойном захоронении, без гроба на специальной подстилке (в трех склепах и в одном случае (?) в склепе № 5). Последнее захоронение в плетеной корзине зафиксировано в склепе № 5. В овальной корзине находились останки грудного ребенка плохой сохранности, без вещей. Корзина была положена сверху камышового гроба и возможно, указывает на близкую родственную связь погребенных.

Учитывая стратиграфические наблюдения на городище, анализ археологических материалов (среди них четко датируемые раннесредневеко-

вые монеты) с привлечением аналогий из соседних районов, выделены два периода в функционировании погребального комплекса. Материалы из комплекса V-VI вв. получены из больших склепов 1, 5, а второго (VII-VIII вв.) из малых склепов (2, 3, 4) и большого склепа 9 (Матбабаев, 1998, с. 135-138).

Таким образом, в результате работ на могильнике впервые получен обильный, разнообразный и уникальный археологический материал (по нашим подсчетам только в склепе № 5 выявлено около 3000 находок). В погребальной практике Ферганы, а может быть и всей Средней Азии, захоронения в камышовых гробах – явление редкое и уникальное. Они не находят аналогов ни в Фергане, ни за ее пределами. Близкие мунчакскому обряду случаи зафиксированы в Южной Фергане (деревянные гробы в Карабулкаке, Кайрагаче, Бокорбазе), Алайской долине (гробы-футляры из веток облепихи), Восточном Приаралье (погребения, завернутые в камышовую циновку).

Отличная сохранность материалов и обилие находок позволяет в дальнейшем реконструировать погребальный обряд населения Ферганы эфталито-тюркского времени.

В данном сообщении приводятся предварительные результаты изучения краниологического материала (Абилов, 1989, Абилов, Мустафокулов 2000, с. 38-42), который представлен в экспозиции Археологического музея города Пап в Наманганской области Республики Узбекистан. Краниологический материал был изучен авторами в 1995 г. Серия из городского некрополя Мунчактепа состоит из 23 черепов хорошей сохранности (11 мужских, 11 женских и 1 юношеского). Большая часть черепов искусственно деформирована. Представлены различные типы деформации: кольцевая, затылочная-теменная и затылочная. Недеформированные черепа, а их больше в женской части серии, почти все характеризуются долихо-мезокранией, тогда как деформированная часть отличается брахи- и гипербрахикранией. Наружный рельеф развит на черепках выше среднего. Лицевая часть ортогнатная, средней ширины и высоты, мезопрозопная по указателю, со средней горизонтальной профилировкой. Нос сравнительно узкий и средне-широкий, довольно сильно выступающий у мужчин и средне – у женщин. Переносье и носовые кости также выступают сильно (табл. 1 и 2).

Результаты компонентного анализа из-за малочисленности черепов в серии являются предварительными. Тем не менее, обнаружена неоднородность данной палеопопуляции. В целом, серия европеоидная с монголоидной примесью.

Для межгруппового анализа в качестве срав-

Таблица 1. Индивидуальные размеры и указатели мужских черепов из могильника Мунчактепа (Пап) V-VIII вв.

№ по Мартину	Признаки	Склеп 1, средний слой mat.	Склеп 1, погреб №2 Mat.	Склеп 9, вход mat.	оссуарий №2 mat.	хумное захор. №2 mat.	гроб. Б-6 mat.
1	Продольный диаметр	160	180	182	170	170	175
8	Поперечный диаметр	136	137	165	136	148	145
17	Высотный диаметр (ba-br)	-	136	143	-	135	148
9	Наим. лобный диаметр	96	98	114	90	98	95
45	Скуловой диаметр	127	130	140	128	131	139
48	Верхняя высота лица	72	74	70	-	70	73
47	Полная высота лица	-	-	107	-	118	-
55	Высота носа	50	52	52	49	51	54
54	Ширина носа	23	23	27	-	23	25
51	Ширина орбиты (mf)	41	45	49	39	43	43
52	Высота орбиты	32	33	35	30	30	35
43(1)	Бималлярная ширина	97	97	107	90	95	98
	Высота назиона над fmo-fmo	19	20	21	19	15	20
	Назомаллярный указатель	19,6	20,6	19,6	21,1	15,8	20,4
77	Назомаллярный угол	137	135	137	134	145	136
	Зигомаксиллярная ширина	88	94	91	-	92	93
	Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	22	21	24	-	25	24
	Зигомаксиллярный указатель	25,0	22,3	26,4	-	27,2	25,8
Zm	Зигомаксиллярный угол	127	132	124	-	123	125
SC	Симотическая хорда	11	9	12	-	10	7
SS	Симотическая высота	5,5	5,5	5	-	4,5	3
DC	Дакриальная хорда	22	21	25	-	22	22
DS	Дакриальная высота	11	13	13	-	12	12
75(1)	Угол выступания носа	27	29	30	-	38	30
	Форма черепной коробки	Эллипс.	Эллипс.	Сфер.	-	Ромб.	Сфер.
	Надпереносье (1-6)	3	4	4	3	3	5
	Надбровные дуги (1-3)	2	3	2	2	2	3
	Наружный затылочный бугор (0-5)	2	4	3	1	2	5
	Сосцевидный отросток (1-3)	3	3	3	3	2	3
	Нижний край грушевидного отверстия	F.pr.	Ant.	Ant.	-	Ant.	F.pr.
	Передне-носовая ость (1-5)	3	5	4	-	3	3
	Деформация ,степень (0-3)	2	0	3	3	3	2
	Деформация, тип	Зат.-тем.		Зат.-тем.	кольцевая	Зат.-тем.	Зат.-тем.
Указатели							
8/1	Черепной	85,0	76,1	90,6	87,1	87,1	82,9
17/1	Высотно-продольный	-	79,4	78,6	79,4	79,4	84,6
17/8	Высотно-поперечный	-	91,2	86,7	91,2	91,2	102,1
9/8	Лобно-поперечный	70,6	71,5	69,1	66,2	66,2	65,5
45/8	Поп.фац.-церебральный	93,4	94,9	84,8	94,1	88,5	95,9
48/17	Вертикальный краниофациальный	-	-	48,9	-	51,8	49,3
9/45	Лобно-скуловой	75,6	75,4	81,4	70,4	74,8	68,3
47/45	Лицевой	-	-	76,4	-	90,1	-
48/45	Верхнелицевой	56,7	56,9	50,0	-	53,4	52,5
54/55	Носовой	46,0	44,2	51,9	-	45,1	46,3
52/51	Орбитный (mf)	78,0	73,3	71,4	76,9	69,8	81,4
DS DS	Дакриальный	50,0	61,9	52,0	-	54,5	54,5
SS SC	Симотический	50,0	61,1	41,7	-	45,0	42,9

Таблица 1 (продолжение)

№ по Мартину	Признаки	Гроб. В-5 mat.	Гроб. Г. 6 mat.	Гроб. Г. 10 mat.	Гроб. Д. 12 adult.	? adult.	X (n)
1	Продольный диаметр	170	162	176	166	174	171,4(11)
8	Поперечный диаметр	147	139	131	155	148	144,3(11)
17	Высотный диаметр (ba-br)	141	137	135	140	139	139,3(9)
9	Наим. лобный диаметр	99	91	91	96	100	97,1(110)
45	Скуловой диаметр	141	132	131	134	134	133,4(11)
48	Верхняя высота лица	72	70	68	67	69	70,5(10)
47	Полная высота лица	-	-	-	-	-	112,5(2)
55	Высота носа	50	51	51	51	48	50,8(11)
54	Ширина носа	23	26	27	23	24	24,4(10)
51	Ширина орбиты (mf)	44	40	40	43	44	42,8(11)
52	Высота орбиты	33	35	32	34	34	33,0(11)
43(1)	Биорбитальная ширина (fmo-fmo)	101	91	95	99	98	
	Высота назиона над биорбитальной шириной	17	14	14	15	17	
	Назомаллярный указатель	16,8	15,4	14,7	15,2	17,3	
77	Назомаллярный угол	143	146	147	146	142	140,7(11)
	Зигомаксиллярная хорда	92	94	95	93	93	
	Высота субспинале над зигомаксиллярной хордой	19	25	23	20	18	
	Зигомаксиллярный указатель	20,6	26,6	24,2	21,5	19,3	
	Зигомаксиллярный угол	135	124	128	134	138	129,0(10)
SC	Симотическая хорда	9	6,5	11	6	-	9,1(9)
SS	Симотическая высота	3,5	5	3	-	-	4,3(9)
DC	Дакриальная хорда	20	19	22	18	-	21,2(9)
DS	Дакриальная высота	14	11	11	11	-	12,1(9)
75(1)	Угол выступания носа	33	30	38	24	28	30,7(10)
	Форма черепной коробки	Сфер.	Сфер.	Эллипс.	Сфер.	Сфер.	
	Надпереносье (1-6)	4	4	2	4	4	3,6(11)
	Надбровные дуги (1-3)	2	2	2	2	3	2,3(11)
	Наружный затылочный бугор (0-5)	2	3	2	2	3	2,6(11)
	Сосцевидный отросток (1-3)	3	3	3	3	3	2,9(11)
	Нижний край грушевидного отверстия	Ant.	F.pr.	S.pr.	F.pr.	F.pr.	
	Передне-носовая ость (1-5)	3	3	4	2	3	3,5(10)
	Деформация ,степень (0-3)	1	2	0	3	1	2,7(11)
	Деформация, тип	Зат.	Зат.-тем.		Зат.-тем.	Зат.-тем.	
Указатели							
8/1	Черепной	86,5	85,8	74,4	93,9	85,0	84,9(11)
17/1	Высотно-продольный	82,9	84,6	76,7	84,3	79,9	81,0(10)
17/8	Высотно-поперечный	95,9	98,6	103,0	90,3	93,9	94,4(10)
9/8	Лобно-поперечный	67,3	65,5	69,5	61,9	67,6	67,3(11)
45/8	Поп.фацио-церебральный	95,9	95,0	100,0	86,4	90,5	
48/17	Верг. фацио-церебральн.	-	51,1	50,4	47,9	49,6	49,7(7)
9/45	Лобно-скуловой	70,2	68,9	69,5	71,6	74,6	
47/45	Лицевой	-	-	-	-	-	83,2(2)
48/45	Верхнелицевой	51,1	53,0	51,9	50,0	51,5	52,7(10)
54/55	Носовой	46,0	51,0	52,3	45,1	50,0	47,8(10)
52/51	Орбитный	75,0	87,5	80,0	79,1	77,3	77,2(11)
DS DS	Дакриальный	70,0	57,9	50,0	61,1	-	56,9(9)
SS SC	Симотический	44,4	53,8	45,4	50,0	-	48,2(9)

Таблица 2. Индивидуальные размеры и указатели женских черепов из могильника Мунчактепа. V-VIII вв.

№ по Мартину	Признаки	Склеп 1, погр. №1 ad.-mat.	Склеп 1, средний слой ad.-mat.	Склеп 5, Гроб.Б-3 второй сверху mat.	СК 5, Гроб Б-4 adult.	Склеп 9 adult.	Гроб А-1 adult.
1	Продольный диаметр	173	167	178	-	168	164
8	Поперечный диаметр	140	134	133	-	132	148
17	Высотный диаметр (ba-br)	121	-	-	-	134	131
9	Наим.лобный диаметр	96	92	90	91	88	96
45	Скуловой диаметр	115	116	124	125	118	128
48	Верхняя высота лица	65	67	70	73	70	61
47	Полная высота лица	-	-	-	-	-	-
55	Высота носа	47	47	53	53	51	47
54	Ширина носа	21	23,5	23	21	23	23
51	Ширина орбиты (mf)	41	40	41	41	40	43
52	Высота орбиты	33	33	35	32	31	30
	Биорбитальная ширина	96	90	95	92	87	96
	Высота назиона над биорбитальной шириной	18	15	16	16	18	15
	Назозаушный указатель	18,8	16,7	16,8	17,4	19,5	15,6
77	Назозаушный угол	139	143	143	142	137	145
	Зигомаксиллярная хорда	93	85	89	93	90	97
	Высота субсп. над зигомаксиллярной хордой	21	21	20	19	24	19
	Зигомаксиллярный указатель	22,6	24,7	22,5	20,4	26,7	19,6
Zm	Зигомаксиллярный угол	131	127	132	136	124	137
SC	Симотическая хорда	6	7	8	5	9	8
SS	Симотическая высота	2	4,5	4	2	4,5	4
DC	Дакриальная хорда	19	15	22	20	18	20
DS	Дакриальная высота	8	12	10	11	10	12
75(1)	Угол выступания носа	20	27	26	25	30	28
	Форма черепной коробки	Эллипс.	Пентаг	Эллипс.	Эллипс.	Сфен.	Сфер.
	Надпереносье (1-6)	1	2	3	2	3	2
	Надбровные дуги (1-3)	1	1	2	1	2	1
	Наружный затылочный бугор (0-5)	0	1	1	1	1	0
	Сосцевидный отросток (1-3)	1	2	2	2	2	1
	Нижний край грушевидного отверстия	Ant.	Ant.	f.pr.	Ant.	Ant.	f.pr.
	Передне-носовая ость (1-5)	2	3	3	3	4	3
	Деформация ,степень (0-3)	0	2	0	0	0	2
	Деформация, тип		Зат.-тем.				Зат.-тем.
Указатели							
8/1	Черепной	80,9	80,2	74,7	-	78,6	90,2
17/1	Высотно-продольный	69,9	-	-	-	79,8	79,9
17/8	Высотно-поперечный	86,4	-	-	-	101,5	88,5
9/8	Лобно-поперечный	68,6	68,6	67,7	-	66,7	64,9
45/8	Попер. фацио-церебральн.	82,1	86,6	93,2	-	89,4	86,5
48/17	Верг. фацио-церебральн.	53,7	-	-	-	52,2	46,6
9/45	Лобно-скуловой	83,5	79,3	72,6	72,8	74,6	75,0
47/45	Лицевой	-	-	-	-	-	-
48/45	Верхнелицевой	56,5	57,8	56,4	58,4	59,3	47,7
54/55	Носовой	44,7	50,0	43,4	39,6	45,1	48,9
52/51	Орбитный	80,5	82,5	85,4	78,0	77,5	69,8
DS DS	Дакриальный	42,1	80,0	45,4	55,0	55,5	60,0
SS SC	Симотический	33,3	64,3	50,0	40,0	50,0	50,0

Таблица 2 (продолжение)

№ по Мар-тину	Признаки	Грoб А-6 mat.	Грoб, Д-2 mat.	Грoб В-6 mat.	Гр.Г-4 ad.mat.	Гр, Д-3 adult.	Гр. Д-10 mat.	X(n)
1	Продольный диаметр	168	170	180	164	182	173	171,5(11)
8	Поперечный диаметр	138	138	137	137	134	146	137,9(11)
17	Высотный диаметр (ba-br)	129	133	133	126	135	132	130,4(9)
9	Наим.лобный диаметр	94	97	98	90	97	99	94,0(12)
45	Скуловой диаметр	118	125	124	122	128	139	123,5(12)
48	Верхняя высота лица	63	74	67	64	62	71	67,2(12)
47	Полная высота лица	-	-	-	-	-	-	-
55	Высота носа	46	54	45	49	47	53	49,3(12)
54	Ширина носа	27	25	24	28	27	25	24,2(12)
51	Ширина орбиты (mf)	38	42	41	30	40	43	40,8(12)
52	Высота орбиты	31	35	31	31	33	34	32,4(12)
	Биорбитальная ширина	89	99	95	90	96	99	93,7(12)
	Высота назиона над биорбитальной шириной	16	19	17	13	17	17	16,4(12)
	Назomалярный указатель	18,0	19,2	17,9	14,4	17,7	17,2	17,4(12)
77	Назomалярный угол	140	138	141	148	141	142	141,6(12)
	Зигомаксиллярная хорда	94	92	87	88	89	95	
	Высота субсп. над зигомаксиллярной хордой	23	23	21	15	21	21	
	Зигомаксиллярный указатель	128	127	128	142	129	132	
Zm	Зигомаксиллярный угол	128	127	128	142	129	132	131,1(12)
SC	Симотическая хорда	12	11	9	10	9	9	8,6(12)
SS	Симотическая высота	4	3	4	1	4	3,5	4,5(9)
DC	Дакриальная хорда	23	22	21	24	22	22	20,7(12)
DS	Дакриальная высота	10	11	12	7	12	10	10,4(12)
75(1)	Угол выступания носа	30	16	29	14	25	21	24,2(12)
	Форма черепной коробки	Овоид.	Сфен.	Эллип.	Сфер.	Эллип.	Ромб.	
	Надпереносье (1-6)	3	2	2	1	3	2	2,2(12)
	Надбровные дуги (1-3)	2	1	2	1	2	2	1,5(12)
	Наружный затылочный бугор (0-5)	1	1	2	1	2	2	1,1(12)
	Сосцевидный отросток (1-3)	2	2	2	1	2	2	1,8(12)
	Нижний край грушевидного отверстия	Ant.	Ant.	Ant.	F.pr.	F.pr.	F.pr.	
	Передне-носовая ость (1-5)	4	2	4	2	3	2	2,9(12)
	Деформация ,степень (0-3)	0	2	0	0	0	2	0,7(12)
	Деформация, тип		Зат.тем.				Зат-тем	
Указатели								
8/1	Черепной							80,5(11)
17/1	Высотно-продольный	76,8	78,2	73,9	76,8	74,2	76,3	76,2(9)
17/8	Высотно-поперечный	93,5	96,4	97,1	92,0	100,7	90,4	94,1(9)
9/8	Лобно-поперечный	68,1	70,3	71,5	65,7	72,4	67,8	68,4(11)
45/8	Поп. фацио-церебральный	85,5	90,6	90,5	89,0	95,5	95,2	89,5(11)
48/17	Верг. фацио-церебральный	48,8	59,2	50,3	50,8	-	53,8	51,9(8)
9/45	Лобно-скуловой	79,7	77,6	79,0	73,8	75,8	71,2	76,2(12)
47/45	Лицевой	-	-	-	-	-	-	-
48/45	Верхнелицевой	53,4	59,2	54,0	52,4	48,4	51,8	54,6(12)
54/55	Носовой	58,7	46,3	53,3	57,1	57,4	47,2	49,3(12)
52/51	Орбитный	81,6	83,3	75,6	79,5	82,5	79,1	79,6(12)
DS DS	Дакриальный	43,5	50,0	57,1	41,7	54,5	45,4	52,5(12)
SS SC	Симотический	33,3	27,3	44,4	0,1	44,4	38,9	39,7(12)

нительного материала привлечены синхронные и более ранние (позднеантичные) краниологические серии из Средней Азии (табл. 3), относящиеся к городскому и сельскому населению

(Фергана - 3 серии, Уструшана - 3, Согд - 8, Тохаристан - 10, Чач-Илак - 2, Маргиана - 1). Изучение краниологических серий с использованием метода главных компонентов по небольшому

Таблица 3. Мужские черепа из Мунчактепа и сравнительные данные

Серии Признаки	Мунчактепа	Калкансай	Обишир	Исфара	Кувасай	Ширинсай	Каратепа
1	171,4	176,1	176,9	181,5	176,0	186,3	175,1
8	144,3	138,8	139,9	140,7	140,0	144,7	140,5
8/1	84,9	80,2	79,3	78,4	79,8	77,6	80,0
17	139,3		141,6	135,1	137,0	137,0	144,7
9	97,1	95,4	94,2	95,1	96,5	96,0	94,8
48	70,5	73,2	71,6	70,8	68,5	71,3	73,7
45	133,4	131,5	132,3	133,4	133,2	135,3	130,0
77	140,7	139,6	138,3	136,9	140,4		130,5
Zm	129,0	124,5	125,5	126,3	132,2		122,5
52	33,0	34,0	35,8	33,5	32,6	34,0	
54	24,4	24,8	25,2	24,8	24,0	23,3	
DS DC	56,9	40,0	55,7	57,6	57,3		59,0
SS SC	48,2	43,6	50,2	47,1	48,6		49,6
75(1)	30,7	30,2	30,4	32,7	25,2		27,0

Таблица 3 (продолжение)

Серии Признаки	Чингизтепа	Дунетепе	Шуроб- курган	Ялантуш- тепа	Старый Термез	Дальвер- зинтепа недеформ.	Дальвер- зинтепа, деформ.
1	170,5	178,7	186,2	182,8	175,5	184,0	172,8
8	144,5	140,4	137,2	145,2	140,8	145,2	143,5
8/1	85,7	78,7	74,6	77,0	78,8	74,7	82,8
17	135,5	139,7	143,0	137,5	139,6	135,4	139,3
9	100,0	94,7	96,5	101,3	97,0	98,4	98,2
48	75,0	71,9	66,8	74,0	71,2	71,6	71,0
45	125,5	129,2	133,3	136,0	132,6	133,6	132,0
77	132,0	137,4	136,0	139,0	138,6	136,5	138,2
Zm	135,0	125,4	128,5	122,0	129,4	123,8	123,0
52				34,2	34,1	34,6	34,0
54				25,5	25,9	25,9	25,5
DS DC	57,4	71,1	51,6	63,6	50,6	58,2	53,1
SS SC	60,3	54,7	40,7	54,5	45,2	55,8	57,3
75(1)	30,0	31,7	33,0		28,3	30,3	34,7

Таблица 3 (продолжение)

Серии Признаки	Тупхона	Древний Мерв	Пенджикент	Окрестности Пенджикента	Шахрис- тан II	Дашти Урдакон	Алын-асар 4, 2-4 вв. недеформ.
1	177,3	182,9	177,6	184,5	179,1	188,4	183,1
8	144,4	141,2	142,5	142,2	143,8	140,2	139,2
8/1	81,6	77,3	80,7	77,2	80,5	77,5	76,0
17	128,0	139,7	137,0	136,0	138,9	138,0	140,0
9	99,3	96,4	96,5	96,5	97,4	99,7	96,9
48	71,0	69,9	72,3	70,8	70,4	76,5	75,5
45	134,5	131,3	133,9	128,5	133,7	132,4	135,4
77	137,5	139,1	137,0	139,0	140,0	134,7	139,1
Zm	125,9	125,4	133,0	133,0	127,0	127,0	127,7
52	33,4	33,0	33,9	34,3	34,3	34,5	33,6
54	25,1	25,1	25,5	25,2	25,1	24,7	25,7
DS Dc	52,3	55,5	62,3	58,2	55,7	60,9	58,0
SS SC	38,1	47,9	54,1	59,8	45,0	54,2	50,7
75(1)	33,0	22,9	22,0	30,3	28,0	29,3	28,3

Таблица 3 (продолжение)

Серии	Алтын-асар 4, 2-4 вв. деформ.	Алтын-асар 4, 4-7 вв. недеформ.	Алтын-асар 4, 4-7 вв. деформ.	Ангрен	Иштыхан	Кафыркала	Биттепа
Признаки							
1	170,9	176,1	173,3	174,7	183,3	183,4	189,5
8	138,5	143,5	137,1	134,7	143,1	145,6	142,0
8/1	81,5	82,0	79,0	77,1	77,4	79,6	75,5
17	143,2	137,7	143,9	142,7	136,5	139,8	139,5
9	95,1	96,9	96,1	96,5	97,0	96,7	96,2
48	75,9	75,8	76,4	72,5	70,0	70,5	74,5
45	134,4	136,4	133,7	136,2	133,2	132,0	132,5
77	139,0	138,2	134,9	137,7	138,7	139,0	137,2
Zm	130,2	128,3	123,8	119,0	132,7		124,5
52	35,6	34,4	35,6	34,2	34,4	31,9	32,5
54	25,5	25,3	25,9	24,5	24,7	26,0	26,0
DS DC	57,1	53,4	54,8	56,5	54,2	56,9	64,5
SS SC	50,1	46,2	47,3	51,4	48,1	60,0	69,3
75(1)	24,6	26,5	29,3	25,5	30,5	-	39,5

Таблица 3 (продолжение)

Признаки	Серии	Карши	Кульата
1		178,8	176,8
8		134,2	141,0
8/1		75,1	79,4
17		127,7	133,8
9		92,5	96,8
48		68,7	71,5
45		125,5	132,6
77		136,6	143,2
Zm		126,9	131,5
52		32,7	34,9
54		24,9	25,8
DS DC		55,7	47,3
SS SC		54,9	40,0
75(1)		-	25,0

числу признаков - наименьший лобный диаметр, скуловой диаметр, верхняя высота лица, назомальный угол, зигомаксиллярный угол, угол выступления носа - показало, что наибольшие нагрузки в первом каноническом векторе падают на скуловую ширину (отрицательная корреляция) и зигомаксиллярный угол (положительная корреляция) (табл. 4, рис. 1). Для анализа по расширенной программе, кроме вышеперечисленных признаков, добавлены высота носа, ширина носа, высота орбиты, ширина орбиты от максиллофронтале, дакриальная высота и ширина, симотическая высота и ширина). Наибольшие нагрузки в первом каноническом векторе падают на ширину орбиты от максиллофронтале (положительная), дакриальную и симотическую высоты (отрицательные). Во втором векторе наиболее значимы также ширина орбиты от максиллофронтале, дакриальная высота (положительные) и

симотическая ширина (отрицательная) (табл. 5, рис. 2). В целом, большинство серий достаточно однородно, поэтому и доли первых векторов в дисперсии относительно небольшие. Таким образом, компонентный анализ дифференцирует в выбранных для сравнения сериях европеоидно-монголоидный градиент изменчивости.

Расположение групп в пространстве КВ I и КВ II показывает, что серия из Мунчактепа находится практически в центре «морфологического поля», то есть по отношению к выбранным группам, Пап обладает «нейтральным» комплексом, что может быть связано либо с местным происхождением, либо неоднородностью серии.

В заключении отметим, что в эпоху раннего средневековья почти во всех историко-культурных областях Средней Азии население становится более европеоидным, чем в эпоху античности (Ходжайов, 1980; Ходжайов, Ходжайова,

Таблица 4. Элементы первых трех канонических векторов (КВ) для средневековых серий из Средней Азии (по 6 признакам лицевого скелета)

№ по Мартину	Признак	КВ I	КВ II	КВ III
9	Наименьшая ширина лба	0.023	0.071	0.000
45	Скуловая ширина	-0.130	-0.050	0.034
48	Верхняя высота лица	0.084	-0.074	-0.137
77	Назомаллярный угол	-0.068	0.040	0.118
Ўзм'	Зигомаксиллярный угол	0.173	-0.009	0.068
75(1)	Угол выступания носа	0.032	0.173	-0.024
	Собственные числа	68.053	47.890	43.277
	Доля в общей дисперсии (%)	32.700	23.012	20.795

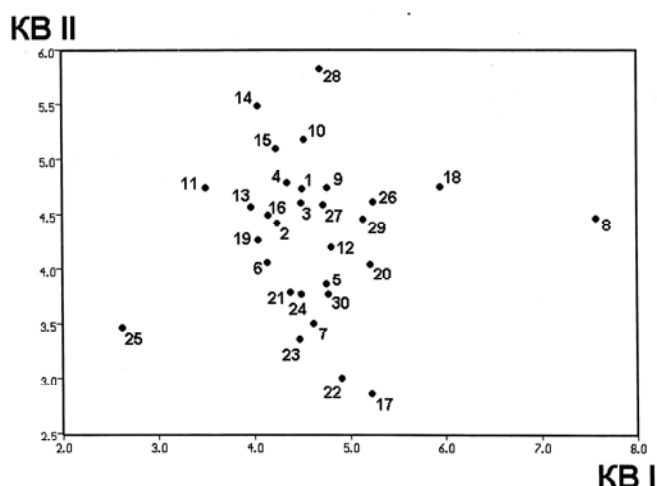
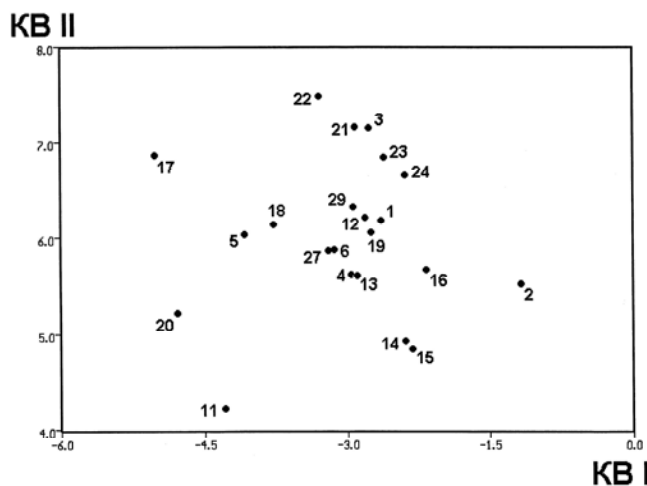

Рис. 1. Расположение средневековых серий в пространстве первого и второго канонических векторов (КВ). Анализ по 6 признакам лицевого скелета

Рис. 2. Расположение средневековых серий в пространстве первого и второго канонических векторов (КВ). Анализ по 14 признакам лицевого скелета

Таблица 5. Элементы первых трех канонических векторов (КВ) для средневековых серий из Средней Азии (по 14 признакам лицевого скелета)

№ по Мартину	Признак	КВ I	КВ II	КВ III
9	Наименьшая ширина лба	-0.044	-0.114	-0.008
45	Скуловая ширина	-0.047	-0.035	0.099
48	Верхняя высота лица	-0.041	0.078	0.070
55	Высота носа	0.062	-0.036	0.030
54	Ширина носа	0.046	0.097	-0.230
51	Ширина орбиты от mf	0.295	0.306	0.074
52	Высота орбиты	-0.074	-0.058	0.070
77	Назомаллярный угол	0.026	-0.020	0.025
Ўзм'	Зигомаксиллярный угол	-0.062	0.074	-0.069
DC	Дакриальная ширина	0.137	0.013	-0.029
DS	Дакриальная высота	-0.423	0.187	0.202
SC	Симотическая ширина	0.078	-0.182	0.247
SS	Симотическая высота	-0.291	-0.123	-0.529
75(1)	Угол выступания носа	0.110	-0.075	-0.041
	Собственные числа	78.958	66.858	49.693
	Доля в общей дисперсии (%)	21.999	18.628	13.845

2001; Ходжайов, 2000). Лишь в Уструшане в эпоху раннего средневековья, в отличие от других историко-культурных областей, по-прежнему растет удельный вес монголоидности. Городище и некрополь Пап территориально близко расположены к Уструшане, поэтому этнические про-

цессы, происходившие в Уструшане, несомненно затронули и Северо-Западную Фергану. Видимо, этим можно объяснить смешанный европеоидно-монголоидный характер населения Папа. Эти материалы ещё раз подтверждают мнение, неоднократно отмеченные исследователями, о сме-

шанном расовом составе населения Ферганы эпохи раннего средневековья (Литвинский, 1976, с. 49-65). До появления краниологических материалов из Папа, Ферганская долина не была представлена материалами эпохи раннего средневековья, что не позволяло рассмотреть динамику монголоидной примеси на этой территории. Однако известно, что с эпохи античности население Ферганской долины не было однородным. Население северной ее части отличалось от населения юго-западной, восточной, центральной и южной частей значительно выраженными монголоидными чертами (Ходжайов, 1980). Видимо приток монголоидного по типу населения в Северную Фергану, как и в Уструшану, не прекращался и в эпоху раннего средневековья. Следует добавить, что в изученный период усиливается роль тюркского этноса. Вопрос о наличии тюркских элементов в северной и южной частях Ферганской долины поставлен еще А.Н. Бернштамом (1952, с. 230-232), а позже Ю.А. Заднепровским (1960, с. 62-68). Это отчасти подтверждается антропологическими данными, которые отражают процесс продвижения тюркоязычных племен, проходивших через Северную Фергану и Восточную Уструшану в Самарканд (Ходжайов, Ходжаева, 1992; Ходжайов 1991). Наличие тюркских элементов подтверждается также обнаружением образов древнетюркской письменности на этой территории (Заднепровский, 1967; Кызласов, 1994, с. 62-65, 284-288). Видимо, здесь проживали отдельные группы древних тюрков, осевших раньше, чем основной тюркский этнический мас-

сив (Ашена Шуни), который упоминается в письменных источниках (Аскаров, Ахмедов, 1994). Видимо, в Северной Фергане преобладало тюркоязычное население, поэтому не зря те же китайские источники сообщают, что только на севере долины установилось правление западных тюрков (Бичурин, 1950, с. 319). Все приведенные факты (археологические, антропологические, палеографические) показывают важную роль тюрков в истории Ферганской долины. Тем более, если в середине VII в. тюрки управляли частью ее, то в 739 г. и в последующие годы Ферганской долиной управлял тюрк Арслан Эль Тиргюг Али Бургчан Алп Тархан (в китайских источниках Асилань Дагань чжу). Мы полагаем, что городское население Папа наиболее близко к синхронному и более раннему городскому и сельскому населению юга Ферганской долины (Исфара, Обишир, Кува), Согда (Пенджикент и его окрестности, Иштыхан, Карши, Кафыркала и др.), Уструшаны (Ширинсай и др.) и Тохаристана (некрополи Старого Термеза) и Мервского оазиса (Древний Мерв). С одной стороны, наблюдается антропологическая близость населения Папа к синхронному и более древнему населению Тохаристана и Мервского оазиса, которое характеризуется преимущественно восточносредиземноморским комплексом, а с другой - населению Согда, Уструшаны и Ферганы с чертами расы Среднеазиатского Междуречья в Папе представлены как носители восточносредиземноморской расы, так и расы Среднеазиатского Междуречья.

Использованная литература

- Anarbaev A., Matbabaev B. An Early Medieval Urban Necropolis in Fergana. Silk Road Art and archaeology. №3. Kamakura, 1993, 1994.
- Абилов Ш. Антропологический состав раннесредневекового городского населения (Пап, Наманганская обл.). Отчет за 1988. Ф.8. 01. Д.151. Архив ИА АН РУз.
- Абилов Ш., Мустафокулов С.И. К изучению этнической истории раннесредневековой Ферганы (по материалам могильника Мунчактепа). Ош, 2000.
- Аскаров А., Ахмедов Б. Ўзбек ҳалқининг келиб чиқиши (дастлабки мулоҳазалар) // Ўзбекистон овози. 1994. 20 январ
- Бернштам А.Н. Историко-археологический очерк Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. №26. М., 1952.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М-Л, 1950.
- Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тыс. до н.э. - середина I тыс. н.э.). Фрунзе, 1960.
- Заднепровский Ю.А. Тюркские памятники в Фергане // СА, № 1. М., 1967.
- Кызласов И.А. Рунические письменности Евразийской степей. Москва, 1994.
- Литвинский Б.А. Проблема этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы и культура народов Средней Азии. (Древность и средние века). Москва, 1976.
- Матбабаев Б. Подземные склепы могильника Мунчактепа (К вопросу о погребальном обряде) // Фергана в древности и средневековье. Самарканд, 1994.
- Матбабаев Б.Х. Одиночные погребения могильника Мунчактепа. (К вопросу изучения погребальных сооружений Северной Ферганы первой половины - середины I тысячелетия н.э.). История материальной культуры Узбекистана. Вып. 27. Самарканд, 1996.
13. Матбабаев Б.Х. К вопросу изучения подземных склепов и погребений в камышовых гробах Ферганы // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 29. Самарканд, 1998.

- Матбабаев Б.Х. Могильник Мунчактепа в Северной Фергане // Российская археология. №3, 1999.
- Matbabaev B.Ch. Fauhmittelalterliche Grabstätten im nördlichen Fergana-Tal (Uzbekistan) // Archaische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 30. Berlin. 1998.
- Ходжайов Т.К. Ўрта Осиёда мўғилий ирк // Фан ва турмуш. Тошкент, 1991 № 6.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Динамика монголоидных элементов как показатель этногенитических взаимоотношений историко-культурных областей Средней Азии. ТДК Средняя Азия и мировая цивилизация. Ташкент, 1992.
- Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Монголоидность у населения Средней Азии и ее эпохальные изменения. Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. V. М., 2001
- Ходжайов Т.К. Краткие итоги антропологического изучения Средней Азии. Этнографическое обозрение, № 2. М., 2000.
- Рахманов Н., Матбабаев Б.Х. Древнетюркская письменность Узбекистана (в печати).

УРОВЕНЬ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ VIII-X ВВ. В СФЕРЕ МЕДИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Одним из вопросов, возникающих при изучении денежного обращения, является вопрос о том, насколько данные об эмиссиях монетных дворов могут служить источником сведений для сравнительной оценки экономического положения различных областей. Одним из первых опытов анализа подобных сведений является работа Е.А. Давидович, которая на примере Ферганы и частично Северного Тохаристана продемонстрировала, что такие данные могут с успехом применяться для характеристики сравнительного значения городов и областей (Давидович, 1979, с. 137-138). Б.Д. Кочнев на материалах Шаша, Ферганы и Сев. Тохаристана показал недостатки механического подхода в решении такого важного вопроса и отмечал, что потенциальная опасность сделать неверные выводы таится в ограничении диапазона, особенно хронологического (Кочнев, 1989, с. 53-55; 1995, с. 61-63). Накопленные на сегодняшний день данные о среднеазиатском медном чекане VIII-X вв. предоставляют возможность проверить, способны ли данные о монетных дворах и их продукции характеризовать уровень их экономического развития в период со 2-ой половины VIII в. и по конец X вв. С этой целью составлена прилагаемая сводка монетных дворов и их годовые эмиссии фельсов:

Ахсикет. Главный город Ферганы. 'Аббасиды: 144/761-762 г. Саманиды: 250/864-865, 267-270/880-884, 277-278/890-892, 280-281/893-895, 284/897, 286-287/899-900, 290/902-903, 294/906-907, 301/913-914, 303-305/915-918, 310/922-923, 320/931-932, 340/951-952, 350/961-962, 355-8/965-969 гг.

Бинкет. Центр области Шаш. 'Аббасиды: 205/820-821 г. Тахириды и Саманиды: 211/826-827, 214-217/829-832, (211-224/826-839 гг.). Саманиды: 305-307/917-920 гг.

Бухара. К этим же фельсам теперь можно отнести и фельсы Абу Муслима- 131/748-749, 133-136/750-754, 138/755-756 гг. 'Аббасиды: 138/755-756, 143-144/750-754, 148/765-766, 151/768, 160/776-777, 173/789-790, 185/801, 190/805-806, 194/809-810, 197/812-813, 200/815-816 г.г. Тахириды: 209/824-825, 211/826-827, 253/867 гг. Саманиды: 300/912-913, 302-308/914-921, 310/922-923, 315-316/927-929, 318-319/930-931, 322/933-934, 327/938-939, 328/939-940, 333-340/943-952 344-

358/955-969, 360-367/970-978, 369-383/979-994, 385-390/995-1000 гг. Караханиды: 390/999-1000 г., Мамуниды: 390/999-1000 г.

Герат. Один из главных городов Хорасана, расположенный в бассейне р. Герируд. Саманиды: 377-78/987-89 гг.

Джурджания. В X в. столица северного Хорезма, затем всего Хорезма в целом (Гурандж, Ургенч), Мамуниды: 356/966-967 г.

Испиджаб (Сапиджаб). Владения и область по среднему течению Сырдарьи. Саманиды: 307/919-920, 356/966-67, 385-386/995-996 г.

Кеш. Город в верхнем течении р. Кашкадарьи. Дихкан Ихрид - не позднее 134/751-52 г.

Куба. Город в Фергане, в X в. центр удельного владения. Саманиды: 336/947-48, 341/952-53, 349/960-61, 353/964, 356/966-67 гг.

Мерв – значительнейший из городов Хорасана, расположенный в восточной части бассейна реки Мургаб. Саманиды: 303/915-16 г.

Насрабад. Город в Фергане, в X в. центр удела. Саманиды: 335-337/946-49, 339-344/950-56 гг.

Наукат-Илак. Один из самых крупных городов Илака, области в долине р. Ангрен. Саманиды: 301-302/913-15, 304-305/916-18, 312/924-25, 335/946-47 гг.

Несеф. Город по нижнему течению р. Кашкадарьи. Аббасиды: 157/773-74 г.

Нисабур (Нишапур). Город на севере Хорасана, в IX-X в. центр хорасанского наместничества. Саманиды: 304/916-17, 386/996 г.

Ош, третий по величине город Ферганы-284/897 г.

Параб, главный город одноименного (или же Бараб, Фараб) округа по среднему течению р. Сырдарьи, северо-западнее Испиджаба. Саманиды: 308/920-21, 310/922-23 гг.

Саганиан - историко-географическая область в бассейне р. Сурхандарьи. Одноименный столичный город на месте городища Будрач при впадении р. Кызылсу в р.Сурхандарью. Аббасиды: 142(?) /759-60 г., 146/763-64, 148/765-66. Саманиды: 35*, 355/965-66, 357/967-68, 359/969-70, 362/972-73, 365/975-76, 367/977-78, 369/979-80, 377/987-88 гг.

Самарканд. Аббасиды: 143-144/760-62, 153-154/770-71, 172/788-89, 192/807-08, 205/820-21 г.г. Саманиды: 205/820-21, 210/825-26, 214/829-30,

217/832, 243-245/857-60, 253/867, 255-256/868-70, 261-262/874-76, 266/879-80, 270-272/883-86, 274/887-88, 280-282/893-96, 284/897, 286-289/899-902, 291/903-04, 300/912-913, 302-305/914-18, 307/919-20, 315/927-28, 324/935-36, 329/940-41, 350/961-62, 352/963, 359/969-70, 364/974-75, 380/990-91, 382/992-93, 383/993-94 гг.

Термез. Аббасиды: 142/759-60 г. Саманиды: 303/915-16, 345-346/956-58 гг.

Тункет. Главный город области Илак. Аббасиды: 205/820-21 г.

Узгенд - один из главных городов Ферганы. Саманиды: 312/924-25, 372/982-83, 375-378/985-89, 380/990-91 гг.

Усрушана - историко-географическая область, лежащая между Согдом, Ферганой и Шашем. Афшины: 279/892-93 г. Саманиды: 279-280/892-94 гг.

Фарах – арабские географы X в. относили его к Седжистану (Систану), области в бассейне р. Фарахруд, несмотря на его близость к области Герата. Саманиды: 315 /927-28, 349/ 960-61 г.

Фарван (или же **Парван**) – город в долине Панджшира, расположенный на пути в Кабульскую долину. Саманиды: 365/975-76, 374/984-85 г.

Фергана. Этот монетный двор располагался, видимо в Ахсикете, столичном городе области. Аббасиды: 204/819-20 г., Саманиды: 304-05/916-18, 314-15/926-28, 325-326/936-38, 328/939-40, 329/940-41, 330-337/941-49, 339-342/950-954, 344/955-56, 354-55/965-66, 358-360/968-71, 362/972-73, 364/974-75, 366-367/976-78, 372-73/982-84, 380/990-91 гг.

Ходженд. Аббасиды: 194/809-10 г., Саманиды: 260/873-74, 279/892, 305/917-18, 383-384/993-95 гг.

Хорезм (Мадина Хорезм). Монетный двор располагался, видимо, в г. Кят, бывшем столичным городом правителей южного (правобережного) Хорезма из династии Афрагидов. Аббасиды: 154/770-71, 203/818-19 гг., Афрагиды, вассалы Тахиридов: 224-226/838-41, 228/842-43, 231/845-46 гг. Иракиды (ветвь Афригидов), вассальные Саманидам: 280/893-94, 285/898, 356/966-67, 363/973-74, 370 (?)/980-81 гг.

Хутгаль. Область между Вахшем и Пянджем со столицей в Хульбуке, находившемся на месте городища Хишт-тепа у слияния рек Яху и Кызылсу. Саманиды: 366/976-77, 368/978-79 г.

Шаш (Мадина аш-Шаш). Монетный двор с таким названием располагался, вероятно, в столичном городе Бинкете. Аббасиды: 149/766-767, 204-205/819-21 г., Тахириды: 230-241/844-56/, 233/847-48, 241-242/855-57, 250-251/864-66 г., Саманиды: 253-255/867-69, 265/878-79, 280-281/

893-95, 286/899, 290-292/902-05, 305-306/917-196, 386/996 гг.

Учет приведенных данных для сравнительной характеристики экономического развития городов исключает механический подход. По количеству эмиссий меди абсолютное лидерство в Мавераннахре принадлежит, конечно же, Бухаре и Самарканду, но и между ними заметна существенная разница - в X в. самаркандские эмиссии носят эпизодический характер. Делать из этого автоматически вывод о снижении уровня развития экономической жизни этого города, не учитывая определенные особенности его политического положения, не стоит. Бухара, став политическим и экономическим центром Мавераннахра в X в., так активно чеканили фельсы, что они фактически удовлетворяли потребности розничной торговли во всем центральном Мавераннахре. Другой пример: при Саманидах в X в. Шаш осуществил всего 8 эмиссий фельсов, в то время как небольшой ферганский монетный двор в Насрабаде осуществил 9 эмиссий. Сравнить крупный развитый регион со значительным количеством городов и селений, лежащий на пересечении важных торговых путей с небольшим городом только лишь на основании данных о продукции их монетных дворов вряд ли целесообразно.

Относительно уровня экономического развития в Мавераннахре во 2-ой половине VIII в. данные фактически отсутствуют. Отчасти на помощь тут опять приходят нумизматические данные. Наиболее продуктивными были монетные дворы в Бухаре и Самарканде - среди находок халифатских монет VIII в. особенно выделяются своей массовостью фельсы Бухары 151 г.х. и Самарканда 144 г.х. (Смирнова, 1963, с. 141-183; Ерназарова, 1974, с. 220-222). Об интенсивной деятельности самаркандского монетного двора дают представление материалы клада, обнаруженного при археологических работах на городище Афрасиаб в 1983 г. Он целиком состоит из 66 самаркандских фельсов 144 г.х., что позволило произвести подсчет аверсных и реверсных штемпелей, употребленных для их чеканки. Выяснилось, что был использован 51 аверсный штемпель и 48 реверсных штемпеля. Цифры показательны - наличие в небольшом, по сути, кладе значительного количества штемпелей свидетельствует о высокой интенсивности производства фельсов в 144 г.х. в Самарканде. При Саманидах в Мавераннахре действовало 19 монетных дворов, занятых чеканкой медной монеты. Наибольшее количество эмиссий приходится на Бухару - свыше 28% от общего количества выпусков, Самарканд (свыше 16%) и Фергану (свыше 20%), а также Шаш (в совокупности с Илаком - около 12%). В Согде

действовали Бухара и Самарканд, но не синхронно. До начала X в. саманидские фельсы вообще не чеканились в Бухаре, даже когда она стала столицей при Исмаиле б.Ахмаде, медь чеканилась в Самарканде. Только с начала X в. при Насре II б.Ахмаде, начинается чеканка фельсов в Бухаре, при чем их выпуск в Самарканде приобретает эпизодический характер. Насколько интенсивно работал самаркандский монетный двор, наглядное представление дает поштемпельный анализ фельсов клада, обнаруженного в 1981 г. в Самаркандской области близ г. Каттакурбан (Кочнев, 2004, с. 216-246). Он показал, что при чеканке 31 экз. 271-272 гг.х. было использовано 27 аверсных и 26 реверсных штемпелей. Еще большее количество штемпелей было использовано при изготовлении монет 280-289 гг.х. Для чеканки 38 экз. 280 г.х. было взято 19 аверсных и 20 реверсных, для 51 экз. 281 г.х.- 22 и 19, для 3 экз. 282 г.х.- 2 и 1, для 12 экз. 286 г.х.- 6 и 7, для 29 экз. 287 г.х.- 9 и 11, для 69 экз. 288 г.х.- 23 и 29, для 8 экз. 289 г.х.- 8 и 7. В целом, для чеканки 210 фельсов было использовано 87 и 90 штемпелей. При этом отмечено, что 4 реверсных штемпеля использовались не один год- 1 штемпель 280 г.х. был переиспользован в 281 г.х., штемпель 287 г.х.- в 288 г.х., 2 штемпеля 288 г.х.- в 289 г.х. Вторичное переиспользование стало возможным по той причине, что реверсные штемпели самаркандских фельсов 280-289 гг.х. совершенно однотипны. Но это вторичное использование не было нормой, т.к. материалы клада показывают, что на самаркандском монетном дворе в тот период производилась ежегодно почти полная смена штемпелей, применявшихся для чеканки медных монет. Учёт показателей количества монетных штемпелей, использованных для изготовления 210 фельсов позволяет сделать вывод, что частая техническая замена штемпелей обуславливалась высокой интенсивностью их применения, т.е. интенсивной чеканкой. Во 2-й половине X в. Бухарский монетный двор становится фактически единственным и регулярно действующим в Мавераннахре. Это подтверждают результаты поштемпельного анализа фельсов из клада, обнаруженного в 1989 г. в Самаркандской области. Из 447 саманидских медных монет клада, 338 экз. являются бухарскими, причем 290 экз. (свыше 65%) выпущены во 2-й половине X в. Их приличная сохранность сделала возможным провести поштемпельный анализ. Так, в 358 г.х. для 15 экз. было использовано 14 аверсных и 14 реверсных штемпелей. В 363 г.х. для 25 экз.- 23 и 16, в 364 для 12 экз. - 11 и 10, в 374 г.х. для 47- 31 и 38, в 375, для 52- 29 и 26, в 376, для 58- 30 и 24, в 377, для 57- 24 и 35, в 378, для 17- 10 и 14, в

379, для 16- 16 и 16, в 380, для 4- 3 и 4, в 386, для 8- 5 и 4, для 6- 1 и 1. Почти постоянным становится переиспользование старых штемпелей о.с. Так, для 25 экз.- 363 г.х. было использовано 7 реверсных штемпеля 360 г.х., 2 штемпеля 362 г.х., в 374 (47 экземпляров)- 1 штемпель 372 г.х., 375 (52)- 7 штемпелей 374 г.х., 376 (58)- 2 штемпеля 373 г.х. и 2 штемпеля 374 г.х. и 2 штемпеля 375 г.х., 377 (57)- 1 штемпель 373 г.х., 2 штемпеля 375 г.х., и 12 штемпелей 376 г.х., 378 (17)- 3 штемпеля 375 г.х., 1 штемпель 377 г.х. и 2 штемпеля 376 г.х. (Атаходжаев, 1993, с. 40-41).

Характеризуя денежное хозяйство Центральной Азии при Саманидах, Е.А. Давидович отметила, что в этот период Центральная Азия не представляла пространства с единым денежным хозяйством - выделяются, по монетным данным, областные рынки Бухары, Самарканда и Шаша, где обращались разные монеты, в том числе и медные. Попытаемся проверить это предположение на имеющемся в распоряжении материале. Анализ монетных находок из Бухарского оазиса убедительно демонстрирует численное превосходство фельсов бухарского монетного двора. Среди них (538 экз.) надежно определяются 191 экз. как халифатские, причем 187 безусловно бухарские, т.е. 97%. Среди тахиридских фельсов доля монет Бухары значительно меньше- 53 из 56, т.е. 94,6%. К числу собственно саманидских фельсов прибавлено 7 экз. хорезмского производства, битых вассальными Саманидами Афригидами Кята. В результате доля бухарских фельсов составляла 80 экз. от 130 всех саманидских медных монет. Примечательно, что в процентном соотношении иногородние фельсы составляют ничтожную долю от общего числа всех монет (см. табл. 1). Наименьшую закрытость демонстрирует соседний, Самаркандский Согд: из найденных в Пенджикенте 165 халифатских фельсов 5 биты в Балхе, 21- в Бухаре, 139 - в Самарканде. Это составляет приблизительно 83% (Смирнова, 1963, с. 139-153). Иная ситуация складывалась в восточных областях Мавераннахра. Благодаря нумизматическим материалам с городища Канка (средневековый Харашкет), удастся составить хотя бы относительное представление о составе монетной массы в Шаше. Так, среди 153 изученных фельсов 14 надежно определяются как халифатские (только 1 экз. местного, шашского производства). Тахиридских фельсов намного больше- 43, из них шашских (в расширенном понимании этого термина) - 41, т.е. 95%. Саманидские фельсы представлены 93 экз., из которых местных 22-23%. Более значительна и доля иногородней монеты, которая более активно проникала на

Таблица 1. Сводка находок центральноазиатских ф. VIII-X вв. из Бухарского оазиса

№№	Наименование монетного двора	Кол-во	%	№№	Наименование монетного двора	Кол-во	%
1	Ахсикет	5	0,9	8	Мерв	1	0,2
2	Балх	4	0,7	9	Параб	1	0,2
3	Бинкет	12	2,2	10	Саганиан	1	0,2
4	Бухара	469	87	11	Самарканд	20	3,7
5	Герат	7	1,3	12	Термез	1	0,2
6	Испиджаб	1	0,2	13	Фергана	6	1,1
7	Куба	3	0,6	14	Ф.Афригидов Кята	7	1,3

Таблица 2. Сводка находок центральноазиатских фельсов VIII-X вв. с гор.Канка

№№	Наименование монетного двора	Кол-во	%	№№	Наименование монетного двора	Кол-во	%
1	Ахсикет	12	7,8	6	Самарканд	30	20
2	Балх	2	1,3	7	Усрушана	2	1,3
3	Бинкет	3	2	8	Фергана	8	5,2
4	Бухара	29	19	9	Хорезм	1	0,7
5	Наукат-Илак	1	0,7	10	Шаш	65	42,5

шашский рынок (см. табл. 2). Подобная открытость местного рынка вполне понятна - в VIII в. фельсы здесь не чеканятся, первый эпизодический выпуск относится лишь к концу IX в. Также не особенно эффективно работают здесь монетные дворы и в X в., лишь при Тахиридах и первых Саманидах (вторая половина IX в.) несколько оживляется здесь монетное производство. Потребность местного рынка в разменной монете удовлетворяется за счет обильных общегосударственных эмиссий и отчасти ферганского производства. В самой же Фергане картина такова - среди 75 фельсов VIII-X вв., обнаруженных в ходе раскопок средневекового Ахсикета, халифатских фельсов всего 7, (только бухарские и самаркандские). Тахиридских фельсов также мало - всего 2, но это понятно, т.к. в Фергане они не чеканились. Из 68 саманидских фельсов 50 экз. являются результатом местного производства, т.е. 73,5%. На Ферганских рынках обращались фельсы следующих городов - Бухары, Балха, Ахсикета, Самарканда, Кубы и Шаша. Доля меди ферганских монетных дворов - 42,6% от общей мас-

сы. При этом значительна доля бухарских фельсов - 20% и самаркандских - 10,6%. Последние чеканены в подавляющем большинстве в правление Насра I б. Ахмада и Исма'ила б. Ахмада, т.е. относятся к наиболее массовым выпускам меди в I-й пол. X в. Бухарские же медные монеты наоборот, представлены эмиссиями третьей и четвертой четверти X в., т.е. продукцией общегосударственного столичного монетного двора.

Таким образом, на основании статистических данных проверено предположение о наличии экономических областей со своими специфическими рынками. В результате стала очевидна его справедливость - действительно, касательно медного денежного обращения при Саманидах территория Средней Азии не представляла экономически единого целого - выделяются отдельные области со специфическими особенностями, с особым составом монетной массы. К этому можно добавить, что границы их были довольно прозрачны, так как из приведенных данных видно, что разногородные монеты свободно циркулировали между областями.

Использованная литература

- Давидович Е.А. Средневековый город Средней Азии // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. - Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. Москва, 1979.
- Кочнев Б.Д. Домонгольский город северо-восточного Мавераннахра в свете нумизматики // Зоны и этапы урбанизации: Тез. докл. научной конференции. Ташкент, 1989.
- Кочнев Б.Д. Мусульманский чекан Северного Тохаристана // Городская культура Бактрии и Тохаристана // Тез. докл. научной конференции. Самарканд, 1995.
- Кочнев Б.Д. Клад саманидских фельсов IX-начала X в. из Самаркандской области // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып.6. Москва, 2004.
- Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949-1956 гг.). Москва, 1963.
- Ерназарова Т.С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.) // Афрасиаб, вып. III. Ташкент, 1974.
- Атаходжаев А.Х. О результатах поштмпельного анализа саманидских фельсов из Койчилитепинского клада // Узбекистан в древности и средневековье.- Тез. докл. конф. молодых историков. Самарканд, 1993

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЖИЛИЩЕ АХСИКЕНТА (XI-XII ВВ.)

Вскрытие больших площадей городской застройки древнего и средневекового периода в руинах городов Средней Азии позволяет археологам всесторонне выявить черты городских домов, принадлежавших различным слоям населения. Тем самым появляется возможность сопоставления городских и сельских жилищ. На городище Эски Ахси, в основном, во втором шахристане (Ахси ІВ) на объекте VII были изучены остатки жилищ XI-XII вв. Здесь оконтурено 5 жилых кварталов¹, некоторые из которых, из-за плохой сохранности, выявляются с трудом. Раскопано 56 помещений, из них 51 разделяется на 14 жилых комплексов (рис. 1), а остальные 5 помещений (10, 24, 28, 29, 37) относятся к последнему периоду обживания города и стратиграфически

они зафиксированы над вышеотмеченными помещениями².

В первом квартале зафиксированы остатки четырех жилых комплексов. Южная часть квартала уничтожена подмывами реки Сырдарьи. Первый жилой комплекс состоит из трех частей: жилой (пом. 30, 30а, 26), кладовой (пом. 27), входной - «дворовой» (пом. 32). Помещения расположены по длине оси в виде анфилады, которая имела три строительных периода. При первом строительном периоде функционировали 4 помещения (32, 30, 26, 27). Следует отметить, что в это время на месте четырех помещений (26, 26а, 30, 30а) находилось два больших помещения (30, 26).

Рис. 1.

Второй строительный период представлен достаточно хорошо. Поэтому мы имеем больше сведений о внутреннем интерьере помещений. В это время происходят ремонтно-строительные работы. Стены помещений облицованы сырцовыми кирпичами (32-37х17-18х6 см). На месте двух помещений (30, 26) появляются четыре: два жилых (30а, 26) и два коридора (30, 26а).

Следует особо отметить жилое помещение 30а с небольшой кухней, где хорошо представлены бытовые сооружения: очаг с сандалным устройством и разрушенные очаги. Во втором жилом помещении (26) зафиксированы только лишь зольные пятна и мелкие фрагменты от стенок очага.

Помещение 32 сохранилось частично, но судя по остаткам, можно предварительно восстановить его в виде полуоткрытого «дворика». Пол его был вымощен жжеными кирпичами (27-28х15-16х3,5-4 см), в центре находилось ташнау. В помещении 27 хранились продукты питания.

Третий период сохранился очень плохо. В это время в планировке жилого комплекса изменений не происходит. Удалось только зафиксировать полы помещений на 50-60 см выше второго периода.

Второй жилой комплекс расположен к западу от вышеописанного и состоит из трех частей: жилой (пом. 31, 25), кладовой (пом. 25б, 25а), при-

хожей (пом. 33). Они расположены по длинной оси в виде анфилады (рис. 1), которая имеет три строительных периода.

В первом строительном периоде комплекс состоит из трех помещений (33, 31, 25).

Помещение 33 служило в качестве прихожей. Из-за плохой сохранности о его внутреннем интерьере сказать что-либо очень трудно. Ясно одно, что пол его был вымощен жжеными кирпичами и в центре его, видимо, находилось ташнау. Об этом свидетельствуют обломки жженных кирпичей и желтовато-коричневый налет, который зафиксирован ниже уровня пола.

Помещение 31 являлось жилым, помещение 25 выполняло функцию кладовой.

Во втором строительном периоде в планировке жилого комплекса происходят некоторые изменения. Теперь, на месте трех помещений функционируют 6 помещений (33, 31, 31а, 25, 25а, 25б) (рис. 1), т.е. на месте двух помещений (31, 25), появляются четыре (пом. 31, 31а, 25, 25б). И сооружается новое помещение - 25а в теле античной крепостной стены.

В это время жилыми были помещения 31 и 25, а помещения 25б и 25а использовались под кладовые. Помещение 33 осталось как прихожая, а помещение 31а было просто коридором.

Третий строительный период представлен очень плохо. Поэтому о внутреннем интерьере

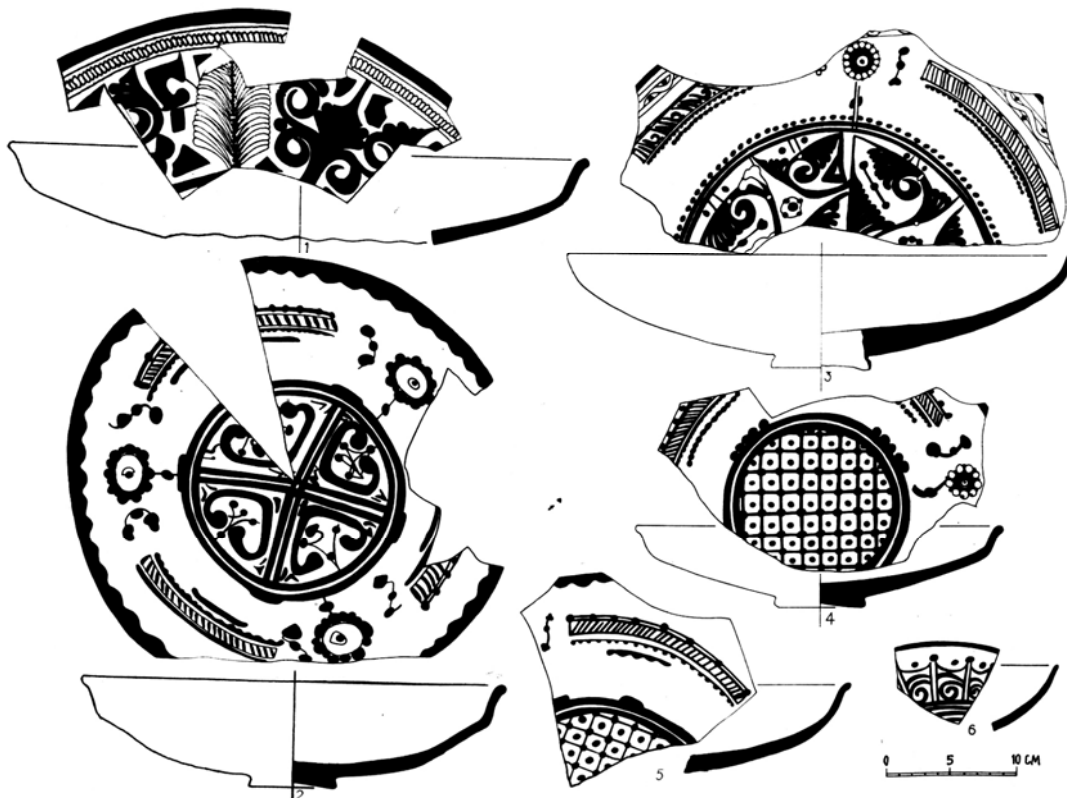

Рис. 2.

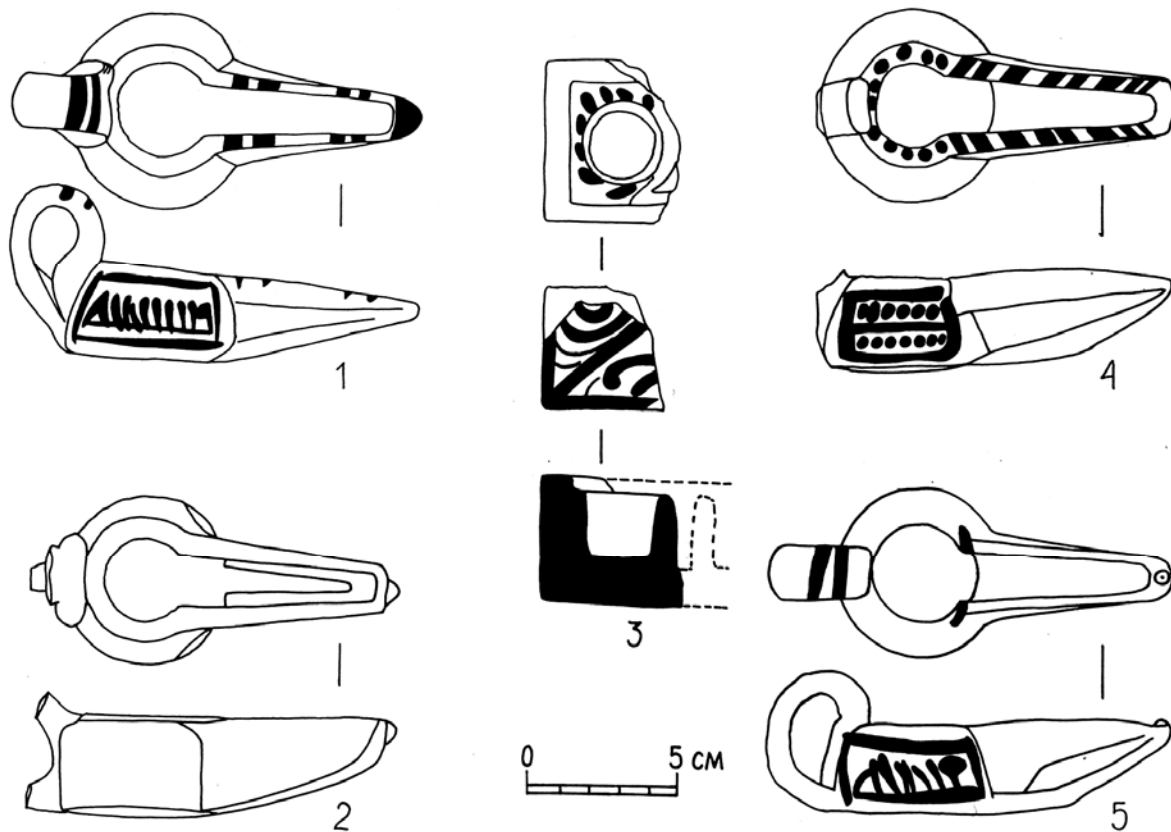

Рис. 3.

помещений что-нибудь сказать трудно. Удалось выяснить, что помещение 25а в это время тоже было кладовой, а в помещении 25б функционировало ташнау. Об этом свидетельствуют остатки сливного колодца и обломки керамической трубы.

При раскопочных работах в пределах этих двух жилых комплексов был собран интересный материал. Большинство находок найдено над полом второго строительного периода. Керамические материалы первых двух периодов практически ничем не отличаются, поэтому они рассматриваются вместе.

Глазурованная керамика разделяется на две группы. Первая группа сосудов представлена в виде белофонных мисок и чаш, украшенных растительными, геометрическими и эпиграфическими мотивами (рис. 2: 1-5). Выделяется миска с орнаментацией в круговой композиции, состоящей из пальмового листа в сочетании с растительными завитками (рис. 2:1).

Другая группа глазурованных сосудов - чираги, которые представлены двумя вариантами: чираги с цилиндрическим корпусом и петлевидной ручкой с росписью (рис. 3: 1,5); чираги с граненым корпусом и сплошным красным ангобом без росписи (рис. 3:2).

Имеется группа неглазурованной керамики в виде кувшинов (рис. 4:1; рис. 5:5; рис. 6:8), горшковидных кувшинов (рис. 3:4) и крышки (рис. 6:10).

Эти керамические материалы на основе стратиграфии и по аналогиям датируются, в основном, XI в.

Керамика третьего периода фрагментарна и единична, поэтому об их классификации и датировке что-нибудь сказать трудно.

Третий жилой комплекс состоит из семи помещений (1, 2, 4, 4а, 11, 11а, 11б) вытянутых с юга на север в виде анфилады (рис. 1) и расположенных к западу от вышеописанных комплексов. Стены помещений сложены из ленточной пахсы и сырцовых кирпичей (35-40x17-17,5-20x6-8 см). Крупные кирпичи применялись только во втором строительном периоде. Помещения по функциональному назначению разделяются на три части: жилые (1, 2) «дворовые-прихожие» (11, 11а, 11б) и «амбарные» - кладовые (4, 4а).

В первом строительном периоде жилой комплекс состоит из трех крупных помещений (11, 1, 4). На месте помещений 11, 11а, 11б было одно помещение 11. Его западная половина была приподнята в виде суфы, а пол восточной половины вымощен жжеными кирпичами. Здесь зафиксирован сливной колодец-ташнау.

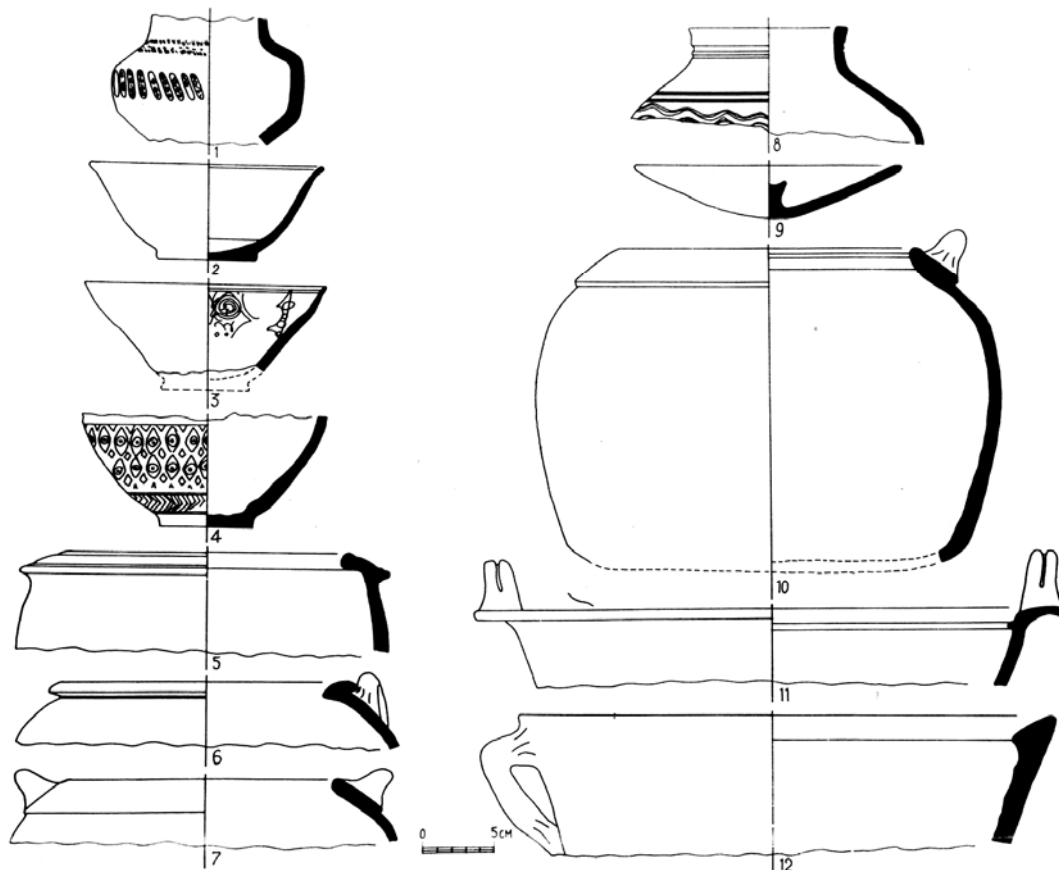

Рис. 4.

Помещение 1 объединяло два помещения (1, 2) и являлось жилым. А на месте помещений 4, 4а находилось тоже одно помещение и служило, видимо, в качестве кладовой.

Во втором строительном периоде функционировали все вышеотмеченные помещения, т.е. на месте трех помещений появляются семь (рис. 1). В это время все стены помещений капитально ремонтируются, возводятся новые стены и бытовые сооружения. Помещение 11 (4,10x4,10-6,60 м) с ташнау служило как прихожая-дворовая. Пол вымощен жжеными кирпичами (27-28x16-17x3,5-4 см).

Помещение 11б (3x0,95 м) служило как холодная баня («русулхона»). Об этом свидетельствуют отпечатки доски на полу и остатки обзак сероватого цвета, видимо, «кыра». Функциональное назначение помещения 11а (4,30x2,90-3,30 м) остается непонятным.

Помещения 1 и 2 были жилыми и они образовались на месте одного помещения. Их внутренний интерьер почти одинаков. Пол земляной, стены обмазаны несколько раз глиной с саманом. Имеются пристенные очаги с сандальными устройствами.

Помещения 4 и 4а кладовые-амбарные, где хранились продукты питания (рис. 1). В помещении 4а продолжает функционировать яма - зернохранилище. Она была облицована жжеными кирпичами (27-28x16-17x3,5-4 см). Помещение 4 не имеет прохода, а в ее северо-западной части имеются остатки «резервуара». Здесь тоже хранилось зерно. Об этом свидетельствуют остатки зерновых корок.

Третий строительный период зафиксирован только в северной части помещений 4-4а в виде уровня пола.

В результате раскопочных работ получена интересная коллекция как глазурованной, так и неглазурованной керамики, относящейся, в основном, к первому и второму периодам. Вся она с обеих сторон покрыта белым ангобом, внутри полихромная роспись, выполненная в различных цветовых сочетаниях: красной, зеленой, оливковой, черной. Керамика поверх росписи изнутри полностью, снаружи по венчику покрыта прозрачной бесцветной глазурью, иногда с желтым и желтовато-лимонным, коричневым оттенками (рис. 7; рис. 8; рис. 9: 1-3), которые относятся XI в. Аналогичные сосуды в Согде и Ташкенте датируются второй половины X и XI вв. (Шишкина,

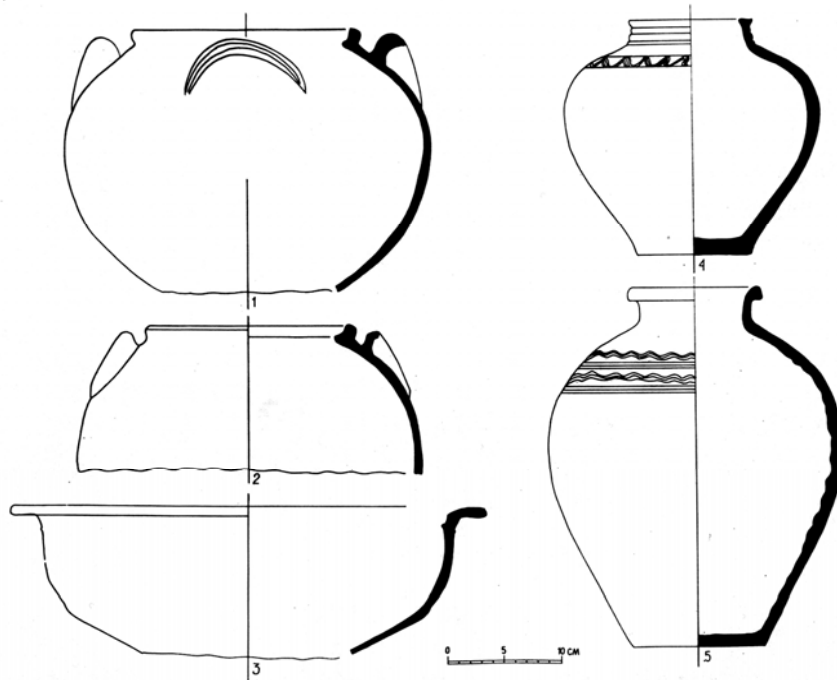

Рис. 5.

1979, табл. LXX; Брусенко, 1986, табл. 34:12, табл. 37:4).

Неглазурованные сосуды представлены в виде крышек (рис. 8: 3, 4) и котлов (рис. 8: 5-7).

Четвертый жилой комплекс сохранился частично и состоит из двух помещений (12, 16) (рис. 1). Вход в комплекс осуществлялся с улицы 2. Оба помещения на уровне 3 строительного периода были раскопаны в конце 1960-х годов И. Ахраровым. Поэтому нам удалось зафиксировать только два первых строительных периода, относящихся к XI в. В первом строительном периоде на месте вышеупомянутых двух помещений было одно помещение (8,75x4-3,90 м). В западной половине зафиксированы остатки ташнау.

Во втором строительном периоде здесь функционируют два помещения (12, 16). О внутреннем интерьере этих помещений что-нибудь сказать трудно. Только о помещении 12 можно сказать, что оно служило как прихожая - «дворовая». Судя по остаткам, можно предположить, что жилые и кладовые помещения, видимо, находились на юге и юго-востоке, которые до нас не дошли.

При раскопках и расчистках найдена небольшая коллекция керамики как глазурованной, так и

неглазурованной (рис. 9:4; рис. 10:1, 14; рис. 4: 8, 10). Выделяется фрагмент миски на кольцевом поддоне. Внутри сосуда по белому ангобу нанесен геометрический орнамент черной, бордовой и зеленой красками в виде звездочки (рис. 9:4).

Следующий второй квартал находится в центре объекта и состоит, в основном, из четырех жилых комплексов.

Пятый жилой комплекс расположен к северу от четвертого комплекса и состоит из пяти помещений (7, 3, 3 а, 14). Стены жилого комплекса сохранились на высоту 0,30-0,60 м и имеют до 5-6 слоёв обмазки. Вход в комплекс осуществлялся с улицы через помещение 7. Помещение 7 (5,30-5,75x3,60 м) выполняло функцию прихожей. В связи с плохой сохранностью не удалось

определить её внутренний интерьер. Над полом второго периода обнаружено несколько фрагментов глазурованной керамики (рис. 7:11, 12).

Помещение 3 (5-4,45x5,10-4,80 м) с двумя проходами служило как жилое (рис. 1). Северная часть помещения отделяется от линии прохода перегородкой.

Судя по остаткам, установлено два периода обживания (I-II). Во втором периоде ремонтируются стены. В это время с севера впритык с пере-

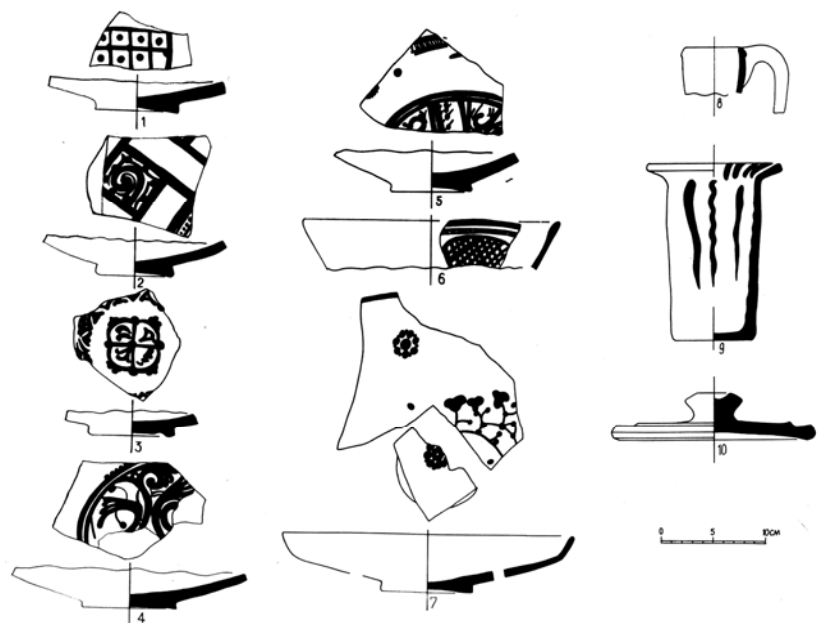

Рис. 6.

городкой сооружаются очаг и сандальное устройство. Полы земляные и сохранились местами. Над полом, в завале обнаружены фрагменты керамики XI в. (рис. 7: 9-10, 13-15).

Помещение 3а (1,60-0,70x2 м) служило как кладовая (амбар). Здесь не обнаружено никаких находок.

Следующее помещение 14 (4,2-3,50x3,25 м), видимо, являлось жилым. Оно раскопано в 1960-х годах. Находки отсутствуют. Внутренний интерьер тоже представлен плохо.

Помещение 13 (3,50x3,30 м) с суфой в первом периоде использовалась как кладовая. Во втором периоде, видимо, выполняло две функции кладовой и жилого. В это время между суфой и восточной стеной помещения выделяется небольшая площадка-отсек (1,80x1,10 м) с очагом (рис. 14). Стены аккуратно обмазаны глиной с саманом. Пол сначала был земляным, потом был обмазан глиной с саманом. Сохранились следы буйры (циновки). При раскопочных работах найдено несколько фрагментов стенок от кухонной посуды.

Шестой жилой комплекс зафиксирован к западу от 4 комплекса (рис. 1) и сохранился очень плохо, то есть, выяснено местонахождение только одного помещения (№ 15). В помещении сохранилась местами вымостка пола из жжёных кирпичей (26-28x16-18x3,5-4 см), которая отно-

сится к первым двум периодам. Третий период зафиксирован, в основном, в стратиграфическом разрезе.

Архитектура шестого жилого комплекса разрушена большой ямой, которая относится к XII в. (рис. 1).

Седьмой жилой комплекс состоит из пяти помещений (8а,9,9а,5,6) и представлен двумя строительными периодами (I-II). Вход в комплекс осуществлялся с запада через помещение 8 а.

Помещение 8а с двумя проходами состоит из двух частей: западной (1,65x1,5 м) и восточной (3x2 м). Их разделяет тонкая и короткая перегородка. Оно выполняло, видимо, функции прихожей. Находки отсутствуют.

Помещение 9 (5,60-5,30x5,40-5,25) с тремя проходами служило как жилое. Оно состоит из двух частей: северной и южной. Северная часть выделена тонкой перегородкой. К северу от перегородки на полу имеется остатки очага и сандального устройства. Остальная часть помещения сильно разрушена более поздними производственными постройками, поэтому датирующие находки обнаружены не были.

От помещения 9а (5,10x4-3,50 м) сохранились только оплывшие и полуразрушенные стены. Судя по расположению, оно могло служить как кладовая.

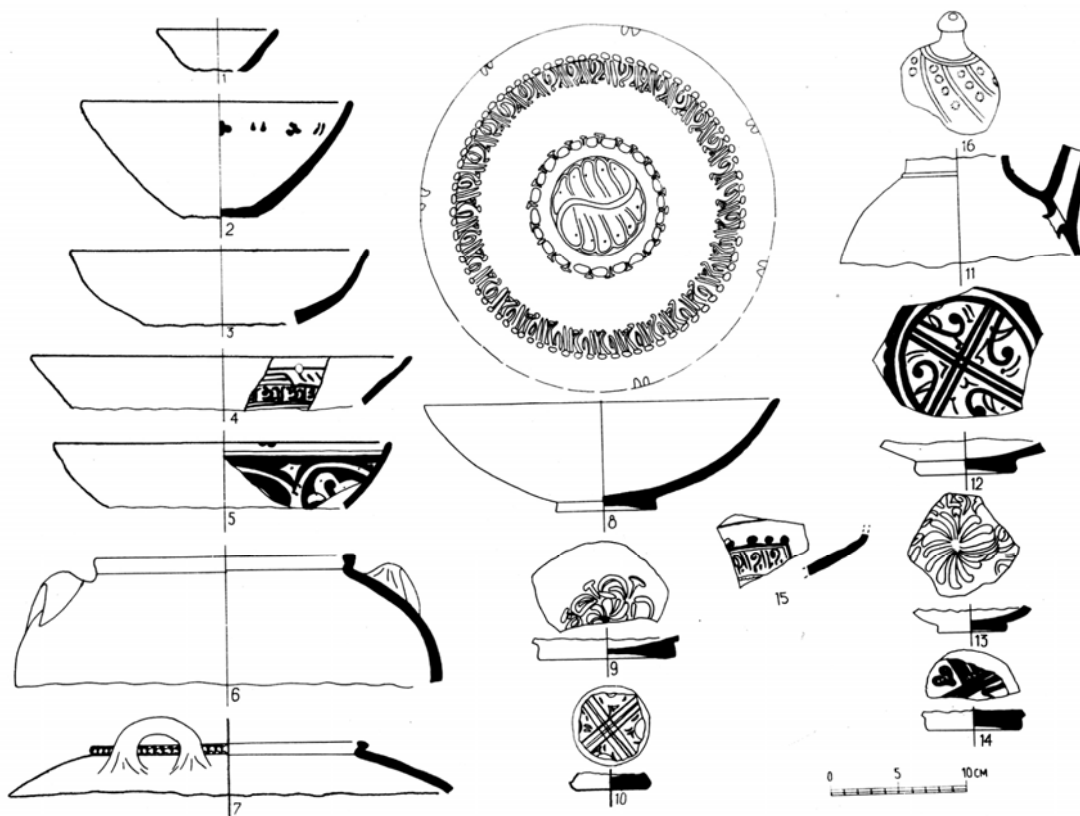

Рис. 7.

Следующее помещение 5 (6,10x3,50-3 м) с двумя проходами (рис. 1) тоже сильно пострадало в более позднее время, из-за чего не удалось восстановить внутренний интерьер и выделить строительные периоды. Вдоль восточной стены зафиксированы остатки восточной суфы. В заполнении помещения обнаружено несколько фрагментов неглазурованной керамики (рис. 8: 8, 13; рис. 5: 1).

Помещение 6 (5,40-5,10x3,75-3,60 м) расположено к западу от помещения 5 и служило как жилое. Удалось зафиксировать два строительных периода (I-II). Напротив выхода имеется стенка-перегородка. При раскопчных работах вблизи западной стены на полу первого периода зафиксированы остатки очажного пятна с прокаленной землей. Во втором периоде очаг и сандалное устройство, видимо, находились на восточной половине помещения. Кроме нескольких невыразительных фрагментов неглазурованной керамики, больше никаких находок не было.

Жилой комплекс 8 представлен всего лишь двумя помещениями (№ 39, 40). Несмотря на плохую сохранность, удалось определить два строительных периода (I-II). Вход в комплекс, видимо, был с юга. В первом периоде на месте двух помещений было одно помещение, т.е. тонкая стена, которая была отмечена, была возведена во втором периоде. Здесь тоже кроме нескольких невыразительных фрагментов неглазурованной керамики, не обнаружено больше никаких находок.

Квартал 3 расположен в северо-западной и центральной частях объекта. Всего было зафиксировано четыре жилых комплекса (9-12).

Жилой комплекс 9 сохранился частично, удалось зафиксировать остатки только двух помещений (8, 38). Поэтому внутренний интерьер представлен очень плохо, с трудом удастся выделить только первых двух периодов. Судя по расположению помещений вход в комплекс, видимо, был с севера. При раскопчных работах было обнаружено всего лишь несколько невыразительных фрагментов неглазурованной керамики.

Десятый жилой комплекс состоит из четырёх помещений (19, 20, 20 а, 21) (рис. 1) имеет, в основном, два строительных периода, а третий строительный период зафиксирован с стратиграфическом разрезе

Изучение показало, что при строительстве данного комплекса успешно использовались остатки более ранних построек, входящих в систему античной фортификации второго шахристана. Поэтому планировка и внутренний интерьер - своеобразны, т.е. резко отличаются от описанных жилых комплексов. Вход в комплекс осуществ-

лялся с запада, через помещение 19. Помещение 19 было разрушено более поздней ямой, поэтому не удалось определить его планировку.

В первом строительном периоде жилой комплекс представлен тремя помещениями, т.е. на месте помещений 20 и 20а находилось одно помещение 20 (9,80x2,75-2,25 м).

Во втором строительном периоде образовались два помещения 20 и 20а.

Помещение 20 (6,30x2,75 м) с тремя проходами имеет земляной пол. Появляется новое помещение 20 а (2,75x2,60-2,25 м). Один из проходов (восточный) очень широкий. Он ведёт в помещение 21 (рис. 1).

Помещение 21 (7x2,20 м) с одним широким подходом, который соединяет его с помещением 20. Пол земляной. В южной части у западной стены на полу второго строительного периода зафиксировано очажное пятно и небольшой прокаленный участок.

При раскопчных работах десятого жилого комплекса обнаружен небольшой комплект неглазурованной керамики.

К северу от улицы 3 зафиксированы остатки ещё двух жилых комплексов (11 и 12), судя по остаткам, здесь помещения также располагались в анфиладном виде (пом. 17, 17а, 18) (рис. 1).

Квартал 4 находится в северо-восточной части объекта и раскопан частично, который представлен в виде двух жилых комплексов (13, 14).

Жилой комплекс 13 состоит из четырёх помещений. Удалось определить местонахождение трёх помещений (22, 22а, 22б). На севере намечено ещё одно помещение, которое выполняло, видимо, функции прихожей. Вход в комплекс располагался с севера. Получается так, что сквозные проходы имели коридорообразный вид. Стены возведены из пахсы с применением сырцовых кирпичей (32-35x16-17x6-7 см).

Зафиксировано два строительных периода. В первом периоде комплекс, видимо, состоял из трёх помещений. Из них выявлено два помещения (22, 22 а), и третье, которое не сохранилось, видимо, прихожая, возведены из пахсы с применением сырцовых кирпичей (32-5x16-17x6-7 см). Помещение 22а (3,30x3 м) с двумя проходами служило как жилое. Внутренний интерьер и планировка в обоих периодах остаются неизменными. Между двумя сквозными проходами выделяется коридор. Восточная большая часть помещения отделена от коридора каркасной стеной. К этой стене с востока были пристроены очаг и сандал. Хорошо сохранился второй период. Сандалное устройство сооружено из жжёных кирпичей (26-28x15-16x3-3,5 см). В первом периоде пол был земляной, а во второй период два раза

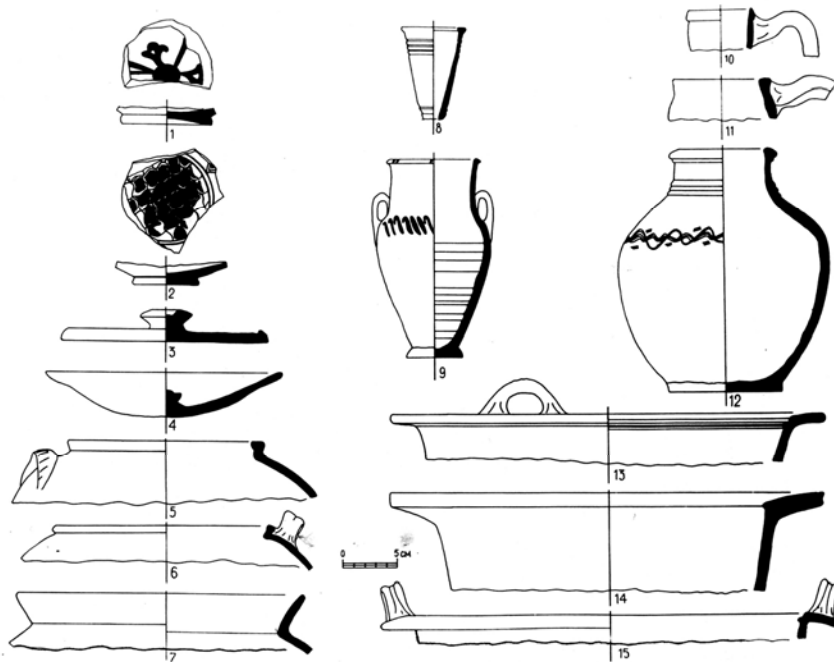

Рис. 8.

аккуратно обмазывался глиной с саманом. В помещении зафиксирована суфа (вдоль северных стен) и два хума (вдоль восточных стен). Последние были опущены с уровня пола второго периода и закрыты двумя жжёными кирпичами. Оба хума служили для хранения продуктов питания.

Помещение 22 (3,60x2,80 м) с двумя проходами первоначально, в основном, выполняло функции кладовой (амбара). Во втором периоде восточная большая часть была отделена от сквозного прохода-коридора. Стены два раза обмазаны глиной с саманом. При этом южная стена облицована кирпичами (30-32x16-17x6-7 см). В первом периоде восточная большая часть помещения по линии прохода была приподнята на 15 см и два раза обмазана толстым слоем глины с саманом. Во втором периоде помещения тоже были обмазаны таким же образом.

Во втором строительном периоде сооружается новое помещение 22б, которое служило как кладовая

При раскопках в жилом комплексе не были обнаружены датирующие находки.

Жилой комплекс 14 состоит, в основном, из 7-ми помещений (23, 23а, 23б, 34, 35, 36, 36а) и намечено ещё одно помещение, видимо, прихожая (рис. 1). Комплекс имеет два периода обживания. В первом периоде не было помещения 23 б. Вход в комплекс, видимо, находился с северо-запада. Удалось определить только назначение трёх помещений (23, 23б, 36а).

Помещение 23 имело почти овальную форму (4,30-4,40x1,80-2,20 м) в первом строительном периоде служило как кладовая, так как, во втором строительном периоде могло выполнять другую функцию. Так как, во втором периоде сооружается новое специальное помещение 23б, которое выполняло функции погреба-кладовой.

Помещение 23 б (3,75 x1,60 м) также овальной формы и вырублено в теле крепостной стены античного периода. В него можно попасть по специальному коридору (3,40x0,90 м) (рис. 1). Пол выстлан жжеными кирпичами (26-27x14-15x3-3,5 см).

Помещение 36а (2,20x0,90) служило холодной баней - «гусулхана». Пол был вымощен жжеными кирпичами, которые сохранились местами. Здесь обнаружено ташнау, которое состоит из поглощающего колодца и большого «жернова» с отверстием посередине. Последний перекрывал поглощающий колодец.

При раскопках в помещениях 23, 23б и 34 на полу и над полом второго периода обнаружены фрагменты глазурованной керамики, которые относятся, в основном, к XI в. (рис. 10:6; рис. 6:6-7).

Итак, на объекте VII выявлены пять жилых кварталов, которые состоят из 14 жилых комплексов (рис. 1). Судя по стратиграфическим и археологическим находкам, можно сделать вывод, что эти комплексы были возведены в самом конце X или в начале XI вв. и просуществовали не менее 100-150 лет. При этом удачно использо-

вались остатки более ранних построек. Жилые комплексы имеют по три строительных периода, из них хорошо представлены только первые два. Во всех периодах сохраняются жилища с анфиладной планировкой.

Аналогичные жилища зафиксированы в Хорезме (Неразик, 1976) и Южном Казахстане (Байпаков, 1986, с. 151-152, рис 64:2, 64). Присутствуют также жилища с крестообразной планировкой. Такие жилища отмечены в Южном Казахстане (Байпаков, 1986, с. 152, рис. 64:4).

Интересна подземная комната, раскопанная в первом шахристане (Ахси IА) на объекте XI, которая представляет собой подвальную часть несохранившегося богатого жилого дома, построенную из жженных кирпичей (27-29x16x3-4 см) (Анарбаев, 2000, с. 34-35). От наземной постройки сохранилась только часть пола, выложенного жженым кирпичем (29-27x16x3 см), откуда начинается уходящая вниз кирпичная лестница. Ее ступени, высотой около 20 см, сложены из прямоугольного кирпича³ и образуют спуск под углом 40° по вертикали, ширина лестницы вверху 65 см, внизу - до 80 см.

Лестничный туннель был перекрыт уступчатым сводом из жженных кирпичей (27-28x16x3,4-4 см). На глубине около 1,80-2 м от верхнего пола в стенах лестницы устроены две ниши, лежащие одна против другой. Сюда, видимо, ставили светильники.

Вход в подземное помещение оформлен стрельчатой аркой (рис. 1). Вынос арки вперед составляет 15 см. Этим строительным приемом сокращали пролет свода.

Подземное помещение размерами 1,55x1,3 м, вытянутое в плане по линии север-юг, сохранило купольное перекрытие (рис. 1). Переход к эллипсоидному куполу осуществляется через ступенчато-перспективные тромпы. 3 из них имеют по 5 вертикально поставленных кирпичей, один (юго-западный) - шесть. Высота от пола до центра купола 1,98 м, а до пола верхней площадки 3,45. Купол выложен кольцевой кладкой.

Ступенчато-перспективные тромпы в архитектуре Средней Азии встречаются очень редко. Аналогичные тромпы зафиксированы в Бухарском мавзолее Сейфиддина Бохарзи (Шишкин, 1936, с. 47). Применение купола над неквадратными помещениями отмечены в домонгольской мечети Бурана (Перегудова, 1991, с.9; Хмельницкий, 1996, с. 120, рис. 101).

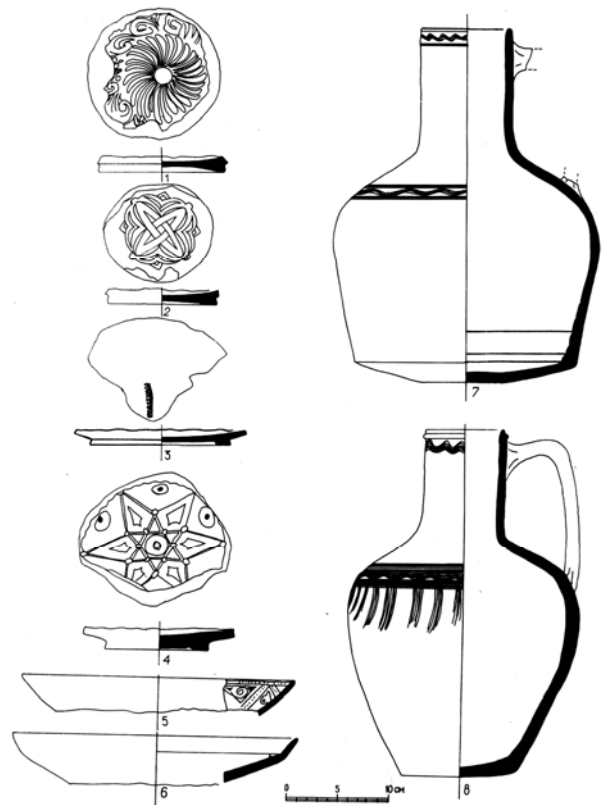

Рис. 9

На торцовых стенах (южной, северной) помещения устроены арочные ниши размерами 55x51 см, глубиной 18 см.

При раскопках в подземной комнате и в верхнем помещении, в завале, найдена керамика. В частности, на полу подземной комнаты обнаружены фрагменты двух сосудов: белофонная чаша с коническим туловом на вогнутом поддоне. Со-

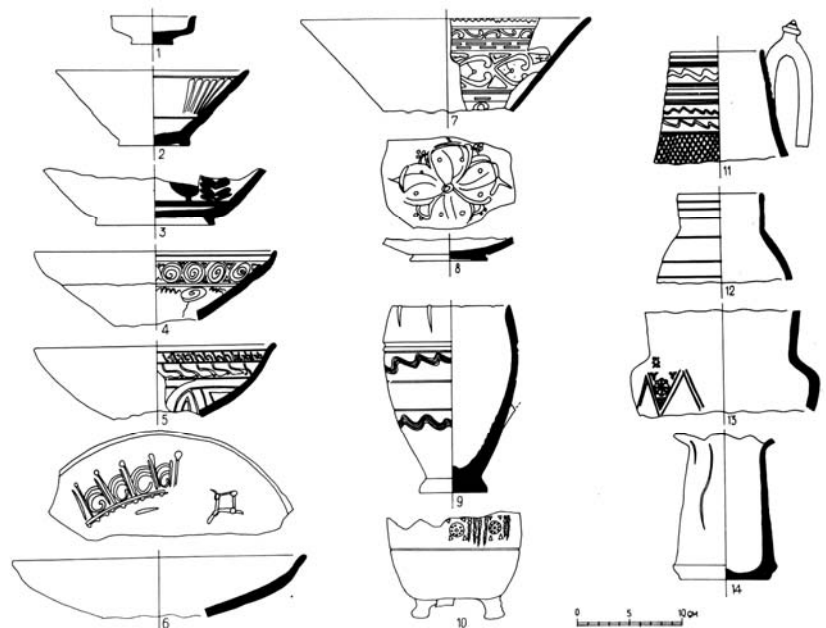

Рис. 10

суд внутри полностью, а снаружи по венчику имеет бесцветную глазурь. Второй глазурованный банкообразный сосуд, снаружи имеет рисунок растительно-геометрического характера в сочетании с процарапанным орнаментом.

В верхнем помещении в завале обнаружены остатки ганчевой обмазки, одна караханидская монета и несколько невыразительных фрагментов керамики, как глазурованной, так и неглазурованной. На лестнице и на полу подземной комнаты обнаружено несколько обугленных зерен пшеницы.

Все это позволяет предполагать, что подземная комната использовалась в качестве погреба для хранения запасов продуктов питания и датируются XI-XII вв. Однако С.Г. Хмельницкий исключает ее хозяйственное назначение и отмечает, что хозяин дома с домочадцами или избранными гостями наслаждались здесь прохладой вдали от жестокого летнего зноя (Хмельницкий, 1997, с. 166).

К сожалению, с такими выводами трудно согласиться, так как, во-первых, в это время хранили запасы продуктов в укромном месте, т.е. в глубинной части жилища. Примером являются кладовые (амбарные), которые зафиксированы на

объекте VII (рис. 1). Во-вторых, для отдыха подземная комната слишком мала и неудобна, в-третьих, здесь найдено несколько обугленных зерен пшеницы.

Подземные помещения обнаружены на Афрасиабе, где они датируются VIII-X вв. (Лебедева, 1986, с. 136-146). Принципиальное их отличие от ахсикентского погреба - подвала состоит в том, что все они вырыты в лессовом грунте⁴.

Таким образом, ахсикентская подземная комната даже сейчас производит впечатление и является уникальной для Средней Азии. Она представляет собой часть, к сожалению, несохранившегося, видимо, богатого дома, возведенного из жженого кирпича, который функционировал в XI-XII вв.

Жилища XI-XII вв. во втором шахристане (Ахси I Б), в основном, принадлежали рядовым горожанам-ремесленникам. В планировке жилища происходят изменения: появляются дворы (открытые или полуоткрытые), отдельные небольшие комнаты, где размещались санитарно-гигиенические сооружения (бадрабы, ташнау). При этом кладовые (амбарные) комнаты находились в укромном месте. Большинство жилищ имеют анфиладную планировку.

Сноски

¹Здесь слово квартал применяется с точки зрения планировки.

²В раскопчных работах принимали участие следующие сотрудники: А.А. Анарбаев, Г. Мирзалиев, С.Р. Баратов.

³У С.Г. Хмельницкого ошибочно говорится о квадратных кирпичках (см. Хмельницкий, 1997, с. 166).

⁴В Самарканде (на Афрасиабе) лёссовые отложения более однородные, чем в районе Ахсикента. Однородность лёсса позволяет соорудить прочное подземное помещение.

Использованная литература

- Анарбаев А.А. Ахсикент в древности и средневековье // СА, № 1, М., 1988.
- Анарбаев А.А. Ахсикентский погреб XI в. // Археология, нумизматика и эпиграфика средневековой Средней Азии. Самарканд, 2000.
- Анарбаев А.А., Ильясова С.Р. Глазурованная керамика Ферганы XI в. // ИМКУ, вып. 31. Самарканд, 2000.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья // Алма-Ата, 1986.
- Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII веков. Ташкент, 1986.
- Ильясова С.Р. Глазурованная керамика из верхних слоев городища Эски Ахси // ИМКУ, вып. 20. Ташкент, 1986.
- Лебедева Т.И. О самаркандских тагхона // ИМКУ, вып. 20. Ташкент, 1986.
- Мирзалиев Г. Неглазурованная керамика XII- начала XIII вв. С городища Эски Ахси // ИМКУ, вып. 20. Ташкент, 1986.
- Неразик Е.С. Сельское жилище Хорезма (I-XIV вв.) Москва, 1976.
- Перегудова. К вопросу о гармонизации в средневековой архитектуре Кыргызстана. Анализ соразмерностей планов памятников Чуйских городищ // Архитектура и строительство Узбекистана. Ташкент, 1991, № 5.
- Шишкин В.А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936.
- Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
- Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и монголами // Архитектура Средней Азии XI – начала XIII в. Часть I. Берлин-Рига, 1996.
- Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и монголами. Часть II. Архитектура Средней Азии XI - начала XIII вв. Берлин-Рига, 1997.

ҚАДИМГИ ЖИЗЗАХ ВОҲАСИНИНГ АЙРИМ СУНЪИЙ СУҒОРИШ ТАРМОҚЛАРИНИ АРХЕОЛОГИК ЁДГОРЛИКЛАР АСОСИДА ЎРГАНИШ

Сунъий суғориш тизимларига асосланган деҳқончилик соҳаси инсониятнинг энг муҳим кашфиётлардан биридир. Сунъий суғориш тизимлари ва сув сакловчи гидротехник иншоотларнинг пайдо бўлиши, ривожланиш масалалари инсониятнинг умумий тарихи билан чамбарчас боғланган ҳолда ўрганишни тақозо қиладиган илмий муаммодир.

Суғорма деҳқончилик хўжалигининг асосини сунъий равишда бунёд этилган суғориш иншоотлари ташкил этади.

Хоразм воҳасининг машҳур “ёп” “арна”лари, қуйи Зарафшоннинг Шохруд, Ҳарамком, Коми Абумуслим, Ҳарқонруд, Марказий Суғднинг Булунғур, Нарпай, Дарғом каби машҳур каналлар ҳамда шоҳ ариқларнинг қурилиши ва фаолият тарихи бўйича ўтказилган тадқиқотлар, мазкур иншоотларнинг ўрни қадим ва ўрта асрлар жамияти ҳаёти тараққиётида бекиёс бўлганлигини кўрсатади.

Ўрта Осиёнинг тарихий-маданий ўлкаларидан бири Жиззах воҳаси (шимолий–ғарбий Уструшона) суғорма деҳқончилик ва унинг асосини ташкил этган ирригация иншоотлари қадимдан пайдо бўлган, тараққий этган ва кенг тарқалган ўлкалардан биридир. Мазкур мақолада воҳанинг энг йирик ва асосий суғориш тармоқлари, уларнинг ҳавзаларидаги археология ёдгорликлари ҳақида маълумот берилди.

Туятортар канали

Жиззах воҳасининг суғорилиш тарихини ўрганган археологларнинг хулосасига кўра, воҳада бир қатор қадимий сунъий суғориш каналлари мавжуд. Бу сунъий каналлар ичида энг муҳимларидан бири Зарафшон дарёсидан бош олган Туятортар каналидир.

Археолог Я. Ғуломов “Биз суғориш тарихи устида ишлаб юрган мутахассислар, Ўрта Осиёдаги сунъий суғориш каналлари ичида Туятортар каналидай меҳнати оғир, суви кам, ўзи жарликлардан оқадиган канални кўрмаганмиз” деб таъкидлаган эди. (Ғуломов, 1959, 38-б.).

Археолог А. Муҳаммаджонов Зарафшон дарёсининг суви Туятортар канали орқали Жиззах воҳасигача етиб борганлигини ва унинг ҳисобидан сўнгги ўрта асрларда воҳада суғориладиган экин майдонларининг ҳажми кескин ошганлиги-

ни таъкидлаган. Узунлиги 97 км га тенг (Муҳаммаджонов, 1972, 128 -129 б.). Туятортар канали ҳозирда ҳам Жиззах воҳасининг асосий сув манбаи ҳисобланиб, канал Зарафшон дарёсининг суви орқали Булунғур даштлари ва Ғаллаорол массивини ҳамда Жиззах воҳасини сув билан таъминлайди (Эшонкулов, 1989, 130-131 б.).

Туятортар каналини қачон бунёд қилинганлиги тўғрисида аниқ маълумотлар мавжуд эмас. Туятортар канали тўғрисидаги дастлабки маълумот Ҳафиз Таниш Бухорийнинг жангномийи шохоншоҳий “Абдуллонома” асарида қайд қилинган. Унда ёзилишича, Абдуллахон томонидан Туятортар канали қайта қурилиб таъмирланган.

Қадимги суғорма деҳқончилик тарихининг билимдони Я.Ғуломов кўхна, суғорма деҳқончилик ерларини суғориб келганлигини каналларнинг қурилган вақтини аниқлаш учун шу канал теварак-атрофидаги тарихий ёдгорликларни ўрганиб, тарихий ёдгорликларнинг атрофида сақланиб қолган эски суғориш тармоқларини ўрнини аниқлаб шу асосда бирор бир фикрга келиш мумкин деган (Ғуломов 1961, 17-б.).

Ушбу муаммоларга жавоб топиш учун бу боорада қилинган илк тадқиқотлар ҳам ўрганилди.

Туятортар канали тўғрисида илк тадқиқотларни олиб борган Г. Амимов эски Туятортар каналининг сувлари Мирзачўлгача етиб борганлиги тўғрисида маълумот беради (Г.Амимов, 1873).

Зарафшон дарёсининг Равотхўжа тўғонидан 4-5 километр шимоли–шарқда Туятортар каналининг ўнг томонида Фармонтепа ёдгорлиги жойлашган. Археолог С. Анорбоевнинг изланишлари натижасига кўра каналнинг бош қисми VI-VII асрларда бунёд қилинган. VII асрнинг охирига келиб канал тўлиқ издан чиққанлиги қайд қилинган (Анорбоев, 1974, 54-б.).

Кейинги олиб борилган археологик тадқиқотлар буни тўлиқ инкор қилади, чунки ёдгорликдан топилган археологик ашёвий далиллар эрамизнинг бошларига бориб тарқалади. Тадқиқотлар давомида канал атрофидаги Дўстмат деб аталган кичик воҳадаги Тоғайсуфи мазор тепалиги ҳамда бошқа ёдгорликлардан илк қушонлар даврига оид сопол буюмлари йиғилди. Бу албатта

Дўстмат воҳаси айнан Туятортар канали ҳисобидан фаолият кўрсатганлигини кўрсатади.

Туятортар каналнинг Тозауруқ қишлоғидан оқиб ўтадиган жойида яъни каналнинг ўнг томонида Тўрткултепа ёдгорлиги ҳам қайд қилинди (Пардаев, Суюнов, 1994, 50-б). Бу ёдгорликдан олинган археологик топилмалар ёдгорликнинг Х-ХII асрларда айнан Туятортар канали ҳисобидан фаолият юргизганлигини кўрсатади. Чунки Тўртқўлттепа ёдгорлиги атрофига борадиган Туятортар каналнинг кичик бир ирмоғи ҳозирда ҳам сақланиб қолган.

Жиззах воҳасининг асосий сув манбаи ҳисобланган Туятортар канали мўғуллар истилоси даврида бутунлай издан чиққан ва ниҳоят Темур ва темурийлар даврида қайта тикланган. XV асрнинг бошида Жиззах воҳасида деҳқончилик хўжалиги, шу жумладан, унинг асоси ҳисобланган сунъий суғориш тармоқларини аста секин тиклашга киришганлар. Бундан Туятортар канали ҳам четда мустасно бўлмаган.

Тадқиқотлар натижаси шуни кўрсатадики, Туятортар канали айнан темурийлар даврида яна тикланган. Масалан, Ғаллаоролдаги Қўрғонтепа шаҳар ҳаробасидан ва унинг атрофидаги ёдгорликлардан олинган археологик ашёвий топилмалар, шу билан бир қаторда Жиззах шаҳридаги Қалиятапа шаҳар ҳаробасидан олинган темурийлар даврига оид ашёвий далиллар, Ўрда шаҳар ҳаробасидан олинган XIV-XV асрга оид археологик маълумотлар, бу воҳада айнан шу даврда суғориш каналларининг қайта тикланганлигидан, суғориладиган экин майдонларини кенгайганлигидан далолат беради.

Улуғбек (1449), вафотидан сўнг тахт учун кураш бошланиб кетиб, мамлакат хўжалиги бир мунча таназзулга юз тутди. Воҳада сунъий суғориш тармоқлари қатори Туятортар канали ҳам ишдан чиқади.

Орадан юз йиллар вақт ўтгандан сўнг, XVI асрнинг иккинчи ярмида Бухоро хонлигида бир томондан марказий ҳокимиятнинг сиёсий мавқеини мустаҳкамланиши, иккинчи томондан ўзбек уруғларининг ўтроқ деҳқончилик ҳаётига кўчиш жараёнининг кучайиши билан суғориладиган ерларга бўлган талабнинг ортиб бориши, мамлакатда ишдан чиқиб бўш ётган ерларга сув чиқариш ва янги ерларни ўзлаштириш, ирригация ишларини кенгайишига олиб келган.

Бундай бунёдкорлик ишлардан Жиззах воҳаси ҳам четда қолмаган. Археологик маълумотлар ва тарихий манбаларнинг гувоҳлик беришига қараганда, XVI асрнинг иккинчи ярмида Бухоро хонлигида айниқса унинг марказий қисми Зарафшон водийсида бир қанча йирик суғориш иншоотлари қурилган, ҳамда қайта тикланган (Хафиз

таниш Бухорий, 1969). Зарафшон дарёси сувининг тақсимотини тартибга солиш учун Зарафшон дарёси устига 1582 йилда қурилган «Пули Мухтор Қосим», «Пули Чорминор» ва «Пули Жондор» каби сув ўлчагич ва сув бўлгич кўприклар айниқса муҳим аҳамиятга эга бўлган (Муҳаммаджонов, 1969, 124-125 б.).

XVIII асрнинг охирига оид тарихий манбалардан Мирзо Баде Девоннинг «Мажмаъ ал-арком» номи асарида келтирилган маълумотларга кўра, Зарафшон дарёсининг суви шу иншоотлар орқали суғориш системаларига тақсимланган. Бу суғориш системаларидан бири айнан Туятортар каналнинг чиқарилиши, Жиззах воҳаси сув таъминотининг яхшиланиши, ўша даврда амалга оширилган йирик ирригация қурилишларидан бири эди. (Мирзо Баде Девон, 1970).

Бухоро хони Абдуллахон катта стратегик аҳамиятга эга бўлган Жиззах шаҳрини қўлда мустаҳкам ушлаб туриш мақсадида, 1557-1598 йилларда халқни жалб қилиб Туятортар каналнинг бош қисмини қайтадан, ўрта ва қуйи қисmlарини янгитдан қазитади.

Зарафшон дарёсининг суви Туятортар канали орқали Фармонтепа, Дўсмат, Тойпоқсой, Шўрбулоқ, Музбел, Тозауруқ қишлоқлари орқали ўтиб Гул қишлоғига яқин жойда Сангзорга қуйилади.

Ҳозирда ҳам Туятортар канали суви ўзининг қадимги ўзани бўйича оқмоқда.

Абдуллахон даврида каналга биринчи бўлиб тахминан секундига 4-6 м³ сув оқиб келган. XVI асрнинг иккинчи ярмида Туятортар канали орқали тахминан секундига 10-15 м³ сув оққан. Шу боис воҳада суғориладиган экин майдонлари 10 минг га яқин бўлган.

Шундай қилиб кейинги қилинган тадқиқотлар давомида олинган археологик материаллар, ҳамда тарихий манбаларга асосланган ҳолда Туятортар каналнинг суғорилиш тарихи бўйича қуйидагича хулоса қилиш мумкин.

Каналнинг бош қисми ҳавзасида жойлашган ёдгорликлар топилган ашёвий далилларга асосан Туятортар канали эрадан III-II асрларда бунёд қилинган деб ҳисоблаш мумкин.

Каналнинг ўрта қисмидан топилган археологик ёдгорликлар илк ўрта асрларга ўрта асрларга оиддир. Шунга асосан канал кейинги даврларда ҳам узвий фаолият кўрсатган деган фикрни айтиш мумкин.

Сангзор дарёсининг қуйи оқимида жойлашган Жиззах шаҳри, унинг теграсидаги мавжуд суғориш тармоқлари ва сув иншоотлари ўзининг қадимийлиги, мукамаллиги ҳамда ханузгача давом этиб келаётган узвий фаолияти билан ажралиб туради. Илмий адабиётларда қуйи Сангзор ирригация райони номи билан эътироф этилган

мазкур мўъжаз воҳа даврий жихатдан иккига Қалиятёпа ва Ўрда суғориш шаҳобчасига бўлинади (Пардаев, 1990), ҳамда сўнгги ўрта асрларда (XVI-XVII аср) бирлашиб, воҳанинг яхлит суғорма майдонини ташкил қилади.

Қалиятёпа суғориш шаҳобчасини Жиззах воҳасининг шарқий қисмида, диаметри тахминан 8-10 км, худуд ичида жойлашган 20 дан ортиқ ёдгорлик ташкил этади. Бир-биридан 600-800 м масофа узоқликда жойлашган бу ёдгорликлар ўрта асрлар Уструшонани Фағнон рустоқининг бош шаҳри Дизакнинг ўрни деб талқин қилинаётган Қалиятёпани ўраб туради ва ўзига хос “мудофаа занжири”ни ҳосил қилади (Бердимуродов, 1985, Пардаев, 1995).

Милодий эрадан аввалги III-II асрлар моддий маданияти намуналарини бераётган Қалиятёпа атрофидан ханузга қадар сақланиб қолган ва фойдаланилаётган суғориш иншоотларидан айримларининг ўрнини аниқлаш мумкин. Булардан дастлабки ва асосийларидан бири “Қалия-Мўлканлик” шоҳ ариғидир. “Қалия – Мўлканлик” шоҳ ариғи. Сангзордан табиий равишда бош олувчи ушбу шоҳ ариқ Қалиятёпа шаҳар ёдгорлигига нисбат бериб номланишини сабаби воҳада “Мўлканлик” номи билан аталувчи шоҳ ариқнинг иккиталигидир. “Қалия – Мўлканлик” шоҳ ариғи Сангзорда XVI асрларда қурилган “Беш қувур” сув айирғичидан 1,2 км масофа юқоридан, табиий нишоблик орқали чиқарилган. У Жиззах воҳасининг ғарбий қисмидан шарқий қисми томон 15 км.га яқин масофада оқиб ўтади. Шоҳ ариқнинг сувлари Қалиятёпанинг шарқий қисмида жойлашган Тўптолота номли асосий дехқончилик пайкалларигача оқиб борган. Ушбу дехқончилик мавзелари чўл-дашт худудлар билан чегара зонасида бўлиб, айнан мазкур худуддан Жиззах воҳасининг Кампир девори ўтган (Муҳамедов, 1961, 32 б).

Қалиятёпа суғориш шаҳобчасида мавжуд ёдгорликларнинг 12 таси “Қалия – Мўлканлик” шоҳ ариғидан сув олган. Бу ёдгорликлар ичида энг қадимгиси ва майдон жихатдан улкани (ҳозирги сақланиб қолган майдони 50 га) албатта Қалиятёпадир. “Қалия-Мўлканлик” шоҳ ариғи Қалиятёпага жануб томондан ёндашган бўлиб, шаҳар ёдгорлигининг 5-рабоди мавзейи орқали ўтган. Қалиятёпа шахристонини тўрт томондан ўраб

турган мудофаа ҳандақларига сув фақат жануб томондан, яъни, “Қалия-Мўлканлик” шоҳ ариғидан қуйилиши мумкин бўлган. Чунки Қалиятёпа атрофидаги майдонларнинг рельефига кўра, шаҳар фақат жануб томондан сув билан таъминланиши мумкин бўлган. Хусусан, шаҳар ғарб томондан узлуксиз қир-тепаликлар (Некропол. рабодлар ўрни) билан ўраб олинган, шарқ томонда оқар сув манбаи мавжуд эмас, шимол томондаги ер рельефининг тескари нишаблиги Қалиятёпа фақат жануб томондан сув билан таъминланганини кўрсатади. Қалиятёпа шахристони ва рабодларда ўтказилган энг сўнгги археологик тадқиқотлар орқали шаҳар мил. эр авв. III-Пасрларда ҳам фаолият кўрсатгани аниқланган (Пардаев, 1995). Шунингдек, маҳаллий аҳоли томонидан “сой” деб аталадиган Қалиятёпа ҳандақлари агроирригация қатлами тахминан 1800-2000 йил мобайнида тўплангани қайд этилган. XVII асрдан буён Қалиятёпада ҳаёт тўхтагани ҳисобга олинса шаҳарга камида 2200-2300 йил аввал асос солинган деб фараз қилиш мумкин (Пардаев, Суюнов,) Тадқиқотлар давом эттирилса, ушбу тарихий саналарга аниқлик киритилиши ва албатта янада қадимийлашиши мумкин. Демак, «Қалия-Мўлканлик» шоҳ ариғи Туятортар канали билан деярли бир вақтда илк антик даврда бунёд этилган. Шоҳ ариқнинг изчил фаолияти илк ўрта асрлар даври билан чамбарчас боғлиқ.

Археологик тадқиқотлардан маълумки, бу даврда кўчманчи-чорвадор қабилаларнинг оммавий ўтроклашуви содир бўлган ва бу жараёнлардан Жиззах воҳаси, хусусан, Қалиятёпа атрофидаги табиий-географик жихатдан қулай ерлар ҳам мустасно бўлмаган. Милодий V-VIII асрларда “Қалия-Мўлканлик» шоҳ ариғи тасарруфида жами 11-та қалъа-қўрғон ва 1-та улкан шаҳар мавжуд бўлган. Ушбу қалъа-қўрғонларнинг фақат 2таси милодий III-IV асрларда бунёд этилган, (Расулбойкултепа, Пардакултепа) қолганлари V-VI асрларда қурилган бўлиб, деярли барчаси араб истилосига қадар фаолият кўрсатган. Ўтиборлиси шундаки, юқорида эслатилган 11-та қалъа-қўрғонда 7таси шоҳ ариқнинг табиий нишаб чап қирғоқ ҳавзасида ариқдан 250-700 масофа узоқликда бунёд этилган, ўнг қирғоқ ҳавзасида бунёд этилган қалъа қўрғонлар ариққа нисбатан яқин 40-120 м масофа узоқликда жойлашган.

Адабиётлар:

- Ғуломов Я.Ғ. Хоразмнинг суғорилиш тарихи қадим замонлардан ҳозиргача. Тошкент, 1959.
 Муҳаммаджонов А.Р. Қуйи Зарафшон водийсининг суғорилиш тарихи. Тошкент, 1972.
 Эшонқулов У. История ирригации верхнего Зарафшона (с древнейших времен до начала XX в.). Душанбе, 1989.
 Муҳамедов Х. Қадимги мудофаа деворлари. Тошкент, 1961.
 Анорбоев С. Туятортар канали қурулиши тарихи. Тошкент, 1974.
 Буюк Ипак йўлидаги Марказий Осиё шаҳарлари маър. Баёни. Самарқанд, 1994.
 Хофиз Таниш Ибн Мир Муҳаммад Бухорий. “Абдулломи”, II жилд. Тошкент, 1969.
 Мирзо Муҳаммад Баде Девон. “Письменные памятники Востока”. Москва, 1970.

РАСКОПКИ В РАБАДЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСПИДЖАБА

Город Испиджаб, известный по средневековым письменным источникам, отождествляется с городищем Сайрам, расположенным на месте одноименного поселка (Байтанаев, 2003). В 2004 году археологическая экспедиция Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауезова проводила исследования на территории поселка Сайрам. Основной задачей экспедиции было определение территории рабадов Испиджаба, примыкавших к шахристану городища. С этой целью, на западной окраине села был заложен стратиграфический раскоп. Он находился на ранее необжитой территории, выделенной под новостройки. Выбор места раскопа был не случайным. В период освоения участков новоселами повсеместно наблюдался выход фрагментов керамики различной величины. К тому же новостроечный район примыкал к поселению Улыктобе. Стратиграфический раскоп размерами 2х3 м располагался в 200 м к северу от поселения Улыктобе.

Раскоп был углублен на 1,5 м. Характер культурных отложений очень простой. Под тонким дерновым слоем залегает 60 сантиметровая толщина сероватого уплотненного грунта. Под ним - полуметровый слой желтовато плотного грунта, из которого получены материалы средневекового периода. В северо-восточном углу раскопа найден целый керамический очажок, связанный с полом первого строительного горизонта. Ниже

залегал материк.

Комплекс находок из раскопа, относящийся к эпохе средневековья, представлен типичными для X-XII вв. крупными толстостенными тазиками-тагара конической формы с оттянутым наружу краем (рис. 1. № 6). С внутренней стороны они покрыты темно-коричневым ангобом.

К закрытым формам относятся разнообразные широкогорлые горшочки, изготовленные на гончарном круге. У них треугольные и прямоугольные в сечении профили (рис. 1. № 3, 4). Один экземпляр украшен по нижнему краю венчика валиком с ритмическими вмятинами от пальцев (рис. 1. № 1).

В раскопе найдено большое количество фрагментов от котлов. У них сферическое тулово с треугольным венчиком (рис. 1. № 10, 11). Иногда венчик валикообразный (рис. 1. № 2). Некоторые из них имеют слабо намеченный излом профиля, выделяющий суживающуюся горловину (рис. 1. № 10). У другого вида сосудов венчик плоский сверху (рис. 1. № 11). Два из них имеют налепы - ручки в виде гребня расположенного по венчику (рис. 1. № 8, 10). Подобные котлы датируются X-XII вв., имеют широкую географию. И. Ахраров на материале Ферганы датировал схожие котлы IX-X вв. (Ахраров, 1966. С.125-130). Л.Г. Брусенко по различным находкам Шаша - IX-X вв. или X - первой половиной XI вв. (Брусенко, 1986. Табл. 4, 9, 12, 17). В Семиречье аналогичные кот-

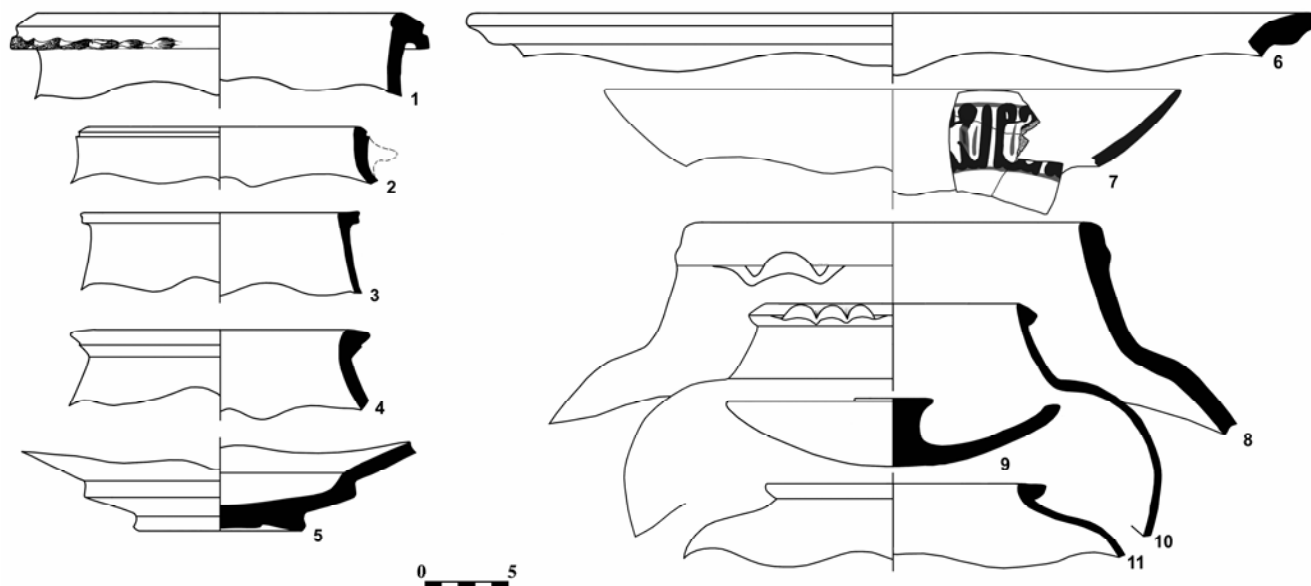

Рис. 1. Керамика раскопа

лы находятся в комплексах второй половины X - начале XIII вв. (Байпаков, Савельева, Чан, 2005. С.78)

Котлы снабжались широкими вогнутыми крышками с приземистой грибовидной ручкой в центре (рис. 1 № 9). Хотя эти крышки датируются в пределах X-XII вв., Г.В. Шишкина на материале Афрасиаба считает, что полусферические крышки с полкой или грибовидной ручкой в неглазурованном виде более широко были распространены в IX-X вв. (Шишкина, 1979. С.19).

Находки из раскопа не дают более дробной хронологической шкалы и датируются в пределах X-XII вв. Однако обнаруженная в раскопе глазурованная посуда позволила несколько сузить хронологические рамки и предположить более точное время запустения исследуемого участка рабада. В первом ярусе найден фрагмент блюда, покрытый бесцветной глазурью по белому фону. Блюдо изготовлено с уступчатым изломом профиля, образующим углубление у основания (рис. 1, № 1). По своей форме оно характерно для IX-X вв. (Шишкина, 1970. С. 88; Брусенко, 1986. С. 122; Ташходжаев, 1967. С. 17). Ранняя дата подтверждается и орнаментацией в виде небольшого узелка в центре дна блюда по сплошному белому фону (рис. 1).

Второй фрагмент блюда с эпиграфическим стилизованным орнаментом по белому фону, покрытый бесцветной глазурью, происходит из III яруса. Надпись выполнена темно-коричневым цветом, вершины букв обращены к краю (рис. 1. № 7). По мнению Г.В. Шишкиной, подобное расположение букв, которые необходимо рассматривать изнутри блюда, начинает практиковаться с XI в. (Шишкина, 1979. С. 56). Этой датировке не противоречит и керамика Шаша с аналогичным декором (Брусенко, 1986. С. 121, 125. Табл. 34, 38) и Отрара (Байпаков, 1986. С.105, 108).

Комплекс глазурованной керамики дополняет фрагмент носика чирага, покрытый зеленой глазурью по белому ангобу, обнаруженный на полу у очажка. Чираги со схожими формами и зеленой глазурью имели широкую географию распространения. По мнению большинства ученых, они датируются XI-XII вв. (Брусенко, 1986. С. 63; Сенигова, 1972. С.155; Ильясова, 1990. С. 172-178).

Вышерассмотренные находки позволяют датировать весь археологический комплекс изучаемого участка рабада XI-XII вв.

Создается впечатление, что помещение было оставлено в спешном порядке и поэтому многие предметы оказались брошенными. Ранее мы выдвигали предположение о том, что рабады Испиджаба, возможно, прекратили свое существование в предмонгольское время (Байтанаев, 2003.

С. 33). Теперь на основании датировки вышерассмотренного керамического комплекса мы это делаем более уверенно. Ситуация, в которой были оставлены предметы, находит объяснение в письменных источниках. Якут ал-Хамави в своем географическом словаре при описании города Испиджаба сообщает, что Хорезмшах Мухаммед за несколько лет до вторжения монголов завладел Мавераннахром и уничтожил царство Ханидов (Караханидов). Когда из Ханидов, защищавших свои территории, не осталось никого, он приказал разрушить пограничные крепости, разграбить города и выселить их жителей. «И остались эти сады, опустевшими полностью, заставляя плакать глаза и скорбеть сердца из-за разрушенных замков и пустых жилищ и домов» - писал Якут ал-Хамави (Волин, 1960. С. 86-87).

В этой связи особо остановимся на очажке, найденном *in situ*. Очажок лепной, толстостенный, изготовлен из светлой серовато-кремовой огнеупорной глины. Тыльная сторона не обработана. Лицевая часть с арочным проемом и колоннами оформлена в виде фасада монументального архитектурного сооружения. Расположенные по краям колонны имеют прямоугольные базы со слегка расширяющимися кверху стволами. Они увенчаны конически расширяющимися капителями, поверхность которых покрыта орнаментом в виде мелких ячеистых углублений, выполненных насечкой. Капители отделены от верхней части ствола пояском в виде крученого жгута. По верхнему краю лицевая часть украшена рельефным карнизом, так же покрытым мелкими ячеистыми углублениями. Между аркой входа и карнизом, по центру над фасадом помещен V-образный выступ, декорированный аналогичными ячеистыми углублениями. В верхних тимпанах по обе стороны арки размещены декоративные круглые розетки в виде сосков. Они тоже покрыты мелким ячеистым орнаментом (рис. 2). Несомненно, лицевая часть очажка довольно точно отражала особенности раннесредневековой архитектуры. Возможно, мелкий ячеистый орнамент имитировал при этом резьбу по дереву украшавшую деревянные капители, карнизы и, возможно, деревянные розетки на стенах традиционной доисламской культовой архитектуры. Некоторые ее образцы известны нам по раскопкам городища Куйрыктобе (Байпаков, Терновская, 2005. С. 46-47, 198). Здесь следует отметить, что еще М.Е. Массон при изучении резного дерева Зарафшана обратил внимание на стилизованные колонки очажков, посчитав их стиль схожим со стилем колонок Искодаринского михраба (Пугаченкова, Ремпель, 1972. С. 207).

Перед лицевой частью очажка на полу нахо-

дилась большая крупная жаровня с вертикальным бортиком по краю. Она тоже сформована из огнеупорного теста и использовалась в роли резервуара для золы или разжигания огня (рис. 2. № 1). Он был вмазан в пол заподлицо. Задняя стенка резервуара, примыкающая к топке очажка, отсутствовала. Мы предполагаем, что, когда здание было брошено, очажок находился ближе к углу помещения. На очажке в это время, по видимому, находился котел, фрагмент которого сохранился на верхнем основании очажка, прижатом частями пахового завала. Доказательством этому является сама конструкция очажка, имеющая внутри специальные выступы, на которые устанавливались котлы различных размеров (рис. 2. № 2, 3). Тем самым оставалась щель, и создавалось тяга в замкнутом цилиндрическом пространстве. Очажок и резервуар, судя по износу, были длительное время в эксплуатации. Они имеют сильную закопченность, покрытую карбонатом. Если очажок до момента завала стены не имел существенных деформаций, то резервуар в процессе его эксплуатации претерпел значительный износ и получил повреждения в виде трещин, изломов и прокаленности различной степени.

Очажок лицевой стороной был обращен к югу. Следует отметить, что С.К. Кабановым при

изучении лессовой стены городища Афрасиаб был обнаружен очажок, которой также лицевой частью был обращен к югу. Он оказался установленным на суфе и найден *in situ* (Кабанов, 1992. С. 70-71).

К сожалению, нам не удалось достаточно подробно обследовать пространство с тыльной части очажка, поэтому утверждать, что очажок, встроенный в суфу, составлял с ней единое целое, мы не можем. На полу обнаружен большой раздавленный котел.

Средневековые очажки обнаружены в Шаше, Фергане, Уструшане и других областях. В Отраре они делятся на три группы. Выделяются очажки в виде тагара с прямыми стенками. Они устанавливались на полу и верхним основанием вмазывались заподлицо и, по мнению исследователей, представляли своего рода сандалы.

К.М. Байпаков считает, что южно-казахстанские очажки отражают представления о космосе и духовно-религиозные воззрения местного населения, бытовавшие задолго до распространения ислама. В то же время ученый не отрицает хозяйственно-бытового назначения этих предметов (Байпаков, 1987. С. 57, 59).

Работ, посвященных изучению очажков, написано сравнительно немного. Среди изданных трудов выделяется статья Г.А. Пугаченковой и Л.И.

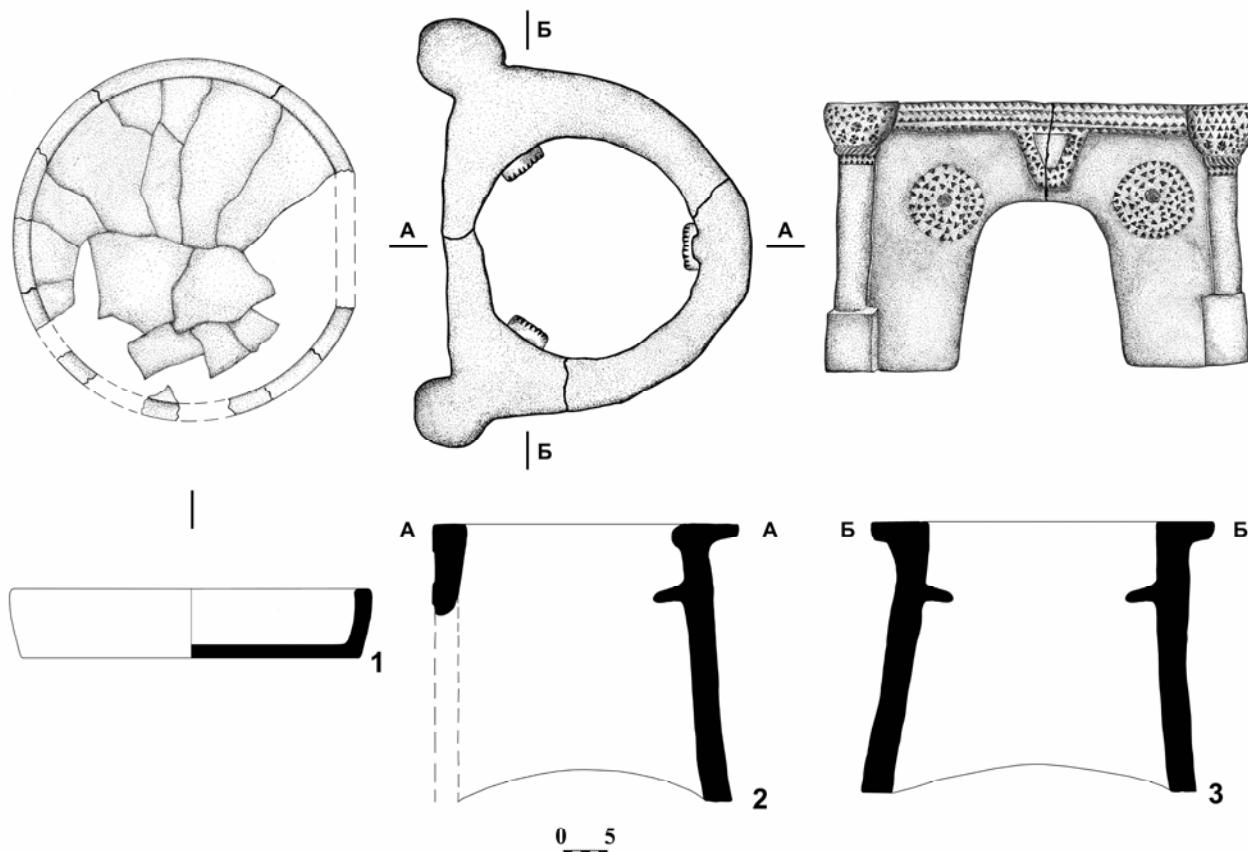

Рис. 2. Терракотовый очажок

Фото 1.

Фото 2.

Ремпель. В ней подробно освещаются основные типы очажков Самарканда, история их изучения, орнаментация, символика и смысловая нагрузка декора. Авторы приходят к мысли, что очажки связаны с интимным культом домашнего очага, сохранившегося в период активной исламизации Средней Азии (Пугаченкова, Ремпель, 1972. С. 231). Учитывая неудобство в использовании и богатую орнаментацию, ученые делают заключение, что использовались они не в бытовых, а в ритуальных целях (Пугаченкова, Ремпель, 1972. С. 228).

Аналогичная точка зрения высказана С.Б. Луниной. На основе анализов различных предметов, связанных с культом огня и не только очажков, она утверждает, что большие очаги выполняли роль домашних алтарей, а маленькие - были связаны с поддерживавшимся в X-XII вв. культом предков (Лунина, 1991. С. 171).

Наряду с точкой зрения о сугубо культовом назначении очажков существует и мнение об утилитарном их назначении. В.Ф. Гайдукевич и Ю. Якубов, например, видят в них художественно обработанные бытовые очаги (Байпаков, 1987. С.57).

Интересна в этом плане работа Г. Мирзалиева. Изученные им очажки Эски Ахси и внешне схожи с самаркандскими, но, в отличие от них, имеют меньшую разомкнутость. У внутреннего края верхней полочки очажков замечены следы изношенности от стоявших на них кухонных сосудов. На основе этого Г. Мирзалиев сделал справедливое заключение об использовании очажков в качестве подставок для котлов (Мирзалиев, 1987. С. 90-92).

В этой связи показательным является очажок из Сайрама. Весь сопутствующий материал, а это в основном кухонная посуда, указывает на то, что очажок был установлен в кухонном помещении и имел, в первую очередь, бытовое назначе-

ние. Его форма, по сути, является замкнутым цилиндром, оформленным со стороны топки в виде портала здания. Он отличается от самаркандских очажков лишь конструктивно, но не принципиально. В нем бытовой акцент выражен, в отличие от самаркандских, более отчетливо.

На наш взгляд, самаркандские очажки, даже учитывая их богатую орнаментацию, нельзя относить к предметам, использовавшимся исключительно в ритуальных целях. Об этом говорит сама конструкция очажков из Самарканда. Хотя нельзя отрицать и их культовый аспект. Однако, если исходить из исторических реалии, то огненный ритуал и культ предков сохранился почти у всех народов земного шара и почти во всех религиях, а у народов Центральной Азии, исповадовавших ранее зороастризм, они выражены более ярко.

К тому же очажки, в отличие от керамической посуды, несомненно, были продукцией штучной, поэтому каждый из них имел индивидуальный декоративный облик. Самаркандские очажки, независимо от их художественного оформления, едины как конструктивно, так и функционально. Все они представляют собой незамкнутый цилиндр с горизонтальной поверхностью. Если бы очажки использовались исключительно для ритуальных целей, то этот стандарт не имел бы места и был бы индивидуальным, как и их художественное оформление. Несомненно, наличие единых требований в конструкции (цилиндр, ровная горизонтальная поверхность), указывает на использование их, в первую очередь, в утилитарных целях. Эта функция заключается в установке котлов или схожей кухонной посуды, и вряд ли были они неудобны в употреблении. Сам по себе цилиндр разомкнутой формы удобен для установки и использования котла.

В декоре самаркандских очажков среди архитектурных элементов в большинстве случаев на-

личеству колонны. Причем почти все колонны расположены во внутренней части по центру. Некоторые из них в верхнем основании имеют небольшой выступ (Пугаченкова, Ремпель, 1972. С. 220), оформленный в виде капители колонн.

На очажке, найденном Ш.С. Ташходжаевым, эта деталь наиболее заметна (Пугаченкова, Ремпель, 1972. С. 213). По нашему мнению выступы у верхнего основания по центру изготовлены специально для создания тяги. В очажке найденном Ш.С. Ташходжаевым, горизонтальная плоскость передана двумя ярусами - большим и малым очажками. Функционально они повторяют сайрамский очажок, на котором выступы были рассчитаны на посуду разных размеров. То есть большой очажок, в этом своего рода сервизе, был рассчитан на большой котел, малый – для котлов меньших размеров. Мы также предполагаем, что изначально все очажки снабжались резервуарами-сандалами, где разжигался огонь или выполнялись иные действия связанные с использованием огня. Просто эти резервуары, за редким исключением, не дошли до нас.

Показательным в этом отношении является и очажок найденный в 1934 году М.Е. Массоном при изучении памятников среднего течения Ангрена. Очажок («оштон» или «тонурча») был найден ученым в слое X-XI вв. с сопутствующим материалам в виде фрагментов толстостенных противней, шириной до 55 см. Наблюдения ученого очень ценны. М.Е. Массон писал: «Внутренние поверхности «противней» заметно прокопчены и даже прожжены на значительную глубину в связи с тем, что они клались на пол под переносный очажок или на них непосредственно лежало сжигавшееся топливо. На двух кусках таких «противней» оказалось по одному отверстию» - (Массон, 1953. С. 58).

В отличие от самаркандских, на уструшанских очажках колонки располагались не на внутренней поверхности, а на краях фронтальных плос-

костей или изготавливались без них (Гайдукевич, 1947, с. 107, рис. 54; Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, с. 130, рис. 55; Грицина, 2000, с. 135-139). В столичном центре Уструшаны Букужикоте раскопан производственно-жилищный ком-плекс мастера-керамиста, который специализировался на производстве очажков и матриц-штампов к ним (Мкртычев, 1987, с. 313-317).

Самаркандские мастера, создававшие художественные облики очажков, изображали колонны так, чтобы при установке котлов их днища упирались в капители колонн. При этом колонны как бы становятся монументальными опорами котлов. По археологическим материалам известно, что племена саков и кангюй относились к котлу как предмету сакральному. Здесь достаточно упомянуть находки бронзовых котлов саков, изготовленных на длинных зооморфных «ногах». Можно привести роговидные подставки под котлы каучинской и отрарско-каратауской культур. Да и сами котлы, найденные рядом с сайрамским очажком и имеющие ручки-налепы в виде гребня, также не лишены сакральной семантики. И весь процесс приготовления пищи и добывания огня, надо полагать, тоже был сакрализован.

Резюмируя, отметим, что сайрамский очажок с комплектом сопутствующих находок и особенностями их расположения, прояснил ряд вопросов, заключающихся, в первую очередь, в его назначении и использовании. На основании аналогичных находок мы пришли к убеждению, что очажки имели функцию подставок под котлы и обязательно снабжались резервуарами (противнями). В свою очередь отметим, что обнаруженные в Отраре очажки в виде тагара, называемые в некоторых случаях сандалами, очевидно, первоначально тоже были снабжены очажками для установки котла, которые просто не дошли до нас в комплекте, а найдены лишь во фрагментах как сопутствующий материал.

Использованная литература

- Ахраров И. Кухонная керамика Ферганы IX-X вв. // ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). – Алма-Ата, 1986.
- Байпаков К.М. Культ огня на Сырдарье // Известия АН Каз.ССР. Серия общественных наук. 1987.-№5.
- Байпаков К.М. Терновоя Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). – Алматы, 2005.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чан Г.К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. - Алматы, 2005.
- Байтанаев Б.А. Древний Испиджаб. Средневековые города Южного Казахстана на Великом шелковом пути. Шымкент – Алматы, 2003.
- Брусенко Л.Г. Глазуванная керамика Чача IX-XII веков. - Ташкент, 1986.
- Волин С. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 8. Алма-Ата, 1960.
- Гайдукевич В.Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943-1944 гг. (Предварительное сообщение) // КСИИМК. Вып. 14. Москва-Ленинград, 1947.

- Грицина А.А. Уструшанские были. Ташкент, 2000.
- Ильясова С.Р. Ахсикетские чираги // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.
- Кабанов С.К. Раскопки лессовой стены на городище Афрасиаб // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992.
- Массон М.Е. Ахангеран. Ташкент, 1953.
- Мирзалиев Г. Терракотовые очажки Эски Акси // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987.
- Мкртычев Т. К семантике одного колыба из Бунджиката // МКТ. Вып. 4. Душанбе, 1987.
- Лунина С.Б. Изделия X-XII вв., связанные с культом огня и культом предков // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
- Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе, 1973.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Самаркандские очажки // Из истории искусства Великого города: (к 2500-летию Самарканда). Ташкент, 1972.
- Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
- Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда IX-начала XIII вв. Ташкент, 1967.
- Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКЕ ТАШКЕНТА

В перечне товаров, вывозимых из Хорасана и Мавераннахра, арабский путешественник X в. Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад Мукаддаси указывал, что «нет равных ... лукам Хорезма, глиняным изделиям Шаша и бумаге Самарканда» (Бартольд, 1963, с. 295; Материалы, 1939, с. 202; Muqaddasi, 1994, с. 287). Это краткое упоминание о глиняных изделиях интерпретируется по-разному (Буряков, 1961, с. 272, Шишкина, 1979, с. 69). Возможно, что речь у Мукаддаси вполне могла идти о глазурованной керамике Ташкентского оазиса и его средневековой столицы Бинкета. Высокое качество керамики Ташкента могут подтвердить публикуемые здесь сосуды.

Данные о глазурованной керамике Бинкета нашли отражение в ряде статей и специальной монографии (Брусенко, 1973, с. 86-101; Брусенко, 1975, с. 121-127; Брусенко, 1976, с. 80-114; Брусенко, 1986). Тем не менее, новые находки продолжают пополнять наши представления о разнообразии и высоком качестве глазурованной посуды Шаша. С целью показать продукцию гончарного ремесла этого региона, практически не упоминаемую в современной западной научной литературе, нами были опубликованы за рубежом две статьи (Pyasova/Wischnewskaia, 2002, S. 114-126; Pyasova/Imamberdiyev, 2005, S. 91-101), материалы которых частично использованы в данной работе. В ней представлены находки, сделанные в последние годы при строительных работах на территории города Ташкента.

Публикуемая керамика украшена подглазурной монохромной и полихромной ангобной росписью по фону, полученному путем сплошного покрытия сосудов белым ангобом. Глазурь бесцветная, на всех изделиях, кроме чаши № 11, она снаружи доходит до поддона. По виду декора сосуды разделены на три группы: с эпиграфическим, зооморфным и растительно-геометрическим орнаментом.

Сосуды с эпиграфическим орнаментом.

1. Чаша конической формы на кольцевом поддоне (рис. 1: 1). Д (диаметр венчика) = 35, д (диаметр дна) = 14, В (высота) = 14,4 см. Роспись выполнена черной и красной красками.

Надпись почерком простого куфи, верхушки букв обращены к центру сосуда:

ал-джуду мин ахлаки ахли л-джанна, ал-сала [мату].

Перевод: «Щедрость – из душевных качеств обитателей Рая. Безопасность».

Слово ал-сала[мату] – «безопасность» (другие значения: благополучие, целостность, спасение, здоровье) отделено от остальной надписи двумя узкими каплевидными фигурами.

Четыре короткие надписи, выполненные красной краской ближе к дну сосуда, представляют собой нечитаемое повторение двух-трех букв.

Афоризм «Щедрость – (одно) из душевных свойств обитателей Рая», очень часто украшавший самаркандскую и нишапурскую керамику саманидского периода (Большаков, 1963, с. 37-46, рис. 2, табл. 2-4; Ghouchani, 1986, №№ 3, 27, 41, 55, 68, 101, 126, 139), встречается и на бинкетской керамике (Ильясова, Мирзаахмедов, Адылов, 2000, с. 233, рис. 4,1; Pyasova, Wischnewskaia, 2002, S. 121, рис. 4).

По форме и стилям почерка данную чашу можно датировать концом IX – началом X вв. (Шишкина, 1979, с. 53, табл. 14: 13; Брусенко, 1986, с. 54, табл. 29).

2. Чаша с перегибом стенок, на кольцевом поддоне (рис. 1: 2). Д = 33 см, д = 12,7 см, В = 9. Подглазурная роспись темно-коричневого и окристо-красного цвета, дополненная гравировкой.

Надпись почерком «цветущий куфи»: инна л-саламата ма самита ва иннама йубди батаната зи л-уйуби [каламун].

Перевод: "Безопасность заключена в молчании и только речь показывает изнанку человека с недостатками".

Перевод данного афоризма, выполненный Дж. Беллами, был приведен в статье Л. Волон (Голломбек) (Volov, 1966, p. 133, pl. 1, fig. 3). Она опубликовала сосуд, хранящийся в Бруклинском Музее, с грамотной и полной надписью почерком простого (строного) куфи. В книге А. Кучани, помимо бруклинского, опубликован еще один сосуд с аналогичной надписью, место хранения которого неизвестно. Надпись на втором сосуде выполнена почерком керамического курсива, в заключительной части она совершенно искажена (Ghouchani, 1986, pp. 140-141, 164-165, pls. 60, 72). На публикуемом бинкетском сосуде отсутствует последнее слово афоризма «каламун», но все остальные слова написаны грамотно, в них проставлены почти все диакритические точки. Среди бинкетской керамики до сих пор был встречен лишь небольшой фрагмент сосуда с аналогичной надписью (Ильясов/Ильясова, 2001, с. 27). Наиболее близкий почерк имеется на чаше

Рис. 1

из коллекции Давида (Folsach, 1990, p. 84, No. 69; Ghouchani, 1986, p. 48-49, pl. 14).

Аналогии мотиву волнистой линии с отходящими от нее полупальметтами находим в материалах из Самарканда (Shishkina/ Pavchinskaja 1992, p. 95, No. 154). Сложная и изящная плетенка, украшающая середину бинкетской чаши, не имеет прямых аналогий, хотя пальметты часто использовались в декоре керамики саманидского периода. Они есть в материалах из Ташкента, Самарканда, Нишапура (Брусенко, 1986, табл. 11: 2; Шишкина, 1986, рис. 26: 3; Ghouchani, 1986, p. 118-119, pl. 49). Наиболее близка к нашей композиция на дне самаркандской чаши с эпиграфиче-

ским орнаментом (Шишкина, 1979, табл. ЛП: 3). Все аналогии датируются в пределах X в.

По особенностям написания букв и дополняющим их элементам, наш сосуд относится к третьей группе керамики с плетённым (цветущим) куфи, выделенной Л. Волон. Проследив время появления переплетений прямоугольных букв и растительных завитков в надписях на саманидских монетах, она датирует эту группу в пределах от 935-36 годов до конца X в. (Volov, 1966, p. 130).

3. Коническая чаша, дно утрачено (рис. 1: 3). Д = 28, д (реконструируемый) = 11, В = 9. Поверхность целиком покрыта белым ангобом и светло-зеленоватой глазурью. Подглазурная монохромная роспись, дополненная гравировкой.

Надпись почерком «цветущий куфи»: ашрафу л-гина тарку л-муна, баракатун.

Перевод: «Благодарнейшее из богатств – отказ от желаний. Благословение». Данный афоризм, относящийся к высказываниям имама Али, прочитан на сосудах из Самарканда и Ахсикета (Фергана) (Большаков, 1966, с. 54-55, табл. 1: а, б; Shishkina/Pavchinskaja, 1992, р. 55, No 132; Ахраров/Мирзаахмедов, 1983, с. 163). А. Кучани опубликовано 5 нишапурских сосудов с этой надписью (Ghouchani, 1986, pp. 60-61, 98-99, 112-113, 172-173, 278-279, pls. 20, 39, 46, 76, 129). Декоративный мотив, расположенный вокруг надписи – волнистая линия с узлами – встречается на керамике Ташкента и Самарканда (Брусенко, 1986, табл. 23: 8; Шишкина, 1986, рис. 25: 2, 6; более усложненный вариант: Ильясова, Имамбердиев, 2000, с. 5), есть он на чаше из коллекции Тарека Раджаба, датируемой X в. (Fehervari, 2000, р. 56, No. 53). На керамике Нишапура, опубликованной Ч. Уилкинсоном, данный мотив более упрощенный (Wilkinson, 1973, pp. 112, fig. 12). Г.В. Шишкина отмечает, что он характерен «только для X в.» (Шишкина, 1986, с. 54). Чаши из коллекций Х. Анавьяна и Давида (Ghouchani, 1986, pp. 26-27, pl. 3; Folsach, 1990, р. 84, No. 70) очень близки по декоративному оформлению и почерку надписей к публикуемой бинкетской чаше, датируемой X в.

4. Коническая чаша на дисковидном поддоне (рис. 1: 4). Д = 28,5, д = 11,7, В = 8,3. Белый ангоб по всей поверхности, включая поддон. Бесцветная прозрачная глазурь внутри и снаружи с затеками на дно. Подглазурная роспись коричнево-черным и охристо-красным цветом.

На точечном фоне надпись, выполненная почерком керамического курсива. В ней различаются слова «ал-хилм» - «кротость», «ал-са'ад» - «счастливый», однако в целом прочесть её не удалось.

По мнению исследователей, сосуды с данной разновидностью декора были характерны для продукции мавераннахрских мастерских X в. (Wilkinson, 1973, р. 130-131; Шишкина, 1979, с. 54). Надпись почерком простого куфи или курсивом иногда располагается не только по кругу, но и на дне сосуда (Wilkinson, 1973, р. 146, № 1, р. 149, № 11b; Шишкина, 1979, табл. LXI: 4; Ghouchani, 1986, pls. 51, 69, 84; Shishkina, Pavchinskaja, 1992, р. 55, № 147), часто центр композиции занимает растительный или геометрический орнамент (Ghouchani, 1986, pls. 4, 10, 12, 22, 23, 31, 34, 71; Shishkina/Pavchinskaja, 1992, р. 58, №№ 142, 143; Grube, 1994, р. 80, No. 70; Fehervari, 2000, р. 58, No. 55). Близкую аналогию центральному элементу декора нашего сосуда –

четырёхлопастному вертуну – дает чаша X в. из Илака (городище Тункет) (Буряков, 1961, с. 274, табл. II: 1; Шишкина, 1979, с. 56, табл. LXXVI: 3). Хотя на последней нет надписи, принцип её орнаментации – точечное заполнение контурных фигур – аналогичен. По всем перечисленным признакам сосуд датируется X в.

Вторую группу публикуемых сосудов составляет керамика с зооморфными изображениями.

5. Чаша полусферической формы на плоском поддоне (рис. 2: 1). Д = 26, д = 11, В = 6,4. Роспись коричневой краской разных оттенков с растеками зеленых пятен. Изображена стилизованная птица с веерообразным хвостом и схожей формы крылом. Бордюры по устью чаши выполнены в оригинальной манере, не известной нам по другим образцам. Приемы декорирования – точечное заполнение полосы вдоль устья, мотив «павлиний глаз» на туловище птицы, зеленые пятна, а также штриховое заполнение фона, представленное в декорировке туловища и хвоста данной птицы, весьма характерны для керамики Шаша (Шишкина, 1979, с. 54; Брусенко, 1986, с. 47, 50, 55). Датировка чаши в пределах X в. (Ильясова, 2005, с. 38).

6. Чаша конической формы на дисковидном поддоне (рис. 2: 2). Д = 22, д = 9,6, В = 6,2. Роспись выполнена в оливковой гамме, с деталями и контурами, нанесенными тонкими красно-коричневыми линиями.

Изображена птица с длинным двойным хохлом, крупным листовидным крылом и раздвоенным хвостом, напоминающим рыбий хвост. Вокруг птицы изображены полупальметты, фигура в виде круга с отходящими в две стороны трилистниками, остальной фон занимают фигуры с заполнением в виде «глазков» и точек. По устью чаши тянется бордюр из полукругов и плетенка. В декорировке использован также прием процарапывания по росписи до нанесения глазури. Снаружи чаша украшена черными полукруглыми и красными каплевидными фигурами, расположенными вертикальными рядами.

Аналогичные изображения птицы, выполненные в оливковой и в темно-коричневой гамме, известны по находкам в Ташкенте отдельных фрагментов (Зильпер, 1976, с. 54, рис. 22: 1, 6; Брусенко, 1975, рис. 1; 1а; Брусенко, 1986, табл. 46: 1, 4). Нет сомнений, что данное изображение птицы было характерно именно для бинкетских керамических мастерских, что подтверждает публикуемая чаша. Ее датировка – X в. (Ильясова, Имамбердыев, 2000, с. 4).

7. Фрагмент донной части чаши с изображением птицы; слегка выделенный кольцевой поддон, д = 11 (рис. 2: 3). Роспись выполнена в коричне-

Рис. 2

вой и красной гамме. В декоре туловища использована штриховка, заполняющая фон, на котором помещены фигуры в виде листов и завитков. Подобный вариант изображения птицы нам встречается впервые. Датировать чашу по манере декорировки можно в пределах X в. (Ильясова, 2005, с. 39).

В целом, изображения птиц на изделиях прикладного искусства Мавераннахра имели, по-видимому, не только декоративное, но и апотропеическое значение, и восходили к традиционным представлениям о животных, приносящих благо. Применительно конкретно к глазурованной керамике, истоки многих композиций с зооморфными сюжетами восходили к люстровой керамике Ирака и Западного Ирана IX-X вв. (Kühnel, 1925, рис. 36; Grube, 1976, р. 63; 67; 69, Nr. 23; 29; 30; 32; Шишкина, 1979, с. 60; Caiger-

Smith, 1985, fig. 7; 8a; 13, pl. III; Брусенко, 1986, с. 74).

Следует отметить, что изображения птиц на керамике Шаша разнообразны и отличаются, по мнению Л.Г. Брусенко, некоторыми локальными особенностями (Брусенко, 1986, с. 75). Публикуемые нами образцы также свидетельствуют о творческом поиске бинкетских мастеров и существовании локальных вариантов орнитоморфного декора.

Третья группа: растительно-геометрический орнамент.

8. Полусферическая чаша, с закругленным внутри краем, на кольцевом поддоне (рис. 3: 1). Д = 24,5, д = 10,3, В = 8,2. Подглазурная роспись коричнево-черным и охристо-красным цветами, дополненная гравировкой (пальметты и „бутоны“).

Все элементы, составляющие композицию, а именно пальметты, полупальметты, листовидные фигуры («бутоны»), а также заполнение фона точками, обычны для декора керамики X в. и выполнены, по мнению исследователей, под влиянием декора металлических изделий (Шишкина, 1979, с. 56). Однако на этом сосуде они даны в очень своеобразном сочетании, аналогий которому мы не имеем.

9. Полусферическая чаша на дисковидном, слегка вогнутом поддоне (рис. 3: 2). Д = 33,5, д = 12,5, В = 10,5. Подглазурная роспись коричнево-черным и охристо-красным цветом, дополненная гравировкой.

Бортик чаши между необычно пышными букетами украшен стилизованными надписями (повторяющееся «ал-бирр»?). Букеты, в том числе двойные, были среди наиболее популярных

Рис. 3.

мотивов в декоре глазурованной керамики Мавераннахра (Ильясова, 2000, с. 62-66). Бинкетскому букету близки изображения на ахсикетской (Фергана) и самаркандской чашах (Ильясова, 2000, табл. 1: 3; Шишкина, 1986, рис. 37: 2). Чаша из Самарканда датирована концом X – началом XI в. По чачским материалам появление пышных вариантов букета датируется также концом X – началом XI в. (Брусенко, 1986, с. 59). Весьма оригинальный облик сосуду из Ташкента придает «цветок», помещенный в центре каждого из двух букетов. Аналогий подобному варианту композиции мы пока не имеем.

10. Тарелка на кольцевом поддоне (рис. 3: 3). Д = 41,6, д = 15,6, В = 6. Подглазурная роспись в

темно-коричневой и красной гамме.

Тарелка украшена изображением пяти цветочных букетов без длинных стеблей, чередующихся с отрезками в виде зубчатых полосок, под которыми нанесены тонкие линии с мелкими точками (псевдонадпись). Это уникальная разновидность подобного декора. Вариант с тремя подобными букетами имеется среди ахсикетских материалов (Ильясова, 2000, с. 62, рис. 2: 1). Форма сосуда, а также элементы орнамента, такие, как букеты с заштрихованными цветочными розетками и линии с мелкими точками, характерны для X в. (Шишкина, 1979, табл. 12: 7; Шишкина, 1986, с. 56, рис. 44; Брусенко, 1986, с. 51; Ильясова, 2000, с. 62).

11. Полусферическая чаша на кольцевом поддоне (рис. 3: 4). Д = 27,5, д = 11,4, Н = 9. Роспись в темно-коричневой и охристо-красной гамме, процарапывание. Снаружи глазурь доходит до середины чаши.

Декор в виде шести совершенно стилизованных цветочных букетов, вырастающих из центра сосуда; оригинальна шестилепестковая розетка в центре сосуда. Между букетами по устью чаши расположены отрезки каймы, утратившей зубчатость, и цепочки из точек. Эти элементы характерны для конца X – XI вв. (Шишкина, 1986, с. 56, рис. 44). Аналогии упрощенным букетам имеются среди материалов XI в. с городища Ахсикет (Фергана) (Ильясова, 2000, с. 62, рис. 2: 3). К признакам XI в. относится частичное покрытие глазурью с внешней стороны. Сосуд из Ташкента может быть датирован началом XI в.

Работы Л.Г. Брусенко и других исследователей показали, что в IX-X вв. керамика Ташкента не уступала по качеству, а также богатству и разнообразию декора, продукции мастеров Самарканда и других центров керамического производства на территории государства Саманидов. Представленные выше сосуды служат тому ярким свидетельством. Отметим, что некоторые из афоризмов (например, на чашах № 2 и 3) впервые встречены на бинкетской керамике; уникален декор на чашах № 5, 8, 9). Характерным именно для Ташкента можно признать изображение птицы на чаше № 6.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что новые данные будут полезны для дальнейшего изучения глазурованной керамики Средней Азии.

Использованная литература

- Ахраров И., Мирзаахмедов Д. Керамика и стекло Ахсикета // Художественная культура Средней Азии. IX-XIII века. Ташкент, 1983.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения, т. 1. М., 1963.
- Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв. // Эпиграфика Востока, 16. М-Л, 1963.
- Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв. // Эпиграфика Востока, 17. М-Л, 1966.
- Брусенко Л.Г. Художественная керамика Бинкета // Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
- Брусенко Л.Г. Зооморфные мотивы в глазурованной керамике Бинкета X-XII вв. // ИМКУ, вып. 12. Ташкент, 1975.
- Брусенко Л.Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета // Древности Ташкента. Ташкент, 1976.
- Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. Ташкент, 1986.
- Буряков Ю.Ф. Художественная керамика городища Тункет // Научные работы и сообщения, кн. 2. Ташкент, 1961.
- Зильпер Д.Г. Памятники в долине Салара и Карасу // Древности Ташкента. Ташкент, 1976.
- Ильясов Дж.Я./Ильясова С.Р. Арабские надписи на глазурованной керамике Мавераннахра IX-X вв. // Эпиграфика Востока, вып. 26. М., 2001.
- Ильясова С.Р. Мотив букета на глазурованной керамике IX-XII вв. // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. Москва, 2000.
- Ильясова С.Р. Зооморфные мотивы на ранней глазурованной керамике Чача // Культурная толерантность и самобытность традиций в искусстве Узбекистана. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию академика АН РУз, профессора Г.А. Пугаченковой. Ташкент, 2005.
- Ильясова С.Р./Имамбердыев Р. Искусство гончаров Бинкета // San'at, № 1, 2000.
- Ильясова С.Р./Мирзаахмедов Д.К./Адылов Ш.Т. Средневековое стекло и керамика Бинката-Ташкента IX-XI вв. Раздел 2. Керамические изделия // ИМКУ, вып. 31. Самарканд, 2000.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Москва/Ленинград, 1939.
- Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент, 1979.
- Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло, керамика. Вторая половина VIII – начало XIII в. Ташкент, 1986.
- Caiger-Smith A. Lustre pottery. London/Boston, 1985.
- Fehervari G. Ceramics of the Islamic World in the Tareq Rajab Museum. London/New York, 2000.
- Folsach K. Islamic art. The David Collection. Copenhagen, 1990.
- Ghouchani A. Inscriptions on Nishapur pottery. Tehran, 1986.
- Grube E. Islamic Pottery of the Eighth to the Fifteenth Century in the Keir Collection. London, 1976.
- Пьясова С./Wischnewskaya N. Glasierte Keramik von Binket (Taschkent) aus der Sammlung des Staatlichen Museums für Orientalische Kunst // Tribus, Jahrbuch des Linden-Museums Stuttgart, Band 51. Stuttgart, 2002.
- Пьясова С./Imamberdyev R. Eine Sammlung glasierter Keramik aus Taschkent // Tribus, Jahrbuch des Linden-Museums Stuttgart, Band 54. Stuttgart, 2005.
- Kühnel E. Islamische Kleinkunst. Berlin, 1925.
- Al-Muqaddasi. The best divisions for knowledge of the regions. Trans. B.A. Collins. Reading, 1994.
- Shishkina G.V./Pavchinskaja L.V. Terres secrètes de Samarcande. Ceramiques du VIIIe au XIIIe Siecle. Paris, 1992.
- Volov L. Plated Kufic on Samanid Epigraphic Pottery // Ars Orientalis, vol. 6. 1966.
- Wilkinson Ch. Nishapur: Pottery of the Early Islamic Period. New York, 1973.

РАСКОПКИ КАРАВАН-САРАЯ ТУРТКУЛЬТЕПЕ

Настоящая статья преследует цель наиболее полной публикации материалов, полученных в результате раскопок караван-сарая Турткультепе.

Караван-сарай Турткультепе расположен в Джизакской области Узбекистана, примерно в 20 км к западу от Заамина, к югу от автострады Джизак – Заамин (рис. 15). Местность эта представляет собой всхолмленную равнину, которая непосредственно примыкает к северным склонам Туркестанского хребта. Здесь проходила средневековая караванная дорога, описанная арабскими дорожниками. Рядом находятся два селения Пшагар и Бешпшагар. Последнее селение расположено в горной части, примерно в 10-12 км выше по Пшагарсаю. В этом районе локализуется средневековый рустак Шагар или Бушагар (Грицина, 1996, с. 101-102).

При обследовании Зааминского тумана группой Самаркандского отряда в 1964 г., а затем в 1973 г. совместным археологическим отрядом Института искусствознания и кафедры археологии ТашГУ, памятник почему-то не был отмечен, хотя хорошо просматривается со стороны дороги (Аминджанова, 1969, с. 137-142; Немцева, Дресвянская, 1986, с. 221-229). Особого внимания памятник не привлекал и последующих исследователей. Лишь в 1975 г. он был упомянут У. Алимовым, который определил его как поселение с цитаделью и прилегающей с юга территорией (Алимов, 1975, с. 21). Наше внимание он привлёк еще в конце 80-х годов, но только в 1994 удалось его обследовать, а в 1996 г. провести раскопки (Грицина, 1999, с. 67-69; Gritsina, 2003, p. 16-17).

Турткультепе имеет форму квадрата размерами 106х106 м. Наиболее возвышены северная и западная стены. Примерно посередине северной стены выделяется холм, возвышающийся на 2 м над стеной. Так как памятник уже при первом обследовании был определён как караван-сарай, то под этим холмом виделись остатки портала входного айвана.

Напротив этого холма, в южной стене, наоборот, находится впадина. Вероятно, караван-сарай имел, как минимум, две башни по углам, которые более чётко прослеживаются в северной части. Кроме того, вдоль западной и восточной стен выделяются ещё по два всхолмления, а вдоль южной стены тянется длинное возвышение. Высота внешних стен не превышает 5 м.

Среднюю часть памятника занимает впадина обширного двора довольно сложной конфигура-

ции. Вероятно, здесь находился и колодец, так как два сая (Гульбасай и Шурчасай) протекают на значительном расстоянии от него. Вода в них солёная (рис. 1; рис. 15).

Раскоп заложен на упомянутом выше холме, где предполагался главный вход. За реперную точку взята самая высокая часть холма. В ходе раскопок площадь раскопа постепенно увеличивалась и к концу полевого сезона она равнялась около 80 кв.м (рис. 1).

Сразу же под дерновым слоем в северной части раскопа, была выявлена стена портала шириной 125 см, выложенная из сырца размерами 42х21х7 см, характерными для саманидского времени (Лунина, 1984, с. 97). После того, как были зафиксированы западная и восточная стены входного айвана, раскопки продолжались уже вдоль них (рис. 2).

1-й слой представлял собой заполнение внутриайванного пространства завалом из сырцовых кирпичей, среди которых попадались обломки и целые жжёные кирпичи различных размеров, а также керамика. Судя по расположению и характеру завалов, они являлись остатками рухнувших частей портала и боковых стен входного айвана (рис. 3).

2-й слой - грунт средней плотности, который подстилал уровень поверхности или пола.

В 3-м слое расчищена стена, идущая параллельно западной стене айвана. Она находилась на расстоянии 0,7 м от неё и сохранилась на высоту трёх рядов кирпичей (рис. 3; рис. 7)). Кирпич

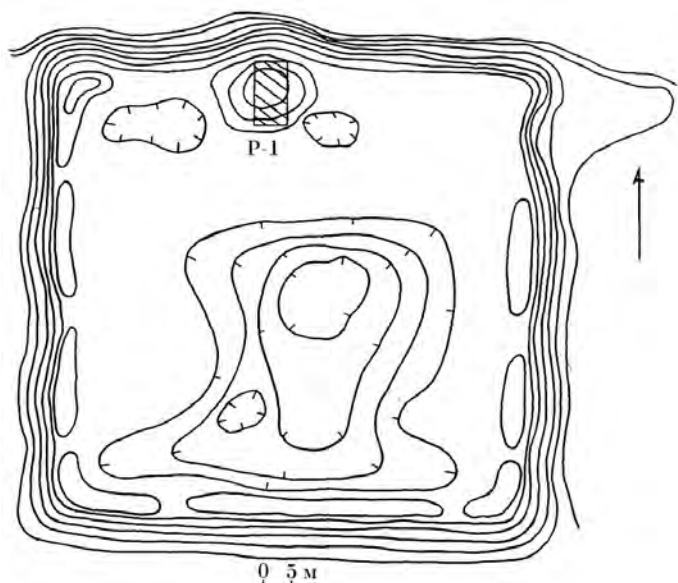

Рис. 1

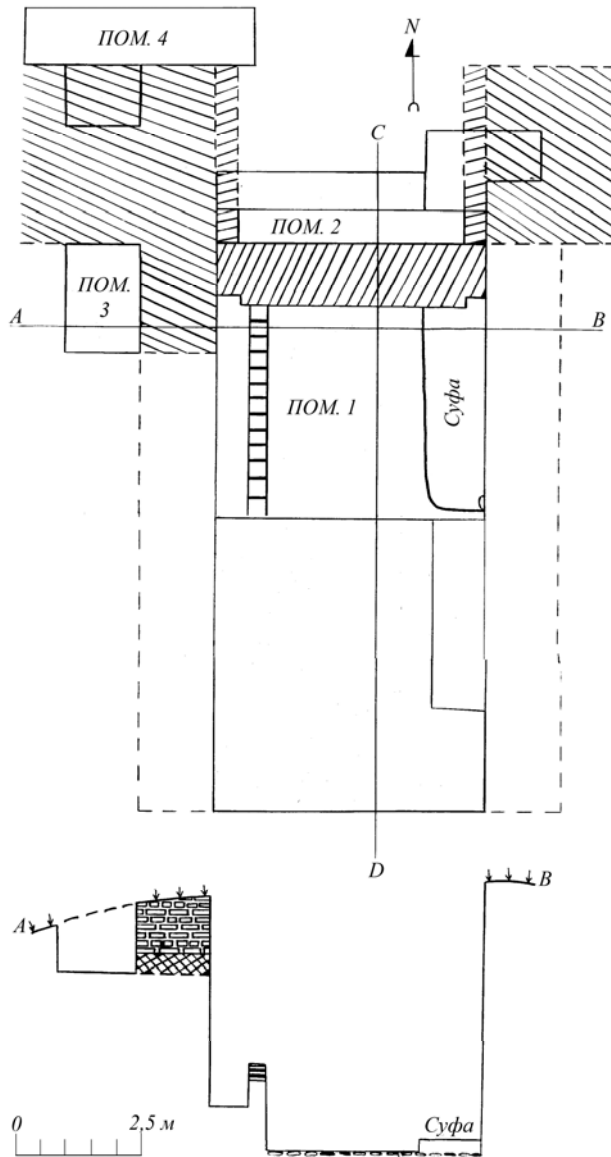

Рис. 2

сырцовый, квадратный, размерами 33х33х5,5 см. Прослежен уровень пола, связанный с этой стеной. В кладке использовались также обломки жжёных кирпичей.

В этом слое, среди обломков обычной посуды караханидского времени, попадалась поливная и неполиванная керамика XVI – первой половины XVII вв. Кроме керамики, были найдены осколки стеклянных сосудов, бронзовая ручка и закраина от бронзового котла (рис. 11). Все эти находки определяют и время возведения этой стены, и время вторичного обживания памятника, после длительного запустения.

И, наконец, последний 4-й слой представлял собой грунт средней плотности с зольными прослойками и керамикой IX–XII вв., лежащий на полу, выложенном из плоских камней и крупной гальки (рис. 3). Видимо, камнем был вымощен

весь пол входного айвана. Подобный способ укрепления полов входного айвана галечником, известен и на других караван-сараях (Kleiss, Kiani, 1994, p. 751).

Вдоль восточной стены айвана расчищена суфа «привратника». Сохранившиеся её размеры 4х1,15 м. Первоначальная высота суфы, по-видимому, составляла около 0,6 м. Возведена она была, судя по размерам жжёных кирпичей, в караханидское время и неоднократно подправлялась глиной (рис. 2).

С целью определения характера кладок и толщины основных стен входного айвана, заложено три небольших раскопа, условно обозначенных как помещения 2, 3, и 4 (рис. 2).

В помещении 2 удалось проследить внутреннюю щеку западной опоры пештака на 0,65 м, а восточной - на 1,05 м. Далее - обе опоры разрушены.

В помещении 3 выяснилось, что толщина западной стены составляет 1,4 м. Чётко фиксируется угол, образованный северной стеной помещения 3 и западной стеной входного айвана (рис. 2).

Внешняя стена караван-сарая сложена из пахсы прямоугольных сырцовых кирпичей саманидского формата и имеет толщину 3,6 м.

Западная стена входного айвана. Верхняя её часть возведена регулярной кладкой из кирпичей размерами 42х21х7 см, которые лежат на пахсо-

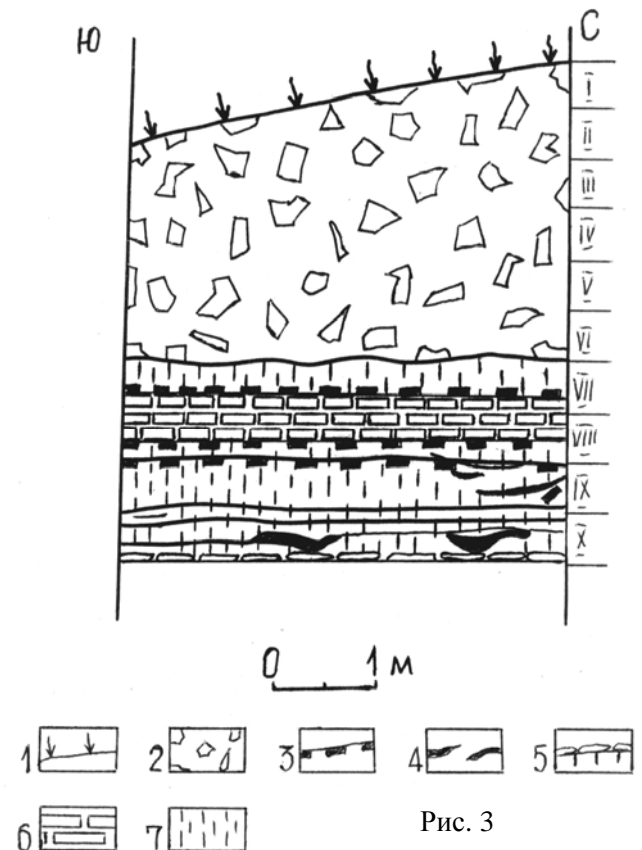

Рис. 3

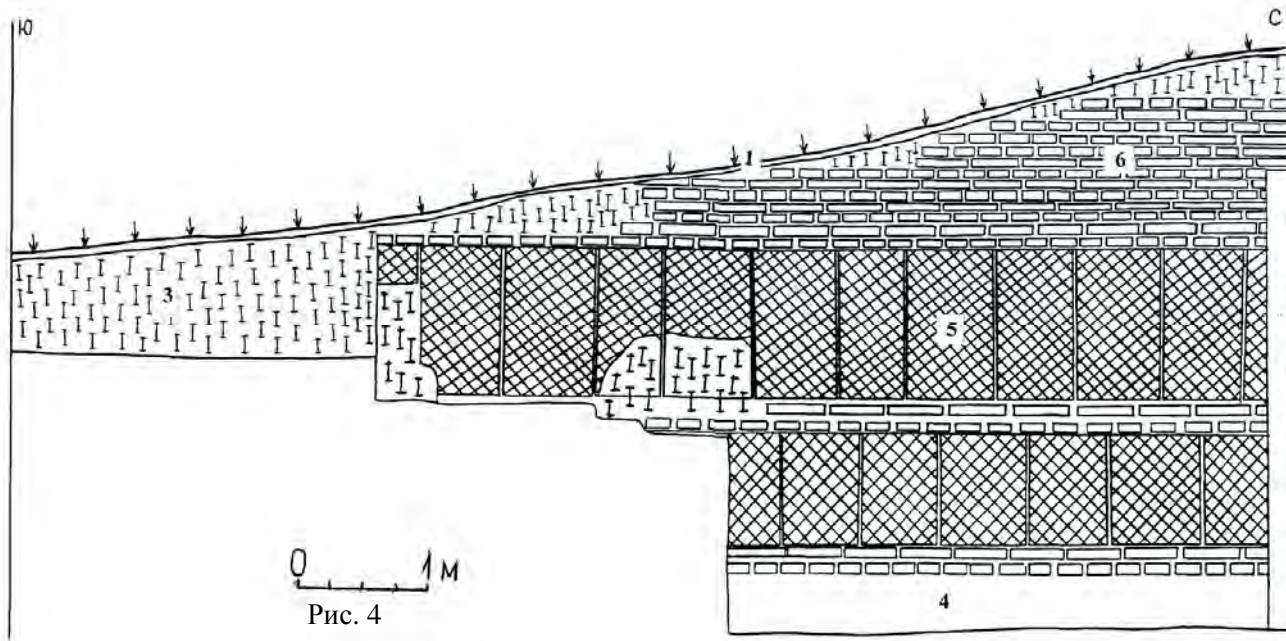

Рис. 4

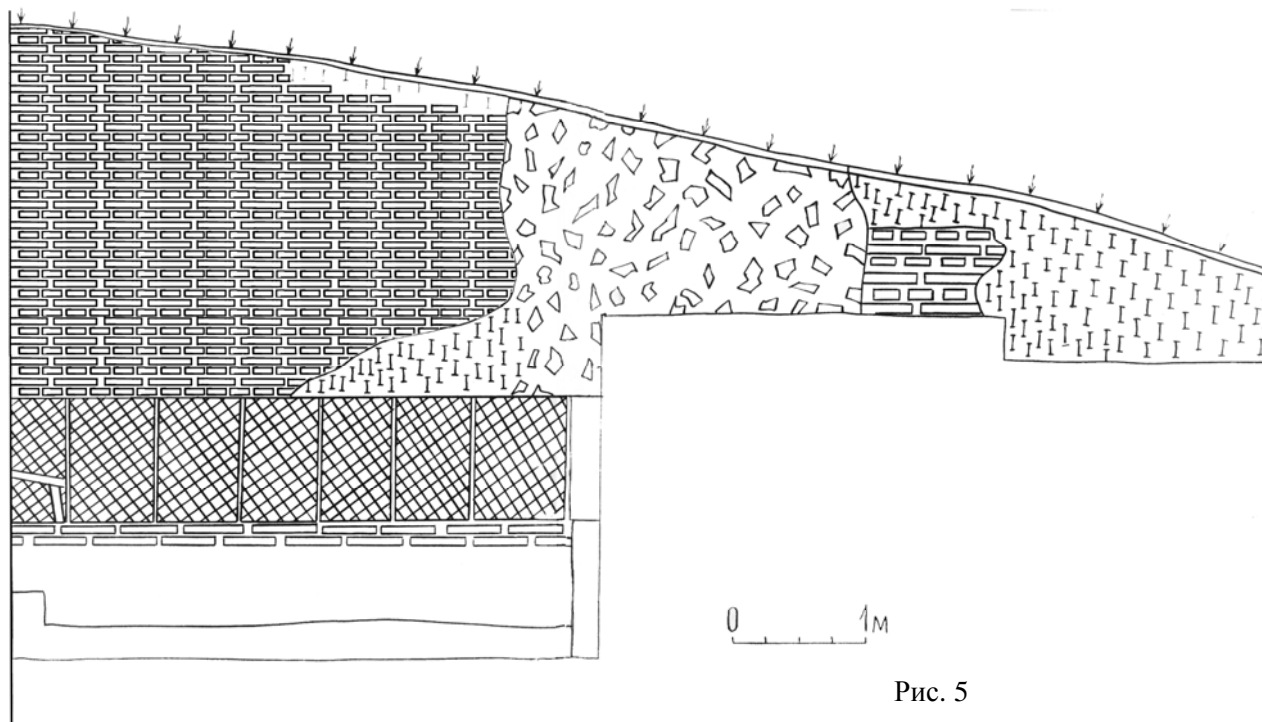

Рис. 5

вых блоках шириной от 53 до 70 см. Высота блоков составляет 112 см. Затем следует два ряда кирпичей и снова пахсовые блоки и так до самого основания (рис. 4; рис. 7). Считается, что кирпичи между пахсовыми блоками являются антисейсмическими поясами (Лебедева, Ширинов, 1997, с. 46, рис. 4).

Восточная стена входного айвана. Она не повторяет в точности западную стену по характеру кладки. Во-первых, размеры кирпичей несколько отличаются: 42x21x7 см. Во-вторых, в кладке не прослеживается чёткой последовательности в чередовании короткой и длинной сторон кирпичей. В-третьих, в ней прослеживается не три, а только два ряда пахсовых блоков (рис. 5).

Как в западной, так и в восточной стенах выявлены проходы в боковые помещения. Интересно отметить, что проход в восточной стене айвана обрамляли пахсовые полуколонки диаметром 30 см. Стены неоднократно обновлялись с помощью нанесения очередного слоя штукатурки. Толщина слоёв штукатурки достигает 8 см. На восточной стене прослеживается 5 слоёв, а на западной – 4 слоя штукатурки. Возле восточной стены зафиксирован пристенный очаг размерами 35x45 см.

По меньшей мере, один раз подвергался основательному ремонту портал. Первоначально он был возведён, как уже отмечалось выше, из прямоугольных кирпичей саманидского формата.

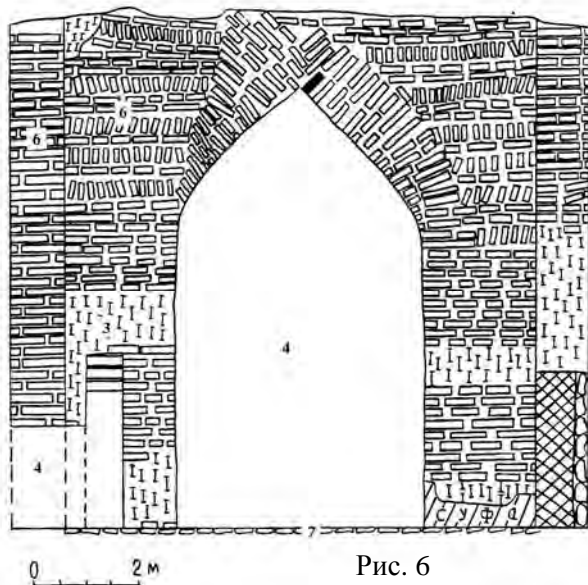

Рис. 6

Затем был подправлен более мелкими кирпичами с применением типичной «фигурной» караханидской кладки. Активно использовались обломки кирпичей и просто куски пахсы (рис. 6; рис. 14). Размеры кирпичей 35x17x5-6 см. Подобная кладка характерна для караханидского времени (Буряков, Набоков, 1979, с. 80-81; Буряков, Богомолов, 1990, с. 39) и, как отмечают исследователи, хорошо предохраняет от разрушения в случае землетрясения (Лебедева, Ширинов, 1997, с. 46, 50; Байпаков, Корженков, 2000, с. 110). Следует отметить, что оформление внутреннего портала, особенно в караханидской его части, находит достаточно близкие параллели с порталом мавзолея Ходжа Булхак в селении Чорку (Таджикистан), отнесенного к IX-X вв. (Хмельницкий, 1992, с. 145-146). Однако эта датировка вызывает сомнения. Раскопки на памятнике не проводились, а в указанной публикации, к сожалению, не указаны размеры кирпичей. Судя по характеру кладки, памятник следует отнести к караханидскому времени.

Чем была вызвана необходимость ремонта портала? Даже сейчас хорошо видно, что входная арка просела от краёв к центру (рис. 14). Это могло быть связано с военными действиями или разрушениями последующего обживания памятника. Но, скорее всего, это произошло в результате землетрясения, о чём мы уже писали выше.

Нижняя часть портала, особенно его угловые части, сильно нарушены и прокалены до красноты. Связано это, по-видимому, с периодом вторичного обживания караван-сарая в XVI – XVII вв. Внешняя часть портала также подвергалась ремонту, однако караханидская ремонтная кладка выполнена кирпичами, поставленными не «тычками», а плашмя и после этого также отштукатурена.

Инвентарь

В ходе раскопок найдено довольно много жжёных кирпичей, в том числе и целых – 26x26x6; 30x17x4,5; 25-26x25x26x5; 22x22x4; 38x19x45-5; 26x27x5,5 см (рис. 8). Последний формат кирпичей использовался в кладке суфы.

Найденные монеты прочитаны Б.Д. Кочневым и А.Х. Атаходжаевым: одна оказалась раздробленной и почти никакой информации не дала (кроме того, что являлась саманидской); вторая монета также саманидская и бита в Бухаре?; третья бита от имени саманидского правителя Мансура б. Нуха в 380-385 / 961-976 гг.

Поливная керамика представлена немногочисленными, но довольно выразительными фрагментами, относящимися, в основном, к караханидскому времени. Это сосуды типа **ляганов** с невысоким бортиком, который плавно или более чётко отделяется от приземистого тулова (рис. 9, 1-6), **коса** (рис. 9, 11-14) и **пиала** (рис. 9, 7-9). Все крупные сосуды имеют выделенный поддон с кольцевым вырезом (рис. , 17-19). Более мелкие сосуды – на сплошном поддоне. Из других форм керамики выделяются **чираги-светильники** с гранеными резервуарами, покрытые поливой зелёного, бирюзового и желтоватого цветов. Последние по краю носика метились тёмными кра-

Рис. 7

Рис. 8

пинами. Есть и другие формы сосудов, в том числе, и **горшки**, покрытые глазурью коричневого цвета с обеих сторон, но из-за фрагментарности о них судить трудно.

На некоторых поливных сосудах просверлены отверстия с целью их ремонта – это довольно распространённый способ продления их «жизни».

Почти вся посуда глазуровалась только изнутри. Тыльная сторона – небольшой полосой ниже закраины. Керамика украшалась расписным растительным и геометрическим орнаментом, красками зелёного, белого, чёрного и коричневого цветов или их оттенками, нередко в сочетании с гравированным. Гравированный орнамент не отличается большим разнообразием, и выполнялся в виде завитков-спиралей и мелкой сетки (рис. 9, 3, 12; рис. 12). Иногда встречался и штампованный орнамент. Реже попадалась неорнаментированная керамика. Среди последней – тонкостенная из кашина, сделанная, вероятно, в подражание китайскому фарфору. Имеются образцы посуды с глухой глазурью бирюзового цвета.

Выделяется также керамика, покрытая поливой голубого цвета изнутри и темно-красным ангобом снаружи. Иногда на поддоне этих сосудов имеется не один, а два кольцевых выреза. Подобная керамика обычно относится к XII –

началу XIII вв. (Лунина, 1984, с. 49; Грицина, 1991, с. 190, рис. 2, 12).

Неполивная керамика также отражает основные караханидские формы. Ведущей формой являются **котлы**, которые демонстрируют большое разнообразие венчиков (рис. 10, 1-10). Некоторые закраины прорезает паз для крышки. Сосуды имели по паре подковообразных или плоских, подтреугольных в плане ручек (рис. 10, 5-6). Последние нечасто встречаются в уструшанских караханидских комплексах. Основная масса котлов формовалась на круге. Изредка они украшались несложным орнаментом в виде «тычков», вмятин и насечек. **Горшки и кувшины**, количество которых ограничено, также формовались на круге и орнаментировались гребенчатым, штампованным и тиснёным орнаментом (рис. 10, 11-17, 23, 25). Среди них попадаются сероглиняные сосуды. В комплексе имеется два венчика **тагора**. Верхняя поверхность одного из них украшена волнистой гребёнкой. По формам и способам изготовления они являются типичными для XI–XII вв. **Крышки** – вогнутые, с грибовидной ручкой посередине (рис. 10, 18-19).

Группа **расписных сосудов** состоит из фрагментов конических сливов и стенок от лепных сосудов типа **мургоби**. Есть расписная выпуклая

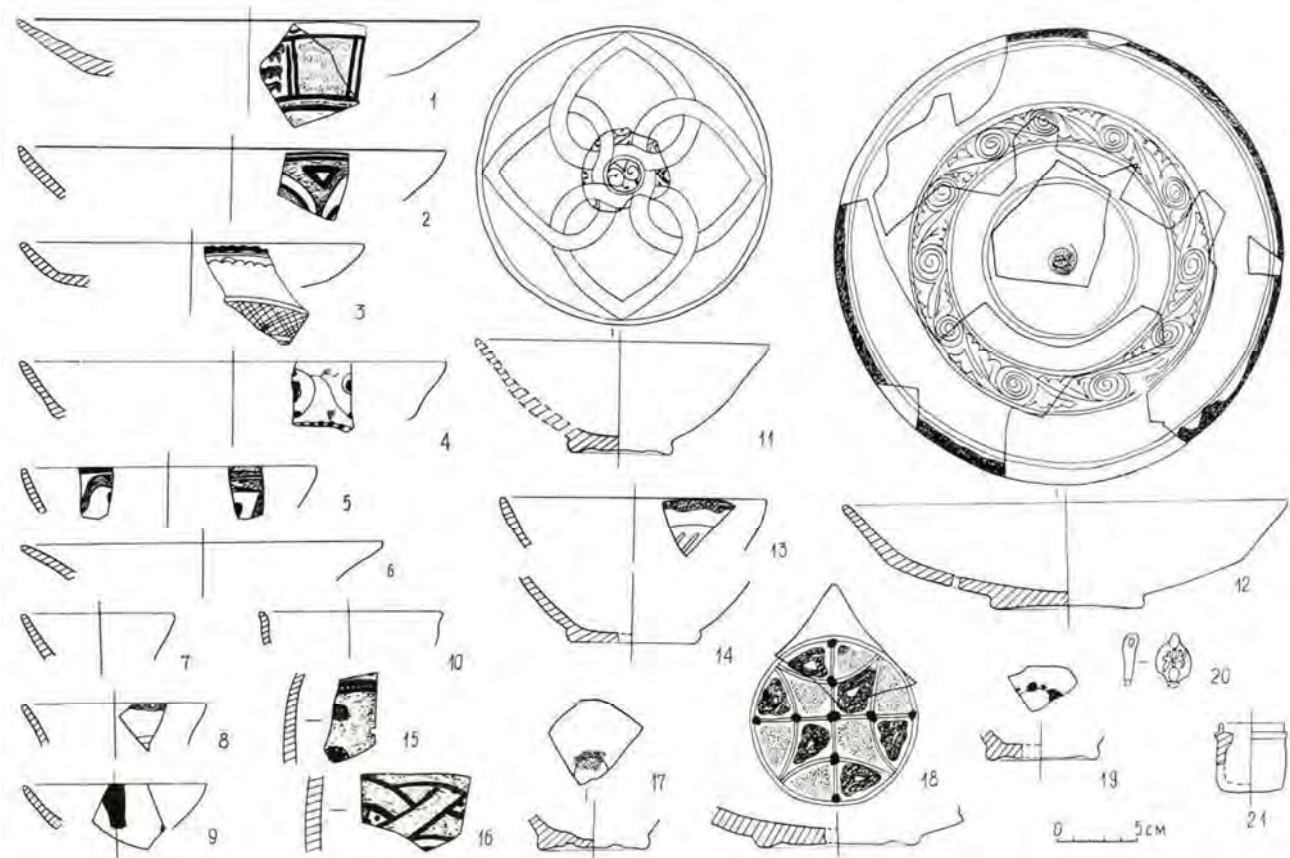

Рис. 9

крышка (рис. 10, 21). Краснолощенная керамика – в мелких фрагментах.

Среди прочих находок отметим **пуговицы** из стенок поливных и неполивных сосудов, осколки стеклянных изделий, кусок серы и обломок каменного сосуда (рис. 9, 21). Другой интересной находкой является медальон листовидной формы из Кашина, покрытый глазурью бирюзового цвета. В верхней части имеется петелька с отверстием для подвешивания. Тыльная сторона плоская. На лицевой стороне рельефное изображение, скорее всего, растительного характера (рис. 9, 20, рис. 13). Любопытно заметить, что подобный медальон найден при раскопках караван-сарая в рабаде средневекового Термеза и отнесенный к XII в. (Рахманов, Пидаев, 1990, с. 67).

Вообще-то, подобные медальоны получили широкое распространение во второй половине XII в. и к началу XIII в. уже исчезают из употребления. Это наблюдение делает находки такого рода очень ценными, т.к. служат надёжным датировочным реагентом (Лунина, 1984, с. 50).

Таким образом, по результатам раскопок можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Турткультепе – это действительно караван-сарай, а раскапываемое архитектурное сооружение является главным входом.

2. Судя по характеру строительных приёмов, стандарту сырцовых кирпичей из которых возведены портал и стены входного айвана, находкам монет и керамики, караван-сарай построен не позднее X, а может быть и раньше (Грицина, 1999, с. 68; он же, 2000, с. 176).

3. За период функционирования он претерпел неоднократные ремонты и переделки. Судя по характеру нижнего культурного слоя, запустение караван-сарая произошло ещё до монгольского нашествия. К концу XII или самому началу XIII в. входной айван уже использовался не по своему прямому назначению, а в качестве жилого помещения. Не исключено, что запустение его связано с военными действиями хорезмшаха Мухаммада против кара-китаев, когда он приказал опустошить многие районы Шаша, Ферганы и Уструшаны (Волин, 1960, с. 86-87; Гафуров, 1972, с. 411).

Вторичное обживание памятника приходится на XVI-XVII вв., когда в Зааминском тумане наблюдается относительный расцвет после длительного упадка, связанного с монгольским опустошением (Древний Заамин, 1994, с. 104-105). С этим периодом связано возведение стены, идущей вдоль входного айвана и находки предметов обихода. Вероятно, поселение XVI-XVII вв. было разрушено, т.к. оно оказалось заваленным

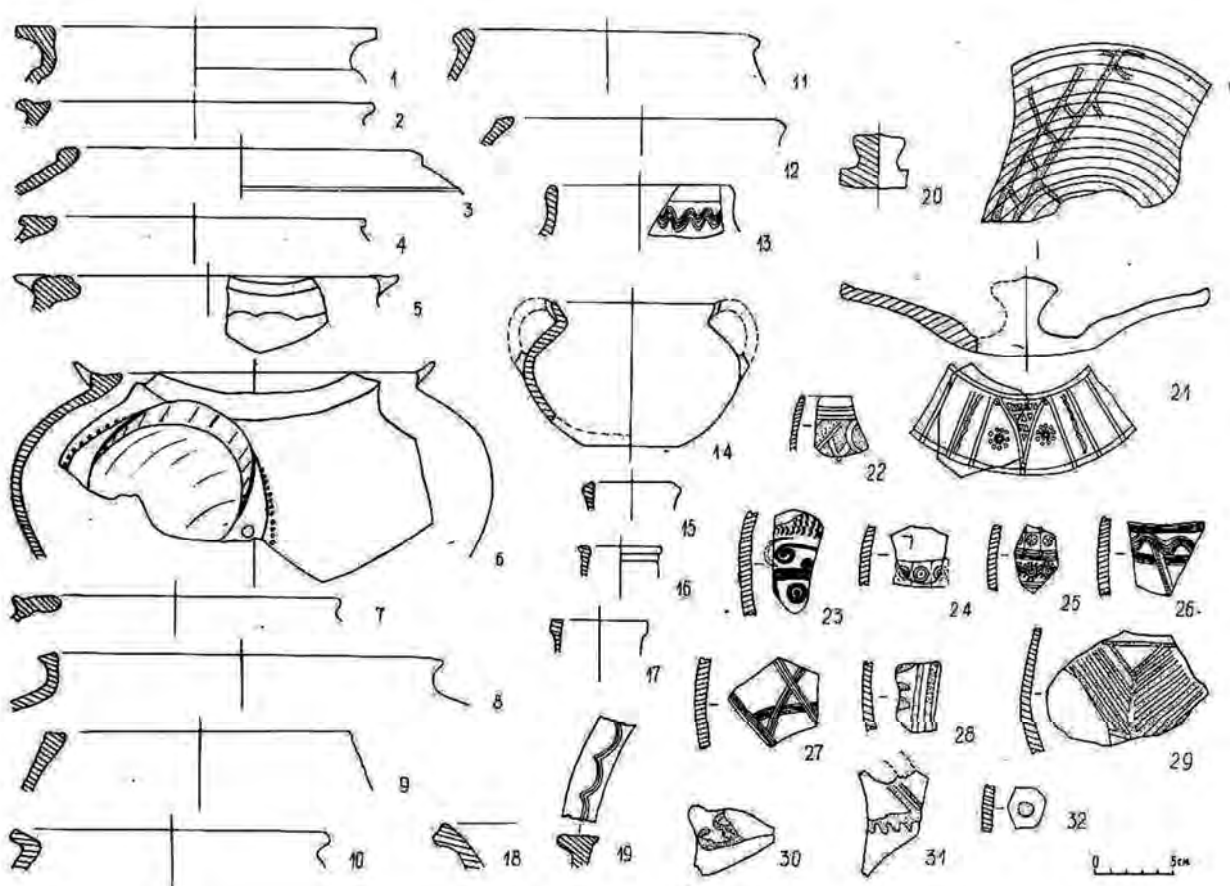

Рис. 10

Рис. 11

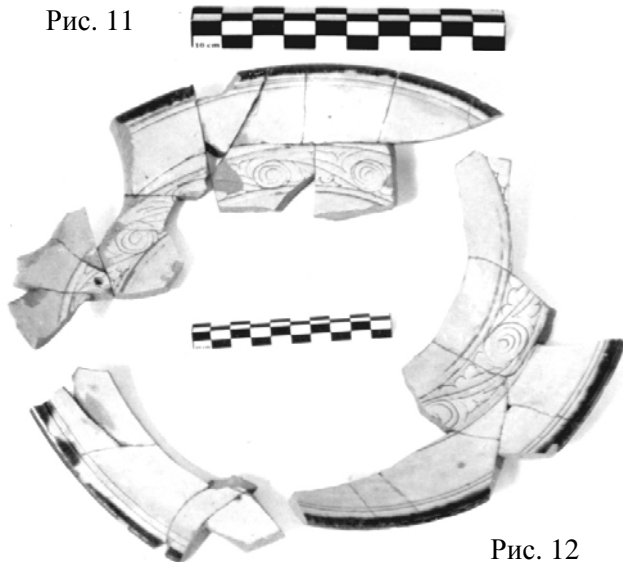

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

сверху кирпичами портала и боковых стен айвана. Здесь мы наблюдаем редкий в практике археологии случай, когда более ранний слой (караханидский) перекрывает позднесредневековой слой.

К идентификации караван-сарая Турткультепе

Вторая половина IX-X вв. – это период становления и расцвета Саманидского государства, время взлёта международной караванной торговли. Согласно письменным источникам, из Самарканда через Катванскую (Булунгурскую) степь в уструшанские земли можно было попасть по двум основным дорогам. Сначала шли до Баркета (один переход), потом до рабата Абу-Ахмада, где дорога разветвлялась. Одна из них поворачивала на север и через уструшанские города Харкану (Харакану) или Катвандизу вела к Дизаку – центру крайнего северо-западного рустака Уструшаны Фекнан. Другая дорога продолжалась на восток, в глубь уструшанских земель. От рабата Абу-Ахмада следовали до рабата Са'да, от него через рустак Бурнамад выходили к Замину (Бартольд, 1963, с. 221-222; Негматов, 1953, с. 246-247).

Первая дорога из Дизака через Голодную степь вела в Шаш, а вторая в – Фергану. Часто караваны двигались в Шаш и по ферганской дороге, как наиболее удобной и безопасной. Из Замина они следовали к Хавасу, а от него – прямо к Сырдарье и далее к Бенакету – второму, после столицы, городу Шаша. Источники называют эту дорогу бенакетской. Естественно, что этот путь эксплуатировался наиболее интенсивно, а как показывают те же источники и археологические наблюдения, он являлся и наиболее древним. Именно с этой дорогой и связан был караван-сарай Турткультепе.

В это время во всех крупных городах и на больших транзитных путях возводятся благоустроенные караван-сарай и постоялые дворы. По сведениям ал-Истахри и Ибн Хаукаля, во всём Мавераннахре их насчитывалось более десяти тысяч (Смирнова, 1970, с. 138-139). Цифра эта, может быть, и преувеличена, тем не менее, она указывает на размах караванной торговли и ту большую роль, которую играли караван-сарай в государстве. Нередко они определяли лицо того или иного государя. Например, ещё в VIII в. наместник Хорасана Асад ибн Абдаллах был широко известен современникам строительством караванных «гостинец-дворцов» в степях: «Приходит туда странник с востока, приходит другой с запада, и не находят они там недостатка» (Бартольд, 1963, с. 250). Шарафеддин Абу Тахир ибн Са'ад, управляющий Мервским оазисом при султানে

Санджаре, навечно оставил в памяти потомков своё имя потому, что построил в начале XII в. грандиозный караван-сарай Рабати-Шараф, расположенный между двумя крупнейшими хорасанскими городами Нишапуром и Мервом. Внушительные остатки его высятся близ Шурлага, между городами Мешхедом и Серахсом, напоминая об одной из самых знаменитых и оживлённых торговых трасс Востока (Пугаченкова, 1958, с. 230; Оразов, 1973, с. 84-85).

Караханидский правитель Шемс ал-Мульк был похоронен в построенном им караван-сараяе, который располагался на дороге между Самаркандом и Худжандом, т.е. на той же дороге, где находился и пшагарский караван-сарай Турткультепе. Случай довольно редкий, хотя и не единственный. Так, Кара-тегин, управляющий Испиджабской областью при Насре ибн Ахмаде (864-892 гг.) был погребён в постороенном им рабате, носящем его имя. Рядом с ним находилась могила сына ал-Мансура, умершего в 951 г. (Бартольд, 1963, с. 233, 378). По сведениям ар-Раванди, правитель хорасанского города Туса Арслан Джазиб нашёл свой последний приют в построенном им рабате Сангбаст, расположенном между Нишапуром и Серахсом. Руины рабата и руины мавзолея над его могилой сохранились до сих пор (Оразов, 1973, с. 82).

Нередко караван-сарай удивляли современников грандиозностью воплощённого замысла, великолепием отделки и комфортом внутренней застройки. Достаточно вспомнить широко известные караван-сарай Акча-кала и Дая Хатын (Пугаченкова, 1958, с. 225-241; Хмельницкий, 1992, с. 182-197).

Караван-сарай были многофункциональны. В них не только принимали караваны и путешественников. Здесь разворачивались крупные торговые ярмарки, на которые стекался люд из ближайшей округи. В зависимости от обстоятельств, они могли нести «обязанности» крепостей, казарм, дворцов, скотных дворов, складов для товара и даже духовных центров (Пугаченкова, 1958, с. 223-228; Хмельницкий, 1992, с. 180).

Но вернёмся к цифре десять тысяч, которую приводят ал-Истахри и Ибн Хаукаль. Насколько она реальна? В Сефевидском Иране, время, которое исследователи называют «золотым веком иранских караван-сараяев», насчитывалось несколько тысяч рабатов (Kleiss, Kiani, 1994, p. 755). Известный немецкий учёный и его иранский коллега, которые составили наиболее полный каталог караван-сараяев и других пунктов, обеспечивающих караванное движение Сефевидского Ирана, приводят и такие данные: только в одном Исфahanе при шахе Аббасе I функциони-

ровало 162 мечети, 48 медресе, 274 бани и 1802 караван-сарая (по другим данным 1082) (там же, р. 775). В родном Ардебиле в вакфе большой мечети Сефевидов, кроме множества различных построек, числилось 8 караван-сараяев, которые приносили значительный доход (там же, р. 7).

Всё это заставляет по-иному оценить сообщение ал-Истахри в отношении Мавераннахра, тем более, что этот автор имеет репутацию одного из самых надёжных и достоверных. По-видимому, в названное число он включил не только караван-сарай и подворья, но и огромное количество сооружений и построек, призванных обслуживать торговые трассы и караваны (почтовые станции, сторожевые посты, сардоба-водонакопители и т.д.). Следует привлечь и ещё некоторые факты, подкрепляющие надёжность сообщения ал-Истахри. Так источники сообщают, что каждое бухарское селение имело своё подворье (рабат) у ворот Пайкенда – «города купцов». К X в. таких подворий насчитывалось около 1000. Не меньше их было в Карминии (Кермине) (Бартольд, 1963, с. 169). После падения государства Саманидов, Пайкенд также приходит в упадок. Ас-Сам'ани собственными глазами видел остатки рабатов, число которых, по его словам, некогда доходило до 3000. По примеру бухарских, многие другие селения Мавераннахра, не говоря уже о городах, имели свои подворья и караван-сарай. Большое их число возводилось для «воинов за веру» – газиев – вокруг городских центров, таких как Дизак, Бинкет и Испиджаб, который в X в. причислялся к Мавераннахру. Согласно ал-Мукаддаси, таких рабатов в Испиджабе насчитывалось до 1700 (Бартольд, 1963, с. 233).

О том, что в Уструшане находилось много караван-сараяев известно по письменным источникам. Большое их количество имелось в Замине и Дизаке. Некоторые из них, упоминаются особо. В первую очередь, это касается караван-сарая Худайсар, который располагался в одном-двух фарсах от Дизака. Построил его знаменитый уструшанский правитель ал-Афшин в IX в. «... Это самый большой из всех караван-сараяев. У жителей Самарканда нет рабата, который был бы лучше этого» – сообщает ал-Истахри. Рабат Худайсар имел различные «общественные места» и вакфы. Другой караван-сарай назывался рабатом Хасана и был построен в X в. неким Бадром Кушайром. Согласно ас-Самани, он располагался в Дизаке или в непосредственной близости от него (Камалиддинов, 1993, с. 99-100).

Местонахождение обоих караван-сараяев до последнего времени не было известно. Их вообще от той эпохи сохранилось в Мавераннахре немного. Этим и обусловлен интерес, который

вызвал караван-сарай Турткультепе. Ведь на всём протяжении древней дороги от Ферганы до Самарканда это пока единственный достоверно идентифицированный караван-сарай.

Обычно в архитектуре караван-сараев применялся разработанный ещё в глубокой древности принцип центрально-дворовой планировки с четырёхайванным обширным двором, обустроенным со всех сторон галереями и закрытыми стойлами для скота и жилыми помещениями для людей. Нередко возводилась и внутренняя мечеть. Четырёхугольник внешних стен – высокий и глухой, с башнями на торцах. При этом, большое внимание уделялось оформлению главного, чаще всего единственного входа, грандиозный портал которого, как бы венчал всё сооружение. Он выдвигался из плоскости стен и представлял собой прямоугольник пештака со стрельчатым сводом, в задней стене которого находилась входная арка, достаточно обширная, чтобы пропустить и всадника, и арбу. Проход закрывали массивными и прочными деревянными дверями (Пугаченкова, 1967, с. 103, 106).

Уже первые обследования и раскопки на Турткультепе не только подтвердили его функциональное назначение, но и выявили целый ряд особенностей. Прежде всего, поражают размеры (106x106 м), которые превышают все известные в Мавераннахре сооружения такого рода. Уникальна для караван-сараев толщина внешних стен – около четырёх метров, с явной оборонной направленностью. Хотя это и объяснимо: к северу простиралась бескрайняя степь – «страна гузов», воинственных кочевников, которые были не прочь пограбить караваны. Достаточно вспомнить, что именно брат Хайдара ибн Кавуса (ал-Афшина) Фазл ещё в 820-821 гг. призвал в страну токуз-огузов (Бартольд, 1963, с. 269), а позднее здесь в Джизакской (под Бурнамадом) и Хаваской степях проходили жаркие баталии последнего саманидского правителя Ибн Мунтасира (в состав войска которого входили и племена гузов) с Караханидами (Грицина, 1999, с. 68).

В планировке Турткультепе был нарушен и принцип четырёхайванности – в микрорельефе памятника фиксируются бугры только трёх айванов. Кроме того, в южной стене, напротив главного входа, прослеживается понижение, указывающее, скорее всего, на ещё один небольшой «чёрный» проход в караван-сарай. Два прохода, расположенные друг против друга, характерны именно для ранних караван-сараев. Это подмечено и на доарабском караван-сарае Азляртепе (Древний Заамин, 1994, с. 22-25), и ранних пайкендских караван-сараях (Мухамежданов, Адылов, Мирзаахмедов, Семёнов, 1988, с. 117, рис. 2).

Вопрос о времени сооружения караван-сарая Турткультепе тесно связан с его идентификацией.

Как отмечалось выше, по сведениям ал-Истахри, Ибн Хаукаля и ас-Самани, данный рабат был построен уструшанским правителем ал-Афшином, т. е. в первой четверти IX в. Он располагался в 1-2 фарсах от Дизака. Йакут, видимо, учитывая размеры рабата, называл его городом в Мавераннахре, расположенном в пограничной окраине Уструшаны (Негматов, 1953, с. 246). Следует отметить наблюдение ал-Истахри, что «...нет ни одного рабата, который ближе стоял бы к вражеским областям, чем этот» (Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973, с. 27). То же самое повторяет и Ибн Хаукаль (Бетгер, 1957, с. 20). Под «вражескими областями» или «вражеской страной», по-видимому, надо понимать кочевую степь, «страну гузов», нынешнюю Голдуную степь, непосредственно примыкавшую к культурным областям и городам Уструшаны. Следует упомянуть и ещё одну деталь, приводимую в источниках: к северу от рабата Худайсар других рабатов не было (Бартольд, 1965, с. 216).

Естественно, что караван-сарай Худайсар и его местонахождение уже давно привлекали внимание специалистов. Одну из первых попыток локализации предпринял А.И. Билалов, предложив поместить его на месте сардобы Агачты в 35 км к северу от Джизака (Билалов, 1980, с. 35). Однако это предположение противоречило письменным источникам да и каких-либо археологических свидетельств в пользу этого сопоставления приведено не было. Более основательным выглядит предположение У. Алимова, поддержанное впоследствии М.Х. Пардаевым, о локализации известного караван-сарая на месте Кукрабаттепе (Алимов, 1975, с. 2; Пардаев, 1991, с. 65-66). Кукрабаттепе находится в 7-8 км к северу от городища Калиятепе. Имеет квадратную в плане форму, размерами 65x65 м, высотой до 3 м. На памятнике найдены фрагменты керамики IX-XI вв. и жжёные кирпичи саманидского формата (21x21x4 см). Раскопки на нём не проводились. В настоящее время он сильно повреждён. Основанием для атрибуции памятника являлись его название, планировка, подъёмная керамика и расстояние действительно отвечающее указанию источников (1 фарсах). Но это, пожалуй, единственное, что соответствует источникам. Кукрабат расположен в цепи других аналогичных сооружений и ничем особенным среди них не выделяется, в том числе, и своими размерами. К северу от него расположено несколько караван-сараев, исследовавшихся Н.Б. Немцевой. Самый крупный из них Кальтепе имеет размеры 82x86

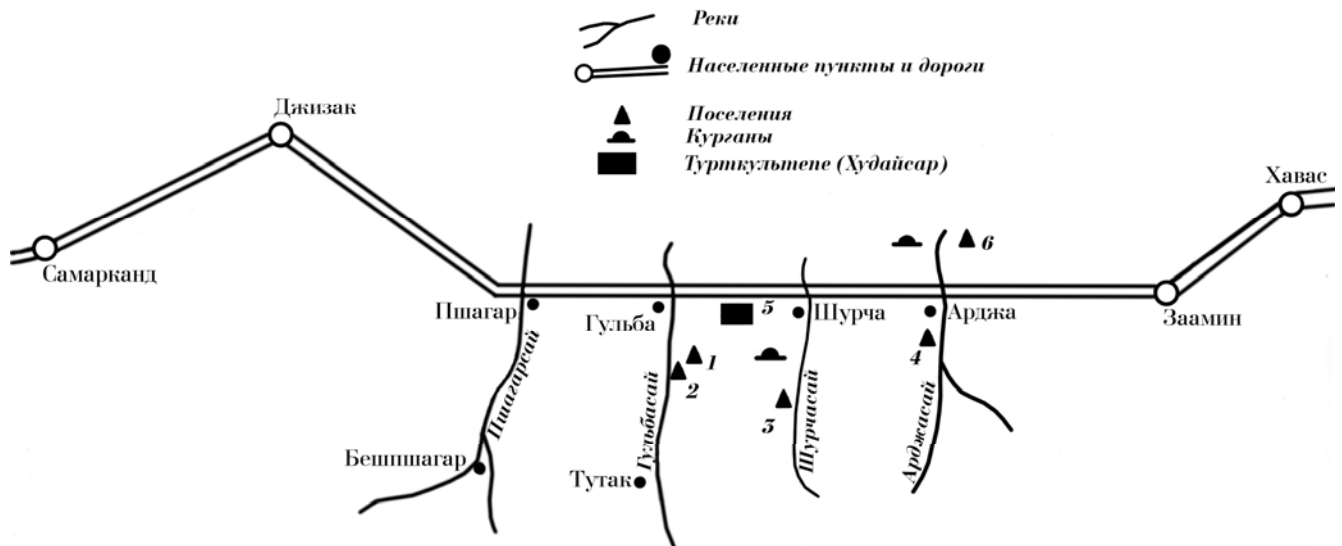

Рис. 15

м. При высоте до 5-6 м (Немцева, 1987, с. 13; она же, 1989, с. 43).

Раскопки на караван-сарая Турткультепе показали, что он возведён в саманидское время. Традиционные приёмы строительства предшествующего раннесредневекового периода (использование крупногабаритных пахсовых блоков и сырцовых кирпичей в пропорции 1:2) указывают и на более раннее время.

Таким образом, значительные размеры (это самый крупный из всех известных караван-сараяев в Мавераннахре), монументальность архитектуры, отсутствие других работ к северу от него, расположение на границе исконно уструшанских земель (подобные крупные караван-сараяи обычно возводились на границах владений. См. Лоховиц, 1976, с. 118) и непосредственной близости от «вражеской страны» свидетельствует в пользу отождествления его с искомым работом Худайсар. Однако расстояние его от Дижизака (городища Калиятепе, где помещается саманидский Дижизак) больше, чем указано в источниках и составляет 3-4 фарсаха, вместо 1-2 фарсахов. Здесь следует учесть, что расстояния от Хараканы до Дижизака и от Дижизака до Замина (по 5 фарсахов) также не соответствуют реальным расстояниям: в первом случае оно меньше, а во втором –

гораздо больше. И ещё – многолетние раскопки на городище Калиятепе так и не выявили сколько-нибудь значительных слоёв саманидского времени. С учётом этих двух обстоятельств (не соответствие расстояний от двух ближайших к Дижизаку городов и отсутствие слоёв саманидского времени) Дижизак этого времени должен находиться дальше от Хараканы и ближе к Замину (и караван-сараяу Турткультепе, соответственно).

В частности, местный краевед С. Карабаев (Ога Бургутли) обратил наше внимание на то, что в селении Бешпшагар, расположенном имеется мавзолей Ходжаи Сироб. Однако местные жители называют мавзолей несколько иначе – Худжайи Сар, то есть «Хозяин головы». По мнению С. Карабаева, именно так назывался первоначально караван-сарая Худайсар. Возможна такая трансформация слова с течением времени: Хужайи Сар–Хужай Сар–Худайсар. Последнее название уже связано с арабскими историками, которые, учитывая особую роль и размеры караван-сарая, переименовали его в «Голову Бога».

Как видно, не исключено, что в названии мавзолея в селении Пешпшагар сохранилось первоначальное значение слова, а его связь с названием Худайсар, косвенно подтверждают предложенную локализацию караван-сарая.

Литература:

- Алимов У. Отчет Дижизакского археологического отряда за 1975 г. Архив ИА АН РУ. Фонд 6, оп.1, дело 2. Самарканд, 1975.
- Алимов У. Исследования в Дижизаке. Архив ИА АН РУ. Рукопись. Самарканд, 1982.
- Аминджанова М. Археологическая разведка в Зааминском районе. (Материалы к археологической карте Узбекистана) // ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
- Байпаков К.М., Корженков А.М. Археолого-сейсмологические исследования средневековых памятников Жетысу (Семиречья) на Великом шёлковом пути // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. Алматы, 2000. № 1.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. Москва, 1963.

- Бартольд В.В.** К истории орошения Туркестана // Соч. Т. III. Москва, 1965.
- Буряков Ю.Ф., Набоков В.И.** Раскопки в цитадели // Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979.
- Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И.** Шахристан–I. Раскоп 10 // Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990.
- Бетгер Е.К.** Извлечения из книги “Пути и страны” Абу-л-Касима ибн Хаукаля // Труды САГУ. Вып.111. Ташкент, 1957.
- Билалов А.И.** Из истории ирригации Уструшаны. Душанбе, 1980.
- Волин С.** Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Т. 8. Алма-Ата, 1960.
- Гафуров Б.Г.** Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Москва, 1972.
- Грицина А.А.** Материалы XII-начала XIII в. с городища Культепа (Северная Уструшана) // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
- Грицина А.А.** К локализации рустака Бушагар // ОНУ, Ташкент, 1996. № 4-5.
- Грицина А.А.** Раскопки караван-сарая Турткультепа в Уструшане // Согд в системе культурных связей Центральной Азии. Тезисы докладов. Научная конференция, посвящённая 60-летию Р.Х. Сулейманова. Самарканд, 1999.
- Грицина А.А.** Уструшанские были. Ташкент, 2000.
- Древний Заамин** (история, археология, нумизматика, этнография). Ташкент, 1994.
- Камалиддинов Ш.С.** «Китаб ал-Ансаб Абу Са’да Абдалкарима Ибн Мухаммада Ас-Самани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.
- Лебедева Т.И., Широков Т.Ш.** Антисейсмическое строительство в Средней Азии в античности и раннем средневековье // ИМКУ. Вып. 28. Самарканд, 1997.
- Лоховиц В.А.** Караван-сарай Верхнего Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. Москва, 1979.
- Лунина С.Б.** Города Южного Согда в VIII–XII вв. Ташкент, 1984.
- Материалы по истории киргизов и Киризии.** Вып.1. Москва, 1973.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семёнов Г.Л.** Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.
- Негматов Н.Н.** Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в. н.э. // МИА. № 37. Москва - Ленинград, 1953.
- Немцева Н.Б.** На путях из западного Согда в Отрар // Архитектура и строительство в Узбекистане. 1987, № 3.
- Немцева Н.Б.** Караванными дорогами Голодной степи // Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Ташкент, 1989.
- Немцева Н.Б., Дресвянская Г.Я.** Памятники Заамина и его округа (к археологической карте Северной Уструшаны) // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
- Оразов О.** Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад, 1973.
- Пардаев М.Х.** К археологическому изучению замков-рабатов Джизакского оазиса // Города и караван-сарай на трассах Великого шелкового пути. Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО. Ургенч, 1991.
- Пугаченкова Г.А.** Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // ТЮ-ТАКЭ. Т. IV. Москва, 1958.
- Пугаченкова Г.А.** Искусство Туркменистана. Москва, 1967.
- Рахманов У.В., Пидаев Ш.Р.** Раскопки караван-сарая в рабаде средневекового Термеза // ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990.
- Смирнова О.И.** Очерки из истории Согда. Москва, 1970.
- Хмельницкий С.** Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин-Рига, 1992.
- Gritsina A.** La caravanseraïl Khoudaïssar dans le Maverannakhr // La Timuride. Bulletin d’ information de l’ Association pour l’ Art et l’ Histoire Timurides et les echanges culturels franco-ouzbeks. № 25. Paris, 2003.
- Kleiss W., Kiani M.Y.** Iranian Caravanserais. Tehran, 1994.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КРЕПОСТНЫХ СООРУЖЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО САМАРКАНДА

Известный среднеазиатский ученый Наджм ад-дин Абу Хафс 'Умар ибн Мухаммад ан-Насафи ал-Матуриди (460–537/1068–1142) был родом из Насафа, но большую часть своей жизни прожил в Самарканде. Из источников известно, что ан-Насафи написал более ста сочинений в области хадисоведения, законовещения, истории, филологии и тафсира, из которых до нас дошло всего около десяти (Brockelmann, 1898, s. 427–428).

Среди дошедших до нас сочинений ан-Насафи особый научный интерес представляет его историко-биографический труд «ал-Канд фи зикр 'улама' Самарканд» («Сладкое в познании ученых Самарканд»), который является продолжением недошедших до нас «Истории Самарканд» Абу Са'да 'Абд ар-Рахмана ибн Мухаммада ал-Идриси (ум. в 405/1015 г.) и «Истории Самарканд» Абу-л-'Аббаса Джа'фара ибн Мухаммада ал-Мустагфири (ум. в 432/1041 г.) (Sezgin, 1967, bd. 1, s. 353). Труд ан-Насафи, написанный на арабском языке, представляет собой сборник биографий ученых хадисоведов и факихов, живших в Самарканде в период с середины VIII в. до современного автору времени, т.е. XII в., а также ученых, приезжавших в Самарканд с научными целями из других городов Средней Азии.

Сведения ан-Насафи о Самарканде представляют большой интерес потому, что он провел в этом городе большую часть своей жизни и, следовательно, хорошо знал его топографию. Всего ан-Насафи называет в Самарканде 88 топонимов. В настоящей статье мы приводим данные Абу Хафса ан-Насафи о городской структуре, крепостных сооружениях, а именно, о внутреннем городе, его стенах и стенах *рабада*, а также расположенных в них городских воротах и башнях.

В своем сочинении ан-Насафи несколько раз упоминает внутренний город (*ал-мадина ад-дахила*) Самарканд (ал-Канд, с. 78, № 107; с. 101, № 153; ал-Канд, *Agabe*, f. 22 R, 66 R.). Из четырех ворот (*баб*)¹ внутреннего города (*ал-мадина*)² ан-Насафи называет только одни – *Баб ас-Син* (ал-Канд, с. 78, № 107), т.е. Китайские ворота, которые были расположены в северо-восточной стене Афрасиаба, и выходили на караванный путь, ведущий в Шаш, Фергану и далее в Китай (Вяткин, 1926, с. 11). Согласно ал-Истахри, в X в. Самарканд состоял из цитадели (*кал'а*),

собственно города (*мадина*) и примыкавшего к нему с южной стороны пригорода (*рабада*). Город с цитаделью находились на месте городища Афрасиаб, а южный пригород – на месте темуровского Самарканд. Такое трехчастное деление города сложилось в доисламское время, и весь город вместе с его обширной округой уже тогда был окружен стеной *рабада*, остатки которой ныне известны под названием Дивар-и Кийамат. Считается, что в XII в. территория южного пригорода уже стала называться городом (*ал-мадина*), а территория собственно города с цитаделью – «внутренним городом» (*ал-мадина ад-дахила*). Однако, есть основание полагать, что уже в IX–X вв. по отношению к южному пригороду наряду с термином *рабад* употреблялся также термин «внешний город», тогда как собственно город назывался «внутренним городом». По данным Ибн ал-Факиха, город Самарканд состоял из внутреннего города (площадью 2500 *джарибов*), внешнего города (площадью 5000 *джарибов*) и *рабада* (площадью 6000 *джарибов*). Существует мнение, что внутреннему городу соответствует часть Афрасиаба внутри второй стены площадью около 70 га, а внешней – южная часть городища площадью около 140 га. Исходя из этого, исчисленный размер *джариба* Самарканд считался необычно малым и составлял всего 290 кв.м., тогда как обычный размер *джариба* составлял не менее 900 кв.м.³ На наш взгляд, «внутренний город» Ибн ал-Факиха соответствует всей территории городища Афрасиаб (218 га), а «внешний город» - территории южного пригорода. Такой вывод вытекает из сравнения текстов различных рукописей сочинения Ибн ал-Факиха: согласно тексту Мешхедской рукописи сочинения Ибн ал-Факиха, собственно город (*ал-мадина*), т.е. вся территория городища Афрасиаб, занимал площадь 2500 *джарибов*, а согласно тексту издания де Гуйе, эту же площадь занимал «внутренний город».

Таким образом, исходя из этих данных, мы можем определить размер *джариба* Самарканд – 2 180 000 кв.м: 2500=872 кв.м, что является более приближенным к минимальному размеру обычного *джариба* (900 кв.м). Если применить эту величину для определения площади собственно *рабада* или «внешнего города», то она будет составлять 435 га. (872 кв. м x 5000 *джари-*

бов), и соответствовать, во-первых, соотношению площади внутреннего города и собственно *рабада*, указанному Ибн ал-Факихом (2500 *джарибов* – 5000 *джарибов*), а во-вторых, реальной величины площади южного пригорода.

Что касается остальных данных Ибн ал-Факиха, то они находятся в серьезном противоречии с фактическими данными и, скорее всего, не соответствуют действительности. Так, по его данным, величина площади остальной малозастроенной части *рабада* (5000 или 6000 *джарибов*) была фактически равной площади собственно *рабада* (5000 *джарибов*). Однако в действительности, площадь последней превосходила площадь первой, по крайней мере, в несколько раз. Не соответствует действительности и величина общей площади, окруженной стеной *рабада* (12500 или 13500 *джарибов*), поскольку площадь, окруженная стеной Дивар-и Кийамат, составляет около 11000 га, которая, в свою очередь, в несколько раз превосходит фактическую величину площади, указанную Ибн ал-Факихом. Из этих данных следует, что величина площади незастроенной части *рабада*, также как и общей площади внутри стены *рабада*, указанные Ибн ал-Факихом, не верны.

В этом отношении привлекает внимание сообщение ан-Насафи, согласно которому, величина площади, окруженной стеной *рабада*, составляла 13 000 200 *джарибов*, т.е. приблизительно в 10 раз больше, чем величина указанная Ибн ал-Факихом. Однако, исходя из вышеизложенных данных, можно допустить, что цифра, указанная ан-Насафи, хотя и является слишком преувеличенной (Карев, 2000, с. 213, прим. 37), но, тем не менее, является более приближенной к действительной величине площади внутри стены Дивар-и Кийамат.

Данные ан-Насафи представляют интерес еще и потому, что они приводятся в составе его уникального сообщения о строительстве стены (*ха'ит*) *рабада* Самарканда, которое было осуществлено в правление Абу Муслима⁴. Эти данные ан-Насафи значительно дополняют и уточняют данные Ибн ал-Факиха, и, по всей вероятности, были заимствованы им из недошедшего до нас источника⁵. Согласно его данным, в 133 г. Абу Муслим вступил в Самарканд, а в 134 или 135 г. построил стену (*ха'ит*) Самарканда, которая окружала 450 замков (*джаусак*). Высота стены от поверхности земли составляла 15 локтей (*зира'*), ширина – 7 локтей, а окружность – 90 тысяч локтей. На ней было 360 башен, между каждой из которых было 250 бойниц. Вся площадь внутри стены Самарканда составляла 13 000 200 *джарибов* (ал-Канд, с. 224–225, № 565).

Согласно ат-Табари, Абу Муслим построил стену Самарканда в 134 г. (at-Tabari, ser. III, p. 80). Однако из данных ан-Насафи вытекает, что она была построена после убийства наместника Самарканда Зийада ибн Салиха (ал-Канд, с. 225, № 565), который, согласно ат-Табари, поднял восстание против Абу Муслима в 135/752-53 г. (at-Tabari, ser. III, p. 82–83). Есть мнение, что эта внешняя стена, остатками которой является Дивар-и Кийамат, существовала уже в VII в., и Абу Муслим провел лишь восстановительные работы (Беленицкий, 1973, с. 222). Последующие исследования показали, что в источниках речь идет не только о ремонте старой стены, но и о строительстве новой (Карев, 2000, с. 213). Однако, в персидской Кандие есть прямое указание, что цитадель, ворота, которые в ней, и стены города построил некий Амир Абу Ну'ман, а Абу Муслим построил ворота, бойницы и башни (Кандия, с. 242). Исходя из этих данных, можно предполагать, что Абу Муслим, все-таки, произвел значительные восстановительные работы уже существовавшей ранее стены доисламского времени, построив в ней новые ворота, бойницы и башни, а в отдельных участках он, вероятно, возводил новые стены, охватившие более обширную территорию, чем старые стены. Существует также мнение, что эта стена была возведена для ведения обороны на случай, если военачальник Зийад ибн Салих не сможет сдержать наступление китайской армии в районе Тараза (Беленицкий, 1973, с. 156, 222). Однако, известная битва мусульман во главе с Зийадом ибн Салихом с армией китайцев, как известно, произошла в 133/751 г. (Ibn el-Athir, vol. 5, p. 449). Следовательно, этот грандиозный проект, требовавший привлечения огромных материальных и людских ресурсов не только Самарканда, но и всего Согда, был осуществлен уже после этой битвы, и его организация была вызвана иными причинами.

Согласно Ибн ал-Факиху, окружность этой стены составляла 12 *фарсахов* (т.е. около 70 км). Что касается ан-Насафи, то он определяет окружность этой стены в 90 тысяч локтей, что составляет приблизительно 50 км. В отличие от Ибн ал-Факиха, он называет также высоту этой стены – 15 локтей от поверхности земли, что составляет чуть более 8 м, и ширину – 7 локтей, что составляет около 4 м.

Согласно Ибн ал-Факиху, на этой стене были зубцы и башни для ведения войны. Ан-Насафи уточняет его данные, и отмечает, что всего на этой стене было 360 башен, между каждой из которых было 250 зубцев, т.е. боевых точек для ведения войны.

В стене *рабада*⁶, по данным ан-Насафи, было девять ворот (*дарб*)⁷, из которых он упоминает названия только двух – *Гадавад* (ал-Канд, с. 22, № 2) и *Фарихшид*⁸. В источниках X в. ворота стены *рабада* названы термином *баб*.

Ан-Насафи упоминает также ворота *Баб Ханути* (ал-Канд, с. 324, № 580), а также квартал *Баб-Дастан*, название которого также связано с одними из городских ворот. Квартал *Амир Наванд*, упоминаемый ан-Насафи, согласно ас-Сам'ани назывался *Баб-Наванд*, из чего следует, что он также был расположен недалеко от городских ворот с этим названием. Следовательно, ворота с названиями Ханути, Дастан и Наванд должны были находиться в стене внутреннего города или в стене *рабада*. Однако, ворот с такими названиями нет ни среди ворот внутреннего города, ни среди ворот *рабада*, перечисленных в источниках IX–X вв. В таком случае, можно предполагать, что эти трое ворот находились в стене внешнего города (*ал-мадина*), который в X в. назывался *рабадом* и примыкал к внутреннему городу (*ал-мадина ад-дахила*) с южной стороны. Предполагается, что этот внешний город или *рабад* также был окружен крепостной стеной из жженого кирпича, остатки которой были обнаружены на его западной границе (Хмельницкий, 1996, с. 29). Эта крепостная стена из жженого кирпича могла быть построена в XI–XII вв. на месте более ранней сырцово-кирпичной стены. О существовании этой стены с тремя воротами косвенно может свидетельствовать указание Ибн ал-Факиха о наличии в стене *рабада* не 9 ворот, как указывают ал-Истахри и Ибн Хаукал, а 12, три из которых могли находиться в стене «внутреннего *рабада*» (т.е. «внешнего города»).

Название Фарихшид упоминаются в сочинении ат-Табари в связи с битвой между арабами и тюрками, происходившей в 112 г., как местность в окрестностях Самарканда (at-Tabari. ser. II, p. 1540). По данным автора «Кандийи», за пределами стены *рабада* находилось селение Фарихшид, на окраине которого был расположен мавзолей Ходжи Абди Боруна (Кандия, с. 279). По мнению

О.Г. Большакова, вторая часть названия Фарихшид связана с царским титулом владетелей Самарканда – *ихшидов*, которые могли иметь здесь загородное имение недалеко от водораздела на канале Шавдар, орошавшем всю округу Самарканда (Беленицкий, 1973, с. 226). Селению Фарихшид соответствует кишлак Каучинон, расположенный к югу от стены Дивар-и Кийамат (Кандия, с. 279) с воротами Фарихшид, выходившими на караванный путь, ведущий в Кеш. Ворота Фарихшид локализируются около входа канала Шавдар внутрь стены (Военно-топографическая карта, 1884).

В Самарканде ан-Насафи упоминает еще стену (*ха'им*) Хайян (ал-Канд, с. 145, № 238) и стену (*ха'им*) Каусакан (ал-Канд, с. 402, № 736). Так же называлась улица, находившаяся около этой стены. В вакфном документе XV в. упоминается квартал Кусаха (Самаркандские документы, с. 190). В конце XIX в. в местности к юго-востоку от Самарканда и к югу от кишлака Варсин между кишлаками Курганча и Ходжа Сака был расположен бугор, который назывался Косако (Военно-топографическая карта, 1884). К юго-западу от этого бугра находился кишлак с этим же названием (План Самарканда, 1897). Если квартал или улица с названием Каусакан или Кусаха находился здесь, то это же название, возможно, носил проходивший в этой местности участок стены *рабада*, т.е. Дивар-и Кийамат, который был построен жителями этого квартала. Исходя из этих данных, можно предполагать, что различные участки стены *рабада*, построенной в середине VIII в. по приказу Абу Муслима, были построены жителями прилегающих кварталов и назывались по названию той местности, где они проходили.

Таким образом, сведения ан-Насафи о внутреннем городе и крепостных сооружениях Самарканда вносят некоторые дополнения и уточнения к данным других средневековых источников и позволяют более точно представить историческую топографию Самарканда эпохи Караханидов.

Сноски

¹ В арабских источниках IX–X вв. ворота внутреннего города, как правило, обозначаются термином *баб* (мн. ч. *абваб*). Но иногда под этим же термином могли подразумеваться и ворота стены *рабада*.

² В X в. в стене внутреннего города Самарканда было 4 ворот по названию: *Баб ал-Кабир*, *Баб ас-Син*, *Баб ал-Бухарийа*, *Баб Наубахар* (ал-Истахри), или *Баб Киш*, *Баб ас-Син*, *Баб Уерушана* и *Баб ал-Хадид* (Ибн ал-Факих).

³ Размер *джариба* в различных городах Средней Азии и в различные времена был разным, и колебался между 900 кв. м и 3000 кв. м. См.: Давидович, 1970, с. 122–130.

⁴ Абу Муслим 'Абд ар-Рахман ибн Муслим ибн Шанфир-руз ал-Марвази ал-Хурасани – глава 'Аббасидского движения в Хорасане (128–131/745–748 гг.), верховный военачальник 'Аббасидов и их наместник в Хорасане до 137/755 г., когда был убит по приказу халифа ал-Мансура.

⁵ Этим источником могла быть недошедшая до нас «История Самарканда» вышеупомянутого Абу Са'да 'Абд ар-Рахмана ибн Мухаммада ал-Идриси (ум. 405/1015 г.), который, в свою очередь, заимствовал их из другого также недошедшего до нас источника.

⁶ Ворота рабадов в арабских источниках передаются термином *дарб* (мн. ч. *дуруб*). Этим же термином обозначались и дороги, выходявшие через эти ворота на караванные пути, ведущие в другие города.

⁷ По данным ал-Истахри, в стене рабада Самарканда было девять ворот: *Афшина, Кухак, Варсин, Фанак, Ривдад, Фарухшид, Гудавад, Исбиск и Сухашин*. См.: al-Istakhri, p. 316–317; ал-Мукаддаси называет 8 ворот, которые совпадают со списком ал-Истахри, за исключением ворот *Фанак*, которые он не упоминает. См.: al-Muqaddasi, p. 278. Согласно Ибн ал-Факиху, в стене рабада было 12 ворот, названия которых он, однако, не приводит. См.: Ibn al-Fakih, p. 322.

⁸ При упоминании этих ворот он употребляет термин *баб*, что, по-видимому, является опиской переписчика или самого ан-Насафи, поскольку в сочинениях ал-Истахри и ал-Мукаддаси эти ворота упоминаются среди ворот *рабада (дарб)*, а среди ворот внутреннего города (*баб*) ворот с таким названием нет. См.: ал-Канд, с. 324, № 580.

Литература:

- Кандия Малая. (Пер. с фарси, предисл. и прим. В.Л. Вяткина) // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 8. Самарканд, 1906.
- Ан-Насафи, Абу Хафс ‘Умар ибн Мухаммад. Ал-Канд фи зикр ‘улама’ Самарканд. / Изд. Назар Мухаммада ал-Фарйаби. Ал-Мадина: Мактабат ал-Каусар, 1412/1991.
- Ан-Насафи, Абу Хафс ‘Умар ибн Мухаммад. Мунтахаб Китаб ал-Канд. Рук. Национальной библиотеки в Париже: Arabe, 6284, f. 1 V – 75 R.
- Самаркандские документы XV–XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О.Д. Чехович. М., 1974.
- Ibn el-Athiri Cronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. C.J. Tornberg, I–XIV volumes. Upsaliae et Lugduni-Batavorum, 1851–1876.
- Ibn al-Fakih al-Hamadani. Compendium libri Kitab al-buldan, ed. M.J. de Goeje. BGA, pars 5. Lugduni-Batavorum: Brill, 1967.
- Al-Istakhri, Abu Ishak al-Farisi, Viae regnorum, ed. M.J. de Goeje. BGA, pars 1. Lugduni-Batavorum: Brill, 1967.
- Al-Muqaddasi, Shamsaddin Abu ‘Abdallah Mohammad ibn Ahmad, ed. M.J. de Goeje. BGA, pars 3. Lugduni-Batavorum: Brill, 1967.
- At-Tabari, Abu Djafar Mohammed ibn Djarir, Annales, ed. M.J. de Goeje. Prima (vol. I–VI), seconda (vol. I–III), tertia (vol. I–IV) series, Lugduni-Batavorum: Brill, 1964.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Военно-топографическая карта Самарканда и его округа, 1884 г. Архив Главного управления по охране памятников культуры при Мин. культуры РУз. Папка № 145, РСХХУ (л. 78), Самкомстарис, инв. № 18.
- Вяткин В. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. Археологический очерк. Ташкент, 1926.
- Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии // В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. (Пер. с немецкого). М., 1970.
- Карев Ю.В. Политическая ситуация в Мавераннахре в середине VIII века // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной (Государственный музей Востока). М., 2000.
- План Самарканда по съемке 1897–1899 гг. Изд. Самаркандского областного статистического комитета, 1901 г. Пространство Зарафшанского округа. Самаркандская область.
- Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. (Архитектура Средней Азии XI – нач. XIII вв.). Часть 1. Берлин-Рига, 1996.
- Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litterature. Bd. 1. Weimar, 1898.
- Sezgin F. Geschichte des Arabischen schrifttums. Bd. 1–9. Leiden: E.J. Brill, 1967–1975. Bd. 1. S. 353.

НАСАФ-ҚАРШИ ЎРТА АСРЛАРДА

Қарши - Косон автомобил йўли устида жойлашган йирик археологик обида - Ерқўрғон Самарқанддаги Афросиёб, Кўктепа, Шахрисабз воҳасидаги Узунқир, Подаётқотепа, Зарафшоннинг юқори окимидаги Панжакент, Бухородаги Варахша, Сурхондарёдаги Сополлитепа, Жарқўтон, Далварзинтепа, Хоразмдаги Тупроққалъа каби жаҳон аҳамиятига молик обидалар қаторида турувчи йирик ва ўта ноёб археологик ёдгорлик, Жанубий Суғддаги энг йирик марказий шаҳарлардан бирининг харобаларидир.

Бу ёдгорликда олиб борилган узоқ йиллик археологик қазишмалар ва қўлга киритилган манбалар бу ерда қадимий шаҳар эрамиздан аввалги VIII-VII асрлардан бошлаб шаклланганлигини кўрсатади.

Салкам бир ярим минг йиллик тарихий тараққиёт жараёнида кўплаб воқеаларнинг шохиди бўлган шаҳар янги эранинг 560 йилларининг биринчи ярмида Турк ҳоконлиги ва Сосонийлар давлатининг бирлашган иттифоқчи қўшинлари томонидан Эфталитлар империясининг тугатилиш даврида тамомила вайрон этилган. Қарийб бир юз эллик гектар майдонни эгаллаган бу улкан шаҳарнинг бутунлай вайрон этилиши унинг Эфталитлар давлатининг энг йирик марказий шаҳарларидан бири бўлганлигини тасдиқлайди.

Турк ҳоконлиги даврида Жанубий Суғднинг пойтахти сифатида бошқа бир шаҳар - Нахшаб қад ростлай бошлади. Қашқадарёнинг чап соҳилида, Ерқўрғон харобаларидан 3,5-4 км масофада эрамизнинг III-IV асрларида бунёд этилган кичикроқ қалъа эрамизнинг VI-VII асрларига келиб воҳадаги энг йирик қалъа - шаҳарга айлана борди. Нахшабнинг, кейинчалик араблар истилосидан кейин Насаф деб аталган бу йирик шаҳарнинг харобалари бизнинг кунларгача Шуллуктепа номи билан аталадиган улкан археологик ёдгорлик сифатида етиб келган.

Археология фанида ўрта асрлар манбаларида тилга олинган Нахшаб шаҳрининг жойлашган ўрни ва унинг харобалари бизнинг кунларгача қайси ёдгорлик мисолида етиб келган деган муаммога турлича муносабатлар мавжуд. М.Е. Массоннинг фикрича, қадимий Нахшаб ҳозирги Қарши шаҳрининг жанубий қисмида жойлашган улкан ёдгорлик Қалъайи Зоҳаки Морон ўрнида бўлган (Массон, 1973, с.21-29). Шуллуктепада бир неча йил археологик қазишмалар олиб борган Б.Д. Кочневнинг фикрига кўра, Нахшаб

ҳозирги Шуллуктепа ўрнида фаолият кўрсатган (Кочнев, 1974, с.501-502). Қалъайи Зоҳаки Моронда М.Тўрабеков томонидан археологик тадқиқотлар олиб борилган ва ёдгорликнинг муҳофаа тизимлари тадқиқ этилган (Туребеков, 1990, с.41). Дастлаб М.Х. Исомиддинов, Ш.А. Раҳмонов томонидан бошланган (Исомиддинов, Раҳмонов, 1985) ва кейинчалик ушбу сатрлар муаллифларидан бири томонидан давом эттирилган қазишмалар натижасида ёдгорлик аркида VII-VIII асрларга оид кичикроқ қасрнинг харобалари очиб ўрганилди (Раимқулов, 1992). Лекин бу қазишмаларнинг натижалари Нахшаб шаҳри Қалъайи Зоҳаки Морон ўрнида мавжуд бўлган деган хулоса чиқаришга имкон бермайди, қолаверса ўрта асрларда Насафга ташриф буюрган саёҳатчи олимларнинг бу шаҳарга берган таърифлари ҳозирги Шуллуктепанинг топографиясига, Қашқадарёга нисбатан жойлашишига тамоман мос келади ва бу ерда олиб борилган археологик тадқиқотларнинг натижалари ҳам буни тўла тўқис тасдиқладилар. Шу боис М.Е. Массоннинг фикри бизнинг назаримизда эътирозли.

Шуллуктепанинг ёдгорлик сифатидаги юксак маҳобати, арк, шаҳристон ва рабод худудида сочилиб ётган кўп сонли қадимий осори - атиқаларининг парчалари, тасодифан топилган хўжалик ва санъат буюмлари бу ердан кейинги даврларда ўтган саёҳатчиларни, олимларни бефарқ қолдирмаган.

Шуллуктепага 1883 йилда рус ёзувчиси В.В. Крестовский ташриф буюрган ва маълум кузатишлар олиб борган (Массон, 1973, с.41). 1885 йилда Шуллуктепада бўлган Б. Литвинов шаҳар харобалари тўғрисида куйидагиларни ёзиб қолдирган: «Қарши атрофида археология ва тарих учун энг қимматли бўлган хароба Шуллуктепа қалъаси харобаларидир. Аҳоли ҳозиргача ўз қурилишлари учун бу ердан пишиқ ғишт олиб кетади, кўплаб уйлар, Қаршининг машҳур ҳаммомлари мана шу ғиштлардан қурилган. Ҳозир ҳам Бухоро бозори Шуллуктепадан қазиб топилган ажойиботлар билан тўла. Ажойиб кошинлар, ҳайкалчалар, мис идишлар, тангалар ва қабртошлар фанга кўплаб янгиликлар ва кизиқарли нарсаларни бера оладиган серғайрат инсонни кутмоқда. Мозаик кошинларга туширилган нақшлар, мис идишларга берилган тасвирлар бу ерда яшаб ўтганларнинг юқори маданиятидан ва ниҳоятда нозик дидидан далолат беради» (Массон, 1973). Кейинчалик Б. Литвинов Шуллуктепанинг қа-

димги Нахшаб-Насаф шахрининг харобалари эканлигига амин бўлган.

Шуллуктепа харобалари тўғрисидаги дастлабки илмий тадқиқот Зимин Л.А. томонидан нашр этилган (Зимин, 1927).

Шуллуктепа Тўкманғит қишлоғи яқинида, Қарши шаҳридан 7-8 км чамаси шимолий-ғарбда, асосан Қашқадарёнинг сўл қирғоғида жойлашган. Бу худудда дарёнинг кенг майдонни эгаллаган ярим доира шаклидаги қайрилиши бўлиб, мана шу қайрилиш ичида Нахшаб-Насафнинг арки, шахристон ва рабоди жойлашган. Қайрилишнинг юқори қисмида тўғон боши бўлиб, бу ердан чиқарилган сунъий каналлардан жуда қадимданок Қашқадарёнинг ўнг соҳилида ўзлаштирилган катта-катта экин майдонларини суғоришда фойдаланилган.

Нахшабнинг энг баланд жойи унинг арки бўлиб, умумий майдони 150x80 м ва баландлиги 28 м бўлган икки поғонали улкан тепалик кўринишида. Арkning шимолий-ғарбий томонида унинг кескин кўтарилган қисми бўлиб, у ҳам ўзига хос тепалик шаклида ва бу тепалик арkning асосий қисмидан 15-17 м баланд. Аркни ҳамма томондан шахристон ўраб туради, улар орасида эни 15-20 м бўлган чуқур мадофаа хандаки мавжуд. Бу чуқурлик арkning жанубий шарқ томонида жуда кенгайиб кетган ва бунинг оқибатида ҳозирги даврда бу ерда кичикроқ кўл ҳосил бўлган. Арkning шарқий қисмида унга деярли туташиб кетган тепалик бўлиб мана шу ерда шахристондан аркка ўтиладиган жой бўлган. Арkning ён бағирлари ниҳоятда тик бўлиб унинг асосий тепалик билан туташиб кетган қисмигина нисбатан нишаб, шунинг учун аркка олиб чиқадиган йўл мана шу ердан ўтганлигини тасаввур қилишимиз мумкин.

Бу ерда археологик тадқиқотлар олиб борган Б.Д.Кочневнинг ҳисоб китобларига қараганда Нахшаб-Насаф шахристонни тўғри тўртбурчак шаклига эга бўлиб майдони тахминан 450x350 метрни ташкил этади ва унинг деворлари қолдиқларида тўртта дарвозанинг ўрнини кузатиш мумкин. Шахристонда олиб борилган археологик қазишмалар натижасида унинг маданий қатламларининг қалинлиги 8-9 м эканлиги аниқланди (Кочнев, 1974, с. 501-502). Мана шу маълумотлар бу ерда шаҳар жуда узоқ муддат фаолият юргизганлиги ва Нахшаб айнан мана шу ўринда мавжуд бўлганлигини археологик манбалар асосида исбот қилишга имкон беради..

Шахристоннинг шу кунлардаги устки топографиясини кузатиб бирон-бир фикрга келиш мушкул, чунки бу ерда жуда узоқ йиллар, балки асрлар давомида шу атрофда яшовчи аҳоли пишиқ ғишт кавлаб олиб кетиш билан шуғулланган

ва бу ҳолат бу ерга ташриф буюрган рус тадқиқотчилари томонидан ҳам таъкидланган. Натижада шахристоннинг микрольефи тамоман ўзгариб кетган. Ундан ташқари аҳоли яшамаётган шахристон худудидан кейинги асрларда бир неча марта ариқлар ўтказилган ва ниҳоят 1980 йилларнинг ўрталарида бу жойлар экин экишга тайёрланиб тамоман текислаб юборилган. Ҳозирги кунда унинг кичикроқ қисмлари арк атрофида қисман сақланиб қолган.

Шуллуктепанинг археологик жиҳатдан ўрганилиши 1946 йилдан бошланган. Археолог С.К. Кабанов Қарши воҳасидаги узоқ йиллик археологик қазишмаларини мана шу қадимий шаҳар харобаларини ўрганишдан бошлаб арkning пастки майдонида ва шимолий қисмида дастлабки қазишмалар олиб борди. Шу тариқа қадимий Нахшаб-Насаф тарихини илмий нуқтаи-назардан ўрганишга илк қадам кўйилди. С.К. Кабанов ўтган асрнинг 50-60 йилларида Қарши воҳасининг антик ва илк ўрта асрларга оид кўплаб қишлоқларини қазишмалар асосида ўрганиб бу воҳанинг қадимий моддий маданияти тарихини тадқиқ этишда жуда катта илмий натижаларга эришди (Кабанов, 1950, 1977).

1965 йилда Тошкент Давлат Университети Ўрта Осиё археологияси кафедрасининг М.Е. Массон бошчилигидаги Кеш археология топография экспедицияси (КАТЭ) томонидан Қарши воҳасининг бир қатор йирик археологик ёдгорликлари - Ерқўрғон, Қарши қалъаси, Қалъайи Зоҳаки Морон, Шуллуктепа, Касбитепада қидирув ва қисман қазиш ишлари олиб борилган ва биринчи марта бу ёдгорликларнинг топографик планлари қоғозга туширилган, ўрта асрларга мансуб шаҳарлар тўғрисида тарихий манбалар тўпланган. Шу даврда Шуллуктепа аркидан 250 м шимолий-шарқ томонда шурф қазилиб шаҳар маданий қатламларининг стратиграфияси қисман ўрганилган (Массон, 1973).

1972 йилдан бошлаб Қарши воҳасининг қатор археологик ёдгорликларида Ўзбекистон Фанлар академияси Археология институтининг Р.Ҳ. Сулаймонов бошлиқ археология экспедицияси олимлари археологик қидирув ва қазишма ишларини бошладилар. Шу тариқа Қарши воҳасининг қадимий ва ўрта асрлар шаҳарлари ва шаҳарсозлик маданиятини археологик тадқиқотлар асосида комплекс равишда ўрганишга асос солинди (Сулейманов, Исамиддинов, 1984; Сулейманов, 2000). Мана шу даврда, яъни 1970-йилларда воҳанинг ўрта асрлар шаҳарлари харобалари бўлган ёдгорликлар - Шуллуктепа, Таллисортепа, Кофиртепа, Олтинтепада Б.Д. Кочнев томонидан бир неча йиллар мобайнида кенг қамровли археологик қазишма ишлари олиб борилди.

Б.Д. Кочнев томонидан олиб борилган археологик қазिशма ишларининг асосий қисми қадимги Нахшаб-Насаф харобалари бўлган Шуллуктепада амалга оширилди. Қазिशмалар шаҳар арки, шахристони ва рабодининг бир неча жойларида олиб борилди. Бу қазिशмалар даврида Шуллуктепа шахристонининг Қарши бош канали ювиб кетган қисмларида очилиб қолган маданий қатламларни тозалаш натижасида ҳам шаҳар тарихига оид жуда қимматли маълумотлар тўпланди. Пастки маданий қатламларда III-IV асрларга мансуб айрим меъморий иншоотларнинг харобалари, сопол идишларнинг парчалари тез-тез учраб туради ва бу сополлар бу ҳудудда шахристон шаклланишдан илгари мавжуд бўлган айрим кичикрок қишлоқ харобаларига тегишли бўлиши мумкин деган хулосага асос бўлади. Мана шу кичик қишлоқлар кейинчалик Нахшаб-Насаф шахрининг, аниқроғи Нахшаб-Насаф шахристонининг шаклланишида бошланғич нукта бўлиб хизмат қилган бўлсалар ҳам ажаб эмас.

Шуллуктепа шахристонида олиб борилган қазिशмалар жараёнида кўпгина жойларда V-VI асрларга оид маданий қатламларнинг борлиги аниқланди. Бу қатламларга хос бўлган муҳим хусусиятлардан бири - улар барча қазिशмаларда қорамтир рангда учрайдилар ва уларнинг таркибида кул, куйган ёғочлар, куйган қамиш парчаларининг кўплигига айниқса алоҳида эътибор берилди. Бу қорамтир қатламлар шаҳарнинг кенг майдонларида айнан бир пайтда ёнгина содир бўлганлигини кўрсатади ва жуда ҳам муҳим бир тарихий ҳақиқатни - Шуллуктепа ўрнида V-VI асрларда фаолият юргизган йирик қалъа эрамининг 560 йилларининг биринчи ярмида Турк ҳоконлиги ва Сосонийлар давлатининг бирлашган иттифоқчи қўшинлари томонидан Ерқўрғон шаҳри билан бир вақтда вайрон этилганлигини исботлаб беради. Қадимги дунёнинг энг йирик урушларидан бирининг оқибатидаги бу вайронгарчиликнинг исботини биз Қарши воҳасида олиб борилган археологик разведка ишларининг натижаларини таҳлил қилиш орқали ҳам кўришимиз мумкин. Воҳада олиб борилган археологик разведка ишлар натижасида юзлаб катта-кичик археологик ёдгорликлар айнан мана шу пайтда ўз фаолиятларини тўхтатганликлари аниқланган. Бунинг исботи шундаки, бу ёдгорликлардан териб олинган сополларнинг парчалари Ерқўрғоннинг энг устки маданий қатламларидан олинган сополлар билан айнан бир хил. Мана шу урушда Қарши воҳасидаги яна бир йирик марказ, ҳозирда харобалари Қалъайи Зоҳаки Морон номи билан юритиладиган улкан шаҳар ҳам вайрон этилган. Айрим мутахассисларнинг фикр-

ларига кўра, бу шаҳар Қарши воҳасининг асосий марказларидан бири ва ҳатто қайси бир тарихий даврда унинг пойтахти сифатида ҳам фаолият юргизган. Археология фани нуқтаи-назаридан қараганда Қалъайи Зоҳаки Морон Марказий Осиёнинг энг йирик антик давр ёдгорлигидир. Ерқўрғондан фарқли ўлароқ, бу шаҳар харобалари устида кейинги даврларда яна иншоотлар бунёд этилган, лекин шаҳар мудофаа деворлари бошқа тикланмаган ва улардан бошқа фойдаланилмаган. Хуллас, Шуллуктепа, Ерқўрғон ва Қалъайи Зоҳаки Моронда олиб борилган кўп йиллик археологик тадқиқотлар Турк ҳоконлиги ва Сосонийлар давлатининг иттифоқчи қўшинлари ва Эфталитлар ўртасидаги уруш Жанубий Суғд учун ниҳоятда аянчли тугаганлигини исботлайди.

Эфталитлар империяси ҳудудларини қўлга киритган Турк ҳоконлиги даврида Ерқўрғоннинг айрим жойларида кичик - кичик қишлоқчалар фаолият кўрсатган бўлса, Шуллуктепада эса яна аста - секинлик билан шаҳар қад ростлай бошлади (Раимкулов, 1992), арқда ҳаёт қайта жонланди, қалъа ўрнида пайдо бўлган шахристонда аҳоли сони кўпая бошлади. Янги шаҳарнинг нима учун Ерқўрғон ўрнида эмас, балки Шуллуктепа ўрнида шаклланишининг сабаби, Турк ҳоконлиги ва Сосонийлар давлатининг бирлашган иттифоқчи қўшинлари томонидан Ерқўрғон шаҳри билан бир вақтда бу шаҳарга сув берувчи суғориш тармоғи Рўдақсойнинг тамомила вайрон этилганлиги бўлса ҳам ажаб эмас. Шунинг учун янги шаҳар энди тўғридан - тўғри Қашқадарё бўйида қад ростлади.

Шуллуктепа шахристонида олиб борилган археологик қазिशмалар ҳам бу ерда шаҳар Турк ҳоконлиги даврида шаклланишининг тасдиқлайдилар. Б.Д. Кочнев Шуллуктепа шахристонининг Қарши бош канали ҳудудини кесиб ўтган қисмидан шахристон мудофаа деворларининг қолдиқларини топган. Девор пахса блоклари ва хом гиштлардан бунёд этилган ва бир неча марта таъмирланган, натижада бир неча юз йил давомида унинг қалинлиги қуйи қисмида 15 метрга етган. Гиштларнинг ўлчамлари ва у ердан топилган археологик топилмалар бу деворнинг VI-VII асрларда қурилганлигидан далолат беради. Деворнинг мавжудлиги ва бу қадар қалинлиги Нахшаб шахристони VI-VII асрларда йирик шаҳарнинг ядросига айланганлигини исботлайди.

Б.Д. Кочнев томонидан Нахшаб шахристонида араблар истилосига қадар фаолият кўрсатган ҳашаматли ва ниҳоятда маҳобатли бир бинонинг қолдиқлари топилган. Бу бино илк ўрта асрларда илк мартаба пайдо бўлган пишиқ гиштлардан бунёд этилган. Иморат қолдиқларидаги пишиқ

ғиштлар орасида трапеция шаклидаги пишиқ ғиштлар ҳам кўплаб учрайди. Бу шаклда махсус ясалган пишиқ ғиштлар дастлаб Ерқўрғоннинг марказий ибодатхонаси харобаларида учраган, улар ёрдамида марказий ибодатхонанинг устунлари терилган. Б.Д. Кочневнинг тахминига кўра бу бино олдида пишиқ ғиштлардан бунёд этилган устунлар қатори, аниқроғи маҳобатли айвон мавжуд бўлган. Устунларнинг ҳар бирининг диаметри 1 м бўлган. Ғиштларнинг ташқи томонларида кулранг ганчсимон сувоқ қолдиқлари ҳам сақланиб қолган. Бу иморатнинг харобалари унинг улкан бино бўлганлигидан далолат бергани ҳолда, Нахшабда ҳам худди Ерқўрғон марказидаги каби шаҳарнинг бош ибодатхонаси қад ростлаб турганлигини кўрсатади.

Мана шу ўринда Нахшабнинг араблар истилосидан аввалги илк ўрта асрлардаги диний дунёқарашлари тўғрисида ҳам бироз фикр юритишни лозим топдик. Ерқўрғон ва Нахшаб марказидаги юқорида тилга олинган бинолар ушбу шаҳарларнинг марказий ибодатхоналари бўлганлари ҳолда, шаҳарлар ва уларга кўшни худудлар аҳолиси дунёқарашида диннинг ўрнини қай мақомда эканлигини аниқлаб берувчи омиллар ҳам ҳисобланади. Арабларгача бўлган даврда Марказий Осий ҳудудида оташпарастлик, зардуштийлик, маздакийлик, монийлик, христианлик ва бошқа майда динларга эътиқод қилган аҳоли яшаган. Шуниси эътиборга лойиқки, илк ўрта асрларда Ўрта Осиёда маълум маънода кўпдинлилик ва диний эътиқодлар эркинлиги муҳити мавжуд бўлган. Бу даврда биронта ҳам динга давлатнинг расмий дини мақоми берилмаган, бирорта дин бошқасидан устун қўйилмаган. Мана шу ҳолат Нахшаб учун ҳам хос бўлганлиги бу ерда олиб борилган археологик тадқиқотларда ўз аксини топган.

Нахшаб шаҳристони VI-VII асрларда йирик шаҳарнинг ядросига айланган даврда шаҳар атрофида ва унга яқин худудларда шаҳарнинг таъсир доирасидаги аҳоли манзиллари мавжуд бўлган. Мана шундай йирик аҳоли манзили Нахшабга яқин жойда, Қашқадарёнинг ўнг соҳилидан бир чақиримча масофада жойлашган ва унинг харобалари бизнинг кунларгача Қўштепа номи билан аталувчи ёдгорлик кўринишида етиб келган. Бу ёдгорликда 90-йилларнинг бошларида А. Раимкулов бошчилигида археологик қазишмалар олиб борилган (Раимкулов, 1997, 2000, 2003, 2004)

Ҳозирги Шайхали қишлоғи ҳудудида жойлашган Қўштепа араблар истилосигача фаолият кўрсатган йирик суғдийлар қишлоғининг харобаларидир. Тепаликнинг узунлиги 250 м, эни 100 м атрофида. Қишлоқ йирик кўрғон кўринишида бўлиб маҳобатли мудофаа деворлари билан ўраб

олинган ва бу деворларнинг ташқари томонида эса эни 15-20 м чамаси кенгликдаги чуқур мудофаа хандақлари бўлган. Биз томонимиздан мана шу мудофаа хандақлари атрофида олиб борилган археологик қазишмалар натижасида ўзига хос меъморий хусусиятларга эга бўлган ярим ерости меъморий иншоотининг катта бир қисми очиб ўрганилди.

Қўштепадаги иншоот шу пайтгача Нахшаб ҳудудида очиб ўрганилган бинолар қолдиқларидаги кескин фарқ қилган ҳолда унинг харобалари ер сатҳидан пастда жойлашган. Ушбу бино икки қисмли, ўндан ортиқ хонадан иборат бутун бошли меъморий мажмуадир.

Бу каби ўзига хос усулда қурилган меъморий иншоот Ўрта Осиё ҳудудида шу пайтгача учрамаган. Иншоот саждагоҳларининг ички кўриниши кўпроқ зардуштийлар саждагоҳларнинг эслатади. Лекин зардуштийлик таълимотига кўра ерни кавлаб бирон-бир иншоот қуриш маън этилган.

Бир неча йиллик илмий изланишлар натижасида бу иншоот араблар келгунига қадар фаолият кўрсатган насронийларнинг ибодатхона-монастирининг харобалари деган хулосага келдик.

Монастир VII асрнинг биринчи ярмида ўз фаолиятини тўхтатган. Бу ерда умргузаронлик қилган насроний диндорлар ва бу ерга доимий ташриф буюриб турган насронийлар бу иншоотни тарк этишлари пайтида унинг мукаддас ҳисобланган хоналарини, саждагоҳларни кум аралаш юмшоқ тупроқ билан тўлдирганлар. Улар фойдаланилган кундалик буюмлар ва бошқа ашёлар жой-жойларига қолдирилган.

Қўштепа мажмуасининг насронийларга тегишли эканлигини бу ердан топилган яна бир топилма ҳам тасдиқлаши мумкин. Мажмуанинг 2-хонасидан супа устидан сополдан ясалган урчуқбош топилди. Урчуқбош ясалган пайтда ҳали у хомлигидаёқ унинг учта жойига бир хил муҳр босилган. Муҳрда вазасимон идиш ва унинг гардишининг икки томонида бир-бирларига қарама-қарши ўтирган иккита қуш тасвири бор. Қушларнинг бири идишга бошини тикиб ундан сув ичмоқда, унинг қарама-қарши томонидаги қуш эса бошини баланд кўтарган ҳолда оғзидаги сувни ютмоқда.

Христианлик тарихи билан шуғулланувчи олимларнинг фикрларича бу тасвир қадимги «Библия»дан олинган бўлиб «хаёт булоғи» деган маънони акс эттиради. Қўштепадаги каби мазмунга эга бўлган топилма - Қадимги Рим черковларидан бирининг харобаларидан топилган мозаика ҳозирги кунда Римдаги Капитолия музейида сақланади.

Қадимги Насаф шаҳрига яқин худуддан ушбу насронийлар монастирининг топилиши археология фанида кутилмаган ҳол эмас, чунки христианлар томонидан барпо этилган иншоотлар Ўрта Осиё худудида бир неча марта очиб ўрганилган. Улардан Қадимги Марв худудидан топилган христианлар черкови - Хароба Кўшк ва христанлар монастири, Қирғизистондаги Оқ-Бешим-Суяб шаҳар харобаларидан топилган иккита черков қолдиқлари, жанубий Тожикистондаги Айваж кишлоғи атрофидаги христианларнинг ғормонастири, Эски Термиздан топилган христианлар ибодатхонаси, Самарқанд вилоятидаги Ургут атрофидан топилган Қўштепа христианлар ибодатхонаси, Ургутнинг Сўфиён кишлоғи яқинидаги қоятошга ёзилган насроний-сурёний ёзувларни мисол тариқасида келтиришимиз мумкин.

Ушбу ибодатхона-монастирнинг топилиши нафақат Нахшаб, балки бутун Ўрта Осиёдаги динлар тарихини ўрганишда бекиёс аҳамиятга эга бўлиши билан бирга, бу шаҳарда ва унинг атрофидаги айрим кишлокларда ҳам христиан жамоалари яшаганликларидан далолат беради.

1987 йилда М.Х. Исомиддинов ва А.А. Раимқуловлар томонидан Шулуктепа аркининг энг юқори қисмида (қуббасида) археологик қазималар олиб борилди ва натижада бу ерда фаолият кўрсатган маҳобатли бир бинонинг қолдиқлари очиб ўрганилди (Сулейманов, 2000, с. 29).

Турк ҳоқонлиги ва Сосонийлар давлати кўшинлари томонидан вайрон этилган Шулуктепа аркидаги қалъанинг вайроналаридан кейинроқ ушбу иншоотнинг саҳнини қуришда фойдаланилган.

Арк устидаги ушбу бино қадимги меъморий иншоотлар харобалари устидан қопланган пахса блокларидан ташкил топган зинасимон саҳн устига VII асрнинг охири ва VIII асрнинг бошларида бунёд этилган. Саҳн майдонининг 2,5 м пастки сатҳида, аркнинг ҳар тўрт томонида ҳосил бўлган майдончаларнинг усти ёпилиб бу ерда айвонлар бунёд этилган. Бу айвонларда арк кўриқчилари тепадаги истехкомни кўриқлаганлар.

Арк қуббасида очилган бино квадрат шаклида (тахминан 25x25 м), ўнта хонадан иборат, бу хоналар бир-бирларига анфилада усулида, яъни кетма-кет равишда боғланган бўлиб улар катта марказий хонани ҳамма томондан ўраб олган. Хоналар деворларининг қалинлиги 1,10, 1,60 ва 1,90 м. Бу хоналар бизнинг назаримизда марказий хонани кўриқлаш нуктаи-назаридан бунёд этилган ҳарбий истехком вазифасини бажарган. Хоналарнинг кўпчилигида ташқи деворнинг тагида кенг супалар мавжуд бўлиб улар аркнинг

ҳимоясида фойдаланишга мўлжалланганлиги шубҳасиздир. Ташқи деворда шинаклар бўлганми-йўқми, бу ҳозирча номаълум, лекин деворларнинг сақланган баландлигида шинаклар учрамайдими.

Иншоотнинг ўртасида катта хона марказий зал жойлашган бўлиб ўлчамлари 5,80x4,80 м. Залнинг деворлари кейинги даврларда деярли бузилиб кетганлиги учун унинг ички меъморий хусусиятларини таҳлил қилишнинг деярли иложи йўқ ва ундан қай мақсадда фойдаланилганлигини фақат тахмин қилиш мумкин холос. Бу иншоот бир неча марта тубдан таъмирланган. Марказий хонадан шарқ томонда қудук ҳам мавжуд бўлиб Шулуктепа шаҳристони ва рабодидан топилган кўплаб қудуқлар каби унинг ҳам атрофларига ичкари томонидан пишиқ ғишт терилган. Қудукнинг диаметри 1,20 м, чуқурлиги номаълум, ҳарқалай у сувли қатламгача етиб борган бўлса керак, чунки аркдаги эҳтимолдаги узоқ давом этиши мумкин бўлган камал пайтида мана шундай қудуқларнинг суви жуда ҳам асқотиши шубҳасиздир.

Шулуктепа аркидаги бу бино том маънодаги ҳарбий истехкомдир. Бир-бирлари билан анфилада усулида боғланган тор хоналар доимий яшаш учун яроқсиз. Хоналарнинг айримларидан ўчоқлар қолдиқлари топилган бўлсада, бу ўчоқлардан бу истехкомнинг кўриқчилари фойдаланганликлари шубҳасиздир.

Бинонинг қазим жараянида қўлга киритилган сополлар ва бошқа археологик осори-атиқалар эрамининг VIII асрининг иккинчи ярмига мансуб бўлиб бу топилмалар бино фаолиятининг сўнгги даврларига оиддир.

Шулуктепа аркидаги пастки майдоннинг жанубий қисмида Б.Д. Кочнев томонидан кенг миқёсда археологик қазималар ўтказилган ва аркнинг ушбу пастки қисми ҳам маҳобатли мудофаа деворлари билан ўраб олинганлиги аниқланган. Шаҳарнинг асосий қисмидан девор билан махсус ажратилган ва кўриқланган бу жойда Нахшаб шаҳри ҳукмдорларининг ва унга яқин бўлган аслзодаларнинг уй-жойлари жойлашган бўлса ҳам ажаб эмас. Бу жойга аркнинг ўртароқ қисмидаги шарқ томонда мавжуд бўлган ягона ўтиш жойидан дарвоза орқали кирилган бўлса керак.

Нахшаб-Насаф тўғрисидаги ўрта асрлар сайёҳлари ва жуғрофий олимларининг эсдаликларидан шаҳар арки тўғрисида ҳам қисқача маълумотлар учрайди. Бу ерга ташриф буюрган араб сайёҳлари шаҳар бузилган арк-куҳандиз, мадина ва рабоддан иборатлигини ёзишган. Бу сайёҳлар албатта аркнинг хароба ҳолатда эканликларига эътибор берганлар. Бизнинг Шулуктепа аркида

олиб борган тадқиқотларимиз ўрта асрлар ёзма манбаларидаги маълумотларнинг тамоман тўғри эканликларини исботлайдилар. Юқорида айтилганидек, аркдаги бу иншоот ўз фаолиятини ушбу сайёҳлар ташрифидан анча муддат олдин, эрамининг VIII асрининг охирларида тўхтатган.

Ўрта Осиёнинг деярли барча ҳудудларида антик ва илк ўрта асрларда бунёд этилган ва бир неча юз йиллар давомида фаолият кўрсатган шаҳарлар аркларининг араблар истилосидан кейинги даврларда ўз фаолиятларини давом эттирмаганликлари ҳолатлари кўплаб кузатилган. Бунинг бир нечта сабаблари бор ва Шулуқтепа аркининг ҳам кейинги даврларда фаолият кўрсатмаганлигига ҳам мана шулардан бири сабаб бўлган бўлиши мумкин.

Биринчи сабаб, бу арабларнинг босқинчилик юришлари давомида камал қилинган шаҳарлар мудофаа тизимининг асосий нуқталаридан бири сифатида аркларнинг атайлаб вайрон этилиши бўлса, иккинчиси, араблар истилосидан кейин VIII охири ва IX асрлардан бошлаб Ўрта Осиёнинг барча ҳудудларида кўплаб шаҳарларнинг гуркираб ривожланиши ва кенгая бошлаши натижасида арклардан туриб шаҳарни ҳимоя қилиш мумкин бўлмай қолган ва бу ҳолат шаҳар ҳаёти учун аркларнинг аҳамиятини йўққа чиқара бошлаган. Учинчидан, кейинчалик аркларни сув билан таъминлаш масаласини ҳал этишда қийинчилик туғила бошлаган. Мана шу даврда шаҳарларни ичимлик суви билан таъминлашда сув қувурлари-водопроводлардан кенг фойдаланила бошланган ва баланд аркларга қувур орқали сув олиб чиқиш мумкин бўлмай қолган. Тўртинчидан эса шаҳарлар шахристонлари ва баъзан рабодларда сув таъминоти ва яшаш шароити юқори даражада бўлган кенг ва дабдабали саройларнинг барпо этилганлиги ҳам аркларга бўлган эҳтиёжни йўққа чиқарган.

Нахшаб аркининг ҳарбий истехком сифатида ўз фаолиятини тўхтатишининг сабабларидан бири, бизнинг назаримизда, VIII асрда Ўрта Осиё халқларининг араб мустамлакачиларига қарши курашлари жараёнида Нахшабнинг бир неча марта камал қилинганлиги, неча марта қўлдан қўлга ўтганлиги ҳам сабаб бўлиши мумкин.

Нахшаб араблар томонидан биринчи марта 710 йилда ишғол қилинган. Лекин араб босқинчиларига қарши кўтарилган ва айрим танаффуслар билан етмиш йилдан зиёдроқ вақт давом этган кўзғолонлар давомида бу шаҳар бир неча марта озод этилди ва кўплаб марта қайтадан босиб олинди. Араблар истилоси даврида Нахшаб том маънода арабларга қарши кўтарилган ватанпарварлик курашларининг Мовароуннаҳрдаги энг асосий марказларидан бирига айланиб қолди.

Балки шу сабаб 738 йилда Суғд ихшиди Гурак ҳалок бўлгандан кейин унинг ўрнига тахтга ўтирган ўғли Турхор даврида Суғднинг пойтахти маълум даврда Нахшабга кўчирилиши ва арабларга қарши Турк ҳоконлиги ҳамда Суғднинг иттифоқчи кўшинларининг айнан мана шу ерда тўпланганлиги ҳам (Камолиддин, 2004) бу шаҳарнинг бу даврдаги сиёсий майдондаги ўрнини белгилаб беради.

Мана шунинг учун 769 йилда Бағдоддаги халифалик зиндонидан қочган Ҳошим ибн Ҳаким-Муқаннанинг айнан Нахшабга йўл олиши ҳам тасодифан эмас. Арабларга қарши кўтарилган ватанпарварлик курашларининг сўнгги даври Муқанна бошчилигидаги «Оқ кийимликлар кўзғолони» бўлиб қолди. Манбаларда Муқанна кўзғолонининг аниқ санаси тўғрисида бир қатор чалкашликлар мавжуд. Бу чалкашликлар асосан бу кўзғолонининг бошланиши, неча йил давом этганлиги ва қайси йилда мағлубиятга учраганлиги тўғрисидаги маълумотлардаги турли-туманликлардан иборат. Лекин воқеалар VIII асрининг иккинчи ярмида, аниқроғи шу асрнинг 70-80 йилларида содир бўлганлиги айнан ҳақиқатдир.

«Оқ кийимликлар кўзғолони» асосан Бухоро, Нахшаб, Кеш ва Субах (Ғузор)да кечган бўлиб унинг бешиги Нахшаб бўлганлиги тарихдан маълум. Кўзғолон раҳбари ва етакчиси Муқаннанинг шахси тўғрисида ҳам турлича қарама-қарши фикрлар мавжуд. Манбаларда унинг пайғамбарлик даъво қилганлиги тўғрисида маълумотлар бор. Бошқа манбаларда унинг жуда маърифатли ва билимли одам бўлганлиги, Абу Муслимнинг лашкарбошиларидан бири сифатида Уммавий халифаларига қарши кўплаб жангу-жадалларда иштирок этганлиги ҳам айтилади. Ўша даврнинг сиёсий муҳити ва бу ҳудудда яшаган халқларнинг бу даврдаги сиёсий воқеаларга муносабати нуқтаи-назаридан келиб чиқиб фикр юритсак, суғдлар бу кўзғолонда фақатгина Муқаннанинг диний қарашларига эргашибгина арабларга қарши қонли жангга кирмаганлар, қолаверса бу халқларнинг қанчаси Муқанна динини қабул қилганлиги ҳам номаълум. Ўз мамлакатини ва динини ҳимоя қилаётган халқлар онгига яна бир бошқа учинчи динни ҳам тегиштиришга Муқанна ҳарқалай журъат қилолмаган бўлса керак. Бизнинг фикримизча, бу кўзғолон Мовароуннаҳр халқларининг араб босқинчиларига қарши ўз ватанларини озод этиш учун кўтарилган ва етмиш йил атрофида давом этган том маънодаги халқ кўзғолонларининг давоми бўлиши билан бирга, араблар истилоси тарихида уларга қарши кўтарилган ва энг узоқ давом этган, араблар ҳукмронлигига чек қўйиш даражасига етиб борган, халифаликни ларзага солган улкан сиёсий кураш

бўлиб тарихга кирди.

Муқанна кўзғолонининг мағлубияти бу воҳалар учун даҳшатли кечди. Кўзғолон иштирокчилар жангларида ҳалок бўлдилар, улар яшаган қишлоқлар вайронага айланди, воҳада том маънода ёппасига қирғин ўтказилди. Бу кўзғолоннинг бостирилиши жараёнида Нахшаб ҳам бу исённинг асосий таянч нукталаридан бири бўлган шаҳар сифатида қаттиқ вайрон бўлган бўлиши мумкин, лекин бу ерда етарли даражада археологик қазималар олиб борилмаганлиги учун бу саволга узил - кесил жавоб бериш мушкул.

Воҳа миқёсидаги ўтказилган ёппасига қирғин бу воҳада олиб борилган археологик разведка давомида қўлга киритилган археологик манбалар таҳлилида ҳам кўзга ташланади. Юқорида Турк ҳоконлиги ва Сосонийлар давлатининг бирлашган иттифоқчи қўшинлари томонидан Ерқўрғон шаҳри, Шуллуктепа ўрнидаги қалъа ва улар билан биргаликда юзлаб қишлоқлар вайрон этилганлиги бу воҳада олиб борилган археологик разведка ишлари натижалари таҳлилида намоён бўлишини айтган эдик. Худди шундай ҳолат Қашқадарё воҳасининг яна бир неча юз ёдгорлигида яна бир марта қайтарилади - яъни юзлаб ёдгорликлар айнан эрамизининг VIII асрининг иккинчи ярмида ўз фаолиятларини тўхтатганлар

Нахшабда арабларга қарши кайфият араблар истилосидан кейин ҳам маълум муддатгача сақланиб турди ва у кейинроқ 806 йилда Самарқандда бошланган Рофиъ ибн Лайс исёнида айниса намоён бўлди. Фарғона, Уструшона, Чоч, Чағониён, Хутталон ва Суғдни қамраб олган бу кўзғолонда Насаф аҳолиси актив иштирок этганлиги манбаларда бирмунча ўз аксини топган. Араб халифалари Мовароуннаҳр ва Хуросонни фақатгина қурол кучи билан ушлаб туриб бўлмаслигини, бу ҳолатда бу мамлакатларда қаршилик кўрсатиш ҳаракатлари тўхтамаслигини тушунгандан кейин бу ўлкаларни бошқариш ишларига маҳаллий аслзодаларни тортиш сиёсатини олиб бордилар. Шу тариқа Мовароуннаҳр ва Хуросонда маҳаллий - Тоҳирийлар (821-873 йиллар), кейинроқ Сомонийлар сулоалари (875-999 йиллар) ҳукмронлик қилдилар. Бу сиёсат арабларга қарши кайфиятда бўлган кенг маҳаллий халқ оммаси онггида кескин ўзгариш ясашга ва бу ўз навбатида бу ўлкаларда сиёсий осойишталик ўрнатилишига асос бўлди. Бу сулоалар Мовароуннаҳр ва Хуросон халқлари онгига ислом динини тинч йўл билан сингдириш сиёсатини ҳам муваффақият билан олиб бордилар.

Мана шу даврда Мовароуннаҳрга халифаликнинг марказий шаҳарларида кенг тарқалган табиий, фалсафий ва тиббий фанлар кириб келди. Илк ўрта асрлардаёқ қадимги антик давр юнон мате-

матикаси, фалсафаси ва тиббиётининг сурия ва кейинчалик араб тилига қилинган юзлаб таржималари халифаликнинг марказий шаҳарларида бу фанлар тармоқларининг тараққий этишига асос бўлди. Бу тараққийнинг Эрон, Хуросон ва Мовароуннаҳрга ҳам кириб бориши бу ўлкаларда ҳам фанларнинг тараққий этишига, фанларнинг тараққий этиши ўз навбатида хунармандчиликнинг ривожланишига, хунармандчиликнинг ривожланиши эса бозорларнинг ва савдо алоқаларининг ривожланишига замин яратди, бу эса ўз навбатида бу ўлкаларнинг умуммаданий юксалишига сабаб бўлди.

IX асрнинг иккинчи чорагидан бошланган осойишталик даври Мовароуннаҳрнинг йирик шаҳарларидан бири Насафда ҳам хунармандчилик, савдо, маданий алоқаларнинг кескин ривожланишига, қадимданок шакланган ва юксак ривож топган шаҳарсозлик маданиятининг қайта жонланишига асос бўлди. Бу юксалиш Насафнинг харобалари бўлган Шуллуктепада олиб борилган археологик тадқиқотларда ҳам ёрқин намоён бўлади.

Мана шу даврда Насафнинг юксак суратлар билан кенгая бориши, аҳоли сонининг кескин ошиши, шаҳристонга сиғмай қолиши натижасида рабод шаклланади ва шаҳристонни барча томондан ўраб олади. Рабоднинг шимол томони IX асрларга келиб Қашқадарёгача чўзилган бўлса, шимолий шарқ томони X асрда дарё ортида ҳам давом этган. Б.Д. Кочневнинг фикрича, шаҳарнинг дарёни сўл қисмини эгаллаган майдони 1 кв.км, яъни, тахминан 110 га майдонни ташкил қилгани ҳолда, дарёнинг ўнг соҳилида ҳам шунча майдонни эгаллаган. Шу тариқа Насаф ўрта асрларда бутун Мовароуннаҳр ва Хуросон учун хос бўлган уч қисмли шаҳар сифатида арк (куҳандиз), шаҳристон (мадина) ва рабоддан иборат бўлади. Бу учлик Мовароуннаҳр ва Хуросоннинг IX-XIII асрларда фаолият юргизган ўнлаб катта-кичик шаҳарлари учун хос бўлган хусусиятдир (Бартольд, 1963). Бу хусусият Насаф учун ҳам хос бўлсада, бу ерда рабод шаклланган вақтда арк хароба ҳолга келиб қолганлигини эътибордан четда қолдирмаслик лозим.

X аср охирларига келиб Насаф шаҳрининг умумий майдони 220 гектардан ҳам ортиб Мовароуннаҳрнинг энг йирик шаҳарларидан бирига айланган. Дарё ортидаги рабоднинг ғарбий қисмида Насафнинг асосий шаҳар қабристон мавжуд бўлган. Бу қабристон Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Археология институтининг Т.Қ. Ходжайов бошлиқ археология отряди томонидан тадқиқ этилган. Тадқиқотлар натижасида Насаф қабристонининг майдони 13 га бўлганлиги аниқланди ва 200 дан ортиқ қабр

казиб ўрганилди. Қўлга киритилган археологик манбалар ушбу қабристон VIII асрнинг охирларидан бошлаб шаклланганлигини ва XIII асрнинг бошларигача бу ерга шаҳар аҳолиси дафн этилганлигини кўрсатади. Антропологик тадқиқотлардан маълум бўлишича, бу даврда Насаф шаҳар аҳолисининг асосий қисми европеоид ирқига мансуб бўлган. Лекин оз миқдорда бўлсада монголоид ирқига мансуб кишилар қабрлари ҳам учраб туради (Ходжайов, Мухаммеджанов, Манылов, Абилов, 1986, с.183-186). Қашқадарёнинг ўнг соҳилидаги рабоднинг ҳудуди, жумладан шаҳарнинг қадимий қабристони қолдиқлари бўлган жойлар XX асрнинг 80-90 йилларида дала ҳовлилар қурилиши натижасида тамоман йўқ бўлиб кетди.

Ўрта асрларда Насафга ташриф буюрган араб сайёҳлари Мақдисий, ибн Ҳавқал, ибн Хордабех ва бошқаларнинг эсдаликлари орқали Насаф шаҳрининг тарихий топографияси тўғрисида бирмунча умумий маълумотлар олиш мумкин. Лекин бу маълумотларни Насаф харобалари бўлмиш Шуллиуктепанинг топографик планига солиштириш жуда мушкул ва биз куйида бу масалага истисно тариқасида ёндошамиз.

Мақдисийда Насаф тўғрисида қуйидаги маълумотлар келтирилган: «Насафни қимматли Нахшаб дейишади. Унда бузилиб кетган куҳандиз ва текис жойда жойлашган, аҳоли истикомат қилаётган рабод бор. Дарё уни иккига ажратган. Унинг қирғоғида кўприк бошида ҳоким уйи жойлашган. Рабодда бозор атрофида жомъе масжиди жойлашган. Шаҳарда ажойиб узумзорлар ва ҳайдалган ерлар сероб, у катта, кўнгилли, ҳавоси тоза».

Ибн Ҳавқалнинг «Йўллар ва мамлакатлар» асарида Мақдисий маълумотларига нисбатан кенгрок маълумотлар келтирилган: «Насаф бузилган арки бўлган, Нажжория (Бухоро), Самарқанд, Кеш, Ғўбдин каби тўрт дарвозали, рабодга эга шаҳар. Бу шаҳар Бухоро-Балх катта йўлида текисликда жойлашган. Тоғлар ундан икки манзил нарида, Кеш томонда, Насаф ва Жайхун оралиғи чўллардан иборат бўлиб у ерда умуман тоғлар йўқ. Насафда шаҳар ичидан оқиб ўтадиган ягона дарё бўлиб унга Кеш сувлари қуйилади ва дарё бу ердан текислик томонга шитоб билан оқади. Ҳоким саройи шу дарё қирғоғида, «кўприк боши» деб аталадиган жойда жойлашган. Сарой атрофида турма (зиндон бўлса керак - Р.А.) жойлашган. Жомъе масжиди Ғўбдин дарвозаси томонда, байрам тантаналари ўтказиладиган жой Нажжория дарвозаси тўғрисида шаҳар ичида. Бозорлар ҳоким саройи билан жомъе масжиди оралиғида рабодда жойлашган. Насаф атрофида кўплаб қишлоқлар

бўлиб шаҳар масжидидан ташқари уларнинг икитасида жомъе масжидлари бор. Улардан бири Базда, бошқаси Касби. Касби Насафдан ҳам каттароқ. Насафга ҳатто шаҳардан катта бўлса ҳам жомъе масжидларига эга бўлмаган қишлоқлар ҳам қарашлидир. Унинг атрофидаги қишлоқларнинг аксарияти ёғин-чочинлар ёрдамида суғорилади. Насафда ва унинг рустоқларида юқорида тилга олинган дарёдан бошқа дарё йўқ, лекин у ҳам айрим йиллари қуриб қолади. Боғлар ва экинзорлар суғориладиган қудуқлар ҳам мавжуд. Насаф рустоқининг асосий қисми ҳосилдор ва гуллаб яшнаган» (Бетгер, 1954). Араб географлари ичида энг дастлабки маълумотларни қолдирган ибн Хордабех Насафни Самарқандга бўйсинувчи шаҳарлар жумласига киритиб Насафдан халифалик хазинасига 90 минг дирҳам хирож тушганлигини қайд этган (Зимин, 1927, с.199). Бу хирож 826 йилда тўланган (Массон, 1973, с.34).

Нахшаб-Насафга ташриф буюрган жуда кўплаб ўрта аср сайёҳлари, тарихчилар ва географ олимлар бу ерда вайронага айланган куҳандиз, дарё соҳилидага «Раъс ал-қантара» - «Кўприк боши» деган жойда қад кўтарган «Дар ал-Имора», яъни ҳоким саройи, унинг яқинидаги турма, шаҳарнинг тўртта - Бухоро, Самарқанд, Кеш ва Ғўбдин дарвозалари тўғрисида ёзганлар (Камалиддинов, 1996, с.51-56). Бизнинг фикримизча, шаҳарнинг кўчалари асосан мана шу дарвозаларга олиб чиққанлар ва уларнинг йўналишлари тўғри бўлган. Мисол тариқасида келтирсак, Суғдиёнанинг бошқа бир шаҳри Панжакентда олиб борилган қазилмаларда очиб ўрганилган шаҳар (яъни шаҳристон - Р.А.) кўчалари VII-VIII асрларда тўғри йўналишга эга бўлганлар (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973). Панжакент билан деярли бир даврда шаклланган Нахшаб шаҳристони учун ҳам бу ҳолатнинг хос бўлиши табиий, чунки Нахшаб Қарши воҳаси учун хос бўлган текис майдонда, маълум бир тарх асосида бунёд этилган ва қолаверса, у ўзидан аввал фаолият кўрсатган қалъа ёки бирон-бир йирик қишлоқ харобалари устига барпо этилмаган.

XII асрда Насафга ташриф буюрган марвлик олим Абу Сьад ас-Сомонийнинг маълумотича, Насафда ҳижрий 219, милодий 834 йилда қосонлик шайх Абу Абдуллахмон Муъаз ибн Ёкуб ал-Косоний биринчи марта жомъе масжиди, унинг яқинида сўфийлар учун рабод, қудуқ ва таҳоратхоналар бунёд эттирган. Бу иншоотлар қурилган кўча уларни қурдирган шайх номи билан юритилган (Камалиддинов, 1996, с.52-53). Бу иншоотлар Насафнинг жанубий Ғўбдин дарвозаси яқинида бунёд этилган ва улар жойлашган кўча ўша дарвозага олиб чиққан бўлиши керак, чунки

жамоат жойи бўлмиш масжид ҳарқалай марказий кўча устига қурилиши мантиқан тўғри. «Сўфийлар учун рабод» деганда гап бу ерда сўфийлар, балки сўфий-дарвишлар яшашлари учун бунёд этилган иморатлар мажмуаси тўғрисида кетаётганга ўхшайди, чунки бу иншоотлар жойлашган кўча кейинчалик XII асрда «Зоҳидлар кўчаси» деб аталганлиги ҳам бежиз бўлмаса керак. Бу эса ушбу кўча ва ундаги иморатлар XII асрда ҳам ўз аҳамиятини йўқотмаганлигидан далолат беради. Ас-Сомоний келган пайтда бу масжид «Эски масжид» деб юритилган, лекин у бу даврда фаолият кўрсатганми, йўқми, номаълум.

Насаф шахрининг кенгайиши, аҳоли сонининг орта бориши натижасида, янги, катта жомье масжидига эҳтиёж туғилди. Манбаларда айтилишича, бу масжид ҳам Ғўбдин дарвозаси яқинида бунёд этилган. Бу маълумотлар юқорида тилга олинган эски масжид Ғўбдин дарвозасидан ичкарида мадинада, янги жомье масжиди эса бу дарвозадан ташқарида рабодда бунёд этилганлигини кўрсатади. Б.Д. Кочневнинг бу ерда олиб борган қазишмалари даврида шахристондан 130 м жанубда маҳобатли бино қолдиқлари топилган. (Кочнев, 1979, с.553-554). Б.Д. Кочневнинг бизга берган оғзаки маълумотларига кўра, бу ерда катта микдорда пишиқ ғиштлар бўлаклари, меъморий ганч парчалари, рангли шишалар ўрнатилган ганчли панжара (дераза) қисмлари, темир, мис буюмларнинг парчалари, сопол буюмлар ва бошқа ашёлар топилган. Қўлга киритилган сополлар парчалари асосан XI асрнинг иккинчи - XII асрнинг биринчи ярмига мансуб.

Пишиқ ғишдан бунёд этилган бу жомье масжиди XI асрда бунёд этилган бўлиши ҳам мумкин, чунки шаҳар XI асрда жуда ҳам кенгайиб, рабодлар тўла шаклланиб бўлган эди. Катта жомье масжидига бўлган эҳтиёж ҳарқалай X-XI асрдаёқ туғилганлиги ҳақиқатга бирмунча яқин. Бу ердан топилган XII асрга оид сопол буюмлардан масжид фаолиятининг сўнгги даврларида фойдаланилган бўлиши ҳам мумкин.

Ш.С. Камалиддиновнинг сўнгги йиллардаги тадқиқотлари боис Насафнинг ўрта асрлар тарихий топографиясига оид ноёб манбалар қўлга киритилди, жумладан, бир нечта масжидлар тўғрисида маълумотлар маълум қилинди. Улардан Раъс ал-Қантара маҳалласидаги Абу Йаъла Абд ал-Мўъмин ибн Халаф масжиди, Ал-Аҳмар қудуғи яқинидаги Синоп ибн Йасар масжиди, эски буюмлар бозори яқинидаги ал-Хулканийн масжидларини келтириш мумкин (Камалиддин, 2004, с. 177).

Насаф ҳам Мовароуннаҳрнинг бошқа ўрта асрлар шаҳарлари каби маҳаллалар мажмуаларидан ташкил топган. Манбаларда уларнинг Жувик,

Сиккат Баён, Сиккат Жуйбор, Сиккат ас-Саға (Заргарлар кўчаси), Куйи Шарғиён каби кўчаларнинг ва улар билан боғлиқ маҳаллаларнинг номлари тилга олинади. Ш. Камалиддиновнинг таъкидлашича, «сикка» ибораси шахристон - мадинада жойлашган маҳаллалардаги кўчаларга нисбатан ишлатилган. Бу ном билан юритилган маҳаллардан бирида фаолият кўрсатган масжидда IX асрда буюк ҳадисшунос олим Абу Абдуллоҳ Муҳаммад ибн Исмоил ал Бухорий Насафда сабоқ олган пайтида намоз ўқиган (Камалиддинов, 1996, с.54).

Насафдаги шаҳар ҳаётида дарёнинг ўрни қандай бўлса, у баъзи пайтларда қуриб қолган вақтларда қудуқларнинг ўрни ҳам шундай бўлган ва бу ҳақда ёзма манбаларда ҳам маълумотлар мавжуд. Насафда икки хил қудуқдан кенг фойдаланилган. Биринчи тур қудуқлар ичимлик суви тортиб олишга мўлжалланган бўлиб, бу қудуқлар сувидан айни пайтда экинларни суғоришда ҳам фойдаланилган. Иккинчи тур қудуқлар эса оқава ва чиқинди сувларни ер қаърига ютилишига мўлжалланиб қазилган. Биринчи тур қудуқлар алоҳида ҳафсала билан қазилган. Уларнинг юқориги 3-3,5 м қисмининг ён томонларига ичкаридан пишиқ ғиштлар терилган. Бундай қудуқлар Насафнинг шахристони ва рабодидан ўндан зиёд жойида топилган. Бу қудуқларда ғишт теришнинг ўндан ортиқ усулларини кузатиш мумкин. Бизнинг фикримизча, маҳаллий шарт-шароитлардан келиб чиққан ҳолда қудуқ қазиш амалиёти Насафда энг кенг тарқалган махсус ҳунармандчилик тармоқларидан бири даражасига кўтарилган.

Насафда ҳунармандчиликнинг кулолчилик, темирчилик, мисгарлик, шишасозлик, заргарлик, тўқимачилик, ёғоч ва ганч ўймакорлиги, суякка ишлов бериш, тоштарошлик ва бошқа ўнлаб турлари тараққий қилган.

Насаф шахрининг харобалари бўлмиш Шулулуктепада археологик қазишма ишлари кенг миқёсда олиб борилмаганлиги сабабли ушбу тадқиқотлар шаҳар тарихини ўрганиш борасида ўрта асрлар ёзма манбаларида келтирилган маълумотларни бирмунча тўлдиришга хизмат қиладилар холос.

Насаф сомонийлар, ундан кейин тарих сахнасига келган қорахонийлар даврларида Мовароуннаҳрнинг энг йирик шаҳарлари қаторида фаолият юргизган. Насафда ва Қашқа воҳасининг бошқа шаҳарлари ва қишлоқларида фанларнинг турли йўналишларида ижод қилган машҳур алломалар риёзиёт, тиббиёт, фикршунослик, диншунослик, дунёвий ва ислом фалсафаси, ҳадисшунослик, тарих илмлари билан машғул бўлганлар. Манбаларда Насаф, Самарқанд, Балх, Марв, Бағдод каби шаҳарларда яшаган ва ижод қилган юзлаб на-

сафлик машхур алломаларнинг номлари маълум. Манбаларда келтиришларича, Самарқандда мингта атрофида муҳаддис олимлар (ҳадис йиғувчилар) яшаган, Бухорода эса 600 атрофида, Насафда эса 400 дан ортиқ. Бу маълумотлар IX-XIII асрларда Насаф Мовароуннаҳрнинг Самарқанд, Бухоро, Термиз каби энг йирик шаҳарлари қаторида юксак даражада ривожланган йирик илм-фан ва маданият марказларидан бўлганлигини яққол намоён этади.

1219-1220 йиллардаги Чингизхон бошчилигидаги мўғуллар истилоси даврида Насаф ҳам Марказий Осиёнинг ўнлаб шаҳарлари қаторида тамомила вайрон қилинди, бир неча асрлар давомида таркиб топган жаҳоншумул маданият тамомила таназзулга учради.

Чингизхон ва унинг авлодларининг истилочилик юришлари натижасида Осиё ва Шарқий Европада ташкил топган бағоят улкан империя унинг ўғиллари даврида тўртта улусга бўлиниб кетган ва унинг Ўрта Осиёдаги қисми жаҳонгининг тўнғич ўғлининг номи билан Чигатой улуси деб юритилган. Мўғуллар босқини натижасида хувиллаб қолган воҳалар, бутунлай вайронага айланган шаҳарлар ва қишлоқлар, қуриб қолган ариқлар, бузиб ташланган тўғонлар, чўлга ва яйловга айланган экинзорлар Чигатой улуси хонлари даврида ҳам деярли қайта тикланмади. Бу юришда Ўрта Осиё халқларининг ярмидан кўпроғи кириб юборилди. Бирон-бир иқтисодий манбага асосланмаган, бутунлай харобага айланган хўжалик вайроналари устига сунъий равишда тикланган бу давлат ташкил этилгандаёқ тезда инкирозга юз тутиши тайин эди ва худди шундай бўлиб чиқди ҳам. Чигатой улуси таназзулининг яна бир сабаби улус ҳокимияти бўлмиш хон ўрдасининг Ўрта Осиё шаҳарлари бўйлаб тинимсиз кўчиб юриши ҳам эди. Мўғулларнинг асрий ва анъанавий турмуш тарзи бўлган кўчманчилик Ўрта Осиё шароитида, янгича сиёсий муҳитда уларнинг янгича турмуш тарзларига кўп ҳолларда мос келмай қолаётган, улуснинг сиёсий ва иқтисодий инкирозини олдини олиш учун керак бўлган кўплаб ислохотларнинг амалга ошишига тўсқинлик қилаётган эди.

Чигатой улусининг инкирозини тўхтатишга биринчи марта чинакамига амалий иш билан киришган хон Кебакхон ибн Дувохон бўлди. Кебакхон ибн Дувохон Чигатой улуси хонлари ичидаги энг ёрқин сиймолардан биридир. 1318 йилда тахтга ўтирган Кебакхон Чигатой улусининг сиёсий ва иқтисодий инкирозини ва унинг сабабларини жуда яхши англаб этади ва унинг олдини олиш учун керак бўлган кўплаб ислохотларни, шу жумладан, ўзининг машхур пул ислохотини амалга оширади. Давр Кебакхонга сиёсий ва иқ-

тисодий ислохотларни амалга ошириш, уларнинг натижаларидан доимий равишда хабардор бўлиб туриш, қолаверса давлат миқёсидаги кўчманчиликдан воз кечиш учун муқим қароргоҳ кераклигини тақозо қилаётган эди. Шунинг учун Кебакхон 1318 йилдан бошлаб ўзининг қароргоҳи ва Чигатой улусининг янги пойтахти - Қарши қалъасини қуришга киришди. Кебакхон Қарши қалъаси ичидаги саройга улус олий ҳокимияти - хон ўрдасини жойлаштирди.

Қарши қалъасининг харобалари, унинг мудофаа деворларининг қолдиқлари 1966 йилда М.Е. Массон бошлиқ археологлар гуруҳи томонидан тадқиқ этилган, шаҳарнинг қалъа сифатидаги плани - тархи тикланган. Қарши қалъаси 4 метр қалинликдаги мудофаа деворлари билан ўралган, квадрат шаклидаги йирик қўрғон кўринишида, майдони 630х630 метрни ташкил этади. Тўрт томонида тўртта дарвозаси мавжуд бўлиб улар кейинги даврларда Тутак, Шаршара, Қарликхона ва Хиёбон номлари билан юритилган. Планга қалъа ичида жойлашган, лекин кейинги асрларда қурилган мадрасалар, сардоба, ҳаммом ва Одина масжиди ҳам киритилган (Массон, 1973).

2005 йилда Қарши шаҳрининг 2700 йиллиги муносабати билан олиб борилаётган тадбирлардан бири – Одина масжидини таъмирлаш ишлари бошланди. Бу ерда биз томонимиздан олиб борилган археологик кузатиш ишлари натижасида Одина масжиди ўздан қадимийроқ бўлган, пишиқ ғиштда қурилган қандайдир улкан иморатнинг харобалари устида бунёд этилганлиги аниқланди. Масжид қурилаётган пайтда ўша иморатнинг меъморий қолдиқлари бўлмиш деворлар, равоқлар ва устунлар ҳали мавжуд бўлган ва улардан масжид қурилишида унумли фойдаланилган.

Занжир Саройда олиб борилган археологик тадқиқотлар натижалари билан қиёслаш натижасида шу хулосани айтиш мумкинки, Одина масжиди Қарши қалъасининг айнан марказида, ундан бир неча аср аввал Кебакхон томонидан Чигатой улусининг олий ҳокимияти - хон ўрдаси сифатида пишиқ ғиштан бунёд этилган сарой харобалари устида бунёд этилган.

«Қарши» сўзи «сарой» деган луғавий маънони беради. Албатта қалъанинг бундай номланишида унинг марказидаги Кебакхон саройига нисбат берилган. Биз шу пайтгача Кебакхон саройи Қарши қалъаси худудида кейинги бир неча юз йиллар давомида фаолият кўрсатган шаҳар қурилишлари тагида тамоман йўқолиб кетган деган фикрда эдик.

Одина масжиди тагидаги маҳобатли сарой қолдиқларини ўрганиш Никшапайдан бошланган, Нахшаб-Насаф даврида давом этган ва Қар-

ши даврида қайта тикланган шаҳарсозлик маданиятининг учинчи – Қарши боскичини ўрганиш-да асосий ролни ўйнаши табиийдир.

Адабиётлар:

- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения, том II, Часть 1, Москва, 1963
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973.
- Бетгер Е.К. Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн-Хаукаля // Труды САГУ. Том IV. Археология Средней Азии. Ташкент, 1954.
- Зимин Л.А. Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности // В.В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.
- Исамиддинов М.Х., Рахманов Ш.А. Предварительное исследование цитадели городища Калаи Захоки Морон // Тезисы докладов конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии» Ташкент, 1985.
- Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган. Ташкент, 1984.
- Кабанов С.К. Археологические работы в 1948 году в Каршинском оазисе // Труды Института истории и археологии АН УзССР. Том II, Ташкент, 1950.
- Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент, 1977.
- Камалиддинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX - начала XIII вв. Ташкент, 1996.
- Камалиддин Ш.С. Новые данные к исторической топографии средневекового Насафа // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 34. Ташкент, 2004.
- Камалиддин Ш.С. Из истории домусульманских культов Средней Азии // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 34. Ташкент, 2004
- Кочнев Б.Д. Исследования средневекового Несефа // Археологические открытия 1974 года. Москва, 1975.
- Кочнев Б.Д. Работы в Каршинском оазисе // Археологические открытия 1978 года. Москва, 1979.
- Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (1965-1966 гг.). Ташкент, 1973.
- Раимкулов А.А. Культура сельских поселений Нахшаба в эпоху раннего феодализма. Автореферат канд.дисс. Самарканд, 1992.
- Раимкулов А.А. Своеобразный культовый комплекс Южного Согда // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 28. Самарканд, 1997.
- Раимкулов А.А. Новые археологические материалы истории христианства Средней Азии. Взаимовлияние культур и цивилизации. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 2000.
- Раимкулов А.А. О трех неизвестных типах христианских культовых сооружений Средней // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 34, Самарканд, 2004.
- Раимкулов А.А. Христианский храм-монастырь Коштета в Нахшабе (среднеазиатские и западные параллели) // Археология и история Центральной Азии. Самарканд, 2004.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Ташкент, 2000
- Туребеков М. Оборонительные сооружения древних городов и поселений Согда. Нукус, 1990.
- Ходжайов Т.К., Мухамеджанов Т.Р., Манылов Ю.П., Абилов Ш. Предварительные результаты археолого-антропологических исследований некрополя средневекового Несефа // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 20. Ташкент, 1986.

Р.Х. Сулейманов, Ю.Ф. Буряков, О.У. Муминов

РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСАФА

В течение многих лет, начиная с 1963 г., кафедра археологии Национального Университета им. Улугбека занимается изучением истории Кашкадарьинской области. В древности и средневековье она включала две историко-культурных области: Наутаку и Ксениппу, в средневековье Кеш и Нахшаб. Ядром Наутаки-Кеша был Шахрисабзский район, Ксениппы и Нахшаба - Каршинский оазис.

Системное изучение Каршинского оазиса включало работы по составлению свода памятников материальной культуры и стационарное исследование городских и сельских пунктов расселения и, в первую очередь, столицы Нахшаба. Исследования показали, что в истории развития города, выросшего на равнине, большую роль играли географические и экологические моменты, активно влиявшие на процессы изменения водного баланса Кашкадарьи, основного источника водоснабжения столицы. Экологические стрессы, дополнявшиеся политическими событиями, способствовали перемещению столицы владения со всеми основными хозяйственными компонентами на новые удобные земли, более интенсивно обеспеченные водой.

В предшествующие десятилетия основное внимание было уделено древнейшему городскому ядру, сложившемуся на городище Еркурган. Широкие исследования его выявили этапы формирования и функционирования древнейшей столицы Нахшаба, сложившейся во второй четверти I тыс. до н.э. на водной базе Рудаксая и заброшенной в середине I тыс. н.э. после крушения Государства эфталитов, и захирения водного источника (Сулейманов, 2000).

В период Тюркского каганата столица вырастает в 1,5 км к югу от Еркургана на известном ныне городище Шуллюктепа, в 5 км к северо-западу от современного города Карши.

Предположение о том, что здесь располагаются руины средневекового Несефа, было сделано еще в 1910 г. Б.Н. Литвиновым (Литвинов, 1910) и более определенно - Л.А. Зиминим, собравшим сведения письменных источников о городе и предполагавшим в последующем проведение археологических раскопок (Зимин, 1927, с. 212-214). Однако раскопки здесь были начаты лишь во второй половине XX столетия. Памятник исследовался в течение ряда лет, особенно, в период строительства Каршинского магистрального

канала, в процессе которого была разрушена часть шахристана и пригорода. Работы проводились Б.Д. Кочневым, М.Х. Хасановым, В.А. Пыриным, С.Р. Раимкуловым, М.Х. Исамиддиновым. Памятник отождествлен со средневековым Нахшабом (в арабской графике Насаф) (Кочнев, 1973; 1975; 1977; Исамиддинов, 1988; Сулейманов, 2000, с. 6-9).

Основные работы были сосредоточены в северной и западной частях города. Наблюдения и сборы материала в восточной, юго-восточной и южной частях рабада выявили наличие зольных слоев, смешанных с отходами керамического производства, бракованные сосуды, следы разрушенных керамических горнов, остатков металлургического производства. Однако материалы этих раскопок опубликованы лишь частично. В настоящее время памятник продолжает разрушаться интенсивной распашкой под поля, хотя представляет большой интерес для средневекового этапа истории Карши.

Поскольку в предшествующие годы основное внимание было уделено изучению цитадели и шахристана Насафа, на которых было заложено 10 раскопов, наши раскопки были сосредоточены, в основном, в рабаде – центре экономической и культурной жизни средневекового города¹. Проанализировав данные раскопок прошлых лет, мы выявили пункт распространения остатков металлургического железодельного производства и заложили здесь раскоп 11.² Раскоп расположен примерно в 200 м к востоку от цитадели, вытянут с востока на запад. В текущем году на всю глубину вскрыта лишь часть его (10x2м). Выделяется несколько архитектурно-строительных горизонтов. Верхний - на глубину 70-100 см представлен рухнувшей стеной из сырцовых кирпичей размерами 34x23x6см, крупной хозяйственной ямой, опущенной на глубину 1,5м. Слои между ними переотложены и перемешаны. В них встречены обломки поливной и неполивной керамики, и немногочисленные целые и в обломках железные крицы ладошковидной формы. Железо крупнозернистое с включениями крошек древесного угля и мелкими примесями шлаков.

Ниже этого уровня под хозяйственной ямой раскрыта фундаментальная стена более раннего помещения, уходящего на глубину 1,5 м. Стена сложена из сырцовых кирпичей размерами 34x21x7 см. Она входит в раскоп лишь частично.

Толщина её около 1 м, а сохранившаяся высота - 50 см. За пределами помещения – зольно-культурные отложения. В центральной части раскопа на этом уровне расчищен столбик кирпича того же стандарта, вероятно, приготовленный для кладки или ремонта стены помещения. В культурных слоях этого уровня также встречены фрагменты глазурованной и неглазурованной керамики, обломки симобкузачи и несколько железных криц.

Наиболее четко прослежены культурные слои с глубины 1,5 м до 2,2 м. На этой глубине раскрыта часть жилого или производственного помещения с очагом и фрагментами кухонного котла. В край раскопа попала стена из сырцового кирпича. Параллельно стене раскрыт лоток-желоб из половинки керамического кубура, служивший для отвода воды от основания стены. На глубине 160 см раскрыт плотный уровень пола. Но культурный слой уходит ниже - до глубины 2-2,1 м. Слои представлены зольно-угольными включениями и линзами, насыщены фрагментами керамики, обломками жженных кирпичей. На этом уровне найдено 13 целых и несколько обломков железных криц. Всего в этом раскопе найдено 34 крицы, в том числе, 13 целых, 9 - с небольшими обломами краев и 12 крупных, но с изломами. Форма криц ладошкообразная, по плотности, структура крупчатая и очень плотная, и рыхловатая из крупных плотных комков, есть несколько криц в форме округлых комков.

Размеры целых криц колеблются от 13x10,5x6,5см, 13x10x4,5см до 8,5x8x3 см, 9x5x3 см. Одна крица среди них очень крупная размерами 16x13x7см.

На всех трех уровнях встречены наборы керамических сосудов, включающих и кухонно-хозяйственную посуду: хумы и хумча, тагора и котлы, горшки, кувшины и крышки сосудов. Предметы хозяйственного назначения - обломки кубура, дастархана и жаровни.

Большой интерес представляет обломок керамического тигля стаканообразной формы из огнеупорной глины. На внутренней стенке и снаружи - остатки железного шлака. Этот фрагмент совместно с крицами свидетельствует о производственной направленности вскрытого участка, на чем мы остановимся ниже.

Для датировки комплекса интересны глазурованные сосуды, представленные преимущественно посудой столово-парадного типа – чаши, коса, нимкоса. Сосуды украшены полихромной глазурью с росписью растительным, геометрическим, эпиграфическим, псевдоэпиграфическим орнаментом. Керамический комплекс Шуллиуктепа представляет тему специального исследования.

Здесь лишь отметим, что глазурованная посуда находит тесные аналогии с продукцией гончаров Согда (Шишкина, 1979) и Чача (Брусенко, 1986) и датируется в пределах от X до конца XII в, причем, более значителен комплекс керамики XI-XII вв. н.э.

К северу от раскопа 11, вблизи русла Кашкадарьи, сохранилось обширное, округлое в плане всхолмление, незатронутое перепланировкой. Южная часть его, подрезанная бульдозером, раскрывает разрез культурных наслоений рабада.

В середине этого разреза был заложен раскоп 12 размерами 10x4 м, опущенный на глубину 2 м. В нем под слоями естественных разрушений раскрыт архитектурно-культурный комплекс: остатки жилых построек с пахсовыми стенами, в массиве которых встречены включения сырцового и жженого кирпича прямоугольного стандарта 31x16x4,5 см и квадратного 24x24x5 см. Перпендикулярно этим стенам проходила стена из сырцового кирпича размерами 36x18x5,5 см. Все три стандарта кирпича характерны для эпохи Караханидов. В восточной части раскопа на глубине 1,5 м раскрыт врезанный в эту стену очаг округлой формы, диаметром 60x65 см. высотой 20 см, заполненный слоями угля и золы. Основную же площадь раскопа занимают бесформенные рыхлые завалы стен и нечеткие поверхности уровней дворового типа с линзами очагов. Следует отметить, что культурные слои здесь перемешанные. В них - обломки керамики, стеклянных изделий, фрагменты жженого кирпича, изломанные поделки из железа и бронзы. Вероятно, стоявшие здесь средневековые здания после запустения и заброшенности интенсивно разбирались местным населением³

Керамический комплекс раскопа 12 в целом аналогичен комплексу раскопа 11.

Интерес представляют фрагменты инструментария средневековых гончаров, представленные фрагментами и целыми «сепая»-трехножками, использовавшимися керамистами для разделения сосудов открытого типа, при установке их для обжига в гончарной печи. На остриях сепая - следы обожженной глазури свидетельствующие о том, что они использовались в производстве. Интересен фрагмент крупного сепая. Здесь же найден керамический штырь, втыкавшийся в стену печи. На нем подвешивались при обжиге сосуды закрытого типа.

Раскоп 13 заложен, как продолжение раскопа 1978 года, в северо-восточной части шахристана, прилегающей к цитадели. Площадь, на которой был заложен раскоп, размерами 100x50 м поднимается под уровнем рва, отделяющего цитадель от шахристана на 9 м. Она отделена небольшим ровом от цитадели, т.е представляла собой авто-

номный массив застройки с собственной системой обороны. Она располагается близ пандуса, который поднимается на площадку цитадели и, возможно, была связана с его охраной, причем от самой цитадели тоже отделялась невысоким возвышением. Здесь в 1978 г. Б.Д. Кочневым был заложен раскоп, однако материалы этих работ не опубликованы. Наш раскоп примыкает к нему с северо-запада и отделен контрольной бровкой. Раскоп размерами 8х4,5 м опущен на глубину 1,5 м.

Здесь вскрыты два архитектурно-культурных уровня. Верхний представлен остатками разрушенной архитектуры из сырцового кирпича размерами 26х13х4 см, характерного для караханидской эпохи.

Более интересны остатки комплекса, подстилающего его. Здесь раскрыта фундаментальная стена толщиной более 2 м (одна грань её уходит за пределы раскопа) сложенная из крупноформатного сырцового кирпича размерами 46х33х7 см. Вдоль нее - зольно-культурные слои с неположенной керамикой, характерной для VI-VIII вв. н.э. Верхние слои представлены остатками оплыва данной стены. Затем стена и оплыв были сnivelированы и на них возводились сооружения караханидской эпохи, в которых были и хозяйственные ямы, прорезавшие в своей нижней части гребень раннесредневековой стены и завалы, примыкавшие к ней.

В 450 м к востоку от цитадели и примерно в 150 м южнее раскопа 11 в ложбине, прорытой бульдозером при перепланировке площади, выявлены следы нового вида металлургического производства – зольно-угольные линзы, насыщенные обломками медного шлака сургучного цвета. Это явные следы бронзолитейного производства, ранее неизвестного для Насафа. Поэтому здесь был заложен раскоп 14.

Остатки мастерских насыщены производственными отходами, обломками костей животных, фрагментами керамики. Культурные слои состоят из глинистых отложений, содержащих очаги, связанные с очисткой металлов и выплавкой изделий, с линзами шлаков, угля и зольников с каплями бронзы выливающимися при литье изделий в форму. Раскрыта мастерская с очагом прямоугольной формы длиной до 80 см, глубиной 8 см, заполненного древесным углем. Рядом - завал медных стекловидных шлаков сургучного цвета. Мощность отложения 20 см. Расчищены кирпичные выкладки рабочих площадок, несколько уровней полов, относящихся к одному строительному периоду. Выявлена линия водовода из керамических кубуров, подававшая к мастерским воду из русла Кашкадарьи. Раскрыта фигурная вы-

кладка из жженого кирпича, вероятно, от парадного помещения. Стены помещений из жженого кирпича тонкие, толщина до 20 см. Стандарт жженого кирпича стен 20х18х4 см. Парадная выкладка полов из крупноформатных плиток - 37х32х5 см. Находки этого раскопа, представлены большим комплексом керамических материалов, в которых преобладает бытовая кухонно-хозяйственная столовая, парадная неглазурованная и глазуванная посуда. В первой группе, наряду с обычным кухонно-хозяйственным комплексом, интересны парадные сероглиняные сосуды со штампованным рельефным орнаментом, подражающим технике и повторяющим сюжеты чеканной парадной металлической посуде.

В производственном комплексе керамических изделий следует особо отметить фрагмент сосуда стаканообразной формы из огнеупорной глины серо-коричневого цвета. Дно и стенка снаружи обмазаны песком и глиной. На стенке следы медного шлака. Перед нами фрагмент тигля, в котором производилась вторичная плавка-очистка меди. Интересны симбокузача-остродонные сосуды из серо-зеленой глины. Стенки сосудов украшены рельефным декором, причем некоторые из них имеют богатый парадный декор. Судя по глазуванной керамике, в комплексе встречены единичные сосуды, характерные для X в. Преобладают сосуды с богатым композиционным набором декора, характерного для XI-XII вв. Небольшая группа керамики представлена сосудами второй половины XII- начала XIII вв.

Наряду с раскопками проводилось обследование территории цитадели, шахристана и рабадов, которые позволили выявить следующие этапы жизни города. Материалы показывают, что когда с новой волной движения племен в III-V вв. в долину Кашкадарьи пришли племена Сырдарьинского бассейна и ростом, в связи с этим, древней столицы Нахшаба, часть его жителей и новые компоненты передвигаются на территорию равнины к югу от Еркургана. На левом берегу реки вырастает поселение, размеры которого, как и основные занятия жителей этого времени, предстоит изучить.

В последующие столетия в связи с захирением древней столицы сюда передвигается основное население. Жизнь города формируется на обширной территории левобережья Кашкадарьи, образующей здесь большую излучину. Ядром становится могучий замок у северного завершения излучины, где был возведен крупный ирригационно-распределительный узел, из которого вода реки направлялась в два основных канала. На север и запад от них расходились оросительные каналы, снабжавшие водой обширные равнинные

земли округи. Замок с прилегающей площадью был окружен стеной и глубоким рвом, который пересекался на востоке входом-пандусом, с охранной башней, остатки которой сохранились у его основания. Замок изучался еще в предшествующие годы, когда были раскрыты раннесредневековые стены монументального строения. В 2004 г. продолжено изучение округи его территории.

Цитадель окружал шахристан в форме прямоугольника, площадью 500x400 м, обнесенный, в свою очередь, стеной. Стена эта была не столь значительна и в последующие столетия разрушена и обжита настолько, что средневековые восточные географы при описании Несефа не всегда обращали на нее внимание.

В правобережье Кашкадарьи, по традиции еще с античной эпохи продолжают функционировать некрополи, храм огня и христианский храм.

Расцвет города происходит в X-XII вв. н.э., когда вокруг шахристана на обширной территории разрастается рабад. Он занимает всю левобережную излучину и обносится стеной. Восточные географы сообщают, что укрепления цитадели в это время разрушаются, стена шахристана вообще не упоминается. Стены рабада, выполнявшие больше полицейские, чем оборонительные функции, имели 4 ворот: Самаркандские, Кешские, Губдинские и Неджария (плотничьи) (Бетгер, 1957, с. 20).

Рабады активно осваиваются ремесленниками. Именно здесь на площади к востоку от шахристана нами выявлены и исследовались мастерские связанные с обработкой железа и цветных металлов.

В первом квартале обращает внимание находка железных криц и обломка керамического сосуда с налипшими внутри и снаружи остатками железного шлака. Крицы встречаются в металлических мастерских многих средневековых городов Средней Азии – в Еркурганах и Термезе, Пенджикенте, на городище Киндыктепе в Чаче. Крица была продуктом первичной плавки железной руды. Её специфическая ладошкообразная форма была связана, по мнению геолога П.И. Князева, выявившего подобную продукцию в металлургическом квартале древнего Термеза, с тем, что древние плавильные печи имели изложницу подобной формы куда стекало в процессе выплавки железо. Продукция получалась разной по содержанию и с более высоким содержанием железа, и с большим количеством шлаков. Крицы с различным содержанием шлаков были получены В.А. Пыриным (Пырин, 1990, с. 121-126; 1990а, с. 113-118) в мастерских Еркургана V-VI вв. н.э., при-

чем, крицевидные образцы с богатым содержанием шлаков он считает просто кусками расплавленной железной руды, которые являлись сырьем для получения железной крицы. Последняя же обрабатывалась путемковки и получения чистого железа. Материалы мастерских Еркургана чрезвычайно важны т.к., по нашему мнению, с запустением Еркургана именно ремесленники его кварталов переселились в пригороды Несефа и явились основой металлургического производства средневековой столицы. Вместе с тем мы не можем согласиться, что это были куски расплавленной руды, сырье для криц, т.к крицы и с большим и с малым содержанием шлаков имеют одинаковую ладошкообразную форму.

О.А. Папахристу, рассматривавшая все эти точки зрения, считает крицы с большим содержанием силиката и обломки криц отходами второго металлургического процесса производства железной крицы. Удачный ладошкообразный продукт, по её мнению, перерабатывался кузнечным способом, более неудачный складировался с тем, чтобы при отсутствии нового сырья воспользоваться им для повторной плавки. В то же время, отмечая большое количество фрагментов ладошкообразных криц, она сомневается что это могло быть сырьем для производства (Папахристу, 1999, с. 43).

А.А. Байков, занимавшийся проблемами физико-химических аспектов прямого получения железа, считает, что при плавке железа в невысоких шахтных печах в пределах 1 м высоты, сильной подачей воздуха и высокой температурой при помощи кузнечных горнов, загружаемая в печь железная руда в виде окиси железа, контактируя с окисью углерода, частично в области повышенной температуры превращалась в кричное железо, пропитанную шлаком губчатую крицу с различными добавками шлаков в зависимости от уровня температуры на участке печи, где проходила плавка. При этом, если процесс шел быстро, железо не успевало науглеродиться, получалась смесь со сталью (Байков, 1949, т. 2, с. 340). Если же горн высокий, то подобный процесс мог проходить лишь в нижней части. Выше железо больше соприкасалось с воздухом. Температура при длительном опускании плавящейся массы не столь высока, железо науглераживается больше и выходом чаще были легкоплавкие светлые или темные чугуны (Зиняков, Трусов, 2002, с. 58-60), из которых далее отливалась в формах нужная продукция.

Таким образом, крица восстанавливаемого железа являлась промежуточным продуктом. Дальнейшая обработка её могла проводиться двумя путями. Либо крица обжималась, проковыв-

валась, превращаясь в товарное железо. Либо она размельчалась, поступая в тигель и вновь подвергалась термическому процессу для превращения в сталь.

Вторичный процессковки или тигельной плавки мог происходить и на месте первичной горновой плавки. При изучении пункта плавки железной руды в Шаввазсае в Чаче мы вскрывали и шахтные печи, где проводилась первичная плавка и зачистили в производственной землянке печь, вероятно, вторичной плавки, т.к. здесь был найден фрагмент тигля с прикипевшим железным шлаком и губчатая крица (Буряков, 1994, с. 35-37).

Вероятно, и в Несефе крицы поступали металлургам в виде товарной продукции, а на месте они могли обрабатываться и кузнечным способом и могли отливаться в сталь, т.к. кроме криц, был найден фрагмент сосуда со следами применявшегося железного шлака, т.е., вероятно, тигель

для термической обработки железа.

К югу от мастерских железников, расчищены также вытянувшиеся от реки на запад мастерские связанные с обработкой цветных металлов. Изучения этого квартала только начинается. Раскрыты печи открытого типа и около них - шлаки вторичной очистки меди. В каком виде поступала товарная продукция сказать пока трудно, но это были слитки или прутья чистой меди, а промежуточный продукт, требовавший предварительной очистки в горнах открытого типа. Мастерские были стационарными, о чем говорит специальный водопровод, подводившийся от реки.

Мастера были зажиточными горожанами, свидетельством чего являются парадные вымостки полов их жилых помещений, к которым примыкали мастерские. Керамический набор обеих кварталов говорит о расцвете здесь ремесла, в основном, в XI-XII вв. н.э.

Сноски

¹В работах принимали участие акад. Ю.Ф. Буряков, преподаватели Ш.Б. Шоназаров и Р.З. Ибрагимов, аспирант О. Муминов, магистранты I-II курсов кафедры археологии, руководитель отряда д.и.н., проф. Р.Х. Сулейманов.

²Наши раскопы продолжали нумерацию раскопов прошлых лет. Реперы брались от наиболее высоких точек каждого из исследуемых участков, т.к. площадь рабадов нивелировалась под пашню и древний рельеф в значительной части утрачен.

³О том, что местное население активно разбирает остатки строений Шуллиуктепа, собирая древние находки и монеты, неоднократно сообщали путешественники XVIII-XIX веков.

Использованная литература

- Байков А.А. Прямое получение железа из руды // Собрание трудов. М.-Л., 1949, т 2.
- Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн Хаукаля // Труды САГУ, вып. III, археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957.
- Брусенко Л.Г. Глазуванная керамика Чача IX-XIII веков. Ташкент, 1986.
- Буряков Ю.Ф. О добыче и плавке железной руды в Южном Чаткале (Шаввазсай) // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии // Тезисы докладов международной конференции, посвященной 60-летию ТПЭ. Худжанд, 1994.
- Зимин Л.А. Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности- В.В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.
- Зиняков Н.М., Трусов М.Н. Чугунолитейное производство городов Казахстана в период средневековья // Культурное наследие Южного Казахстана. Шымкент, 2002.
- Исамиддинов М.Х. Молельни древнего Согда // ОНУ, 1988, №9.
- Кочнев Б.Д. Из результатов раскопок 1972 г. в Каршинском оазисе // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. Ташкент, 1973.
- Кочнев Б.Д. Исследование средневекового Несефа // АО, 1974, М., 1975
- Кочнев Б.Д. Раскопки в Каршинском оазисе // АО 1976. М., 1977.
- Литвинов Б.Н. Карши // Туркестанские ведомости 27 мая 1910 г. № 116.
- Папахристу О.А. Некоторые аспекты железной индустрии Средней Азии. Первые века н.э. // Древний Карши, история культуры и градостроительства Средней Азии. Карши, 1999.
- Пырин В.А. Предварительные результаты изучения квартала металлостов Еркургана. // ИМКУ. Вып 24. Ташкент, 1990
- Пырин В.А. Раскопки отдельного хозяйства ремесленника-металлиста в Еркургане // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990а
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб (проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. -VII в. н.э.). Самарканд-Ташкент, 2000.
- Шишкина Г.В. Глазуванная керамика Согда. Ташкент, 1979.

Е.И. Баданова, А.Э. Бердимуратов

НОВЫЕ НАХОДКИ КЕРАМИКИ XII-XIII ВВ. ИЗ УРГУТСКОГО РАЙОНА

В 2005 году в Институт археологии были переданы жителем кишлака Чумчулки У. Рахманкуловым керамические сосуды, найденные им на своем земельном участке при возделывании виноградника. При осмотре места находки были обнаружены фрагменты керамики, золы, костей животных. Участок возвышался над окружающим ландшафтом более чем на 1 м, диаметр возвышенности около 40 м. Все это говорит о том, что некогда на этом месте располагалось древнее поселение. Памятник находится на территории кишлака Чумчулки в ширкатном хозяйстве «Муминабад» Ургутского района Самаркандской области.

1. Кувшин каплевидной формы, на высоком кольцевидном поддоне. Полностью сохранилось лишь тулово и поддон; горловина, носик и ручка отколоты. Поддон расширяется книзу. Высота сохранившейся части 170 мм, диаметр широкой части 140 мм, внешний диаметр горловины – 36 мм, внутренний – 29 мм. Диаметр поддона – 75 мм, высота – 15 мм. Тонкий носик (внешний диаметр 15 мм, диаметр отверстия 6 мм. Материал – кашин с чуть сероватым оттенком. По белому фону сосуд был расписан черным (марганец?), после чего был покрыт довольно толстым слоем прозрачной бирюзовой стекловидной глазури. В процессе обжига глазурь покрылась трещинами, цек крупноячеистый, в основном прямоугольный, отдельные его линии поднимаются от низа сосуда на 10-15 см вертикально вверх или с плавными закруглениями.

Декоративный орнамент расположен горизонтальными ярусами. Верхняя граница первого (снизу) яруса пролегает приблизительно по середине тулова и выделена черной линией толщиной 2-5 мм. Линии самого орнамента тонкие и не превышают 0,5-1,0 мм. Роспись нанесена тонкой кистью быстрой, уверенной рукой. От горизонтальной линии вниз опущены треугольники с вогнутыми сторонами, опущенная вершина продолжается вниз и переходит в медальон. Треугольник заполнен тонкими завитками. Медальоны двух видов – малые в виде изящно выполненной ромбовидной плетенки; более крупные имеют сложную сферобиконическую конфигурацию - линии опущенной вершины треугольника расширяются вниз, образовав окружность, затем сходятся, обрисовывая внизу острый угол. От окружности с

боков отходят вверх и внутрь две пары спиралевидных завитков, расположенных один над другим. В центре окружности – черный кружок, 6 больших и 6 малых медальонов чередуются по кругу, каждый медальон снизу завершается вертикальной заостренной книзу линией длиной 15-20 мм. Этот ярус не имеет нижней границы. Выше следует неширокая (12-13 мм) полоса незаполненного пространства. Следующий ярус шириной 40 мм содержит полосу стилизованного растительного орнамента «ислими». Эта полоса приходится на верхнюю половину тулова; в середине этой полосы было место крепления ручки, а ближе к верхней ее границе – место крепления носика. Выше следует довольно широкая (25 мм) полоса незаполненного пространства, и в месте плавного перехода тулова в узкую горловину – полоса мелкого эпиграфического орнамента. Надпись в целом не читается, однако А.Х. Атаходжаеву удалось разобрать несколько букв: «алиф» («лам»?); «ха»; «вав»; «коф» («фа»?); «даль» («каф», «заль?»). Из-за скола горловины полоса верхнего яруса с эпиграфическим орнаментом не завершена; ее сохранившаяся часть 15-16 мм.

Рис. 1

Рис. 2

Ручка и носик сосуда также были украшены орнаментом. Остаток ручки слишком незначителен, чтобы выяснить характер орнамента; по ней можно установить лишь его наличие, по крайней мере, в нижней части. Носик сколот несколько выше; по нему легко определяется, что он отходит от тулова почти вертикально. По центру его наружной стороны проходит черная вертикальная полоса, с боков – частые короткие горизонтальные линии.

Сосуд глазурован не только снаружи, но и изнутри. Покрытие ровное, качественное, глазурь ярко-бирюзового цвета, зеленоватый оттенок несколько преобладает над голубым. В коллекции Гос.музея истории культуры и искусства народов Узбекистана (Самарканд) хранятся несколько кашинных сосудов, покрытых идентичной бирюзовой глазурью, с аналогичной черной графичной росписью. Это, в первую очередь, небольшой кувшинчик, нижняя половина тулова которого и горловина украшены таким же орнаментальным поясом псевдоэпиграфического характера, а также чаша со стилизованным растительным орнаментом, по стилю и композиции очень близкая нашему образцу. Кроме того, в коллекции музея имеется еще три фрагментированных сосуда с черной росписью по бирюзовому фону. Все они были найдены в Самарканде на городище Афрасиаб Вяткиным, датируются XII-XIII вв. (Абдуллаев, Ртвеладзе, Шишкина, 1991, том 2, №№ 624-626). Этим же временем можно датировать и наш образец. Известный знаток керамики Э.К. Кверфельд отмечает, что роспись черным под прозрачной бирюзовой глазурью известна уже с XII века и намечает деление этого вида изделий на две группы. Наш образец относится ко второй группе, которая «переходит к задачам чисто графическим, мы сказали бы «каллиграфическим» задачам декорации» (Кверфельд, 1947, с.101). Эту керамику Э.К. Кверфельд определяет как кашанскую. (Кверфельд, 1947, с. 102).

Форма сосуда находит близкие аналогии в

стеклянных изделиях Сирии и Западного Ирана (Museum fur Islamische Kunst. 1979, Nr. 412, 509, 515). Наиболее близкая форма (Nr. 515), украшенная по горловине поясом эпиграфического орнамента, происходит из Сирии (Дамаск) и датируется 1260-1270 гг. Иранский образец (Nr. 412) датируется более ранним временем – XI-XII вв. Не касаясь вопроса о времени возникновения этой формы, отметим, что каплевидная форма парадного сосуда с узкой высокой горловиной существует на Востоке в течение длительного времени. Доказательством тому – образцы более позднего, тимуридского времени (Golombek L., Mason R., Bailey G, 1996, plate 31), а также многочисленные изображения подобной формы сосудов в восточных миниатюрах: в дворцовых интерьерах, в сценах пиршеств, например, в миниатюрах «Бахрам Гур в Белом дворце» из Бодлеянской библиотеки (Миниатюры к поэмам Алишера Навои, 1970,) «Тимур на пиру в окрестностях Самарканда», «Махан в заколдованном саду», «Пир Шапур-шаха и Малики» (Полякова, Рахимова, 1987, №№ 12, 13, 81, 106, 107) «Сцена приема», «Хан в садовой беседке с придворными и музыкантами», «Шейбани-хан с красавицей и музыкантами», «Хан с красавицей на лоне природы» и др. (Миниатюра Мавераннахра, 1980, №№ 3, 5, 33, 35). В миниатюре «Юсуф перед женщинами Египта» (Пугаченкова, Галеркина, 1979, № 38) герой держит в руках сосуд, форма которого аналогична нашему, однако, судя по сверкающему желтому цвету, здесь показан металлический (позолоченный) или стеклянный сосуд. Бытовала эта форма и в гораздо более позднее время, в XVIII в. – как показано в сцене «Хафиз пьет вино»

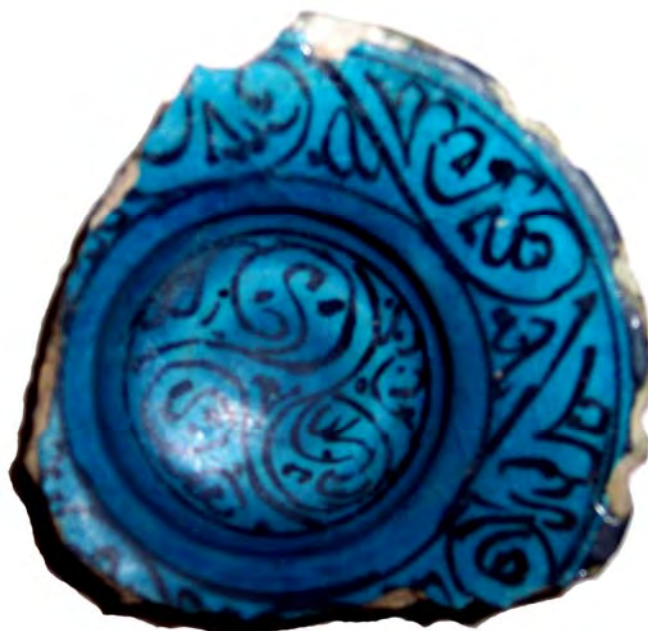

Рис. 3

Рис. 4

с возлюбленной» (Восточная миниатюра, 1980, № 69). Самый перечень названий сцен свидетельствует о том, что используемые в них предметы имеют праздничный, парадный характер, а также подтверждается их использование для разлива вина. Следует оговориться, что, хотя сама форма тулова и горловины часто повторяется в изображениях и часто интерпретируется как «фляга», но подобные сосуды с ручкой и носиком встречаются значительно реже.

По изображениям в миниатюрах можно представить общий вид сосуда. Высокое узкое горло (его высота варьируется от половины высоты тулова до двух третей; иногда равна ему) имеет легкий раструб к краю. Трубочатый носик возвышается почти вертикально, затем следует изящный изгиб наружу. Петлевидная ручка также поднимается от нижней точки крепления почти вертикально вверх, образуя петлю, возвышающуюся над местом ее верхнего крепления.

Пропорции как самого сосуда, так и орнамента найдены исключительно точно. Сосуд относится к высокохудожественным образцам кашинной керамики. По всей видимости, его можно

отнести к категории импортной парадной посуды, изготовленной в подражание металлическим и стеклянным изделиям и предназначенной, вероятно, для разлива вина в пиршествах знати. Понятно, что сосуд такой сложной формы с тонкими выступающими деталями, изготовленный из очень хрупкого материала, каким является кашин, не мог служить долго, даже при условии бережного обращения. Вероятно, ручки и носик сломались очень быстро, но сосуд, из-за своей красоты, не был выброшен после этого, какое-то время он служил копилкой. От середины тулова вниз в нем было прорезано почти вертикальное отверстие для монет длиной 23 мм и шириной 1,2 мм. Только очень тонкие монеты могли пройти через него. Это могли быть серебряные фельсы и дирхемы Мухаммада ибн Сулаймана (2-я пол. XII века), а также позднекараханидские монеты самаркандского чекана. В данном случае размеры отверстия, через которое могли пройти лишь определенные монеты, может служить датировочным признаком того времени, когда сосуд служил копилкой. Верхний край отверстия совпадает с границей первого орнаментального пояса, то есть отверстие старались сделать как можно аккуратнее и незаметнее. Поблизости имеется еще одно, более короткое отверстие с небольшим сколом – это либо первая неудачная попытка

Рис. 5

прорезать отверстие, либо оно было прорезано специально для подталкивания монет проволоочкой или тонкой палочкой при извлечении их через входное отверстие. Вероятно, горловина в это время была заделана.

На месте находки вышеописанного импортного сосуда ранее, в 1986 году производились разведочные работы, во время которых было найдено два лепных расписных сосуда хорошей сохранности.

2. Узкогорлый лепной сосуд с росписью. Высота 25 см. Диаметр донца 8 см, горловины – 3 см, отверстия – 2,2 см. Наибольший диаметр – 17 см. Сферическое тулово плавно переходит в суживающуюся кверху горловину. Массивная ручка крепится к верхней части тулова и к горловине на высоте 1/3 ее длины, считая от верха. На ручке крупными наклонными штрихами передан ряд ромбов; в нижней части ручки изображение спиралей. Нижняя половина тулова не расписана. Роспись горизонтальными ярусами, заключающими ряды округлых элементов. Начиная с верхней части горловины вниз идет чередование горизонтальных ярусов с небольшими закрашенными кругами и ярусов с более крупными кругами со спиралевидным орнаментом внутри. Всего ярусов 6, из них 4 – на горловине, 2 – на тулове. Полосы, расположенные на горлышке, имеют несколько большую высоту и более крупный размер.

3. Сосуд широкогорлый лепной с росписью. Высота 22 см. Диаметр донца – 8 см, горловины – 6,5-7,5 см, максимальный диаметр – 13,5 см. Ручка крепится к верхней части тулова и к середине горловины. Сосуд тонкостенный, особенно

утончается в верхней части и закраине горловины. Срез закраины выполнен наклонно, с понижением в сторону ручки. Переход тулова в горловину плавный. Орнаментирована горловина и верхняя половина тулова. Нижний горизонтальный ярус начинается от середины тулова и заканчивается в месте условного перехода в горловину. Орнамент состоит из чередующихся деталей с X-образно расположенными «листьями», между которыми образуются неправильные ромбы с условным изображением многолепестковой розетки в центре. Второй орнаментальный ярус высокий и охватывает большую часть горловины. Последний (верхний) ярус украшен грубыми крупными фестонами и парой грубо изображенных, очень условных розеток.

Аналогичный вышеописанному сосуд приводит Г.В. Шишкина (Шишкина, 179, табл. XXXVI, 4). Он происходит с Афрасиаба, раскоп 41/XVI, был извлечен из ямы со строительным мусором XII века. Заполнение ямы предположительно произошло во время последнего ремонта соборной мечети, «после которого город на месте Афрасиаба еще жил некоторое время». Ремонтные работы, по всей вероятности, относятся к концу XII-началу XIII вв., так как над верхним полом соборной мечети найдена монета Мухаммада Хорезмшаха.

Памятник, находящийся на территории кишлака Чумчулки, где были найдены вышеприведенные сосуды, может дать информацию по истории материальной культуры и торговых отношений региона и является перспективным для дальнейшего археологического исследования.

Использованная литература:

- Абдуллаев К.А., Ртвеладзе Э.В., Шишкина Г.В. Культура и искусство древнего Узбекистана. Кат.выст. М, 1991
 Брусенко Л.Г. Глазуванная керамика Чача. Ташкент, 1986.
 Восточная миниатюра. Авторы-составители Э.М. Исмаилова, Е.А. Полякова. Ташкент, 1980
 Кверфельд Э.К. Керамика Ближнего Востока. Ленинград, 1947.
 Миниатюра Мавераннахра. Автор-составитель О. Галеркина. Ленинград, 1980.
 Миниатюры к поэмам Алишера Навои. Ташкент, 1970.
 Полякова Е.А., Рахимова З.И. Миниатюра и литература Востока. Ташкент, 1987.
 Пугаченкова Г., Галеркина О. Миниатюры Средней Азии. Москва, 1979.
 Сайко Э.В. Глазури керамики Средней Азии VIII-XII вв.
 Сайко Э.В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII-XII вв.
 Ташходжаев Ш.С. К истории изучения средневековой поливной керамики Средней Азии // ИМКУ, вып. 11, Ташкент, 1974.
 Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда IX-начала XIII вв. Ташкент, 1967
 Шишкина Г.В. Глазуванная керамика Согда. Ташкент, 1979
 Golombek L., Mason R., Bailey G. Tamerlane's Tableware. Islamic Art and Architecture Series, No. 6. Toronto, 1996.
 Museum fur Islamische Kunst. Katalog. Berlin, 1979.

ИЗ ИСТОРИИ ГОРНЫХ ПРОМЫСЛОВ И МЕТАЛЛУРГИИ БУХАРЫ

По археологическим данным горные промыслы и тесно связанная с ней металлургия существовали на периферии Западного Согда ещё I пол. II тыс. до н.э. В эпоху раннего средневековья они получили особо мощное развитие, несмотря на то, что разрабатывавшиеся рудники располагались на отдалённых окраинах региона, в труднодоступных зонах пустыни Кызылкум или степи Дашт-и Карнаб. А главным горнорудным районом, снабжавшим Бухару и близлежащие области сырьём для металлургии являлись Нурские (Нуратинские) горы. Все средневековые арабские и персидские географы относили район Нура к области Бухары. В письменных источниках Нур довольно часто именуется Нур-и Бухоро («Нур Бухарский»).

В районе Нурских гор ведущими отраслями хозяйственной деятельности были добыча золота и серебра. К настоящему времени здесь открыто не менее 16 средневековых рудников золота, некоторые из которых по археологическим данным функционировали ещё в V-VI вв. (Пругер, Дресвянская, 1978, с.212-214). Наряду с ними отмечены следы рудников по добыче серебра в виде засыпанных карьеров и штолен с предметами материальной культуры X-XII вв. (Буряков – 2001, с. 56). Тем не менее, в письменных источниках есть косвенные указания на то, что богатые месторождения серебра в Бухаре разрабатывались задолго до ислама. Так, по сообщению ан-Наршахи ещё во времена первого «праведного» халифа Абу Бакра (632-634 гг.) в Бухаре стал чеканить монеты из серебра некий правитель по имени Кана из династии Бухархудатов (ан-Наршахий – 1991, 113 б). Как показали исследования, в действительности серебряные монеты в Бухаре чеканились и гораздо раньше, возможно даже во времена Греко – Бактрийского царства (III-II вв. до н.э.). В Западном Согде большое распространение получили тетрадрахмы Евтидема, и не исключено, что многие из обнаруженных здесь образцов отчеканены местным сатрапом этого царя. Показательно, что более поздние серебряные монеты – подражания по типу этих тетрадрахм (II-I вв. до н.э.–III-IV вв.), также здесь широко отмечаемые, признаны уже однозачными бухарскими по происхождению (Зеймаль – 1978, с. 210). Возможно, это является отражением преемственности в монетном чекане Бухары. В одно время с монетами т. н. «Варварского Евтидема» и восходящих к ним

более поздних образцов в Западном Согде чеканились серебряные монеты Гиркода, относящиеся к более мелкому номиналу (Зеймаль – 1978, с. 208-209). Правитель Кана – это, скорее всего, мифический персоналий. Однако сами по себе эти сведения и факты являются свидетельством того, что в регионе уже в Древности велась активная добыча этого металла, ибо не было резона чеканить соответствующие монеты из привозного сырья.

Немаловажное значение в горнопромысловой экономике Нура играла добыча меди – одного из основных промышленных металлов тех времён. Здесь выявлены крупные месторождения меди со следами былой выработки. По археологическим данным время эксплуатации некоторых из них – IX-XII вв., хотя не исключены и более ранние даты (Пругер, Дресвянская – 215-216). Богатые месторождения меди, разрабатывавшиеся в древние времена, отмечены в Южном Кызылкуме (горные хребты Кульджуктау, Аумингзатау, Тамдытау, Букантау, Етимтау и др.) (Буряков – 2003, с. 39).

Другим важным металлом, необходимым при выплавке бронзы, являлось олово. Рудные разработки на олово выявлены в Карнабском оазисе и степных предгорьях Дашт-и Карнаба, причём добыча этого металла здесь осуществлялась ещё в I пол. II тыс. до н. э. (Буряков – 2003, с. 38-39; АИТ, 5, 55.306-309). Несмотря на значительную удалённость от Бухары и близость к Центральному Согду, Карнабский оазис в историко-культурном аспекте всё – таки больше тяготеет к первой. Благодаря исследованиям в нумизматической сфере удалось даже выявить и локализовать раннесредневековый медный чекан Карнаба. Он представляет собой одну из разновидностей монет по типу Асбара, а данный тип весьма характерен именно для бухарского региона. На монетах, отчеканенных в Карнабе, присутствует согдийская легенда, прочтённая В. А. Лившицем, отражающая соответствующее название местности (Мусакаева – 1995, 45-46) Арабский географ ал-Джайхани (нач. X в.), автор трактата «Ашكال ал-Алам» («Формы мира»), сообщает, что город Карб (Карнаб) относится к области Бухары, хотя и расположен за пределами «стены» (т.е. общехарской стены Кампирак). Отдельные фрагменты и выдержки из этого сочинения были давно известны по трудам средневековых компиляторов. Сравнительно недавно обнаружен его полный

вариант, представляющий собой его более поздний перевод на фарси (см. Мухтаров – 1990, с. 27). Можно добавить, что во времена эмирата Карнаб входил в состав крупного Бухарского тумана (волости) Кармина (Населённые пункты Бухарского эмирата, с. 76).

Кроме золота, серебра и меди в Нурских горах отмечены богатые и обширные месторождения железа, минеральных красителей и свинца, но при всём при том в прошлом обрабатывались лишь мелкие рудоправления данных металлов. По – видимому, их добыча и переработка имели только местное и узколокальное значение, не выходящее за пределы района. И они не обеспечивали полностью внутренних потребностей в указанных металлах, не говоря уже о всей территории Западного Согда (Пругер, Дресвянская – 1978, с. 216, 217-219).

Ещё до ислама в этих горах добывались тальк, использовавшийся при изготовлении посуды, поделочный камень серпентин, бирюза и, конечно же, высококачественный газганский мрамор. Значительная часть добытого мрамора шла для выжига извести (Пругер, Дресвянская – 1978, с. 217-219). Поскольку газганский мрамор издавна славился своей декоративностью, прочностью, чистотой состава и богатством расцветок, он широко использовался как в строительстве, так и камнерезном промысле. Два пункта этого промысла сложились в селениях Нур (Нурата) и Газган. Его истоки, надо полагать, тоже уходят корнями в глубокую древность (Жукова – 1978, с. 226-227).

Богатые месторождения цветных металлов в Нурских горах и пустыне Кызылкум послужили основой для развития в Бухаре торевтики и ювелирного дела. Известно, что в раннесредневековых городах Согда, в том числе и его западной части, были сосредоточены больше запасы золота и серебра в виде статуй, посуды, украшений, денежных накоплений, поразившие воображение арабских завоевателей (ан – Наршахий – 1991, с. 151; История ат – Табари, с. 117). Несомненно, по крайней мере, часть этих изделий производилась в Бухаре. Согласно старинному преданию, записанному средневековым историком ан – Насафи (XII в.), до ислама в числе дани Самарканду ежегодно посылались изготавливавшиеся бухарскими торевтами серебряные зайцы и золотые газели (ан – Насафи – 1906, с. 247).

Ещё в раннем средневековье местные умель-

цы обладали технологией золочения нитей, благодаря чему здесь получил развитие вплоть до наших дней самый знаменитый бухарский промысел – золотое шитьё на парадных тканях и одежде. В источниках сохранились сведения о захваченных арабами в 674 г. предметах одежды бухарской царицы Хатун (Кабадж – хатун), оценённых в баснословную по тем временам сумму – 200 тыс. дирхемов. Эти предметы – чулок и сапожок – были вышиты золотом и украшены драгоценными камнями (ан – Наршахий – 1991, с. 115; История ат – Табари, с. 44).

В то же время такая ключевая отрасль экономики любого развитого общества, как чёрная металлургия, здесь не получила достаточно высокого уровня развития по сравнению с соседними регионами. Поэтому изделия из железа, особенно оружие, здесь были в большой цене, передавались из поколения в поколение. Из источников известно, что арсеналы Пайкенда были наполнены оружием и воинским снаряжением, которое досталось арабам и возглавлявшему их Кутайбе б. Муслиму после захвата города в 706 г. (История ат – Табари, с. 118). Но, скорее всего, большая его часть была изготовлена вовсе не бухарскими кузнецами и собиралась как предметы импорта в течение нескольких веков. В пользу этого предположения можно привести следующий факт. При раскопках цитадели Пайкенда удалось обнаружить остатки раннесредневекового арсенала, спрятанного в тайнике: железные мечи, кинжалы, ножи, панцирные пластины, кончики стрел и копий, костяные обкладки луков, бронзовые бляхи от деревянных щитов. Дата возникновения клада – кон. VII – нач. VIII вв. – накануне или во время захвата города арабами. Её подтверждают обнаруженные там же бухархудатские дирхемы, а также глиняные буллы с оттисками гемм позднесасанидского типа. Однако все кинжалы этого клада (12 штук) оказались изготовленными почти на семь столетий (!) раньше указанной даты. Точно такие же кинжалы отмечались в погребениях кочевников рубежа н. э. на восточных окраинах региона и за его пределами (Адылов, Семёнов – 2000, с. 184-185; МБАЭ, II, с. 9-19, рис. 14-24). Примечательно, что и в позднесредневековое время бухарские кузнецы работали, в основном, на привозном сырье, которое поступало преимущественно из Ирана и Индии, причём, в виде лома (Папахристу, Сверчков, 1998, с. 58-59).

Литература:

Ш.Т. Адылов, Г.Л. Семёнов. «Помещение с росписью» на цитадели Пайкенда // Средняя Азия. Археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвящённой 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2000.

- Ю.Ф. Буряков. Изучение средневековых рудников Согда // Археологические исследования в Узбекистане в 2000 г. Самарканд, 2001.
- Ю.Ф. Буряков. Из истории горного дела и металлургии Согда // Центральная Азия. Источники, история, культуры. Тезисы докладов конференции, посвящённой 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского. М., 2003.
- Л.И. Жукова. Образцы художественной резьбы по мрамору из Нураты в Бухарском историко-краеведческом музее // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
- Е.В. Зеймаль. Политическая история Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность, Раннее Средневековье. Л., 1978.
- История ат – Табари. Ташкент, 1987.
- МБАЭ, II – Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. II. Раскопки в Пайкенде в 2000 г. СПб., 2001
- А.А. Мусакаева. Монета Карнаба // Археология и художественная культура Центральной Азии. Тезисы докладов научной конференции, посвящённой 80-летию Г.А. Пугаченковой. Вып. 2. Ташкент, 1995.
- А. Мухтаров. Джайхани о городах Мавераннахра // Позднесредневековый город Средней Азии. Ташкент, 1990.
- Населённые пункты Бухарского эмирата (кон. XIX – нач. XX вв.). Материалы к исторической топографии Средней Азии.
- Абу Хавс Умар ибн Мухаммад ан – Насафи. Кандийя Малая. Пер. с перс., предисловия и примечания В.Л. Вяткина. Справочная книга Самаркандской области. Вып. 8. Самарканд, 1906.
- О.А. Папахристу, Л.М. Сверчков. Железо Бухары // ОНУ, 1998, №4-5.
- Е.Б. Пругер, Г.Я. Дресвянская. Средневековый горный промысел Нуратау // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
- Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар ан – Наршахий. Тошкент, 1991.
- AIT, 5 – Archiologie in Iran un Turan, bnd 5. Mainz am Rhein – 2003.

ПОКРОВНЫЕ ТКАНИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ТИМУРА И ВОПРОСЫ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Среди археологических источников относительно редкими, но в то же время информативными являются находки текстиля. Чаще всего образцы текстиля археологи обнаруживают в погребениях, однако далеко не всегда в них складываются такие условия, при которых этот хрупкий и уязвимый материал сохраняет свой внешний вид и свойства. После его открытия требуется немедленная консервация, так как археологические ткани подвержены быстрой порче из-за влияния атмосферных и иных факторов: резкое изменение условий хранения, свет, излишняя сухость или влажность воздуха, перепады температуры и т.д. В условиях захоронения несколько лучше сохраняются шерстяные волокна; шелк становится хрупким и может превратиться в порошок; хлопковые волокна исчезают (Федорович, 1972, с. 236); поэтому каждая находка текстиля так важна для истории материальной культуры и нуждается в тщательном изучении.

В 1994 году из Музея истории народов Узбекистана в Ташкенте в Самаркандский государственный музей истории культуры и искусства народов Узбекистана были переданы две доски от крышки гроба Амира Тимура с сохранившимися на них остатками покровных погребальных тканей. Дерево и особенно ткань сильно пострадали от воды, просочившейся в гробницу в 1880-х годах. Склепы были затоплены водой, прорвавшейся из арыка, проложенного близ стены здания во время разбивки сада вокруг Гур-Эмира. Вода стояла до тех пор, пока не ушла в землю вследствие естественной фильтрации (Массон, 1924; Шишкин, 1964). Засохшие серовато-бурые потеки с частицами почвы, ила и лесса видны на всей поверхности ткани, включая фрагмент, хранящийся в Музее истории в Ташкенте. Местами на ткани заметны кристаллические отложения гипса. Вода в гробнице, вероятно, поднималась так высоко, что ткань всплыла над поверхностью крышки и затем, при спадении уровня воды, легла вновь, образовав многочисленные складки и заломы.

Анализ волокнистого состава образцов ткани, сделанный профессором У.М. Матмусаевым¹, подтвердил, что обе ткани изготовлены из натурального шелка. Нижняя часть гроба была накрыта гладкой черной тканью полотняного переплетения, нити основы которой оказались в два

раза толще, чем нити утка. Головная часть гроба, примерно до его середины, была задрапирована другой, более тяжелой и плотной тканью атласного переплетения, нити основы которой в 4 раза толще, чем нити утка, также черного цвета. В настоящее время ткань верхнего покрывала сохранилась на левой доске в виде двух основных фрагментов величиной приблизительно 25x19 см и 68x16 см. Ткань крупного фрагмента беспорядочно смята, особенно в продольном направлении. На правой доске шелк совершенно истлел, сохранились лишь пучки длинных металлических нитей, некогда составлявших орнамент.

Орнамент был выткан металлической нитью, которая представляет собой натуральную шелковую нить, спирально обвитую тонкой полоской серебряной фольги, на которой местами сохранились следы позолоты. В сложном орнаменте применялись как серебряные, так и позолоченные нити. Орнамент «ислими» читается по вертикальным протяжкам металлических нитей; их плотность составляет примерно 8 нитей в 1 см. Тонкие нити утка имеют золотисто-коричневый цвет, нити основы – черный. Орнаментальные полосы ткани проходят поперек досок крышки гроба, в 6 см от верхнего края пролегает узкая черная полоса шириной 3 мм, затем идет двухсантиметровая орнаментальная полоса с протяжками серебряных нитей, далее гладкая черная полоса 0,8 см, после которой вновь идет орнамент шириной в 7 см, и тонкая черная полоса в 0,5 см. Ниже видны элементы арабской надписи, но проследить ее композицию сложно из-за сильной смятости и загрязнения.

Наши наблюдения не совсем совпадают с описанием этой ткани, сделанным В.А. Шишкиным. Это объясняется гораздо лучшей сохранностью ткани непосредственно после вскрытия захоронения по сравнению с нынешним ее состоянием, тем более, что она не подвергалась ни реставрации, ни даже консервации вплоть до поступления в Самаркандский музей истории культуры и искусства народов Узбекистана, где она была обработана специальным глицеринсодержащим составом. Несмотря на то, что В.А. Шишкин определяет сохранность ткани как плохую, сегодня мы вынуждены признать, что в атмосфере закрытой гробницы, насыщенной испарениями ароматических бальзамирующих веществ, которыми

было пропитано тело и, может быть, надушена покровная ткань, она сохранилась гораздо лучше, чем за период 1941-1994 гг., когда две доски, составляющие крышку гроба, вместе с покрывающей их тканью оставались в обычных комнатных условиях, где бальзамирующие вещества быстро испарились, и незащищенная ткань подвергалась воздействию воздуха и, следовательно, быстрой порче. Во всяком случае, фрагменты, которыми мы располагаем сегодня, значительно меньше по размеру, нежели описанные В.А. Шишкиным: «Покрывало было несколько шире крышки гроба. Один ее лоскут, свисавший с северо-западного угла, лежал на полу погребальной камеры». Кроме того, практически не осталось следов орнамента, запечатленного на приводимой В.А. Шишкиным фотографии (рис.1).

В.А. Шишкин описывает кайму и верхнюю часть ткани, которой мы уже не располагаем: «Начиная с головной части, сначала идет черная полоска, шириной в 2 см, - кайма. Затем затканная золотом полоска с золотым орнаментом по черному фону, дающая узор «ислими» из волнистого стебля и спирально закрученных листочков между двумя прямыми золотыми полосками. Эта полоса занимает по ширине 4,6 см. Ниже следует широкая полоса в 8,5 см с вытканными по черному фону золотыми буквами арабской надписи, сохранившейся очень фрагментарно. Ниже надписи идет снова орнаментальная полоса, по видимому, аналогичная первой. Такая же орнаментальная полоса заметна на нижнем краю этого куска ткани.»

Неоднократно подчеркивалось, что фрагменты этой же ткани покрывали и гроб Мухаммад-Султана – любимого внука Тимура (Шишкин, 1964, с. 42, 60). По заключению В.Н. Кононова, по технологическим характеристикам и по сохранившимся элементам орнамента ткани с гробов Тимура Мухаммад-Султана совершенно тождественны (Шишкин, 1964, с. 42).

От второй ткани, покрывающей нижнюю половину гроба, сохранилась часть кромки размером 16x0,8 см, она проходит посередине правой доски в горизонтальном направлении. Ниже расположен фрагмент размером 35x13 см; отдельные куски лежат вторым слоем. Ткань черного цвета, рассыпается при прикосновении. В литературе эта ткань характеризуется как гладкая, но при пристальном рассмотрении на некоторых ее участках видны утолщения бархатистой фактуры, закрывающие нити утка и основы, что не исключает возможности того, что ткань эта не была совершенно гладкой и некогда имела тканую орнаментацию бархатистой фактуры, нити которой позже превратились в порошок.

Следует отметить интересный факт, который удалось обнаружить автору данной статьи (Баданова, 1994). Это наличие под двумя вышеописанными тканями третьей, ранее не замеченной исследователями. В некоторых местах на досках виден тончайший, как паутина, налет, который при ближайшем рассмотрении оказался сетчатым отпечатком совершенно истлевшей ткани полотняного переплетения. Эти отпечатки не могли быть оставлены ни одной из двух вышеописанных тканей, так как ее нити гораздо тоньше, их число приближается к 18-20 в 1 см, что существенно превышает показатели плотности первых двух тканей. Однако ткань эта не производит впечатления плотной; она была соткана из очень тонких нитей и фактура ее была довольно разреженной, а сама ткань, вероятно, была легкой, полупрозрачной тканью наподобие футы². Следы этой третьей материи фиксируются на обеих досках в центральной части и начинаются на расстоянии 40-50 см от верхнего и нижнего краев досок. Тот факт, что ткань эта практически полностью исчезла, может говорить о ее растительном происхождении.

Вероятно, средняя часть гроба вместе с крышкой перед погребением была обернута в эту тонкую ткань или накрыта ею, затем нижняя половина гроба была прикрыта тяжелым шелком, и, наконец, на верхнюю половину гроба было возложено роскошное златотканое покрывало со священными мусульманскими изречениями. В средневековых миниатюрах XVI-XVII вв. встречаются сцены похорон, похоронной процессии или оплакивания, например, «Похороны Искандара» (Миниатюры к поэмам Навои, 1970, №29)

Рис. 1. Позолоченные нити из покрывала (увеличено в 25 раз). (по В.А. Шишкину)

из Бодлеянской библиотеки, «Оплакивание Искандара» работы М.М. Самарканди, «Похороны Шируе, сына Хосрова Ануширвана». Следует заметить, что похороны в гробу – не единичный случай среди мусульман. Возможно, что, подобно тому, что шахидов хоронили в бывшей на них в момент смерти одежде, так и умерших в дальних странствиях хоронили в тех гробах, в которых они были доставлены домой. Кроме Амира Тимура, в гробу был похоронен Мухаммед-Султан, также умерший в походе; в мавзолее Эмира Бурундука наряду с захоронением ребенка-шахида было обнаружено захоронение в деревянном гробу (Немцева, 1972, с. 243, прим.). В вышеупомянутой миниатюре «Похороны Искандара» также виден деревянный гроб, обернутый цветной тканью, в «Оплакивании Искандара» стоящий на коврике гроб имеет, как и гроб Тимура, четыре ножки по углам и аналогичную форму. В миниатюре «Похороны Шируе...» гроб, так же как и гроб Тимура, накрыт двумя тканями: нижняя половина – красной тканью, верхняя – малиновой. Обе ткани по центру украшены медальонами, вытканными или вышитыми золотыми нитями. Торцы гроба ткань не покрывает, поэтому четко обрисовывается двускатная, как и на гробе Амира Тимура, форма крышки. Однако на всех трех приведенных миниатюрах есть общая особенность: гроб посередине обвязан жгутом ткани. Возможно, это пояс, платок или чалма, принадлежавшие покойному? В публикациях о вскрытии гробниц Тимура и Мухаммад-Султана такой особенности не отмечено. Может быть, эта опояска удалялась после помещения гроба в могилу? Несмотря на то, что приведенные миниатюры передают события исторических хроник гораздо более раннего времени, мастера в подобных случаях изображают современные им атрибуты и обстановку (Пугачанкова, 1956, с. 86).

О происхождении покровной ткани высказывались различные предположения. Например, начальник археологической экспедиции Т.Н. Кари-Ниязов в 1941 году в интервью журналистам высказал мнение, что эта ткань могла быть победоносным знаменем Амира Тимура (Бердимуродов, 1996, с. 24-25). Наиболее убедительным и вероятным представляется мнение В.А. Шишкина, который предположил, что верхняя ткань гроба Тимура могла быть священным покрывалом с могилы одного из наиболее почитаемых святых или даже с самой главной святыни ислама – Каабы (Шишкин, 1964, с. 37). Действительно, уже много веков соблюдается традиция ежегодного возложения на святыню Каабы священного покрывала – кисвы незадолго начала очередного хаджа. В 160 году по хиджре, во время паломни-

чества аббасидского халифа Аль-Махди, с Каабы было снято множество покрывал, накопившихся за долгий срок, так как до этого покрывала Каабы из года в год надевались одно поверх другого и смотрители храма поделились с халифом опасениями, что столь огромное нагромождение множества тяжелых покрывал может повредить зданию³. После этого халиф издал повеление покрывать Каабу одновременно не более чем одним покрывалом, что исполняется до наших дней. Возложение нового покрывала обычно совпадало со временем жертвоприношений; старую кисву шайбиты разрезали на куски и продавали верующим или же оделяли ими самых щедрых жертвователей, наиболее знатных и влиятельных паломников для защиты от палящего солнца во время молитвы. По возвращении на родину паломники сохраняли их как священную реликвию⁴. В.А. Шишкин отмечает, что «приобретение такой реликвии было для Тимура делом нетрудным» (Шишкин, 1964, с. 37).

Кроме того, следует отметить, что горизонтальная композиция орнамента ткани, расположение каймы и пропорции полотна не соответствует пропорциям обычного покрывала: длина, или высота покрывала от изголовья гроба до его середины была не более 1 метра или чуть менее. Ширина, вероятно, значительно превышала длину, особенно если предположить, что полоса ткани высотой не более метра была разделена на два одинаковых полотнища – для покрытия гробов Мухаммад-Султана и самого Тимура.

Здесь возникает предположение, что такие пропорции ткань могла иметь лишь в одном случае – если в качестве покровной ткани был использован так называемый «пояс» Каабы. По современным данным, его высота традиционно составляет 94 см, длина – около 61 м. Первоначально пояс состоял из 8, позже 16 частей. Кроме того, известно, что с 1340 года египетский правитель Хасан ввел орнаментальный бордюр, который был вышит или выткан золотыми и серебряными нитями на высоте трех четвертей высоты Каабы. С этого же времени или несколько позже начала украшаться золотой и серебряной вышивкой, каллиграфически воспроизводящей аяты из Корана, также входная завеса (чадра) с северо-восточной стороны здания. Остальные части кисвы не имели орнаментации.

Право высылать кисву для Каабы оспаривали многие мусульманские правители. В разное время кисва изготовлялась в Йемене, Ираке, Египте, Турции, Саудовской Аравии... Обычно эта привилегия доставалась самому сильному и влиятельному на тот момент властителю, что было одним из проявлений суверенитета «праведных»

Рис. 2. Фрагмент ткани от покрывала с гроба Амира Тимура (сфотографировано с изнанки) (по В.А. Шишкину)

халифов, а затем Омейядов и Аббасидов. В 750 году по хиджре Салех Исмаил Бен Ан-Насер предназначил для этого три поселения в Египте, завещанные как вакуфное имущество на благотворительные цели, позже к ним были добавлены еще семь поселений. Что касается цвета кисвы, то традиция покрывать Каабу черным покрывалом установилась во время правления Аль-Насира Аббаси (1160-1207). До этого в течение нескольких веков цвет кисвы изменялся во время правления различных халифов. По преданию, мать пророка Мохаммеда предложила белый цвет для кисвы, и пророк использовал покров из белой йеменской ткани. Халиф Умар бен Аль-Хаттаб использовал белую египетскую ткань, халиф Аль-Маъмун впервые покрыл Каабу белой парчой. Он же начал драпировать Каабу трижды в год – каждый раз иным цветом. Сам Аль-Насир Аббаси поначалу склонялся к зеленому цвету, но впоследствии, видимо, в конце XII века, остановился на черном цвете кисвы, тем самым заложив традицию, дошедшую до настоящего времени. Как уже говорилось, в 1340 году черный фон кисвы был впервые украшен золотым орнаментальным «поясом» со священными кораническими стихами. В таком виде покров Каабы изготавливается и в наши дни, не претерпев существенных изменений.

Все это означает, что, если догадка В.А. Шишкина верна, и покрывала с гробов Тимура и Мухаммед-Султана некогда являлись частью покров-

ва Каабы, а по нашему дополнению, частью «пояса» Каабы, то можно с уверенностью утверждать, что оно было изготовлено в Египте не ранее 1340 года и не позднее даты перенесения останков Тимура и Мухаммед-Султана в Гур-Эмир для окончательного захоронения, которое, по предположению Бартольда, произошло в 1409 году (Бартольд, 1964, с. 447). Можно попытаться несколько сузить хронологические рамки. У такого властителя, каким был Тимур, было множество возможностей приобретения реликвии. Она могла быть подношением одного из мусульманских правителей; или же была привезена кем-то из приближенных Тимура, вернувшимся из хаджа; это мог быть трофей многочисленных походов и побед Тимура, например, ткань могла быть захвачена при взятии Багдада или пленении Баязида в Ангоре в 1402 году и т.д. Представитель Ватикана на Востоке архиепископ Иоанн пишет о Тимуре: «Никто не знает ни количества, ни веса, ни размера того, что берет он из городов и со всех своих земель... отправляет все в свой город Семеркант. ... что же касается драгоценных вещей, я этому верю, как говорят, ни один сеньор, как бы он ни был велик, ни тиран, никто другой, не могли бы оплатить деньгами столько, сколько он». Далее автор рассказывает, что после взятия Багдада Тимур нашел на дне

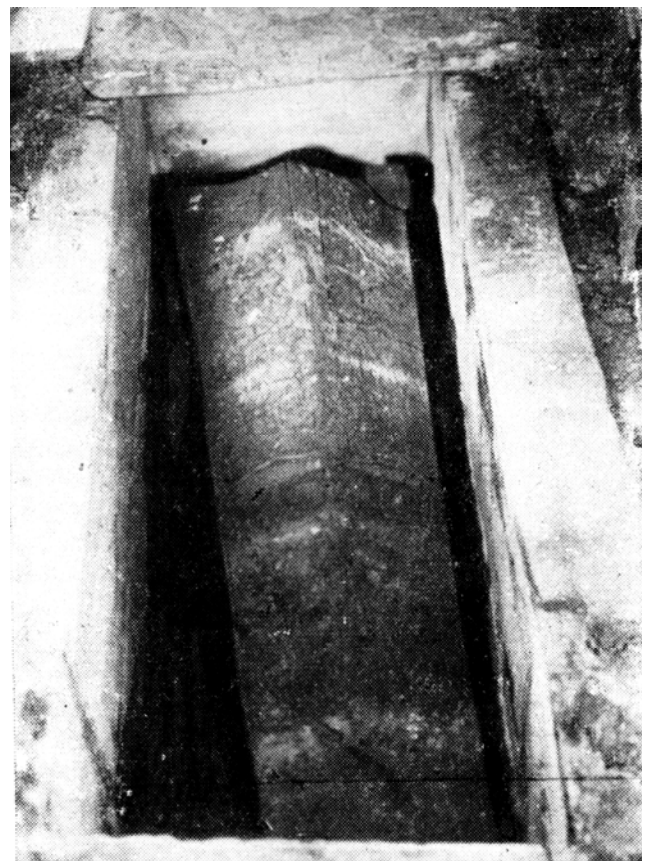

Рис. 3. Гроб Амира Тимура при вскрытии захоронения (по В.А. Шишкину)

реки Евфрата судно, полное сокровищ и драгоценностей всех царей Персии» (Умняков, 1960, с. 185)

Наиболее вероятным нам кажется предположение, что реликвию мог привезти глубоко чтимый Тимуром Мир Сайид Барака, принадлежавший к мекканским шерифам (Бартольд, 1964, с. 448). В 1370 году Мир Сайид Барака принес в дар Тимуру барабан и знамя; он сопровождал Тимура и увещевал его в самые тяжелые моменты его жизни (Бартольд, 1964, с. 449); в конце 1403 года, незадолго до своей смерти, он прибыл к Тимуру в Карабаг и вместе с ним оплакивал умершего в марте этого года Мухаммад-Султана. Кажется логичным предположить, что именно он в свой последний приезд мог привезти священный покров для погребения любимого внука Тимура. Вероятно, после смерти самого Тимура, которая последовала менее чем через 2 года после смерти Мухаммад-Султана, ткань была разделена на две части и возложена на гробы деда и внука.

Косвенным подтверждением, что ткань эта была священной мусульманской реликвией, является тот факт, что оба погребения совершены «строго по мусульманскому ритуалу, не допускавшему никакой роскоши и никаких украшений» (Шишкин, 1964, с. 41). Златотканому роскошному покрывалу не место было бы в могиле правоверного мусульманина, не будь оно освя-

Рис. 4. Изготовление покрывала Каабы (кисвы) в современных условиях

щено прикосновением к мусульманской святыне и не будь на нем священных аятов корана. Даже если допустить, что верен полулегендарный рассказ Ибн-Арабшаха о богатом убранстве могилы Амира Тимура (Бартольд, 1964, с. 465), о перемещении его тела в стальной гроб, сделанный мастером из Шираза и о последующем посещении могилы сыном его Шахрухом в 1409 году, который, будучи ревностным мусульманином, распорядился убрать всю драгоценную утварь в сокровищницу, переместив тело в простой деревянный гроб, однако тот факт, что, несмотря на это, драгоценная ткань все же покрывала его крышку, следует сделать вывод, что она не возмутила религиозных чувств Шахруха именно потому, что ценность ее как мусульманской реликвии значительно превышала материальную стоимость.

Дополнительную информацию об утвари, использованной при погребении, иногда могли содержать вакуфные документы. Были примеры, когда в них упоминались не только земли и недвижимое имущество, но и довольно подробно описывались предметы убранства гробницы. Так, очень интересен в этом плане вакуфный документ 1464 года, составленный от имени Хабибы Султан-бики, дочери эмира Джелаль-ад-дина Сухроба, по которому отчуждается имущество в пользу усыпальницы Хавенд Султан-бики, дочери Абу-Саида Курагана, похороненной при мазаре святого Ходжа Абди-Даруна. По неизвестной нам причине она была похоронена отдельно от других потомков Абу-Саида; его другая дочь, Кутлу Султан, три его сына и внука покоятся в боковой западной пристройке Гур-Эмира. (Вяткин, 1958, с. 122). В перечне отчуждаемого имущества упоминается «...одно надгробное покрывало из алачи⁵ - каттан⁶ египетский, новое с подкладкой малля⁷; одно надгробное покрывало с верхом парчовым – черное и желтое, новое, подкладка паи-бирк⁸ суконная, оторочка паи-бирк. черная; одну арынчу⁹ бархатную, голубую, китайскую с подкладкой кожи зеленой, оторочка мягкая, с подстилкой для сидения [мутака] сорта мутабак с основным полем зеленым-черным...» - (Вяткин, 1958, с.126). И хотя запрещалось обращение в вакф движимого имущества, как-то ковры, канделябры, покрывала, но они могли упоминались либо в качестве простых пожертвований, либо в том случае, если средства, вырученные от их продажи, предназначались для приобретения недвижимого имущества (Вяткин, 1958, с. 136).

К сожалению, не удалось ознакомиться с вакуфным документом Гур-Эмира; его первоначальный оригинальный текст был утерян; взамен него был составлен новый документ, заверенный печатью эмира Маасума (Вяткин, 1902, с. 7, до-

кумент под № 44). Во время правления этого эмира были восстановлены многие утраченные документы, однако вряд ли возможно установить, в какой степени новый вакуфный документ Гур-Эмира соответствует первоначальному.

Ткани Гур-Эмира требуют дальнейшего тщательного исследования. Для подтверждения или опровержения версии о происхождении верхнего покрывала гроба Тимура желательнее провести

сравнение с достоверно атрибутированным фрагментом кисвы, по возможности, синхронным, по показателям плотности, толщины и идентичности нитей, а также другим параметрам. Не произведен анализ красителей, не расправлены складки и заломы смятой ткани, не восстановлен до конца ее рисунок; реставрация ее могла бы дать новую ценную информацию об этом уникальном экспонате.

Сноски

¹ Анализ волокон проведен по просьбе автора в Ташкентском институте текстиля и легкой промышленности, за что приношу профессору У.М. Матмусаеву искреннюю благодарность.

² Фута – тонкая полупрозрачная ткань

³ Для современного покрывала Каабы 2005 года, изготавливаемого более чем сотней мастеров в течение года с соблюдением многовековых традиций, технологий и материалов, понадобилось 670 кг чистого шелка и 15 кг золотых и серебряных нитей. Оно состоит из 47 частей, каждая по 14 м длиной при ширине 101 см. «Пояс» Каабы имеет длину 61 м при ширине 94 см.

⁴ В.А. Шишкин приводит интересный факт, что один из халатов, оставшихся после Бухарских эмиров, был сшит из покрывала Каабы и одевался лишь в особых случаях. (Шишкин, 1964, с. 37, прим).

⁵ Алача - шелковая или полшелковая полосатая ткань.

⁶ Каттан, или катан – полотняная ткань.

⁷ Малля - местная ткань из неотбеленного хлопка коричневатого или кремового цвета.

⁸ Паи-бирк - ткань с шерстяной основой.

⁹ Арынча - покрывало.

Литература

Баданова Е.И. О сохранности покровных тканей с крышки гроба Амира Тимура // Амир Темур ва унинг дунё тарихидаги ўрни (Буюк Сохибқирон Амир Темур ва таваллудининг 660-йиллик тантаналарига бағишланган халқаро илмий конференция маърузалари баёни. Самарқанд, 1996, стр.105-107

Бартольд В.В. О погребении Тимура. Т. II, ч. 2, стр. 423-454.

Бартольд В.В. Улугбек и его время. Т. II, ч. 2, стр. 25-178.

Бердимуродов А. Гўри-Амир мақбараси. Т., 1996

Вяткин В.Л. Материалы по исторической географии Самаркандского вилаята // Справочная книжка Самаркандской области (СКСО), вып. VII. 1902.

Клавиho Р. Г. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М. 1990

Массон М.Е. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях Гур-эмир и Ак-сарай в Самарканде 1924 г. // Известия Средазкомстариса, в. 1.

Миниатюра Мавераннахра. Под ред. О. Галеркиной. Л, 1980.

Миниатюры к поэмам А. Навои. Ташкент, 1970.

Немцева Н.Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. // Из истории искусства великого города (К 2500-летию Самарканда). Ташкент. 1972

Пугаченкова Г.А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV- первой половины XVI века по данным миниатюр // Археология Средней Азии. Труды САГУ. Ташкент. 1956

Умняков И. Малоизвестный французский источник о Тимуре // История. (Материалы по истории народов Узбекистана). Труды Самаркандского Государственного университета. Новая серия. Вып. 101, Самарканд, 1960

Федорович Е.Ф. Исследования средневековых тканей Самарканда. – В сб: Из истории искусства великого города (К 2500-летию Самарканда). Ташкент. 1972

Шишкин В.А. Гури-Мир // Научные труды ТашГУ, вып. 232

Шишкин В.А. Гури-Эмир // Бюллетень АН УзССР. Т., 1946, № 2

Якубовский А.Ю. Самарканд при Тимуре и Тимуридах.

www.everymuslim.com

www.islamicvoice.com

www.alislam.org

<http://members.tripod.com>

<http://en.wikipedia.org/wiki/kiswa>

Н.Б. Немцева

К ВОПРОСУ О ВОДОСНАБЖЕНИИ ЮГА АФРАСИАБА (по материалам Шахи-Зинды)

Территория юга домонгольского Самарканда на протяжении более чем столетнего изучения городища Афрасиаб во все времена была мало доступна для широких археологических вскрытий из-за издревле расположенного здесь мусульманского кладбища. Микрорельеф местности почти полностью был уничтожен уже несколько столетий тому назад, кладбище стерло все следы топографии периода обживания городища. Это крайне осложнило изучение стратиграфии и исторической топографии южной окраины городища.

И тем не менее, археологические работы, проведенные в середине XX в. в ансамбле Шахи-Зинда и его округе (А.И. Тереножкин, В.А. Левина-Булатова, Н.Б. Немцева, Г.В. Шишкина) позволили получить важные данные для суждений о времени жизни в этой части Афрасиаба.

Наиболее широкие археологические исследования на юге городища и в ансамбле Шахи-Зинда с постановкой и решением принципиальных вопросов – стратиграфии и исторической топографии юга городища, а также поэтапной истории сложения ансамбля Шахи-Зинда, были осуществлены в 60-е годы XX в. (Немцева, 1969, с. 153 –205; Немцева, 1975, с. 94-106). Путем серии археологических шурфов (около 40) и зачисток удалось получить представления о последовательности обживания юга Афрасиаба, выявить отдельные элементы плана города, древнейшие водные и дорожные магистрали.

Археологические работы, проведенные в середине XX в. в округе Шахи-Зинды, оказались очень своевременными. В настоящее время какие-либо раскопки на юге Афрасиаба практически исключены. Несколько действующих кладбищ (два мусульманских, еврейское и корейское) с дорогами, мраморными надгробиями в 90-е годы полностью перекрыли эту часть городища и производство раскопок здесь уже невозможно. Современные мраморные постаменты придвинулись вплотную к ансамблю.

Материалы исследований 40-60-х годов XX в. позволили заключить, что южная часть Афрасиаба обживалась в пределах четвертой крепостной стены, как и северная с древнейших времен (VII в. до н.э. по последним данным Узбекско-Французской экспедиции) вплоть до монгольского нашествия в XIII в. Эти данные, особенно

определение нижней даты, на том этапе исследований городища, имели серьезное значение для представлений о возрасте Самарканда - параллельно выдвигалась несостоятельная, но имевшая определенный резонанс идея о возникновении города на Афрасиабе в преарабское время, и даже ставилось под сомнение место Мараканды (Самарканд по греческим источникам) на этом городище (Работы М. Пачоса).

На юге городища в 60-е годы выявлены и топографически локализованы фрагменты отдельных строений, слои ахеменидского, античного и средневекового времени, основные водные и дорожные магистрали (Немцева, 1975).

Эти данные дали некоторые представления о градостроительных принципах в древнем и средневековом Самарканде. Установлено, что южная окраина городища не имела сплошной регулярной застройки, обживалась местами.

Наиболее последовательно застраивался возвышенный участок западнее Шахи-Зинды, где прослежена полная стратиграфия с середины первого тысячелетия до н.э. до монгольского нашествия в XIII в.

Письменные данные, касающиеся Шахи-Зинды (вакф на медресе 1066 г., Малая Кандийа XI-XV вв., сведения Ибн-Баттуты - 30-е годы XIV в.), спроецированные на материалы археологии, дали в целом ясные представления о времени появления жизни в южной части городища, сложении и развитии ансамбля Шахи-Зинда, времени появления первых культовых построек некрополя, планировочной композиции и строительной периодизации идеологической основы Шахи-Зинды – комплекса Кусам ибн Аббаса.

Общая глубина культурного слоя в районе Шахи-Зинды, сверху перекрытого кладбищем, достигает 6-8 м. Действующее около Шахи-Зинды мусульманское кладбище - одно из самых привилегированных и древних в Самарканде. В основе его лежит кладбище первых арабских газиев из племени Бану-Нахийя, где в 676/677 г. по данным Малой Кандии был похоронен один из первых миссионеров ислама, знаменитый своим родством с пророком Мухаммадом Кусам ибн Аббас (двоюродные братья) (Малая Кандийа, 1906. с. 260-262).

Локализовать кладбище Бану-Нахийя археологически не представляется возможным, но крат-

кое описание в Малой Кандии позволяет думать, что это кладбище было западнее теперешней Шахи-Зинды, ближе к Железным (Кешским) воротам, где была расположена первая мечеть Самарканда с катакомбой Мухамада сына Васы и откуда начинался зиарат (Немцева, 1975, с. 260).

Важнейшим открытием тех лет было обнаружение русла ирригационного канала, который с III-II вв. до н.э. снабжал водой всю юго-восточную часть Самарканда (Немцева, 1975, с. 166-176). Канал входил в систему трех других магистральных каналов, которые веером расходились по городищу от головного распределителя Джуи-Арзис, находившегося у Кешских (Железных, Южных, Машад) ворот города и действовал, как считалось, вплоть до монгольского разгрома города в 20-е годы XIII в. Вопрос о времени функционирования юго-восточного канала будет рассмотрен ниже.

Юго-восточный канал шел от района Кешских (Железных) ворот в направлении к теперешней северной группе мавзолеев ансамбля Шахи-Зинда. Современная водопроводная сеть (XX в.), действующая на кладбище у Шахи-Зинды, и асфальтовая дорожка в наше время проложены по тому же пути.

Эта направление в XI-XII вв. и позже, видимо, вплоть до XV в., являлось главным путем паломников, совершающих традиционный зиарат от Железных ворот к гробнице Кусамы б. Аббаса, как сообщает Малая Кандийа (Малая Кандийа. с. 260).

При разгроме Самарканда монголами в 20-е годы XIII в., как известно по письменным данным, был разрушен головной водораспределитель Джуи Арзис, город на Афрасиабе был обезвожен, и через некоторое время окончательно покинут жителями. Переселение жителей на юг, за пределы южных Кешских (Железных) ворот в пригород Самарканда – рабад началось еще в X-XI вв. Археологическими работами в районе мечети Биби-ханым и расположенного напротив комплекса медресе-мавзолея Биби-ханым выявлены плотные слои обживания этой территории уже в X-XII вв.

В научной литературе, в том числе, в моих публикациях, утвердилось представление, что после разрушения в XIII в. Джуи-Арзиса, была уничтожена вся водная система Афрасиаба, в том числе, прекратил свое существование и юго-восточный канал, обнаруженный в районе Шахи-Зинды (сработал штамп) (Малая Кандийа. с. 178, 204).

Более внимательное прочтение письменных данных XIV в., в частности, Ибн Баттуты, который сообщает о канале в ансамбле Шахи-Зинда в

его время и проецирование этих данных на всю историю застройки ансамбля в плане водопользования, показало, что это не так. Общепринятый тезис – Джуи Арзис разрушен, воды с XIII в. на Афрасиабе не стало, не относился к юго-восточному каналу у Шахи-Зинды. Канал, как теперь ясно, действовал во времена Ибн Баттуты (30-е годы XIV в.) и позже в период наиболее интенсивной застройки Царского некрополя при Амуре Тимуре в XIV в., как минимум, вплоть до XV в.

Действующая на протяжении многих веков, главная святыня Самарканда, связанная с именем Кусамы ибн Аббаса, строительство на юге городища в пределах крепостного вала культовых зданий не мыслимо без постоянно действующего водного источника. Протекающий у подножья городища Оби Машад (Оби Мугон в древности) был практически не доступен. (Городище окружали высокие крутые стены и ров у внешнего подножья).

Только в первой половине XV в., при Улугбеке, во время благоустройства внешнего южного склона крепостной стены городища (организация террас со ступенями для спуска) (Булатова, 1965, с. 257), возведения двухкупольного мавзолея “Матери Султана” и парадного входа у основания городища (портал 1434/35 г., дарваза-хана, зимняя мечеть), водопользование могло быть организовано из Оби Машада.

Надо отметить, что Оби-Машад, как и сейчас, в XV в. не протекал около входа в Шахи-Зинду, но это была самая близкая вода и путем мелких арыков из основного русла могла быть подведена к южной группе построек ансамбля. Портал был обращен к дороге, которая была проведена (расширена, благоустроена?) у юго-восточного подножья Афрасиаба в связи со строительством Обсерватории Улугбека на Оби-Рахмате за пределами Самарканда. Территория напротив входного портала XV в. никогда не обживалась. Огромные земляные работы 2004 г. перед входным порталом XV в., не обнаружили здесь следов обживания в какие бы то ни было времена. Бульдозером снимался чистый материк.

Непосредственно за дорогой напротив портала были обнаружены только остатки бани XV в. для зимних омовений (работы Института археологии АН РУз. 2004 г.) как это было принято в средние века около крупных святынь в местах массового паломничества. Паломничество в XV в. к Шахи-Зинде, для высшей знати, начиналось с главного порталного входа XV в., отстроенного Улугбеком. Одновременно, как мне кажется, сохранялся традиционный западный подход к ансамблю по линии “западного коридора” начала XV в.

Надо сказать, что опубликованная И.И. Ноткиным реконструкция прохода XI-XIII вв. (ворот ?) на месте второго чартака ансамбля Шахи-Зинда (Булатова, Ноткин, 1970, с. 217. рис. 9 (к 1220)) ничем не основана, научно не состоятельна. Это авторская фантазия, как мне сообщила соавтор статьи¹.

х х х

Вторым важным итогом исследований историко-топографического характера на юге Афрасиаба в 60-е годы XX в. явилось обнаружение в разных местах под вымосткой коридора ансамбля Шахи-Зинда (на глубине 80-85 см), мощенной камнем улицы-дороги IX-X вв. и культурные слои того же времени под всеми постройками Шахи-Зинды, в том числе, под стенами комплекса Кусамы ибн Абаса (машад Кусамы по вакфу 1066 г.).

Дорога-улица IX-X вв. располагалась в меридиональном направлении, перпендикулярно к ирригационному каналу с севера и крепостной стене города с юга. Именно эта мощенная камнем улица-дорога IX-X вв. в последующем определила принцип планировочной композиции ансамбля Шахи-Зинда, явилась основой развития общего направления ансамбля в XIV в. в пределах крепостной стены городища.

На пересечении юго-восточного канала и мощенной камнем дороги-улицы канал был пропущен под дорогой через подземный сводчатый тазар. Тазар был случайно обнаружен в 90-е годы XX в. во время укрепительных работ под северной стеной мавзолея Ходжа Ахмада (30-40-е годы XIV в.)². Мавзолей Ходжи Ахмада в XIV в. был установлен поперек дороги IX-X вв., следов которой может быть уже в это время не существовало, но ее генеральное направление сохранялось.

“Машад Кусамы” был возведен в начале XI в. на перекрестке древнего канала и мощенной камнем дороги IX-X вв. (в юго-восточной четверти перекрестка) фасадом на север в сторону канала. Об этом говорит северная ориентация лицевой стороны минарета XI в. и входа в первую мечеть комплекса Кусамы XI в. с плоской кровлей на резных деревянных консолях, раскопанной под существующей мечетью XV в. (Немцева, 2002, с. 188-190).

К 1066 г. напротив “машада Кусамы” на западной стороне мощенной дороги на берегу канала

было выстроено государственное ханифитское медресе Кусамийа от имени караханидского правителя Тамгач Богра-хана (Немцева, 1974, с. 99-144).

Это были первые монументальные постройки ансамбля Шахи-Зинда XI в., возникшие у перекрестка канала и улицы-дороги, в черте жилого средневекового Самарканда. При этом часть жилых и общественных построек на юге Самарканда в XI в. сосуществовала с первыми культовыми сооружениями Шахи-Зинды.

В вакфе 1066 г., кроме канала и улицы, куда выходил главный вход в медресе, и место которых точно зафиксировано, названы площадь Малики-хатун (предположительно южнее комплекса Кусамы), ханака, караван-сарай, несколько домов, вакуфный дом для студентов, гробница Лячинбека (Немцева, 1974, с. 139-140), место которых не локализуется.

К XII в. дорога север-юг, мощенная камнем полностью до крепостной стены города (и на ее гребне) была застроена монументальными зданиями (мавзолеями) с роскошным монохромным декором, часть которых раскопана в середине XX в. и позже (Немцева, 1970, с. 120-169).

Часть похороненных здесь лиц названа в Малой Кандийи при описании зийарата к могиле Кусамы. Пусть каждый желающий поклониться могиле Кусамы, сообщает автор Кандийи, совершит полное омовение, войдет со стороны Железных ворот, совершит намаз, подаст милостыню, направится к месту упокоения царевича Кусамы, по дороге пусть приложит голову к порогам усыпальниц похороненных в этом месте правителей мусульманских (Малая Кандийа, с. 260-261).

Во времена составления Кандийи были еще ясные представления о месте нахождения кладбища Бану-Нахийя – основы некрополя (называется расхождение трех путей - может быть перекресток, выявленный нами?, кипарисовое дерево), где находятся могилы правителей и людей божьих. Названы имена шейха Абуль Хасана, Ходжа Мухаммад Ислам Балхи, Ходжа Абу Насра Кассабу, амир Хорасана, раб божий Малик Аджар. Все они воители за веру из арабского племени Бану-Джанаб, руками которых завоеваны крепости неверных (Малая Кандийа, с. 261-262).

Все эти данные относительно исторической топографии юга Афрасиаба давно вошли в круг научных публикаций и обращение к материалам исследований 60-х годов в ансамбле Шахи-Зинда в данной статье связано с новым, более внимательным прочтением текста Ибн Баттуты (30-е годы XIV в.), где он называет канал.

¹Об отсутствии каких-либо фактических данных для реконструкции проема на гребне стены при раскопках у второго чартака мне при встрече сообщила В.А. Булатова в ноябре 2005 г.

²К сожалению конструкция тазара полностью не изучена и не зафиксирована. Канал восточнее дороги не вскрывался.

Этот известный средневековый паломник и ученый шейх из Танжера (в Марокко) совершил беспрецедентное для своего времени длительное путешествие из Марокко в Китай и Индию с заездом во многие страны и города, в том числе в Среднюю Азию, оставив свои дневниковые записи и воспоминания о людях, городах и святынях, которые он посетил. Позже, к концу 1355 г. дневники Ибн Баттуты были обработаны его секретарем ибн Джузайни и под разными названиями стали известны арабскому миру (Ибрагимов, Мухтаров, 1996, с. 10-20).

Ибн Баттута сообщает о главной святыне Самарканда - гробнице Кусамы ибн Аббаса, к которой жителей города приходили два раза в неделю, под вечер в понедельник и пятницу. Ибн Баттута сообщает также о паломниках из других мест, которые останавливались в завийе у гробницы Кусамы, сообщает, что татаро-монголы ничего не изменили в этой “святой гробнице”, а почитали ее и приносили к могиле огромные жертвоприношения в виде коров, баранов, дирхемов и динаров (Путешествие Ибн Батуты, с. 278).

Ибн Баттута описывает архитектуру и внутреннее убранство гробницы Кусамы. Многие оценки Ибн Батуты субъективны, не соответствуют реалиям по устройству гробницы Кусамы, как показали исследования (Немцева, Шваб, 1979, с. 34-35), но в целом в этом важном документе есть очень полезная информация.

Главным, в контексте данной статьи является сообщение Ибн Батуты, что “снаружи гробницы течет большой арык, пересекающий завийю, находящуюся рядом (с гробницей Кусамы – Н.Н.), а по обеим берегам арыка жилища для паломников” (Немцева, Шваб, 1979, с. 34-35). Этот фрагмент текста Ибн Батуты крайне интересен. Ибн Баттута несомненно называет тот единственный канал, который был обнаружен во время археологических работ в 60-е годы XX в.

Городской канал, снабжавший водой юго-восточную окраину Самарканда если и был разрушен монголами при осаде города, то быстро был восстановлен, надо полагать. Сложившийся в XI–XII вв. крупный в масштабах Средней Азии культовый центр Самарканда, куда кроме почитаемой гробницы Кусамы ибн Аббаса, мавзолеев караханидской знати и духовенства входило высшее учебное заведение - государственное медресе Кусамийя, отстроенное от имени караханидского правителя Тамгач Богра-хана к 1066 г., не могло обходиться без воды ни единого дня. Другой воды в округе Шахи-Зинды не было.

Восстановление юго-восточного канала в XIII в. (если он был разрушен) было жизненно необходимо для действующей мусульманской святы-

ни. Сюда в XIII в., как и позже, продолжал совершаться зиарат к главной мусульманской святыне Самарканда, постоянно находился штат обслуживающего персонала, мусульманское духовенство.

Ибн Баттута называет служителей завийи и благословенной могилы, а также главного смотрителя “святой гробницы” амира Гийас ад-дина Мухаммад ибн Абд ал-Кадир ибн Абд ал-Азиз ибн Йусуф, сын аббасидского халифа ал-Мустансира биллах из Ирака (Путешествие Ибн Батуты, с. 278).

Какое-то время, в XIII в., надо полагать, функционировало и медресе Кусамийя. Однако, к XIV в., когда Афрасиаб превратился в пустырь, медресе, как городская структура, видимо, престало, действовать. Я думаю, что медресе вскоре было превращено в завийю для паломников, о которой сообщает Ибн Баттута. Только покинутое в XIII в. медресе из всех вскрытых в разное время зданий, имеет дворово-айванную планировочную композицию с худжрами по периметру, что наиболее оптимально отвечало структуре странноприимного дома.

Археологические исследования показали, что на территории ансамбля в пределах крепостного вала городища, кроме медресе XI в., не существовало других крупных построек, которые Ибн Баттута мог бы назвать обителью для паломников-завийей.

Вполне достоверны сведения Ибн Батуты и об арыке, который пересекал завийю, а по обеим берегам его были жилища для путешествующих (Путешествие Ибн Батуты, с. 278).

Северный фасад медресе Кусамийя, обращенный к руслу канала (Немцева, 1975, с. 97, рис. 2) в конце XIV–начале XV вв. был разрушен при строительстве комплекса Туман-ака и мавзолея Бурундака. Реконструировать умозрительно ситуацию без реального материала невозможно³. Можно лишь допустить, что сведения Ибн Батуты об арыке, прорезавшем завийю относятся к одному из отводов канала, который проходил во дворе бывшего медресе.

Не ясно и направление городского канала в начале XV в. Западнее мавзолеев Ходжи Ахмада и Туман-аки (там, где приблизительно проходил канал) была вскрыта группа (7 по данным А.И. Тереножкина) противостоящих мавзолеев начала XV в., так называемый “западный коридор” (Немцева, 1964, с. 123-138). Канала между ними в это время не было. Или он был глубже? или уже не действовал? Может быть располагался севернее мавзолеев “западного коридора”, где

³За комплексом Туман-ака нач. XV в. был сделан разведочный шурф, который не выявил архитектурных конструкций.

зафиксирован тазар под задней стеной мавзолея Ходжи Ахмада ?

Во всяком случае древний городской канал у Шахи-Зинда в XV в. был уже не столь актуален, как в XIV в. Основное строительство XV в. было сосредоточено на внешнем юго-восточном склоне городища и водопользование могло быть организовано, как говорилось, из Оби Машада.

Но и в XV в. активно действовала главная святыня Самарканда Шахи-Зинда, была предметом внимания правительства, продолжалось строительство и ремонты в северной части. На месте

мечети XI в. в комплексе Кусама в середине XV в. возводится существующая в наши дни трехчастная большая мечеть, в XV-XVIII вв. обновлялись росписи в интерьере зиаратханы. Где брали воду ?

Водопользование из Оби-Машада для северной части ансамбля в пределах крепостных стен городища оставалось по-прежнему не доступным. Можно только предположить, что древний юго-восточный канал Афрасиаба действовал вплоть до появления современного водопровода. Это скорее вопрос, чем ответ на вопрос.

Литература:

- Абу Тахир Ходжа. Самария (перевод В.Л. Вяткина). СКСО, 1899, вып. VI.
 Бартольд В.В., соч. т. III. М., 1965.
 Большаков О.Г. Два вакфа Ибрахима Тамгач хана в Самарканде // Страны и народы Востока, вып. X. М., 1971.
 Булатова В.А. К истории сложения ансамбля Шахи-Зинда в XV в. // Из истории эпохи Улубека, Ташкент, 1965, С.257 и далее.
 Булатова В.А., Ноткин И.И. Мавзолей Туглу-текин (Эмир-хусейна) к истории изучения // Зодчество Узбекистана. Вып. II, Ташкент, 1970, С.217. рис. 9 (к 1220).
 Бурякова Э.Ю. Археологические раскопки и наблюдения в рабаде Самарканда IX – X вв.// ИМКУ, в. 13, Ташкент, 1977, С.127
 Волин С.Л. Старейшие письменные известия о Шахи-Зинде // Известия Уз ФАН, II, Ташкент, 1940.
 Гольдциер И. Культ святых в исламе. М., 1938.
 Ибрагимов Н., Мухтаров Т. Путешествия Ибн Баттуты (арабский мир и Центральная Азия), введение. Ташкент, 1996, с. 10-20.
 Малая Кандийа, перевод В.Л. Вяткина, Справочная книжка Самаркандской области, в. VIII, Самарканд, 1906.
 Немцева Н.Б. Ансамбль Шахи-Зинда в XI –XII вв. (по археологическим материалам) // Зодчество Узбекистана, в.П, Ташкент. 1970.
 Немцева Н.Б. Асамбль Шахи-Зинда в XI-XII вв // Зодчество Узбекистана, в. П,Ташкент, 1979.
 Немцева Н.Б. Еще раз о медресе Тамгач Богра хана в Самарканде // ОНУ, № 4-5. Ташкент, 1996.
 Немцева Н.Б. Исследования в “западном коридоре” архитектурного ансамбля Шахи-Зинда // ИМКУ, в. 5. Ташкент, 1964.
 Немцева Н.Б. Истоки композиции и этапы формирования ансамбля Шахи-Зинда // СА, 1975, №3.
 Немцева Н.Б. К истории сложения комплекса Кусама б. Аббаса (новые данные) // Культурное наследие Средней Азии, Ташкент, 2002.
 Немцева Н.Б. Медресе Тамгач Бограхана в Самарканде (из археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда) // Сб. Афрасиаб, вып. III. Ташкент, 1974.
 Немцева Н.Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.
 Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шахи-Зинда (историко-архитектурный очерк). Ташкент, 1979.
 Путешествия Ибн Баттуты. Арабский мир и ентральна Азия. Перевод и комментарии Нигматуллы Ибрагимова и Темура Мухтарова,, Ташкент, 1996,С. 278
 Работы М. Пачоса
 Чехович О.Д. Обзор археографии Средней Азии // Средневековый Восток. История. Культура, источниковедение. М., 1980.

Д.К. Мирзаахмедов, У. Алимов

НОВЫЕ НАХОДКИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ШАХРУХИИ

Городище Шахрухия являлось одним из крупных урбанизационных центров Средней Сырдарьи, получив широкую известность в литературе благодаря масштабным восстановительным работам проводившимся здесь при Амуре Тимуре (Ибн Арабшах, 1992, с. 118; Бартольд, 1963, с. 226).

Археологические исследования показали, что сложение памятника, носившего ранее название Бенакет, относилось к более раннему периоду (Буряков, 1975, с. 30), но в начале XIII в. городище было полностью разрушено при монгольском нашествии (Бартольд, 1963, с. 484). Исторические источники свидетельствуют, что в 70-е начале 90-х годов XIV в. Амир Тимур, твёрдо утвердившись на престоле Мавераннахра, активно приступает к восстановлению разрушенных монголами городов и селений (Буряков, 1983, с. 62; Алимов, 2005, с. 22), а также строительству новых крепостей, укреплению границ, особенно восточных (Ибн Арабшах, 1992, с. 118). Причиной тому являлись территориальные претензии прежних хозяев улуса Чагатай, удельных монгольских ханов проживавших на территории Се-

миречья и неоднократно совершавших походы на Мавераннахр.

В связи с последними событиями и начинается по приказу Амира Тимура за Сайхуном строительство «крупного города лицом к реке, от которого должен был быть переброшен установленный поперек лодок и судов понтонный мост» (Ибн Арабшах, 1992, с. 118).

Нет сомнения, что восстановление большого города, монументальной фортификации, предназначенной противостоять нашествию кочевников (Тихонин, 1990, с. 93), строительство через широкую реку действующего понтонного моста, а также утверждение за памятником имени младшего сына указывает на то, что Амир Тимур придавал Шахрухия не только огромную роль военно-оборонительного, но и стратегического наступательного плацдарма на противоположном правом берегу реки. Не меньшее значение город имел и в торгово-экономическом аспекте, бесперебойно соединяя северо-восточные провинции империи, с располагавшимися здесь богатыми горно-рудными базами и трассу на Китай с центральным Мавераннахром.

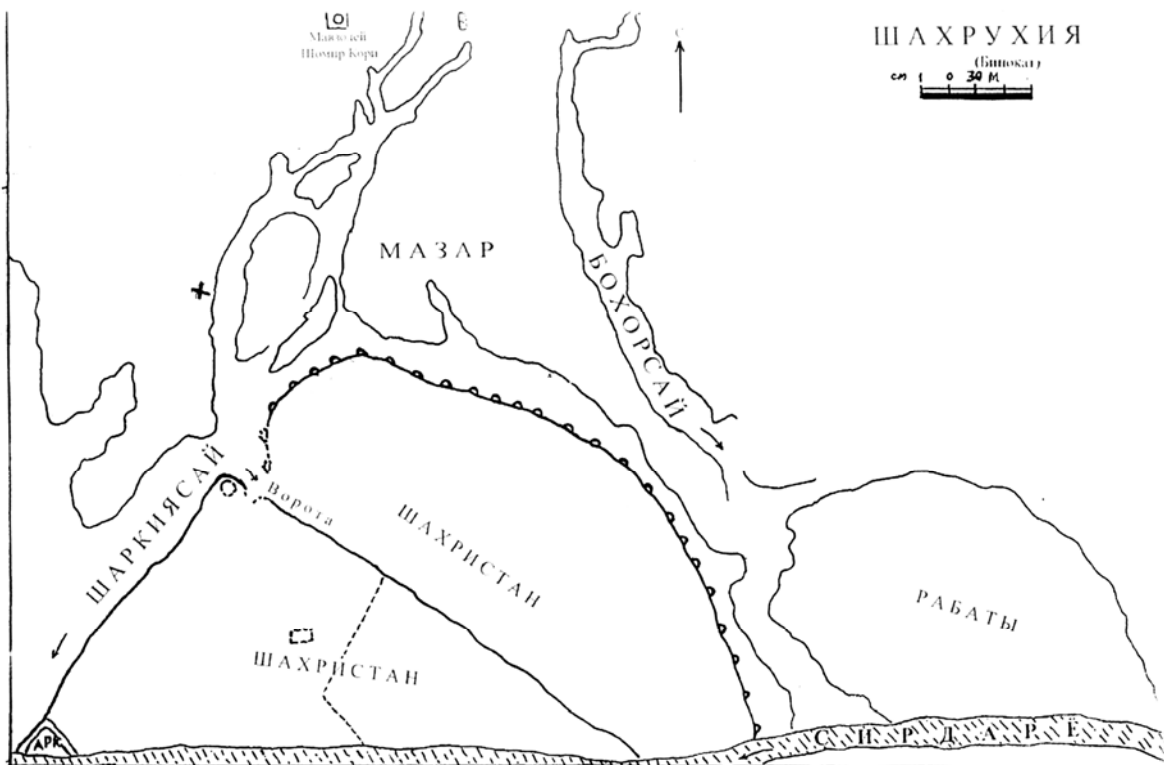

Рис. 1. Схематический план городища Шахрухия (Бинакет). Крестом отмечен пункт раскопа

Как бы то не было, по археологическим материалам уже с конца XIV в. Шахрухия превращается в крупный торговый и ремесленный центр с находками большого количества стекольных и гончарных печей и керамического материала вплоть до своего запустения в период набегов кочевых племён казахов и калмыков на Среднюю Азию в начале XVIII века (Брыкалова, 1990, с. 87; Буряков, 1990, с. 124).

При археологических обследованиях 2004 г. в северо-западной части рабада городища, на правом обрывистом склоне Шаркияся, нами были выявлены остатки трёх печей, преимущественно топочные камеры (рис. 1, 2), с фрагментарными остатками поливной керамики XV-XVII вв.

Наиболее интересный материал дала менее сохранившаяся из них, по большей части обрушившаяся в обрыв (печь № 1). Форма её не восстанавливается, но по сохранившейся части она имела овальные стенки. Рядом с печью, на частично сохранившемся полу из жёных кирпичей, был выявлен массивный керамический столик дисковидной формы диаметром 0,95 м, при толщине 10 см. Ножек он не имел и с лицевой стороны был хорошо сглажен со скошенными от верха к основанию краями стенок. Столик, по всей видимости, служил для первоначальной обработки сырой глиняной массы, так как идентичный его образец, но несколько меньших размеров - диаметром диска около 60 см при той же толщине в 10 см - был найден у рядом располагавшейся в 2,5 м к северо-западу печи № 2. Последняя имела вытянутую овальную форму размерами по основанию 0,9x0,7 м и высотой остатков топочной камеры 0,2 м. Сбоку сохранилось отверстие, служившее, видимо, для загрузки топочной камеры топливом: высота-20 см, ширина-12 см, сохранившаяся длина - 12 см.

Остатки лучше сохранившейся третьей печи были выявлены в 4,6 м к северо-западу от второй. Она имела подпрямоугольную вытянутую топочную камеру с закругленными углами. Размеры в длину составляли около 1 м, в ширину 0,5 м; высота топочной камеры 0,5 м. Частично сохранился и переход к обжигательной камере с шириной загрузочной полки в 0,33 м. Здесь же на полке сохранились остатки продуха выводившегося за пределы печи, высотой 0,03 м и шириной 0,04 м. Отверстие для загрузки топливом печи имело высоту 18 см и ширину 14 см. Располагавшиеся рядом выбросы битой и бракованной посуды не носили массового характера, что, видимо, указывает на индивидуально работающих мастеров.

Возвращаясь к материалам из топочной камеры печи № 1 отметим, что здесь выявлены фрагменты столовой посуды, которые после проклейки дали археологически целые образцы шести блюд (тобок), одной чаши (коса) и одной формы чашечки (пиала).

Блюда (тобок) имели кольцевой поддон, полусферические стенки переходящие в плавно отогнутые наружу с овальным загибом кверху краины венчиков. Подобные специфические формы устья были характерны для чаш Ташкента второй половины XVII в. (Мирзаахмедов, 1990, с. 54), но всё же появились впервые на блюдах XV в. (Байпаков, Ходжаев, 1999. с. 161), видимо в подражание образцам китайского фарфора и, скорее всего, служили для удобства при переносе и потреблении в быту жидких видов пищи.

Росписи выполнялись контрастными голубыми и тёмно-коричневыми красками по внутренней поверхности изделия. Ангобы светлые, глазури прозрачные светло-матовые, покрывали на всех образцах по венчику и части стенок внешней поверхности изделия. Глазури щелочные

Рис. 2. План с остатками печей, двух керамических дисков и скоплений производственного брака.

(ишкорные), тесто глины желтоватое.

Композиция орнаментации на блюдах также едина и делится, исходя из формы, на три части. Первая, охватывает широкий профиль днища, вторая, крутую часть стенок и третья - специфически овальный загиб венчика. При этом, по днищу, наносились розетки в большинстве случаев близкие по характеру. Орнаментация крутой части стенок на всех образцах едина. По венчику оформление также единообразно и состоит из чередующихся мотивов листиков (занжир), спиралей и побегов, встречающие широкие параллели на образцах чаш Ташкента конца XV-XVI вв. (Мирзаахмедов, 1992, рис. 2, 3) и блюд Туркестана XV-XVI вв. (Смагулов, 1999, рис. 11: 1, 2, 4). Закраина венчиков, состоявшая из двух параллельных линий марганцем и голубой окантовкой устья также была характерна для всех блюд.

На первых двух блюдах (рис. 3, 4) по широкому кругу днища нанесены лепестковые розетки с голубыми стилизованными плодами.. Подобные имитации плодов или цветочных мотивов в голубой гамме были характерны для керамики Ташкента (Мирзаахмедов, 1992, с. 172) и Бухары XVI в. (Мирзаахмедов, 2006, рис. 3,8). По стенкам нанесены повторяющиеся крестовидные мотивы чередующиеся с голубыми пятнами, по венчику мотив побега с двумя отходящими в стороны листьями. Их размеры равнялись соответственно: по диаметру венчиков 30,7 и 29,4 см; по диаметру донца 8,6 и 8,9 см; по высоте 8,3 и 9 см.

Два следующих блюда (рис. 5, 6) близки вышеописанным, отличаясь в деталях. Различия наблюдаются лишь в круговом обрамлении днища и по венчику с чередующимися мотивами спиралей и листиков.

Их размеры соответственно равнялись: по диаметру венчиков 30,5 и 28,8 см; по диаметру донца 9 см; по высоте 9,4 и 8,8 см.

Два последних блюда (рис. 7, 8) отличались от двух предыдущих лишь композицией днища, где в одном случае оно оформлено шестью ромбовидными лепестками, а во втором, чередованием круговых спиралей и характерных голубых плодов.

Их размеры соответственно равнялись: по диаметру венчиков 29,4 и 28,8 см; по диаметру донца 9 см; по высоте 8,9 и 9,9 см.

Чаши (коса) представлены в комплексе одним экземпляром (рис. 9). Он имеет кольцевой поддон и полусферические стенки плавно переходящие в прямой косо отходящий вверх венчик со слегка отогнутой наружу закраиной.

Роспись выполнена голубыми и темно-коричневыми красками как по внутренней, так и по внешней поверхности изделия. Ангоб белый,

глазурь светлая матовая покрывает чашу вплоть до поддона внешней поверхности. Композиционно по центру располагается лепестковая розетка, от которой радиально косо-вверх отходят лепестки. По венчику орнаментация из двух темно-коричневых круговых линий и голубой окантовки по закраине повторяются, как и на блюдах.

По внешней поверхности роспись состоит из двух ленточных поясов с вписанными крупными круговыми повторяющимися спиралевидными мотивами (д.в. - 20,5; д.д. - 7,5 см; высота - 9 см).

Чашечка (пиала) представлена в комплексе одним экземпляром (рис. 10). Имела кольцевой поддон и полусферические стенки со слегка отогнутой наружу закраиной. Светлый ангоб и голубая глазурь покрывают внутреннюю и большую часть внешней поверхности изделия. Простейшая орнаментация состоит из крестика по центру, двух рядов круговых линий с окантовкой по закраине венчика выполненных темно-коричневой росписью (д.в. - 12 см, д.д. - 5,1 см, высота - 4,8 см). Идентичная ей чаша встречена в комплексе из Ташкента конца XV-XVI вв. (Мирзаахмедов, 1992, с. 171).

Наряду с комплексом керамики в гончарной печи были выявлены печные припасы в виде треножек (сепоя). Они в основном имели три типа размеров, предназначаясь для прокладки под блюда (крупные) в пределах 9-10 см в диаметре, средние под чаши (коса) в пределах 7-8 см в диаметре и меньшие под чашечки (пиала) в пределах 5,5 см в диаметре. Таким образом, сепоя подтверждает производство одним мастером посуды трёх типов, а остатки потёков глазури - голубаватой и темно-коричневой - об основных типах использовавшихся красок. Тесто черепка сепоя также в основном желтоватого цвета.

Несколько далее от места производимых раскопок было выявлено ещё одно археологически целое блюдо (тобок), представлявшее определённый интерес в художественно-технологическом и хронологическом аспекте (рис. 11).

Оно также имело кольцевой поддон, полусферические стенки плавно переходящие в отогнутую наружу закраину. Роспись выполнена синими (кобальт) и темно-коричневыми (марганец) красками по внутренней поверхности изделия. Светлый ангоб и матовая прозрачная глазурь покрывают её соответственно по части внешней поверхности стенок и венчику. Художественная композиция, состоящая из простейших элементов: штрихов, скобочек, волнистых и круговых мотивов, как и на ранее описанных, делит посуду на три части. Большую, по основанию днища, среднюю, крутую линию стенок и верхнюю, по слегка отогнутому наружу венчику. Последний

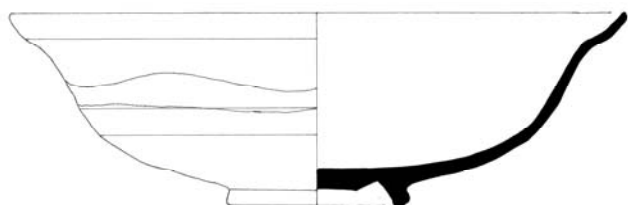

Рис. 3

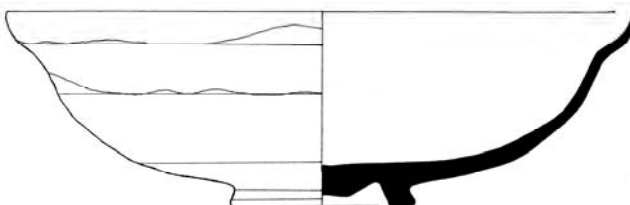

Рис. 5

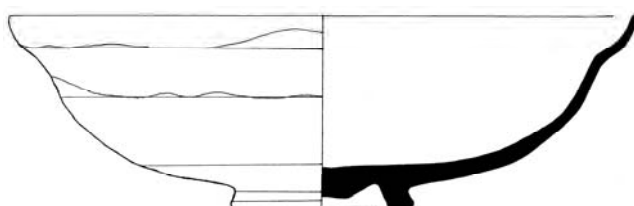

Рис. 4

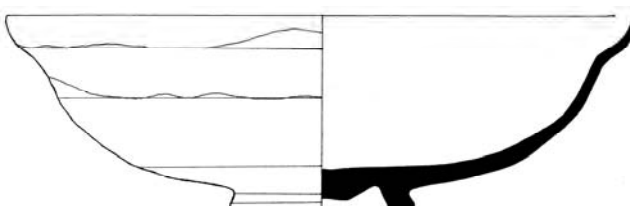

Рис. 6

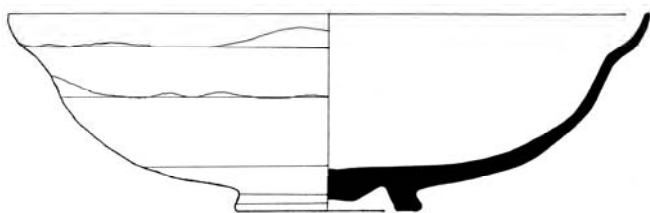

Рис. 7

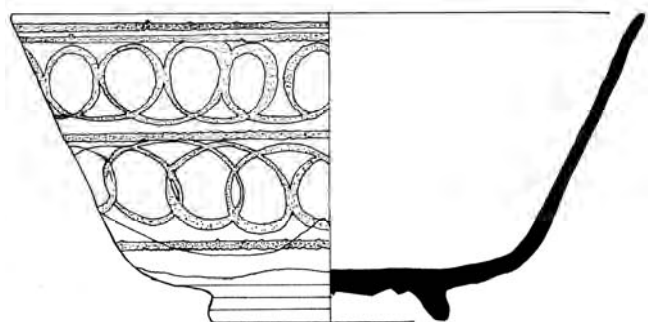

Рис. 9

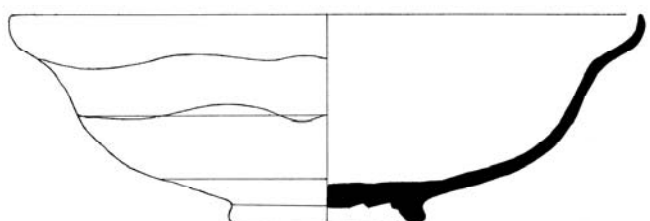

Рис. 8

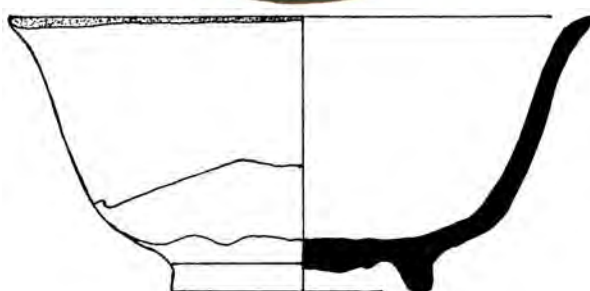

Рис. 10

Рис. 11

элемент формы и роспись кобальтом отличают её от предшествующих образцов и, видимо, определяют её несколько более раннюю дату бытования (д.в. - 28,5 см, д.д. - 9 см, высота - 7,3 см).

Наличие хорошо выраженного кольцевого поддона, форма, роспись кобальтом, а также элементы орнамента сближают её с блюдами широко бытовавшими в XV-XVI вв. Вместе с тем простота росписи, отсутствие сочности, густоты кобальта, выполнение из глины, а не из кашина может указывать как на обиходный характер его изготовления, так и хронологическое соотношение определяемое закатом эпохи Тимуридов в конце XV – нач. XVI вв. Близкие по характеру элементы орнамента мы наблюдаем на блюдах из Ирана (Мешхед) последней трети XV в. (Lisa Golombek, Robert B. Mason, Gauvin A. Bailey, рис. 56-59; Иванов, 1980, с. 64-65). На нашем образце эти мотивы по стенкам в значительной степени стилизованы, а по центру замечена элементарная лепестковая розетка.

Возвращаясь к описанному выше материалу из керамической печи прежде всего отметим, что имеем дело с «комплексом производителя», т.е. набором единовременной посуды выполнявшейся одним мастером. Здесь обращает на себя внимание статистическое преобладание блюд (6 экз.) по сравнению с чашами (1 экз.) и чашечка-

ми (1 экз.). Это, может являться как специализацией мастера, так и носить случайный характер, так как большая часть топочной камеры обвалилась в русло Шаркияся и, таким образом, данная статистика не несет характера закономерности, свидетельствующей о преобладании тех или иных форм посуды и, исходя из этого, подававшихся в ней видов пищи.

Достаточно более определяющий материал дают сами образцы блюд идентичные по формам и размерам. Близки они также как по цветовой гамме, состоящей из преимущественного приёма чередования голубой и темно-коричневой красок, так и комбинации ограниченного набора использованных орнаментальных мотивов, оставляя при этом композиционное единство их расположения на всех образцах. Тем не менее, необходимо отметить то обстоятельство, что выполнявшаяся одним мастером посуда единая по размерам, формам, цветовой гамме, композиции орнамента и, таким образом, исполнявшаяся как бы в сервизном варианте, на самом деле ни в одном случае не копирует другое.

Исходя из вышесказанного, можно предполагать о художественных стандартах эпохи, направлении моды, требованиях покупателя, когда посуда выполнявшаяся одним мастером, вероятнее всего, в сервизном варианте, несмотря на целостное единство должна была отличаться друг от друга в деталях.

Также необходимо подчеркнуть, что представленные блюда полностью выполнявшиеся полихромной росписью, заполнявшей всю внутреннюю плоскость изделия, могут свидетельствовать как о парадном характере их выполнения, так и являться показателем определённой художественной школы одного из крупных региональных центров Мавераннахра.

В хронологическом аспекте комплекс достаточно хорошо дистанцируется от керамики конца XIV-XV вв. с ярко выраженной тончайшей росписью кобальтом, имитациями сюжетов китайских парковых мотивов, а также наличием в большинстве случаев росписи кобальтом и на внешней поверхности блюд (Смагулов, 1999, рис. 11,12; Мирзаахмедов, 1992, рис. 6). Определенно комплекс отделяется и от материалов предкризисного XVII в., где наблюдается значительное упрощение орнамента, начинает сменяться цветовой фон, появляются штампованные мотивы басма, наряду с кольцевыми внедряются поддоны с врезным желобком или дисковидные (Мирзаахмедов, 1990, рис. 10-13).

Учитывая вышеотмеченные показатели, а также близость параллелей с материалами из близлежащих региональных центров (Мирзаахмедов,

1992, рис. 2-4) комплекс столовой посуды из керамической печи № 1 в северо-западной части рабада Шахрухия может быть отнесен к периоду XVI в.

Литература

- Бартольд В.В. Сочинения. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. 1, Москва, 1963.
- Буряков Ю.Ф. Историческая топография городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.
- Алимов У. Шохрухия ноёб топилмалари // Мозийдан садо. 2005. № 1.
- Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к топографии Шахрухия XIII-XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
- Ибн Арабшах. Амир Темур тарихи. Тошкент, 1992.
- Тихонин М.Р. Раскопки оборонительных сооружений хисара (Шахрухия) // Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990.
- Брыкалова В.Г. Квартал керамистов (раскоп 10) // Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990.
- Буряков Ю.Ф. Этапы городской культуры бассейна Среднего Яксарта // Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990.
- Мирзаахмедов Д.К. Глазуванная керамика Ташкента XVII в // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
- Байпаков К.М., Ходжаев М.Б. Раскопки архитектурного ансамбля конца XIV- начала XV вв. на Отраре // Города Туркестана. Алматы, 1999.
- Мирзаахмедов Д.К. Глазуванная керамика Ташкента конца XV-XVI вв. // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992.
- Мирзаахмедов Д.К. Новые позднесредневековые археологические комплексы по материалам Бухары // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Самарканд, 2006.
- Смагулов Е.А. Туркестанские гончары // Города Туркестана. Алматы, 1999.
- Lisa Golombek, Robert B. Mason, Gauvin A. Bailey. Tamerlanes Tableware. A New Approach to the Chinoiserie ceramics of Fifteenth – and Sixteenth-Century Iran. Mazda Publishers in association with Royal Ontario Museum.
- Иванов А.А. Фаянсовое блюдо XV века из Машхада // Сообщения Государственного Эрмитажа. Том XLV. Ленинград, 1980.

М.М. Мамбетуллаев

ПОСЕЛЕНИЕ КИЯТАБАД - НОВЫЙ РАННЕАНТИЧНЫЙ ПАМЯТНИК В КАРАКАЛПАКСТАНЕ

Поселение Киятабад находится в 6,5-7 км к северу от известного городища Пиль (Филь)калы и расположено на землях одноименного кишлака Берунийского района Республики Каракалпакстан. Памятник известен среди местного населения под названием «Шалакатын» и представляет собой овального вида бугор диаметром 25-26 м, высотой 4,5 м (рис. 1).

Памятник долго находился в орошаемой полосе и частично подвергался сносу на удобрения. В результате строительства нескольких частных домов и планировки полей микрорельеф памятника был нарушен (рис. 2).

Среди жителей Киятабадского кишлака сохранилась легенда, будто в древние времена царица Хорезма начала здесь строительство города. По каким-то неизвестным причинам город остался недостроенным (шала), поэтому памятник называется «Нестроенный город».

В радиусе 250-300 м вокруг поселения на поверхности хлопковых и рисовых полей часто встречаются фрагменты красноглиняной керамики. В августе 2004 г. в 95-100 м к юго-западу от памятника, при выемке грунта для строительства частного дома, на глубине 1,7-2 м в замусоренных слоях жителем Киятабадского кишлака Бахрамом Ваисовым найдены две женские статуэтки

и один миниатюрный кувшинчик, о которых нам сообщил учитель истории средней школы №36 Берунийского района Шерзод Жалилов. В связи с этим нами были заложены два шурфа между хлопковыми полями и памятником. Все шурфы доведены до уровня грунтовых вод, средняя глубина вскрытия 2,2-2,4 м.

Шурф 1 (2x2 м) заложен на южном склоне памятника и вытянут по оси восток-запад. Мощность культурных напластований в этом месте достигает 2,3 м от уровня дневной поверхности, уровень грунтовых вод зафиксирован на отметке 186-201. В результате работ выявлена следующая стратиграфия (рис. 3). На уровне грунтовых вод залегает светло-серый глинистый слой толщиной 9-12 см, с незначительными зольными прослойками. В слое обнаружены фрагменты керамики раннеантичного типа. Изредка попадались кости животных. Нижний культурный слой перекрыт рыхлым слоем темно-серого цвета, мощность которого достигает 1,3-1,5 м. Слой однородный. В юго-западной части шурфа отмечены небольшие зольно-песчанистые линзы. На уровне 7-го яруса обнаружен верхний пол. На полу залегает темно-серый рыхлый культурный слой толщиной 7,5-11,2 см. В культурном слое обнаружены фрагменты стенок хумов, бокалов, чаш и других

Рис.1. Общий вид поселения Киятабад

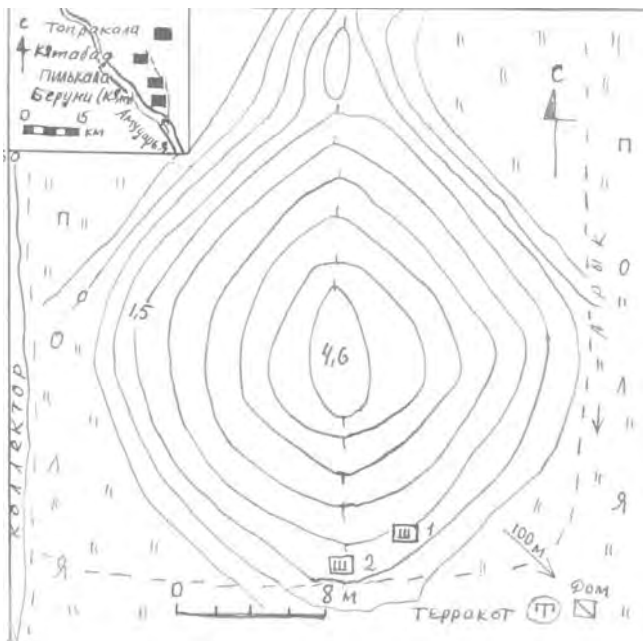

Рис. 2. Поселение Киятабад.
План с указанием шурфов

видов посуды. Верхний пол перекрыт слоем разрушений.

Второй шурф (2-1,5 м) заложен в 1,30 м к югу от шурфа 1 на свободном от посевов участке поселения между хлопковыми чеками и арыком. Мощность культурных напластований в шурфе достигает 2,3-2,4 м от уровня хлопковых полей. На глубине 2,3-2,5 м зафиксированы грунтовые воды. На уровне грунтовых вод обнаружены фрагменты керамики «раннекангюйского» типа. Верхний пол обнаружен на 1,30-1,50 м выше от уровня грунтовых вод. Темно-серый культурный слой, толщиной 7,5-11,2 см содержал фрагменты керамики и кости животных. В северо-западном углу шурфа на зольнике *in situ* стояла небольшая тонкостенная чаша плохой сохранности. Верхний пол перекрыт светло-серой забутовкой.

В результате в шурфах обнаружены два уровня пола, материалы которых относятся к одному хронологическому периоду.

Хумы и хумчи представлены фрагментами разной величины стенок сосудов, венчиков и днищ (рис. 4. 1,2,3). Венчики хумов и хумчей, в большинстве случаев, округлые с четко выраженной короткой шейкой. На плечиках имеется один выпуклый валик, реже два. Снаружи сосуды украшены спиралями неправильной формы, которые нанесены ангобом красного цвета. По венчику, как правило, проходит полоса такого же ангоба.

И спирали, и волнистые линии могли быть символом воды, водного потока. Спираль считается символом воды и богини водной стихии Ардвисуры Анахиты [11, с. 51].

Рис. 3. Разрез шурфа 1.

1. Светло-серый рыхлый слой разрушения.
2. Пол жилой поверхности.
3. Серый глинистый слой
4. Светло-серый глинистый культурный слой с фрагментами керамики.

Сочетание спирали с солнечными символами мы видим, например, на реннекангюйской керамике Хорезма, что свидетельствует, как полагает Ю.А. Рапопорт, о равном почитании солнца и водной стихии [11, с. 51, рис.13], а, по мнению Ш.М. Шукурова, расположение рядом спирали и солярного знака отражало культ Анахиты и Митры и символизировало мужское и женское начала [14, с. 107].

Глиняное тесто, из которого изготовлены хозяйственные сосуды приготовлено тщательно. По формам сосудов хозяйственного назначения, по описанным выше способам их украшений можно отнести их к IV-III вв. до н.э. и сравнивать с материалами этого времени из нижних напластований культурного слоя Кой-Крылган калы [7, с. 103-105, табл.1,2,3,17,23,25; 8, с. 93, рис.19].

Горшки также представлены фрагментами стенок и венчиков. В комплексе Киятабад обращают на себя внимание небольшие горшки с округлым венчиком, покатыми плечиками и валиком в верхней части тулова. Характерной чертой этих сосудов является уплощенная верхняя плоскость венчика (рис. 5).

Некоторые горшки с внешней стороны покрыты потеками и мазками красной глины. Аналогичный способ украшения данной категории посуды - явление широко распространенное в Хорезме в IV-III вв. до н.э. [7, с. 105, 103, табл. 2, 18, 19, 25].

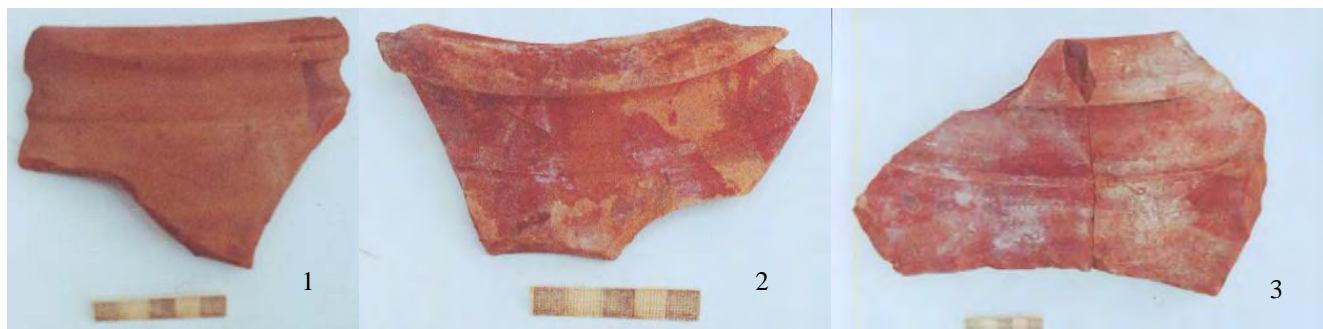

Рис. 4

Рис. 5

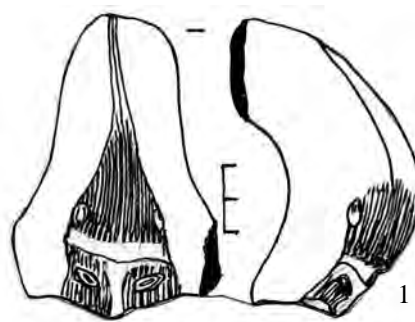

Рис. 6

Кувшины с сильно развернутым устьем, круглой в сечении ручкой. Шейка отделена от плечика невысокими валиками, такие же валики опоясывают и горловину.

К вышеуказанному периоду относятся налпы на верхней части ручек водоносных кувшинов в виде львиных голов. Голова льва изображена таким образом, что он своей пастью как бы закусил край сосуда (рис. 6. 1,2). Налпы на кувшинах в виде львиных голов оттиснуты в формах и имеют некоторые существенные отличия в трактовке прядей гривы, ушей, глаз и носа. М.Г. Воробьева считает, что по манере изображения гривы льва можно их различать хронологически [2, с. 40-73]. Водоносные кувшины с львиноголовыми налпами на ручках являются датирующим материалом и отмечены на всех без исключения памятниках Хорезма IV-III вв. до н.э. Они происходят из нижних слоев Кой-Крылган калы, Джанбаскалы, Калалыгыр 1,2, Хумбезтепе, Ичанкалы, Базаркалы, Айбуйиркалы, Хазараспа и многих других памятников.

Широкое распространение в Хорезме в IV-III вв. до н.э. изображений льва как оберега водоносных кувшинов исследователи объясняют связями Хорезма с Египтом, которые зародились еще в период вхождения Хорезма в состав Ахеменидского государства [2, с. 50,53]. Нам представляется возможным считать ручки с львиноголовыми налпами высокохудожественным образом оберега, охраняющего сосуд с его содержимым от враждебных сил. Необходимо отметить, что зооморфные ручки кувшинов в рас-

сматриваемый период бытуют в Средней Азии только в Хорезме.

Предположить преемственность зооморфной керамики Хорезма IV-III вв. до н.э. от более ранней посуды пока не представляется возможным, так как в керамике VII-V вв. до н.э. подобные налпы не зафиксированы. В материалах последующих веков после IV-III вв. до н.э. также нет зооморфных мотивов. По всей вероятности, причины появления изображений животных на керамике Хорезма IV-III вв. до н.э. пока не могут быть установлены. Кроме религиозно-магического значения на керамике Хорезма IV-III вв. до н.э. можно уверенно высказать мнение и о декоративном назначении подобных налпов. Все высказанные умозаключения заставляют не согласиться с уже высказанной точкой зрения (М.Г. Воробьева), что население Хорезма вкладывало в изображение голов льва на ручках водоносных кувшинов определенный магический смысл.

Говоря о появлении образа льва на керамике в IV-III вв. до н.э. и его широком распространении, едва ли представляется возможным связать их с влиянием Египта через несколько столетий после

вхождения Хорезма в Ахеменидскую державу. Здесь возможно и другое толкование.

Из других находок при обследовании памятника отметим фрагменты стенок чаш и бокалов (рис. 7). Чаши с полусферическим резервуаром и прямым заостренным краем, плоским дном. Все они с внутренней и внешней сторон покрыты красным или темно-красным ангобом. Бокалы и кубки представлены мелкими фрагментами. Они отличаются довольно вытянутыми пропорциями, массивной донной частью. Стенки тулова имеют плавное утолщение от венчика ко дну. Дно, как правило, вогнутое. Наружная поверхность покрыта ангобом, принявшим при обжиге красный цвет различных оттенков. Он покрывает и знак. Прорезные значки небольших размеров нанесены на придонную часть тулова, их длина равна 1,5-2,5 см.

Описанные типы сосудов хорошо известны в керамическом комплексе Кой-Крылган калы [7, с. 103, 115, рис. 48,49], Хазараспе [4, с. 175-179, рис. 12,2,4;13] и Хумбузтепе [8, с. 26,28], где они датированы IV-III вв. до н.э. В коллекции имеется миниатюрный кувшинчик без ручек с отогнутым простым округленным краем венчиком, хорошо выраженным горлом, плавно переходящим в округлое тулово, которое от наибольшего диаметра сужается ко дну. Высота сосуда 7,5 см, диаметр устья- 3,7 см, дно- плоское, диаметром 2,8 см. Сосуд сделан на гончарном круге из светло-желтой глины с примесями песка. Снаружи покрыт красным ангобом. Аналогичные кувшины найдены в нижнем строительном горизонте Кой-Крылган калы и датируются IV-III вв. до н.э. [7, с. 113, табл. 4,2].

Как было сказано выше, в 100 м к юго-востоку от памятника, при строительстве частного дома на глубине 2 м жителем Киятабадского кишлака Б. Ваисовым найдены две женские статуэтки. Первая фигурка (рис. 8,1) изготовлена при помощи штампа, из светло-желтой в изломе глины.

Рис. 7

Тыльная и боковые стороны фигурки обработаны небрежными срезами. Статуэтка сделана из тонко отмученной, плотной глины, получившей после обжига светло-розовый цвет. Фигурка сохранилась полностью. Она изображена фронтально, голова выполнена горельефно. Большие широко раскрытые глаза выполнены прямым разрезом с рельефными веками и тонко моделированными зрачками. Брови дуговидные, рот с пухлыми губами. Лицо, европеоидного типа, узкое, продолговатое с низким лбом. Волосы буклями зачесаны за открытые уши. Шея высокая, полная. Шею украшают трижды обернутая вокруг нее круглая в сечении гривна с разомкнутыми концами.

Фигурка изображает стоящую женщину в длинном платье, собранном у ворота в мелкие расходящиеся веером сборки. Низ платья спускается до слегка выступающих вперед носков ног. Поверх платья фигурка закутана в покрывало. Покрывало облегает и голову, оставляя открытыми уши. Правая рука согнута и лежит под грудью, поддерживая покрывало, которое несколькими складками драпирует плечи. Левая рука, покрытая одним концом покрывала, опущена. От локтя правой руки по платью спускаются выполненные рельефом два сомкнутых вершинами ромбовидных украшения платья. Фигурка стройная, низ ее несколько сужен. Между ступнями небольшая седловидная вмятина. Глина красновато-оранжевого обжига. Высота- 12 см, ширина области груди- 3,5 см, толщина- 2,2 см.

Вторая фигурка (рис. 8) представлена в гладком длинном платье, задрапированная покрывалом. Терракота массивная, лицевая часть отбита. Длинная толстая шея украшена тремя нитками ожерелья. Статуэтка изображает фронтально стоящую женщину со слегка расставленными ногами. Правая рука согнута и лежит на груди, поддерживая покрывало, которое несколькими складками драпирует плечи. Левая рука, покрытая одним концом покрывала, опущена. От локтя правой руки по платью спускаются два сомкнутых вершинами ромбовидных фестона. Узор в виде ромба или полуромба считается широко распространенным с палеолита до наших дней символом женского начала в природе [7, с. 18] и принадлежит к символике плодородия [1, с. 227].

Подол разделан мелкими зубчиками; с левой стороны из под них выступают вертикальные насечки. Тыльная поверхность фигурки плоская, спина подстругана ножом. На спине до обжига прорезан крестообразный знак. Крест, круг, свастика, прямоугольник и т.д.- общепризнанные символические изображения огня и солнца у многих народов мира. Поэтому можно предположить, что знак в виде креста на статуэтке, несо-

Рис. 8

мненно, выполнял религиозно-магическую функцию, был знаком охранной и магической силы, оберегал от дурного глаза и т.д. Высота-14 см, ширина в области груди- 4,5 см, толщина-2,5 см. Покрывается красным ангобом.

Время бытования этих статуэток IV-III вв. до н.э. Эта дата точно устанавливается благодаря находке подобной женской фигурки при раскопках в нижних слоях Кой-Крылган калы [7, с. 175,176, табл. 25,1-3].

Изображения женских статуэток широко распространены в искусстве коропластики многих племен и народов Переднего и Среднего Востока и Средней Азии с эпохи неолита и энеолита до раннегосподневековья. Наиболее ранние женские статуэтки Хорезма, воспроизводящие образ богини плодородия, известны с конца III-начала II тысячелетия до н.э. Они найдены в окрестностях Базаркалы [6, с. 23] и Кой-Крылган калы [5, с. 136]. Сравнительный анализ этих статуэток и подобных им фигурок, распространенных на очень широкой территории, позволил М.А. Итиной и М.Г. Воробьевой включить Хорезм конца III - начала II тысячелетия до н.э. в ареал этого образа женского божества плодородия, известного по археологическим памятникам в Передней Азии и на юге Европы с эпохи неолита и энеолита и предположить, что в то время существовали культурные связи Хорезма с земледельческими районами Юго-Западного Туркменистана [6, с. 23; 10, с. 136].

Исследователями неоднократно отмечалось, что искусство коропластики древней Средней Азии было инспирировано ближневосточной и греческой коропластикой, поскольку традиция изображения женского божества, характерная

для протогородской культуры юга Средней Азии, была прервана в эпоху поздней бронзы и раннего железа [12, с. 208]. Единственной областью Средней Азии, где искусство коропластики получило распространение с IV в. до н.э. был Хорезм. Оно согласуется с экономическим развитием государства. Освободившись на рубеже V-IV вв. до н.э. от ахеменидской зависимости, Хорезм вступает в полосу политического и экономического подъема. Этот период характеризуется значительным расширением оросительной сети и площади посевов. Поэтому вполне законно то особое место, которое занимают в хорезмийском пантеоне, как и везде, персонифицированные в двух образцах (одетой и обнаженной молодой женщины) божества плодородия [7, с. 173].

Статуэтки, представляющие собой обнаженную или полуобнаженную женскую фигуру, обычно считают изображениями Великой Богини-Матери. Культ Великой Богини-Матери в середине I тысячелетия до н.э. существовал на территории Средней Азии, так же как и в переднеазиатских областях, и единая иконография этой богини распространилась на очень широкую территорию. Очевидно, все эти районы входили в одну большую культурную область и были связаны между собой.

Фигурки, одетые в длинные платья, с наброшенным на плечи или спускающимся с головы покрывалом или накидкой, с цветком, плодами, сосудом и другими атрибутами в руках (а иногда и без всяких атрибутов) многие исследователи считают изображением божества любви, плодородия и отождествляют с образом Анахиты, так красочно воспетой в Авесте. К этой категории относятся женские статуэтки из поселения Кия-

табад. За пределами Хорезма прямых аналогий киятабадским терракотам нам найти не удалось. По общему облику и отдельным элементам киятабадские статуэтки могут быть сопоставлены с переднеазиатскими изображениями. Трактовка нижней части женской фигуры в виде колонны в Передней Азии восходит к концу эпохи бронзы. Колоннообразные терракоты известны в ассириовавилонской и архаической греческой коропластике, особенно в переднеазиатских и малоазиатских центрах [11, р.5]. Обычно эти фигурки связываются с идеей воплощения божества в стволе дерева. Обожествление дерева было присуще, видимо, и древним хорезмийцам. Об этом свидетельствует фрагмент рельефа на фляге из Кой-Крылган калы, на котором изображено священное дерево и две газели [7, с.202, рис.75,2]. Отмечавшиеся переднеазиатские параллели могут свидетельствовать о направлении культурных связей Хорезма, тяготевших к высокоразвитым земледельческим районам. Это показывает достаточно высокий уровень развития самого Хорезма.

Однако, несомненно и своеобразие хорезмийских терракот, отличающихся от изделий мелкой пластики других центров. В Хорезме уже в это раннее время вырабатывается свой особый стиль, устойчиво сохранившийся и позже, включая позднеантичный период, на что обращали внимание С.П. Толстов и М.Г. Воробьева [5, с.146] при анализе терракот Хорезма. Описанные статуэтки, изготовленные при помощи штампа, фигурки, передающие застывшие канонизированные образы

женской богини - Анахиты, возможно связаны с определенными культовыми верованиями.

Передавая облик женских фигур прошлого, терракотовые статуэтки богини из Киятабада, наряду с подобными произведениями коропластики Согда и Бактрии, являются бесценным материалом по истории искусства народов Востока. Созданные мастерами-керамистами, они отвечали запросам и вкусам широкого потребителя и в определенной мере отражали уровень развития духовной культуры народных масс.

Археологическое обследование показало, что раннеантичное поселение Киятабад в три раза превосходило по площади размеры сохранившегося в настоящее время памятника. На существование развалин к северо-востоку и юго-востоку от поселения прямо указывают местные старожилы, находившие на них керамическую посуду. Они же помнят оборонительную стену, окружавшую эти развалины, сложенные из крупного квадратного сырца. Нужно полагать, что Киятабад в прошлом был укрепленным поселением и найденные на нем археологические материалы ярко демонстрируют урбанизированный характер древнехорезмийского общества в античный период.

Дальнейшие исследования Киятабадского поселения дадут новые материалы для изучения истории и культуры древнего Хорезма. В то же время этот памятник требует к себе более внимательного отношения.

Литература

- Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»). Советская Археология. М., 1965, №3
- Воробьева М.Г. Изображение льва на ручках сосудов из Хорезма. КСИЭ, вып.30. М., 1958
- Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода. ТХАЭЭ, т.4. М., 1959
- Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. Материалы Хорезмской экспедиции (МХЭ), вып.6. М., 1963
- Воробьева М.Г. Ранние терракоты древнего Хорезма. История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968
- Итина М.А. Женская статуэтка эпохи бронзы из Хорезма. КСИЭ, вып.30. М., 1958
- Кой-Крылган кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э.-IV в. н.э. ТХАЭЭ, т.5. М., 1967
- Мамбетуллаев М. Хумбузтепе - керамический центр Южного Хорезма. Археология Приаралья, вып.2. Ташкент, 1984
- Perrot N. Les representations do lardre sacre sur les monuments de Mesopotamie et d'Elam. Paris, 1937
- Пугаченкова Г.А. Коропластика древнего Мерва. Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1962
- Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. ТХАЭЭ, т.6. М., 1971
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э.-VII в. н.э. Самарканд-Ташкент, 2000
- Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969
- Шукурова Ш.М. К анализу принципов иконографии в изобразительном искусстве Средней Азии. Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.

О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ДВУХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ НАРУЧНЫХ БРАСЛЕТОВ СУРХАНДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Древнюю металлообработку Южного Узбекистана эпохи бронзы характеризуют коллекции изделий двух археологических культур – сапаллинской древневосточной и кучуктепинской лепной росписной керамики, которые были открыты во второй половине прошлого столетия в Сурхандарьинской области /Аскар, 1973; Аскар, Альбаум, 1979/. Дополняют эти материалы небольшая серия единичных случайных находок разной культурной принадлежности. Среди них два браслета, найденные в Сурхандарье в 1978 г. (рис.1). Форма браслетов и материал (круглая в сечении проволока), из которого они были сделаны, свидетельствуют об их культурной связи с бронзами земледельческих древневосточных памятников (возможно, сапаллинской культуры). Вместе с тем, обращаясь к металлургическим и химическим показателям находок, выявляются весьма любопытные и интересные факты, связанные с их изготовлением.

В предлагаемом сообщении мы попытаемся решить некоторые вопросы историко-металлургического характера, используя результаты спектроаналитического исследования браслетов и сравнительного анализа с данными химического состава изделий аналогичных украшений, встречаемых в памятниках бронзового века Южного Узбекистана и сопредельных территорий¹. Вначале опишем химический состав металла браслетов.

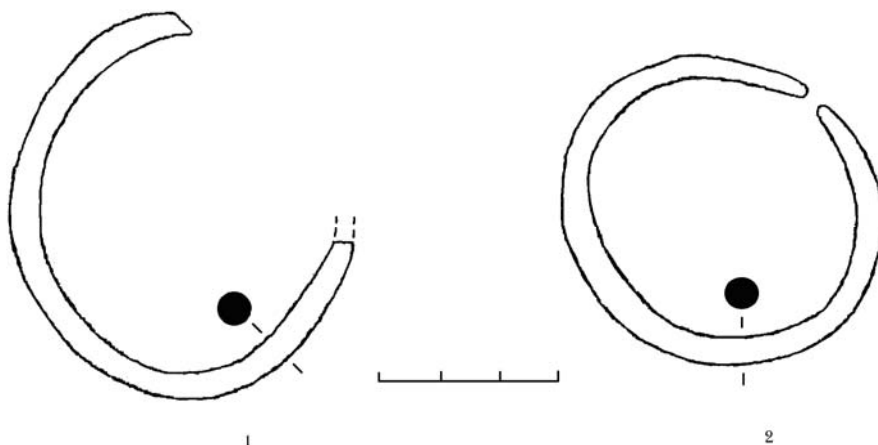
Судя по данным спектрального анализа (табл. 1), проведенного в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН РФ, браслеты изготовлены из бинарных оловянистых бронз. Кроме олова, в сплавах зафиксированы свинец, мышьяк, железо, никель и кобальт в небольших концентрациях – от сотых до 0,25%. Очень низки содержания висмута и серебра – менее 0,005%. В одном браслете определены в тысячных долях сурьма и золото, в другом эти примеси не установлены. В металле обоих образцов отсутствует цинк.

Сравнивая браслеты между

собой можно отметить их различие по ряду примесей. Так, в одном образце сурьма и золото отсутствуют, в другом – они есть, правда, в очень небольшом количестве. Заметна разница в содержании мышьяка, никеля и особенно олова. Все это говорит о том, что украшения были изготовлены из различных слитков, легированных оловом: в одном из них концентрация этой примеси достигала 20%, в другом – она превышала 30%.

Проведем сравнительный анализ состава сурхандарьинских браслетов с металлом памятников эпохи бронзы Узбекистана и сопредельных культурно-исторических областей. В химическом плане один из них обнаруживает сходство в изделиях группы КМ II (кызылкумская), выделенной нами в коллекциях культур Средней Азии второй половины II тыс. до н.э. /Рузанов, 1982/. Второй экземпляр относится к этой химической группе условно. Отметим, что металл группы КМ II, который встречается в Северо-Западном, Центральном и Южном Узбекистане, а также в Южной Туркмении, связывается с металлургическими производствами степных культур андроновской общности, базировавшихся на сырье рудных источников Кызылкумских гор.

Теперь сравним рецептуру сплавов находок из Сурхандарьи и браслетов земледельческих племен и степного пастушеского населения. Изученная металлическая коллекция, происходящая из древневосточных памятников южного Узбекистана, включает разные виды изделий – оружие и орудия труда, украшения, посуду, культовые и другие предметы. Среди украшений имеются проволочные браслеты разных типов: кольцевидные гладкие или ложновитые, круглые с разомкнутыми или заходящими друг на друга концами².

¹Работа подготовлена с поддержкой Фонда поддержки фундаментальных исследований АН РУз (грант №171-04).

Таблица 1. Результаты спектрального анализа металла браслетов Сурхандарьинской области

Лабор. №	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
18762	Основа	20,0	0,04	-	0,002	0,0005	-	0,07	0,25	0,02	0,02	-
18763	Основа	30,0	0,06	-	0,005	0,004	0,002	0,2	0,1	0,15	0,05	0,001

Примечание. Анализ 18762 – рис.1:1; ан.18763 – рис.1:2. Знак « > » - больше, « < » - меньше.

Состав металла 57 образцов был нами изучен. В металлургическом отношении браслеты культуры Сапалли подразделяются на 6 групп: оловянистые, свинцовистые, мышьяковистые, оловянно-свинцовистые, свинцово-мышьяковистые сплавы и чистую медь. Среди них ведущими рецептами были оловянистые бронзы (36,8% от общего количества браслетов) и чистая медь (33,3%). В оловянистых бронзах концентрация олова чаще всего фиксируется в пределах от 1 до 7%. Высокое содержание олова (от 10 до 14%) в этой категории украшений было отмечено лишь в 5 случаях.

Кузнецы-литейщики среднеазиатских металлургических центров степных племен делали браслеты из желобчатой пластины. В этой коллекции украшений исследован состав 88 экземпляров. Поделочным материалом для них чаще всего служили бинарные оловянистые бронзы, содержащие 1-8% олова. Браслеты с повышенным оловом (более 10%) найдены в инвентаре могильников Гуджайли (1 экз.), Чакка (4 экз.) и ранний Аруктау (1 экз.), а также погребений Искандер и Аурахмат (3 экз.). Кроме того, высокое содержание олова зафиксировано в браслетах, сделанных из сложных оловянно-сурьмяно-мышьяковистых и оловянно-свинцово-сурьмяно-мышьяковистых сплавов, могильников Муминабад (6 экз.) и Дашти-Кози (4 экз.).

В культурах лепной росписной керамики браслеты представлены гораздо меньшим количеством³. Сегодня мы имеем сведения лишь о 3 таких украшениях. Среди них фрагмент желобчатого браслета, найденный на Дальверзине /Рузанов,

1999/. Два других изделия, сделанные из полукруглой в сечении проволоки, были обнаружены в слоях Кучук П одноименного поселения /Аскарлов, Альбаум, 1979/. Дальверзинский браслет оказался изготовленным из оловянистой бронзы с низким оловом (2%). Кучукские украшения отлиты из оловянистой и оловянно-свинцовой бронзы с большим оловом (13 и 19%).

Исходя из приведенных выше технологических данных с большей уверенностью можно говорить о том, что хотя по форме случайные находки браслетов из Сурхандарьи характерны для древневосточной металлообработки, однако в металлургическом и химическом отношении они близки к аналогичным украшениям степных культур. Особенно такое сходство проявляется с металлом федоровских племен, который также характеризуется большим количеством высокооловянистых бронз. Важно также отметить, что химический состав исследованных браслетов указывает на импортный характер материала, из которого они были изготовлены. Его источники, скорее всего, находятся в Кызылкумских горах на северо-западе Узбекистана. Таким образом, учитывая типологический, технологический и химический показатели сурхандарьинских браслетов можно предположить, что они были сделаны на месте из импортного сырья и, видимо, в федоровское время. Эти находки являются еще одним свидетельством взаимодействия племен с разными хозяйственно-производственными и культурными традициями в Средней Азии в эпоху бронзы. Кстати, на это не раз указывали исследователи бронзовых культур среднеазиатского региона.

Литература

- Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
 Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
 Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа / Атореф. дисс.... канд. ист. наук. МГУ. Москва, 1982.
 Рузанов В.Д. Еще раз о хронологии чустской культуры Ферганы // РА. №4. Москва, 1999. С.24-37.

²Один из рассматриваемых в данной работе браслетов относится к типу круглых с разомкнутыми концами. К сожалению, другой образец дошел до нас в фрагментарном состоянии, что затрудняет определить его тип.

³Очевидно, это связано с неизученностью могильников данного круга памятников, которые, как известно, намного богаче украшениями, чем поселения. Думается, что браслеты были также популярны и у племен с лепной крашеной керамикой.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТОПОРАХ-КЕЛЬТАХ СЕВЕРНОГО УЗБЕКИСТАНА

Серия находок топоров-кельтов из Узбекистана небольшая. Таких орудий известно 8, все они были обнаружены вне комплексов и происходят из северных районов республики. Из них химически изучены 4 изделия: два безушковых кельта из Джизакской и Сырдарьинской областей и два двуушковых кельта с неясным местом находки. Характеристике металла последних двух орудий посвящается настоящая работа. Рассмотрим данные изделия.

Кельт двуушковый, литой, прямоугольный в сечении с валиком по краю втулки и расширенным лезвием /рис.1:1/. Сечение втулки прямоугольное. Фаски кельта украшены литым Г-образным орнаментом, который, по мнению В.И. Спришевского (1974, с.62), несет изображение «топора-кельта». На боковых гранях под ушками имеется по одному округлой формы отверстию. В одном ушке, из-за литейного брака, сквозное отверстие отсутствует. Длина орудия 98 мм., втулки 62 мм. Точное место находки не известно. А.И. Тереножкин (1950, табл. XVI. 5, с.153) считает, что он происходит из Ташкентской области, по мнению В.И. Спришевского – из Ферганы. Исследователи (Тереножкин, 1950, с. 153; Ставиский, 1955, с. 127; Литвинский и др., 1962, с. 215; Кузьмина, 1966, с. 22) сопоставляют этот кельт с минусинскими кельтами III группы по классификации М.П. Грязнова (1941, с. 264,265) и относят его ко второй четверти I тыс. до н.э.

Кельт двуушковый, литой, прямоугольный в сечении с трапециевидной фаской и расширенным лезвием /рис.1:2/. Сечение втулки прямоугольное. Одна из боковых сторон, в зоне размещения ушка, сплюснута отчего фас кельта асимметричен. Длина орудия 105 мм., втулки 63 мм. Точное место находки данного кельта также не известно. Полагают, что он был найден в Ташкентской области (Тереножкин, 1950, табл. XVI.7, с. 153) или Фергане (Спришевский, 1974, с. 62-63). А.И. Тереножкин (1950, с. 153) и Б.Я.Ставиский (1955, с. 127) сопоставляют это орудие с минусинскими кельтами III группы, выделенной М.П. Грязновым (1942, с. 264, 265), которые датируются тагарской эпохой. По мнению Б.А.Литвинского (1962, с. 215), кельт можно сопоставить не с III, а с IV группой минусинских кельтов и датировать серединой или третьей четвертью I тыс. до н.э. Е.Е. Кузьмина (1966, табл. IV, 11, с. 20-22) относит это орудие к эпохе раннего железа.

Теперь обратим внимание на химический состав металла кельтов /таблица 1/.

Результаты рентгеноспектроскопического анализа, проведенного на кафедре археометаллургии в Техническом университете г. Фрайберге, показали

насыщенность элементами-примесями металла орудий. При этом выявилась однородность их химического состава. За исключением олова, процентное содержание прочих, учитываемых нами, примесей в изученном металле примерно одинаково. В качестве элементов-примесей здесь присутствуют в десятых долях процента свинец, сурьма и мышьяк. Количество цинка, висмута, серебра и железа не превышает сотых, а кобальта и золота тысячных долей процента. При этом обращает на себя внимание разница в содержании олова; в одном кельте /рис.1:1/ концентрация этой примеси равна 6,6%, в другом /рис.1:2/ количество олова маленькое и составляет менее 0,005%.

Полученные аналитические данные могут свидетельствовать о едином источнике металла, из которого сделаны исследованные кельты. Однако в технологическом плане они различаются между собой. Для их изготовления были использованы два металлургических рецепта: первый – оловянистая бронза с низким содержанием олова /6,6%/; второй – медный сплав не содержащий каких-либо искусственных легирующих добавок или другими словами «чистая» медь.

Насколько нам известно, ранее вопрос о происхождении данных топоров-кельтов исследователями не ставился. И это понятно, так как морфологическая близость к ним экземпляров, распространенных в памятниках северных областей, и отсутствие результатов анализов химического состава изделий все это не позволяло делать заключения о том, появились ли данные орудия в фергано-ташкентском регионе в результате импорта или же они были изготовлены местными кузнецами. Опираясь на

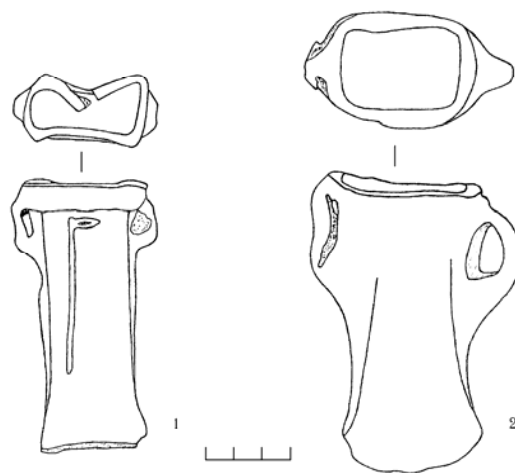

Рис. 1. Топоры-кельты Северного Узбекистана.

Таблица 1. Химический состав топоров-кельтов Северного Узбекистана

№ лаб	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
30	91%	6,6	0,18	<0,1	0,016	0,07	0,286	0,208	<0,05	<0,01	<0,005	<0,01
31	98%	<0,005	0,11	<0,1	0,013	0,047	0,159	0,31	0,1	<0,01	0,007	<0,01

Примечание. Анал. №30 – рис.1:1; анал. №31 – рис. 1:2. Знак «<» - меньше.

данные анализа мы попытаемся высказать некоторые суждения на этот счет. Для сравнения мы привлекли анализы кельтообразных орудий и других изделий из памятников степных племен и культур лепной росписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа Северо-Восточного Узбекистана, Северного Таджикистана и Киргизии, а также более отдаленных /Южная Сибирь/ территорий.

Сопоставление аналитических данных североузбекистанских топоров-кельтов с южносибирскими (Гришин, 1960, табл. 4) и киргизскими (Кузьмина, 1966, таблица) показывает их химическую разницу. Для киргизского и минусинского металла этого времени характерно присутствие небольшого содержания /следы/ или же отсутствие сурьмы и висмута. Кроме того, в киргизских находках установлена малая концентрация мышьяка / к сожалению, в таблицах химических анализов тагарских бронзовых изделий, приведенных Ю.С. Гришиным, сведения о содержании мышьяка отсутствуют/. В металле североузбекистанских кельтообразных орудий данные примеси представлены более высокими концентрациями /сотые и десятые доли процента/. Такие расхождения свидетельствуют о том, что исследованные узбекистанские кельты не были связаны с выше указанными северными производственными центрами.

Медные и бронзовые изделия с аналогичными химическими характеристиками разбираемых вещей известны в материалах памятников степных и оседлоземледельческих племен фергано-ташкентского региона. К ним относится металл химических групп ЧК I и ЧК III /чаткало-кураминские/, которые выделены в коллекциях предметов кайраккумской, чувстской и бургулюкской культур, а также в комплексах погребений Искандер и Аурахмат (Рузанов В.Д., 1980; он же. 1982). Эти группы связываются с

местными производствами и их рудные источники располагаются в Ферганском /месторождение Варзык, в геохимии его руд находит химическое сходство группа ЧК I/ и Чаткало-Кураминском/ месторождение «Возрожденное», с которым могла быть связана группа ЧК III/ горнорудных районах. Химические параллели проанализированных кельтов также прослеживаются в группе ВУ /волго-уральская/, чей металл, на наш взгляд, был связан либо с производственными центрами Западного Узбекистана, базировавшихся главным образом на рудных источниках Кызылкумских гор, либо с металлургическими производствами Центрального и Восточного Казахстана с их собственными источниками сырья. Однако в Ферганской и Ташкентской областях эта группа, в отличие от групп ЧК I и ЧК III, представлена небольшой серией и поэтому она вряд ли может быть использована для привязки рассматриваемых топоров-кельтов.

Итак, анализы химического состава топоров-кельтов Северного Узбекистана позволяют сделать следующие выводы. В раннем железном веке данные орудия отливались из оловянистой бронзы и «чистой» меди. Скорее всего, рассмотренные орудия являлись продукцией местных производственных центров, мастера которых делали их по заимствованным образцам. Сырьем для кельтов служил металл, выплавленный из руды обогащенной сурьмой и мышьяком, и обедненный такими микропримесями, как висмут, серебро, никель, кобальт, железо и, возможно, олово. К этому добавим, что данная категория древних орудий труда с территории Узбекистана по некоторым своим показателям / например, технологии изготовления/ остается неясной и требует дополнительного изучения.

Литература

- Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху //МИА.№90. Москва,1960.С.116-206.
 Грязнов М.П. Древняя бронза минусинских степей // Тр. ЭОИПК. Т.1. Ленинград, 1941.С237-271.
 Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ. Вып. В4-9. Москва,1966.
 Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов /Древнейшая история Северного Таджикистана/. Душанбе,1962.
 Рузанов В.Д. К вопросу о металлообработке у племен чувстской культуры // СА. №4. Москва,1980. С55-64.
 Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа /: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. МГУ. Москва,1982.
 Спришевский В.И. Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы. Ташкент,1974.
 Ставиский Б.Я. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже //КСИИМК. Вып.60. Москва.,1955. С.125-128.
 Тереножкин А.И. Согд и Чач /: Автореф. дисс.... канд. ист. наук// КСИИМК. Вып. 33. Москва,1950. С.152-169.

К НОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОЙ ИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНЕТ ЧАЧА

Нумизматические материалы, в частности древнетюркские монеты Чача эпохи раннего средневековья, имеют важное историческое значение в качестве одного из источников по социально-политической и культурно-экономической жизни данного оазиса этого периода.

Древнетюркские монеты Чачского оазиса, относящиеся к раннему средневековью, подразделяются на две основные группы: 1) без тюркских титулов, выделенных по иконографическим особенностям оформления; 2) с тюркскими титулами, переданными согдийским письмом.

Древнетюркские монеты данного региона без тюркских титулов выделяются разными типами. Среди них имеются монеты, легенды на которых еще полностью не прочитаны или же требуют уточнения. Одной из таких монет, с тамгой в виде двух полукружий, обращенных друг к другу выпуклыми сторонами и соединенных двумя параллельными линиями (*Rv*), вызывает большой интерес своими крупными размерами и иконографией, посвящена данная статья.

Не смотря на то, что, данная монета не вошла в «Сводный каталог согдийских монет. Бронза» (1981) О.И. Смирновой, она ранее была опубликована К. Абдуллаевым в его статье «Археологическое изучение городища Канка (1969-1972)» (1975) и была определена как одна из монет «тюркских правителей Чача» (1, с. 151, рис. 9, 5). Одна монета этого типа была опубликовано Э. В. Ртвеладзе в статье «Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача» (1982). В этой статье впервые было дано чтение легенды на этой монете, предложенное В. А. Лившицом в форме [MR?]'Y βy'rtprnk – «государь Вийартфарнак» (4, с. 33, рис. 1, 12, с. 36). А также, со стороны Э.В. Ртвеладзе в журнале «Монеты Центральной Азии» (№ 6, 2002) и в его книге «Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана» (Т., 2002) чтение легенды предложено в виде β/ywr ya/črk č'čynk γwβw - «Биаруирак (?) Чачский государь» (6, 47-48; 5, с. 264). По всей вероятности, такое чтение монетных легенд объясняется плохой сохранностью найденных на то время экземпляров.

В последнее время на территории Ташкентского оазиса найдены десятки экземпляров монет этого типа. Сравнение монетных легенд, как

на ранее известных экземплярах, так и на новых, позволило нам восстановить ее в следующем виде:

Av. В круге из крупных точек погрудное изображение правителя в *en face* в плоском шлеме, увенчанном полумесяцем на двух ножках. Правитель имеет продолговатое лицо с полными губами, округлыми глазами с круглыми зрачками. На шее гривна с круглым украшением в центре.

Rv. В центре тамга в виде двух полукружий, обращенных друг к другу выпуклыми сторонами и соединенных двумя параллельными линиями, в окружении согдийской легенды: *pny 'krty c'cynk γwβw n/zyrt* – «пани акарти чачинак хвабу *n/zyrt*» («Деньга сделанная Чачским правителем *n/zyrtom*»). Д.: 25-28 мм. В.: 3,8-4,2 г. (рис. 1, 1-10), (5, с. 265; 9, 35, №52; 10, Ch5; 11, 17200, 12965; частн. коллекции).

Примечание: На многих экземплярах направление легенды против часовой стрелки, на некоторых по часовой стрелке (рис. 1, 9), на других она зеркальная. А также, имеются различия в размерах тамг.

Данная легенда состоит из пяти слов. Первое слово легенды – это *pny* - деньга, которое представлено не только на монетах Чача, но и на монетах Согда и тюргешей. Второе - *'krty* «сделанный, сделал» причастие прошедшего время от глагола *kr* «делать» в согдийском языке (3, с. 202; 7, р. 32). Очень важно заметить что, это первое употребление данного слова на согдоязычных монетах. Однако, параллель этому имеется на тохаристанских монетах с бактрийской легендой, чеканенных со стороны тюркских правителей, где также отмечено слово «KIRΔO» с тем же значением (2, с. 213; 8, р. 199). Третье слово легенды - *c'cynk* прилагательное «Чачский». Четвертое - *γwβw* «хвабу» означает «правитель» и встречается на многих согдоязычных монетах. Пятое же слово - *n/zyrt* по всей вероятности является личным именем.

Тамга, нашедшая отражение на монетах этого типа, встречается на ряде чачских монет эпохи раннего средневековья. В частности, на монетах прочитанных В. А. Лившицом как *pny žčny' by* «деньга «Шчаниябаг» (По нашему мнению на монетах этого типа легенда читается не как «пани Шчаниябаг» («деньга Шчаниябага»), а как «пани чачинак...» («...Чачская деньга»), *prnk(t)* –

Фарнкат (4, с. 36), и Э. В. Ртвеладзе как *twpnwknd* – Тунканд (5, с. 262-263), имеется тамга этого типа. Монета, которая является объектом данного исследования, отличается от других только своим диаметром, весом, палеографическими и иконографическими особенностями. А также, заслуживает внимания такой факт, что данная тамга, имеет общее сходство с тамгами, которые встречаются на группе монет чеканившихся в раннем средневековье в Бухарском оазисе. Нали-

чие схожих тамг на монетах как Бухарского, так и Чачского оазиса, возможно связано с тюркскими династиями, правящих в обоих оазисах. Интересен также и такой факт, что на некоторых бухарских и чачских монетах, с тамгой этого типа встречаются изображения правителей как с монголоидными, так и с европеоидными чертами, но большинство их имеют смешанные черты. На сегодняшний день бухарские монеты с этой тамгой датируются ранее, чем чачские. Но это не позволяет с полной уверенностью говорить о влиянии чекана Бухары на чачский, или же об его самостоятельном происхождении.

Надо отдельно отметить то, что монеты этого типа по сравнению с другими раннесредневековыми монетами Чача имеют больший размер и вес. Это, скорее всего, свидетельство их большей стоимости по отношению к другим монетам. Так как известно, что большинство чачских монет этого периода имеют вес 1,5-2 гр., при диаметре 1,2-2,5 мм. А также факт наличия на монетах этого типа именно выражения *акарти пани* «деланная монета», не является ли свидетельством того, что они специально были выпущены чачскими правителями и имели большую стоимость, чем другие?

На основании вышеприведенных фактов можно сделать вывод, что монеты этого типа были выпущены представителями династии занимавшей высокое положение в Чачском оазисе и имеющей важное значение в экономической и торговой жизни этого края.

Использованная литература

- Абдуллаев К. Археологические изучения городища Канка (1969-1972) // ИМКУ, вып. 12, Ташкент, 1975.
- Баратов Л.С. Древнетюркский нумизматический комплекс (современный уровень и перспективы изучения) // Из кн. *Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда*. Тошкент, 2005.
- Лившиц, Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. М., 1962
- Ртвеладзе Э.В. Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача // ОНУ, № 8, Ташкент, 1982.
- Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Том 1. Ташкент, 2002.
- Ртвеладзе Э.В. Монеты. Туноканда (Тунката) и других владений // *Нумизматика Центральной Азии*. Ташкент, 2002.
- Gharib B. *Sogdian Dictionary*. Tehran, 1995
- Sims-Williams N. *Bactrian Documents from Northern Afghanistan. I: Legal and Economic Documents*. New-York, 2000
- 100 coins from collection of the National Bank of Uzbekistan. *Catalogue of Antique and Medieval Coins of Central Asia*, vol. II, T., 2000
- <http://www.sogdcoins.narod.ru>
- <http://www.zeno.ru> – Pre-Islamic Central Asia, Chach, Farankat (Benakan)

КОМИЛ АДИЛОВИЧ АЛИМОВ

10 мая 2006 года скоропостижно скончался известный в Республике археолог и музеевед, научный сотрудник Института археологии Академии наук Республики Узбекистан Комил Адилевич Алимов.

Комил Адилевич родился 17 ноября 1945 года в г. Ташкенте в семье служащего. Сразу после окончания средней школы и вплоть до призыва в армию, работал в Институте истории и археологии. Служба в армии не повлияла на его убеждение стать историком и он опять поступает в Институт истории и археологии и, как говорили раньше, без отрыва от производства заканчивает исторический факультет Государственного педагогического института им. Низами.

Жизнь любого ученого - это поиск. За внешней романтикой часто скрывается тяжелейший труд, огромные физические усилия, поиск, срывы, неудачи, бессонные ночи и удивительное чувство причастности к далекому прошлому, когда разрозненные находки, догадки выстраиваются в цепь доказательств, помогающих раскрыть то или иное историческое явление. В сторону уходит все – семейные заботы, безденежье, болезни ради новых открытий.

Именно таким человеком, неутомимым исследователем был Комил Адилевич Алимов. Еще

мальчишкой – девятиклассником он начал ездить в археологические экспедиции. Впервые вместе со старшим братом Уткуром Алимовым он едет в Фергану, где в это время проводились раскопки на городище Кува. Большое влияние на него оказало знакомство и работа под руководством таких выдающихся ученых как Яхья Гулямич Гулямов, Михаил Михайлович Герасимов, Алексей Павлович Окладников. Обладая живым умом, острой наблюдательностью, необычайной коммуникабельностью, организаторскими способностями Алимов Комил Адилевич всегда становился незаменимым участником экспедиций. Его дружеская поддержка, готовность прийти на помощь в любую минуту, умение найти нужные слова облегчали трудности любой экспедиции. Он всегда умел найти выход из самой трудной, казалось бы безнадежной ситуации.

Вся его жизнь была теснейшим образом связана со Средней Азией. И он любил свой край. Неудивительно, что после службы в рядах Советской Армии, в районе озера Балхаш, он поступает на истфак ТГПИ им. Низами, который закончил в 1973 году. Кстати, К.А. Алимов во время службы проявил себя с хорошей стороны, за что неоднократно получал благодарности командования и со многими однополчанами дружил и встречался до последних дней.

Одновременно с учебой в институте Комил Адилевич активно участвовал в археологических экспедициях.

С 1971 по 1981 гг. К.А. Алимов – младший научный сотрудник Музея истории народов Узбекистана им. М.Т. Айбека АН Узбекистана. Участвует в реэкспозиции музея. До сих пор, например, пользуется популярностью его реконструкция науса с зороастрийскими оссуарными захоронениями внутри. Часто выезжает на сборы археологических и этнографических материалов. Все более и более сферой его интересов становится Ташкентская область. Поэтому вполне последовательным становится его следующий шаг, когда в 1981 году он переходит на работу в Институт археологии АН РУз в отдел работ на новостройках, возглавляемый тогда Юрием Федоровичем Буряковым. С тех пор, почти 25 лет, его научная деятельность была теснейшим образом связана с Институтом археологии, дружбой и сотрудничеством с Ю.Ф. Буряковым, Х. Дуке и другими учеными.

Удивительно, но К.А. Алимов успел поработать на раскопках практически всех регионов нашей республики от Ферганы до Хорезма. Он уча-

ствовал в археологических обследованиях в составе таких отрядов как Кувинский (нач. В.А. Булатова), Чустский (нач. В.И. Спришевский), Ферганского палеолитического, Махандарьинского (нач. У.И. Исламов), Мачайского (нач. У.И. Исламов), Каратауского, Обирахматского, Афрасиабского, Ташкентского, Туябугузского, Ходжикентского, Шаш-Илакского (нач. Ю.Ф. Буряков), Западно-Чачского. Сам руководил рядом археологических отрядов – Янгиюльским, Ангрениским, Каварданским.

К.А. Алимов является автором и соавтором нескольких десятков научных и научно-популярных работ. Он прекрасно разбирался в материалах памятников каменного века. Именно им были найдены, а затем переданы М.Р. Касымову первые находки каменных орудий в районе Туябугузского водохранилища. Он хорошо разбирался в материалах средневековой эпохи и этнографии. К.А. Алимов принимал активное участие в составлении Свода археологических памятников Ташкентской области. Большие работы вместе с Х. Дуке, проводилась им по изучению памятников бургулюкской культуры, первых земледельцев Ташкентского оазиса. Ими были открыты поселения бургулюкцев на Кавардане, Кала-и-боло, на городище Сутты.

Но основной темой его исследований становится изучение культуры кочевого населения Ташкентского оазиса. Им изучаются курганные могильники и наземные склепы в окрестностях Кавардана, Алмалыка, Ангрена, Буки, Паркента, Янгиюля. Он прекрасно понимал, что археологические исследования памятников каунчинской культуры требуют, наряду с изучением структуры, стратиграфии, планиграфии каждого городища, вскрытия его некрополя. Только здесь можно получить важные факты по социальной структуре общества, его технического развития и, конечно, по его религиозным представлениям. Без этих материалов, важной составляющей любой культуры, рассмотрение этнокультурных процессов невозможно.

Вместе с тем, раскопки курганных, наземных и оссуарных захоронений он сочетал с изучением сельских поселений и городских центров, прежде

всего, Кавардана в восточной части Ташкентского оазиса. Такой комплексный подход к историко-культурному наследию был характерен для исследовательской деятельности К.А. Алимова. Результаты этих работ находят отражение в отдельных статьях и в коллективной монографии «Древности Туябугуза» и «Древняя и средневековая культура Чача».

В конце 80-90-х гг. К.А. Алимов в течение нескольких лет каждую осень выезжал в Подмоскovie, где участвовал в поиске и перезахоронении воинов-узбекистанцев, погибших в боях за оборону Москвы в 1941 году. В последние годы, несмотря на пошатнувшееся здоровье, большое сердце, он активно участвовал в работах международных экспедиций – Узбекско-Германской экспедиции в Карнабе (Навоийская обл. 1997-1999 гг.), Узбекско-Российской экспедиции (Институт археологии АН РУз и Института археологии и этнографии СО РАН) в Обирахмате (1998-2005 гг.).

К.А. Алимов обладал острой природной наблюдательностью, тонким чувством земли, что делало его прекрасным полевиком. За годы работы он накопил огромный опыт, бесценные наблюдения и знания. Но, к сожалению, он все откладывал написание обобщающей работы, тянул со своей диссертацией, все хотел добрать материал, уточнить какие-то детали, факты, явления. Все шутил, что впереди еще много времени.

Он вообще, удивительно быстро умел найти общий язык и поддержку и в органах власти и среди местных жителей в любом районе, где работал. У него всегда появлялись там друзья, с которыми он потом многие годы поддерживал дружеские отношения.

К.А. Алимов был удивительным собеседником, обладал редким даром – умением слушать и сопереживать. Его всегда отличало человеколюбие.

К.А. Алимов был заботливым семьянином. У него была большая дружная и крепкая семья. Он тепло и нежно относился к жене и детям.

Для тех, кто знал или работал с ним, он был и останется в памяти настоящим ученым и другом.

Ю.Ф. Буряков, Г.И. Богомолов, А.А. Грицина

**СПИСОК
основных научных публикаций К.А. Алимова**

- Исследования в зоне Туябугузского водохранилища // АО 1972 г. М., 1973. С. 478-479 (соавторы Ю.Ф. Буряков Э.Ю. Бурякова).
- Работы в Ташкентской области // АО 1973 г. М., 1974. С. 478-479 (Э.Ю. Бурякова, Ю.Ф. Буряков).
- Работы в Ташкентской области // АО 1974 г. М., 1975. С. 495-496 (соавторы Ю.Ф. Буряков, Э.Ю. Бурякова, Х. Дуке).
- Исследования в Ташкентской области // АО 1975 г. М., 1976. С. 524-525 (соавторы Ю.Ф. Буряков, Х. И. Дуке).
- Погребальные сооружения // Древности Туябугуза. Ташкент, 1978. С. 113-120 (соавтор Ю.Ф. Буряков).
- Раскопки городища Кавардан // АО 1978 г. М., 1979. С. 542 (соавтор У. Алимов).
- Раскопки погребальных сооружений в Ташкентской области // Там же. С. 543-544 (соавторы Ю.Ф. Буряков, В. Гришин).
- Памятники скотоводов Чача (курганы каунчинской культуры в окрестностях Кавардана) // Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979. С. 52-58.
- Раскопки на городище Кавардан // ОНУ. 1979. № 8. С. 30-32 (соавтор У. Алимов).
- Кабарна харобаларида // Фан ва Турмуш. 1980. № 3. С. 14-15 (соавтор У. Алимов).
- Погребальные сооружения Кавардана // ИМКУ, вып. 18, Ташкент, 1983. С. 201-209 (соавтор У. Алимов).
- Погребальные сооружения Кавардана // Тезисы докладов научной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии» (26-29 мая 1985 г. Дальверзинтепе). Ташкент, 1985. С. 10-11 (соавтор У. Алимов).
- Каунчинские печати // ИМКУ, вып. 20. Ташкент, 1986. С. 36-45 (соавтор А.А. Грицина).
- Памятник каунчинской культуры в Кавардане // ОНУ, 1988, № 11 (соавтор Х. Дуке).
- Некоторые итоги исследования в 1986-1987 гг. курганов каунчинской культуры // Я.Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. Тезисы докладов. Ташкент, 1988. С. 14-16 (соавтор Х. Дуке).
- Кавардан науси // ОНУ. 1989. № 12. 42-т
- Археологические исследования на Кавардане в 1985 г. // ИМКУ, вып. 23. Ташкент, 1990. С. 79-83 (соавтор Х. Дуке).
- О результатах исследования на Безымянном тепе № 1 в Янгиюле // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990. С. 179-185 (соавтор Х. Дуке).
- Археологические исследования курганов каунчинской культуры в 1986-1987 гг. // Там же. С. 214-227 (соавтор Х. Дуке).
- Кавардондаги топилган остодан // ОНУ. 1991. № 11. С. 63-64 (соавтор У. Алимов).
- Некоторые итоги исследования Каварданского могильника в 1988 г. // Времен связующая нить (по материалам музейных фондов). Ташкент, 1992. С. 59-68 (соавтор Х. Дуке).
- Каварданский наус // ИМКУ, вып. 26. Ташкент, 1992. С. 105-108 (соавтор Х. Дуке).
- Очажные подставки с Эгар и Куруктепе // ИМКУ, вып. 27. Самарканд, 1996. С. 161-166 (соавтор Г.И. Богомолов).
- Кавардан харобасидаги казиш ишлари ва бургулюк маданиятининг баъзи муамолари // ОНУ. 1996. № 11-12. 84-т (соавтор Г.И. Богомолов).
- Кочевники Бухары и Чача // Тезисы докладов, посвященных 2500-летию Бухары и Хивы. Ташкент, 1997. С. 19-21 (соавтор Г.И. Богомолов).
- Prehistorischer Zinnbergbau in Vittelasiens. Vorbericht der ersten Kampagne 1997 // Eurasia Antiqua. Band 4 (соавторы N. Boroffka, M. Bubnova, Ju. Burjakov, J. Cierny и др.).
- Research at Karnab, Uzbekistan. Preliminary notes from the 1997 campaign // ИМКУ, вып. 30. Самарканд, 1999. С. 80-87 (соавторы N. Boroffka, Ju. Burjakov, J. Cierny, J. Lutz, H. Parzinger и др.).
- Результаты возобновления исследований грота Оби-Рахмат // Там же. С. 10-14 (соавторы Г.П. Деревянко, У.И. Исламов, В.Т. Петрик, Р.Х. Сулейманов и др.).
- К вопросу об этнокультурных связях кочевников Бухары и Чача // ИМКУ, вып. 31. Самарканд, 2000. С. 164-177 (соавтор Г.И. Богомолов).
- Археологическое изучение городища Шаштепе // Археологические исследования в Узбекистане - 2000 год. Самарканд, 2001. С. 165-171 (соавторы М.И. Филанович, Г.И. Богомолов, Ш.Т. Адылов и др.).
- Археологические работы в Паркентском, Бостанлыкском и Ахангаранском районах Ташкентской области // Археологические исследования в Узбекистане - 2001 год. Ташкент, 2002. С. 76-81 (соавторы

У.И. Исламов, С.Р. Баратов).

Полевые работы по проекту № 00-1030: Климатические изменения в эпоху голоцена и развитие поселений человека в бассейне Аральского моря» // Археологические исследования в Узбекистане - 2003 год. Самарканд, 2004. С. 197-205 (соавторы Т.Ш. Ширинов, С.Р. Баратов, К. Рахимов, Н. Бороффка и др.).

Составил А.А. Грицина

БИБЛИОГРАФИЯ «ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА»

В данном библиографическом указателе приводится вся литература, опубликованная на страницах ИМКУ с 1 по 34 номер включительно. ИМКУ публикует статьи по археологии Узбекистана и Средней Азии, работы по истории искусства и архитектуры, эпиграфике, нумизматике с древнейших времён до XVIII в., а также работы по палеоантропологии и палеозоологии, содержание которых связано с археологией.

Абдиримов Р.А. К изучению памятника Аксачтепа // Вып. 15. Ташкент, 1979. С.79-83.

Абдиримов Р.А. Новые данные о городище Наршахта // Вып. 18. Ташкент, 1983. С.148-153.

Абдиримов Р., Манылов Ю.П. Археологические исследования на Актепа в Бухарском Согде // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 207-221.

Абдиримов К. Қадимги Хоразм илмий мактабнинг бош астроархеологик мезонлари // Вып. 30. Ташкент, 1999. С.123-125.

Абдулахатов Н.У. Риштондан топилган бронза кўза // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.109-130.

Абдулгазиева Б. Шортепа // Вып. 18. Ташкент, 1983. С.126-135.

Абдулгазиева Б. Раскопки на городище Кургантепе // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 60-68.

Абдулгазиева Б. Новые памятники эпохи раннего средневековья в восточной Фергане // Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 66-72.

Абдулгазиева Б. Исследование поселения Чордона // Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 132-137.

Абдулгазиева Б. Археологические памятники Мархаматского района Андижанской области // Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 122-133.

Абдулгазиева Б. К сложению трассы Великого Шелкового пути по южной Фергане // Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 193-200.

Абдулгазиева Б. Раннесредневековая керамика Ферганы // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.184-193.

Абдулгазиева Б. К вопросу о связях Ферганы с Индией в первых веках нашей эры // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.108-112.

Абдулгазиева Б. К изучению структуры древних городов Ферганы // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.36-42.

Абдуллаев Б.М. К изучению оборонительных сооружений Ферганской долины античного периода // Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 43-48.

Абдуллаев Б. Раскопки поздних погребений могильника Джаркутан // Вып. 13. Ташкент, 1977. С.33-40.

Абдуллаев Б. Могильник Джаркутан // Вып. 15. Ташкент, 1979. С. 22-34.

Абдуллаев Б.Н. Новые данные о культуре Сапалли // Вып. 16. Ташкент, 1981. С.18-26.

Абдуллаев Б.Н., Дуке Х. Исследования в зоне Туябугузского водохранилища в 1980 г. // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 28-32.

Абдуллаев Б., Дуке Х.И. Некоторые итоги исследования памятников бургулюкской культуры в 1981-1982 гг. // Вып. 21. Ташкент, 1987. С.11-21.

Абдуллаев К. Два фрагмента люстровой керамики из Бухары // Вып. 15. Ташкент, 1979. С. 76-78.

Абдуллаев К. Стеклянные изделия X-XII вв. из Бухары // Вып. 16. Ташкент, 1981. С.52-57.

Абдуллаев К. О культе Геракла в Бактрии (некоторые вопросы иконографии) // Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 26-34.

Абдуллаев К. Об одном буддийском образе в коропластике Бактрии–Тохаристана // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.60-70.

Абдуллаев К.А. К символике архитектурных деталей на оссуарных рельефах // Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 117-123.

Абдуллаев К.А. Эллинистическая традиция Согда и Бактрии // Вып. 27. Самарканд, 1996. С.52-61.

Абдуллаев К. Художественное стекло Старого Термеза // Вып. 29. Ташкент, 1998. С.129-137.

Абдуллаев К. Эллинистические мотивы в терракотовой пластике Паёнкурмана (северная Бактрия) // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.126-132.

Абдуллаев К. Аск из Паёнкурмана. К вопросу о греческих формах в керамике Бактрии // Вып. 31. Ташкент, 2000. С.78-80.

Абдуллаев К.А. Новые данные об иконографии Геракла // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 96-101.

Абдуллаев К., Аннаев Т. Раскопки на городище Зартепа в 1979-1981 гг. // Вып. 23. Ташкент, 1990. С.12-25.

Абдуллаев К., Раджабов С. Терракотовая плитка с изображением Диониса и Сатира из Кашкадарьи // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.111-114.

Абдуллаев К. Квартал керамистов городища Канка // Вып. 11. Ташкент, 1974. С. 83-92.

Абдуллаев К. Археологическое изучение городища Канка (1969-1972) // Вып. 12. Ташкент, 1975. С.128-154.

Абдуразаков А.А. Особенности химического состава стекол раннесредневекового Согда // Вып. 16. Ташкент, 1981. С.126-130.

- Абдуразаков А.А.** Реставрационные работы на археологических памятниках Узбекистана // Вып. 17. Ташкент, 1982. С.186-190.
- Абдуразаков А.А.** Химические типы древних и средневековых стекол Средней Азии // Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 224-232.
- Абдуразаков А.А.** Химические составы керамики и глазурей архитектурных памятников Узбекистана // Вып. 21. Ташкент, 1987. С.176-189.
- Абдуразаков А.А.** Химические составы ранне-средневековых стекол Средней Азии // Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 205-211.
- Абдуразаков А.А.** Сравнительное изучение химических составов средневековых стекол из разных частей Афрасиаба // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 168-184.
- Абдуразаков А.А.** Исследование химического состава стеклянных изделий из городища Шахрухия // Вып. 27. Самарканд, 1996. С. 210-213.
- Абдуразаков А.А., Азизов Д.** Афросиаб деворий расмларни яратишдаги усул ва услублар // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.151-154.
- Абдуразаков А.А., Джалалова С.** Исследование химических составов древней бытовой керамики юга Узбекистана // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 205-210.
- Абдуразаков А.А., Касымова К.А.** Исследование возможности нового консерванта на основе диизоционата для лёссовых памятников Узбекистана // Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 179-182.
- Абулахатов Н.У.** Риштондан топилган бронза кўза // Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 131-136.
- Абишева Б.Р.** Средневековая керамика из поздних наслоений цитадели Афрасиаба // Вып. 17. Ташкент, 1982. С. 118-123.
- Аванесова Н.А.** У истоков урбанистического Афрасиаба // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.57-68.
- Аванесова Н.А., Ташпулатова Н.** Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры (по материалам исследования могильника Бустан VI) // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 27-36.
- Агзамходжаев Т.** Раскопки погребальных курганов близ станции Вревская // Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 223-235.
- Агзамходжаев Т.** Тюябугузские наусы // Вып. 3. Ташкент, 1962. С. 71-79.
- Агзамходжаев Т.** Осуарные захоронения на окраине Ташкента // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.84-86.
- Агзамходжаев Т.** Бронзовые украшения из Туябугуза // Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 90-95.
- Агзамходжаев Т.** Археологическая разведка в селении Пангаз // Вып.6.Ташкент,1963.С.159-161.
- Агзамходжаев Т.** Подземные каменные наусы около г. Ангрен //Вып.7.Ташкент,1966.С.104-111.
- Адылов Ш.Т.** О короластике Бухарского Со-
гда // Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 65-75.
- Адылов Ш.Т.** Оросительно-дренажная система г. Бухары в древности и средневековье // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.138-144.
- Адылов Ш.Т.** К вопросу происхождения названия «Варахша» и некоторых топонимов и гидронимов Западного Согда // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.180-186.
- Адылов Ш.Т.** Западные окраины Бухарского оазиса на ранних стадиях обживания (VII в. до н.э.- III в. н.э.) // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 72-80.
- Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К.** Новые материалы к изучению рустака Файй // Вып. 27. Самарканд, 1996. С. 128-149.
- Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К.** Из истории древнего города Вардана и владения Обавия // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.150-157.
- Алимов К.А., Богомолов Г.И.** К вопросу об этнокультурных связях кочевников Бухары и Ча-ча // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.164-177.
- Алимов К., Дукее Х.** Археологические исследования на Кавардане в 1985 г. // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 79-83.
- Алимов К., Дукее Х.** Каварданский наус // Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 105-108.
- Алимов У.** Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе // Вып. 8. Ташкент, 1969. С. 105-114.
- Алимов У.** Сад-дворец Тимура Давлат-Абад // Вып. 10. Ташкент, 1973. С. 103-107.
- Алимов У., Алимов К.** Погребальные сооружения Кавардана // Вып.18.Ташкент,1983.С.201-209.
- Алимов У.А., Мирзаахмедов Д.К.** К истории мавзолея Бобой-Порадуз в Бухаре // Вып. 17. Ташкент, 1982. С. 169-186.
- Алимов У.А., Сверчков Л.М.** Археологические исследования в Сырдарьинской области // Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 132-138.
- Алмазова Н.** Стекло Кумышкента // Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 183-188.
- Алмазова Н.И.** Каменные орудия с городища Афрасиаб, занятые в производстве металлических изделий // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 65-71.
- Альбаум Л.И.** Раскопки замка Зангтепе // Вып. 4. Ташкент, 1963. С. 73-83.
- Альбаум Л.И.** Занг-тепа (раскопки 1962 г.) // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 87-108.
- Альбаум Л.И.** Городище Дальверзинтепа // Вып. 7. Ташкент, 1966. С. 47-65.
- Альбаум Л.И.** К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепа // Вып. 8. Ташкент, 1969. С. 69-79.
- Аминджанова М.** О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.241-254.
- Аминджанова М.** Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда //

- Вып.3. Ташкент, 1962. С. 87-100.
- Аминджанова М.** Среднеазиатское средневековое стекло в собрании Эрмитажа // Вып. 6. Ташкент, 1965. С.153-158.
- Аминжанова М.** Археологическая разведка в Зааминском районе. (Материалы к археологической карте Узбекистана) // Вып. 8. Ташкент, 1969. С. 137-142.
- Аминов В., Буряков Ю.Ф., Ходжайов Т.К.** Новые материалы к этнической истории долины Ахангарана // Вып. 14. Ташкент, 1978. С. 79-87.
- Анарбаев А.А.** О применении кубуров в водоснабжении и канализации городов Средней Азии (Материалы к истории городского благоустройства) // Вып. 11. Ташкент, 1974. С. 127-134.
- Анарбаев А.А.** О времени возведения III крепостной стены Афрасиаба // Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 206-213.
- Анарбаев А.А.** Изучение одного из ремесленных кварталов средневекового Ахсикента // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 256-263.
- Анарбаев А.А.** Военная казарма средневекового Ахсикента // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 206-218.
- Анарбаев А.А.** Жилище раннесредневекового Ахсикента // Вып.34.Самарканд, 2004.С.155-161.
- Анарбаев А.А., Ахраров И.А.** Баня средневекового Ахсикента // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.173-183
- Анарбаев А.А., Ильясова С.Р.** Раскопки ремесленного квартала на городище Эски-Ахси // Вып. 27. Самарканд, 1996. С.166-176.
- Анарбаев А.А., Ильясова С.Р.** Глазурованная керамика Ферганы XI в. // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 212-217.
- Анарбаев А.А., Иневаткина О.Н.** Стратиграфическое изучение шахристана I городища Эски Ахси // Вып. 24. Ташкент, 1990. С. 71-86.
- Анарбаев А.А., Матбабаев Б.Х.** Раннесредневековый городской некрополь ферганцев // Вып. 29. Самарканд, 1998. С. 77-95.
- Анбоев И.А.** Древности Голодной степи // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.51-56.
- Анбоев И.А.** Каменный сошник // Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 43-45.
- Анбоев И.А.** Древний метод борьбы с заболачиванием. (Некоторые инженерные приёмы в зодчестве Ташкента XIX в.) // Вып. 14. Ташкент, 1978. С.160.
- Андрианов Б.В., Мухамеджанов А.Р.** «К истории орошения Туркестана» В.В. Бартольда в свете новых исследований // Вып. 13. Ташкент, 1977. С.155-159.
- Андрианов Б.В., Мухамеджанов А.Р.** К изучению истории орошения Средней Азии // Вып. 14. Ташкент, 1978. С. 161-175.
- Аннаев Т.Дж.** Раскопки на Талитагора и некоторые вопросы водоснабжения древнего Термеза и его округа // Вып. 19. Ташкент, 1984. С.169-178.
- Аннаев Т.Дж.** Об одной группе раннесредневековой керамики северного Тохаристана // Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 72-76.
- Аннаев Т.Дж., Бобоходжаев А., Рахманов Ш.** Замок Кучуктепа //Вып.22.Ташкент,1988.С.75-86.
- Аржанцева И.А.** Пояса на росписях Афрасиаба // Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 92-114.
- Аскарлов А.А.** Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана // Вып. 3. Ташкент, 1962. С. 28-41.
- Аскарлов А.А.** Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи // Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 28-36.
- Аскарлов А.А.** Новые находки Андроновской культуры в низовьях Зарафшана // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 53-60.
- Аскарлов А.А.** Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // Вып.8.Ташкент,1969.С.56-62.
- Аскарлов А.А.** Некоторые итоги полевых археологических работ Института археологии АН УзССР в 1971 году // Вып. 10. Ташкент,1973.С.3-10.
- Аскарлов А.А.** Успехи археологов Узбекистана в изучении каменного века // Вып. 11. Ташкент, 1974. С. 9-14.
- Аскарлов А.А.** Раскопки Пшактепа на юге Узбекистана // Вып. 17. Ташкент, 1982. С.30-41.
- Аскарлов А.А.** Сергей Кузьмич Кабанов (К 80-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности) // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 3-6.
- Аскарлов А.А.** Об исконной родине расселения древних тюрков // Вып.32. Ташкент.2001.С.69-72.
- Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.** Раскопки могильника Джаркурган (результаты работ весной 1975 г.) // Вып. 14. Ташкент, 1978. С. 19-42.
- Аскарлов А.А., Абдуразаков А.А., Богданова-Берёзовская И.В., Рузанов В.Д.** Химический состав металлических предметов из поселения Сапаллитепа // Вып. 12. Ташкент, 1975. С.72-84.
- Аскарлов А.А., Ионесов В.И.** Жертвоприношения животных в погребальной практике оседлых земледельцев древней Бактрии // Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 22-33.
- Аскарлов А.А., Ионесов В.И.** Жертвоприношения животных в погребальной практике оседлых земледельцев древней Бактрии // Вып. 25, Ташкент. 1991, с.22-33.
- Аскарлов А.А., Рузанов В.Д.** Результаты исследования химического состава металла из могильника Бустан 3, 4 и 5 // Вып.23. Ташкент,1990.С.6-12.
- Аскарлов А.А., Рузанов В.Д.** Результаты спектральных исследований металла из поселения Кучуктепа // Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 211-225.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.** Наконечник сохи из

- Джаркутана // Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 13-17.
- Аскаров А.А., Широков Т.Ш.** О некоторых группах культовой керамики Джаркутана // Вып. 25. Ташкент, 1992. С. 33-56.
- Атаходжаев А.Х.** К вопросу об организации монетного производства в государстве Саманидов в X в. // Вып. 27. Самарканд, 1996. С.149-153.
- Атаходжаев А.Х., Кочнев Б.Д.** Нумизматические находки на городище Афрасиаб – новейшие материалы к истории денежного обращения в Центральном Мавераннахре (древность, раннее средневековье, средневековый период) // Вып. 34. Самарканд. 2004. С. 137-150.
- Ахадова Г.** К вопросу о методике обработки росписей Балалыктепе // Вып. 23. Ташкент, 1990. С.190-193.
- Ахадова Г.** Новые элементы в живописи Балалыктепе // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 239-241.
- Ахраров И.** Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува // Вып. 3. Ташкент, 1962. С.80-86.
- Ахраров И.** К истории появления поливной керамики в Средней Азии // Вып. 6. Ташкент, 1965. С.147-152.
- Ахраров И.** Кухонная керамика Ферганы IX-X вв. // Вып. 7. Ташкент, 1966. С.125-133.
- Ахраров И.** Кухонная керамика Ферганы XI-XII вв. // Вып. 8, Ташкент. 1969, с.146-151.
- Ахраров И.** Археологические раскопки в шахристане городища Кува // Вып. 10. Ташкент, 1973. С. 58-65.
- Ахраров И.** Сельское поселение античного времени в Чустском районе // Вып. 15. Ташкент, 1979. С. 57-63.
- Ахунбабаев Х.Г.** Археологическое изучение Булунгурского района в 1979-1980 гг. // Вып. 18. Ташкент, 1983. С.154-164.
- Ахунбабаев Х.Г.** Новые находки согдийских монет из раскопок 1978-1981 гг. в центральной части Афрасиаба // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.79-98.
- Ахунбабаев Х.Г.** Новые находки согдийских монет из раскопок 1982-1984 гг. в центральной части городища Афрасиаб // Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 101-108.
- Ахунбабаев Х.Г.** Об одном согдийском обычае // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 199-207.
- Ахунбабаев Х.Г.** Астрагал с греческой надписью из раскопок на Афрасиабе // Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 72-77.
- Ахунбабаев Х.Г., Соколовская Л.Ф.** Керамические комплексы Афрасиаба конца VII-VIII вв. // Вып. 27. Самарканд, 1996. С.101-120.
- Аширов С.** Клады монет, зафиксированные на территории г. Ташкента за период с 1872 по 2002 годы // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 273-283.
- Байматова Н.С.** «Купольное сооружение» в стенной росписи Пенджикента // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 166-183.
- Байматова Н.С.** Реконструкция сводов Барак-Там 1 (конец IV – начало V вв. н. э., Хорезм) // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 101-114.
- Баратов С.Р.** К вопросу типологической классификации каменных наконечников стрел эпохи бронзы Средней Азии // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 19-28.
- Баратов С.Р.** К вопросу труположений в погребальных сооружениях типа курумов и мугхона // Вып. 27. Самарканд, 1996. С. 35-41.
- Баратов С.Р.** К вопросу об эфталитах в Ферганской долине // Вып. 28. Самарканд, 1997. С.94-97.
- Баратова Л.С.** История изучения древнетюркских монет Средней Азии // Вып. 27. Самарканд, 1996. С. 77-82.
- Баратова Л.С.** Древние монеты из Каршинского оазиса // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.131-134.
- Баратова Л.С.** Медные монеты с изображением лучника и их место в монетном чекане Южного Согда // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 143-146.
- Баратова Л.С.** Привозные монеты из находок в Кашкадарьинской области // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 269-272.
- Батиров А.** Фауна домашних и диких животных поселения Сеталак 1 // Вып. 16. Ташкент, 1981. С.134-137.
- Батиров А.Р.** Костные останки животных из Рамиштепа // Вып. 17. Ташкент, 1982. С.100-102.
- Батыров А.Р.** Фауна диких и домашних животных из памятников эпохи бронзы и раннего железа на юге Узбекистана // Вып. 18. Ташкент, 1983. С.49-56.
- Батиров А.Р.** Фаунистические остатки млекопитающих из древних городищ Бухарского оазиса // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 122-130.
- Батыров А.Р.** Фаунистические остатки млекопитающих поселения Джаркутан // Вып. 24. Ташкент, 1990. С. 228-235.
- Ботиров А.Р.** Зомичатош манзилгоҳи ҳайвонот дунёсига доир айрим мулоҳазалар // Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 25-27.
- Батыров А.Р.** Фауна домашних и диких млекопитающих городища Старый Термез // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 310-318.
- Батиров А.Р.** Голоценовые домашние собаки Узбекистана // Вып. 32. Ташкент, 2001.С.242-247.
- Батиров А.Р., Гречкина Т.Ю.** Неолит среднего течения реки Зарафшан // Вып. 27. Самарканд, 1996. С. 3-10.
- Батиров А.Р., Широков Т.Ш.** Костяные изделия из археологических памятников Узбекистана // Вып. 19. Ташкент, 1984. С.108-117.
- Батыров Б.Х.** Фауна поселения Сапаллитепа //

- Вып. 11. Ташкент, 1974. С.135-138.
- Батыров Б., Батыров А.** Средневековая фауна поселения Курганча // Вып. 16. Ташкент, 1981. С. 138-147.
- Бегалиев Н.** Қулдортепа ва топилган иероглиф ёрлиқ // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 319-320.
- Бердимуратов А.Э., Пардаев М.Х.** Замок Кингиртепа // Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 66-75.
- Бердимуратов А.Э., Пардаев М.Х.** Раскопки верхнего здания Алмантепа // Вып. 23. Ташкент, 1990. С.147-160.
- Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К.** Результаты раскопок храма на Джартепа II // Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 77-92.
- Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К.** Керамические комплексы из нового согдийского храма Джартепа II // Вып.27. Самарканд,1996.С.92-101.
- Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К.** К вопросу о реконструкции перекрытий согдийского храма Джартепа II // Вып.28. Самарканд,1997.С.98-109.
- Бобохаджаев А., Аннаев Т., Рахманов Ш.** Некоторые итоги изучения древних и средневековых памятников предгорной и горной полосы Кугитанг-Байсунтау // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 25-36.
- Богомолов Г.И.** Раскопки на городище Ишкурган // Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 102-113.
- Богомолов Г.И.** К вопросу об одном из домусульманских обрядов Средней Азии // Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 266-275.
- Богомолов Г.И.** Изображения всадников с городища Канка // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 69-79.
- Богомолов Г.И.** Отражение некоторых мифологических воззрений в раннесредневековой архитектуре Чача и Согда // Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 59-66.
- Богомолов Г.И.** К вопросу населения ранне-средневекового Чача // Вып. 26. Ташкент, 1992. С.113-122.
- Богомолов Г.И.** Панцирный доспех с городища Канка // Вып. 28. Самарканд, 1997. С.79-85.
- Богомолов Г.И.** Из истории ювелирного искусства Чача // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.173-179.
- Богомолов Г.И.** Об одной из групп средневековых украшений Ташкентского оазиса // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.162-166.
- Богомолов Г.И., Алимов К.А.** Очажные подставки с Эгар и Куруктепе. (К вопросу о зооморфных подставках Чача). Памяти археолога Х. Дуке // Вып. 27. Ташкент, 1996. С.161-166.
- Богомолов Г.И., Буряков Ю.Ф.** Культовые помещения при жилых домах с городища Канка // Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 76-88.
- Богомолов Г.И., Гендельман П.И.** Металлические изделия с городища Канка // Вып. 24. Ташкент, 1990. С. 93-106.
- Богомолов Г.И., Гендельман П.И.** Бытовые металлические предметы с городища Канка // Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 137-149.
- Богомолов Г.И., Ильясова С.** Позднесредневековые игрушки Ташкента и его округа // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 305-309.
- Богомолов Г.И., Папахристу О.А.** О дастарханах // Вып. 17. Ташкент, 1982. С. 107-116.
- Богомолов Г.И., Пидаев Ш.Р.** Терракотовая плакетка из Сурхандарьи // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 81-89.
- Болелов С.Б.** Керамические обжигательные горны на территории южного и юго-восточного Приаралья (вторая половина I тыс. до н.э.- первые века н.э.) // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 85-95.
- Болиев Б.** Шишасимон сир технологияси (глазурь) ва унинг ахамияти // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 262-264.
- Болиев Б.** Яна кошин ҳақида // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.167-168.
- Брусенко Л.Г.** Раскопки квартала гончаров X-XI вв. на городище Афрасиаб // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.115-123.
- Брусенко Л.Г.** Зооморфные мотивы в глазурованной керамике Бинкета X-XII вв. // Вып. 12. Ташкент, 1975. С.121-127.
- Брусенко Л.Г., Галиева З.С.** Материалы раскопок квартала X – начала XI вв. на городище Канка // Вып. 17. Ташкент, 1982. С.124-136.
- Букиннич Л.Л.** Руины двух раннесредневековых поселений близ г. Карши // Вып. 8. Ташкент, 1969. С. 91-104.
- Булатова В.А.** Бронзовый штамп из жилого комплекса VII-VIII вв. (городище Кува в Ферганской области) // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.110-115.
- Булатова В.А.** Некрополь X-XI вв. в Куве // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 139-146.
- Булатова В.А.** Жилой комплекс VII в. в Куве (результаты работ 1964 г.) // Вып. 7. Ташкент, 1966. С. 82-90.
- Бурнашева Ф.А.** Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X-XII вв. // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.137-143.
- Бурнашева Ф.А.** К вопросу использования химико-технологических методов при изучении бытовой керамики (котлов) средневековья // Вып. 5. Ташкент, 1964. С.168-172.
- Бурнашева Р.З.** Кошрабадский клад бухарских и русских монет (середина XIX – начало XX в.) // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.200-206.
- Буряков Ю.Ф.** Археологические материалы по истории Намудлыга // Вып. 9. Ташкент, 1969. С.98-107.
- Буряков Ю.Ф.** Археологические материалы по истории Кавардан // Вып. 13. Ташкент, 1977. С.70-87.

- Буряков Ю.Ф.** Раскопки городища Чангтепе в Ташкентском оазисе // Вып. 14. Ташкент, 1978. С.103-113.
- Буряков Ю.Ф.** Рабады средневекового Бенакета // Вып. 24. Ташкент, 1990. С. 179-189.
- Буряков Ю.Ф.** Исследования 1989 г. по программе Великого шелкового пути // Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 178-186.
- Буряков Ю.Ф.** Изучение крепостных стен средневекового Бенакета // Вып. 27. Самарканд, 1996. С. 153-161.
- Буряков Ю.Ф.** Добыча золота и серебра в Средней Азии в средневековье // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 264-273.
- Буряков Ю.Ф.** Археолог, нумизмат, историк, востоковед! (К 60-летию Э.В. Ртвеладзе) // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 5-9.
- Буряков Ю.Ф.** Благородные металлы Мавераннахра на территории восточной и южной Европы // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.132-145.
- Буряков Ю.Ф., Аскарлов А.А.** К типологии сельских поселений раннесредневекового Согда (по материалам южных районов Самаркандского оазиса) // Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 86-93.
- Буряков Ю.Ф., Бакиев Р.А., Дудаков С.А.** Новые данные к истории горного дела и металлургии Северной Ферганы // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.199-207.
- Буряков Ю.Ф., Богомоллов Г.И.** К семантике изображений на оссуарии из кишлака Чанги // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 114-120.
- Буряков Ю.Ф., Богомоллов Г.И.** Изучение рабдов средневекового Харашкета // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 95-114.
- Буряков Ю.Ф., Брыкалова В.Г.** К эволюции гончарных печей средневекового Бенакета – Шахрухии // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.138 -155.
- Буряков Ю.Ф., Дадабаев Г.** Памятники античного времени в Ташкентском оазисе // Вып. 10. Ташкент, 1973. С.38-51.
- Буряков Ю.Ф., Касымова К.А.** Средневековый бронзовый сосуд из Карнаба // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 254-257.
- Буряков Ю.Ф., Ростовцев О.М.** Археологические исследования Рабинджана // Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 153-168.
- Буряков Ю.Ф., Тихонин М.** Раскопки керамической мастерской конца XV-XVI в. в Шахрухии // Вып. 16. Ташкент, 1981. С. 58-64.
- Бурякова Э.Ю.** Археологические раскопки и наблюдения в рабаде Самарканда IX-X вв. // Вып. 13. Ташкент, 1977. С. 119-130.
- Бурякова Э.Ю.** К стратиграфии площади Регистан // Вып. 14. Ташкент, 1978. С. 147-159.
- Бурякова Э.Ю.** Раскопки бань на территории средневекового Самарканда // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 162-172.
- Бурякова Э.Ю., Лебедева Т.И.** Оборонительная система цитадели Тимура // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.160-176.
- Бурякова Э.Ю., Лебедева Т.И.** Средневековые замки юго-западной окраины Самарканда // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.134-144.
- Валиев А.** Средневековый колодец на городище Старого Термеза // Вып. 15. Ташкент, 1979. С.139-141
- Валиев А.** Античный этап развития антропогенных ландшафтов юга Узбекистана // Вып. 17. Ташкент, 1982. С. 41-47.
- Вархотова Д.П.** Два серебряных браслета X-XI вв. из Чиназа // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.116-119.
- Вархотова Д.П.** Такьянтепе // Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 67-69.
- Вархотова Д.П.** Керамика VII-VIII вв. с городища Кува // Вып. 24. Ташкент, 1990. С. 144-158.
- Василий Афанасьевич Шишкин** как ученый-археолог и общественный деятель (к 70-летию со дня рождения) // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 5-16.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.** Комплексные археолого-географические исследования во Внутренних Кызылкумах // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.38-45.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д.** Ландшафтно-климатические условия среднеазиатских пустынь в голоцене // Вып. 11. Ташкент, 1974. С. 32-44.
- Воробьева С.Н.** Об одной группе женских терракот с городища Еркурган // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.116-121.
- Воробьева С.Н.** Женская терракота из городского храма Еркургана // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.111-117.
- Всеволод Данилович Жуков** // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.155-157.
- Г.А. Пугаченкова** и археология Средней Азии (к 85-летию со дня рождения) // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.5-8.
- Г.А. Пугаченковой** – 90 лет // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.5
- Галина Васильевна Шишкина** (К 70-летию со дня рождения) // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 5-6.
- Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.** Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953-1954 гг. (Краткий отчет) // Вып. 1. Ташкент, 1959. С. 5-21.
- Герман Алексеевич-Давыдов.** (К 70-летию со дня рождения) // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 256-265.
- Гогуа Г.** Штрихи к библиографии академика Э.В. Ртвеладзе // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 10-19.
- Гражданкина Н.С.** Опыт технологического исследования древней красноангобирванной керамики Узбекистана // Вып. 3. Ташкент, 1962.

С.123-157.

Гражданкина Н.С. Некоторые способы повышения сохранности гипсового декора в памятниках XI-XIII вв. н.э. // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.126-136.

Гражданкина Н.С. К истории керамического производства в Средней Азии // Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 173-199.

Гражданкина Н.С. Набережная калы в Старом Термезе // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 171-179.

Гражданкина Н.С. Глазурованные изразцы в декоре памятников XIV-XVII вв. как датирующий материал // Вып.7. Ташкент,1966.С.169-175.

Гражданкина Н.С. Из истории гончарного ремесла в Узбекистане. (Результаты химико-технологического исследования бытовой черноангобированной керамики) // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.152-160.

Гречкина Т.Ю. Неолит Агалыка // Вып. 28. Самарканд, 1997. С.15-24.

Гречкина Т.Ю., Мирзаахмедов Д.К. К вопросу об отдельных находках каменных изделий эпохи средневековья в Бухарском оазисе // Вып. 29. Ташкент, 1998. С.151-152.

Гречкина Т.Ю., Ташкенбаев Н.Х. К вопросу о кварцевых изделиях Кутурбулака (3 слой) // Вып. 23. Ташкент, 1990. С.130-139.

Грицина А.А. Каунчинское погребение первых веков н.э. в Ташкенте // Вып. 17. Ташкент, 1982. С.97-100.

Грицина А.А. К семантике знаков на керамике Каунчинской культуры // Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 84-94.

Грицина А.А. Материалы караханидского времени с городища Шаштепа в Ташкенте // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.131-138.

Грицина А.А. Материалы XII - начала XIII в. с городища Культепа (Северная Уструшана) // Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 188-199.

Грицина А.А. Городище Нурата // Вып. 27. Ташкент, 1996. С. 82-92

Грицина А.А. Изучение курганов в Сырдарьинской области // Вып.28. Самарканд,1997.С.73-78.

Грицина А.А. Из находок на территории махалли Четарык в Заамине // Вып. 29. Ташкент, 1998. С.138-144.

Грицина А.А. О погребениях в хумах в Зааминском тумане//Вып.30.Самарканд,1999.С.223-225.

Грицина А.А. Гончарная продукция домонгольского Заамина// Вып.32.Ташкент,2001.С.173-179.

Грицина А.А., Алимов К.А. Каунчинские печати // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.36-45.

Грицина А.А., Карабаев С.Д. Археолого-этнографические исследования бассейна Туркменская // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 180-187.

Грицина А.А., Сверчков Л.М. Археологические исследования в Сырдарьинской области // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 114-121.

Грицина А.А., Усманова Е.Л. Изучение могильника XII- начала XIII в. на городище Культепа // Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 193-206.

Гришин В. Новые материалы к археологической карте Ташкентского оазиса // Вып. 16. Ташкент, 1981. С. 65-70.

Гулямов Я.Г. Кладбище Кулпи-Сар // Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 92-96.

Гулямов Я.Г. О надгробии Зенги-Ата // Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 267-271.

Гулямов Я.Г. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зарафшана // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 17-21.

Гулямов Я.Г. Из истории водоснабжения древнего Пайкенда // Вып. 7. Ташкент, 1966. С. 43-46.

Гулямов Я.Г. Некоторые итоги археологических работ в Узбекистане в 1967-1968 гг. // Вып. 9. Ташкент, 1972. С.3-10.

Гулямов Я.Г. К изучению эпохи Навои // Вып. 29. Самарканд, 1998. С.12-22.

Гулямов Я.Г. Из истории организации ремесла в Ферганской долине в XIX - начале XX вв. // Вып. 29. Самарканд, 1998. С.23-28.

Гулямов Я.Г. К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV в. // Вып. 29. Самарканд, 1998. С. 29-35.

Гюль Э. Терракотовые статуэтки «Конь с всадником» из Кампыртепа (к проблеме этнокультурных взаимодействий) // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.102-107.

Дадабаев Г. Новое об Иджонтской кремнеобрабатывающей мастерской (по данным работ 1963 г.) // Вып. 6. Ташкент, 1965. С.40-44.

Деревянко Г.П., Исламов У.И., Петрик В.Т., Сулейманов Р.Х., Таймагамбетов Ж.К., Кривошапкин А.И., Анайкин А.А., Зенин А.Н., Крахмаль К.А., Алимов К.А. Результаты возобновления исследований грота Оби-Рахмат // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.10-14.

Джаббаров И.М. К вопросу о технике чугунолитейного производства Хорезма // Вып. 1. Ташкент, 1959. С.208-215.

Джаббаров И.М. Из истории техники и культуры земледелия Южного Хорезма (конец XIX – начало XX века)//Вып.2.Ташкент.1961,С.272-296.

Джалалова С. Исследование химического состава бытовой керамики Южного Согда (эпохи бронзы и раннего железа) // Вып. 27. Самарканд, 1996. С.207-210.

Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А. Новые исследования по Сазаганскому поселению // Вып. 19. Ташкент, 1984. С.32-40.

- Джуракулов М.Д., Коробкова Г.Ф.** Новые данные о комплексном изучении материалов Самаркандской стоянки (по раскопам 1961-1967 гг.) // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.31-37.
- Джуракулов М.Д., Сулейманов Р.Х.** Новые находки останков первобытного человека на Самаркандской верхнепалеолитической стоянке // Вып. 10. Ташкент, 1973. С.21-23.
- Джуракулов М.Д., Холматов Н.У.** Джангал I - новый неолитический памятник долины Зарафшана // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.11-16.
- Джуракулов М.Д., Холматов Н.** Тепакул-4 неолит макони // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.41-45.
- Дитрих Хуфф, Шайдуллаев Ш.Б.** Некоторые результаты работ узбекско-германской экспедиции на городище Джаркутан // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.19-26.
- Добровольский И.Г., Кочнев Б.Д.** Монеты с именем Саманида Йахьи б. Асада // Вып. 17. Ташкент, 1982. С.190-198.
- Доспанов О.Т.** Некоторые вопросы классификации светильников Джанпыккалы // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.170-172.
- Доспанов О.Т., Торежанова Н.Ж.** К изучению металлических изделий из городища Джанпыккалы // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.291-297.
- Дресвянская Г.А.** Утварь домашних святилищ восточных районов Южного Согда // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.161-167.
- Дукее Х.** О некоторых параллелях тагискенской и карасукской керамики // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.63-68.
- Дукее Хуан.** К вопросу о хозяйстве и общественных отношениях племен эпохи поздней бронзы // Вып. 9. Ташкент, 1972. С.40-49.
- Дукее Х.** Могильник Обишир // Вып. 11. Ташкент, 1974. С.71-75.
- Дукее Х.** Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г. // Вып. 13. Ташкент, 1977. С.48-54.
- Дукее Х.** Исследование памятников поздней бронзы и раннего железа в зоне Туябугузского водохранилища в 1976 г. // Вып. 14. Ташкент, 1978. С.51-59.
- Дукее Х.** Новая стоянка эпохи бронзы в Ташкентской области // Вып. 15. Ташкент, 1979. С.44-48.
- Дукее Х.** Чиракчинское поселение // Вып. 17. Ташкент, 1982. С.19-29.
- Ерназарова Т.С.** Новые монетные клады городища Афрасиаб // Вып. 14. Ташкент, 1978. С.132-146.
- Ерназарова Т.С.** Новые монеты Афрасиаба и его окрестностей // Вып. 15. Ташкент, 1979. С.105-119.
- Ерназарова Т.С., Кочнев Б.Д.** Материалы к истории торговли и денежного обращения Самарканды в XI-X вв. // Вып. 13. Ташкент, 1977. С.131-154.
- Жуков В.Д.** Дукентский клад монет (Предварительное сообщение) // Вып. 1. Ташкент, 1959. С.176-207.
- Жуков В.Д.** Археологическая разведка на шахристане Хайрабадтепе // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.177-191.
- Жуков В.Д.** Чекан Кендже и анэпиграфические монеты в Дукентском кладе (Дополнение к предварительному сообщению) // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.307-312.
- Жуков В.Д.** Археологическая разведка на Киндаклитепе // Вып. 7. Ташкент, 1966. С.91-103.
- Жўраев Ш.** Бухоро воҳаси IX-XI асрлар кулолчилиги “Чамбарак” нақшлари хақида // Вып. 28. Самарканд, 1997. С.162-167.
- Журакулов М.** Зарафшон воҳаси тамаддуни илк илдишлари саҳифасидан // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.14-16.
- Завадовский Ю.Н.** Арабская надпись на каменном водоеме из Джамбульского краеведческого музея, датированная IV/XI в. (предварительное сообщение) // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.236-240.
- Заднепровский Ю., Баранов Л.** Цитадель Билувуртепа // Вып. 15. Ташкент, 1979. С.153-154.
- Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б. Х.** Основные итоги изучения Чустского поселения в Фергане (1950-1982 гг.) // Вып. 19. Ташкент, 1984. С.46-71.
- Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х.** Городище Мархамат (некоторые итоги изучения) // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.62-72.
- Заднепровский Ю.А., Ширинов Т.Ш.** Каменные изделия и их роль в хозяйстве древних обитателей Дальверзинтепа // Вып. 18. Ташкент, 1983. С.21-33.
- Заславская Ф.А.** Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени // Вып. 1. Ташкент, 1959. С.22-59.
- Зезенкова В.Я.** Антропологическая характеристика черепов из древних погребений Богджая // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.296-301.
- Зезенкова В.Я.** Череп из Кызыл-Кыра // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.302-306.
- Зезенкова В.Я.** Краниологический материал из могильников Бухарской области // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.66-72.
- Зезенкова В.Я.** Черепа с городища Кафыр-кала под Самаркандом // Вып. 6. Ташкент, 1965. С.124-138.
- Зезенкова В.Я.** Некоторые краниологические данные курганов Калкансая // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.161-168.
- Зезенкова В.Я.** Краниологический материал из Кашкадарьинской области // Вып. 9. Ташкент,

1972. С. 115-130.
- Зезенкова В.Я.** Описательные данные черепов Кувинского кладбища IX-X веков // Вып. 10. Ташкент, 1973. С.69-102.
- Иваницкий И.Д.** Образ богини Анахиты в корoplastике Согда // Вып.17. Ташкент,1982.С.78-80.
- Иваницкий И.Д.** Жилой дом VIII в. в Самаркандском Согде // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.126-134.
- Иваницкий И.Д.** Саратепе-2 – поселение керамиков середины I тысячелетия до н.э. под Самаркандом // Вып. 26. Ташкент, 1992. С.22-41.
- Иваницкий И.Д.** Наусы Тусунся // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.49-54.
- Иваницкий И.Д., Абишева Б.Р.** Предварительные результаты археологической разведки к северо-западу от Афрасиаба // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.32-35.
- Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н.** Раскопки кургана Сирлибайтепе // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.44-59.
- Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н.** Периодизация и этапы развития водоснабжения Афрасиаба (по материалам раскопок магистрального канала в 1996-1997 гг.) // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.96-103.
- Ильясова С.Р.** Глазурованная керамика из верхних слоев городища Эски-Ахси // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.146-153.
- Ильясова С.Р.** Ахсикетские чираги // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.172-179.
- Ильясова С.Р.** Раскопки парадного комплекса Актепа Юнусабадского // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.207-213
- Ильясова С.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т.** Средневековое стекло и керамика Бинката–Ташкента IX-XI вв. Раздел 2. Керамические изделия // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 228-239.
- Иневаткина О.Н.** Цитадель Афрасиаба (работы 1977-1979 гг.) // Вып.18. Ташкент, 1983. С.76-90.
- Иневаткина О.Н., Соколовская Л.Ф.** Археологический материал с объекта цитадель на городище Афрасиаб // Вып. 29. Самарканд, 1998. С. 119-128.
- Ионесов В.И.** Новые исследования могильника эпохи бронзы Джаркутан 4В // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.3-13.
- Ионесов В.И.** О новых погребениях Джаркутана // Вып. 23. Ташкент, 1990. С.139-147.
- Ионесов В.И.** Некоторые данные о могильнике Джаркутан-4В // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.8-18.
- Ионесов В.И.** К изучению погребальных комплексов Джаркутана // Вып. 27. Самарканд, 1996. С.17-29.
- Исамиддинов М.Х.** Стратиграфия древнейших слоев Еркургана // Вып.17.Ташкент,1982.С.60-77.
- Исамиддинов М.Х., Баратов С.Р.** Новые раскопки мугхона в Гавасае // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.86-93.
- Исамиддинов М.Х., Курбанова Н.** Археологическое исследование курганного могильника Багара // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.55-61.
- Исамиддинов М.Х., Кучкаров Т., Хасанов М.Х.** Археологическое исследование зоны затопления Чартакского водохранилища // Вып. 19. Ташкент, 1984. С.179-184.
- Исамиддинов М.Х., Матбабаев Б., Кучкаров Т.** Предварительное изучение керамики поселения Куюлтепа Северной Ферганы // Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 91-101.
- Исамиддинов М.Х., Раимкулов А.А.** Квартал керамистов на Еркургане VI-VII вв. н.э. (Р-20) // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.123-132.
- Исамиддинов М.Х., Рапен К.** К стратиграфии городища Коктепа // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.68-79.
- Исамиддинов М., Сулейманов Р.Х.** Комплекс ритуально-культовой керамики IV-V вв. из Южного Согда // Вып. 13. Ташкент, 1977. С.65-69.
- Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х.** Результаты археологического обследования трассы Нижнекаршинского магистрального канала // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.118-131.
- Исамиддинов М.Х., Хасанов М.** К вопросу о специализации ремесленного производства древнего Согда (по материалам Еркургана) // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.50-60.
- Исламов У.** Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.31-45.
- Исламов У.И.** О геологическом исследовании археологических объектов // Вып. 5. Ташкент, 1964. С.200-212.
- Исламов У.** Новые данные о кельтеминарской культуре на Махандарье // Вып. 6. Ташкент, 1965. С.45-52.
- Исламов У.И.** Мезолитические памятники Ферганской долины // Вып.9. Ташкент, 1969. С.21-28.
- Исламов У.И.** К вопросу о локальных вариантах эпохи мезолита и неолита в Узбекистане // Вып. 11. Ташкент, 1974. С.29-31.
- Исламов У.И.** К выделению локальных вариантов мезолита Узбекистана // Вып. 12. Ташкент, 1975. С.16-37.
- Исламов У.И., Годин М.Х., Крахмаль К.А.** Хайдарканская котловина в нижнечетвертичном периоде // Вып.24. Ташкент, 1990. С.3-8.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А.** Некоторые закономерности расположения памятников каменного века Ферганы // Вып.25. Ташкент, 1991.С.3-11.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А.** К изучению эпохи палеолита на северо-востоке Узбекистана //

- Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 3-15.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А.** Природные условия в эпоху первоначального обживания северо-востока Узбекистана // Вып. 28. Самарканд, 1997. С.3-8.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А.** К проблеме первоначального обживания востока Узбекистана // Вып. 29. Самарканд, 1998. С.36-40.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А.** К изучению генезиса и хроностратиграфии древнекаменных культур Узбекистана // Вып.33.Ташкент,2002.С.26-28.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А., Зарифбаев Х., Абдуллаев Ш.Х.** Палеогеографические исследования эпохи антропогена в верховьях р. Чирчик // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 20-23.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А., Халмухамедова Р.А., Худайбердиев Р.Х.** Палеоботанические, палеоэкологические и хроностратиграфические исследования раннего антропогена Южной Ферганы // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 17-19.
- Исламов У.И., Матюхин А.Е.** Галечные орудия из пещеры Мачай // Вып. 11. Ташкент, 1974. С.51-60.
- Исламов У.И., Оманжулов Т.** Пещерная стоянка Сель-Унгур (древнепалеолитический памятник в Ферганской долине) // Вып. 19. Ташкент, 1984. С.18-27.
- Исламов У.И., Оманжулов Т.** Некоторые итоги изучения эпохи мустье Ташкентского оазиса // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 9-19.
- Исламов У.И., Оманжулов Т., Елдарова А.В.** Новые палеолитические стоянки пещерного и открытого типа в Узбекистане // Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 3-12.
- Исламов У.И., Тимофеев В.И.** Стоянки каменного века южной части Центральной Ферганы // Вып. 13. Ташкент, 1977. С. 5-12.
- Исхаков М.М.** К структуре форм будущего времени в согдийском языке // Вып. 10. Ташкент, 1973. С. 108-122.
- Исхаков М.М., Ташходжаев Ш.С., Ходжайов Т.К.** Раскопки Коштепа // Вып. 13. Ташкент, 1977. С. 88-97.
- Ишанханов С., Кочнев Б.** Древнейшие караханийские монеты//Вып.15.Ташкент,1979.С.142-152
- Кабанов С.К.** Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953-1954 гг. // Вып. 1. Ташкент, 1959. С.109-153.
- Кабанов С.К.** Археологические наблюдения на строительстве Иски-Ангарского канала // Вып. 1. Ташкент, 1959. С. 154-175.
- Кабанов С.К.** Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе // Вып. 3. Ташкент, 1962. С. 42-53.
- Кабанов С.К.** Две терракоты из долины Кашкадарьи // Вып. 3, Ташкент. 1962, с.54-56.
- Кабанов С.К.** Раскопки на Шортепе близ Карши в 1952-1953 гг. // Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 70-89.
- Кабанов С.К.** Руины поселения III-V вв. в долине Кашкадарьи // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 71-86.
- Кабанов С.К.** Айтугды-тепе // Вып. 9. Ташкент, 1972. С. 73-88.
- Кабанов С.К.** Руины здания времени Кушан близ Карши // Вып. 10. Ташкент, 1973. С. 27-37.
- Кабанов С.К.** Руины жилища земледельца II-III вв. // Вып. 11. Ташкент, 1974. С. 76-82.
- Кабанов С.К.** Археологическая разведка в Придаргомской степи // Вып. 14. Ташкент, 1978. С.66-78.
- Кабанов С.К.** Терракоты из раскопа на Афрасиабе // Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 72-80.
- Кабанов С.К.** Раскопки лёссовой стены на городище Афрасиаб // Вып.26. Ташкент, 1992.С.69-77
- Кабанов С.К., Шахурин К.А.** Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарья // Вып. 7. Ташкент, 1966. С. 112-124.
- Кабиров Д.** Наскальные изображения Сармышская // Вып. 9. Ташкент, 1972. С. 50-55.
- Кабиров Д.** К вопросу о локальных различиях наскальных изображений Средней Азии и Казахстана // Вып. 12. Ташкент, 1975. С. 85-90.
- Казакова Т.Л., Абдуназаров У.К.** Археология и характер изменения природной обстановки Ташкента в голоцене и верхнем плейстоцене // Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 233-247.
- Камолиддин Ш.С.** Из истории домусульманских культов Средней Азии // Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 169-174.
- Камолиддин Ш.С.** Новые данные к исторической топографии средневекового Насафа // Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 175-178.
- Касымов М.Р.** Кызылкырская стоянка каменного века в окрестностях г. Бухары // Вып. 3. Ташкент, 1962. С.19-27.
- Касымов М.Р.** Новые данные о мастерских каменного века в районе Каратау // Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 12-20.
- Касымов М.Р.** Новые данные о каратауских кремнеобрабатывающих мастерских каменного века в Бухарской области // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 30-39.
- Касымов М.Р.** Новые исследования по палеолиту Ферганской долины в 1964 г. // Вып. 7. Ташкент, 1966. С. 28-35.
- Касымов М.Р.** Результаты археологических работ в долине реки Сох в 1966-1967 гг. // Вып. 9. Ташкент, 1972. С.16-20.
- Касымов М.Р.** О результатах работ Ахангаранского палеолитического отряда (по данным раскопок 1971 г) // Вып. 10. Ташкент, 1973. С.11-20.

- Касымов М.Р.** Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда по данным раскопок 1975 г. // Вып. 14. Ташкент, 1978. С. 6-12.
- Касымов М.Р.** Новые открытия палеолитических памятников в бассейне р. Ахангарана // Вып. 15. Ташкент, 1979. С. 7-10.
- Касымов М.Р., Годин М.Х.** О комплексном исследовании палеолитической стоянки Кульбулак // Вып. 17. Ташкент, 1982. С. 3-10.
- Касымов М.Р., Годин М.Х.** Важнейшие результаты исследований многослойной стоянки Кульбулак (по данным раскопок 1980-1982 гг.) // Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 3-18.
- Касымов М.Р., Дуке Х., Гречкина Т.** О новых данных по каменному веку Туябугуза // Вып. 15. Ташкент, 1979. С. 11-21.
- Касымов М.Р., Ростовцев О.М.** Мастерские каменного века в долине р. Ангрэн // Вып. 8. Ташкент, 1969. С. 21-27.
- Касымов М.Р., Тегюхин Г.** К вопросу об археолого-геологическом возрасте многослойной палеолитической стоянки Кульбулак // Вып. 16. Ташкент, 1981. С.7-17.
- Кдырниязов М.Ш.** Раскопки дома с производственным двором в Миздахкане // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.249-255.
- Кдырниязов М.Ш., Кадырниязов А.** Раскопки богатого дома с молельней в Миздахкане // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.180-185.
- Кириллова О.В.** Каменная гиря с городища Афрасиаб // Вып. 17. Ташкент, 1982. С.116-118.
- Кириллова О.В., Грене Ф., Этьен де ла Вэссер.** Новый документ с горы Муг? // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.248-250.
- Козловский В.А., Аванесова Н.А.** Прорезной втульчатый наконечник копья с берега Амударьи // Вып. 18. Ташкент, 1983. С.34-37.
- Концепция развития археологической науки Узбекистана.** Узбекистан в системе мировых цивилизаций // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.12-16.
- Коробкова Г.Ф.** К вопросу о хронологии кельтеминарской культуры // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.46-51.
- Коробкова Г.Ф., Мирсаатов Т.М.** Изучение способов древней добычи кремня методом эксперимента (по материалам Учтутской мастерской) // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.32-37.
- Кочнев Б.** К истории денежного обращения в Средней Азии в XI-XII вв. // Вып. 12. Ташкент, 1975. С.170-175.
- Кочнев Б.** Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть I (Саманиды, Караханиды, Джаниды) // Вып. 14. Ташкент, 1978. С.120-131.
- Кочнев Б.Д.** Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 2 (Караханиды) // Вып. 15. Ташкент, 1979. С.120-138.
- Кочнев Б.Д.** Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 3 (Караханиды, Мас'уд-бек, Чагатаиды, Тимуриды, Джаниды) // Вып. 16. Ташкент, 1981. С. 71-87.
- Кочнев Б.Д.** Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 4 (Караханиды) // Вып. 17. Ташкент, 1982. С.152-169.
- Кочнев Б.Д.** Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 5 (Саманиды, Караханиды, Тимуриды) // Вып. 18. Ташкент, 1983. С.210-223.
- Кочнев Б.Д.** Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 6. (Раннее средневековье, Саманиды, Караханиды) // Вып. 19. Ташкент, 1984. С.185-205.
- Кочнев Б.Д.** Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 7 (Караханиды) // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.125-136.
- Кочнев Б.Д.** Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, часть 8 (Караханиды) // Вып. 21. Ташкент, 1987. С.156-171.
- Кочнев Б.Д.** Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 9 (Саманиды, Караханиды, Ануштегиниды) // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.191-205.
- Кочнев Б.Д.** Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 10 (Караханиды) // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.207-214.
- Кочнев Б.Д.** Монетный чекан Кубы (X-XI вв.) // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.246-254.
- Кочнев Б.Д.** Мавераннахр накануне создания Западного Караханидского каганата (в свете нумизматики) // Вып.31. Самарканд,2000.С.178-203.
- Кочнев Б.Д.** Об атрибуции Рабат-и Малика // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.195-198.
- Кочнев Б.Д., Шпенёва Л.Ю.** Новый клад медных монет XV в. // Вып. 19. Ташкент, 1984. С.238-265.
- Крахмаль К.А.** Условия залегания памятников палеолита в верховьях Чирчика // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.17-20.
- Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Милютин К.И., Сайфуллаев Б.** Новые исследования в гроте Оби-Рахмат // Вып. 33. Ташкент, 2002.С.35-40.
- Кучкаров Т.** Памяти Василия Афанасьевича Шишкина // Вып. 11. Ташкент, 1974. С.3-8.
- Лебедева Т.И.** О самаркандских тагхона // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.136-146.
- Лебедева Т.И.** Тагхона в цитадели Тимура // Вып. 21. Ташкент, 1987. С.151-156.
- Лебедева Т.И.** Керамика Афросиаба V-VI вв. н.э. // Вып. 23. Ташкент, 1990. С.160-168.
- Лебедева Т.И.** Раннесредневековый замок Саратепа на юго-западной окраине г. Самарканда // Вып. 26. Ташкент, 1992. С.93-105.

- Лебедева Т.И.** Здание близ Кафыркалы под Самаркандом – замок или дахма? // Вып. 30. Ташкент, 1999. С. 152-165.
- Лебедева Т.И.** Генезис замковой архитектуры Центрального и Южного Согда в раннем средневековье // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 141-155.
- Лебедева Т.И.** Позднесредневековый Арк Самарканда // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 202-217.
- Лебедева Т.И.** Динамика освоения придаргомской и задаргомской степи в античности и раннем средневековье (по материалам свода археологических памятников Самарканд-сельского района) // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.69-75.
- Лебедева Т.И., Широков Т.Ш.** Антисейсмическое строительство в Средней Азии в античности и раннем средневековье // Вып. 28. Самарканд, 1997. С.34-52.
- Лев Васильевич Ошанин** // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.5-17.
- Лев Васильевич Ошанин** // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.152-154.
- Лев Д.Н.** Самаркандская палеолитическая стоянка (предварительное сообщение) // Вып. 6. Ташкент, 1965. С.22-29.
- Лунова В.** Истоки ювелирного искусства Узбекистана // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.284-298.
- Лунин Б.В.** Библиографический, именной и географический указатели к Протоколам и сообщениям Туркестанского Кружка любителей археологии (1895-1917 гг.) // Вып. 1. Ташкент, 1959. С.231-255.
- Лунин Б.В.** К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI века // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.255-266.
- Лунин Б.В.** Две новые книги по истории архитектуры Узбекистана // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.313-316.
- Лунин Б.В.** Иван Иванович Умняков как ученый-востоковед и общественный деятель // Вып. 3. Ташкент, 1962. С.158-168.
- Лунин Б.В.** О нумизматической коллекции узбекского собирателя древностей Акрама Аскарва (по архивным данным) // Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 233-246.
- Лунин Б.В.** История и древности Туркестанского края в трудах археологических съездов // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 201-220.
- Лунин Б.В.** Самаркандский любитель древностей и каллиграф Абу Са'ид Махзум // Вып. 7. Ташкент, 1966. С. 176-184.
- Лунин Б.В.** К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана (По архивным данным) // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.169-192.
- Лунина С.Б.** Изделия X-XII в., связанные с культом огня и культом предков // Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 164-172.
- Лунина С.Б.** Мифологический сюжет на глиняном изделии // Вып.31.Самарканд,2000.С.156-159
- Маджи О.П., Буряков Ю.Ф.** Из истории добычи золота в Ташкентском оазисе (древний золотой рудник Кызылалма) // Вып. 11. Ташкент, 1974. С.110-126.
- Майтдинова Г.М.** Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья // Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 114-132.
- Максудов Ф.А.** Некоторые вопросы семантики процарапанного орнамента на керамике Маргилана (по материалам Кызлартепа) // Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 53-59.
- Максудов Ф.А.** Храм огнепоклонников I-III вв. н.э. в Южной Фергане // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.115-118.
- Маликов А.М.** Тюрки в Тохаристане в VI-VIII вв. // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.194-197.
- Маликов А.М.** Тюрки на Средней Сырдарье // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.162-163.
- Мамбетуллаев М.** Кердерская чаша // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 286-290.
- Мамбетуллаев М.М.** Статуэтка богини Умай из Кердера // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 207-211.
- Мамбетуллаев М.М.** Социально-экономические и политические факторы возникновения и развития городов Хорезма эпохи античности // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 126-131.
- Мамбетуллаев М.М.** Погребальные обычаи и культовые обряды населения Кердера (по материалам Куюк-калы) // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.186-196.
- Мамбетуллаев М.М., Торезанова Н., Турманов Ж.** Исследование городища Куюккала // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 158-163.
- Маньлов Ю.П.** Археологические исследования городища Каратепе на Нарпае // Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 45-56.
- Маньлов Ю.П.** Новые памятники археологии Навоийской области // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.108-118.
- Маньлов Ю.П.** Раскопки Кулкудукской кургандной группы в центральных Кызылкумах // Вып. 23. Ташкент, 1975. С. 46-60.
- Маньлов Ю.П.** Могильник Джужкудук-2 раннесакского времени в горах Букантау // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.33-39.
- Маньлов Ю.П.** Курганы Кокпатаса // Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 59-69.
- Маньлов Ю.П.** Археологические работы на торговом пути из Согда в Центральные Кызылкумы // Вып. 27. Ташкент, 1996. С. 121-128.

- Маньковская Л.Ю.** Типологическая классификация памятников средневековой архитектуры Средней Азии // Вып.17. Ташкент,1982.С.136-152
- Марков Г.Е.** Памятники каменного века в Западной Туркмении и проблема типологии археологических культур в мезолите и неолите // Вып. 12. Ташкент, 1975. С.60-67.
- Массон В.М.** Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры // Вып. 11. Ташкент, 1974. С.15-21.
- Массон В.М.** Цивилизация древнего Хорезма (этапы и пути самоидентификации) // Вып. 30. Самарканд, 1996. С.88-95.
- Матбабаев Б.Х.** Одиночные погребения могильника Мунчактепа. (К вопросу изучения погребальных сооружений Северной Ферганы первой половины – середины I тысячелетия н.э.) // Вып. 27. Самарканд, 1996. С.61-76.
- Матбабаев Б.Х.** К вопросу изучения подземных склепов и погребений в камышовых гробах Ферганы // Вып. 29. Самарканд, 1998. С. 70-76.
- Матбабаев Б.Х.** Некоторые итоги сравнительного изучения расписной керамики чустской культуры // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 41-54.
- Матбабаев Б.Х.** Редкие формы керамики Чустской культуры // Вып.31.Самарканд,2000.С.49-53.
- Матбабаев Б.Х.** Исследование жилищ в памятниках Чустской культуры Ферганы (XII-VII вв. до н.э.) // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.46-60.
- Матбабаев Б.Х., Батиров А.Р.** Костяные изделия Чустского поселения // Вып. 26. Ташкент, 1992. С.16-22.
- Матбабаев Б.Х., Грицина А.А.** Археологические исследования в юго-западной части шахристана Кувы (Кубы) // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.91-110.
- Матбабаев Б.Х., Грицина А.А.** Кувинские усманы // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.197-200.
- Матюшин Г.Н.** О методах классификации массового инвентаря памятников каменного века (верхний палеолит – энеолит) // Вып. 12. Ташкент, 1975. С. 38-59.
- Махкамова Д.** Вклад ученого в изучение международных культурных связей и дипломатии // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 23-25.
- Мейтарчян М.** Амулет эпохи бронзы с поселения Джаркутан // Вып.19. Ташкент, 1984.С.41-45.
- Минасянц Б.С.** Новые находки оссуариев из Тойтепа // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.168-172.
- Мирзаахмедов Д.К.** Глазурованная керамика Бухары второй половины XVII – первой половины XVIII в. // Вып. 16. Ташкент, 1981. С.96-113.
- Мирзаахмедов Д.К.** К изучению исторической топографии Бухары района мавзолея Саманидов // Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 221-237.
- Мирзаахмедов Д.К.** Мечеть Магоки-Курпа в Бухара // Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 138-151.
- Мирзаахмедов Д.К.** Глазурованная керамика Ташкента конца XV-XVI вв. // Вып. 26. Ташкент, 1987. С. 113-118.
- Мирзаахмедов Д.К.** Еще раз к вопросу о керамике с зеленой поливой из Пайкенда // Вып. 29. Самарканд, 1998. С. 113-118.
- Мирзаахмедов Д.К.** Новые находки люстровой керамики из Бухары // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.298-304.
- Мирзаахмедов Д.К.** Глазурованная керамика Ташкента второй пол. XIX – нач. XX вв. // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 244-253.
- Мирзаахмедов Д.К., Ахраров И.** Керамика Риштанского типа из Бухары второй половины XIX в. // Вып. 16. Ташкент, 1981. С. 114-125.
- Мирзаахмедов Д.К., Ахраров И.А.** Привозная европейская посуда по материалам бухарских комплексов второй половины XVIII- середины XIX в. // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 173-177.
- Мирзаахмедов Д.К., Ильясова С., Адылов Ш.Т.** Средневековое стекло и керамика Бинката-Ташкента IX-XI вв. Раздел 1. Стекланные изделия // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 237-245.
- Мирзалиев Г.А.** Неглазурованная керамика XII – начала XIII в. с городища Эски-Ахси // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 153-162.
- Мирзалиев Г.А.** Терракотовые очажки Эски Ахси // Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 88-92.
- Мирзалиев Г.А.** Об одной группе кухонной посуды Ахсикета // Вып.25.Ташкент,1991.С.183-188
- Мирсаатов Т.** Изучение техники изготовления и функций учтутских орудий // Вып. 9. Ташкент, 1972. С.29-39.
- Мирсаатов Т.** О технике изготовления и функциональном назначении костяных и роговых орудий Учтута // Вып. 12. Ташкент, 1975. С. 68-71.
- Мирсаатов Т., Кабиров Д.** Экспериментальное изучение техники нанесения петроглифов в ущелье Сармичая // Вып.11. Ташкент, 1974. С.45-50.
- Мирсаатов Т., Широков Т.** Функциональный анализ некоторых каменных изделий из Сапалитепа // Вып. 11.Ташкент, 1974. С. 61-70.
- Мукминова Р.Г.** К истории производства самаркандской бумаги в XVI в. // Вып. 5. Ташкент, 1964. С.155-160.
- Мусакаева М.** Монеты Гиркода // Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 76-87.
- Мустафакулов С.И.** Анализ палеоантропологических материалов эпохи бронзы из Бустана VII // Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 28-33.
- Мустафакулов С.И.** Население Бактрии-Тохаристана в эпоху античности // Вып. 29. Самарканд, 1998. С.47-57.

- Мустафакулов С.И.** К антропологическому изучению городского населения Шахрухии // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 258-261.
- Мустафакулов С.И.** Население Тохаристана в эпоху раннего средневековья // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 303-308.
- Мустафакулов С.И.** Население Сурхандарьи в эпоху позднего средневековья // Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 201-205.
- Мустафакулов С.И., Халилов Х.** Палеоантропологические материалы эпохи бронзы из могильника и поселения Шерабадского оазиса // Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 214-221.
- Мустафакулов С.И., Ходжайов Т.К.** Краниологические материалы эпохи античности из Бактрии-Тохаристана // Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 186-192.
- Мухамеджанов А.Р.** К изучению древнего русла Махандарьи // Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 46-56.
- Мухамеджанов А.Р.** Водоизмерительные сосуды // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 109-115.
- Мухамеджанов А.Р.** Изучение древнего водохранилища Гиштбанд в Джоме // Вып. 7. Ташкент, 1966. С. 162-168.
- Мухамеджанов А.Р.** Средневековые мосты-водоизмерители на Зарафшане // Вып. 8. Ташкент, 1969. С. 124-136.
- Мухамеджанов А.Р.** Даргомская плотина и крепость в Раватходже // Вып. 9. Ташкент, 1969. С. 108-114.
- Мухамеджанов А.Р.** О землях древнего орошения Бухары // Вып. 12. Ташкент, 1975. С. 155-169.
- Мухамеджанов А.Р.** Стратиграфический раскоп на цитадели Бухары // Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 57-64.
- Мухамеджанов А.Р., Камбариддинов Р.К.** Редкие находки древнейших животных Узбекистана // Вып. 8. Ташкент, 1969. С. 52-55.
- Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т.** Керамика нижних слоёв Бухары. (Опыт предварительной периодизации) // Вып. 17. Ташкент, 1982. С. 81-97.
- Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т.** Новые данные к истории городища Пайкенд (по материалам раскопок 1981 г.) // Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 95-107.
- Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т.** К изучению исторической топографии и фортификации Бухары // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 98-113.
- Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д., Некрасова Е.** К вопросу о некоторых настольных играх средневековой Бухары // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 193-199.
- Мухамеджанов А.Р., Семенов Г.Л.** Исследование городских стен Пайкенда (результаты работ 1981 г. на шахристане II) // Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 130-152.
- Мухамеджанов А.Р., Семенов Г.Л.** Химическая лаборатория в Пайкенде (работы на «центральной» раскопе в Пайкенде в 1982-1983 гг.) // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 210-220.
- Мухамедов Х.** Новые участки Канпир-девора древнего Согда // Вып. 9. Ташкент, 1972. С. 131-136.
- Насретдинов Х.К.** Разведка следов каменного века в Бостандыкском районе в 1959 г. // Вып. 4. Ташкент, 1963. С. 46-50.
- Насретдинов Х.К.** Грот Обирахмат // Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 21-27.
- Некоторые итоги археологических работ Академии наук УзССР в 1966 г.** // Вып. 8. Ташкент, 1969. С. 8-10.
- Некрасова Е.** Комплекс Дахма-и-Шахан в ансамбле Баха ад-Дина (Дахма Падшах-Биби) // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 256-261.
- Немцева Н.Б.** Исследования в «западном коридоре» архитектурного ансамбля Шахи-Зинда // Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 123-138.
- Немцева Н.Б.** Раскопки на территории мавзолея «Безымянный № 2» в комплексе Шахи-Зинда // Вып. 7. Ташкент, 1966. С. 151-161.
- Немцева Н.Б.** Царская крепость в бухарской степи. (Рабат-и Малик, XI-XII в.) // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 227-212.
- Немцева Н.Б., Дресвянская Г.Я.** Памятники Заамина и его округа (к археологической карте Северной Уструшаны) // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 221-229.
- Немцева Н.Б., Сапаров Н.Ж.** Банный комплекс Рабат-и Малика // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 213-248.
- Нефедов Н.Ю.** Жилая застройка Еркургана // Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 136-147.
- Нефедов Н.Ю.** Пригородный жилой комплекс городища Еркурган // Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 219-224.
- Нефедов Н.Ю.** Некоторые итоги раскопок дворцового комплекса Еркургана // Вып. 24. Ташкент, 1990. С. 107-116.
- Нильсен В.А.** Кызыл-Кыр (Результаты раскопок 1955 г.) // Вып. 1. Ташкент, 1959. С. 60-78.
- Нильсен В.А.** Некоторые сырцовые купольные постройки на юге долины Сурхандарьи // Вып. 3. Ташкент, 1962. С. 101-122.
- Нильсен В.А.** Тешиктепе близ Ангора // Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 57-66.
- Нильсен В.А.** К вопросу о назначении согдийского здания около Кафыр-кала под Самаркандом // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 116-123.
- Обельченко О.В.** Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса // Вып. 1. Ташкент, 1959. С. 94-108.

- Обельченко О.В.** Лявандакский могильник // Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 97-176.
- Обельченко О.В.** Могильник Акджартепе // Вып. 3. Ташкент, 1962. С. 57-70.
- Обельченко О.В.** Курганы около селения Хазара // Вып. 4. Ташкент, 1963. С. 57-65.
- Обельченко О.В.** К изучению курганных погребений в Средней Азии // Вып. 5. Ташкент, 1964. С.213-232.
- Обельченко О.В.** Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 185-200.
- Обельченко О.В.** Сазаганские курганы // Вып. 7. Ташкент, 1966. С. 66-81.
- Обельченко О.В.** Миранкульские курганы // Вып. 8. Ташкент, 1969. С. 80-90.
- Обельченко О.В.** Агалыксайские курганы // Вып. 9. Ташкент, 1969. С. 56-72.
- Окладников А.П.** Краткий отчет о раскопках Ходжакентской пещеры в 1958 г. // Вып. 4. Ташкент, 1963. С. 23-30.
- Окладников А.П., Касымов М.Р., Конопля П.Т.** Капчигайская палеолитическая мастерская // Вып. 5. Ташкент, 1964. С.5-11.
- Окладников А.П., Исламов О.И.** Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу-2) // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.51-60.
- Олег Михайлович Ростовцев** (К 75-летию со дня рождения) // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.236-237.
- Оманжулов Т.** Новая пещерная стоянка мустьерского времени в Узбекистане // Вып. 17. Ташкент, 1982. С. 11-15.
- Омельченко А.В.** К вопросу о технике домостроительства Средней Азии в эллинистический период (по материалам поселений долины Кашкадарьи) // Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 62-68.
- Павчинская Л.В., Ростовцев О.М.** Осуарии из Сарытепе // Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 91-101.
- Палеоботанические, палеоэкологические и хроностратиграфические исследования раннего антропогена Южной Ферганы** // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 17-19.
- Памяти Валерия Ивановича Набокова** // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 265-267.
- Памяти ученого** // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.309-310.
- Папахристу О.А.** Сырье для черной тигельной металлургии Ахсикента (городище Эски Ахси) // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.149-154.
- Папахристу О.А.** К вопросу о функциональном назначении двух печей из Эски Ахсы (Ахсикет) в Фергане // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.274-285.
- Папахристу О.А.** Семантика орнамента и функциональное назначение флаговидного хума XI в. из поселения Мык в горной Уструшане // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 218-227.
- Папахристу О.А., Ахраров И.** Стекло из раскопа в арке до монгольского городища Ахсикент // Вып. 16. Ташкент, 1981. С. 88-95.
- Папахристу О.А., Баратова Л.С.** Керамика из стратиграфического раскопа № 9 городища Эски Ахси (Ахсикет)//Вып.24.Ташкент,1990.С.158-172.
- Папахристу О.А., Терехова Н.Н., Тихонин М.Р.** Клад железных предметов из Шахджувара (Узбекистан)//Вып.29.Самарканд,1998.С.145-150
- Пардаев А.Х.** XV-XVI аср езма манбаларида Жиззах // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 251-255.
- Пардаев А.Х.** Жиззахнинг сўнги ўрта аср тарихий географиясига оид дастлабки мулоҳазалар (езма манбалар ва археологик маълумотлар асосида) // Вып.33. Ташкент, 2002. С.262-268.
- Пардаев М.** Археологические работы на Расулбайкултепа // Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 108-113.
- Пардаев М.Х.** Шимоли-Ғарбий Уструшона кишлок курилиши меъморчилигининг илк ўрта асрлардаги айрим хусусиятлари // Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 142-148.
- Пардаев М.** Жиззах воҳасининг VII-VIII асрлардаги кулоллик идишлари // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.145-151.
- Пардаев М.Х.** Қалиятепа шаҳар ёдгорлик ва унинг стратиграфиясига доир айрим мулоҳазалар // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.119-130.
- Пардаев М.Х.** Комилбототепа қалъаси // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.133-142.
- Пардаев М.Х.** Қадимги Жиззах воҳасида ўрток дехқонлар ва кўчманчи чорвадорлар маданияти // Вып.33. Ташкент, 2002. С.146-153.
- Пардаев М.Х., Пардаев А.Х.** Жиззах воҳасининг IV-VI асрлардаги кулоллик идишлари // Вып. 29, Самарканд, 1998. С.58-69.
- Пардаев М.Х., Суюнов С.С., Пардаев А.Х.** Шимолий-ғарбий Уструшонада суғорма дехқончилик хўжалигининг пайдо бўлиши ва тараққиёт босқичлари // Вып.30. Самарканд,1999.С.226-236.
- Парфенов Г.В.** Следы древнейших культур на городище Айртам // Вып.2. Ташкент,1961.С.61-71
- Парфенов Г.В.** Следы каменного века в северных окрестностях Ширабада // Вып. 5. Ташкент, 1964. С.37-42.
- Пачос М.** Две находки из Афрасиаба // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.143-145.
- Пестряков А.П., Мухамеджанов Т.Р.** Исследования некоторых параметров черепной коробки краниологической серии из средневекового Несефа (Южный Согд) // Вып. 21. Ташкент, 1987. С.171-176.
- Пидаев Ш.Р.** Раскопки жилого комплекса в северо-западной части городища Зартепа // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.34-44.

- Пидаев Ш.Р.** Археологические работы на юго-восточном холме Зартепа // Вып. 24. Ташкент, 1990. С. 50-59.
- Пидаев Ш.Р.** Сероглиняная керамика Мирзакултепа // Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 88-98.
- Пидаев Ш.Р.** К вопросу о локализации Александра на Оксе // Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 46-59.
- Пидаев Ш.Р.** Кухонная посуда Термеза XII- начала XIII вв. // Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 149-161.
- Пидаев Ш.Р.** К вопросу о появлении образа Будды в коропластике Бактрии // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 133-137.
- Пидаев Ш.Р.** Штампованная керамика средневекового Термеза // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 188-205.
- Пидаев Ш.Р.** Осветительные приборы средневекового Термеза // Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 214-221.
- Пугаченкова Г.А.** Шортепе // Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 21-45.
- Пугаченкова Г.А.** Культовые курительницы Северной Бактрии // Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 98-111
- Пугаченкова Г.А.** Интерпретация одного из персонажей на Биянайманском оссуарии // Вып. 27. Самарканд, 1996. С. 41-52.
- Пугаченкова Г.А.** Шахнаме, как источник к познанию доисламской материальной и художественной культуры Ирана и Турана // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 198-212.
- Пугаченкова Г.А.** Ещё об Ишратхане // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 240-243.
- Пырин В.А.** Предварительные результаты изучения квартала металлостов Еркургана // Вып. 24. Ташкент, 1990. С. 121-126.
- Раимкулов А.А.** Своеобразный культовый комплекс южного Согда // Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 110-116.
- Раимкулов А.А.** Корхона – Ўрта Осиедаги қадимий насронийлар черков – монастыри // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 213-222.
- Раимкулов А.А.** Христианские погребальные цилиндры из Коштепа Нахшабского // Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 147-149.
- Раимкулов А.А.** О трех неизвестных типах христианских культовых сооружений Средней Азии // Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 222-231.
- Раимкулов А.А., Иванов Г.П.** Нателный крест с городища Кува // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 160-161.
- Рахимбабаева Н.Х.** Работы 1978-1980 гг. близ мечети Афрасиаба // Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 192-200.
- Рахимов К.** Бронза даври – Жарқўтон учоклари // Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 70-76.
- Рахимов С.** Памятник андроновской культуры – Каменка II // Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 61-70.
- Рахманов У.** Хозяйственные помещения за пределами крепости Сапаллитепа // Вып. 13. Ташкент, 1977. С. 22-32.
- Рахмонов У.В.** Раскопки керамических горнов культуры Сапалли на Бустане 4 // Вып. 15. Ташкент, 1979. С. 35-43.
- Рахмонов У.В.** Зооморфные изображения на керамике памятника эпохи бронзы Бустан 4 // Вып. 16. Ташкент, 1981. С. 27-30.
- Рахмонов У.В.** Об орнаментации керамики с поселения Джаркутан // Вып. 17. Ташкент, 1982. С. 15-18.
- Рахмонов У.** Керамическое орудие труда эпохи бронзы с поселения Джаркутан // Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 18-20.
- Рахмонов У.В., Пидаев Ш.Р.** Раскопки каравансарая в Рабаде средневекового Термеза // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 60-69.
- Рахмонов Ш.А.** Терракотовые статуэтки – свистульки с городища Старый Термез // Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 188-191.
- Рахмонов Ш.А.** Исследование на городище Кулаглитепа в Ангорском районе Сурхандарьинской области // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 36-41.
- Рахмонов Ш.А.** Кўхна Термиз шахристони мудофаа деворлари // Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 60-72.
- Рахмонов Ш.А.** Хотамтой қалъаси // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 219-226.
- Реутова М.А.** Живопись Зартепа // Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 193-197.
- Реутова М.А.** Некоторые результаты исследования реакции полиуретанообразования в лессовых объектах // Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 211-214.
- Реутова М.А.** Реставрация предметов из археологического камыша // Вып. 27. Самарканд, 1996. С. 204-207.
- Реутова М.А.** Некоторые результаты химико-технологического изучения монументальной живописи Афрасиаба XII в. // Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 232-235.
- Реутова М.А., Абдуразаков А.А.** Консервация монументальной живописи и алтаря из городища Афрасиаб // Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 184-190.
- Реутова М.А., Ахадова Г.** Реставрация фрагментов лессовой скульптуры из буддийского культурного комплекса Каратепа // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 299-302.
- Реутова М.А., Ильхамов Ш.** Применение реакции полиуретанообразования для консервации лессовых объектов // Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 189-192.
- Реутова М.А., Ильхамов Ш., Абдуразаков А.А.** Реставрация древних игральные фишек из Бухары // Вып. 16. Ташкент, 1981. С. 131-133.

- Реутова М.А., Тихонин М.Р.** Резная глина Шахджувара // Вып.32. Ташкент, 2001. С.187-194.
- Ростовцев О.М.** Изучение сельских поселений Самаркандского Согда // Вып. 12. Ташкент, 1975. С.98-102.
- Ростовцев О.М., Вафаев Г.А., Иваницкий И.Д.** Археологические исследования в долине Тусун-сая Самаркандской области // Вып. 18. Ташкент, 1983. С.248-261.
- Ртвеладзе Э.В.** Обнаружение средневекового селения Навандак в области Саганиан // Вып. 14. Ташкент, 1978. С.114-119.
- Ртвеладзе Э.В.** К характеристике раннесредневековых памятников Чаганиана // Вып. 17. Ташкент, 1982. С.102-106.
- Ртвеладзе Э.В.** Новые археологические данные к истории городища Будрач // Вып. 18. Ташкент, 1983. С.173-187.
- Ртвеладзе Э.В.** Астилогана – Астогана // Вып. 19. Ташкент, 1984. С.81-84.
- Ртвеладзе Э.В.** Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана // Вып.21.Ташкент,1987.С.56-66
- Ртвеладзе Э.В.** Газаба–Гозбон // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.104-109.
- Ртвеладзе Э.В.** Парфия и Юечжийская Бактрия (некоторые аспекты политической истории) // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.86-90.
- Ртвеладзе Э.В., Исхаков М.** Два средневековых чаганианских селения // Вып. 15. Ташкент, 1979. С.84-94.
- Рузанов В.** О некоторых древних оловорудных источниках на территории Узбекистана // Вып. 15. Ташкент, 1979. С.98-104.
- Рузанов В.Д.** О появлении древнейшего железа в памятниках Средней Азии // Вып. 18. Ташкент, 1983. С.38-48.
- Рузанов В.Д.** Древние сплавы Средней Азии // Вып. 21. Ташкент, 1987. С.192-203.
- Рузанов В.Д.** К вопросу о происхождении Чимбайлыкского клада // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.214-219.
- Рузанов В.Д.** Химический состав металла могильника Чакка//Вып.24.Ташкент,1990.С.214-220.
- Рузанов В.Д.** К вопросу об источниках металла Еркургана // Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 211-214.
- Рузанов В.Д.** Результаты спектроаналитических исследований металла памятников тазабагыбской культуры // Вып. 27. Самарканд, 1996. С.200-204.
- Рузанов В.Д.** К вопросу о хронологии металлического комплекса культуры Заманбаба // Вып. 29. Самарканд, 1998. С. 41-42.
- Рузанов В.Д.** К вопросу о истоках оловянистых бронз в металлообрабатывающих производствах племен юга Средней Азии в эпоху бронзы // Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 37-40.
- Рузанов В.Д.** Карнабское касситеритовое месторождение – источник олова эпохи бронзы // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.54-57.
- Рузанов В.Д.** Результаты спектро-аналитических исследований меди и бронз из квартала «металлистов», раскопов Р-4 и 15 городища Еркурган // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.52-56.
- Рузанов В.Д.** Некоторые сведения о источниках сырья Бактрийского металла и характера перехода примесей из руды в медь в процессе металлургической плавки // Вып.33.Ташкент,2002.С.61-64.
- Рузанов В.Д.** Морфолого-типологические и химико-металлургические особенности металлического инвентаря Чуста и Дальверзина (результаты сравнительного анализа) // Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 32-35.
- Рузанов В.Д., Буряков Ю.Ф.** Древние рудники и памятники металлургии в горах Кугинтау // Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 175-178.
- Рузанов В.Д., Лушпенко О.Н.** Некоторые результаты изучения химического состава металла Бургулюкской культуры // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.77-85.
- Саадиев М.** Фрагмент штампованного сосуда с зооморфным изображением из наслоений Афрасиаба // Вып.13. Ташкент, 1977. С.117-118.
- Саадиев М.** Новые данные о соборной мечети Афрасиаба // Вып.14. Ташкент, 1978. С.92-102.
- Сабиров К.** Новые данные о крепостных стенах кушанского городища Зартепа // Вып. 15. Ташкент, 1979. С.64-67.
- Сабиров К.** Новые материалы к изучению укреплений кушанского времени. Городище Хайрабадтепа // Вып.16. Ташкент, 1981. С.31-35.
- Сабиров К., Абдиримов К., Саъдуллаев Б.** Типология и динамика развития поселений и городов античного периода Хорезмского оазиса (по материалам археологических памятников Хорезмского вилоята) // Вып.34. Самарканд, 2004. С.88-92.
- Сагдуллаев А.Г.** Дорогами поиска и новых открытий // Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 20-22.
- Сайфуллаев Б.К.** Каменная индустрия среднепалеолитического местонахождения Кутурбулак (в свете новых исследований) // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.38-51.
- Сапаров Н.Ж.** Фрагменты лютровой керамики с зооморфными и растительными сюжетами из Рабат-и-Малик // Вып.32.Ташкент,2001.С.199-201
- Семенов Г.Л.** Структура согдийского города раннего средневековья // Вып. 29. Самарканд, 1996. С.96-108.
- Семенов С.А.** Неолитические кремневые разработки в Учтуте // Вып. 8, Ташкент. 1969, С.28-31.
- Смагулов Е.А.** Комплекс керамики из бадраба городища Эски-Туркестан // Вып. 26. Ташкент,

1992. С.155-167.
- Смагулов Е.А.** Находки импортных вещей в послемонгольском Отраре // Вып. 28. Самарканд, 1997. С.168-174.
- Смагулов Е.А.** Амулетные наборы из погребенных некрополя городища Коныртобе в Отрарском оазисе // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.90-100.
- Смагулов Е.А.** Катакомбный могильник Чоон-Капка 1 в долине р. Талас // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.93-108.
- Соколовская Л.Ф.** Новые данные о керамической мастерской квартала керамистов X-XI вв. на городище Афрасиаб // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.189-198.
- Соколовская Л.Ф.** К изображению рыб на средневековой керамике Афрасиаба VII-XIII вв. // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.164-169.
- Ставиский Б.Я.** Исторические сведения о верхней части Зерафшанской долины (До арабского завоевания) // Вып. 1. Ташкент, 1959. С.79-93.
- Столярова Н.П.** Керамические комплексы IX в. Кашкадарьинского оазиса // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.154-164.
- Сулейманов Р.Х.** Характер развития одной из локальных ветвей эволюции каменной индустрии // Вып. 7. Ташкент, 1966. С.19-27.
- Сулейманов Р.Х.** К методике классификации палеолитических индустрий // Вып. 11. Ташкент, 1974. С.22-28.
- Сулейманов Р.Х.** Результаты предварительного изучения городища Ромитан // Вып. 19. Ташкент, 1984. С.118-129.
- Сулейманов Р.Х., Глантз М., Шраубер А.Д., Бургер О.Ф., Циммерман Х.П.** Исследования пещер северных склонов Зарафшанского хребта в 2001 г. // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.6-10.
- Сулейманов Р.Х., Мирсаатов Т.М.** О показателе 1/m как критерии отличия нижнепалеолитической техники расщепления кремня от верхнепалеолитической // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.16-20.
- Сулейманов Р.Х., Нефедов Н.Ю.** Раскопки святилища храма городища Ер-Курган // Вып. 15. Ташкент, 1979. С.49-56.
- Сулейманов Р.Х., Нефедов Н.Ю.** Предварительные результаты раскопок дворца Еркургана // Вып. 17. Ташкент, 1982. С.47-51.
- Сулейманов Р.Х., Рузанов В.Д.** Химико-металлургическая характеристика меди и бронзы из городища Еркурган // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.197-205.
- Сулейманов Р.Х., Туребеков М.** Этапы развития фортификационной системы Еркургана // Вып. 14. Ташкент, 1978. С.60-65.
- Сулейманов Р.Х., Ураков Б.** Результаты предварительного исследования античного городища селения Рамиш // Вып.13.Ташкент, 1977. С.55-64.
- Сулюнов С.** Зомин вохасининг суғорилиш тарихидан // Вып.28. Самарканд, 1997. С.189-192.
- Сулюнов С.** Фориш вохасининг суғорилиши тарихидан // Вып.29. Самарканд, 1998. С.109-112.
- Ташкенбаев Н.Х.** Наскальные изображения Коронгурская и Сармыша // Вып. 7. Ташкент, 1966. С.36-39.
- Ташкенбаев Н.Х.** О морфологических признаках каракамышского палеолитического материала // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.11-15.
- Ташкенбаев Н.Х.** О некоторых проблемах палеолита (Кухисимская стоянка) // Вып. 9. Ташкент, 1972. С.11-15.
- Ташкенбаев Н.Х.** Новая мустьерская стоянка Кутурбулак // Вып. 10. Ташкент, 1973. С.24-26.
- Ташкенбаев Н.Х.** Об исследовании палеолитической стоянки Кутурбулак // Вып. 12. Ташкент, 1975. С.5-15.
- Ташкенбаев Н.Х.** О результатах исследования Ходжамазгильской верхнепалеолитической стоянки // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.3-9.
- Ташкенбаев Н.Х.** Некоторые данные по палеолиту Зарафшанской долины // Вып. 21. Ташкент, 1987. С.3-11.
- Ташкенбаев Н.Х.** О некоторых проблемах археологических памятников эпохи первобытности Самаркандского региона // Вып. 28. Самарканд, 1997. С.9-14.
- Тошкенбаев Н.Х.** Самарканд вилоятининг юкори палеолит ёдгорликларини ўрганиш муаммолари // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.15-18.
- Тошкенбаев Н.Х.** О некоторых проблемах эпохи мустье Самаркандского Согда // Вып.31. Самарканд, 2000. С.21-24.
- Ташкенбаев Н.Х.** К некоторым проблемам среднего палеолита центральноазиатского региона // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.29-34.
- Ташходжаев Ш.С.** К истории изучения средневековой поливной керамики Средней Азии // Вып. 11, Ташкент. 1974, С.93-109.
- Ташходжаев Ш.С.** Самаркандский жилой дом IX-X вв. // Вып.13. Ташкент, 1977. С.98-106.
- Тетюхин Г.Ф., Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х.** К геоморфологическому положению мустьерского местонахождения Кутурбулак // Вып. 14. Ташкент, 1978. С.13-18.
- Тихонин М.Р.** Новые данные о керамическом производстве в рабаде городища Канка // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.120-125.
- Тихонин М.Р.** К истории оборонительного комплекса городища Шахрухия // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.155-160.
- Тихонин М.Р.** Некоторые моменты из истории материальной культуры средневекового Шахджуvara // Вып.24. Ташкент, 1990. С.198-207.

- Тойчиев Х.А., Крахмаль К.А.** Проблемы стратиграфии четвертичного периода Узбекистана и пути их решения // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.11-13.
- Торежанова Н.** О некоторых типах серег средневековых памятников Хорезма // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.204-206.
- Туйчибоев Б.Б.** «Кадимий Уструшона» худуди тарихий топографияси муаммолари хусусида (мил. ол.VII - мил. эрнинг IV асрлари) // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.73-77.
- Тургунов Б.А.** Изучение Айртамского могильника // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.113-125.
- Туребеков М.** Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Калаи-Зохаки-Марон // Вып. 15. Ташкент, 1979. С.68-75.
- Туребеков М.** Раскопки бастиона внутренней крепостной стены Еркургана // Вып. 16. Ташкент, 1981. С.36-43.
- Туребеков М.** Цитадель Еркургана // Вып. 17. Ташкент, 1982. С.51-60.
- Узбекистонда археология фанини ривожлантириш концепцияси** // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.7-11.
- Ураков Б.** Керамические комплексы позднеантичных памятников Кызылкыр 1 и Сеталак 1 // Вып. 12. Ташкент, 1975. С.91-97.
- Усманова З.И.** К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш // Вып. 10, Ташкент. 1973, С.52-57.
- Усманова З.И.** К стратиграфии Пармонкултепа // Вып. 18. Ташкент, 1983. С.114-125.
- Усманова З.И.** Расписная керамика из Ахсикета // Вып. 19. Ташкент, 1984. С.214-220.
- Усманова З.И., Кабанов С.К.** К стратиграфии верхних (VIII-XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища // Вып. 12. Ташкент, 1975. С.103-120.
- Усманова З.И., Филянович М.И.** Алтари огня древнего Мерва // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.154-160.
- Усова Е., Буряков Ю.** Терракотовые поделки с городища Канка // Вып. 16. Ташкент, 1981. С.44-51.
- Федоров М.Н.** Уникальный серебряный динар Султана Санджара из Сурхандарьинской области // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.120-125.
- Федоров М.Н.** Клад караханидских дирхемов начала XI в. из Ташкента // Вып. 5. Ташкент, 1964. С.96-110.
- Федоров М.Н.** Мухаммад хорезмшах и чекан Самарканда в конце первого и во втором десятилетии XIII в. // Вып. 6, Ташкент. 1965, С.162-170.
- Федоров М.Н.** Очерк истории Караханидов второй четверти XI в. (по нумизматическим данным) // Вып. 7. Ташкент, 1966. С.134-150.
- Федоров М.Н.** Нумизматические данные к истории Саганиана первой половины XI в. // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.193-199.
- Федоров М.Н.** К вопросу о покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных странах (IX-XII вв.) // Вып. 9. Ташкент, 1972. С.89-97.
- Филянович М.И.** Две находки на Шаштепа в Ташкенте // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.45-50.
- Филянович М.И.** К интерпретации погребений в нижнем горизонте Шаштепа в Ташкенте // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.77-88.
- Филянович М.И.** О гончарном ремесле средневековой столицы Шаша // Вып. 26. Ташкент, 1992. С.147-155.
- Филянович М.И., Алимов У.** К обнаружению средневековой бани в Ташкенте // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.176-190.
- Филянович М.И., Дуке Х.** О древнейшем поселении на Шаштепе в Ташкенте // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.39-50.
- Фонарев С.В.** К планировке архитектурного комплекса на Каратепа // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.86-91.
- Халилов Х.** Материалы к остеологической характеристике населения Джаркутана эпохи бронзы // Вып. 15. Ташкент, 1979. С.95-97.
- Халилов Х.** Новые краниологические материалы эпохи бронзы из могильников Джаркутан и Бустан // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.178-183.
- Хасанов М.** Лепная керамика поселения Курганча // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.56-62.
- Хасанов М.Х.** Об одном раннеантичном сосуде из поселения Курганча // Вып. 26. Ташкент, 1992. С.41-46.
- Хасанов М.** К характеристике материальной культуры поселений Южного Согда IV-III вв. до н.э. // Вып. 27. Самарканд, 1996. С.29-35.
- Хасанов М.** Об одной греческой находке с городища Нуртепа // Вып. 29. Самарканд, 1998. С.43-46.
- Хмельницкий С.Г.** О мечетях "трехчастного" типа // Вып. 27. Самарканд, 1996. С.176-191.
- Хмельницкий С.Г.** Последний раз о медресе Ходжа Машад // Вып. 27. Самарканд, 1996. С.191-204.
- Хмельницкий С.Г.** Сомнения остаются (по поводу медресе 11 в. в Шахи Зинде) // Вып. 29. Самарканд, 1998. С.153-156.
- Хмельницкий С.Г.** Пенджикентская лебедка // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.135-140.
- Хмельницкий С.Г.** К вопросу классификации раннесредневековых замков Средней Азии // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.120-132.
- Хмельницкий С.Г.** Кой-Крылган-кала как источник сомнений // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.93-108.

- Ходжайов Т.К.** Об антропологических особенностях населения Бухарской области в эпоху развитого и позднего средневековья // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.231-236.
- Ходжайов Т.К., Мухамеджанов Т.Р., Манылов Ю.П., Абилов Ш.** Предварительные результаты археолого-антропологических исследований некрополя средневекового Несефа // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.183-186.
- Ходжайов Т.К., Некрасова Е.Г., Домолего В.Д.** Позднесредневековое городское население Бухары // Вып. 23. Ташкент, 1990. С.83-90.
- Ходжайов Т.К., Халилов Х.** Палеоантропологические материалы из могильника Джаркутан // Вып. 13. Ташкент, 1977. С.41-47.
- Ходжайов Т.К., Халилов Х.** Черепа эпохи бронзы из могильников Джаркутан и Бустан (раскопки 1975 г.) // Вып. 14. Ташкент, 1978. С.43-50.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К., Абилов Ш.Л.** Антропологический тип населения г. Андижана по данным краниологии // Вып. 23. Ташкент, 1990. С.90-95.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К., Усманова Е.Л., Мухамеджанов Т.Р.** Определение пола, плодovitости и возраста населения средневекового Сагарджа и Несефа // Вып. 20. Ташкент, 1986. С.186-193.
- Ходжайов Т.К., Ягодин В.Н.** Опыт палеодемографического изучения населения Миздахкана // Вып. 14. Ташкент, 1978. С.88-91.
- Ходжайова Г.К.** Одонтологические исследования древнего населения Средней Азии. Сообщение 1. Одонтологическая характеристика средневекового населения Бухары // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.221-230.
- Ходжайова Г.К., Молдавский М.И.** Материалы к палеопатологии Узбекистана // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.220-228.
- Холиков З.** Сурхон воҳасининг сўнги ўрта асрлардаги ички ва ташки савдо-карвон йўллари // Вып. 28. Самарканд, 1997. С.201-202.
- Холматов Н.У.** Мезолит низовьев Зарафшана // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.25-34.
- Холматов Н.У.** К хронологии кельтеминарских материалов староречий Зарафшана // Вып. 34. Самарканд, 2004. С.17-25.
- Хроника.** Полевые работы Узбекитанской археологической экспедиции в 1954-1955 гг. // Вып. 1. Ташкент, 1959. С.216-230.
- Хуан Ибаррече Дуке.** К 70-летию со дня рождения (биографический очерк) // Вып.30. Самарканд, 1999. С.7-10.
- Хужаназаров М.** Наскальные изображения Паракандасая // Вып. 18. Ташкент, 1983. С.165-172.
- Хужаназаров М.** Новые наскальные рисунки Бургансая // Вып. 19. Ташкент, 1984. С.28-31.
- Хужаназаров М.** Колесницы Каракияся // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.29-33.
- Хужаназаров М.** Наскальные изображения Обиширсая // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.16-22.
- Хужаназаров М.** Наскальные рисунки и реальная жизнь // Вып. 27. Самарканд, 1996. С.10-17.
- Хужаназаров М.** Вопросы периодизации и сюжетно-стилистического анализа наскальных рисунков Варзика // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.55-67.
- Хужаназаров М.** Древнейшие наскальные изображения Сармишсая // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.24-30.
- Хужаназаров М., Сайфуллаев Б.** Кук-Аяз – новый палеолитический памятник в Кызылкумах // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.9-16.
- Шайдуллаев Ш.** Новые данные о керамических комплексах периода Кучук III и Кучук VI (по материалам Талашкантепа I) // Вып. 23. Ташкент, 1975. С.42-46.
- Шарахимов Ш.Ш.** К истории изучения гончарного дела на Афрасиабе // Вып. 13. Ташкент, 1977. С.107-116.
- Шарипова Л.Х.** Новые находки каменных орудий в Бухарской области // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.72-75.
- Шацкий Г.В.** Охота и domestikация по наскальным изображениям Чадаксай // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.76-91.
- Шацкий Г.В.** Редкие сюжеты на петроглифах Охны // Вып. 7. Ташкент, 1966. С.40-42.
- Шваб Ю.З.** К истории сложения северной группы ансамбля Шахи-Зинда // Вып. 5. Ташкент, 1964. С.139-154.
- Ширинов Т.Ш.** Каменные ядра Сапаллитепа-ганы. // Вып. 13. Ташкент, 1977. С.13-21.
- Ширинов Т.Ш.** Алтари огня из храма Джаркутана - памятника эпохи развитой бронзы юга Узбекистана // Вып. 23. Ташкент, 1990. С.69-79.
- Ширинов Т.Ш.** «Винодельня» Джаркутана – памятник эпохи бронзы юга Узбекистана // Вып. 24. Ташкент, 1990. С.18-28.
- Ширинов Т.Ш.** Средняя Азия во II тысячелетии до нашей эры и протозороастризм // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.35-48.
- Ширинов Т.Ш., Пардаев М.Х., Мирзаахмедов Д.К.** Академик Я.Ф. Фуломовнинг ҳаёт йўли ва илмий мероси // Вып.29. Самарканд, 1998. С.3-11.
- Ширинов Т.Ш., Шайдуллаев Ш.** К вопросу о хронологической периодизации Кучуктепа // Вып. 22. Ташкент, 1988. С.13-26.
- Шишкин В.А.** Узбекитанская археологическая экспедиция АН Уз ССР (полевые работы 1956-1959 гг.) // Вып. 2. Ташкент, 1961. С.18-50.
- Шишкин В.А.** Полевые работы Узбекитанской археологической экспедиции в 1960 г. // Вып. 3.

Ташкент, 1962. С.5-18.

Шишкин В.А. Узбекистанская археологическая экспедиция 1961 г. (Предварительное сообщение о полевых работах экспедиции) // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.5-22.

Шишкин В.А. Василий Лаврентьевич Вяткин (К тридцатилетию со дня смерти) // Вып. 4. Ташкент, 1963. С.144-151.

Шишкин В.А. Фирман 1541 г. на портале большой соборной мечети Бухары // Вып. 5. Ташкент, 1964. С.161-167.

Шишкин В.А. Сорок лет советской археологии в Узбекистане (1924-1964) // Вып. 7. Ташкент, 1966. С.5-18.

Шишкин В.А. Gregoire Frumkin. Archeologie sovietique en Asie//Вып.2.Ташкент,1961.С.317-319

Шишкин В.А. З.П. Майсурадзе. Керамика Афрасиаба // Вып.2. Ташкент, 1961. С.319-320.

Шишкина Г.В. Раннесредневековая усадьба под Самаркандом // Вып.2.Ташкент,1961. С.192-222.

Шишкина Г.В. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкенда // Вып. 4. Ташкент, 1963. С. 87-109.

Шишкина Г.В. Клад медных монет с Афрасиаба // Вып. 5. Ташкент, 1964. С.111-122.

Шишкина Г.В. О датировке некоторых терракот Афрасиаба // Вып.6.Ташкент,1965.С.180-184.

Шишкина Г.В., Анарбаев А.А., Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н., Кириллова О.В. Опыт исследования межквартальных участков городища Афросиаб методом бурения // Вып. 32. Ташкент, 2001. С.218-238.

Шпенёва Л.Ю. Медные монеты Андижана и Ташкента XV-начала XVI в. // Вып. 25. Ташкент, 1991. С.207-211.

Юнусов Т.М. Антропологические материалы из Ниёзбошитепе // Вып.10. Ташкент, 1973.С.66-68.

Ягодин В.Н. Курганный могильник Джиделибулак-1 на Устюрте // Вып. 30. Самарканд, 1999. С.110-122.

Яхья Гулямович Гулямов // Вып. 8. Ташкент, 1969. С.3-7.

Alimov K.A., Boroffka N., Burjakov Ju.F., Cierny J., Lutz J., Parzinger H., Pernicka E., Ruzanov V., Shirinov T.Sh. and Weisgerber G. Research at Karnab, Uzbekistan. Preliminary notes from the 1997 campaign // Вып.30.Самарканд,1999.С.80-87.

Alimov K.A., Boroffka N., Burjakov Ju.F., Cierny J., Lutz J., Parzinger H., Antonini Chiara Silvi. Uch Kulakh an early medieval fort in the Bukhara oasis // Вып. 32, Ташкент. 2001, С.115-119.

Dietrich Huff. Djarkutan Archaeological Research on Tepe VI // Вып. 31. Самарканд, 2000. С.58-69.

Dietrich Huff. A Hippokamp from Kampirtepe // Вып. 33. Ташкент, 2002. С.81-84.

Pernicka E., Ruzanov V., Shirinov T., Weisgerber G. Research at Karnab, Uzbekistan. Preliminary notes from the 1997 campaign // Вып. 30, Ташкент. 1999, С.80-87.

Szymezak K., Khudzhanazarov M., Fontugne M., Muchiak R. 14C Dating of Aykagytm the site, neolithic settlement in south-eastern Kyzyl-Kums, Uzbekistan // Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 26-31.

СОДЕРЖАНИЕ

Мирвахид Разикович Касымов	7
Н.Х. Тошкенбаев. Ватанимиз тош асри археологиясининг намоёндаларидан бири хакида хотира	12
У.И. Исламов, К.А. Крахмаль, Б.А. Ирмухаммедов, Д.Х. Расулова. Палеэкологические особенности антропогенеза Узбекистана	14
А.И. Кривошапкин, К.И. Милютин, И.С. Новиков, У.И. Исламов, А.Г. Мухаммадиев. Новые верхнепалеолитические стоянки в бассейне реки Пальтау (Республика Узбекистан)	19
Н.У. Холматов. Коратепа тош даври жамоатлари моддий маданияти (урта Зарафшон вохаси)	24
Б.К. Сайфуллаев, Н.О. Хушвактов, И.М. Курбанбаев. О позднем палеолите Узбекистана (по результатам новых технико-типологических исследований верхних I-III слоев Кульбулака.	40
К. Каниут. Металлургия сапаллинской культуры	45
М. Хасанов. О двух бронзовых изделиях из селения Гилон Шахрисябзского района	63
М. Исамиддинов, Н. Алмазова, К. Рапен. Каменные орудия из Коктепа	69
В.Д. Рузанов, А.А. Анарбаев, М.А. Реутова. Химико-металлургическая характеристика металла Бричмуллинского клада	79
К. Абдуллаев. Об одном македонском обычае в costume Средней Азии	83
К. Рагэн, Э. Бо, Ф. Грене, Ш. Рахманов. Исследования в районе «Железных ворот»: краткое состояние проблемы в 2005 г.	91
C. Rapin, A. Baud, F. Grenet, Sh.A. Rakhmanov. Les recherches sur la region des Portes de Fer de Sogdiane: bref etat des questions en 2005	102
Л.М. Сверчков. История изучения древних выработок Узбекистана (краткий обзор)	113
Б.М. Абдуллаев. К истории античной фортификации Ферганы	130
А.Э. Бердимуратов, Б. Ронделли. Материалы к археологической карте левобережья Зарафшана	138
Б.Х. Матбобоев. Фарғона водийси аҳолисининг илк ўрта асрлар даври диний қарашларини дафн маросимларида акс этиши (Мунчоктепа мисолида)	156
М.И. Ниязова. Общие тенденции развития ювелирного дела Бухары в древности и средневековье	163
Ш.Р. Пидаев, Л.С. Баратова. К истории денежного обращения раннесредневекового Термеза	172
Г.И. Богомоллов. К изучению оссуарного обряда Чача	183
Г. Бабаяров, А. Кубатин. К монетам чачских правителей-тегинов	194
Т.К. Ходжайов, А.В. Громов. Палеодемография населения афригидской и кердерской культур дельты Амударьи	199

Т.К. Ходжайов, С.И. Мустафакулов, Б.Х. Матбабаев. Предварительные результаты изучения населения Ферганы в раннее средневековье (по материалам могильника Мунчактепа)	205
А.Х. Атаходжаев. Уровень денежного обращения в сфере меди в Средней Азии в VIII-X вв. как показатель экономического развития	216
А.А. Анарбаев. Средневековое жилище Ахсикента (XI-XII вв.)	220
М.Х. Пардаев, С.С. Суюнов. Қадимги Жиззах воҳасининг айрим сунъий суғориш тармоқларини археологик ёдгорликлар асосида ўрганиш	230
Б.А. Байтанаев. Раскопки в рабаде средневекового Испиджаба	233
С.Р. Ильясова. Новые материалы по глазурованной керамике Ташкента	239
А.А. Грицина. Раскопки караван-сарая Турткультепе	245
Ш.С. Камолиддин. Новые данные о крепостных сооружениях средневекового Самарканда	256
А.А. Раимкулов, Г. Хидирова. Насаф-Қарши ўрта асрларда	260
Р.Х. Сулейманов, Ю.Ф. Буряков, О. Муминов. Раскопки средневекового Насафа	271
Е.И. Баданова, А.Э. Бердимуратов. Новые находки керамики XII-XIII вв. из Ургутского района	276
Ш.Т. Адылов. Из истории горных промыслов и металлургии Бухары	280
Е.И. Баданова. Покровные ткани из погребения Тимура и вопросы их происхождения	283
Н.Б. Немцева. К вопросу водоснабжения юга Афрасиаба (по материалам Шахи-Зинды)	289
Д.К. Мирзаахмедов, У. Алимов. Новые находки позднесредневековой поливной керамики из Шахрухии	294
М.М. Мамбетуллаев. Поселение Киятабад - новый раннеантичный памятник в Каракалпакстане	301
В.Д. Рузанов. О химическом составе двух металлических наручных браслетов Сурхандарьинской области	307
В.Д. Рузанов. Новые данные о топорах-кельтах Северного Узбекистана	309
Г. Бабаяров, А. Кубатин. К новой интерпретации раннесредневековых монет Чача	311
Комил Адилевич Алимов	313
Х.Т. Анарбаева, З.А. Анарбаева. Библиография Истории Материальной Культуры Узбекистана	317

История материальной культуры Узбекистана
Выпуск 35

Рецензенты:
Академик АН РУз Э.В. Ртвеладзе
к.и.н. С.Р. Баратов

Печатается по решению бюро Самаркандского отделения АН РУз
и Ученого совета Института археологии АН РУз.

Редакторы:
А.А. Грицина, М.Х. Пардаев, Е.И. Баданова
Технический редактор:
Т.Х. Очиллов
Корректор:
В.Д. Рузанов
Набор:
М.В. Кондрикова, У. Вакилова

Издательство “ФАН” Академии Наук Республики Узбекистан
700047, г. Ташкент, ул. Я.Гуломова, 70

Сдано в набор 20.09.2006 г. Подписано к печати 21.12.2006
Заказ 175. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. лист. 30,43.
Бумага офисная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в Институте археологии АН РУз
г. Самарканд, ул. акад. В. Абдуллаева 3.

Издание осуществлено при поддержке Узбекско-Французской и
Узбекско-Итальянской археологических экспедиций